This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1996

БИБЛІОТЕКА
КУЗНЕЦКАГО
АЛЕКСѢЕВСКАГО
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

1996

БИБЛІОТЕКА
КУЗНЕЦКАГО
ЖЕНСКАГО
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

Библіотека
Кузнецкаго
Засѣдательскаго
Реальнаго училища

СБОРНИКЪ

БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
№

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

Составилъ **К. В. Елпатьевскій.**

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1908.

Библиотека
Кузнецкого
Земского Высшего
Реального Училища

СБОРНИКЪ

БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
№

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

Составилъ **К. В. Елпатьевскій.**

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1908.

БИБЛІОТЕКА
КУЗНЕЦКАГО
ЗАМКОВСКАГО
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

Урок.
Хрестом. № 2704
Elpat'evskiĭ, K. V.

СБОРНИКЪ

БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКОВЪ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

Составилъ **К. В. Елпатьевскій.**

Ч.З.

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л.
1908.

ЭКЧ
Е43

Учебныя книги по исторіи

К. В. Елпатьевскаго:

Учебникъ русской исторіи. 10-ое изданіе 1906 г. Цѣна 1 р. 40 к.

Подробный конспектъ учебнаго курса русской исторіи. Пособіе для учащихся. 2 изданіе 1907 г. Цѣна 50 к.

Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 2-ое изданіе 1904 г. Цѣна 1 р.

Сборникъ легендъ и стихотвореній изъ всеобщей исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Сборникъ бытовыхъ очерковъ изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

Заглавія статей въ Сборникѣ.

		стран.
1.	Жизнь и религія славянъ язычниковъ.—Елпатьевскій	1
2.	Пословицы, заговоры, загадки и примѣты.—«Хрестоматія по русской исторіи»—Аристовъ	18
3.	Нравственный характеръ древне-русскаго человѣка.—«Древняя Русь»—Соловьевъ	27
4.	Частная жизнь князя удѣльно-вѣчевой Руси.—«Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта»—Полевой	30
5.	Русская Правда.—«Сборникъ чтеній по русской исторіи»—Хрущовъ	38
6.	Посланія и поученія пастырей русской церкви XI и XII в.—Елпатьевскій	45
7.	Государственное значеніе православія.—«Мысли и замѣтки о русской исторіи»—Кавелинъ	58
8.	Древне-русскіе паломники.—Елпатьевскій	60
9.	Русь подъ владычествомъ татаръ въ XIII—XIV в.—«Родная Старина»—Свиновскій	67
10.	Слѣдствія татарскаго нашествія.—«О преподаваніи русской литературы»—Стоюнинъ	73
11.	Торговля, образованіе и грубость нравовъ въ XV—XVI в.—«Разсказы изъ русской исторіи»—Водовозовъ	79
12.	Грамотность на Руси въ концѣ XV столѣтія.—«Исторія Россіи»—Соловьевъ	89
13.	Внутреннее состояніе Россіи съ половины XV до начала XVII в. по разсказамъ иностранцевъ.—«Исторія государства Россійскаго»—Карамзинъ	90
14.	Изъ „Записокъ о Московіи"—Герберштейнъ	108
15.	Старинныя путешествія русскихъ людей.—«Разсказы изъ русской исторіи»—Водовозовъ	124
16.	Изъ „Судебника" Іоанна III	133
17.	Изъ „Судебника" царя Іоанна Васильевича	135
18.	О Судебникахъ Іоанна III и Іоанна IV.—«Разсказы изъ русской исторіи»—Водовозовъ	
19.	Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.—«Изъ нашей поэзіи»	

стран.

20. Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ. — «Изъ памятниковъ народной поэзіи» 145
21. Изъ „Домостроя" священника Сильвестра 149
22. Положеніе древне-русской женщины. — «Ксенія Ивановна Романова»—Хрущовъ 164
23. Стоглавъ.—«Родная Старина»—Сиповскій. 173
24. Начало книгопечатанія на Руси. — «О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси»—Хрущовъ 176
25. Крестьянская неволя.—«Разсказы про старое время на Руси»—Петрушевскій 182
26. Какой видъ представляло московское государство въ XVII вѣкѣ.—«Чтенія изъ русской исторіи»—Щебальскій . . . 186
27. О повседневной жизни Москвы въ XVII в. — «Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ»—Ключевскій 189
28. Московія и ея жители въ половинѣ XVII в. по Олеарію.—«Россія половины XVII в. по Олеарію»—Ильинскій . . . 194
29. Отзывъ Олеарія о русскихъ нравахъ XVII столѣтія.—«Изъ Исторической Хрестоматіи» Гуревича 202
30. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ.—«Изъ соч. Рушинскаго» 209
31. Нѣмецкая слобода.—«Московскіе люди XVII в.»—Карновичъ. 223
32. Областная раздробленность и единство русской земли.—Аксаковъ. 226
33. Царь-Государь.—«Народная Русь»—Коринфскій 231
34. Обрядъ Государевой жизни.—«Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в.»—Забѣлинъ. 239
35. Царское вѣнчаніе въ Россіи. — «Изъ историческаго очерка Бѣлозерской» 255
36. Обученіе царскихъ дѣтей въ древней Руси. — Изъ соч. Забѣлина 266
37. Изъ сочиненія Котошихина—„О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича" 274
38. Обстановка частной жизни въ московскомъ государствѣ.—«Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в.»—Костомаровъ 299
39. Старинная русская одежда.—«Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в.»—Костомаровъ . . 309
40. Празднованіе новаго года (1 сентября—Семенъ-день) въ старину.—«Сказанія русскаго народа»—Сахаровъ 315
41. Жизнь московскихъ бояръ во второй половинѣ XVII в.—«Изъ историческихъ очерковъ Шубинскаго и Суворина» 319
42. Обычай мѣстничества: „За родовую честь".—«Въ московскомъ царствѣ»—Солодовниковъ 326

		стран.
43.	Изъ „Соборнаго Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича.	334
44.	Соборное Уложеніе.—«Родная Старина»—Сиповскій . . .	340
45.	Городъ и деревня въ Московскомъ государствѣ.—«На поворотѣ»—Мезіеръ	344
46.	Школа и школьное обученіе въ древней Руси.—«Изъ прошлаго русской земли»—Князьковъ	347
47.	О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа.—Снегиревъ .	357
48.	Внутреннее состояніе русской земли во второй половинѣ XVII в.—«Русскіе замѣчательные люди»—Суворинъ. . .	361
49.	Основаніе Петербурга.—«На поворотѣ»—Мезіеръ	365
50.	Начало зрѣлищъ, баловъ, маскарадовъ и другихъ общественныхъ увеселеній въ Россіи.—«Старое житье»—Пыляевъ	377
51.	Ассамблеи при Петрѣ Великомъ.—«Историческіе очерки и разсказы»—Шубинскій	394
52.	Свадьба князя-папы.—Изъ дневника камеръ-юнкера Берхгольца.	399
53.	Частная жизнь русскихъ при Петрѣ I.—«Нравы русскихъ при Петрѣ Великомъ»—Корниловичъ	405
54.	Изъ книги Посошкова „О скудости и богатствѣ“—«Очерки исторіи русской литературы»—Карауловъ	410
55.	Былыя печальныя церемоніи при погребеніи царственныхъ особъ.—Пыляевъ	415
56.	Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Іоанновны.—«Историческіе очерки и разсказы»—Шубинскій . . .	420
57.	Положеніе крестьянъ въ половинѣ XVIII вѣка.—«Чтенія изъ русской исторіи»—Щебальскій.	429
58.	Пытка въ Россіи въ XVIII в.—«Русская Старина» 1873 г.	433
59.	Изъ „Наказа“ Екатерины II.	435
60.	О „Наказѣ“ Екатерины II.—«Курсъ исторіи русской литературы»—Орловъ.	440
61.	Школы и образованіе на Руси въ первой половинѣ XVIII в.—«Реформа общеобразовательной школы при Екатеринѣ II»—Довнаръ-Запольскій	442
62.	Оригиналъ-помѣщикъ XVIII в. В. В. Головинъ.—«Историческіе очерки и разсказы»—Шубинскій.	451
63.	Хозяйка-помѣщица XVIII в.—«Русская женщина XVIII столѣтія»—Михневичъ	456
64.	Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ, данный Потемкинымъ въ честь взятія Измаила.—«Старый Петербургъ»—Пыляевъ.	464
65.	Жизнь богатыхъ помѣщиковъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.—«Старое житье»—Пыляевъ.	468
66.	Изъ „Воспоминаній“ Вигеля: Годъ въ селѣ Казацкомъ.	472

БИБЛІОТЕКА
КУЗНЕЦКАГО
АЛЕКСѢЕВСКАГО
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

Жизнь и религія славянъ язычниковъ.

ы, русскіе, принадлежимъ къ великому славянскому народу,
й вмѣстѣ съ французами, нѣмцами, англичанами и другими
іскими народами составляетъ одно обширное индоевропейское
ійское племя, жившее нѣкогда въ глубокой древности въ
Азіи у верховьевъ рѣки Аму-Дарьи и оттуда въ разное
приходившее по частямъ въ Европу, которую оно населяетъ
нѣ. Приходя въ Европу въ разное время, поселившись въ
ь частяхъ ея, оно раздѣлилось на нѣсколько народовъ, ко-
вслѣдствіе того различаются одинъ отъ другого (какъ, на-
ъ, русскіе отъ французовъ, французы отъ нѣмцевъ и т. д.)
ктеромъ, и жизнію; но тѣмъ не менѣе ближайшее родство
казывается какъ сходствомъ ихъ нравовъ, обычаевъ и ре-
ю времена языческія, такъ и близостью ихъ языка. Славяне
раздѣлились на 3 группы—восточныхъ, западныхъ и южныхъ,
личныхъ одна отъ другой, но ближайшее родство которыхъ
можетъ легко замѣтить: прислушайтесь, напримѣръ, къ го-
ляка, серба, болгарина, и вашъ слухъ сразу различитъ родные
языку звуки, слова; присмотритесь къ жизни простонародья
вянскихъ земляхъ и вы найдете и тутъ большое сходство
нію нашихъ крестьянъ. Когда славяне пришли изъ Азіи въ
,—нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій, но во всякомъ случаѣ уже
колько вѣковъ до Рождества Христова, такъ какъ о нихъ
оворятъ еще древнегреческіе историки (напр., Геродотъ въ V в.
.). Сами славяне помнятъ себя со времени своего посел
егахъ Дуная, откуда съ V вѣка послѣ Рож
ило ихъ разселеніе въ разныя мѣстности
ь поселились на Балканскомъ полуостр
ная, славяне балтійскіе у береговъ Ба
или Лабѣ (почему они назывались

теперь они почти всѣ онѣмечены), поляки по Вислѣ и Одеру русскіе славяне въ западной части нынѣшней Россіи.

Разсказы западно-европейскихъ, византійскихъ и арабскихъ писателей, знавшихъ славянъ, извѣстія лѣтописныя, а также устныя преданія и пѣсни, сохранившіяся отъ временъ язычества, даютъ намъ понятія о жизни и религіи русскихъ славянъ язычниковъ. Славяне жили родовымъ бытомъ и дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ. Эти племена были слѣдующія: славяне ильменскіе, жившіе на берегахъ Ильменскаго озера, кривичи—по верховьямъ Западной Двины, Волги и Днѣпра, дреговичи—между Припетью и Западной Двиной, радимичи—на берегахъ Сожи, вятичи—на Окѣ, сѣверяне—на Деснѣ и Сеймѣ, древляне—на Припети, поляне—по среднему теченію Днѣпра, бужане—по Бугу, тиверцы и угличи—по Днѣстру и Пруту, бѣлохорваты—въ нынѣшней восточной Галиціи. Каждое такое мелкое племя, занимая извѣстное пространство земли, состояло изъ отдѣльныхъ родовъ, изъ которыхъ каждый жилъ особо и владѣлъ особою частью земли. Родъ состоялъ изъ нѣсколькихъ семей, родственныхъ между собой и управлявшихся однимъ родоначальникомъ (старшимъ въ родѣ), который носилъ у разныхъ славянъ разныя названія: старѣйшина, князь, жупанъ, владыка. Иногда послѣ смерти родоначальника выбирался на его мѣсто всѣми членами рода и не старшій въ родѣ, а достойнѣйшій, который управлялъ дѣлами всего рода, всѣми работами, творилъ судъ надъ родичами. Землей и имуществомъ весь родъ владѣлъ сообща. Несмотря на то, что каждый родъ жилъ отдѣльно на своей землѣ (что было возможно при малонаселенности и огромномъ количествѣ земель, занятыхъ славянами) и былъ даже въ постоянныхъ раздорахъ съ другими родами, однако часто отдѣльные роды одного племени собирались на общую сходку въ виду, напримѣръ, опасности, грозившей имъ всѣмъ отъ непріятеля. Такія сходки у славянъ назывались вѣчами (отъ слова вѣдать, вѣщать, говорить). На эти вѣча собирались всѣ члены рода, но право подавать голосъ имѣли только старшины, младшіе же члены рода принимали рѣшеніе старшинъ. Вслѣдствіе разногласія на этихъ вѣчахъ происходили постоянные раздоры, кончавшіеся тѣмъ, что сильнѣйшая сторона заставляла слабѣйшую силою принять свое мнѣніе. Жили славяне осѣдло. Занятіями ихъ были земледѣліе, скотоводство, охота, рыбная ловля, пчеловодство и мѣновая торговля съ сосѣдями. Жилищами ихъ были простыя деревянныя избы, находившіяся на далекомъ разстояніи одна отъ другой, такъ какъ роды славянскіе жили врозь. Въ виду

опасности, грозившей славянамъ отъ нападенія иноплеменниковъ или другихъ родовъ, жилища свои они строили въ мѣстахъ недоступныхъ: въ лѣсахъ, около болотъ и озеръ, со многими выходами, откуда можно было бы скрыться, да и имущество свое, даже хлѣбъ, они прятали въ землѣ. Были у славянъ и города, гдѣ нѣсколько родовъ селились вмѣстѣ для общей безопасности, представлявшіе собраніе такихъ же хижинъ, окруженныхъ валомъ или заборомъ (такъ у русскихъ до призванія варяжскихъ князей были города: Кіевъ, Новгородъ, Изборскъ и др.).

Славяне отличались высокимъ ростомъ, румянымъ лицомъ, русыми волосами и сѣрыми глазами; они были сильные и крѣпкіе, легко переносили и жаръ, и холодъ и всевозможные неудобства и недостатки. Питались они, кромѣ мяса животныхъ и рыбъ, просомъ, гречихой и молокомъ, питьемъ же у нихъ служилъ медъ. Для одежды употребляли, кромѣ полотнянаго платья, кожи животныхъ; когда же ходили на войну, то вооружались копьями, стрѣлами, намазанными ядомъ, дротиками и мечами, прикрываясь тяжелымъ щитомъ. Вся обстановка ихъ жизни, равно какъ и нравы отличались простотой; вообще миролюбивые, между собою они вели постоянныя войны. Отличаясь вообще добротой, на войнѣ съ врагами они были свирѣпы и жестоки, отплачивая за жестокое обращеніе съ ними самими. Не имѣя общаго начальника и враждуя другъ съ другомъ, славяне не любили правильныхъ сраженій и сражались вразсыпную въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ, обильныхъ всякими засадами; заманивая хитростью непріятеля въ лѣсъ, тамъ ему наносили пораженіе; отличались особеннымъ искусствомъ плавать и долго скрываться подъ водой, лежа на спинѣ и держа во рту тростникъ, верхушка котораго выходила на поверхность воды и доставляла имъ воздухъ. Обычай кровавой мести, по которому родственники убитаго мстили убійцѣ, служилъ у нихъ охраной безопасности и легко можетъ быть объясненъ отсутствіемъ письменныхъ законовъ, ограждающихъ жизнь человѣка. Враждуя съ сосѣдними родами, они были однако очень гостепріимны, и странникъ встрѣчалъ у нихъ всегда радушный пріемъ. Если у славянина нечѣмъ было угостить странника, то онъ могъ украсть у сосѣда для угощенія; хозяинъ за безопасность гостя отвѣчалъ своею жизнію передъ сосѣдями. Да какъ же имъ не быть гостепріимными, когда отъ гостя можно узнать, что дѣлается въ другихъ странахъ, когда гость можетъ о нихъ разнести худую или добрую славу, когда, наконецъ, сами боги покровительствуютъ странникамъ (по мнѣнію

славянъ), наказывая нерадушнаго хозяина; понятно послѣ этого, что славянинъ, даже уходя изъ дому, оставлялъ дверь открытой и приготовленную въ домѣ пищу для странника. Выше всего славянинъ цѣнилъ свободу, почему не любилъ и другихъ лишать ея, такъ что плѣнники у славянъ дѣлались свободными по истеченіи извѣстнаго срока и могли возвращаться домой или, если хотѣли, оставаться вольными среди славянъ; славяне сами занимались земледѣліемъ, жили просто, почему и не нуждались особенно въ услугахъ рабовъ. Рабъ былъ скорѣе домочадцемъ, младшимъ членомъ семьи у славянина, чѣмъ рабомъ въ полномъ смыслѣ этого слова (какъ то было, напримѣръ, у римлянъ).

Посмотримъ теперь на семейныя отношенія славянъ. Дѣти, какъ младшіе члены рода, повиновались отцу или родоначальнику, не имѣя даже права голоса на вѣчахъ. О положеніи женщины у славянъ, равно какъ и о семейныхъ ихъ отношеніяхъ лучше всего можно узнать изъ ихъ свадебныхъ обычаевъ, описанныхъ въ нашей лѣтописи, а также изъ свадебныхъ пѣсенъ, которыя сохранились понынѣ и поются нашимъ народомъ. Было три брачныхъ обычая: невѣсту похищали или умыкали, невѣсту покупали, бракъ заключался съ согласія жениха и невѣсты и ихъ родственниковъ. Такъ о древлянахъ лѣтописецъ разсказываетъ, что они жили „звѣринскимъ“ образомъ и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ, когда эти приходили на рѣку за водой; радимичи же, вятичи и сѣверяне тоже похищали себѣ женъ на игрищахъ, происходившихъ между селами, но съ ихъ согласія. Это похищеніе невѣстъ существовало у родовъ враждебныхъ другъ другу, почему за похищеніемъ слѣдовала открытая вражда между родами жениха и невѣсты, такъ какъ родъ невѣсты не хотѣлъ добровольно лишиться работницы и отдать ее въ чужой родъ тоже для работы. Конечно, для невѣсты, которую умыкали безъ ея согласія, такое похищеніе было очень страшно, и она съ ужасомъ думала о своей будущей жизни въ семьѣ нелюбимаго человѣка среди чуждой и враждебной ей родни мужа; вотъ почему въ свадебныхъ пѣсняхъ, относящихся ко времени умыканія, женихъ называется чужаниномъ, воромъ, злодѣемъ, а родные жениха называются медвѣдемъ съ медвѣдицей, шишицей колючей да крапивой жгучей, равно какъ и родня жениха заранѣе видитъ въ невѣстѣ медвѣдицу, неряху, непряху, вообще къ нимъ относящуюся недружелюбно. Вотъ для примѣра пѣсни, въ которыхъ говорится объ умыканіи невѣсты:

Мнѣ ночесь-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужъ я видѣла, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя
Лежитъ бѣлый горючъ камень,
На этомъ-то камешкѣ
Сидитъ орелъ-птица острая,
Въ когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой подъ высокою
Лѣса растутъ темные
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая...
Въ этомъ темномъ лѣсу
Ходитъ медвѣдь со медвѣдицей.
Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?..
Это гора-то высокая —
Чужа дальняя сторона;
Бѣлый-то камешекъ—
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ птица острая—
Чужой это чужанинъ...
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку—
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темные—
Чужи люди незнаемые;
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы.

* * *

Какъ пріѣдетъ Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой,

Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ ли все къ молодушкамъ.
Молодыя ли ужъ молодушки
Родились всѣ примѣтливы,
Всѣ примѣтливы, всѣ насмѣшливы.
Ступишь ли ногой—
Поглядятъ всѣ за тобой;
Махнешь ли рукой—
Засмѣются надъ тобой;
Молвишь ли словечко—
Передразнивать начнутъ;
Сядешь ли за столъ—
Всѣ куски во рту сочтутъ;
Станешь ли молчать—
Станутъ дурой величать.

* * *

Отдавали молоду
Въ чужедальню сторону,
Во чужую во семью,
Въ непокрытую избу:
Есть и свекоръ, и свекровь,
Есть и трое деверьевъ,
Три золовушки,
Да три тетушки...
Ужъ какъ свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу везутъ...
А свекровь-то говоритъ:
Людоѣдицу везутъ...
Деверья-то говорятъ:
Къ намъ непряху везутъ...
А золовки говорятъ:
Къ намъ неткаху везутъ...
Ужъ какъ тетушки стоятъ,
Все про то же говорятъ...

Иногда же похищеніе дѣлалось съ согласія дѣвушки, которая раньше познакомилась съ женихомъ на играхъ и сама такимъ образомъ захотѣла перейти хотя и въ чуждый родъ, но въ родъ

приглянувшагося ей молодца. Умыканіе вначалѣ сопровождалось междоусобной войной родовъ, но впослѣдствіи старшіе родичи стали находить небезвыгоднымъ для себя, уступивъ дѣвушку своего рода чужому, взамѣнъ ее получить лошадей, домашній скотъ, деньги; отсюда и произошелъ обычай купли невѣсты. Невѣстѣ при этомъ было не лучше, чѣмъ при умыканіи, такъ какъ родители ее продавали безъ ея согласія, по своей волѣ, и она въ домѣ мужа дѣлалась такой же рабой, какой была бы и въ случаѣ похищенія. Въ пѣсняхъ, относящихся къ куплѣ невѣсты, невѣста жалуется обыкновенно на своихъ родителей, на своихъ братьевъ, которые продали ее изъ-за личныхъ выгодъ:

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ.
Бояре (поѣздъ жениха) ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
— Торгуйся, торгуйся, братецъ,
Не отдавай меня дешево.
Проси за меня сто рублей,
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.

* * *

Братецъ, постарайся,
Братецъ, поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.
Брату мила сестра,
А золото милѣе...

Библіотека Кузнецкаго Алексѣевскаго Реальнаго Училища

На купленную жену мужъ смотрѣлъ какъ на вещь; онъ могъ купить себѣ и нѣсколько женъ, — отсюда обычай многоженства у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ.

Вотъ 2 пѣсни, въ которыхъ молодая женщина жалуется на свое тяжкое положеніе въ домѣ нелюбимаго ею мужа:

У свово-то родима батюшка,
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,

Середи-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крытомъ красномъ крылечикѣ
Я сходимымъ краснымъ солнышкомъ;
На чужой-то дальней сторонушкѣ
Я у свекра, у батюшки,
Я у свекровки, у матушки
Чесать стану васъ, русы волосы,
Во кутѣ (т.-е. въ углу) да за занавѣсой;
Мочить стану васъ, русы волосы,
Я своими да горючьми слезьми,
А сушить стану васъ, русы волосы,
Я своей тоской да кручинушкой!

* * *

Выдавала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити;
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ...
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
— Что это за баба, за старуха? —
„Я, вѣдь, не баба, я не старуха:
Я твое, матушка, милое чадо".
— Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?—
„Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ—румянцу не станетъ.

Бракъ по взаимному согласію былъ у племенъ болѣе осѣдлыхъ (напр., у полянъ по свидѣтельству лѣтописца), жившихъ въ городахъ, гдѣ роды были дружны другъ съ другомъ, такъ что бракъ еще болѣе скрѣплялъ эту дружбу. При этомъ родители давали за дочерью въ приданое часть наслѣдства, чтобы дочь могла лучше

жить въ чужомъ родѣ, въ который она переходитъ. Братьямъ невѣсты, конечно, не нравился обычай давать приданое, такъ какъ слѣдующая имъ часть наслѣдства отъ этого уменьшалась, поэтому они старались помѣшать браку; такъ, напр., въ свадебныхъ обрядахъ, теперь еще совершающихся по преданію, дружки жениха задариваютъ братьевъ невѣсты, чтобы они не противились браку и отдали сестру. При такомъ способѣ заключенія брака дѣвушка добровольно выходила за того, который ей нравился, почему и въ пѣсняхъ, относящихся къ этому виду брака, говорится, что дѣвушка съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда будетъ жить въ домѣ мужа, среди его родныхъ. У такихъ болѣе осѣдлыхъ племенъ дѣвушкѣ и въ домѣ родителей жилось очень хорошо, привольно, она пользовалась большой свободой, какъ, напр., объ этомъ можно заключить и изъ того, что она сама себѣ выбирала жениха. При такомъ бракѣ женихъ является не грознымъ покупщикомъ, а милымъ подаркомъ родителей; въ пѣсняхъ уже не невѣста жалуется на родителей, а родители жалуются на дочь, что она хочетъ оставить ихъ, и родители жениха даже дѣлаются ей теперь дороже ея родителей; къ этому обычаю брака относятся, напр., слѣдующія пѣсни:

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку...
Во весь путь, во всю дороженьку
Свѣтилъ бы моему суженому,
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился...
Безъ него мнѣ тошнехонько,
Безъ него мнѣ грустнехонько.

* * *

Съ поутру рано на зарѣ
Стояли кони на дворѣ...
Про этихъ коней не знаетъ никто...
Знала, спознала красна дѣвушка душа;
Брала она коней за повода,
Ставила коней во стойла,
Сыпала пшена да на мѣсто овса,
Лила сыты да на мѣсто воды,

Отошла—сама кланялася:
Пейте вы, ѣшьте, кони мои...
Завтра пораньше свезите меня
Далѣ-подалѣ отъ батюшка,
Ближе-поближе ко свекру на дворъ.

Познакомившись съ жизнью славянъ, посмотримъ на ихъ языческую религію. Первобытные славяне не могли объяснить себѣ, не понимали тѣхъ явленій, которыя происходятъ въ природѣ, напримѣръ, смѣны дня и ночи, временъ года, холода и тепла, но въ то же время они сознавали свою зависимость отъ этихъ явленій природы. Будучи народомъ земледѣльческимъ, они скоро стали замѣчать, что урожай ихъ полей зависитъ отъ солнца, отъ дождя, и вотъ они начинаютъ олицетворять эти явленія природы, считая ихъ добрыми божествами: мать сырую землю, которая ихъ кормитъ, солнышко, которое грѣетъ землю, дождь, который помогаетъ расти ихъ посѣву. Въ то же время славяне замѣчали, что солнышко не всегда грѣетъ, что земля не всегда произрастаетъ хлѣбъ, а бываетъ время, когда солнца почти не видать на небѣ, когда земля скована льдомъ, когда въ природѣ холодно и мрачно. Отчего же это происходитъ? Простодушные славяне думали, что и на небѣ происходитъ то же, что и на землѣ у людей, какъ люди враждуютъ между собой, такъ и боги; кромѣ добрыхъ боговъ, по понятію славянъ, есть еще злые боги, которые посылаютъ на землю холодъ, мракъ,—эти-то темныя, мрачныя божества вступаютъ въ борьбу со свѣтлыми, побѣждаютъ ихъ, заключаютъ въ темницу, и тогда на землѣ становится холодно и мрачно. Потомъ свѣтлые боги освобождаются изъ плѣна и снова оживляютъ землю. Такая-то борьба, по мнѣнію славянъ, постоянно происходитъ на небѣ и оттого бываетъ перемѣна временъ года. Въ самую раннюю пору своего существованія славяне даже не были увѣрены, что послѣ ночи опять наступитъ день, послѣ зимы—весна, и потому какъ глубоко горевали при наступленіи ночи и зимы, такъ шумно и весело праздновали наступленіе весны, когда Перунъ — богъ-громовникъ своими молніями разрывалъ тучи, освобождалъ красное солнышко, подъ теплыми лучами котораго земля освобождалась отъ сковывавшаго ее льда и политая весеннимъ дождичкомъ покрывалась растеніями и цвѣтами.

Итакъ, славяне, какъ народъ земледѣльческій, преимущественно боготворили тѣ явленія и силы природы, которыя имѣли

947
Е-54

вліяніе на ихъ посѣвы,—такъ главнымъ божествомъ былъ Даждьбогъ (Хорсъ, Яръ) — богъ солнца, затѣмъ Перунъ — богъ грома и молніи, мать сырая земля, Волосъ, который, будучи сначала солнечнымъ богомъ, является потомъ покровителемъ земледѣлія, защитникомъ торговли (торговля мѣхами), охранителемъ стадъ, вдохновителемъ пѣвцовъ и гусляровъ. Для земли необходимъ дождь, который падаетъ изъ тучъ, наносимыхъ Стрибогомъ—богомъ вѣтровъ, вообще вода, почему славяне боготворили рѣки подъ именемъ Богъ, Бугъ, Рось (отсюда произошло названіе русалокъ, жившихъ въ водѣ) и, признавая священное значеніе воды, даже совершали около нея свои брачные обряды. Русскіе славяне особенно чтили Перуна, который у нихъ былъ въ то же время богомъ войны и отъ котораго зависѣла побѣда надъ врагами. Гроза наиболѣе поражаетъ первобытнаго человѣка; она въ то же время сопровождается проливнымъ дождемъ, который спасаетъ землю и посѣвы отъ слишкомъ жаркихъ лучей солнца, вотъ почему Перунъ, богъ грома и молніи, особенно почитался нашими предками. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ у нихъ было еще много второстепенныхъ, которые населяли всю природу и были милостивы къ человѣку или злы, какъ, напримѣръ, домовой, лѣшій, водяной. Въ своемъ домашнемъ быту славяне-язычники замѣчали много такихъ явленій, въ которыхъ не могли дать себѣ яснаго отчета, отчего они происходятъ, — такъ, напримѣръ, отчего бываютъ различныя неудачи въ хозяйствѣ, домашній скотъ то добрѣетъ, то, наоборотъ, худѣетъ, иногда даже гибнетъ безъ всякой видимой причины, несмотря на всѣ заботы хозяина; въ семействѣ иногда происходятъ безпричинные раздоры, несогласія, а у другого, напротивъ, все идетъ хорошо и счастливо, и вотъ въ объясненіе этого является представленіе о какой-то невѣдомой силѣ—домовомъ, который заправляетъ всѣмъ домомъ и отъ котораго зависитъ семейное счастіе и спокойствіе; а кто же можетъ больше желать добра жителямъ дома, какъ не ихъ умершіе родители или родственники, вотъ почему подъ именемъ домового разумѣли славяне душу умершаго предка (дѣдушка-домовой). Все хорошее, происходящее въ домѣ, приписывалось покровительству своего домового, все худое, недоброе — проказамъ чужого домового. Подъ видомъ лѣшаго они олицетворяли всѣ тѣ явленія въ жизни лѣса, которыя имъ не были понятны; такъ въ разныя времена года лѣсъ производитъ на человѣка разное впечатлѣніе: лѣтомъ въ жаркій день въ немъ бываетъ пріятно, весело, ночью — страшно; особенно осенью, при сильной бурѣ, въ

немъ можно заблудиться, нѣтъ дорогъ, и вотъ эти явленія лѣсной жизни олицетворялись въ особенномъ страшномъ существѣ—лѣшемъ, который живетъ въ лѣсу и любитъ мучить и губить людей. Въ водѣ славянина-язычника поражали частыя, происходящія въ ней перемѣны: ея тишина, иногда прерываемая волненіемъ, ея водовороты, въ которыхъ гибнетъ купающійся человѣкъ, и вотъ эти непонятныя для него перемѣны олицетворялись въ особенномъ божествѣ—водяномъ.

По мнѣнію славянина, вся его жизнь проходила въ зависимости отъ боговъ, которые посылаютъ ему и горе, и радость, а поэтому въ честь боговъ, въ благодарность за оказанную ими милость или въ ожиданіи отъ нихъ милости славяне совершали богослуженіе, состоявшее въ приношеніи имъ жертвъ, въ молитвахъ, гаданьяхъ, заключавшееся веселымъ пиромъ и шумными играми. Эти богослуженія совершались передъ идолами (человѣкообразными деревянными фигурами), обыкновенно ставившимися въ лѣсахъ подъ тѣнью дуба или липы; надъ идолами иногда раскидывался шатеръ, а передъ ними ставились жертвенники, и все это огораживалось кольями (капища или требища), особенныхъ же храмовъ у русскихъ славянъ не было. Въ жертву богамъ приносились домашнія животныя или птицы (быки, овцы, козы, куры, лошади), а иногда и люди, какъ, напримѣръ, Владиміръ Святой послѣ удачнаго похода принесъ человѣческую жертву Перуну. Жертвы эти или убивались передъ идолами, или сожигались. Принесенное въ жертву животное или отдавалось затѣмъ нищимъ, или съѣдалось на слѣдовавшемъ за жертвоприношеніемъ пиршествѣ, а жрецъ пилъ кровь жертвы во время ея закланія. Особеннаго жреческаго сословія съ присущимъ ему огромнымъ значеніемъ у русскихъ славянъ не было, жертвы приносились обыкновенно родоначальниками; но все-таки и у нихъ были люди (волхвы, кудесники), занимавшіеся спеціально гаданіями и пользовавшіеся уваженіемъ, какъ посредники между богами и людьми. (Храмы и жрецы были только у славянъ прибалтійскихъ). Въ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ славяне или прославляли боговъ, или благодарили за милость, или просили о ней. По вѣрованію славянъ, боги небесными знаменіями (затменіе солнца, комета) и земными (встрѣча съ животными, сонъ) объявляли свою волю людямъ и предсказывали имъ будущее, поэтому гаданія составляли непремѣнную часть богослуженія. Гаданіями рѣшались общественныя предпріятія, напримѣръ, начинать ли походъ, каковъ будетъ исходъ битвы; гаданьемъ по жребію назначались животныя

или люди для жертвы. Послѣ богослуженія устраивались пляски, борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, и все это заключалось шумнымъ пиршествомъ.

Такъ какъ главнымъ божествомъ у славянъ было солнце, дающее жизнь всей природѣ, то и главные праздники были посвящены этому божеству солнца. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, около нашего Рождества, былъ у нихъ праздникъ Коляды или рожденія краснаго солнышка. Во второй половинѣ декабря замѣчали славяне, что солнце съ каждымъ днемъ болѣе остается на небѣ, что свѣтъ прибываетъ, и вотъ они праздновали въ это время начало новаго года, рожденіе солнца, предвѣщавшее скорое освобожденіе природы изъ оковъ ледяной зимы, наступленіе весны и начала полевыхъ работъ. Въ честь рождающагося солнца они приносили жертвы при пѣніи посвященныхъ божеству солнца пѣсенъ; на это указываетъ сохранившійся еще донынѣ въ Малороссіи обычай колядовать въ рождественскій сочельникъ, который состоитъ въ томъ, что молодежь села ходитъ по деревнѣ и у каждаго дома поетъ пѣсни-колядки, прославляя въ нихъ счастіе и довольство хозяина и желая ему того же и въ новомъ году, за что получаетъ отъ хозяина разные съѣстные припасы, которые затѣмъ съѣдаются (воспоминаніе, вѣроятно, о бывшихъ жертвахъ солнцу, собираемыхъ со всей деревни). По мнѣнію славянина, и умершіе, подобно живымъ, празднуютъ рожденіе солнца, возвращеніе свѣта и являются на землю въ различныхъ страшныхъ образахъ въ видѣ оборотней, отсюда возникъ обычай ряженья, сохранившійся и до сихъ поръ. Въ этотъ же праздникъ (начало новаго года) совершались и совершаются различныя гаданія, посредствомъ которыхъ молодежь старается узнать о своей судьбѣ, а хозяева домовъ о будущемъ урожаѣ. О будущности, о скорой или нескорой свадьбѣ гадали посредствомъ куръ, кольца, зажженой лучины; объ урожаѣ посредствомъ сноповъ, положенныхъ на столъ: на снопы клали большой пирогъ, изъ-за котораго дѣти должны увидѣть отца, сидящаго за нимъ, и если они не видѣли его, то этимъ выражалось желаніе, чтобы отца не видно было за высотою будущаго хлѣба на поляхъ. Мальчики въ деревняхъ ходятъ до сихъ поръ по домамъ и посыпаютъ изъ рукава различными зернами, выражая въ пѣсняхъ желаніе урожая. Праздникъ этотъ длился около 2-хъ недѣль, по нашему отъ Рождества до Крещенья; рождественскіе праздники и теперь называются святками, такъ какъ они и во времена язычества были священными, когда по вечерамъ собира-

лись на общественныя игры и гаданія. Изъ игръ замѣчательна хороненіе золота, которой будто бы намекали на солнце, въ зимнее время схороненное за тучами (нынѣшняя свѣтская игра въ колечки).

Ранней весной, когда снѣгъ начиналъ таять, показывалась первая травка, славяне весело встрѣчали весну съ ея непремѣнными признаками — первымъ громомъ, первымъ дождемъ, и въ честь ея было нѣсколько праздниковъ. Встрѣча весны состояла въ пѣніи весеннихъ пѣсенъ, купаніи и въ то же время сопровождалась проводами, смертью зимы, которую они подъ видомъ соломенной чучелы топили въ водѣ; такъ теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весну встрѣчаютъ слѣдующею пѣснею:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью,
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

А при первомъ весеннемъ дождѣ поютъ:

Дождикъ, дождикъ,
Снаряжайся на показъ.
Дождикъ припусти...
Поливай, дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.
Дождь, дождь, припусти
Посильнѣй, поскорѣй,
Насъ ребятъ обогрѣй.

Въ праздникъ красной горки (этотъ праздникъ совершался на возвышенностяхъ, гдѣ ранѣе таялъ снѣгъ отъ солнца; теперь онъ празднуется на Ѳоминой недѣлѣ) они пѣли пѣсни въ честь воды, молились о дождѣ, о плодородіи земли, зажигали во время этихъ пѣсенъ огни въ честь солнца. Хороводными пѣснями и

играми (сѣяніе проса) они намекали на предстоящія земледѣльческія работы, и въ то же время въ этихъ играхъ молодежь знакомилась между собою. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы и приносили туда кушанье покойникамъ (радуница), воспѣвали достоинства умершихъ, а затѣмъ пировали въ честь покойниковъ, заключая пиршество борьбой, радостными пѣснями и танцами (закликали мертвыхъ, т.-е. призывали ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе). Умершихъ родителей закликали на могилахъ такими рѣчами: „Родненькіе наши батюшки! Не надсажайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежите очей горючей слезой. Али вамъ, родненькимъ, не стало хлѣба-соли, недостало цвѣтна-платья? Али вамъ, родненькимъ, встосковалось по отцу съ матерьей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горе мычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ. Безъ васъ-то, наши родненькіе, опустѣлъ высокъ теремъ, заглохъ широкъ дворъ; безъ васъ-то, родимые, не цвѣтно цвѣтутъ въ широкомъ полѣ цвѣты лазоревы, не красно растутъ дубы въ дубровушкахъ. Ужъ вы, наши родненькіе, выгляньте на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшьте словомъ ласковымъ!“ — „Родимые наши, батюшка и матушка! Чѣмъ-то мы васъ, родимыхъ, прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Ужъ ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! Ты возвѣй, возвѣй со полуночи, ты принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушилися, что по нихъ ли всѣ дѣтушки изныли во кручинушкѣ, что по нихъ ли всѣ невѣстушки съ гореваньица надсадилися!“

Послѣ праздника красной горки шли полевыя работы, послѣ которыхъ по вечерамъ устраивались игры у воды. По окончаніи первыхъ полевыхъ работъ, при наступленіи болѣе теплыхъ дней устраивался праздникъ семикъ (теперь въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи), продолжавшійся нѣсколько дней. Молодежь съ

пѣсняхъ прославлялось божество и ими сопровождались всѣ языческіе праздники и обряды. Семейныя пѣсни пѣлись по поводу различныхъ случаевъ въ семейной жизни, напримѣръ, свадьбы. Старинныя загадки представляли сокращенныя миѳическія сказанія, пониманіе которыхъ считалось признакомъ особенной мудрости. Въ миѳическихъ сказкахъ выражались религіозныя языческія вѣрованія о борьбѣ свѣтлыхъ божествъ съ темными. Сказки о животныхъ относятся ко временамъ пастушеской и звѣроловной жизни народа, когда домашнія животныя и звѣри находились въ самомъ близкомъ отношеніи къ человѣку. Въ былинахъ народъ поетъ о своихъ богатыряхъ, которые спасали его когда-то отъ разныхъ бѣдствій, смѣшивая вымыселъ съ исторіей, но самъ вполнѣ вѣря, что въ этихъ пѣсняхъ поется о томъ, что̀ дѣйствительно было.

2. Пословицы, заговоры, загадки и примѣты.

Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются вѣрованія и убѣжденія народа, его бытъ и нравственные интересы; какъ плодъ здраваго смысла и многовѣковой опытности, онѣ пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но для насъ важно то, что въ пословицахъ отражаются черты старинныхъ воззрѣній и быта, которыя даютъ возможность уяснить многія стороны давно угасшей до-исторической жизни. Рядомъ съ пословицей, въ которой видны слѣды миѳическаго міросозерцанія, занимаетъ мѣсто пословица историческая, указывающая на дѣйствительныя лица и событія, и пословица христіанская, слагавшаяся подъ вліяніемъ библейскихъ сказаній и поученій отцовъ церкви.

1. Въ нѣкоторыхъ пословицахъ, образовавшихся въ темную языческую пору, отразились старинныя воззрѣнія нашихъ предковъ: „Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ“. Здѣсь высказывается понятіе язычника о свѣтилѣ, какъ о живомъ существѣ изъ породы божествъ; а въ Галиціи сохранились пословицы, свидѣтельствующія о поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ: „Перед богом сонцем, судице царице“,—„Мѣсяцъ наш божок; а ктож нам буде боговати, як его не стане?“ Намекъ на миѳическое значеніе Коляды заключается въ пословицѣ: „Полно Коляду томить“. О погребальныхъ языческихъ поминкахъ или тризнѣ, сопровождавшейся пирами, играми и битвой, упомянуто въ пословицѣ: „По дѣдѣ спибокъ (бой), а по бабкѣ щипокъ“. Принимая во вниманіе подобныя

пословицы, мы можемъ прослѣдить, какъ въ этихъ изреченіяхъ отразился бытъ русскихъ славянъ, когда они вели еще охотничій и пастушескій образъ жизни, потомъ, когда стали заниматься земледѣліемъ.

а) Когда наши предки вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ и жили въ лѣсу, „яко всякій звѣрь, ядуще вся не чисто", тогда они покланялись деревьямъ, и были у нихъ заповѣдныя священныя рощи, божелѣсья, въ которыхъ приносили жертвы. Въ Житіи муромскаго князя Константина говорится: „Дуплинамъ древянымъ, вѣтви убрусцемъ (т.-е. полотенцомъ) обвѣшивающе, и симъ покланяющеся". Это согласно съ пословицей, которая представляетъ дупло жилищемъ бѣса: „Изъ пустого дупла или сычъ или сова, или самъ сатана",—„Тетка родила, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ". Къ этому же времени надобно отнести обоготвореніе овраговъ и болотъ; пословицы говорятъ: „Горы да овраги — чортово житье" (житье Змѣя Горынчища), — „Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ жить". Тутъ можно припомнить разсказъ о томъ, какъ архангелъ погналъ копьемъ бѣсовъ съ неба, и они остались на житье, какой куда упалъ.

Жертвоприношеніе болѣе въ ходу у пастуховъ, чѣмъ у земледѣльческихъ народовъ языческихъ; поэтому къ первой порѣ относятся пословицы въ родѣ такихъ: „Моленой баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился". Слово молить значило встарь то же, что приносить въ жертву. „Обреченная (т.-е. въ жертву) скотина—не животина". Брачные языческіе обряды совершались у воды или подъ деревьями; въ былинѣ говорится объ одной парѣ въ эпоху богатырской жизни: „Тутъ они обручалися, кругъ ракитова куста вѣнчалися". Съ ракитовымъ кустомъ связывалась мысль о женитьбѣ:

Ракитовый кустикъ
Зеленый кудреватый,—
Да кто у насъ холостъ,
Да кто не женатый?

Поэтому въ пословицѣ намекается на старинный брачный обычай: „Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли".

Камни и дубина, лукъ и стрѣлы составляли необходимую принадлежность охотниковъ; борьба ихъ со звѣрями развила воинственный бытъ, по словамъ лѣтописца: „живуще скотьски: убиваху другъ друга". Вооруженіями язычники надѣляли и боговъ своихъ: Перунъ бросалъ съ неба камни и стрѣлы; сохранилась пословица, напоми-

вѣнками на головахъ, съ вѣтками въ рукахъ собиралась на берегу рѣки (теперь русскіе носятъ разукрашенную лентами березу) и гадала посредствомъ вѣнковъ, бросаемыхъ въ воду, о будущности, въ то же время совершали тризну на могилахъ.

Въ заключеніе весеннихъ праздниковъ, продолжавшихся съ марта мѣсяца, отправлялось торжество Купалы (теперь оно совершается въ ночь съ 23 на 24 іюня). Около 24 іюня самые длинные дни и въ то же время самые жаркіе, вслѣдствіе чего земля въ эту ночь пріобрѣтала наибольшую силу растительности, а вода была особенно тепла и цѣлительна, по мнѣнію славянъ, причемъ поверхность ея бываетъ подернута серебристымъ блескомъ. Въ эту ночь, послѣ захода солнца славяне выходили изъ своихъ жилищъ, собирались около воды, зажигали костры живымъ огнемъ (добытымъ посредствомъ тренія), а затѣмъ молодежь прыгала черезъ нихъ и купалась въ водѣ, въ чемъ, вѣроятно, и заключались ихъ брачные обряды, такъ какъ около этого времени устраивались у нихъ свадьбы. Травы въ эту ночь имѣли особую чудодѣйственную силу, что̀ заставляло славянъ собирать эти травы, какъ, напримѣръ, папоротникъ, разрывъ-траву и др.; имѣя при себѣ цвѣтокъ папоротника, распускающійся только въ эту ночь, можно понимать, что̀ говорятъ деревья, которыя даже переходятъ съ мѣста на мѣсто, можно найти клады, таящіеся въ землѣ, но выходящіе наружу въ этотъ праздникъ солнца. Прыганье черезъ огонь и купанье полезны для здоровья и предохраняютъ человѣка отъ всякихъ чаръ. Купальской водой окропляли скотъ, окропляли поля, чтобы они были болѣе плодородны. Изъ обрядовъ этого праздника замѣчателенъ слѣдующій: славяне скатывали зажженное колесо съ горы, какъ бы напоминая о томъ, что теперь дни будутъ короче, солнце пойдетъ на зиму, слѣдовательно, купальскій праздникъ былъ съ одной стороны торжествомъ свѣта, силы солнца, а съ другой стороны это было прощаніе съ солнцемъ, предвѣстіе близкой зимы.

Послѣ купальскаго праздника, хотя жара становится сильнѣе, но дни дѣлаются короче, появляется первый желтый листъ, и вотъ Ильинъ день, по мнѣнію народа, первый осенній праздникъ. Нынѣшній Ильинъ день былъ прежде посвященъ богу громовнику Перуну, который какъ бы на прощаніе производилъ въ этотъ день страшные раскаты грома. Затѣмъ начинается жатва, сопровождаемая особенными обрядами: такъ первый пукъ созрѣвшихъ колосьевъ посвящался богамъ въ благодарность за урожай, а при окончаніи жатвы оставлялся на полѣ тоже пучекъ колосьевъ, которые при

Муниципальная ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

этомъ завязывались въ узелъ, что̀ называлось завиваніемъ бороды Волосу. Съ окончаніемъ полевыхъ работъ славяне собирались уже въ домахъ, а не на открытомъ воздухѣ, и долгіе осенніе и зимніе вечера до новаго наступленія Коляды коротали обыкновенно загадываніемъ загадокъ.

Въ связи съ религіозными вѣрованіями славянъ упомянемъ о вѣрованіи ихъ въ безсмертіе души. Вѣря въ загробную жизнь, славяне думали, что не для всѣхъ она будетъ одинакова: одни, угодившіе богамъ при жизни, послѣ смерти пойдутъ въ рай, прекрасный садъ, находящійся въ небесахъ, во владѣніяхъ бога-солнца, гдѣ будутъ продолжать земную жизнь, причемъ ихъ жены и рабы будутъ и тамъ имъ прислуживать, почему при погребеніи славянина въ древности убивалась его жена, слуги, любимый конь; другіе, недостойные, пойдутъ въ пекло, находящееся подъ землею, гдѣ живутъ темные духи, и будутъ мучиться въ огнѣ, пока не очистятся отъ грѣховъ, чему помогаютъ поминовенія и молитвы оставшихся въ живыхъ родственниковъ. Обычай погребенія мертвыхъ былъ двоякій: или сожигали и пепелъ, собранный въ сосудъ, ставили на придорожныхъ столбахъ, или хоронили въ могилахъ. Въ честь умершаго совершалась тризна, т.-е. пиршество въ соединеніи съ разными играми, и такое веселье объясняется надеждой живыхъ увидѣться въ той жизни съ умершимъ.

Отъ этихъ древнихъ языческихъ временъ жизни славянъ осталась такъ называемая народная поэзія, т.-е. заговоры и наговоры, примѣты, пословицы, пѣсни, загадки, сказки и былины, переходившіе изъ устъ въ уста и до сихъ поръ сохраняющіеся въ устахъ народа. Эта поэзія выражаетъ и религіозныя языческія вѣрованія славянъ, и ихъ общественную и семейную жизнь, и ихъ умственные интересы, и потому очень много помогаетъ намъ при изученіи ихъ языческаго быта. Еще съ конца XVIII вѣка русскіе ученые обратили вниманіе на сохранившіеся остатки русской народной поэзіи, стали собирать ихъ, записывать и въ настоящее время есть уже много подобныхъ сборниковъ. Съ заговорами наши предки язычники обращались къ своимъ богамъ, прося у нихъ для себя какой-либо милости или избавленія отъ какой-либо бѣды; въ наговорахъ, напротивъ, просили божество наслать бѣду на враговъ. Посредствомъ примѣтъ старались предугадать будущее, думая, что одно явленіе всегда слѣдуетъ за другимъ. Въ пословицахъ или краткихъ изреченіяхъ народъ высказывалъ свои вѣрованія и убѣжденія, свой взглядъ на тотъ или другой случай въ жизни. Въ обрядовыхъ

пѣсняхъ прославлялось божество и ими сопровождались всѣ языческіе праздники и обряды. Семейныя пѣсни пѣлись по поводу различныхъ случаевъ въ семейной жизни, напримѣръ, свадьбы. Старинныя загадки представляли сокращенныя миѳическія сказанія, пониманіе которыхъ считалось признакомъ особенной мудрости. Въ миѳическихъ сказкахъ выражались религіозныя языческія вѣрованія о борьбѣ свѣтлыхъ божествъ съ темными. Сказки о животныхъ относятся ко временамъ пастушеской и звѣроловной жизни народа, когда домашнія животныя и звѣри находились въ самомъ близкомъ отношеніи къ человѣку. Въ былинахъ народъ поетъ о своихъ богатыряхъ, которые спасали его когда-то отъ разныхъ бѣдствій, смѣшивая вымыселъ съ исторіей, но самъ вполнѣ вѣря, что въ этихъ пѣсняхъ поется о томъ, что̀ дѣйствительно было.

2. Пословицы, заговоры, загадки и примѣты.

Пословицы суть краткія изреченія, въ которыхъ выражаются вѣрованія и убѣжденія народа, его бытъ и нравственные интересы; какъ плодъ здраваго смысла и многовѣковой опытности, онѣ пользуются большимъ почетомъ въ народѣ. Но для насъ важно то, что въ пословицахъ отражаются черты старинныхъ воззрѣній и быта, которыя даютъ возможность уяснить многія стороны давно угасшей до-исторической жизни. Рядомъ съ пословицей, въ которой видны слѣды миѳическаго міросозерцанія, занимаетъ мѣсто пословица историческая, указывающая на дѣйствительныя лица и событія, и пословица христіанская, слагавшаяся подъ вліяніемъ библейскихъ сказаній и поученій отцовъ церкви.

1. Въ нѣкоторыхъ пословицахъ, образовавшихся въ темную языческую пору, отразились старинныя воззрѣнія нашихъ предковъ: „Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ“. Здѣсь высказывается понятіе язычника о свѣтилѣ, какъ о живомъ существѣ изъ породы божествъ; а въ Галиціи сохранились пословицы, свидѣтельствующія о поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ: „Перед богом сонцем, судице царице“,—„Мѣсяцъ наш божок; а ктож нам буде боговати, як его не стане?“ Намекъ на миѳическое значеніе Коляды заключается въ пословицѣ: „Полно Коляду томить“. О погребальныхъ языческихъ поминкахъ или тризнѣ, сопровождавшейся пирами, играми и битвой, упомянуто въ пословицѣ: „По дѣдѣ сшибокъ (бой), а по бабкѣ щипокъ“. Принимая во вниманіе подобныя

пословицы, мы можемъ прослѣдить, какъ въ этихъ изреченіяхъ отразился бытъ русскихъ славянъ, когда они вели еще охотничій и пастушескій образъ жизни, потомъ, когда стали заниматься земледѣліемъ.

а) Когда наши предки вели жизнь звѣролововъ и пастуховъ и жили въ лѣсу, „яко всякій звѣрь, ядуще вся не чисто", тогда они покланялись деревьямъ, и были у нихъ заповѣдныя священныя рощи, божелѣсья, въ которыхъ приносили жертвы. Въ Житіи муромскаго князя Константина говорится: „Дуплинамъ древянымъ, вѣтви убрусцемъ (т.-е. полотенцомъ) обвѣшивающе, и симъ покланяющеся". Это согласно съ пословицей, которая представляетъ дупло жилищемъ бѣса: „Изъ пустого дупла или сычъ или сова, или самъ сатана",—„Тетка родила, жилъ въ лѣсу, молился пнямъ". Къ этому же времени надобно отнести обоготвореніе овраговъ и болотъ; пословицы говорятъ: „Горы да овраги — чортово житье" (житье Змѣя Горынчища),—„Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ жить". Тутъ можно припомнить разсказъ о томъ, какъ архангелъ погналъ копьемъ бѣсовъ съ неба, и они остались на житье, какой куда упалъ.

Жертвоприношеніе болѣе въ ходу у пастуховъ, чѣмъ у земледѣльческихъ народовъ языческихъ; поэтому къ первой порѣ относятся пословицы въ родѣ такихъ: „Моленой баранъ отлучился, инъ гулящій прилучился". Слово молить значило встарь то же, что приносить въ жертву. „Обреченная (т.-е. въ жертву) скотина—не животина". Брачные языческіе обряды совершались у воды или подъ деревьями; въ былинѣ говорится объ одной парѣ въ эпоху богатырской жизни: „Тутъ они обручалися, кругъ ракитова куста вѣнчалися". Съ ракитовымъ кустомъ связывалась мысль о женитьбѣ:

Ракитовый кустикъ
Зеленый кудреватый,—
Да кто у насъ холостъ,
Да кто не женатый?

Поэтому въ пословицѣ намекается на старинный брачный обычай: „Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли".

Камни и дубина, лукъ и стрѣлы составляли необходимую принадлежность охотниковъ; борьба ихъ со звѣрями развила воинственный бытъ, по словамъ лѣтописца: „живуще скотьски: убиваху другъ друга". Вооруженіями язычники надѣляли и боговъ своихъ: Перунъ бросалъ съ неба камни и стрѣлы; сохранилась пословица, напоми-

нающая эти понятія: „Ѣдетъ божокъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ“. Онъ стучитъ своей телѣгой и производитъ громъ, а стрѣлою бьетъ злое существо; пословица, вытекающая изъ этого способа представленія, гласитъ: „Завертѣлся, какъ дьяволъ передъ громомъ“. Лукъ, мечъ, копье служили признакомъ раздора; въ это-то время народъ познакомился съ ковкой металловъ. Самыя изображенія поэтическія рисуютъ народъ боевыми красками: „Подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяны, конецъ копья въскоръмлени“. Какъ постоянный товарищъ бойца, конь надѣляется умомъ и всѣми понятіями человѣка, онъ даже предсказываетъ будущее. Преданія объ охотѣ такъ живы были еще во времена первыхъ русскихъ князей, что ловля птицъ и звѣрей поддерживается сильно законодательствомъ, и эпическія выраженія заимствуются изъ быта пастушьяго и охотничьяго, наприм., въ Словѣ о полку Игоря и въ Волынской лѣтописи. Древляне говорятъ Ольгѣ: „аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его“. Въ первобытное время въ лѣсной глуши народъ невольно присматривался къ свойствамъ характера животныхъ и придавалъ имъ людской взглядъ и смыслъ: „Волкомъ родясь, лисицей не бывать“. Отсюда вытекало миѳическое воззрѣніе на птицъ и звѣрей, на ихъ нравы и обычаи, оттого первоначально образовались разсказы, или сказки о животныхъ, въ эпоху охотничью и пастушескую. Отъ этого же времени сохранилось повѣрье въ оборотней, которые выходятъ изъ могилъ и путешествуютъ подъ видомъ волка или свиньи; на это понятіе указываетъ пословица: „Колъ бы тебѣ осиновый въ землю“. Это первое средство — остановить ночныя похожденія оборотней. Оттуда же ведетъ свое начало суевѣріе, что волки скрадываютъ съ неба свѣтила и оттого бываютъ затменія: „Невѣгласи (невѣжды) глаголютъ снѣдаему сущу“, или, какъ говоритъ пословица: „Сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ“. Извѣстную пословицу: „Съ волками жить по волчьи выть“ — прежде понимаемую буквально, надо объяснять въ духѣ времени: выли для привлеченія звѣрей на охотѣ, но потомъ придали этому обстоятельству значеніе гаданья и предсказанья, какъ дѣлалъ половчанинъ Бонякъ: „И волкъ отвыся ему“. Переходъ изъ лѣсной глуши на поле и отъ быта звѣроловнаго къ земледѣльческому, по понятіямъ крестьянъ, облегчилъ св. Егорій, который устроилъ землю, велѣлъ непроходимымъ лѣсамъ разступиться, стадамъ звѣрей разойтись, ѣсть и пить повелѣнное; онъ называется богомъ волковъ: „Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“,—„Егорій да Власъ—всему богатству глазъ“. Понятно, что

Власъ, какъ покровитель стадъ, и Егорій—устроитель дикой земли, сберегали, по понятіямъ крестьянъ, скотъ, обиліе, животъ, въ которыхъ было все ихъ богатство.

Въ періодъ звѣроловства одеждой служили кожи, а для домашняго обихода — большею частью кора деревъ, которыхъ такъ было много, и потому лыко было въ большомъ ходу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Но на юго-западѣ Руси рано уничтожились лѣса и оставалось степное пространство, которое необходимо измѣняло условія экономическаго быта населенія. Поэтому въ Малороссіи составилась поговорка о москаляхъ: „Лыкомъ вязане, у лыкахъ ходыть, пидъ лыкомъ спыть“.

б) Въ пору развитія земледѣлія образовалось обоготвореніе земли; она стала матерью и кормилицей, такъ что доселѣ въ Галиціи называютъ землю святою. Въ Вятской губерніи на Троицу бываетъ мать-земля именинница и, по понятіямъ крестьянъ, грѣхъ въ этотъ день копать ямки или вколачивать что-нибудь въ землю. Мѣсто звѣриныхъ кожъ у земледѣльца заняли ленъ и пенька; самыя божества буйнаго воинскаго времени принимали осѣдлый мирный характеръ, стали покровительствовать земледѣлію и занимались пряжей, какъ валькиріи, или выходили на поле съ серпомъ, какъ чешскія полудницы. Но, конечно, это случилось не вдругъ: какъ люди не скоро оставили прежнія боевыя наклонности, такъ и языческіе боги; вѣроятно, память объ этой дикой борьбѣ новаго поколѣнія со старымъ сберегла пословица: „Отъ кикиморы рубашки не дождешься“. Самыя краски эпическій поэтъ этого времени беретъ уже изъ быта земледѣльческаго даже для изображенія войны: „земля сѣялась и росла усобицами, поливалась кровью; жизнь людей пожинали враги и клали на току какъ колосья, молотили цѣпами булатными и вѣяли душу отъ тѣла“.

Въ осѣдлую пору явилось обоготвореніе огня и домашняго очага, который способствуетъ приготовленію пищи и согрѣваетъ, спасая отъ двухъ страшныхъ непріязненныхъ враговъ — голода и холода. Сербская пословица говоритъ: „Безъ стара панья сиротно огниште“. Въ это время огнище и печь служили для жертвоприношенія: „И огневи молятся подъ овиномъ“; къ той же порѣ относится обоготвореніе домового, какъ покровителя дома и семейнаго очага. Онъ обыкновенно сидитъ на печкѣ, за печкой или подъ печкой и до такой степени привязанъ къ своему пепелищу, что стонетъ, если предвидитъ перемѣну въ домѣ, и не уйдетъ съ стараго мѣста, если хозяинъ забудетъ его позвать въ новый домъ.

Понятіе объ этомъ бытѣ удержалось въ пословицахъ: „На печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился“,—„Церкви не овины, въ нихъ образа все едины“. Да и самая печь (пещь) была сначала ямой, откуда слово: пещера. Въ періодъ земледѣльческій упрочились семейныя связи: слово „дымъ“ сталъ употребляться вмѣсто домъ,—„и вдаша отъ дыма мечъ“. Пословица говоритъ: „Вспомнишь ты дымную шапку“, т.-е. старшаго, опытнаго; съ уваженіемъ старшихъ, которые передавали молодежи много разсказовъ изъ старинной жизни своей и другихъ людей, возникло уваженіе къ преданію и старинѣ. По разсказамъ, тогда и люди были умнѣй, и права и жизнь отличались всѣмъ лучшимъ: „Что изстари ведется, то не минется“. Выходъ изъ семьи тяжелъ былъ въ то время, когда еще связи общежитія не установились, особенно на всю жизнь, какъ, напр., замужъ; поэтому говорятъ дѣвицѣ: „Не вздыхай тяжело, не отдадимъ далеко, хоть за Ѳоку да подлѣ боку“. Значитъ, сосѣди служили первыми хорошими знакомыми; „а чужая сторона горемъ огорожена и слезами поливана“, какъ поютъ дѣвушки на дѣвишникахъ.

Съ образованіемъ сельскаго союза власть и судъ переходятъ ко всѣмъ старшимъ и дѣла рѣшаются общественнымъ приговоромъ: „Братчина судитъ, ватага рядитъ“,—„Братчина судитъ какъ судья“. Обстановка суда съ разными формальными уловками, судебными испытаніями водой и раскаленнымъ желѣзомъ, рисуется въ слѣдующихъ пословицахъ: „Хотя солгать да было бы на кого послаться“,—„Свидѣтеля за волосы тянутъ“,—„Желѣза и змѣя боится“. Такъ какъ въ прежнее время лежало много свободной земли и другихъ угодій, то собственностью каждаго было, что онъ посѣялъ и занялъ: „Чье море, того и край“ (сербск. послов.),—„Чья земля, того и хлѣбъ“.

По переходѣ въ христіанство народъ сталъ смотрѣть на прежнихъ боговъ враждебно и замѣнилъ ихъ бѣсами: „Взялъ боженьку за ноженьку да и объ полъ“. Домовой, котораго жилье было подъ порогомъ, превратился въ чорта,—и доселѣ на этомъ основаніи ведется старинная примѣта, что здороваться черезъ порогъ нехорошо.

2. Историческія пословицы очень мѣтко рисуютъ дѣйствительныя событія и лица, а чрезъ это указываютъ характеристическія стороны извѣстнаго явленія или дѣйствія и выражаютъ воззрѣнія на нихъ современниковъ. Такъ можно указать на пословицы, занесенныя въ лѣтопись: о гибели Аваровъ сложилась поговорка: „Погибоша, аки Обрѣ“; неудача Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ въ битвѣ

съ воеводой великаго князя Владиміра, по прозванью Волчій Хвостъ, послужила къ составленію насмѣшливой притчи: „Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ“. Отношенія дружины къ князю и народу изображаетъ Даніилъ Заточникъ въ пословицахъ: „Мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти“, — „Тіунъ (княжій) яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устеречися жженія портъ“, — „Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ — и малаго стола лишенъ будетъ“. Отвращеніе къ татарскому порабощенію Россіи высказалось въ пословицахъ: „Не во время гость хуже Татарина“, — „Тутъ словно Мамай воевалъ“. О Ермакѣ Тимофеевичѣ и его немногихъ сподвижникахъ, а потомъ уже вообще объ уральскихъ казакахъ говорится: „Семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ“. Такъ какъ въ Россіи болѣе двухъ сотъ лѣтъ были весьма значительные разбои, особенно на Волгѣ и ея притокахъ, то на этотъ счетъ дошло до насъ много самыхъ мѣткихъ пословицъ: „Это не покоръ, что за поясомъ топоръ, скажутъ — плотникъ, а не воръ“, — „На Волгѣ жить — ворами (грабителями) слыть“, — „Ахтуба пуста, а безъ караула не гуляй“, — „Кому лопата, а намъ ломъ; кому острогъ, а намъ домъ“, — „Вору висѣлица — неизмѣнный другъ“. О братчикахъ сохранилась пословица: „Съ нимъ пива не сваришь“. Особенно важны для изучающаго историческую жизнь своего отечества тѣ присловья и мѣткія изреченія, въ которыхъ населеніе одной мѣстности характеризуетъ жителей другой области. Большая часть изъ нихъ сложились исторически; такъ, наприм., первоначальное населеніе Орловской губерніи было пограничнымъ, собралось оно изъ бѣглыхъ и удальцовъ и постоянно рубилось съ крымскими Татарами; поэтому и говорятъ пословицы: „Орловцы — проломленныя головы“, — „Орелъ да Кромы старинные воры“, — „Ливны — всѣмъ ворамъ дивны, а Елецъ — всѣмъ ворамъ отецъ“.

3. Что же касается до пословицъ христіанскихъ, то ихъ можно читать въ Словѣ Даніила Заточника. Переходя изъ устъ въ уста, пословицы въ позднее время мало-по-малу принимаютъ направленіе сатирическое, а чрезъ это болѣе и болѣе сглаживаются съ нихъ старинныя черты, такъ дорогія для историка.

Заговоры и заклятія, какъ и пословицы, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой языческой старины и первоначально служили мольбами при жертвоприношеніяхъ и сопровождались обрядовыми дѣйствіями. Но потомъ эти прославленія божествъ и выраженія прошеній постепенно теряли свой смыслъ и низошли до заклятія и

наговора. Такъ клятва передъ Перуномъ: „да будетъ золоти яко золото“—для насъ непонятна; но произносившіе ее имѣли въ виду страшную болѣзнь проказу, которая за неправду, сожигая тѣло, сообщаетъ ему желтый цвѣтъ, похожій на золото. Одна изъ дочерей Иродовыхъ, лихорадка желчная, называется желтѣя, желтуха, златеница. Заклятія солнцемъ сохранились отъ времени его обожанія, въ Нижегородской губерніи божатся въ подтвержденіе истины показаній: „Вотъ тебѣ красное солнышко!“—А въ Галиціи говорятъ: „Солнце бы тебя побило!“ Въ Словѣ о полку Игоря Ярославна обращается съ мольбой къ солнцу, водѣ и вѣтру, называя каждую стихію господиномъ. И рѣдкій заговоръ не заключаетъ въ себѣ припоминанія свѣтилъ небесныхъ, зори, воды, вѣтра и другихъ предметовъ языческаго обожанія природы. Съ этой точки зрѣнія многіе заговоры, повидимому, безсмысленные, помогутъ выяснить религіозныя воззрѣнія древняго русскаго человѣка. Такъ въ заговорѣ одной рукописи говорится: „Вьстахомъ заутра и помолихсе Господу Богу и дьннице“,—ясный признакъ языческаго поклоненія свѣтиламъ. „Заря-зарница, красная дѣвица, швея-мастерица!“ Въ другихъ заговорахъ есть такого рода обращенія: „Матушка вода, обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣлъ горючъ камень своей быстриной и золотой струей!“—„Ты, небо, слышишь! Ты, небо, видишь!“—„Ахти мати, бѣлая печь! Не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты“...—„Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки! Сойди ты, мѣсяцъ, сними мою скорбь зубную, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча“. Есть также обращенія къ Огнюполымю и къ Вѣтру буйному.

Приведемъ одинъ заговоръ вполнѣ, въ которомъ перемѣшиваются языческія понятія съ христіанскими. „Господи І. Хр. Сыне божій, помилуй насъ. Аминь. Стану я, рабъ божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону, подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зарю, къ окіану морю. У окіана моря на крутомъ берегу лежитъ Латырь камень, на Латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзи и посѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала. Какъ изъ Латыря камня ни воды, такожде изъ раба божія ни руды, ни садели, ни болѣзни; изъ курицы ни молока, изъ пѣ-

туха ни яйца, ни изъ раба божія N ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у раба божія N твердо утвердились. Рука заключись въ море, ключи въ небесахъ, замки достану; эти ключи и замки св. молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь". Обратимъ вниманіе, какое значеніе въ этомъ заговорѣ и во многихъ другихъ имѣютъ частыя звѣзды; ихъ славяне даже призываютъ иногда сойти съ неба: „Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную". — „Мѣсяцъ ты красный, звѣзды вы ясныя, солнышко ты привольное! сойдите, уймите раба божія отъ запоя!" Вѣрованіе въ Рожаницъ или богинь судьбы, которыя какъ Парки надѣляли человѣка при рожденіи дарами счастія и благами жизни, соединялось съ вѣрованіемъ въ счастливую звѣзду. Въ одной пѣснѣ молодецъ спрашиваетъ: „Ты скажи, скажи, моя матушка родима: Подъ которой ты меня звѣздою породила, Ты какимъ же меня счастьемъ надѣлила?"

Василій Буслаевъ говоритъ въ былинѣ: „Не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую". Такая вѣра въ предопредѣленія судьбы только и могла создать подобныя пословицы: „Такъ ему на роду написано", — „Не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ", — „Суженаго конемъ не объѣдешь", — „Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божія не минути". Вѣрованіе во вліяніе звѣздъ на судьбу людей привело къ мысли, что какъ скоро падаетъ звѣзда, такъ умираетъ человѣкъ:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярова:
Не становится у насъ млада царевича.

Языческія моленія обращались въ кругу обыденныхъ нуждъ житейскихъ: нездоровые испрашивали себѣ облегченія; лѣченіе сопровождалось навязками-наузами, чтеніемъ молитвъ надъ водой; давали больнымъ священную глину и угли отъ жертвенника, соль, хлѣбъ и другія жертвенныя принадлежности. Замѣчательно, что всѣ эти атрибуты нерѣдко сопровождаютъ заговариванья и доселѣ, но, разумѣется, употребляются безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Какъ прежде хорошо знали заклинательныя и умилостивительныя молитвы приносившіе жертву, и они только давали силу разнымъ вещамъ, такъ впослѣдствіи составилось понятіе о знахаряхъ, вѣдунахъ и колдуньяхъ, какъ о лицахъ, близкихъ съ нечистой силой. Другіе заговоры имѣютъ цѣлью сохраненіе семьи и имущества отъ грозы, нападенія звѣрей, потопленія, отъ лука и

меча вражескаго, отъ лихого глаза, налета саранчи на хлѣбъ и т. п. Въ началѣ XIX столѣтія въ Курской губерніи употреблялся еще обрядъ умилостивленія мороза въ такомъ родѣ. Варили ячный кисель на молокѣ, ставили на окно и приговаривали: „Эй, морозъ! иди къ намъ кисель ѣсть; не тронь нашихъ жита-пшеницы".

Въ связи съ пословицей въ древнее время находилась загадка. Обѣ онѣ составляли часть поучительнаго наставленія, дидактическаго эпоса и передавали изъ рода въ родъ познанія о мірѣ и жизни. Въ загадкахъ выразилось неодолимое стремленіе пытливаго ума неразвитого язычника удовлетворить любознательности, рѣшать вопросы о загадочныхъ силахъ и явленіяхъ природы. Рѣшеніе этихъ вопросовъ сначала предоставлялось божествамъ въ родѣ Одина и мудрыхъ Вилъ, а потомъ вѣщимъ дѣвицамъ, напримѣръ, Февроніи Муромской. Въ одной пѣснѣ Симбирской губерніи также рѣшаетъ замысловатыя загадки семилѣтняя дѣвица:

Какъ по лугу (2) по зеленому
Идетъ дѣвка (2) семилѣтка;
За ней парень (2) бѣлкудрявый:
„Постой дѣвка (2) семилѣтка!"
Загану я (2) три загадки,
Изволь дѣвка (2) разгадати:
Да что растетъ (2) безъ кореньевъ?
— Растетъ камень (2) безъ кореньевъ.
„Да что цвѣтетъ (2) безо цвѣту?"
— Цвѣтетъ сосна (2) безо цвѣту.
„Да что шумитъ (2) безо вѣтру?"
— Шумитъ вода (2) безо вѣтру.

Потомъ загадка испытала на себѣ вліяніе христіанства. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ рѣшаются важнѣйшія задачи старины, имѣющія основу въ древнихъ космогоническихъ воззрѣніяхъ. Впослѣдствіи какъ языческій обрядъ перешелъ въ игры, такъ и загадка съ своимъ стариннымъ міросозерцаніемъ стала художественною забавою и игрою словъ.

Загадка имѣетъ родство съ примѣтами, выражая языческую мудрость давнишняго времени. Въ нѣкоторыя пословицы и загадки привходятъ прямо примѣты: „Ржетъ конь къ печали, ногою топаетъ къ погонкѣ". Извѣстно, что въ воинскую пору конь былъ товарищемъ, соратникомъ бойца и отличался вѣщими предсказаніями, какъ говоритъ пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ (см. Пушкина: „Что ты

ржешь, мой конь ретивый"). При сочувствіи къ природѣ и обоготвореніи ея силъ славянинъ чутко прислушивался къ ея звукамъ, присматривался къ перемѣнамъ и дѣйствіямъ въ жизни животныхъ, къ явленіямъ въ средѣ стихійной борьбы и т. д. По разнымъ отступленіямъ отъ обычнаго теченія вещей онъ заключалъ о волѣ боговъ, выражающихъ ее человѣку чрезъ видоизмѣненія природы. Такъ воронъ предвѣщаетъ бѣду; лебедь летитъ къ теплу, а гусь — къ холоду; стѣна трещитъ къ покойнику; соль разсыпается къ ссорѣ; если на крещенье на небѣ звѣзды, куры будутъ нески и горохъ родится, а будетъ наволочь — коровы молочны. Эти примѣты служили руководящей нитью въ практическомъ быту, и кто больше умѣлъ разрѣшать эти загадки природы, тотъ былъ мудрецомъ.

Такъ пословица, вмѣстѣ съ заговоромъ, загадкой, всякимъ старинымъ изреченіемъ и примѣтой, составляетъ часть эпическаго воззрѣнія нашихъ предковъ. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, она донесла до насъ изъ отдаленныхъ временъ черты и краски языческаго міросозерцанія, нравовъ и обычаевъ, складъ характера и быта. Изучая народную поэзію, мы можемъ возстановить до нѣкоторой степени ходъ и направленіе темной жизни нашихъ предковъ. Въ народѣ живетъ множество суевѣрныхъ понятій, игръ и увеселеній, которыя вытекли изъ языческаго взгляда и утратили свой смыслъ; поэтому для разъясненія до-исторической судьбы русскаго народа необходимо изучать его этнографію.

3. Нравственный характеръ древнерусскаго человѣка.

Менѣе, чѣмъ по прошествіи 150 лѣтъ по основаніи государства, религія христіанская была провозглашена господствующею на Руси, и легко замѣтить, какъ эта религія въ трудныя времена государственнаго младенчества поддерживала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ кипѣніи страстей, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ увлекался часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія; та же самая

сила молодости, которая съ неудержимою стремительностью влекла къ паденію, та же самая сила помогала человѣку встать послѣ паденія и загладить дурныя дѣла подвигомъ покаянія. Переходы отъ зла къ добру были быстры въ юномъ, свѣжемъ, могучемъ народѣ, и эта самая быстрота движенія содѣйствовала къ поддержанію общества, дѣлая его способнымъ подчиняться спасительному вліянію ученія христіанскаго. Сильны были болѣзни въ неустроенномъ юномъ тѣлѣ; но, благодаря этой юности, сильны были и противодѣйствія болѣзнямъ, охранявшія тѣло отъ разрушенія: какъ сильны были нравственные безпорядки, какъ часты были насилія, такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ со страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобъ дать ей торжество надъ матеріальною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію, — выходилъ монахъ, и, въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ второго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь и просить другого болѣе почетнаго,—мантіи монашеской. Таково было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря.

Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшіе люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о высшихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество, отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, слѣдовательно, болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что, внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при на-

деніи не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворить высшимъ требованіямъ, и это-то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно-то и двигало его впередъ и давало возможность выхода въ бытъ лучшій.

Эта юность древняго русскаго человѣка, какъ и вообще средневѣкового европейца, юность, условливавшая быстрые переходы отъ зла къ добру, юность, стремительно увлекавшая ко злу и потомъ дававшая силы загладить зло подвигами добра, при сознаніи о необходимости удовлетворить высшимъ нравственнымъ требованіямъ, эта юность даетъ историку ключъ къ уразумѣнію характера дѣйствующихъ лицъ. Герой одной изъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, подвигъ, вовсе не соотвѣтствующій его прежнимъ подвигамъ, и при этомъ говоритъ: „Смолоду много было бито, граблено, подъ конецъ надобно душу спасти“. Этотъ нашъ Василій Буслаевъ объясняетъ намъ не только характеръ древняго русскаго человѣка, но и характеръ средневѣкового европейца вообще: и на Западѣ рыцарь, славный смолоду насиліями, вдругъ приходилъ въ сознаніе своей грѣховности и спѣшилъ спасти душу подвигомъ религіознымъ. И здѣсь, и тамъ—и на Востокѣ, и на Западѣ,—общество поддерживалось тѣмъ, что члены его имѣли способность, имѣли силу быстро переходить отъ зла къ добру; увлекаясь бурными страстями молодости ко злу, сохраняли при этомъ силу не мириться со зломъ, сохраняли способность покаянія—признакъ нравственнаго могущества, залогъ преуспѣянія; общество поддерживалось тѣмъ, что на всѣхъ его явленіяхъ лежала печать юности, которая уравновѣшивала силы нравственныя и матеріальныя: противъ сильной болѣзни выставлялось и сильное лѣкарство, подлѣ рыцаря или богатыря, представителя силы матеріальной, общество могло выставить монаха, представителя силы нравственной, подвижника духовнаго. Отсюда эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монахъ, суть два господствующіе образа среднихъ вѣковъ, и понятно, что оба они часто соединяются въ одинъ, часто подъ мантіею инока мы подмѣчаемъ кольчугу богатыря; неудивительно намъ въ древнихъ русскихъ князьяхъ и богатыряхъ видѣть это стремленіе къ монашеству, это желаніе постригаться хотя передъ смертію; неудивительно читать въ сказаніи, что въ первыхъ рядахъ русскаго войска на Куликовомъ полѣ бились два монаха; на Западѣ же встрѣчаемъ военно-монашескіе ордена, въ которыхъ средніе вѣка такъ ясно отпечатлѣваются.

4. Частная жизнь князя удѣльно-вѣчевой Руси.

Каждый изъ князей получалъ, при рожденіи, мірское или княжое имя, а при крещеніи другое, христіанское. Большею частью въ міру онъ былъ извѣстенъ подъ первымъ именемъ, а второе упоминается рѣдко, въ немногихъ особенныхъ случаяхъ. Такъ именами мірскими являлись княжія имена: Брячиславъ, Володарь, Володимеръ, Всеволодъ, Всеславъ, Вячеславъ, Игорь, Изяславъ, Мстиславъ, Олегъ, Ростиславъ, Рюрикъ, Святополкъ, Святославъ, Ярополкъ, Ярославъ. И рядомъ съ этими именами Владиміръ (Равноапостольный) носилъ имя Василія; сынъ его Ярославъ Мудрый — имя Георгія; Владиміръ Мономахъ—также Василія; Святополкъ Изяславичъ звался Михаиломъ, а первомученики Борисъ и Глѣбъ—Романомъ и Давыдомъ. Обычай такихъ двойныхъ именъ, очевидно, ввелся со времени введенія христіанства. То же самое видимъ и по отношенію къ княжнамъ и княгинямъ: у каждой изъ нихъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, бывало по два имени. Мірскія или княжія ихъ имена даже замѣчательно сближались съ именами мужскими; такъ между женскими именами встрѣчаемъ: Болеславу, Сбыславу, Ярославу, Всеславу, Ольгу, Рогнѣду, Звѣнославу, Передславу, Верхуславу; такъ и св. Ольга, при крещеніи, получила имя Елены. Такъ какъ былъ обычай давать имена въ честь дѣда и отца, то, конечно, въ извѣстномъ княжескомъ родѣ должны были являться имена любимыя, часто повторявшіяся. Любопытною чертою времени представляется то, что княжія имена составляли какъ бы исключительную принадлежность княжескаго достоинства: они не только не являются въ народѣ, но не упоминаются и среди дружины княжеской. Весьма обыкновенно было, вѣроятно, употребленіе отчествъ, быть можетъ, еще въ ихъ полной формѣ — „сынъ Володимерь, сынъ Ярославль, сынъ Всеволожь“, тѣмъ болѣе, что форма современнаго намъ отчества на ичъ, вичъ въ первоначальномъ періодѣ нашей исторіи является болѣе въ значеніи нарицательнаго имени цѣлаго рода: напр., Олеговичи, Святославичи, Ярославичи. По отношенію къ княжнамъ отчества (въ современной ихъ формѣ на — вна, овна, напр., Юрьевна, Всеволожна, Михайловна) являлись весьма обыкновенною замѣною ихъ именъ, точно такъ же какъ для княгинь являлись подобною же замѣною имена ихъ мужей; говорилось: княгиня Мстиславляя, Ярославляя и т. д. Важ-

ною чертою времени, отчасти указывающею на значеніе женщины въ современномъ русскомъ обществѣ XI—XII вв., является и любопытный обычай называть иногда князей одного рода именами материнскими для отличія отъ другихъ князей той же семьи, но отъ другой матери, напр., Олегъ Настасьичъ (1187 г.), Василько Мариничъ (1136 г.).

Родины въ княжескомъ быту праздновались какъ великое семейное торжество, и такъ какъ княгини нерѣдко сопровождали своихъ мужей въ ихъ частыхъ путяхъ и походахъ, то случалось, что князь, на радостяхъ, давалъ обѣтъ построить церковь на томъ мѣстѣ, на которомъ родился у него сынъ, или даже отдавалъ ему во владѣніе тотъ городъ, въ которомъ онъ родился. Воспріемниками при крещеніи бывали родственники, и тотчасъ послѣ крещенія было въ обычаѣ отдавать княжаго сына на попеченіе особымъ дядькамъ или кормильцамъ изъ близкихъ князю-отцу бояръ, которые и заботились о своихъ питомцахъ до вступленія ихъ въ отрочество и находились при нихъ безотлучно. Такому обычаю способствовало въ значительной степени не только то, что князь велъ жизнь безпокойную и подвижную, но и то, что браки совершались между князьями въ очень раннемъ возрастѣ, и родители, вѣроятно, не всегда могли надѣяться на свою опытность въ дѣлѣ воспитанія. На томъ же основаніи княжны воспитывались иногда въ домѣ дѣда и бабки; такое свѣдѣніе сохранилось намъ отъ конца XII вѣка объ Евфросиніи, дочери Ростислава Рюриковича и Всеславы Всеволодовны, которую взяли къ себѣ на воспитаніе ея „дѣдъ и баба“ (съ материнской стороны). „И такъ была она воспитана въ Кіевѣ на горахъ“, замѣчаетъ лѣтописецъ (1198 г.). На третьемъ или четвертомъ году отъ роду надъ малолѣтнимъ княземъ совершался особый обрядъ постригъ или всажденія на конь — какъ бы посвященіе младенца въ его будущій княжескій санъ. Постриги заключались въ томъ, что ребенка приносили въ соборъ, гдѣ мѣстный епископъ обрѣзывалъ княжичу волосы, а потомъ его сажали въ первый разъ на коня. Всажденіе на конь, повидимому, не всегда происходило въ одинъ и тотъ же день съ постригами, тѣмъ болѣе, что это семейное празднество длилось не одинъ день; легко можетъ быть, впрочемъ, что церковная часть этого торжества отдѣлялась отъ свѣтской только тогда, когда къ тому представлялась возможность. Какъ родины, такъ и постриги, судя по свидѣтельствамъ лѣтописнымъ, принадлежали къ числу семейныхъ праздниковъ, которые сопровождались весельемъ, съѣздами родни и пирами. Вслѣдъ

за этимъ формальнымъ, обрядовымъ вступленіемъ въ жизнь княжича, вѣроятно, вскорѣ начинали учить грамотѣ и упражненіямъ воинскимъ, такъ какъ настоящее вступленіе въ жизнь и въ кругъ дѣйствительныхъ обязанностей княжескихъ, какъ властительскихъ, такъ и воинскихъ, происходило уже въ отроческомъ возрастѣ. Четырнадцати, много пятнадцати лѣтъ князья уже садились на столы княжескіе, а 17—20 л. принимали уже дѣятельное участіе въ историческихъ событіяхъ. Замѣтимъ, что въ походахъ и даже въ битвахъ князья принимали участіе еще въ младенчествѣ, 8—10 лѣтъ, оберегаемые дядьками своими и ближайшею дружиною.

Сообразно такому раннему вступленію въ жизнь политическую, военную и общественную, князья и въ семейную жизнь вступали также рано. Весьма многіе изъ нихъ женились между 14—17 годами, а извѣстны отдѣльные случаи браковъ и въ десятилѣтнемъ возрастѣ: такъ Святославъ Игоревичъ десяти лѣтъ женился на дочери Рюрика Ростиславича (1181 г.). Княжны выходили замужъ еще ранѣе, и замужество въ 8-лѣтнемъ возрастѣ не представляло собою исключительнаго или даже рѣдкаго случая. Само собою разумѣется, что такъ какъ браки совершались въ такомъ юномъ возрастѣ, то зависѣли вполнѣ отъ родителей, которые, по взаимному соглашенію, озабочивались о подысканіи невѣсты сыну и жениха дочери. Въ выборѣ жениховъ и невѣстъ не замѣчаемъ еще никакой исключительности, ни племенной, ни религіозной. Князья женились на княжнахъ русскихъ и дочеряхъ половецкихъ хановъ, избирали себѣ женъ и на далекомъ Кавказѣ, изъ Обезъ и Яссовъ; точно также княжны выходили замужъ и за русскихъ князей, и за царей греческихъ, за королей венгерскихъ и польскихъ, и за хановъ половецкихъ. Свадьбы справлялись роскошно, сопровождались пышными пиршествами, къ которымъ готовились заблаговременно, варили меды и издалека созывали родственниковъ и союзныхъ князей, съ женами, и ближайшихъ мужей дружины ихъ, также съ женами. За невѣстами отправлялись нерѣдко многочисленные поѣзды, и въ числѣ поѣзжанъ видимъ важнѣйшихъ представителей дружины со стороны отца женихова. Едва доходила до отца невѣсты вѣсть о приближеніи сватовъ жениха, какъ онъ спѣшилъ выслать для привѣтствія ихъ почетную встрѣчу изъ мужей своей дружины. Отецъ невѣсты дарилъ сватовъ и поѣзжанъ жениха, а отецъ жениха отдаривалъ сватовъ и поѣзжанъ невѣсты. За невѣстами, смотря по состоянію князя, давалось приданое.

Положеніе княгини, судя по сохранившимся свидѣтельст[illegible]

было почетнымъ и самостоятельнымъ. Княгини имѣли независимыя отъ мужей средства, удѣлы съ городами и села, которыми распоряжались на полной своей волѣ. Княгини иногда являлись примирительницами въ распряхъ; имъ поручали князья въ отсутствіи своемъ исполненіе важныхъ распоряженій; имъ, какъ вѣрнымъ и преданнымъ совѣтницамъ, довѣряли мужья свои затаенные помыслы, иногда скрываемые даже отъ ближайшей и старѣйшей дружины; къ нимъ обращались на смертномъ одрѣ съ послѣднею ласкою и завѣтомъ. Сохранились свидѣтельства, указывающія на то, что и къ сестрамъ, и къ невѣсткамъ своимъ князья относились чрезвычайно нѣжно и почтительно, заботились о нихъ и не стѣсняли ихъ свободы дѣйствій. И женщины, съ своей стороны, пользовались этой свободой вполнѣ, то принимая участіе въ дѣлахъ политическихъ, то посвящая себя заботамъ о своемъ образованіи, то вступаясь въ дѣла церковныя. Путешествія княженъ и княгинь въ Царьградъ и Іерусалимъ не были въ эту эпоху явленіемъ необычайнымъ, и благодѣтельное ихъ вліяніе на современные нравы, вліяніе просвѣщенное и проникнутое глубокою, живою религіозностью — едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Кромѣ родинъ, крестинъ, свадебъ и пострижъ, изъ празднествъ семейныхъ справлялись еще именины. Всѣ эти семейныя празднества сопровождались весьма обычными съѣздами родни и гостей, на пріемъ которыхъ радушный хозяинъ не жалѣлъ ничего. Отмѣтимъ кстати нѣкоторыя черты быта, относящіяся къ гостепріимству. Князья при встрѣчахъ обнимались и цѣловались. Если встрѣча эта происходила на пути, и князья съѣзжались верхами, то для взаимнаго привѣтствованія они сходили съ коней. Когда гость пріѣзжалъ на княжій дворъ, на встрѣчу ему сходили съ сѣней слуги княжіе и вели его передъ князя. Тамъ ставили они ему стулъ и сажали его. Если пріѣзжій гость былъ княжескаго рода, то нерѣдко и самъ князь сходилъ къ нему съ сѣней навстрѣчу и самъ велъ его въ гридницу. Но молодые князья иногда и не допускали до этого князей старшихъ: они всходили на сѣни, не ожидая встрѣчи, и входя въ горницу, кланялись хозяину. Хозяинъ вставалъ имъ навстрѣчу съ своего мѣста, цѣловался съ ними и сажалъ ихъ рядомъ съ собою.

Общіе княжескіе съѣзды и частныя свиданія князей между собою сопровождались весельемъ и пирами. При этихъ пирахъ было обычаѣ хозяину дарить гостя, и гостю отдаривать хозяина дарами очень цѣнными. Случалось даже, что щедрость хозяевъ-кня-

зей, позвавшихъ къ себѣ гостей на пиръ, принимала очень широкіе размѣры, и дары распространялись не только на дружину княжескую, но и на всѣхъ принимавшихъ участіе въ пиршествѣ. Любопытно, въ этомъ отношеніи, свидѣтельство лѣтописи подъ 1160 г., о снемѣ Ростислава съ Святославомъ Ольговичемъ въ Моравійскѣ, „мѣсяца мая въ 4-й день". „Съѣздъ ихъ", замѣчаетъ лѣтописецъ, „былъ на великую любовь". „Тогда Ростиславъ позвалъ къ себѣ Святослава на обѣдъ. Святославъ поѣхалъ къ нему, и была великая между ними радость въ тотъ день и (обмѣнялись они) дарами многими: Ростиславъ подарилъ Святослава соболями и горностаями и черными кунами, и песцами, и бѣлыми волками, и рыбьими зубами. На другой день позвалъ Святославъ Ростислава къ себѣ на обѣдъ... и подарилъ Святославъ Ростиславу (шкуру) пардуса и двухъ коней борзыхъ съ кованными сѣдлами". Судя по тому, что слово пити является въ современныхъ памятникахъ XI—XII вв. равносильнымъ со словомъ пировать, судя и по многимъ другимъ фактамъ, отмѣченнымъ лѣтописью, бражничанье было однимъ изъ наиболѣе выдающихся пороковъ времени въ княжеской и дружинной средѣ XI—XII вѣка, тѣмъ болѣе, что, при общеславянской склонности нашихъ князей къ гостепріимству и удалому разгулью, было много и поводовъ къ развитію этого порока. Къ тому же, кромѣ охоты и пировъ, кромѣ удалыхъ упражненій въ наѣздничествѣ и умѣньи владѣть оружіемъ, потѣхъ для досуга было немного. Въ житіи Ѳеодосія сохранилось любопытное свидѣтельство объ увеселеніяхъ, которыя названы тамъ даже обычными увеселеніями княжескими. Преподобный Ѳеодосій разсказываетъ, что однажды, прійдя къ Святославу (Ярославичу), онъ засталъ его потѣшающимся въ хоромахъ, гдѣ передъ нимъ музыканты играли на гусляхъ, а иные пѣли, и всѣ веселились, забавляя князя разными играми. Наиболѣе древнія изъ нашихъ былинъ, въ которыхъ несомнѣнно отразились отголоски кіевскаго періода, описывая „почестные пиры и столованья княжескія", также упоминаютъ о пѣніи и гуселкахъ яворчатыхъ, какъ о весьма обычной забавѣ; но былины большею частью приписываютъ эти пѣсни скоморохамъ, скоморошинамъ и даже, влагая пѣсню въ уста и гусли въ руки богатыря, заставляютъ его не даромъ „окручиваться въ платье скоморошеское". Современные памятники упоминаютъ о какихъ-то гудцахъ и шпилерахъ, потѣшавшихъ своею игрою на пирахъ, о „нѣмцахъ, венедицахъ, грекахъ и моравѣ, поющихъ славу Святославу, князю кіевскому". Есть даже основаніе думать, что существовали особые

пѣвцы княжескіе, но они не составляли особаго привилегированнаго класса придворныхъ поэтовъ, а принадлежали къ числу вдохновенныхъ народныхъ пѣвцовъ и сказателей, слагавшихъ пѣснь свою во славу князю и „пѣвшихъ про старыя времена и про нынѣшнія, и про всѣ времена досюлешнія".

Поученіе Мономаха даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ проходилъ день князя и въ чемъ состояли его ежедневныя занятія. Вставали князья до восхода солнечнаго и тотчасъ послѣ того, если не шли на службу въ церковь, то садились заутрокать и послѣ того принимались думу думать съ дружиною или людей оправливать (т.-е. судить, разбирать). По окончаніи думы и суда ѣзжали на охоту или занимались наѣздничествомъ и воинскими упражненіями. Около полудня обѣдали и въ полдень ложились спать. Существовало даже повѣрье, что „спанье самимъ Богомъ присуждено полудню: отъ начала почиваетъ въ полдень и звѣрь, и птица, и человѣкъ". День заканчивали ввечеру ужиномъ. Таковъ былъ порядокъ для княжескаго дня, если ничто не нарушало его теченія, и князю не приходилось быть ни въ пути, во время своихъ обычныхъ и обязательныхъ объѣздовъ, ни на дальней охотѣ. Охота принадлежала не только къ числу любимыхъ удовольствій, но вызываемая настоятельною необходимостью—необычайнымъ обиліемъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ и въ степяхъ приднѣпровскихъ — она являлась отчасти и подвигомъ. Охотились князья съ собаками, соколами и ястребами; окидывали часть лѣса тенетами и загоняли въ нихъ звѣрей загономъ; ѣзжали на охоту и въ ладьяхъ по Днѣпру. Судя по разсказу Мономаха, охота сопряжена была съ немалыми опасностями и нерѣдко принимала видъ ожесточенной борьбы человѣка съ дикими звѣрями,—борьбы, при которой требовалось много мужества и увѣренности въ своихъ силахъ. „Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ", разсказываетъ Мономахъ:—„одинъ олень меня бодалъ, и два лося—одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ; вепрь у меня мечъ съ бедра сорвалъ, медвѣдь укусилъ у меня подкладъ подъ колѣномъ, лютый звѣрь (волкъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедры и коня со мною повергъ". Въ виду подобныхъ эпизодовъ охоты мы не удивляемся, когда въ числѣ другихъ похвалъ умершему князю читаемъ въ лѣтописи, что „онъ былъ храбръ на ловахъ".

Но ни пиры, ни дѣла, ни охоты не заставляли князей забывать объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ церкви. Мономахъ говоритъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ: „съ любовью принимайте

благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игумновъ, любите ихъ и по силѣ снабжайте: пусть молятся о васъ Богу". И мы видимъ, что многіе князья посѣщаютъ богослуженія ежедневно, охотно строютъ монастыри и церкви и значительную долю своего состоянія употребляютъ на поддержаніе храмовъ и обителей, выстроенныхъ отцами и дѣдами ихъ (такъ называемыхъ отчихъ или вотчихъ монастырей). О нѣкоторыхъ князьяхъ имѣемъ свѣдѣнія, что они не пропускали ни одной службы церковной и любили бесѣды съ духовными лицами. Многіе князья искали спасенія и избавленія отъ мірскихъ соблазновъ въ стѣнахъ монастырей; многіе принимали схиму, чувствуя приближеніе смерти. Жены, конечно, были еще гораздо болѣе мужей усердны, болѣе преданы церкви: вдовы князей постригались вскорѣ по смерти мужей своихъ и завѣщали хоронить себя рядомъ съ мужьями. Погребали князей очень немного времени спустя послѣ кончины, обыкновенно на другой день; хоронили ихъ при церквахъ и внутри церквей; надъ могилами ихъ ставили голубцы или воздвигали боженки (часовенки). Если князь умиралъ гдѣ-нибудь далеко, тѣло его все же привозилось въ стольный Кіевъ и всегда хоронилось вблизи или рядомъ съ могилами его родныхъ (отца, брата, сестры). Тотчасъ по смерти князя всѣ родные, близкіе и домашніе люди надѣвали скорбное (черное) платье; за гробомъ князя несли стягъ княжескій и вели его коня. У гроба ставили копье. По поводу кончины князя раздавалась щедрая милостыня нищимъ и убогимъ и дѣлались вклады въ церковь на поминовеніе души усопшаго. Иногда раздача милостыни, по волѣ князя, начиналась еще при жизни. Надъ гробомъ князя, кромѣ обычныхъ пѣсенъ, произносились еще и причитанія, отрывки которыхъ сохранены намъ лѣтописью. Такъ, напр., при описаніи похоронъ Изяслава, подъ 1078 годомъ, лѣтописецъ подробно описываетъ память, какъ весь городъ Кіевъ вышелъ на встрѣчу тѣла Изяславова къ Городцу. Тѣло положили на сани и сначала повезли, а потомъ понесли на рукахъ къ городу, и нельзя было слышать пѣнья въ великомъ плачѣ и воплѣ: плакалъ по князѣ весь городъ Кіевъ. Ярополкъ же шелъ за нимъ и оплакивалъ его вмѣстѣ съ дружиною (говоря): „отче, отче мой! много ли безъ печали пожилъ ты на семъ свѣтѣ и сколько напасти принялъ ты отъ людей и отъ братьи своей? И вотъ теперь не отъ брата погибъ ты, но за брата своего положилъ главу свою!"

Одежда князей и дружины состояла изъ двухъ главныхъ частей — одной съ рукавами и полами, плотно облегавшей тѣло, по-

сившей названіе свиты или кожуха, и другой—верхней, широкой, безрукавой, въ видѣ круглаго накидного плаща, носившей названіе корзна или метля. Исподнее платье или исподь, названное нами свитой или кожухомъ, шилось изъ богатой цвѣтной ткани, зеленой, голубой, коричневой, иногда и пурпурной или тканой золотомъ. Оно обшивалось по подолу и по рукавамъ, выше локтей, каймою или кружевомъ цвѣтнымъ или золотымъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и притомъ очень широко. На груди оно застегивалось петлями изъ золотыхъ шнурковъ, переложенными изъ стороны на сторону, иногда рѣдко, иногда часто. Принадлежностью этого платья былъ воротникъ, то пришитый, отложной, сходившійся округлыми концами подъ шеею, то накладной, сплошной, покрывавшій верхнюю часть груди и спины, въ видѣ оплечья. Оплечье это бывало изъ шелковой и золотой ткани, иногда изъ такой же, какъ и обшивка на подолѣ. Поверхъ исподи, состоявшей изъ сорочицы или изъ свиты, надѣвалось корзно или плащъ, который иногда получалъ названіе луды, иногда названіе мятля. Этотъ плащъ у князей, судя по рисункамъ, бывалъ разныхъ тканей—то одноцвѣтный, то красный, синій, то съ разводами и узорами, вышитыми и затканными золотомъ. Плащъ подшивался подбоемъ другого цвѣта и весь вокругъ обшивался широкой тесьмою, большей частью золотою. Застегивался плащъ запоною, ближе къ правому плечу, такъ что правая рука оказывалась свободною, а лѣвая пола могла набрасываться на лѣвую руку. Можно было застегивать плащъ и посрединѣ груди, подъ бородою, опуская обѣ полы его, и кутать въ него тѣло. Такъ и нарисованъ плащъ на князѣ Борисѣ, стоящемъ передъ Владиміромъ въ минуту отправленія своего въ походъ на Половцевъ. Относительно верхней одежды, плаща или корзна мы должны замѣтить, что она составляла какъ бы признакъ извѣстнаго достоинства, можетъ быть, даже принадлежность только извѣстнаго, одного сословія. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что князья раздавали дружинѣ корзна въ видѣ награды. Съ другой стороны мы видимъ, что на миніатюрахъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ всѣ бояре изображены въ плащахъ, а не бояре—безъ плащей. Отсюда, вѣроятно, и получалось понятіе о корзнѣ, какъ о необходимой принадлежности полнаго княжескаго убора. Быть безъ корзна значило быть не въ полномъ убранствѣ — по-домашнему. Дѣти при отцѣ, какъ младшіе, могли быть безъ плаща. На головѣ князья носили клобукъ, т. [illegible] шапку, то съ плоскимъ, округлымъ верхомъ, то съ высокимъ [illegible] у дѣтей его. Верхъ клобука дѣлался изъ цвѣтной

ткани, а края его, прилегавшіе къ головѣ, опушались мѣхомъ. Иногда прибавлялись къ клобуку и мѣховые наушники. Клобука не снимали князья и въ церкви; въ клобукахъ ихъ и во гробъ полагали. Въ дополненіе сказаннаго уже нами о княжеской одеждѣ замѣтимъ, что бороду и усы было въ обычаѣ не брить. Вотъ почему на рисункахъ только молодые князья изображены безъ бороды, а старые даже и съ очень длинными бородами. Нѣкоторые князья, однакоже, подстригали бороду и носили ее короче усовъ.

5. Русская Правда.

„Судъ Ярослава Володимировича". „Правда Русская": такое заглавіе носитъ памятникъ въ его древнѣйшемъ спискѣ.

Если убьетъ мужъ мужа, то мститъ брату за брата, либо отцу, или сыну, либо двоюродному брату, или племяннику; а если некому будетъ мстить за него, то положить за голову 80 гривенъ, коли будетъ (убитъ) княжой мужъ или тіунъ княжой; если же (убитъ) будетъ русинъ, или гридь, либо купецъ, либо тіунъ боярскій, либо мечникъ, либо изгой, или словенинъ — то 40 гривенъ положитъ за него.

Послѣ же Ярослава опять собрались сыновья его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отмѣнили убіеніе за голову, но (установили) выкупаться кунами (т.-е. деньгами); а иное все, какъ Ярославъ судилъ, такъ и сыновья его установили.

Это—первыя статьи „Правды", въ переводѣ на современный языкъ, и что же даютъ намъ эти первыя статьи?

Во-первыхъ, ясно, что хотя весь сборникъ и называется „Судомъ Ярослава Владиміровича", однако, уже во второй статьѣ идетъ рѣчь объ уставѣ князей Ярославичей—Изяслава, Святослава и Всеволода. Значитъ, составитель „Правды" собиралъ въ одно цѣлое уставы нѣсколькихъ князей и отмѣчалъ различія между ними. Притомъ онъ разсказываетъ, какъ именно одинъ уставъ замѣнялся другимъ: вотъ — уставъ Ярослава, говоритъ онъ, а вотъ что постановили его сыновья на съѣздѣ, когда опять собрались вмѣстѣ. Это—пріемъ повѣствователя, а не законодателя.

Во-вторыхъ, въ тѣхъ же статьяхъ ясно выступаетъ и коренное различіе двухъ уставовъ: при Ярославѣ мстили за убитаго его родичи, и лишь въ томъ случаѣ, когда некому было мстить, по-

галась вира или денежное вознагражденіе въ пользу князя—80 гривенъ за княжого мужа и 40 гривенъ за простого свободнаго человѣка. Ярославичи отмѣнили месть за убійство и установили только денежный выкупъ.

Далѣе изъ этихъ статей видно, на какіе классы распадалось русское общество XI — XII вѣка. За княжого мужа и тіуна княжого (такъ назывался приказчикъ, вѣдавшій какую-либо часть управленія или хозяйства) взималась вира въ 80 гривенъ; много ниже „княжихъ мужей" стояли просто свободные люди, не находившіеся на службѣ у князей или занимавшіе низшія должности; то были: русинъ — всякій свободный человѣкъ русскаго происхожденія; словенинъ — новгородецъ; гридь — изъ младшей дружины княжеской; купецъ; боярскій тіунъ; мечникъ — вооруженный мечомъ человѣкъ, исполнявшій, можетъ быть, какія-нибудь полицейскія обязанности; наконецъ, изгой — человѣкъ, находившійся въ вѣдѣніи церкви и подъ ея покровительствомъ вслѣдствіе потери своего прежняго званія, напримѣръ, разорившійся купецъ или холопъ, выкупившійся на волю.

Наконецъ, изъ тѣхъ же статей ясно, какой денежный счетъ существовалъ на Руси при Ярославѣ и его сыновьяхъ: тогда считали „на гривны кунъ"; слово „гривна" означало въ старину фунтъ, а „куны" то же, что деньги. Гривна кунъ дѣлилась на части: на 20 ногатъ, 25 кунъ и 50 рѣзанъ, а рѣзана дѣлилась на болѣе мелкія части — векши. Гривна кунъ была металлическимъ денежнымъ знакомъ, хотя первоначально деньгами служили именно мѣха— куны. Въ одной статьѣ „Правды" ясно указано, что металлическіе и мѣховые знаки употреблялись одновременно. Вотъ, говоритъ эта статья, наклады (т.-е. расходы сверхъ пени въ пользу князя): отроку 2 гривны и 20 кунъ; а судьѣ ѣхать съ отрокомъ на двухъ коняхъ, и сыпать имъ на кормъ овесъ, а мяса дать барана или полоть, а прочаго корма, сколько чрево возьметъ; писцу—10 кунъ; перекладного (т.-е. при перепряжкѣ лошадей) 5 кунъ, на мѣхъ 2 ногаты. Значитъ, если въ 2 ногатахъ было 5 кунъ, то одна мѣховая ногата равнялась $2^1/_2$ металлическимъ серебрянымъ кунамъ. Изъ другихъ мѣстъ „Правды", а также изъ другихъ памятниковъ извѣстно, что гривна кунъ измѣнялась въ вѣсѣ, смотря по цѣнѣ серебра на Руси: она вѣсила и $^1/_3$ фунта, и $^1/_2$ фунта и еще меньше — $^1/_4$ фунта. Зная, когда былъ тотъ или другой вѣсъ гривны кунъ, можно опредѣлить ея цѣну, высчитать размѣръ штравъ за преступленія и судить о стоимости рабовъ, скота, пчелъ

и разныхъ предметовъ хозяйства отъ Ярослава до Владиміра Мономаха и позже — до половины XIII вѣка.

Вотъ нѣсколько статей „Правды", отвѣчающихъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

За княжого отрока, или конюха, или повара — 40 гривенъ (за голову).

За сельскаго тіуна княжого или земледѣльческаго — 12 гривенъ; за рядовича (наемнаго рабочаго) — 5 гривенъ; столько же и за боярскаго (тіуна и рядовича).

За ремесленника и ремесленницу — 12 гривенъ.

За смерда (простолюдина) и за холопа — 5 гривенъ; за рабу — 6 гривенъ.

За кормильца (дядьку) 12 гривенъ; столько же и за кормилицу, будетъ ли это холопъ или раба.

Если кто ударитъ кого батогомъ, либо чашей, либо рогомъ, либо тыльной (тупой) стороной меча, то 12 гривенъ; а если (обиженный), не стерпѣвъ того, ударитъ мечемъ (обидчика), то вины ему въ томъ нѣтъ.

Если кто поранитъ другому руку и рука отпадетъ или отсохнетъ, или поранитъ ногу, глазъ или носъ, то платитъ полувирье, 20 гривенъ, а потерпѣвшему за увѣчье 10 гривенъ.

Кто отрубитъ другому какой-либо палецъ — 3 гривны продажи (т.-е. пени князю), а самому потерпѣвшему — гривну кунъ.

Если толкнетъ мужъ мужа, либо (рванетъ) къ себѣ, либо (оттолкнетъ) отъ себя, либо по лицу ударитъ, или жердью ударитъ, а явятся двое свидѣтелей, то 3 гривны продажи; если же обвинять будутъ варяга или колбяга (т.-е. дружинника), то должно выставить полное число свидѣтелей (противъ обидчика) и принести присягу.

Урочная плата за покражу скота: за кобылу — 60 кунъ, за вола — гривну, за корову — 40 кунъ, за трехлѣтку (лошадь или корову) — 30 кунъ, за двухлѣтку — полгривны, за теленка — 5 кунъ, за свинью — 5 кунъ, за поросенка — ногату, за овцу — 5 кунъ, за барана — ногату, за жеребца нежженнаго — гривну кунъ, за жеребенка — 6 ногатъ, за коровье молоко — 6 ногатъ. Это — урочныя цѣны (или платежи потерпѣвшему за покражу) для смердовъ, которые (въ случаѣ воровства) платятъ продажу (или пеню) князю.

Если выбьютъ у кого зубъ, а кровь увидятъ у него во рту и явятся свидѣтели, то 12 гривенъ продажи, а за зубъ потерпѣвшему гривна.

Если кто украдетъ бобра, то 12 гривенъ.

Если кто уничтожитъ хозяйскіе знаки на борти—12 гривенъ.

Если кто перерубитъ межу бортную, или распашетъ межу пахотную, или дворовую межу тыномъ перегородитъ, то 12 гривенъ продажи.

Если кто подрубитъ дубъ со знакомъ или межевой, то 12 гривенъ продажи.

Если кто ладью украдетъ, то 60 кунъ продажи, а ладью пусть возвратитъ лицомъ; за морскую ладью—3 гривны, а за набойную (съ набойными бортами)—2 гривны; за челнъ—20 кунъ, а за стругъ—гривну.

Если кто подрубитъ веревку въ перевѣсѣ (для ловли птицъ или звѣрей), то 3 гривны продажи, а хозяину за веревку—гривну кунъ.

Если кто украдетъ въ чьемъ-либо перевѣсѣ ястреба или сокола, то продажи 3 гривны, а хозяину—гривну.

За голубя—9 кунъ, за курицу—9 кунъ, за утку—30 кунъ.

За гуся—30 кунъ, за лебедя—30 кунъ, за журавля—30 кунъ.

А за сѣно и дрова—9 кунъ, хозяину же (глядя по тому), сколько возовъ будетъ украдено, брать за возъ по 2 ногаты.

По этимъ и другимъ статьямъ „Правды“ можно отчетливо представить себѣ хозяйственный бытъ городского и сельскаго люда. Изъ нихъ можно видѣть также, что судъ обращалъ главное вниманіе на имущественный или хозяйственный вредъ, причиняемый обидчикомъ потерпѣвшему: гривна кунъ служила основой для оцѣнки человѣческой жизни, свободы, чести и собственности. Судъ временъ „Правды“ каралъ преступника матеріальнымъ убыткомъ и въ самомъ преступленіи видѣлъ прежде всего матеріальный вредъ. Въ старину господствовалъ обычай кровавой мести—со временъ Ярослава даже за убійство полагалось денежное взысканіе; старое правило: „кровь за кровь“ или „око за око“ уступило мѣсто новому: „гривна за гривну“; судъ билъ преступника по карману и требовалъ, чтобы убійца платилъ виру въ пользу князя и головничество въ пользу родственниковъ убитаго, или продажу, т.-е. пеню въ пользу князя, и урокъ, т.-е. вознагражденіе потерпѣвшему, если обидчикъ не былъ убійцей и не причинилъ увѣчья.

Тѣ же статьи показываютъ, что за одни преступленія взималась и пеня въ пользу князя, и плата за обиду или убытокъ потерпѣвшему, а за другія—лишь плата потерпѣвшему; значитъ,

„Правда“ различала преступленія, грозившія цѣлому обществу, (какъ бы дѣла уголовныя), и — грозившія только отдѣльнымъ лицамъ (какъ бы дѣла гражданскія).

Она обращала вниманіе и на характеръ преступленія, давала ему нравственную оцѣнку: такъ, напримѣръ, за убійство къ „свадѣ“ т.-е. въ ссорѣ, безъ злого умысла, она полагаетъ меньшее наказаніе, чѣмъ за убійство въ разбоѣ. Любопытно, что весьма тяжкое наказаніе полагалось за поджогъ и конокрадство, даже болѣе тяжкое, чѣмъ за увѣчье или убійство.

Если зажгутъ гумно,—говоритъ „Правда“,—то на потокъ и разграбленіе домъ его (т.-е. преступникъ выдается головой со всѣмъ имуществомъ); напередъ платитъ убытокъ хозяину, а остальное отдается на волю князя; та же расплата и для того, кто дворъ зажжетъ. Если кто по злобѣ зарѣжетъ коня или скотину, то 12 гривенъ продажи, а хозяину за убытокъ платить урочную цѣну.

Стоитъ сравнить эти статьи съ тѣми, которыя устанавливаютъ наказаніе за увѣчье или убійство, напримѣръ, наемнаго рабочаго, смерда или холопа: ясно, что „Правда“ высоко цѣнила движимую и особенно недвижимую собственность.

Уже изъ первыхъ статей „Правды“ видно, насколько различались между собою княжи мужи и смерды: за однихъ взималась вира въ 80 гривенъ, за другихъ — въ 40. Дальнѣйшія статьи показываютъ, что общество того времени распадалось на классы не только въ зависимости отъ службы или занятій отдѣльныхъ лицъ, но глядя по ихъ достатку или богатству. Такъ, высшій слой княжихъ мужей состоялъ изъ бояръ, владѣвшихъ землей и рабами; среди простонародья или свободныхъ людей выдѣлялись гости и купцы, какъ высшій слой, и закупы или наймиты, какъ низшій классъ, близкій къ холопамъ: если земледѣлецъ жилъ на княжеской или государственной землѣ, его называли смердомъ; если сельскій рабочій воздѣлывалъ чужую землю и получалъ плату или ссуду отъ хозяина, его называли наймитомъ или ролейнымъ закупомъ (ролья-нашня); наконецъ, ниже всѣхъ были холопы: за нихъ по суду отвѣчали хозяева, ихъ нельзя было брать въ качествѣ свидѣтелей, за ихъ увѣчье или убійство отъ руки господина не полагалось наказанія.

Рабовладѣніе и торговля невольниками издавна служили однимъ изъ главныхъ источниковъ и видовъ богатства: вотъ почему въ „Правдѣ“ много статей о холопахъ. Другой причиной ея вниманія

къ холопамъ было стремленіе церкви взять рабовъ подъ свое покровительство и облегчить ихъ участь въ новомъ христіанскомъ обществѣ. Хотя „Русская Правда“ смотритъ на холоповъ какъ на полную собственность господъ, приравнивая ихъ къ рабочему скоту и хозяйственнымъ орудіямъ, однако и въ ней встрѣчаются статьи, измѣнявшія старинный языческій взглядъ на раба; такъ, напримѣръ, въ одной статьѣ говорится:

Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка, да убѣжитъ въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то платить за него господину 12 гривенъ; а затѣмъ, если гдѣ тотъ обиженный встрѣтитъ своего обидчика, который его ударилъ, то Ярославъ установилъ было убить холопа, а сыновья его, по смерти отца, установили денежный выкупъ, взять съ господина гривну кунъ за соромъ, либо разложить холопа и побить (но не убить).

Такъ какъ торговля была главнымъ источникомъ богатства не только для купцовъ и гостей, но для бояръ и князей, то „Русская Правда“ содержитъ рядъ статей о долгахъ, займахъ и процентахъ на капиталъ. Таковы, напримѣръ, статьи:

Если кто отдастъ куны въ рѣзъ (т.-е. въ рость), или медъ въ наставъ, или жито въ присыпъ (т.-е. съ процентами), то слѣдуетъ ему ставить послуховъ (или свидѣтелей): какъ онъ уговаривался, такъ ему и взять ростъ.

Мѣсячный рѣзъ за малое время брать по уговору; а если зайдутъ куны за годъ (и не послѣдуетъ въ этотъ срокъ уплаты), то взять заимодавцу куны въ треть (т.-е. за двѣ куны — третью, или 50 процентовъ), а мѣсячный рѣзъ не считать; если же не будетъ послуховъ, а кунъ будетъ три гривны, то идти заимодавцу за свои куны къ присягѣ; а если было больше кунъ, то сказать ему такъ: промахнулся, коли не поставилъ (въ свое время свидѣтелей).

Если кто изъ купцовъ пойдетъ куда-либо съ чужими кунами, да потонетъ, или война его настигнетъ, или пожаръ, то не чинить ему насилья и не продавать его (въ рабство, какъ поступали со злостными неплательщиками); но какъ станетъ по годамъ платить, такъ и брать, потому что та бѣда отъ Бога, а самъ онъ не виноватъ; если же кто пропьется или пробьется (объ закладъ) или въ безумьѣ чужой товаръ испортитъ, то, какъ любо тѣмъ, чей тотъ товаръ (такъ и поступятъ) — подождутъ ли за нимъ, продадутъ ли его (въ рабство), своя имъ воля.

Если кто многимъ будетъ долженъ, а придетъ гость изъ иного

города или чужеземецъ, да, не вѣдая, запуститъ за него товаръ, а тотъ не станетъ платить гостю куны, а первые (кредиторы, которымъ онъ долженъ) начнутъ ему запрещать и не дадутъ ему долгъ платить, то вести его на торговую площадь, продать его (въ рабство) и отдать прежде всего куны гостю, а земляки пусть тѣмъ подѣлятся, сколько кунъ останется; если же будутъ княжія куны, то прежде взять ихъ, а прочее въ дѣлежъ; если кто много рѣза бралъ (съ такого должника), тому не платить.

Въ другихъ статьяхъ „Правда“ опредѣляетъ, какъ наслѣдуется имущество, какая часть выдѣляется женѣ, дѣтямъ и другимъ родственникамъ, въ какихъ случаяхъ является наслѣдникомъ князь, кто разбираетъ на судѣ споры о наслѣдствѣ.

Наконецъ „Правда“ указываетъ, какъ совершался судъ и кому принадлежала судебная власть.

Судьею былъ князь. Онъ назначалъ также посадниковъ, тысяцкихъ, сотскихъ, тіуновъ, отроковъ, дѣтскихъ, поручая имъ разборъ судебныхъ дѣлъ и сборъ судебныхъ пошлинъ. Самъ судья, если это не былъ князь, получалъ отъ тяжущихся, отъ истца или отвѣтчика, „помочное“, ему выдавался кормъ, его коню засыпали овесъ, онъ бралъ также перекладныя или ссадныя куны — мелкія пошлины при разъѣздахъ, напр., при перепряжкѣ лошадей, или по пріѣздѣ на мѣсто разбирательства.

Видно, что судъ отличался подвижностью: часть дѣлъ разбиралась во дворѣ князя или посадника, но во многихъ случаяхъ всѣ эти вирники, отроки и дѣтскіе объѣзжаютъ волость и воочію убѣждаются въ порчѣ межи или клейменаго дуба, въ кражѣ жита, въ поджогѣ гумна и хоромъ, наконецъ, въ слѣдахъ убійства, разбоя и побоища.

Вотъ какъ изображается въ „Правдѣ“ опросъ свидѣтелей и розыскъ покраденнаго:

Если придетъ на дворъ (т.-е. въ судъ) человѣкъ въ крови или въ синякахъ, то свидѣтеля ему не искать, а обидчикъ пусть платитъ продажу—3 гривны; если же не будетъ на потерпѣвшемъ знаковъ, то пусть приведетъ свидѣтелей и пусть они покажутъ слово въ слово съ истцомъ, и тогда зачинщикъ заплатитъ обиженному 60 кунъ; а если придетъ въ крови, да самъ окажется зачинщикомъ и это подтвердятъ свидѣтели, то вмѣнить ему въ платежъ (т.-е. во взысканіе) то, что его побили.

Кто купитъ на рынкѣ что-либо краденое, коня, одежду или скотину, тотъ пусть приведетъ въ свидѣтели двухъ свободныхъ му-

жей или мытника (мытъ—пошлина, которая взималась въ таможнѣ); если онъ станетъ говорить, что не знаетъ, у кого купилъ вещь, то идти за него тѣмъ свидѣтелямъ къ присягѣ; истцу взять свою вещь, а съ тѣмъ, что съ той вещью пропало, проститься; отвѣтчику же проститься со своими кунами, потому что не знаетъ, у кого купилъ; а если впослѣдствіи онъ узнаетъ, у кого купилъ, то пусть возьметъ свои куны; продавецъ же пусть заплатитъ хозяину вещи за то, что съ ней пропало, да продажу князю.

„Правда“ отмѣчаетъ также живое участіе въ судебныхъ дѣлахъ и цѣлой общины или, какъ тогда говорили, „верви“. Община должна была искать преступника и отвѣчать за убійство на ея землѣ, если преступника нельзя было найти.

Если кто убьетъ княжого мужа въ разбоѣ, говоритъ „Правда“, а убійцу не будутъ искать, то виру платить той верви, въ чьей лежитъ убитый: за княжого мужа 80 гривенъ, за простолюдина 40 гривенъ.

Изъ каждой статьи „Правды“ видно, что судебное разбирательство въ тѣ времена отличалось величайшей простотой.

Многія дѣла кончались присягой и по „Русской Правдѣ“. Присягали и сами тяжущіеся — истецъ и отвѣтчикъ, цѣловали крестъ и свидѣтели—видоки и послухи.

6. Посланія и поученія пастырей русской церкви XI и XII в.

Если еще до сихъ поръ существуютъ въ нашемъ простомъ народѣ остатки языческихъ суевѣрій и предразсудковъ, то понятно, что въ XI и XII вѣкахъ нравы, обычаи и вѣрованія нашихъ предковъ представляли самую пеструю смѣсь языческихъ и христіанскихъ воззрѣній. Естественно, что первою и главною обязанностью тогдашнихъ пастырей церкви было наставлять народъ въ вѣрѣ, объясняя ему съ одной стороны истины христіанства, а съ другой—вооружаясь противъ языческихъ понятій; и дѣйствительно, тогдашніе духовные для наставленія въ вѣрѣ писали слова, поученія и посланія, которыя и важны для насъ тѣмъ, что знакомятъ съ жизнью и нравами предковъ, такъ какъ составители поученій, наставляя, какъ должно жить христіанамъ, въ то же время нападаютъ на тогдашнюю жизнь, полную еще языческаго міровоззрѣнія.

Для того, чтобы имѣть понятіе объ этой двоевѣрной жизни, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ сохранившихся отъ того времени посланій и поученій.

Епископъ новгородскій Лука Жидята при самомъ вступленіи на свою паству (1035 г.) сказалъ ей поученіе, изъ котораго можно судить, что его паства только-что начинала осваиваться съ христіанствомъ, такъ какъ поученіе состоитъ изъ краткаго и простого наставленія въ истинахъ вѣры и благочестія. „Вотъ, братія, говорилъ Лука Жидята, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и св. Духа, какъ научили апостолы, утвердили св. отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутренѣ, и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ; и въ своей клѣти прежде Богу поклонись, а потомъ уже спать ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молите Бога всею мыслію, да отдастъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а больше съ братьею, а не будь у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобы тебя Богъ не ввергнулъ въ худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло; другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобы не назвали тебя сыномъ дьявола, помири, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи, да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ рабамъ будьте милостивы. Игрищъ бѣсовскихъ вамъ, братія, нелѣпо творить, также говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не смѣйся никому, въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды, помните, что, можетъ быть, будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки; у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, князя чтите, рабы повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи, не пей не во-время и всегда пейте съ умѣренностію, а не до пьянства, не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ, не

ѣшь нечистаго, святые дни чтите; „Богъ же мира со всѣми вами, аминь“ (Соловьевъ—Исторія Россіи).

Первый кіевскій митрополитъ изъ русскихъ Иларіонъ (въ 1051 г.) написалъ слово „о законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ; и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра въ вся языки простреся и до нашего языка русскаго; и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещеніе быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля нашеа“, гдѣ онъ выставляетъ превосходство христіанства надъ язычествомъ, доказываетъ противоположность и превосходство христіанства надъ іудействомъ, благодати Христовой передъ закономъ Моисеевымъ, и прославляетъ св. Владиміра, при которомъ было принято христіанство. Такое содержаніе его поученія объясняется тѣмъ, что онъ писалъ его не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжныя, т.-е. къ новому поколѣнію грамотныхъ христіанъ, которымъ было уже ясно превосходство христіанства надъ язычествомъ, такъ что главнымъ содержаніемъ поученія является вопросъ объ отношеніи новаго завѣта къ ветхому и о цѣли пришествія Іисуса Христа на землю; этотъ же послѣдній вопросъ нужно было выяснить молодому поколѣнію какъ потому, что и Владиміръ Святой прежде всего обратился къ греческому проповѣднику со словами: „для чего Богъ сошелъ на землю и принялъ страсть“, такъ и потому, вѣроятно, что евреи, не успѣвъ склонить св. Владиміра къ своей вѣрѣ, продолжали склонять къ ней русскихъ, хотя и принявшихъ христіанскую вѣру, но еще въ ней нетвердыхъ. Въ началѣ слова Иларіонъ доказываетъ весьма подробно превосходство Евангелія надъ закономъ Моисея; далѣе говоритъ о распространеніи Евангелія по всѣмъ странамъ и на Руси: „вѣра благодатная распространилась по всей землѣ, дошла и до нашего народа русскаго... Вотъ уже и мы со всѣми христіанами славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ. Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами... Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга въ жертву бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся... Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее; но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу“, и, продолжая сравнивать прежнюю языческую Русь съ христіанскою, Иларіонъ въ чувствѣ радости взываетъ къ Богу словами пророка:

„пойте Богу нашему, пойте... воцарися Богъ надъ языки"; потомъ Иларіонъ прославляетъ св. Владиміра, котораго сравниваетъ съ Константиномъ Великимъ, причемъ, обращаясь ко гробу Владиміра, проситъ его встать и посмотрѣть на плоды той вѣры, которую онъ распространилъ на Руси: „Встань отъ гроба твоего, честная глава! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань!.. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину, посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ; какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями! И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строящаго все сіе!" Въ заключеніе слова помѣщается молитва о дальнѣйшемъ преуспѣяніи Руси, съ которой Иларіонъ обращается къ Богу отъ лица всей русской земли: „помяни, какъ благій, и насъ убогихъ твоихъ, яко имя Тебѣ человѣколюбецъ! Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ по великой Твоей милости! Мы бо люди Твои и овцы пажити Твоея; мы — стадо, которое недавно Ты началъ пасти, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ; не отвергни насъ, хотя и доселѣ согрѣшаемъ предъ Тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ не умѣющіе угождать господину своему. Не возгнушайся, хотя и мало еще стадо, но скажи намъ: не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство". (Порфирьевъ—Исторія русск. словесности).

Изъ посланія митрополита Іоанна II черноризцу Іакову (XI в.) въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, касавшіеся церковной дисциплины, видно, что русскіе еще мало понимали принятое ими христіанство. Такъ въ этихъ отвѣтахъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что были еще тайные язычники, которыхъ слѣдуетъ считать чуждыми церкви

только по многократнымъ увѣщаніямъ; „если, какъ ты говоришь, замѣчаетъ митрополитъ, нѣкоторые въ русской землѣ не пріобщаются въ великій постъ, ѣдятъ мясо и все нечистое, то надобно ихъ всячески отвращать отъ этого, если же будутъ упорствовать, то не давать имъ св. причащенія и смотрѣть на нихъ, какъ на иноплеменниковъ и противниковъ вѣры. Такъ же должно поступать и съ тѣми, которые держатъ по двѣ жены и которые занимаются волхованіемъ; ослушниковъ должно строго наказывать, но не убивать до смерти и не увѣчить". „Не надобно, говоритъ митрополитъ, сообщаться и служить съ звѣроядцами и съ тѣми, которые служатъ на опрѣснокахъ; но ѣсть съ ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочетъ убѣгать этого для чистоты или немощи, пусть убѣгаетъ, но блюдите, чтобы не произошло отъ этого соблазна, не родилась бы вражда; надобно изъ двухъ золъ выбирать меньшее". Такъ какъ въ то время не было утверждено, чтобы русскія княжны, выходя замужъ за иновѣрныхъ владѣльцевъ, сохраняли православную вѣру, то митрополитъ и вооружился противъ обычая выдавать дочерей княжескихъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, т.-е. въ страны католическія. Митрополитъ приказываетъ всѣми силами направлять на вѣру правую тѣхъ, которые приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, которые женятся безъ благословенія церковнаго, разводятся и берутъ другихъ женъ. Называетъ беззаконниками тѣхъ, которые продаютъ рабовъ христіанъ жидамъ или еретикамъ; вооружается противъ тѣхъ, которые волею для торговли ходятъ къ погапымъ и ѣдятъ съ ними вмѣстѣ нечистое; позволяя монахамъ участвовать въ обѣдахъ съ женами и бѣльцами, особенно въ дорогѣ, онъ запрещаетъ учреждать такіе пиры въ монастыряхъ и стараться превзойти ими другъ друга, такъ какъ „эта ревность не по Богѣ, но отъ лукаваго происходитъ"; священнику, приходящему на пиръ, предписывается уходить, когда начинаются пѣсни, пляски и т. п. Нѣкоторыя сомнѣнія, разрѣшаемыя митрополитомъ, поражаютъ насъ своимъ простодушіемъ, напр., можно ли тепла ради носить одежду изъ шкуры звѣрей, не употребляемыхъ въ пищу? можно ли матери кормить ребенка до сорока дней, если не нашла кормилицы? Любопытно разрѣшеніе больной матери крестимаго ребенка передать долгъ поститься отцу, чтобы самой не погубить живота (Бестужевъ-Рюминъ — Русская исторія).

Пр. Ѳеодосій Печерскій, игуменъ (1062—1074 г.) Кіевопечерскаго монастыря, написалъ между прочими поученіями 2 поученія къ нар[illegible] 2 посланія къ вел. князю Изяславу. Поученіе къ

народу о казняхъ Божіихъ написано Ѳеодосіемъ по случаю пораженія русскихъ князей половцами на рѣкѣ Альтѣ въ 1057 г. и послѣдовавшаго за нимъ возмущенія въ Кіевѣ. Оно начинается объясненіемъ причинъ разныхъ общественныхъ бѣдствій, постигающихъ народъ, каковы, напр., нашествіе непріятелей, голодъ, засуха и пр. „Наводитъ Богъ, по своему гнѣву, говорилъ Ѳеодосій, какую-либо казнь или поганыхъ, когда мы не обращаемся къ Нему, а междоусобная брань бываетъ отъ соблазна діавола и отъ злыхъ людей. Когда согрѣшитъ какая-нибудь страна, Богъ наказываетъ смертію, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, или иными различными казнями". Между грѣхами, наводящими эти казни Божіи на народъ, Ѳеодосій указываетъ прежде всего на грѣхи двоевѣрія, по которому народъ, несмотря на то, что исповѣдывалъ христіанскую вѣру, держался нѣкоторыхъ старыхъ языческихъ суевѣрій. „Не по-языčески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ черпеца или черницу, или свинью, или коня лысаго, то возвращается назадъ: развѣ это не по-языčески? Другіе вѣрятъ чиханію, которое бываетъ на здравіе головѣ; но всѣмъ этимъ прельщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями, и разными искушеніями, удаляющими отъ Бога: волхвованіемъ, чародѣяніемъ, запоемъ, рѣзаніемъ, прикладами (ростомъ или лихвою), воровствомъ, лжею, завистью, клеветою, зубами (дракою), скоморохами, гуслями, сопѣлями и всякими играми и дѣлами непотребными". Потомъ Ѳеодосій указываетъ на нѣкоторые грѣхи въ особенности, какъ-то: на неблагочинное стояніе въ церкви, сопровождающееся смѣхомъ и разговорами, на нехристіанское празднованіе праздниковъ, когда любили устраивать пиры и предавались на нихъ всякимъ излишествамъ и невоздержности, и, наконецъ, на пьянство, противъ котораго въ концѣ слова онъ возстаетъ съ особенною силою: „горе, и опять скажу, горе пребывающимъ въ пьянствѣ... Пьянствомъ мы отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ злого бѣса. Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ діаволу отъ пьяницъ пьянственную жертву; а діаволъ съ радостію говоритъ: „никогда я не радуюсь столько жертвамъ языческимъ, какъ пьянству христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія".

Другое поученіе пр. Ѳеодосія къ народу направлено также противъ пьянства, или противъ обычая пѣть во время пира за столомъ множество тропарей и за каждымъ пить особую чашу,—обычая, которымъ хотѣли прикрыть неумѣренность въ питіи или пьянство. „А тропарей, говоритъ здѣсь Ѳеодосій, не пѣть за чашами

въ пиру больше трехъ: одинъ въ началѣ обѣда во славу Христа Бога нашего, другой въ концѣ—во славу Дѣвы Маріи, третій—за здравіе государя; а больше не велимъ". Яркими красками рисуетъ онъ гибельныя слѣдствія, которыми сопровождается неумѣренность въ питіи, и снова возстаетъ противъ пьянства и говоритъ, что оно дѣлаетъ человѣка хуже бѣснующагося: „бѣсный страждетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяница страдаетъ по своей волѣ и подвергается вѣчной мукѣ. Если къ бѣсному придетъ іерей и сотворитъ молитву, то прогонитъ бѣса; но если бы къ пьяному сошлися іереи со всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства". Въ этомъ словѣ пр. Ѳеодосій порицаетъ еще обычай „благословлять кутью во оставленье грѣховъ": „никакимъ приношеніемъ, говоритъ онъ, не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней",—также обычай приставлять къ кутьѣ воду и класть на кутью яйца, приносить въ алтарь, кромѣ просфоръ, ладана и свѣчъ, пищу и питіе.

Посланія къ в. к. Изяславу о постѣ въ среду и пятокъ и о Варяжской (латинской) вѣрѣ. Въ первомъ посланіи пр. Ѳеодосій объясняетъ значеніе воскреснаго дня и отличіе его отъ іудейской субботы и значеніе поста въ среду и пятокъ. Оно было отвѣтомъ на два вопроса князя: 1) можно ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять въ пищу ихъ мясо и 2) хорошо ли не употреблять мясо въ среду и пятокъ. Отвѣчая на первый вопросъ, Ѳеодосій говоритъ, что іудеямъ запрещено было въ субботу приготовлять пищу, но христіанамъ, которые освобождены отъ исполненія обрядоваго закона, нигдѣ это не возбранено, и, слѣдовательно, если мы будемъ воздерживаться отъ приготовленія пищи въ воскресный день, то будемъ подражать іудеямъ. Отвѣчая на второй вопросъ, онъ говоритъ, что весьма хорошо поститься въ среду и пятницу; такъ узаконили апостолы, потому что въ среду Іисусъ Христосъ былъ преданъ, а въ пятокъ распятъ жидами. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, у насъ есть еще другое преданіе св. апостолъ и св. отецъ, чтобы праздники Господскіе, Богородичные и св. 12-ти апостоловъ праздновать свѣтло. И потому, если ты связанъ отцомъ духовнымъ не ѣсть мясо въ среду и пятокъ, пріими отъ него разрѣшеніе, а если самъ себя связалъ, то можешь разрѣшить и ѣсть мясо въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случится праздникъ Господскій или Богородичный или 12-ти апостоловъ. Такимъ образомъ постъ въ среду и пятокъ во времена Ѳеодосія еще не былъ

подчиненъ опредѣленному уставу, такъ что совершенно понятными становятся споры объ этомъ постѣ, возникшіе въ XII в.

Поводомъ къ другому посланію о Варяжской вѣрѣ было также желаніе Изяслава узнать отличіе или разности латинской вѣры отъ православной. Указывая эти разности, Ѳеодосій говоритъ: „латиняне въ Савелліеву вѣру и ересь впали (т.-е. сливаютъ двѣ Божескія ипостаси—Отца и Сына въ одну, когда говорятъ, что Духъ Св. происходитъ отъ Отца и Сына, какъ отъ одного начала); служатъ на опрѣснокахъ; прощаютъ грѣхи за дары (т.-е. употребляютъ индульгенціи); не помазываютъ крещаемыхъ масломъ и міромъ, но кладутъ имъ соль въ уста; называютъ ихъ не именами святыхъ, а по волѣ родителей". На ряду съ разностями въ вѣрѣ указываются и разности въ обычаяхъ: Латиняне не право вѣруютъ и не чисто живутъ: ѣдятъ конину, удавленину и мертвечину, медвѣдину и бобровину; постятся въ субботу; кладутъ мертвецовъ ногами на западъ, а головою на востокъ; женятся на сестрахъ; священники ихъ и епископы не вступаютъ въ законный бракъ, а живутъ въ незаконныхъ связяхъ; епископы носятъ перстни, ходятъ на войну" и проч. Указывая разности въ вѣрѣ и обычаяхъ латинянъ, Ѳеодосій излагаетъ въ то же время и правила, какъ должно православнымъ вести себя по отношенію къ нимъ, а равно и къ другимъ иновѣрнымъ. Полагая, что спасеніе невозможно ни въ какой другой вѣрѣ, кромѣ православной, онъ вообще запрещаетъ хвалить чужую вѣру. „Если кто хвалитъ чужую вѣру, говоритъ онъ, тотъ является двоевѣрцемъ и близокъ къ ереси... Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру Богъ далъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ?" Съ латинянами онъ не велитъ православнымъ входить ни въ какія сношенія ни по дѣламъ вѣры, напр., въ пріобщеніи святыхъ тайнъ, ни по дѣламъ семейнымъ и житейскимъ, напр., вступать въ брачныя связи, побратимство, кумовство, и простираетъ свою строгость даже до того, что запрещаетъ ѣсть и пить съ ними изъ однихъ сосудовъ. „Если кто у васъ попроситъ, Бога ради, ѣсть или пить, дайте, но въ особыхъ сосудахъ, а если не будетъ особаго сосуда, въ своемъ дайте, только послѣ должно его вымыть и освятить". Тонъ посланія вообще очень строгъ и рѣзокъ, но совершенно понятенъ при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились другъ къ другу вообще латиняне и православные въ это время, вскорѣ послѣ раздѣленія церквей, и при тѣхъ усиліяхъ, съ какими латиняне старались распространить свое ученіе между русскими христіанами. „Ты же, чадо, говоритъ Ѳеодосій Изяславу, блюдися кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ

дѣлъ, потому что и наша земля наполнилась людьми этой вѣры". (Порфирьевъ—Исторія русск. словесности).

Вопросы черноризца Кирика (XII в.), предложенные новгородскимъ епископамъ Нифонту и Ильѣ, съ ихъ отвѣтами показываютъ, сколько еще было языческихъ суевѣрій въ народѣ и въ какомъ младенческомъ состояніи находилась наша церковь. Изъ этихъ вопросовъ видно, что въ XII в. были еще славяне язычники, такъ какъ положено для славянина восемь дней оглашенія, когда для болгарина, чухонца и половчина полагается сорокъ; въ эти дни оглашенный долженъ поститься и въ церкви стоять только во время литургіи оглашенныхъ; предписывается чистота нравовъ какъ лицамъ священнаго сана, такъ и мірянамъ; человѣка, совершившаго кражу, если она огласится передъ судомъ, нельзя ставить въ діаконы; во избѣжаніе излишней требовательности священниковъ назначается, поскольку они должны брать за поминовеніе усопшихъ; священниковъ предписывается отлучать за отдачу денегъ въ ростъ. Осуждаются языческія суевѣрія: жены, дающія невѣрнымъ мужьямъ пить воду, которою омывали свое тѣло; жены, которыя носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ (носили и къ варяжскому попу); языческій обычай приносить въ жертву Роду и Рожаницамъ хлѣбъ, сыръ и медъ. Очень много у Кирика наивныхъ и мелочныхъ вопросовъ, какъ-то: можно ли въ воскресенье рѣзать скотъ или птицу для пищи? Можно, въ томъ нѣтъ грѣха. Можно ли причащаться тому, у кого идетъ гной изъ устъ? Весьма можно: не тотъ смрадъ отлучаетъ отъ святыни, который выходитъ изъ устъ, но смрадъ грѣховный. Если кто придетъ къ священнику для покаянія и будетъ просить принять его въ число духовныхъ дѣтей: отнюдь не должно отвергать таковаго и отсылать къ другому духовнику. Покаяніе — дѣло вольное. Мнѣніе, будто десять литургій избавляютъ отъ епитимьи на четыре мѣсяца, 20 литургій—на 8 мѣсяцевъ, а 30—на цѣлый годъ, не можетъ быть принято: иначе богатые люди, согрѣшая, нанимали бы только служить за себя службы, а сами нимало бы себя не утруждали. Можно ли давать причастіе тому, кто до обѣдни постучитъ себѣ въ зубы яйцомъ? Дѣтямъ можно, а взрослому, если постучитъ не однажды, а много разъ и не по забвенію, нужно возбранять. Въ пищу употреблять можно всякую рыбу и мясо, если совѣсть не зазритъ и человѣкъ не возгнушается; если же зазритъ, и однакожъ онъ станетъ ѣсть, то грѣхъ ему. Въ какой одеждѣ должно ходить? Не бѣда, если въ медвѣдинѣ. Можно ли священнику служить въ той одеждѣ, въ которую будетъ вшитъ женскій платъ? Можно; чѣмъ

погана жена? Нѣтъ ли грѣха ходить по граматѣ, которая изрѣзана и брошена, но на которой еще видны слова? (Этотъ вопросъ, возникшій, конечно, вслѣдствіе того, что вся письменность въ тѣ времена имѣла священное и церковное содержаніе, оставленъ безъ отвѣта). Можетъ ли жена мужу или мужъ женѣ помогать исполнять епитимію? Можетъ, также какъ другъ другу и братъ брату. Можно ли служить сорокоустъ и ставить кутью за живого человѣка, если онъ заказываетъ? Можно, только надобно сказать такому человѣку, чтобы онъ послѣ этого не грѣшилъ, потому что мертвые не грѣшатъ. Можно ли служить священнику, если онъ, пообѣдавъ и поужинавъ, не поспитъ, а всю ночь простоитъ на пѣніи и чтеніи? Можно служить и не поспавши, развѣ лучше спать, чѣмъ молиться Богу? Не грѣхъ ли возбранять странствованія въ Іерусалимъ, ко святымъ мѣстамъ? Не только не грѣхъ, но и большое добро, когда идутъ для того, чтобы быть праздными и только ѣсть и пить. Тѣхъ, которые даютъ присягу идти въ Іерусалимъ, надобно подвергать епитиміи, ибо присяга эта губитъ нашу землю (т.-е. лишаетъ значительнаго количества рукъ). Мертваго надобно хоронить до захожденія солнца, когда еще не снимется съ него вѣнецъ, такъ какъ онъ видитъ солнце въ послѣдній разъ до общаго воскресенія. Хорошо отпустить кого-либо на свободу, но еще лучше выкупить человѣка. Таковы простодушные вопросы Кирика, изъ отвѣтовъ на которые можно видѣть, насколько духовенство стояло выше тогдашняго общества (Порфирьевъ—Ист. р. слов.; Бестужевъ—Русская Исторія).

Много словъ и поученій осталось отъ Кирилла, епископа Туровскаго (1171—1182 г.), но они не касаются современной русской жизни, а будучи написаны по поводу того или другого церковнаго событія, объясняютъ народу только важность этого событія и необходимость его празднованія, почему изъ нихъ и нельзя извлечь знакомства съ нравами русскихъ людей того времени; замѣчательны же они, какъ лучшій образецъ русскаго духовнаго ораторства, развившагося подъ вліяніемъ Византіи.

На основаніи этихъ посланій и поученій Знаменскій въ своей статьѣ „О борьбѣ христіанства съ язычествомъ“ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно религіозныхъ понятій нашихъ предковъ въ XI—XII в.: „Съ новымъ Богомъ народу хотѣлось удержать и своихъ прежнихъ доморощенныхъ боговъ. Онъ исполнялъ это желаніе всегда и вездѣ, когда и гдѣ было можно, гдѣ князь и духовенство не могли замѣтить его служенія по старой вѣрѣ, куда не могли проникать мѣры той и другой власти. Послѣ

обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ славянинъ полуязычникъ отправлялся въ священную дубраву, къ озеру, рѣкѣ, студенцу, къ старому дуплистому дубу, березѣ, къ священному камню или подъ овинъ и творилъ тутъ свою убогую молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертву бѣсамъ Перуну, Хорсу, Мокошу, Велесу, Дажбогу и др., пѣлъ свои старинныя пѣсни, въ которыхъ призывалъ солнце красное, младъ свѣтелъ мѣсяцъ, звѣзды частыя; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе; да онъ и церковь звалъ „божницею“, христіанскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались всѣ старинные богослужебные обряды, ставились законные обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч. Составлялись и языческія торжества: то сойдутся люди для тризны по умершимъ, то тихонько отъ строгаго церковнаго и гражданскаго надзора соберутся на старинныя игрища межи селы, гдѣ возобновятся всѣ языческія безчинія и разгулъ. Но общественное богослуженіе строго преслѣдовалось, и язычество поневолѣ должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царила чистѣйшая старина. Долго церковь не могла завязать самаго основного узла законной семейной жизни—правильнаго брака. Въ простонародьѣ было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ. Свидѣтельство на это имѣемъ въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна (XI вѣка). Не только были въ свѣжей памяти, но и на самомъ дѣлѣ происходили умыканія невѣсть, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около священнаго озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ вѣнчанія церковнаго, обходили вкругъ ракитова куста. То же правило XI вѣка свидѣтельствуетъ, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогонялъ одну и бралъ другую.

Славянинъ полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ грѣховъ, и встрѣчу съ духовнымъ лицомъ почиталъ дурною для себя. Въ то же время въ обществѣ большимъ уваженіемъ пользовались волхвы и кудесники — эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, избавить его наговорами отъ порчи, глаза, навязать ему чародѣйскій наузъ, совершить обрядъ постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ до-

машней жизни, по случаю чьей-нибудь болѣзни, пропажи, семейнаго раздора и т. п. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ тоже: произойдетъ засуха, случится наводненіе, появится зараза, народъ думалъ, что все это дѣло колдовства чародѣевъ и обращался къ нимъ съ мольбою о помощи. Не только по деревнямъ и селамъ, но и по городамъ ходили толпы вѣщихъ мужиковъ и бабъ, особенно старухъ, которыя были окружены языческою таинственностью и держали въ рукахъ суевѣрное народонаселеніе древней Руси. Лѣтопись показываетъ, что къ волхвамъ ходили не только простая чадь, но и князья. Знаменитый Всеславъ полоцкій, герой былинъ, оборотень „Слова о полку Игоревѣ", былъ рожденъ и воспитанъ среди волхвованія. Если припомнимъ, какое значеніе волхвы имѣли въ язычествѣ, то всѣ эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣлятъ для насъ степень распространенія христіанскихъ понятій и укорененія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника, онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ христіанства. Торжество того или другого было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служители языческихъ боговъ, какъ главные хранители суевѣрныхъ обычаевъ и священныхъ знаній стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ христіанствомъ; они ходили всюду съ своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ болѣе была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще не утвержденный въ христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ моровую язву, въ голодъ, въ засухи, въ годины разнаго рода народныхъ бѣдствій. Народъ толпами ходилъ за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. Не передавая подробныхъ лѣтописныхъ извѣстій о волхвахъ, укажемъ на одно наиболѣе выразительное явленіе, опредѣляющее степень распространенности христіанства между разными слоями общества. Въ XI вѣкѣ волхвъ явился въ Новгородѣ; когда епископъ съ крестомъ въ рукахъ вышелъ на вѣче, на его сторону стали только князь съ дружиною, весь народъ сталъ на сторонѣ волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главныхъ и образованнѣйшихъ городовъ, то что̀ сказать о селахъ, деревняхъ, починкахъ, разбросанныхъ въ разсыпку по разнымъ захолустьямъ Русской земли, въ лѣсахъ и степяхъ, вдали отъ правительственныхъ и церковныхъ центровъ?...

Веселое, хороводное и пѣсенное богослуженіе язычества увлекало новообращенныхъ христіанъ; изъ церкви народъ съ удовольствіемъ бѣжалъ на свои игрища. Обличенія въ холодности къ бого-

служенію, происходящей не отъ лѣности, а именно отъ языческаго расположенія духа, составляютъ поэтому главную тему поученій нашихъ древнихъ іерарховъ. Древніе пастыри наши хорошо понимали, какъ вредна для христіанства эта любовь народа къ своимъ игрищамъ и пѣснямъ и что она значитъ. Пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ прямо почиталось дѣломъ языческимъ... Народъ, сохраняя еще свѣжее языческое чувство, охотнѣе стремился на языческія празднества, чѣмъ въ христіанскій храмъ... Народныя игрища были совершенно языческаго духа. Всѣ эти купальскія, семицкія, радонецкія и т. п. торжества съ бубнами, сопѣлями, пѣснями и плясаніемъ были вовсе не то, что нынѣ; они имѣли еще смыслъ (языческій), теперь уже забытый... И проводились эти празднества по-язычески. Поученія съ отвращеніемъ описываютъ пьяный и грязный разгулъ, который производился на нихъ и перешелъ цѣликомъ изъ языческаго времени. Здѣсь происходили сцены разврата, который прежде имѣлъ другое значеніе — законнаго брака, а теперь сталъ совершенно въ разрѣзъ съ заботливостью церкви объ устроеніи домашняго быта посредствомъ христіанскаго брака. Разсказавъ о языческомъ обрядѣ умыканія дѣвицъ, пр. Несторъ непосредственно затѣмъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Руси этотъ обрядъ совершался еще и въ его время. Объ умыканіи говорится въ церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава, въ церковномъ Правилѣ митрополита Іоанна II.

Особенно свѣжи были остатки язычества въ менѣе открытыхъ и многолюдныхъ собраніяхъ около священныхъ деревъ, камней, водъ. Въ Уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесено: „кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ (въ лѣсу), или у воды“. То же повторяютъ Уставъ Всеволода и церковное Правило митрополита Іоанна. Въ этихъ укромныхъ мѣстахъ менѣе мѣшалъ язычнику строгій церковный надзоръ. Поученія обличаютъ преимущественно общественныя игры, пѣсни, пляски, развратъ. Въ празднествахъ, имѣвшихъ семейный характеръ, они подмѣтили почти только такіе обряды, которые выходили изъ предѣловъ семьи и избы, напримѣръ, въ праздники Коляды — собираніе припасовъ для общей жертвы, переряживаніе, попойки. Во внутренній міръ семьи, этотъ міръ суевѣрій тайныхъ, неоткрытыхъ, какъ видится, не могла совершенно проникнуть наша первобытная церковь. Поученія мало знаютъ даже о главномъ божествѣ дома—домовомъ. Церковь могла слѣдить только за взаимными отношеніями членовъ семьи и устраивать ихъ по началамъ христіанскаго брака“.

7. Государственное значеніе православія.

Западно-русскіе переселенцы были уже христіанами, когда перешли въ новую родину и перенесли на финскую почву церковь восточнаго исповѣданія, со всѣми ея учрежденіями. Несмотря на то, что языческое міросозерцаніе упорно держалось между колонистами, даже до позднѣйшаго времени,—названіе христіанина стало отличительнымъ ихъ признакомъ посреди язычниковъ-туземцевъ и надолго замѣнило сознаніе народности (христіанинъ-крестьянинъ). Русскій и православный, въ народномъ понятіи, одно и то же; православный, хотя бы и не русскій по происхожденію, все-таки считается русскимъ; природный русскій, но не православной вѣры, не признается за русскаго. Итакъ, въ Великороссіи христіанская вѣра восточнаго исповѣданія стала народнымъ знаменемъ; заступила мѣсто народности. Этимъ объясняется огромное политическое значеніе православія въ Великороссіи: въ западной Россіи оно получило его впослѣдствіи, подъ вліяніемъ борьбы съ римскимъ католичествомъ. Хотя, такимъ образомъ, оно играетъ великую роль въ цѣломъ русскомъ племени, однако характеръ его, на западѣ и востокѣ, былъ весьма различенъ, на что, какъ намъ кажется, не обращено еще должнаго вниманія... Христіанство принимается внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, смотря по степени культуры; въ ней, а не въ православіи, должно искать причины различнаго характера, который оно долго имѣло въ восточной и западной Россіи. Пока языческое міросозерцаніе не было вполнѣ отжито великороссіянами, до тѣхъ поръ они не были въ состояніи усвоивать духовное содержаніе христіанства и останавливались преимущественно на его внѣшней, обрядовой сторонѣ, приноровляя христіанское ученіе и истины къ своимъ полуязыческимъ представленіямъ и вѣрованіямъ. Задержанные въ своемъ развитіи на новой почвѣ, западно-русскіе поселенцы, естественно, гораздо позднѣе стали доступны внутренней духовной сторонѣ православія, чѣмъ ихъ братья въ первоначальной родинѣ... Въ западной Россіи развитіе продолжалось на томъ же корню, на которомъ началось, и потому культура была сравнительно выше; вотъ почему и православіе воспринималось здѣсь болѣе и болѣе духовно, что и дало западной Россіи силу бороться съ римскимъ католичествомъ духовнымъ оружіемъ.

Въ Великороссіи православіе, соотвѣтственно ея степени куль-

туры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи. А между тѣмъ, еще не такъ давно люди высокаго образованія, извращая вопросъ, думали, что православіе, отдѣливъ насъ отъ остального образованнаго европейскаго міра, задержало наше развитіе и было главной, если не единственной причиной нашей видимой отсталости въ культурѣ отъ прочихъ народовъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что мы сильно отстали въ культурѣ отъ Европы потому, что жизнь Великороссіи началась съ азбуки, съ самой первой ступени осѣдлаго быта, едва ли ранѣе XII в., при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ когда-либо находился другой народъ. Не православіе заражено формализмомъ, а мы восприняли его преимущественно съ формальной, внѣшней, обрядовой стороны, потому что по степени развитія были неспособны подняться до внутренняго, духовнаго содержанія христіанства. И при всемъ томъ, православіе оказало Россіи неисчислимыя услуги. Благодаря ему, мы сохраняли сознаніе національнаго единства и не сдѣлались добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало до тѣхъ поръ, пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури.

Православіе замѣнило намъ въ началѣ сознаніе народности. Отсюда тогдашній государственный и политическій характеръ нашей церкви. Сперва одна она и представляла наше народное единство; церковное единеніе задолго предшествовало государственному, и въ теченіе столѣтій подготовляло его. Переѣзды митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда въ Москву, были столько же государственными, сколько церковными событіями, даже болѣе государственными, чѣмъ церковными. Алексѣй митрополитъ навлекаетъ на себя сѣтованія патріарха за то, что держитъ сторону московскаго князя въ распряхъ его съ удѣльными. Церковь стоитъ во главѣ народныхъ войнъ противъ татаръ, благословляетъ на подвигъ Дмитрія Донского, склоняетъ колеблющагося Ивана III. Во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбы нарождающагося государства, церковь играетъ первую роль; она его вскормила, выходила и передала на руки свѣтской государственной власти, когда [illegible] политическаго тѣла уже совершился. Не по-

нимая этого высокаго призванія въ судьбахъ Великороссіи, призванія, опредѣлившагося составными стихіями послѣдней—нельзя понять характера нашей церкви въ древнѣйшую эпоху великорусской исторіи... Церкви приходилось бороться не съ злою волей или развращеннымъ умомъ, а съ грубѣйшими языческими нравами; съ дикими предразсудками, съ первобытнымъ реализмомъ, при которомъ люди приближались къ звѣрямъ и безсловеснымъ... Имѣя дѣло съ такой средой, церковь должна была вооружиться не проповѣдью, не поученіемъ, а внѣшней дисциплиной, чтобъ сперва, хоть наружно, приблизить этихъ людей къ образу и подобію Божію.

8. Древне-русскіе паломники.

Въ старину наши предки иногда совершали путешествія въ святую землю, въ Константинополь, на Аѳонъ, и такіе путешественники назывались паломниками отъ пальмовыхъ вѣтвей, которыя они приносили съ собой и съ которыми слушали въ церкви гроба Господня заутреню въ вербное воскресенье. На востокѣ паломничество существовало съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства; въ западной Европѣ оно тоже было распространено и разсказы пилигримовъ о святой землѣ, о притѣсненіи христіанъ невѣрными, какъ извѣстно, способствовали крестовымъ походамъ. Наши предки познакомились со святыми мѣстами по разсказамъ грековъ, съ которыми были тогда частыя сношенія, а святыни и достопримѣчательности Константинополя видѣли сами во время походовъ Аскольда и Дира, Олега и Игоря, во время путешествія Ольги и пребыванія посольства св. Владиміра. Еще при первыхъ князьяхъ начинается русское паломничество, такъ какъ нашихъ предковъ, несмотря на такія долгія и трудныя путешествія, влекло, во-первыхъ, желаніе увидѣть святыя мѣста, о которыхъ они много слышали и читали, а во-вторыхъ, убѣжденіе, заимствованное отъ грековъ, что путешествіе ко святымъ мѣстамъ, молитва передъ христіанскими святынями чрезвычайно угодны Богу и ими можно заслужить прощеніе грѣховъ и спасеніе души, а также вымолить прощеніе грѣховъ своимъ роднымъ, живымъ и умершимъ. Такъ о богатырѣ Василіи Буслаевичѣ говорится въ былинѣ, что онъ послѣ буйно проведенной молодости пошелъ въ святую землю, „пришелъ въ церковь соборную, служилъ обѣдни за здравіе матушки и за себя, Василья Буслаевича, и обѣдню съ панихидою служилъ по родномъ своемъ

батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдню съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцевъ, что смолоду бито много, граблено. И святой святынѣ приложился онъ, и въ Ерданьрѣкѣ искупался". При такомъ взглядѣ на паломничество явилось даже мнѣніе, что грѣшить можно, такъ какъ эти грѣхи всегда успѣешь замолить на старости лѣтъ путешествіемъ ко святымъ мѣстамъ („смолоду было много бито, граблено, подъ старость надо душу спасти", говорится въ былинѣ); но, конечно, большая часть паломниковъ ходили изъ религіознаго побужденія увидѣть святыя мѣста и помолиться тамъ. Страсть къ паломничеству настолько была сильна въ древней Руси, что духовенство прямо запрещало его и даже накладывало епитиміи на тѣхъ, которые давали обѣты идти въ святую землю.

Во время путешествій паломники обращали вниманіе только на тѣ предметы и на тѣ мѣстности, которые имѣли какое-либо отношеніе къ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи; такъ ихъ интересовали знаменитые храмы—константинопольскій софійскій соборъ, іерусалимскій храмъ, города Константинополь и Іерусалимъ, мощи святыхъ, чудотворныя иконы, мѣстности въ Палестинѣ, ознаменованныя многими событіями изъ новозавѣтной исторіи. Все же остальное, что не имѣло прямого отношенія къ религіи, мало и даже совсѣмъ ихъ не занимало, такъ какъ, вѣдь, и главною цѣлью ихъ путешествій было посмотрѣть святыню. При посѣщеніи святыхъ мѣстъ и храмовъ они молились тамъ, купались въ священныхъ рѣкахъ, прикладывались къ мощамъ святыхъ, пили святую воду и уносили съ собою на Русь, кромѣ пальмовыхъ вѣтвей, частицу земли святой, водицы, кусочки камня отъ гроба Господня. Осматривая святыя мѣста и предметы, о которыхъ они раньше читали въ священной исторіи или слышали отъ другихъ, они умилялись, восторгались видѣннымъ и глубоко, безъ всякихъ возраженій вѣрили всему тому, что имъ говорили тутъ объ этихъ святыняхъ греки и латиняне; а эти объясненія однако были очень часто апокрифическаго характера и даже противны здравому смыслу. Эта вѣра паломниковъ во все ими видѣнное и слышанное объясняется уваженіемъ, съ которымъ, естественно, они относились къ образованнымъ грекамъ и латинянамъ (западноевропейцамъ), чувствуя ихъ превосходство надъ собой; кромѣ того надо имѣть въ виду огромное вліяніе Греціи на тогдашнюю Русь: оттуда мы получили вѣру, просвѣщеніе, долгое время получали пастырей церкви, почему ко всему греческому относились съ уваженіемъ и о мудрости грековъ имѣли высокое мнѣніе.

По возвращеніи изъ путешествій паломники разсказывали окружающимъ о томъ, что̀ видѣли и гдѣ были, а нѣкоторые даже составляли письменныя описанія своихъ путешествій; эти описанія путешествій дошли до насъ и знакомятъ съ умственнымъ развитіемъ нашихъ паломниковъ, хотя вышеуказанныя обстоятельства заставляютъ насъ иногда сомнѣваться въ истинѣ того, что̀ они видѣли и описали. Таковъ былъ характеръ паломничества на Руси до половины XV вѣка.

Съ половины XV вѣка паломничество пріобрѣтаетъ другой характеръ сообразно съ измѣненіемъ нашихъ отношеній къ Византіи. Въ 1439 г. византійскій императоръ для спасенія отъ турокъ согласился признать Флорентійскую унію, т.-е. подчинилъ греческую церковь папѣ; эта унія однако не спасла Византіи, которая въ 1453 г. была завоевана турками. Флорентійская унія не только не была признана на Руси, но русскіе съ этого времени и на грековъ стали смотрѣть, какъ на измѣнниковъ православію, и паденіе Константинополя объясняли наказаніемъ Бога за унію. На Руси съ этого времени укореняется убѣжденіе, что только въ ней и сохраняется теперь православіе во всей цѣлости и неприкосновенности и что она обязана охранять его отъ всякаго чужеземнаго вліянія. При такомъ взглядѣ на грековъ нѣкоторые паломники отправляются на Востокъ съ той цѣлью, чтобы убѣдиться, что среди грековъ такъ же упало древнее благочестіе, какъ оно падаетъ на Руси послѣ новшествъ Никона; поэтому они обращали вниманіе преимущественно на всѣ уклоненія грековъ отъ древняго православія, сближеніе въ дѣлахъ вѣры съ западноевропейцами; грековъ они называютъ отступниками отъ православія, ставятъ ихъ ниже турокъ и жидовъ. Къ святынямъ востока они теперь уже относились подозрительно, съ сомнѣніемъ, а не какъ прежде съ полною вѣрою во все то, что имъ говорили объ этихъ святыняхъ. Другіе же паломники въ своихъ путешествіяхъ на Востокъ (к. XVII и н. XVIII в.) ограничиваются простымъ перечнемъ видѣнныхъ предметовъ и въ ихъ сочиненіяхъ уже нѣтъ той простоты и наивности, той глубокой вѣры, того искренняго благочестія, которыми отличаются сочиненія старинныхъ паломниковъ.

Назовемъ нѣкоторыхъ паломниковъ: Хожденіе паломника игумена Даніила (1113—1115 г.); путешествіе Стефана Новгородца въ Царь-градъ (1350 г.); путешествіе митрополита Пимена въ Царьградъ (1389 г.); ксеносъ (странникъ) монаха Зосимы (1425 г.); путешествіе Трифона Коробейникова и Юрія Грекова ко святымъ мѣстамъ (1583 г.). Чтобы имѣть понятіе объ этихъ путешествіяхъ,

познакомимся вкратцѣ съ содержаніемъ сочиненія игумена Даніила объ его путешествіи въ Іерусалимъ. (Порфирьевъ—Исторія русск. словесности).

Время путешествія Даніила относится къ 1113—1115 г., когда Іерусалимомъ владѣли крестоносцы и тамъ царствовалъ братъ Готфрида Бульонскаго Балдуинъ (это было послѣ перваго крестоваго похода). „Въ началѣ Даніилъ указываетъ побужденіе, по которому онъ ходилъ въ Іерусалимъ и описалъ свое хожденіе: „Я недостойный Даніилъ, понуждаемый мыслію своею и нетерпѣніемъ своимъ, восхотѣлъ видѣть святый градъ Іерусалимъ, и землю обѣтованную, и мѣста святыя. Я описалъ сей путь и мѣста сіи святыя, не возносясь и не величаясь путемъ симъ, какъ будто сдѣлалъ что-нибудь доброе на пути семъ, да не будетъ, я не сотворилъ на пути никакого добра. Но по любви къ святымъ мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ своими грѣшными очами, чтобы не забыть мнѣ того, что показалъ мнѣ Богъ недостойному. Написалъ я это также и ради вѣрныхъ людей, чтобы, кто услышитъ о сихъ святыхъ мѣстахъ, потщился къ нимъ душею и мыслію и получилъ равную мзду съ ходившими къ симъ святымъ мѣстамъ; ибо многіе, сидя дома, своими милостями и добрыми дѣлами достигаютъ святыхъ мѣстъ и большую мзду пріимутъ отъ Бога, тогда какъ другіе, видѣвшіе святой градъ, но вознесшіеся умомъ, какъ будто они сотворили нѣчто доброе, губятъ мзду труда своего".

Путешествуя по религіознымъ побужденіямъ, Даніилъ и слѣдилъ во время путешествія только за тѣмъ, что̀ имѣло интересъ религіозный: онъ не говоритъ ни о политическомъ тогдашнемъ состояніи Палестины, ни о подвигахъ крестоносцевъ, упоминая только по случаю объ одномъ походѣ къ Дамаску. Онъ говоритъ, правда, о королѣ іерусалимскомъ Балдуинѣ, но только потому, что онъ принялъ его дружелюбно и позволилъ ему поставить кандило отъ русской земли на святомъ гробѣ. Не развлекаясь мірскими дѣлами, Даніилъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на священныхъ предметахъ. Описавъ видъ города или какого-нибудь мѣста, онъ перечисляетъ, какіе въ немъ находятся церкви или монастыри, какія въ нихъ есть мощи, чудотворныя иконы или другія святыни. Сначала онъ описываетъ путь отъ Царьграда до Іерусалима, потомъ святыя мѣста, находящіяся въ самомъ Іерусалимѣ, и, наконецъ, разсказываетъ о своемъ путешествіи къ Іордану, Іерихону, въ Виѳлеемъ, къ горѣ Ѳаворской. Съ особеннымъ вниманіемъ Даніилъ

сываетъ Іерусалимъ, рѣку Іорданъ, церковь воскресенія Христова

и гробъ Господень. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ на него въ первый разъ Іерусалимъ: „святый градъ Іерусалимъ, говоритъ онъ, лежитъ въ долинѣ; около него высокія каменныя горы, такъ что надобно близко подойти къ городу, чтобы видѣть его. Сначала виденъ домъ Давыдовъ, а потомъ вскорѣ можно видѣть Елеонскую гору, Святая Святыхъ и, наконецъ, весь городъ. Въ верстѣ отъ Іерусалима есть ровная гора; на той горѣ люди (поклонники) слѣзаютъ съ коней и всѣ христіане пѣшіе идутъ и поклоняются св. воскресенію (храму). Великая радость бываетъ тогда всякому христіанину, увидѣвшему святый градъ Іерусалимъ; и никто не можетъ не прослезиться, увидѣвъ землю желанную и мѣста святыя, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе съ великою радостью ко святому граду Іерусалиму“. Разсказывая объ Іорданѣ, Даніилъ говоритъ: „Іорданъ рѣка течетъ быстро... вода его мутна, но весьма сладка, такъ что нельзя насытиться пьющему ту святую воду“. Даніилъ самъ измѣрилъ Іорданъ, переходилъ на другую его сторону и долго ходилъ по берегу его любовно. Три раза онъ былъ на Іорданѣ и, между прочимъ, одинъ разъ въ праздникъ водокрещенія, и тогда „со всею дружиною моею, говоритъ онъ, я видѣлъ благодать Божію, сходившую на воду іорданскую. Безчисленное множество народа приходитъ тогда къ водѣ со свѣчами, и всю ночь бываетъ изрядное пѣніе при безчисленномъ множествѣ свѣчъ. Въ полночь бываетъ водокрещеніе (освященіе воды). Тогда Духъ Святый сходитъ на воды іорданскія. Достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ Святый, а весь народъ не видитъ, но только радость и веселіе бываетъ въ сердцѣ каждаго человѣка, когда погрузятъ честный крестъ и запоютъ: „Во Іорданѣ крещающуся ти, Господи“, тогда всѣ люди бросаются въ воду Іордана, какъ бы крещаясь въ Іорданской рѣкѣ, какъ Христосъ въ полунощи крестился отъ Іоанна“.

Съ особенною подробностью Даніилъ разсказываетъ о гробѣ Господнемъ и о пасхальной заутренѣ въ церкви воскресенія Христова, при самомъ гробѣ, и при этомъ помѣщаетъ сказаніе „о схожденіи свѣта ко гробу Господню“: „Видѣлъ я, говоритъ онъ, своими грѣшными очами, поистинѣ, какъ сходитъ свѣтъ къ животворящему гробу Господа нашего, Іисуса Христа. Многіе странники несправедливо разсказываютъ о схожденіи святого свѣта. Одни говорятъ, что Духъ Святый въ видѣ голубя сходитъ ко гробу Господню, а другіе говорятъ, что молнія сходитъ съ небеси и отъ нея зажигаются лампады надъ гробомъ Господнимъ. Это несправедливо; ни-

чего тогда не видно—ни голубя, ни молніи, но невидимо сходитъ съ неба благодать Божія, и зажигаются лампады надъ гробомъ Господнимъ". Въ великую пятницу Даніилъ ходилъ поклониться гробу Господню и поставилъ на немъ „лампаду съ елеемъ отъ всей русской земли"; а въ головахъ, говоритъ онъ, стояла лампада греческая, а на персяхъ святого гроба Господня лампада всѣхъ монастырей, а на серединѣ русская лампада, которую поставилъ я грѣшный. Благодатію Божіею, тѣ три лампады внизу зажглись, а лампады фряжскія, которыя повѣшены вверху, не зажглись ни одна. Поставивъ лампаду на святомъ гробѣ Господа нашего, Іисуса Христа, я поклонился честному гробу и съ любовію облобызалъ то святое и честное мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего, Іисуса Христа, и съ радостію великою вышелъ изъ гроба".

Описывая святыя мѣста, Даніилъ въ то же время разсказываетъ и тѣ преданія, какія онъ слышалъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Такъ, описывая церковь воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, онъ говоритъ: „и тутъ былъ водруженъ крестъ Христовъ. Внизу же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Во время распятія Господня, когда Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, на крестѣ предалъ духъ свой, и разодралась церковная завѣса и распались камни, тогда и тотъ камень надъ главою Адамовой разсѣлся и черезъ ту разсѣлину сошла вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамову и омыла грѣхи рода человѣческаго. Разсѣлина на томъ камнѣ видна и до сего дня". Упоминая о столбѣ Давидовѣ въ Іерусалимѣ, онъ прибавляетъ: „столпъ же св. пророка есть тотъ, на которомъ онъ Псалтырь составилъ". Говоря объ Елеонской горѣ, онъ прибавляетъ: „тутъ есть церковь... а внизу, подъ алтаремъ, есть пещера великая; въ той пещерѣ Христосъ научилъ учениковъ своихъ пѣть: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... Это мѣсто такъ и называется: Отче нашъ". Упоминая о Капернаумѣ, онъ замѣчаетъ: „и о томъ Капернаумѣ пророкъ говоритъ: „горе тебѣ, Капернауме, возвысившійся до небеси, и низидеши до ада. Ибо здѣсь надлежитъ родиться антихристу". Разсказывая о церкви пророка Захаріи, онъ говоритъ: „оттуда полверсты чрезъ дебрь до горы, къ которой прибѣжала Елизавета со Иваномъ, и сказала: горо, пріими матерь съ чадомъ. И гора тотчасъ разступилась и приняла ихъ. А слуги Иродовы, которые гнались за ними, пришедъ до того мѣста, не нашли ничего и возвратились съ посрамленіемъ". Упоминая объ одной пещерѣ на Ѳаворской горѣ, онъ говоритъ: „Въ той пещерѣ жилъ святой Мельхи-

седекъ... Онъ первый началъ служить литургію хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ... и мы съ любовью сошли въ ту святую пещеру и поклонились той святой трапезѣ, которую создалъ Мельхиседекъ со Авраамомъ. До настоящаго дня стоитъ эта святая трапеза въ той пещерѣ, и нынѣ приходитъ туда св. Мельхиседекъ и служитъ литургію на этой трапезѣ". Разсказывая о морѣ Тиверіадскомъ, онъ замѣчаетъ, что въ немъ много рыбы: „и есть въ немъ одна чудная рыба, которую любилъ самъ Христосъ; та рыба слаще всякой рыбы, видомъ походитъ на рыбу карпъ; и ѣли мы, грѣшные, ту рыбу не однажды, но много разъ".

Подобныхъ разсказовъ очень много въ путешествіи Даніила, и при чтеніи ихъ понятно становится, отчего въ древней Руси ходило много въ народѣ разныхъ апокрифическихъ сказаній. Кромѣ такихъ сказаній, есть и другія замѣтки въ путешествіи о странахъ, чрезъ которыя проходилъ Даніилъ. Эти замѣтки, впрочемъ, касаются не жизни, нравовъ и обычаевъ людей этихъ странъ, которыя своими рѣзкими особенностями, сравнительно съ нравами и обычаями русской земли, должны были бы, кажется, обратить на себя особенное вниманіе нашего путешественника, но произведеній природы, особенно царства растительнаго. И здѣсь онъ также преимущественно останавливается на предметахъ, имѣющихъ церковное употребленіе: такъ, напр., при разсказѣ объ островѣ Кипрѣ онъ говоритъ о происхожденіи ладана: „Здѣсь родится ладанъ темьянъ, падаетъ съ неба, какъ роса, въ іюлѣ и августѣ. На горахъ много небольшихъ деревьевъ, на которыя и падаетъ той темьянъ добрый, и собираютъ его въ тѣ два мѣсяца, а въ другіе онъ не падаетъ".

Даніилъ былъ не только человѣкъ религіозный, но и глубокій патріотъ, котораго мысль о родной русской землѣ и русскихъ людяхъ не покидала и въ такомъ далекомъ странствованіи. Проходя по святымъ мѣстамъ, онъ повсюду усердно молился не за себя только, но и за всѣхъ русскихъ людей. На гробѣ Господнемъ онъ поставилъ лампаду за всю землю русскую; въ послѣсловіи къ своему путешествію онъ замѣчаетъ: „Богъ тому свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ сихъ святыхъ мѣстахъ я не забылъ именъ князей русскихъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, но вездѣ поминалъ ихъ. И за то благодарю благого Бога, что Онъ сподобилъ меня худого записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ и нынѣ они поминаются на ектеніи (слѣдуютъ имена князей). Во всѣхъ мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ,

и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ живыхъ и мертвыхъ". Въ заключеніе онъ смиренно проситъ читателей не попрекнуть его худоуміемъ и грубостію и читать написаніе его съ вѣрою и любовію. Во многихъ мѣстахъ путешествіе Даніила проникнуто глубокимъ религіознымъ одушевленіемъ, источникомъ котораго было искреннее религіозное вѣрованіе. Въ древнія времена, когда путешествія ко святымъ мѣстамъ считались однимъ изъ способовъ богоугожденія, оно, естественно, должно было сдѣлаться любимымъ чтеніемъ грамотныхъ людей. И дѣйствительно, ни одно произведеніе древней словесности не дошло до насъ въ такомъ множествѣ списковъ. Позднѣйшіе путешественники въ Іерусалимъ подражали Даніилу при описаніи своихъ путешествій".

9. Русь подъ владычествомъ татаръ въ XIII — XIV в.

Владычество татаръ для русскихъ было грозно и тяжко. Ханы смотрѣли на русскую землю, какъ на свой улусъ (владѣніе), на князей, какъ на слугъ своихъ, заставляли ихъ унижаться предъ собою, творили надъ ними судъ и расправу. Къ счастію, татары не преслѣдовали христіанской вѣры, хотя во время перваго нашествія грабили и разоряли церкви. Татары вообще отличались вѣротерпимостью. Одинъ ханъ говорилъ европейскому послу о своей вѣрѣ: „Мы, татары, вѣруемъ во единаго Бога, по волѣ котораго живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ разные пути къ спасенію. Вамъ Богъ далъ писаніе, намъ далъ колдуновъ; мы и дѣлаемъ то, что они намъ указываютъ, и живемъ въ мирѣ". По законамъ Чингисъ-хана служители всѣхъ вѣроисповѣданій освобождались отъ платежа дани; въ то время, какъ татары брали дань со всѣхъ селъ и городовъ, съ монастырей и церквей ничего не брали. Потомъ ханъ Мангу далъ духовенству ярлыкъ, по которому духовенство бѣлое и черное освобождалось отъ платежа даней и всякихъ пошлинъ, — „пусть, говорится въ ярлыкѣ, безпечально молятся за хана и за все его племя". Отъ дани освобождались и всѣ родичи священнослужителей, живущіе съ ними. Церковныя вещи (книги, сосуды и пр.) объявлены неприкосновенными. Подъ страхомъ лютой смерти запрещено было хулить православную вѣру.—Изъ этого видно, что христіанской вѣры татары нисколько не тѣснили; быть можетъ, раз-

считывали они этимъ смягчить духовенство, которое могло возбуждать народъ противъ нихъ. Если и случалось, что они казнили тѣхъ, кто отказывался пройти межъ огней и исполнить нѣкоторые обряды, то не за вѣрованія ослушниковъ, а за то, что они выказывали непокорность волѣ хана. Въ 1313 году ханъ Узбекъ принялъ магометанство; оно стало распространяться у татаръ. Магометане всегда старались искоренить всѣ вѣры, всюду водворять свою; можно было думать, что съ этого времени и татары начнутъ гоненія противъ христіанства на Руси; но они попрежнему относились ко всѣмъ вѣрованіямъ вполнѣ равнодушно. Въ столицѣ хана, Сараѣ, даже были христіанскія церкви и жилъ епископъ. Русскіе митрополиты должны были подобно князьямъ ѣздить въ Орду на поклонъ хану.

Тяжелѣе всего татарское иго было для рабочаго народа. Русскія области были обложены тяжелою данью. Сначала ханъ посылалъ своихъ баскаковъ (чиновниковъ) съ военными отрядами собирать дань, а потомъ ханы стали отдавать дань на откупъ хивинскимъ (бессерменскимъ) купцамъ; откупщики эти впередъ уплачивали хану деньги, а потомъ собирали дань, конечно, съ большимъ барышомъ для себя. Они ходили по селамъ и городамъ съ отрядами татаръ и производили сборъ дани съ безчеловѣчной жестокостью. Если кто не платилъ, ссылаясь на бѣдность, того заподазривали, что онъ только притворяется неимущимъ, и безпощадно били его палками на улицахъ или на перекресткахъ, на рыночныхъ площадяхъ. Забирали у крестьянъ часто всѣ пожитки, лошадей, земледѣльческія орудія; многіе послѣ такихъ поборовъ оставались безпомощными нищими. Если нечего было взять у бѣдняковъ, то отбирали у нихъ дочерей, сыновей или ихъ самихъ уводили въ рабство. До сихъ поръ народъ въ пѣсняхъ своихъ вспоминаетъ, какъ татаринъ собиралъ дань:

Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У кого дитяти нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Не одни сборщики податей притѣсняли народъ. Часто по русскимъ землямъ ѣздили къ разнымъ князьямъ татарскіе послы съ конными отрядами. Всюду, гдѣ приходилось имъ проѣзжать или останавливаться, они распоряжались, какъ полные хозяева, безчинствовали, грабили, оскорбляли всячески народъ, требовали, чтобы всѣ выказывали имъ рабскую угодливость. Не только простой людъ, но и купцы, и бояре терпѣли отъ нихъ оскорбленія. Съ этой поры, думаютъ, и усилился на Руси обычай у зажиточныхъ людей скрывать своихъ женъ и дочерей, даже держать ихъ взаперти, чтобы охранить отъ обидъ и оскорбленій. Нерѣдко подъ видомъ пословъ заходили въ русскія области бродячія шайки татаръ и творили насилія. Они охотно захватывали дѣвицъ и молодыхъ женщинъ въ рабство. У татаръ было многоженство, и потому невольницъ въ Ордѣ охотно покупали.

Изъ южныхъ и юго-восточныхъ русскихъ областей, куда безпрерывно заходили шайки татаръ, народъ толпами уходилъ на сѣверъ. И тутъ была жизнь тяжелая, „сиротское житье“, какъ выражался народъ; но все же сюда порѣже заходили татары. Страшно обѣднѣлъ народъ отъ татарскихъ поборовъ. Много обнищалыхъ крестьянъ принуждено было идти въ кабалу, въ холопы къ зажиточнымъ людямъ. Охотнѣе всего крестьяне селились на монастырскихъ земляхъ и княжескихъ: здѣсь было больше охраны отъ татарскихъ насилій. Сильную ненависть затаилъ въ сердцѣ русскій народъ къ своему лютому врагу. До сихъ поръ еще въ народной рѣчи удержались выраженія и поговорки, указывающія на эту ненависть: „Злѣе злого татарина“, „У татаръ, что у собакъ, души нѣтъ: одинъ паръ“, „Не въ пору гость хуже злого татарина“ и др. Тяжелъ былъ татарскій гнетъ, порождалъ онъ глухую злобу; но не умирала у народа и надежда высвободиться изъ тяжкой неволи, отмстить за всѣ неправды и насилія своему лютому врагу. Въ одной колыбельной народной пѣснѣ мать напѣваетъ своему малюткѣ сыну, чтобъ онъ отмстилъ злымъ татарамъ, которые разграбили имѣнье его отца:

Встань, пробудись, мое дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И всѣ-то мечи булатные.
Ты коли, руби сабельками
Злыхъ татаръ съ татарченками;
Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да булатными.

Музейнаго Алексѣевскаго Реальнаго Училища

Тяжкая неволя, нищета, вѣчный страхъ, подавленная глухая злоба къ лютому губителю породили много бѣдъ въ жизни народа. Силенъ, крѣпокъ иной работникъ, за троихъ наработаетъ, стоитъ только ему за дѣло взяться, — да стоитъ ли? Заведетъ онъ себѣ хорошее хозяйство, заживетъ своимъ домкомъ, — только приманка для лютыхъ хищниковъ! Ласкаетъ мать своего ребенка, ласкаетъ, да не радуется: „А что, думаетъ она, какъ рощу я его только на потѣху злому татарину?“ Думаетъ это и тоскою щемитъ ея сердце. Не жилось на Руси въ тяжкія времена татарщины хорошей трудовой и семейной жизнью. Вмѣсто „лихихъ работниковъ“, являлись все чаще и чаще „лихіе разбойники“, вмѣсто хорошихъ семьянъ — безпросыпные пропойцы. Пьянство, воровство и разбои умножились. Чаще, чѣмъ прежде, случались на Руси голодные годы, повальныя болѣзни.

Духовенство и благочестивые люди видѣли въ этомъ Божію кару за грѣхи и всякія беззаконія, въ которыхъ утопалъ несчастный народъ. Глубокою скорбью проникнута рѣчь проповѣдника (Серапіона, епископа Владимірскаго), обращавшагося съ пастырскимъ назиданіемъ къ народу, лѣтъ сорокъ спустя послѣ татарскаго нашествія. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ,—говоритъ проповѣдникъ,—видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны. Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ... Чего мы ни навлекли на себя? Какихъ ни понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы, оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность“. Въ заключеніе убѣждаетъ снова Серапіонъ своихъ слушателей покаяться и исправиться.

Въ другомъ поученіи тотъ же проповѣдникъ горько сѣтуетъ, что не видитъ въ людяхъ исправленія и напоминаетъ имъ ужасную картину татарскаго разоренія. „Мы ни въ чемъ, говоритъ онъ, не

оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ нещадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя гнѣвъ Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода обильная, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха, а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. Свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость, и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое не постигло бы насъ". „Земля колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить нашихъ беззакопій,—говорилъ тотъ же проповѣдникъ, напоминая о землетрясеніи. Отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, умоляетъ онъ, отъ разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, рѣзоиманія" (ростовщичества) и др.

Грубый и суевѣрный народъ, по своему невѣжеству, приписывалъ часто разныя бѣдствія: засухи, болѣзни, падежъ скота, разнымъ волхвованіямъ и безпощадно мучилъ и сжигалъ людей, слывшихъ колдуньями и волшебниками. Просвѣщенный Серапіонъ сильно возставалъ противъ такого грубаго суевѣрія и насилія народа. „Я думалъ, говоритъ проповѣдникъ, что вы уже утвердились въ вѣрѣ и съ радостью принимаете божественное писаніе... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сжигаете невинныхъ людей... Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ и что опять волхвованіемъ умножается хлѣбъ?"

Но не всѣ пастыри церкви дѣйствовали подобно Серапіону: были и между ними люди, погрязшіе въ беззаконіяхъ и грѣхахъ. Главнымъ хранителямъ чистоты русской церкви, митрополитамъ приходилось не разъ обращать вниманіе на грѣховную жизнь священнослужителей. Съ цѣлью исправить разныя злоупотребленія въ церкви митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ во Владимірѣ. Въ

поученіи священникамъ Кириллъ говоритъ между прочимъ: „Простецъ (мірянинъ) согрѣшитъ,—онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за одну свою душу; а когда іерей согрѣшитъ, то соблазнитъ многихъ и за ихъ души приметъ осужденіе. Блюдитесь же отселѣ всякаго грѣха: не работайте плоти, отстаньте отъ пьянства и объяденія, прекратите тяжбы, свары, вражды... Блюдите и порученныхъ вамъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судѣ предъ Богомъ. Ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте, говорящимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста“.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе глохло просвѣщеніе на Руси, рѣже и рѣже звучала задушевная обличительная проповѣдь, невѣжество и суевѣріе охватывало не только народъ, но и священниковъ: не могли они объяснять народу, какъ слѣдуетъ, священное писаніе, сами путались въ разныхъ суевѣріяхъ и лжеученіяхъ, не могли отличить истинныхъ книгъ отъ ложныхъ. Всю бѣду эту причинило намъ монгольское владычество. Бѣдность, нищета отъ татарскаго разоренія и поборовъ больше всего мѣшали просвѣщенію. Не до ученія, не до книгъ было, когда большинству приходилось думать о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Во время татарскаго погрома много погибло книгъ и дорогихъ рукописей. Еще дороже, чѣмъ прежде, стали цѣниться онѣ, еще недоступнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлались онѣ для недостаточныхъ людей. Сношенія съ образованной Византіей затруднились: далекъ былъ путь туда изъ сѣверной Руси да и опасенъ. Надо было проходить по безлюднымъ областямъ да по степямъ, гдѣ кочевали орды татаръ. Къ тому же и Византія съ конца XIV ст. доживала свои послѣдніе дни: турки со всѣхъ сторонъ уже тѣснили ее. Отъ западнаго латинскаго образованія русское духовенство бережно сторонилось, опасаясь вреда православію. Сношенія съ западомъ черезъ Новгородъ были исключительно торговыя. Только монастыри являлись хранителями древняго благочестія и образованія. Конечно, образованіе монастырское заключалось по большей части въ простой начитанности, въ умѣньи читать да списывать книги. Но все-таки хотя простая грамотность держалась въ монастыряхъ, тогда какъ у мірянъ и она составляла большую рѣдкость. Въ XIV — XV вѣкахъ не только бояре, но даже и князья нерѣдко были вовсе безграмотны.

10. Слѣдствія татарскаго нашествія.

Татарское нашествіе произвело сильное впечатлѣніе на людей религіозныхъ. Они приписывали его гнѣву Божію, карѣ за недостойную жизнь народа, которая и прежде возбуждала въ нихъ отвращеніе. Найдя такимъ образомъ причину страшныхъ бѣдствій, они еще внимательнѣе начинаютъ вглядываться въ окружающую жизнь и приходятъ въ ужасъ отъ ея противорѣчія съ требованіями христіанской жизни. Теперь въ нихъ возбуждается энергія дѣйствовать на народъ сильнымъ обличительнымъ словомъ, призывать къ покаянію, къ благочестивой жизни, развивать взаимную любовь для единодушія, которое необходимо было, чтобъ свергнуть съ себя тяжелое ненавистное иго. Жизнь, несогласная съ христіанскими понятіями, замѣчается не только въ народѣ, но и въ средѣ духовенства. Такимъ образомъ за совершившійся страшный фактъ оправдывается провидѣніе, допустившее его. Напуганное воображеніе слагаетъ всю вину на народъ. Теперь уже нельзя было уединяться въ монастырскихъ стѣнахъ: нужно было такъ или иначе дѣйствовать. Митрополитъ Кириллъ II созываетъ во Владимірѣ соборъ епископовъ, чтобы дать правила для жизни духовенства сообразно съ православнымъ идеаломъ. Положено было уничтожить всякую симонію, которая, какъ видно, распространялась между духовными лицами: „семью гривнами на клирошанъ должна была ограничиваться вся издержка попа или дьякона“. „Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви и ходатайствующіе за нихъ прокляты“. Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего господина. Житіе ставленника должны были свидѣтельствовать 7 священниковъ и добрые сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдою, убѣгалъ дани, чародѣйствовалъ, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Въ священники ставили возрастомъ не менѣе 30 лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаятся: „лучше одинъ достойный служитель алтаря, нежели тысяча беззаконныхъ“... Черезъ 10 лѣтъ (1284 г.) митрополитъ Максимъ сбираетъ соборъ въ Кіевѣ, гдѣ составлены правила, касающіяся другихъ предметовъ. Тотъ же Кириллъ II по свидѣтельству лѣтописей проходилъ города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, испра-

влялъ. Одно Слово Кирилла II, характеризующее его ученіе, основанное на любви и снисхожденіи, было сказано ростовскому епископу Игнатію, который, вѣроятно, желая дать сильный примѣръ своей паствѣ, приказалъ вынести прахъ покойнаго ростовскаго князя Глѣба Васильковича изъ соборной церкви и просто закопать въ землю. „Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ, сказалъ ему Кириллъ; не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ, милость Господня скрывается для насъ въ личности нашей къ ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости, ты прежде суда Божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живого ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ, ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда можно было его исправить, ты не исправилъ и нынѣ ли исправить хочешь мертваго жестокимъ отлученіемъ? А ежели желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвою и божественною службою". Съ энергическими словами обращался къ народу и суздальскій епископъ Серапіонъ, указывая на народныя бѣдствія отъ татаръ и на причину ихъ, нехристіанскую жизнь людей, за которую Богъ и караетъ ихъ.

Конечно, всѣ эти рѣчи не могли доходить до народа. Онѣ обращались въ соборныхъ церквахъ къ горожанамъ. Общія бѣдствія дѣйствительно сблизили ихъ съ духовенствомъ, которое въ лицѣ своихъ митрополитовъ и епископовъ стало дѣятельнѣе и практичнѣе въ отношеніи къ народу, и религіозное вліяніе на воображеніе массы стало сильнѣе. Горожане мало-по-малу дѣйствительно успѣли отстать отъ язычества и даже подъ вліяніемъ дѣйствій иногда одушевлялись фанатизмомъ противъ языческихъ явленій, гнѣздившихся еще по деревнямъ и въ сельскомъ населеніи. Они стали выказывать свою ревность къ христіанству въ сожженіи волхвовъ, которые появлялись въ народѣ, такъ что тѣ же самые проповѣдники, настроившіе на религіозный путь ихъ воображеніе, должны были сильными словами и укорами сдерживать ихъ фанатическую ревность.

Такимъ образомъ первое слѣдствіе суроваго татарскаго владычества выразилось въ возбужденной дѣятельности, которая съ юга мало-по-малу переходила на сѣверовостокъ, гдѣ народъ былъ еще въ самомъ грубомъ состояніи; югъ сталъ пустѣть отъ татарскихъ набѣговъ и отъ выселенія многихъ жителей на сѣверъ. Въ прежнемъ идеалѣ духовенства теперь особенно выдается одна черта, вы-

званная временемъ — это безпрестанное покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, которые накликали на Русь страшное бѣдствіе. Поле дѣятельности его — призываніе къ покаянію и благочестивой жизни. Понятно, что при такомъ стремленіи число монастырей должно было значительно увеличиться; полагаютъ, что уже въ XIII ст. основано было 22 монастыря, а въ XIV доходитъ число ихъ до 88, если не болѣе. Въ одномъ безыменномъ ученіи, обращенномъ „ко всѣмъ христіанамъ“, совѣтуется любить монастыри, потому что они пристанища сего свѣта, сыновья святыхъ. „Входя въ нихъ, вы увидите, какъ игуменъ пасетъ свое стадо; одинъ черпецъ не говоритъ страха ради Божія, другой возноситъ руки и сердце горѣ, а очи держитъ долу, тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ, тотъ работаетъ какъ полоненный, тѣ заняты дѣломъ, другіе стоятъ въ церкви будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ“. Вотъ та монастырская жизнь, привлекавшая людей, воображеніе которыхъ съ одной стороны было напугано, съ другой— направлено на религіозный путь. Этотъ путь сдѣлался единственнымъ для всѣхъ сильныхъ натуръ, которыя искали себѣ дѣятельности или высшаго духовнаго просвѣщенія: никакихъ другихъ поприщъ для удовлетворенія духовныхъ стремленій человѣка болѣе не было. Усвоивъ себѣ аскетическій идеалъ, сообразно съ нимъ они располагали и свою жизнь и дѣятельность. Такимъ образомъ въ монастыри переходятъ изъ князей, изъ дружинъ, изъ горожанъ; монашество быстро увеличивается. Въ число важныхъ добрыхъ дѣлъ попрежнему ставится милостыня—раздача имѣнія нищимъ и монастырямъ. Благочестивые люди дѣйствительно завѣщаютъ монастырямъ села. Многіе князья сами строятъ монастыри и щедро надѣляютъ ихъ, чтобы они могли надѣлять себя.

Натуры дѣятельныя и страстныя, одушевленныя своимъ монашескимъ идеаломъ, ищутъ самой суровой аскетической жизни, удаляются въ глушь, въ лѣса и въ дебри, поселяются и сбираютъ вокругъ себя подражателей, и вотъ основывается новый монастырь. Строгій пустынникъ достигаетъ славы, о немъ говорятъ въ окрестностяхъ, къ нему стекается народъ, дивится его жизни, полной лишеній и трудовъ, слушаетъ его ученіе. Вотъ какимъ образомъ распространялись христіанскія понятія по деревнямъ и селамъ. Это было дальнѣйшее слѣдствіе татарскаго владычества. Монастыри наполн[illegible]ико людьми, утомленными трудною жизнію, вѣчною [illegible]меча татарскихъ полчищъ, разграбленными, лишив[illegible], захваченныхъ въ полонъ. Пристанищемъ и мѣ-

стомъ успокоенія имъ служили монастыри, которые пользовались привилегіями отъ татаръ и были безопаснѣе всякаго другого жилища. Были между энергическими дѣятелями и такіе, которые отправлялись для распространенія христіанства въ мѣста, гдѣ еще господствовало язычество...

При особенномъ религіозномъ направленіи духа въ монастырскихъ стѣнахъ, послѣ смерти каждаго благочестиваго дѣятеля, быстро составлялись о немъ сказанія по тому аскетическому монашескому идеалу, который привлекалъ воображеніе набожныхъ людей. Основаніемъ этихъ сказаній, конечно, были дѣйствительные факты изъ его жизни, и вотъ они наконецъ записывались какимъ-либо грамотнымъ монахомъ, иногда распространялись и разукрашивались разными риторическими красками и въ такомъ видѣ переходили въ послѣдующія поколѣнія. И иногда изъ такихъ сказаній составлялись сборники подъ названіемъ Прологовъ и Патериковъ, образцомъ которыхъ служилъ патерикъ печерскій, составленный еще въ XIII ст. Такимъ образомъ мало-по-малу въ разныхъ областяхъ составились свои мѣстныя святыни, равно какъ и мѣстныя сказанія, достойныя полнаго вниманія историка литературы; но ихъ только начинаютъ у насъ разрабатывать, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи, при болѣе подробной разработкѣ, они доставятъ богатый матеріалъ для исторіи. И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ, сберегли свои мѣстныя преданія и сказанія, которыя даютъ особую нравственную физіономію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, потому что всѣ вмѣстѣ составляютъ они его завѣтное національное сокровище. Буслаевъ такимъ образомъ характеризуетъ Москву сравнительно съ другими городами: „Мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь. Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанья и нѣкоторыхъ другихъ народовъ сѣверо-восточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ... Изъ самыхъ отношеній къ татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственныя понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противоположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, неодинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разрабатываемыхъ въ теченіе

вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV в. даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, т.-е. грамотности и, слѣдовательно, литературы. Москва не только въ XIV, но даже и въ XV в. въ отношеніи литературномъ стояла несравненно ниже Кіева или Новгорода XII ст.“.

Въ татарское время прежній эпосъ не утратилъ для народа своего значенія; надъ нимъ продолжала работать фантазія, видоизмѣняя и перерождая его подъ вліяніемъ новыхъ вѣрованій и новыхъ событій. Тогда для героическаго эпоса не находилось темъ изъ современной жизни, и онъ продолжалъ развивать прежнія темы, сближая ихъ съ современностью. Причина такого явленія ясно выразилась въ одной рапсодіи, которая заключаетъ собою богатырскій циклъ и которая сложилась именно въ этотъ періодъ, слѣдующій за богатырскимъ. Она и по содержанію и по поэтическимъ образамъ заслуживаетъ полнаго вниманія историка. Я имѣю въ виду „Сказаніе, отчего перевелись витязи на Руси“. Здѣсь мы видимъ еще въ полной мѣрѣ наивную вѣру въ богатырей, какъ существовавшихъ дѣйствительно въ былое время, видимъ и вѣрованіе въ языческое чудесное, хотя разсказъ по своему содержанію современенъ историческимъ пѣснямъ. Тутъ самъ народъ смотритъ на прекращеніе богатырской жизни такимъ образомъ: онъ представляетъ какую-то нездѣшнюю силу, которая подавила богатырскія стремленія народа и обратила богатырей въ камни. На многіе камни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи народъ и теперь указываетъ, какъ на окаменѣвшихъ богатырей. Эти камни служатъ ему какъ бы памятниками, подъ которыми схоронена могучая сила прошлаго. Какая же это нездѣшняя сила? Эта сила — сила историческихъ обстоятельствъ, поставившая народъ въ такое положеніе. Въ разсказѣ ясно выразилось сознаніе силы подавляющей, наводящей страхъ и окаменяющей — передъ нею земская, богатырская сила приходитъ въ положеніе страдательное и каменѣетъ. Вотъ отвѣтъ, который сложилъ самъ народъ на собственный вопросъ: отчего въ его средѣ теперь нѣтъ богатырей? Время настало не то: самое сознаніе въ себѣ силы было подавлено. Первою изъ такихъ посторонннихъ гнетущихъ силъ, конечно, была сила татарская, которая, поставивъ народъ въ страдательное положеніе, перемѣнила даже его нравственныя понятія—тутъ приходилось стонать подъ игомъ, подавлявшимъ всякія силы, а было не до богатырскихъ стремленій, въ которыхъ выражается свободное проявленіе силъ. Мы находимъ одну пѣсню,

сложенную въ тяжелыя татарскія времена, пѣсню, замѣчательную въ томъ отношеніи, что ея тема основана на извращеніи тѣхъ нравственныхъ законовъ, которые народъ вырабатываетъ себѣ вѣками по своимъ понятіямъ и которыми особенно дорожитъ, какъ основою нравственной жизни. Татаринъ извращаетъ эти законы, ставитъ членовъ одной и той же семьи въ самое неестественное положеніе:

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымя;
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому руска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, взгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкіимъ:
„Ты встрѣчай меня, молода жена,
Я привезъ тебѣ руску нянюшку,
Руску нянюшку-полоняночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльцо—ковры вышивать,
Другое дѣльцо—гусей стеречи,
А третіе—дѣтей качати“.
— „Я руками ковры вышивала,
Я глазами гусей стерегла.
Я ногами дитю качала:
Ты качу-баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченокъ,
Ты не крещеной не молитвенной,
А по матушкѣ мой боярченокъ.
Мой боярченокъ—руска косточка!“
Услыхала молода княжна:
„Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по батюшкѣ—злой татарченокъ,

А по матушкѣ—боярченокъ?“
— „Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята“.

Мать — рабой у дочери, русская, православная нянчитъ внука-татарина, некрещенаго, ненавистнаго русскому человѣку, который въ своихъ пѣсняхъ не иначе называетъ татарина, какъ съ эпитетомъ злой. Любовь и ненависть къ одному ребенку—два противоположныя чувства соединяются въ ней. Вотъ эти-то извращенныя нравственныя отношенія и смущали русскаго человѣка. Вообще надо замѣтить, что нѣкоторыя историческія пѣсни отличаются замѣчательнымъ драматизмомъ, естественно вытекающимъ изъ самыхъ обстоятельствъ, въ которыя жизнь ставила народъ. Подробный разборъ этихъ пѣсенъ, разумѣется, по мѣстностямъ, гдѣ онѣ могли сложиться, могъ бы раскрыть намъ и нравственныя понятія народа въ его идеальныхъ стремленіяхъ, и взглядъ его на разныя событія изъ его исторической жизни.

11. Торговля, образованіе и грубость нравовъ въ XV—XVI в.

„Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ“, говорили славянскіе послы варяго-руссамъ, призывая ихъ на княженіе. Этому обилію Русской земли дивились иноземцы и въ XV вѣкѣ. Они такъ описываютъ Московскую область временъ Василія III: „То пространная равнина, заросшая лѣсами: по ней во всѣ стороны текутъ большія рѣки, богатыя рыбою. Когда весною снѣгъ и ледъ таютъ, эти рѣки разливаются и обращаютъ поля въ болота; на дорогахъ стоитъ вода и глубокая грязь до самой зимы, когда жестокій морозъ снова устроитъ ледяные мосты по болотамъ. Земля болѣе всего производитъ: хлѣбъ, лѣсъ, медъ, воскъ и мѣха. Въ лѣсахъ находимъ громадной величины сосны, превосходный дубъ и кленъ. Пчелы кладутъ на деревьяхъ медъ безъ всякаго присмотра. Разсказывали, будто одинъ мужикъ, нечаянно попавши въ дупло огромнаго дерева, увязъ по самое горло въ меду; напрасно онъ кликалъ помощи, два дня просидѣлъ онъ и питался медомъ; вдругъ въ дупло задними лапами спускается медвѣдь: мужикъ крикнулъ, схватилъ медвѣдя за ноги, и звѣрь, прыгнувъ, вытащилъ его за собою. Пушного звѣря также великое изобиліе: соболи, бобры, ли-

сицы, бѣлки, рыси, песцы водятся особенно въ земляхъ, смежныхъ съ Ураломъ и къ сѣверу: въ Печорскомъ краѣ, въ Перми, въ Вятской области; собольи мѣха, привозимые изъ Печоры, стоятъ въ Москвѣ 3, 4 деньги за штуку, черные лисьи продаютъ иной разъ по 15 золотыхъ за десятокъ, лучшіе бѣличьи добываютъ не далеко отъ Казани. Въ лѣсахъ кромѣ того есть лоси, медвѣди и большіе черные волки; на границѣ съ Литвою находятъ туровъ; лучшіе соколы и кречеты добываются на высокихъ горахъ, въ странѣ югровъ (въ сѣверной части Урала). На поляхъ изобильно растутъ пшеница, просо и другіе хлѣба; мѣстность, окружающая Москву, не плодородна, по причинѣ песчаной почвы и раннихъ холодовъ; но Владимірская и Нижегородская область иногда даютъ до 20 и 30 мѣръ на одну мѣру. Всего плодороднѣе Рязанскій край: лошадямъ не проѣхать чрезъ его густыя нивы; меду, рыбы, птицъ, звѣрей и всякихъ плодовъ здѣсь несмѣтное множество". Въ этомъ описаніи мы узнаемъ о богатствахъ, которыя доставляла природа и которыя извѣстны были русскому человѣку еще съ незапамятныхъ временъ. Но всѣ такія богатства не послужатъ къ улучшенію народнаго быта, если народъ не съумѣетъ ими воспользоваться, какъ слѣдуетъ, если образованіе и промышленность не помогутъ ему устроить свою жизнь такъ, чтобъ и бѣдный человѣкъ имѣлъ свой достатокъ и могъ безъ помѣхи владѣть имъ.

Татарское иго дорого пришлось Россіи. Земля всюду была разорена; земледѣліе и промыслы, и прежде очень незначительные, упали совершенно; населеніе сильно уменьшилось, народъ сталъ еще бѣднѣе прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы должны были еще болѣе огрубѣть. Воспоминаніе о татарахъ хранится до сихъ поръ въ народныхъ преданіяхъ, въ пѣсняхъ, въ пословицахъ. „Не бьетъ стрѣла татарина; не пожелаю и злому татарину; не татаринъ выскочилъ, не голову снялъ", говоритъ народъ въ разныхъ случаяхъ, припоминая то жестокость татаръ, то ихъ безпощадные набѣги. Когда старшинство владимірскихъ князей было признано въ Ордѣ, стали толковать: „старшихъ и въ Ордѣ почитаютъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось и много людей корыстныхъ, готовыхъ служить кому бы то ни было, лишь бы обогатиться; вѣроятно такими людьми придумана пословица: „Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ". Но прежде чѣмъ русскіе дождались добра отъ Орды, прежде чѣмъ Москва, ханскій улусъ, какъ называли ее татары, возвышенный ханомъ надъ всею завоеванною Русью, отстояла свою самостоятельность, народъ прошелъ долгимъ путемъ испытаній. Русскія области

не только выносили на себѣ татарскую дань, нашествія баскаковъ, но и должны были жертвовать своимъ достояніемъ, своею самобытностью для возвышенія Москвы. Москва собирала всѣ части Русской земли подъ свою власть, вездѣ уничтожая мѣстные обычаи, которые чѣмъ-либо противорѣчили вводимому ею порядку, и передъ ея грозою все покорялось. Когда наконецъ данъ былъ отпоръ татарамъ, Москва исполнила свое назначеніе; тѣмъ не менѣе ея грозная сила облегала русскія земли отъ береговъ Ледовитаго моря до границъ татарскихъ, отъ Полоцка за предѣлы Урала: въ этомъ, вновь сплоченномъ, пространномъ государствѣ всюду господствовали посылаемые изъ Москвы: намѣстники, воеводы, дьяки. При этой суровой воинственности, конечно, не было пощады никому, кто казался противникомъ московскаго порядка. „Москва слезамъ не вѣритъ; Москва ни о чемъ не плачетъ; въ Москву идти — голову нести“, говорятъ старыя пословицы, свидѣтельствуя о неумолимой суровости московскаго обычая. Какъ видно, тяжело было испытать „московскую правду“. Съ другой стороны приверженцы Москвы, восхваляя ея могущество, называли ее, какъ древній Кіевъ, матерью городовъ русскихъ: „Москва всѣмъ городамъ мать“; а въ противоположность имъ жители областей также выражали любовь къ своему мѣстному обычаю: „Не только звону, что въ Москвѣ: Москва — царство, а наша деревня — рай.

Послѣ разоренія Россіи, послѣ частыхъ татарскихъ нашествій Московское государство нѣсколько успокоилось при Іоаннѣ III-мъ; тогда торговля и промышленность должны были подняться. Но весь сѣверный, новгородскій край былъ въ конецъ опустошенъ; одна московская область пользовалась выгодами мира. Союзъ съ крымскимъ ханомъ, Менгли-Гиреемъ, при Іоаннѣ III, способствовалъ къ увеличенію русской торговли въ Кафѣ и Азовѣ; изъ-за Волги попрежнему приходили въ Москву татарскіе купцы съ послами: однажды прибыло 3.200 купцовъ, приведшихъ на продажу 40.000 лошадей. Кромѣ лошадей, отъ татаръ мы получали: отличныя бѣлыя матеріи, сваленыя изъ шерсти, которыя употреблялись на епанчи, шелковыя ткани и парчи, ковры, серебро въ слиткахъ, дорогіе камни, жемчугъ, ладанъ и разныя пряности; къ татарамъ шли отъ насъ: кожи, полотна, сѣдла, ножи, топоры. Въ правленіе Василія устроена извѣстная Макарьевская ярмарка съ цѣлью нанести вредъ Казани, куда русскіе купцы прежде ѣздили для торговли. Но эта ярмарка въ тогдашнее время принесла больше вреда русскимъ: торговля съ Востокомъ упала; мы перестали получать многіе не-

обходимые товары, особенно соль и соленую рыбу съ устьевъ Волги. Хотя въ царствованіе Іоанна Грознаго завоеваны были Казань и Астрахань, но вслѣдствіе разоренія богатаго и промышленнаго Казанскаго края торговля въ этихъ мѣстахъ не могла быть очень значительна. Въ Литву и въ западную Европу изъ Московскаго государства больше всего вывозили воскъ, смолу и мѣха. Торговля съ Ганзою, уничтоженная при Іоаннѣ III, возобновилась при Василіи III, и ганзейскіе купцы доставляли въ Новгородъ соль, серебро, олово, мѣдь, свинецъ, сѣру; но эта торговля уже не имѣла прежняго объема. Впрочемъ, при Іоаннѣ Грозномъ Новгородъ опять занялъ довольно видное мѣсто въ сношеніяхъ съ Европою: по близости къ границѣ и по удобству воднаго пути иноземные купцы охотнѣе пріѣзжали въ этотъ городъ, чѣмъ въ Москву, и закупали здѣсь ленъ, пеньку, кожи, медъ и воскъ. Но при Іоаннѣ Грозномъ наиболѣе замѣчательна торговля съ англичанами черезъ Нарву и Бѣлое море. Въ Нарву однажды англичане привезли сукна, соли и другихъ товаровъ на 70.000 руб. сер. и выручили 40% прибыли; отправляя корабли свои къ устью Двины черезъ Сѣверный океанъ и Бѣлое море, они долгое время держали всю торговлю въ своихъ рукахъ: они скупали кожи, мѣха, воскъ, сало, пеньку и ленъ, стараясь запастись товарами не только для Англіи, но и для остальной Европы; привозимые съ собою товары, напримѣръ, сукна, имъ иногда удавалось продавать въ Россіи втрое дороже противъ того, что они стоили на мѣстѣ. Подъ конецъ однако явились имъ соперниками голландцы, которые, задаривъ главныхъ вельможъ: Никиту Романовича, Богдана Бѣльскаго и Андрея Щелкалова, также получили нѣкоторыя льготы. Кромѣ пограничныхъ городовъ Новгорода, Пскова и Холмогоръ славились торговлею также Вологда и Ярославль. Въ Вологдѣ, какъ въ городѣ, лежавшемъ на пути изъ Холмогоръ въ Москву, англичане имѣли свою контору. Вся внутренняя торговля, конечно, сосредоточивалась въ Москвѣ: зимою сюда шли изъ Ярославля обозы, нагруженные хлѣбомъ и рыбою, иногда въ 700 или 800 саней; зимою же въ Москву свозили великое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ. Болѣе всего выгодъ русскіе купцы извлекали изъ мѣнового торга съ дикарями на сѣверо-востокѣ Россіи; тутъ промышленники ходили далеко по Ледовитому морю, или сухимъ путемъ, за Уралъ до Оби и Иртыша. Они пріобрѣтали товары за безцѣнокъ: такъ, за желѣзный топоръ брали отъ пермяковъ столько дорогихъ мѣховъ, сколько, связавъ ихъ вмѣстѣ, можно было продѣть въ отверстіе,

куда вкладываютъ топорище. Наоборотъ, иноземцы съ такою же выгодою сбывали русскимъ свои товары.

Мы видимъ, что изъ Россіи отпускались одни сырыя произведенія: обдѣланная кожа, юфть, была единственнымъ фабричнымъ товаромъ. Впрочемъ, по разнымъ городамъ приготовляли сѣдла и деревянныя чаши, чарки и другія бездѣлушки, которыми особенно славилась Калуга; то и другое сбывали частью татарамъ, частью въ Литву. Кромѣ рыболововъ, звѣролововъ, особый разрядъ людей промышленныхъ составляли сокольники, добывавшіе въ дальней Югрѣ соколовъ для царской потѣхи. Добываніе соли составляло также важный промыселъ; селитра выдѣлывалась отъ казны, напримѣръ, на Бѣлоозерѣ, обыкновенно подъ присмотромъ иноземныхъ мастеровъ. Но новгородцы и псковичи сохранили свою славу, какъ наиболѣе промышленные и искусные въ разныхъ мастерствахъ люди: иконописцевъ, каменщиковъ, серебряныхъ мастеровъ Москва выписывала изъ Новгорода и Пскова; въ Новгородѣ приготовляли сермяги, однорядки и другія одежды, шедшія на продажу въ Литву.

Торговля и промышленность въ Московскомъ государствѣ не могли быть очень обширны или выгодны для народа: причиною тому были какъ необразованность общества, такъ и многія внѣшнія препятствія. Внутреннюю торговлю стѣсняли пошлинами, заставами, которыхъ число все увеличивалось. Продавцы и покупатели платили по полуденьгѣ, по деньгѣ и болѣе съ рубля [1]), съ воза, съ лодки и т. д. Кто тайкомъ продавалъ или покупалъ товаръ, тотъ платилъ два рубля пени: рубль намѣстнику и рубль помѣрщику, или таможеннику; строго было опредѣлено мѣсто, гдѣ покупать и гдѣ продавать товаръ, чтобъ никто не укрылся отъ пошлины. Между тѣмъ нѣкоторые монастыри и отдѣльныя лица пользовались правомъ безпошлинной торговли, чрезъ что, въ ущербъ другимъ, получали большія выгоды. Пошлины обыкновенно отдавались на откупъ, и это причиняло новый вредъ. Однажды въ Новгородѣ воскъ и сало плохо шли къ нѣмцамъ, и откупщики не могли собрать откупной суммы;

[1]) При Василіи III московскій рубль заключалъ 16 золотниковъ серебра (3 руб. 20 коп. по нынѣшнему счету). Въ немъ обыкновенно считалось 100 денегъ. Но вслѣдствіе того, что монету поддѣлывали, число ихъ въ рублѣ дошло до 500. При Еленѣ положено дѣлать изъ гривенки серебра (полъ-фунта) 300 денегъ. На нихъ изображался всадникъ съ копьемъ, потому онѣ и назывались копейными (копейками). Впослѣдствіи въ рублѣ считалось 200 денегъ или 10 гривенъ. Рубль раздѣлялся на полтины, гривны и алтыны; въ гривнѣ было 20 денегъ, а въ алтынѣ 2 денегъ.

тогда ихъ поставили на правежъ, а дьякамъ велѣно назначить людей, которые собрали бы ту же самую сумму, какую откупщики платили прежде; если же соберутъ больше, то царь ихъ пожалуетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что откупщики старались собрать какъ можно больше, чтобъ и самимъ нажиться и удовлетворить правительство, которое нуждалось въ деньгахъ для борьбы съ татарами, для войны съ Ливоніею, съ Литвою и проч. Когда какой-нибудь вотчинникъ бралъ на откупъ пошлины съ ярмарки, бывшей въ его имѣніи, то уже не позволялось устраивать другихъ ярмарокъ или переносить прежнюю въ болѣе удобное для купцовъ мѣсто. Иногда случалось, что купцы заодно съ откупщиками грабили поселянъ, жившихъ въ окрестностяхъ торговаго мѣста. Число таможенъ особенно увеличилось при Іоаннѣ Грозномъ, послѣ учрежденія Опричнины. Случалось, что въ одномъ и томъ же городѣ, переѣзжая на другое мѣсто, нужно было платить пошлины: такъ въ Новгородѣ жители Софійской стороны, желавшіе перейти съ товарами на Торговую, являлись таможенникамъ, потому что Торговая сторона принадлежала Опричнинѣ. Пошлины, платимыя по дорогамъ, дали начало пословицѣ: „помни мостъ и перевозъ“. Другимъ неудобствомъ для торговли были огромныя разстоянія: на одномъ изъ главныхъ торговыхъ путей, отъ Бѣлаго моря до Астрахани, лѣтомъ приходилось ѣхать по рѣкамъ болѣе полутора мѣсяца. Ѣхать сухимъ путемъ въ лѣтнее время никто не рѣшался: пустынныя дороги обращались въ болота, надъ которыми кружились тысячи мошекъ. Всѣ ждали зимняго пути для поѣздокъ: тогда гонцы изъ Новгорода въ Москву поспѣвали въ три дня; тутъ устроена была и ямская гоньба отъ станціи до станціи, на которыхъ выставляли въ случаѣ надобности до 30 и болѣе лошадей. Кромѣ плохихъ дорогъ, торговые люди много терпѣли отъ разбоевъ; на Волгѣ и въ Донскихъ степяхъ промышляли грабежемъ казаки, внутри страны всякіе удалые и властные люди. Взявъ во вниманіе всѣ эти препятствія торговлѣ, мы не будемъ удивляться, если встрѣтимъ жалобы иноземцевъ на обманы и продѣлки московскихъ купцовъ, на ихъ страсть тянуть дѣло безъ конца, чтобы выторговать лишнюю копейку. „Не солгать, такъ и не продать“—очень древняя пословица.

Есть извѣстія, что древній Новгородъ отличался грамотностью; но въ концѣ XV-го столѣтія новгородскій архіепископъ Геннадій уже жалуется, что не можетъ найти грамотныхъ священниковъ. Безграмотность, какъ свидѣтельствуетъ и соборъ 1551 года, повсюду господствовала въ Московскомъ государствѣ; на этомъ соборѣ

и рѣшено было устроить училища для духовенства, о которыхъ хлопоталъ Геннадій. Образованіе было тогда такъ ничтожно, что даже многіе изъ вельможъ не умѣли приложить руки своей къ записи; но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ усердно собирали рукописи: въ Іосифово-Волоколамскомъ монастырѣ ихъ находилось болѣе 1000. Такъ какъ книги страшно искажались переписчиками и притомъ въ нихъ чувствовали крайній недостатокъ, то Іоанну Грозному пришла мысль устроить типографію. При общемъ невѣжествѣ суевѣрія и предразсудки сильно распространялись и утверждались. Священникамъ запрещено было поучать народъ въ проповѣдяхъ изъ опасенія, чтобы они не проводили какихъ-нибудь еретическихъ мнѣній; да и врядъ ли многіе изъ нихъ, по своему образу жизни, могли имѣть вліяніе на толпу. При обращеніи язычниковъ тогда мало разсчитывали на одну евангельскую проповѣдь. Архіепископъ казанскій обязанъ былъ приглашать къ себѣ обращенныхъ татаръ, поить ихъ у себя квасомъ, а на загородномъ дворѣ медомъ, защищать ихъ, избавляя отъ наказанія и даже отъ смертной казни, если они соглашались креститься. Наиболѣе начитанные изъ тогдашнихъ грамотеевъ заняты были исключительно религіозными спорами о томъ, какія кушанья можно ѣсть въ тѣ или другіе праздники, по солнцу или противъ солнца ходить при освященіи церкви, двоить или троить аллилуіа въ припѣвѣ: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже“. Изъ ученыхъ XVI-го вѣка болѣе другихъ прославились Макарій, который составилъ огромное собраніе всѣхъ бывшихъ на Руси духовныхъ сочиненій въ 12-ти томахъ [1]), и Максимъ Грекъ, возставшій противъ вѣрованія въ звѣзды, противъ разныхъ гаданій и суевѣрій. Но такіе ученые, какъ Максимъ Грекъ, пріѣзжали въ Россію случайно и врядъ ли были понятны тогдашнему грамотному люду. Науки въ то время на Руси не существовало: чтобы чѣмъ-нибудь удовлетворить свою любознательность, грамотеи съ жадностью читали такъ называемыя отреченныя книги, въ которыхъ религіозные вымыслы смѣшивались съ языческими преданіями, разныя сказочныя повѣсти, занесенныя изъ Болгаріи, гадательныя книги: альманахъ, звѣздочетьи, Аристотелевы Врата [2]) и проч. Напротивъ, на-

[1]) Извѣстныхъ подъ именемъ „Четіи-Минеи (мѣсячныя чтенія)“. Тутъ помѣщены житія святыхъ съ похвальными имъ словами; но помѣщены и четыре Евангелія, Апостолъ, Псалтирь, книги Златоуста, Златоструй и проч. Макарій работалъ надъ этимъ собраніемъ вмѣстѣ съ другими книжниками въ Новгородѣ въ продолженіе 12 лѣтъ.

[2]) Аристотелевы Врата: такъ названо здѣсь средневѣковое произ-

родъ сохранялъ и среди христіанства свои языческіе обычаи, о которыхъ упоминаетъ Стоглавъ. Вѣрованіе въ волхвовъ и чародѣевъ было одинаково распространено какъ въ народѣ, такъ и въ высшемъ сословіи.

Вслѣдствіе частыхъ опустошеній и неустройства въ жизни, вслѣдствіе недостатка въ здоровой пищѣ и во всякихъ лѣчебныхъ пособіяхъ, народъ очень часто терпѣлъ отъ голода и отъ мора. Послѣ осады Новгорода при Іоаннѣ III, въ этомъ городѣ умерло болѣе 48.000 человѣкъ отъ мора, а во всей Новгородской области болѣе 50.000. Въ московскихъ областяхъ при Іоаннѣ III голодъ и моръ были два раза. Въ правленіе Василія III нѣсколько разъ случались неурожаи, засухи и проч. При Іоаннѣ Грозномъ въ Новгородѣ и Псковѣ люди нѣсколько разъ тысячами гибли отъ мора, а въ 1570 году страшный моръ опустошилъ цѣлое государство. Единственными мѣрами противъ этого бѣдствія служили сторожа, заставы. Купцовъ съ товарами выгоняли изъ города, а кто не выѣзжалъ, тѣхъ вмѣстѣ съ товарами сожигали; умершихъ отъ мора не погребали у церквей, а за шесть верстъ отъ города; дворъ, въ которомъ кто-нибудь умиралъ, запирали и людей кормили улицею; священникамъ запрещено было исповѣдывать людей знаменныхъ (зараженныхъ), а кто исповѣдывалъ, то его сожигали вмѣстѣ съ больными. Испытывая подобныя бѣдствія, русскій народъ издавна привыкъ говорить: „То не бѣда, коли на дворъ взошла, а то бѣда, какъ со двора нейдетъ“, и свою бѣдность онъ описываетъ мѣткими словами: „Дождь вымочитъ, солнце высушитъ, буйны вѣтры голову расчешутъ“. Въ тотъ вѣкъ къ облегченію бѣдныхъ служилъ монастырскій обычай устраивать странноприимные дома для больныхъ и нищихъ. Такъ Волоколамскій монастырь кормилъ во время голода до 700 нищихъ. Строитель монастыря Іосифъ въ своихъ посланіяхъ и другихъ уговаривалъ продавать хлѣбъ дешевою цѣною. Обычай кормить нищихъ, господствовавшій повсюду: и при дворѣ, и у бо-

---

веденіе, безо всякаго основанія приписанное Аристотелю, подъ именемъ Тайная Тайныхъ, и содержащее въ себѣ тайныя наставленія отъ лица этого греческаго философа Александру Македонскому. Наставленія касаются всего существеннаго, что, по понятіямъ среднихъ вѣковъ, долженъ вѣдать правитель, начиная отъ дѣлъ государственныхъ, устройства воинскаго, и до описанія свойствъ человѣка по наружнымъ примѣтамъ, и до врачебныхъ пособій, со включеніемъ статьи о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней. Сочиненіе это раздѣляется на главы, которыя именуются вратами, отъ чего и произошло названіе Аристотелевы Врата.

яръ, и у богатыхъ купцовъ, конечно, не могъ уничтожить бѣдности, напротивъ, имъ поддерживалось бродяжничество и тунеядство; но въ тогдашнее время не знали иного средства помочь въ бѣдѣ и спасти людей отъ голодной смерти. Изъ другихъ дѣлъ милосердія извѣстенъ также обычай хоронить странныхъ. Близъ Москвы находилось село Скудельничье; всѣ горожане ходили туда въ Семикъ покупать капонъ, свѣчу и молиться объ умершихъ; всѣ до одного, женщины и мужчины, загребали старую яму, наполненную мертвецами, и копали новую.

Естественно, что при тогдашнемъ невѣжествѣ и бѣдности мы находимъ и большую грубость нравовъ. Разбои и грабежи были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ: люди гибли на торгахъ, на дорогахъ, въ шинкахъ и у себя дома. Разбойничали не одни бѣдные люди, бѣжавшіе въ лѣса отъ голода и насилій; грабежемъ занимались и боярскіе дѣти, и огромная боярская дворня, и помѣщики со своими крестьянами; извѣстно также, какъ при Іоаннѣ Грозномъ разоряли государство опричники. По нѣкоторымъ дорогамъ совершенно не было проѣзда. Однажды новгородскіе боярскіе ключники съ цѣлою ратью ударили на псковскую волость Гостятино. Случалось, что сборщикъ архіерейской дани, соединившись съ разбойниками, грабилъ монастырь, въ которомъ предполагалъ найти богатство. Стоглавъ указываетъ на такіе безпорядки: „Скоморохи собираются ватагами по 60, по 70 и по 100 человѣкъ, по деревнямъ отнимаютъ силою хлѣбъ, ѣдятъ и пьютъ, грабятъ изъ клѣтей добро, а по дорогамъ разбиваютъ людей; боярскіе дѣти, боярскіе люди и всякіе бражники играютъ зернью, пропиваются, ни службы не служатъ, ни занимаются промысломъ, а крадутъ, разбиваютъ и губятъ души“. Церковь возставала противъ скомороховъ, запрещала принимать ихъ въ деревни, возить ихъ съ собою за свадебнымъ поѣздомъ; но, какъ видно, они пользовались расположеніемъ бояръ, и для Іоанна Грознаго собирали въ Новгородѣ и по всѣмъ волостямъ веселыхъ людей и медвѣдей. По разсказу лѣтописца, Суббота Осетръ, собиравшій въ Новгородѣ скомороховъ и медвѣдей, билъ до крови дьяка Бартенева и далъ его медвѣдемъ; и въ избѣ дьякъ былъ съ медвѣдемъ, а подъячіе изъ избы пометались вонъ изъ оконъ; на дьякѣ медвѣдь изорвалъ платье, и его въ одномъ кафтанѣ понесли на подворье. Въ то время жизнь человѣка мало значила; убійства совершались въ дракѣ, въ пылу гнѣва или для потѣхи. Родственники и господа убитаго, не ходя на судъ, легко мирились съ убійцами, взявши головницу, т.-е. деньги за голову, и закономъ это было дозволено.

Другимъ порокомъ было страшное, всеобщее пьянство: по словамъ иноземцевъ, ни одинъ пиръ въ Москвѣ не кончался безъ того, чтобы гостей не выносили безъ чувства; бояре проводили жизнь сидячую, праздную, отличались лѣнью и спесью. Пьянство, брань, драки служили выраженіемъ обыкновенной удали, и пословицы до сихъ поръ оправдываютъ прадѣдовскій обычай: „Не выругавшись, дѣла не сдѣлаешь; красна брань дракою; за виски, да въ тиски, и проч.“. Такой грубости жизни соотвѣтствовали и наказанія. При допросахъ употребляли пытки; били по пятамъ, вколачивали деревянные гвозди, чтобъ узнать подноготную, обливали холодной водою, сгибали въ бараній рогъ, какъ говоритъ пословица. И бояре и простой людъ подвергались одинаковымъ казнямъ за преступленія: виновныхъ сожигали, рѣзали имъ языкъ, били кнутомъ на площади. Время Іоанна Грознаго показало, до чего могла достигнуть жестокость, какую вѣрная народная память сохраняетъ въ выраженіяхъ: „конскимъ хвостомъ пепелъ размету, на кишкахъ перевѣшаю“. Тогда дѣйствовали въ силу пословицы: „гдѣ грозно, тамъ и честно“, которая потомъ, какъ увидѣли послѣдствія грозы, измѣнилась въ другую: „гдѣ грозно, тамъ и розно“. Грубость тогдашнихъ нравовъ выразилась и въ униженіи женщины. Казалось, христіанство должно бы смягчить эту грубость; но на женщину въ то время смотрѣли, какъ на дьявольскую прелесть, какъ на грѣховный соблазнъ. Она мало значила въ домашнемъ быту, по пословицѣ: „баба—не человѣкъ, бабѣ дорога отъ печи до порога“. Браки, конечно, устраивались родителями безъ вѣдома жениха и невѣсты; въ боярскомъ быту женщина не показывалась и въ церкви, и на пиру выходила не надолго, только отдать поклонъ самымъ приближеннымъ гостямъ. Впрочемъ, въ нѣкоторые праздники дѣвушкамъ дозволялось собираться на лугъ, качаться на качеляхъ, пѣть пѣсни, прихлопывая въ ладоши. По разсказу Герберштейна, женщины жаловались на холодность своихъ мужей, если они ихъ не били, и такое извѣстіе оправдывается многими нашими пословицами.

Но рядомъ съ этими пороками иноземцы выставляютъ также стойкость, терпѣніе, отвагу русскаго народа. Понятно, что нужда и другія испытанія закалили русскаго человѣка, и онъ становился безчувственнымъ въ бѣдѣ. „Терпи, голова, въ кости скована“ и понынѣ составляетъ обычное его слово. При этомъ всякое отважное дѣло, умѣнье ловко выпутаться изъ бѣды, тѣлесная сила должны были пользоваться особымъ уваженіемъ, и тому, кто кстати выказывалъ свою удаль, прощались прошлые грѣхи: „быль молодцу не

укоръ." Народъ, несмотря на весь разладъ жизни, сохранилъ также тѣсную связь между собою, то общежительное начало, по которому въ трудномъ случаѣ всѣ готовы были стоять за одного и одинъ за всѣхъ. Когда постоянная нужда въ оборонѣ противъ враговъ привела къ пословицѣ: „міръ гинетъ, а рать кормится", міръ не погибалъ на самомъ дѣлѣ. Онъ поддерживалъ себя вѣрою въ свою правду, говоря: „что народъ увидитъ, то и Богъ услышитъ" или „что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ". Впрочемъ, эта мірская сила болѣе всего выражалась терпѣніемъ, потому что на дѣлѣ еще мало было смысла и знанія. Такъ изображаютъ міръ и наши пословицы: „міръ тонокъ, да дологъ" и за себя постоитъ, потому что „мірская шея толста" (т.-е. вынослива).

12. Грамотность на Руси въ концѣ XV столѣтія.

(Изъ письма Геннадія, архіепископа Новгородскаго, къ Симону, митрополиту Московскому).

Билъ я челомъ государю великому князю (Іоанну Васильевичу III), чтобъ велѣлъ училища устроить. Вѣдь, я своему государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ: когда приведутъ ко мнѣ ставленика (предназначеннаго къ посвященію въ священники, діаконы или причетники) грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтирь, онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу, а они кричатъ: земля, господинъ, такая; не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ. Но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить! Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить. Вотъ я и прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать? не могу, не учивши, ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится. Ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей на-

шихъ великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукѣ, а потомъ псалтири съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучить вечерню, и за это мастеру принесетъ кашу да гривну денегъ, за заутреню то же, или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ, кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначитъ, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ; да чтобъ и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣніе въ землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ: Максимка, да Куземка, да Аѳанаська, да Емельянка мясникъ: этотъ и съ недѣлю не поучился—побѣжалъ. Православны ли такіе будутъ?.. По мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ чрезъ пророка: „ты разумъ мой отверже, Азъ же отрину тебя, да не будеши мнѣ служитель“.

13. Внутреннее состояніе Россіи съ половины XV до начала XVII в. по разсказамъ иностранцевъ.

Въ сіе время отечество наше было какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ царевною Софіею для знатнѣйшихъ европейскихъ державъ. Вслѣдъ за нею послы и путешественники являлись въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи двора и народа, записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини [1]), Павелъ Іовій, Франциск да-Колло, въ особенности Герберштейнъ старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

[1]) Контарини венеціанецъ былъ въ Москвѣ въ 1473 г. на возвратномъ пути изъ Персіи. Павелъ Іовій, епископъ Ноцерскій († 1552 г.), написалъ по разсказамъ русскаго толмача Дмитрія Герасимова сочиненіе о Москвѣ, изобилующее интересными свѣдѣніями. Франциск да-Колло былъ посломъ германскаго императора къ великому князю Василію III.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ самовластіе государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. „Скажетъ и сдѣлано“, говоритъ Герберштейнъ: „жизнь, достояніе людей, мірскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависитъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества: ибо русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли Небесной. Обыкновенное слово ихъ: такъ угодно Богу и Государю; вѣдаетъ Богъ и Государь. Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдого старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: „ахъ, господинъ баронъ! мы служимъ Государю не по-вашему!“ Не знаю, свойство ли народа требовало для Россіи такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство“.

Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что великій князь, будучи для подданныхъ образомъ Божества, превосходя всѣхъ иныхъ вѣнценосцевъ въ нравственномъ могуществѣ, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя триста тысячъ боярскихъ дѣтей и шестьдесятъ тысячъ сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило, ибо всякій боярскій сынъ, надѣленный отъ казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ и кромѣ литовскихъ или нѣмецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячъ. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечъ, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя итальянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ на лафетахъ. Въ битвахъ они надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. „Они“—пишетъ Герберштейнъ—„въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ какъ бы говорятъ непріятелю: бѣги, или мы сами побѣжимъ!“ И въ общежитіи и въ войнѣ народы удивительно разнствуютъ между собою. Татаринъ, сверженный съ коня, оба-

гренный кровью, лишенный оружія, еще не сдается въ плѣнъ: машетъ руками, толкаетъ ногою, грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, бросаетъ саблю и молитъ побѣдителя о милосердіи. Гонись за русскимъ: онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда не требуетъ пощады. Коли, руби его: молчитъ и падаетъ. Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, они рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадою и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, недалеко отъ лѣса, въ мѣстахъ пастенныхъ. Одни чиновники имѣли наметы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подсѣдельными войлоками въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; сами чиновники не знали иной пищи, кромѣ воеводъ, которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце. Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія Государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда. Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава.

Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ, не менѣе хваля и Василіеву любовь къ справедливости, иноземцы замѣчали, однакожъ, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василію, что судья московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: „Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, нежели бѣдному“, разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ. Василій улыбнулся, и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія. Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ великокняжескихъ думныхъ

совѣтниковъ до тіуновъ сельскихъ. Государь нерѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала и духовныхъ. Иногда митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали священниковъ къ кнуту и къ висѣлицѣ; судьи отвѣчали: „казнимъ не священниковъ, а негодяевъ, по древнему уставу нашихъ отцовъ“. Въ сочиненіи Іовія и Герберштейна находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ виниться въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти. Обыкновеніе ужасное, данное намъ татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными мучительными казнями.

Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, отъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили польскіе и литовскіе купцы; датскіе, шведскіе и нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ, азіатскіе и турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холопій городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмарка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось, платилъ деньги и дозволялъ продажу остальныхъ. Пряныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоилъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе. Съ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ, брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Россія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или бортевымъ медомъ. Монастырь Троицкій, въ Смоленской области на берегу Днѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцовъ литовскихъ: они жили

тамъ въ гостинницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи, для отправленія въ ихъ землю. Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: напримѣръ, Калуга деревянною красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переяславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы. Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда небольшія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святого Носа, Семи Острововъ и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ датскій посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ нашимъ толмачемъ Истомою. Другой толмачъ, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы скандинавскіе не смѣли ввѣрять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода. Любопытно знать, что россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной имперіи.

Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: московскія, тверскія, псковскія, новгородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ пулъ 1200 въ гривнѣ. Новогородскія деньги имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рублѣ. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь, сидящій въ креслахъ, и другой человѣкъ, склоняющій предъ нимъ голову; на псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на московскихъ всадникъ съ мечемъ: новыя были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: венгерскіе червонцы, римскіе гульдены и ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась. Всякій серебряникъ билъ и выпускалъ монету: правительство наблюдало, чтобы сіи денежники не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожъ хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялись товарами съ иноземцами, а не покупали ихъ на деньги. Вмѣсто нынѣшняго ста, обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было сорокъ и девяносто; говорили: сорокъ, два сорока, или девяносто, два девяноста, и проч.

Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія. Главная казна его хранилась на Бѣлоозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ без-

опаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми. „Удивительно ли“—пишутъ иноземцы—„что Великій Князь богатъ? онъ не даетъ денегъ ни войску, ни посламъ, и даже беретъ у нихъ, что они вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ земель; такъ князь Ярославскій, возвратясь изъ Испаніи, отдалъ въ казну всѣ тяжелыя золотыя цѣпи, ожерелья, богатыя ткани, серебряные сосуды, подаренные ему Императоромъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. Сіи люди не жалуются, говоря: „Великій Князь возьметъ, Великій Князь и наградитъ“. Не тѣмъ, безъ сомнѣнія, Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра) и не тѣмъ, что брали иногда у пословъ вещи, которыя имъ отмѣнно нравились, но мудрою бережливостью, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственными способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія державъ. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часто не имѣлъ денегъ, а великіе князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Несмотря на дѣятельность торговли, Россія казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными европейскими странами; рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынныя, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новгорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десять или двѣнадцать, тому приводили сорокъ или пядьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ. Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, коего непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ

сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстьями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутобереговой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41.500 домовъ, исчисленныхъ по указу Великаго Князя; а сколько жителей—неизвѣстно, но можно полагать ихъ гораздо за 100.000. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди, митрополитъ, князья, бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города), обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ азіатскихъ и европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или въ шалашахъ.

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишетъ, что москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ: глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштейнъ, напротивъ того, съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмельного. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенной важной причины и безъ фонаря. Тишина царствовала въ городѣ. Замѣчали, что россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность новгородцевъ и псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: товаръ лицомъ продать—служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ, ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умѣренностью: ибо въ древнія времена должники платили у насъ 40 на 100. — „Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ благородствомъ, было (по словамъ Герберштейна) общимъ въ Россіи: ибо и самые вельможи назывались холопами Государя;“ но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность рос-

сіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопы, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военоплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности. Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностью, какъ вещью; могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ XVI вѣкѣ уже одна государственная власть смертью казнила холопа, слѣдственно, уже человѣка, уже гражданина, покровительствуемаго закономъ. Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ вырабатывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или около двадцати копеекъ нынѣшнихъ), но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тиранамъ гнушались, какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ идти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ. Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые нанимали землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя, переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю, ибо временные корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность рождаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ смердами, въ XVI вѣкѣ крестьянами, то-есть христіанами, но въ худомъ варварскомъ смыслѣ, ибо долговременные наши тираны, Батыевы моголы, поносили россіянъ симъ именемъ. — Вѣроятно, что сіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ дворянамъ; по край-

ней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцомъ, но въ четвертый разъ отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя. Здѣсь представляется любопытный вопросъ: неужели никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-владѣльцевъ? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что князья, бояре, воины и купцы, то-есть городскіе жители, искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностью его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечомъ въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ наемщикамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только бояре знатные, но и самые простые, бѣдные дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужимъ людямъ и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ дозволенною: качели. Богатыя не пеклися о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ; бѣдныя поневолѣ трудились. Несмотря на строгое заключеніе женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ, и что мужья - дворяне, находясь въ государевой службѣ, рѣдко живали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцомъ его. Спесивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился и, нѣсколько разъ сказавъ вслухъ: Господи помилуй! обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: дай, Боже, тебѣ здравія! Они цѣловались, кланялись другъ другу и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Потчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Романеею, Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ

Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакоже болѣе въ лѣкарство и во дворцѣ, за великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали; обѣды были изобильные и вкусные для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелью, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сіи наряды употреблялись бережно; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ, и вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, широкое, длинное, называлось однорядками; другое охабнями, съ воротникомъ; третье ферезями, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, кунтышами, доломанами, кафтанами; у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы. Дома не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою о верхній косякъ.

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что россіяне, искони набожные, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно слово Господне, безъ примѣси мудрованій человѣческихъ, несогласныхъ съ простотою евангельскою; что нигдѣ не имѣютъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мы весьма не любимъ католиковъ, а евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію. — Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ святыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда

вѣрили молвѣ и разсказамъ народнымъ, а безъ согласія Государева

духовенство не умножало числа святыхъ; когда же строгое изслѣдованіе и достовѣрныя свидѣтельства убѣждали Великаго Князя въ истинѣ чудесъ, то объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ угодниковъ, какъ нынѣ спѣшатъ къ новымъ славнымъ врачамъ, чтобы найти исцѣленіе.—Тогдашняя христіанская набожность произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое селомъ скудельничимъ, гдѣ люди добролюбивые въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды, въ упокоеніе души тѣхъ, коихъ имена, отечество и вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города, а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.

Іовій пишетъ, что великіе князья, подобно султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, нимало не уважая знатности; что невѣстъ привозятъ изъ всей Россіи, что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ. Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на княжнахъ владѣтельныхъ. Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года. „Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ брусяной столовой избѣ съ своимъ поѣздомъ, а невѣста, Елена Глинская, съ женою тысяцкаго, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми шла изъ дому въ середнюю палату. Передъ нею несли двѣ брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два зголовья и два сорока черныхъ соболей, а третьимъ сорокомъ надлежало опахивать жениха и невѣсту. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра ея, княжна Анастасія, на жениховомъ; боярыни вокругъ стола. Василій прислалъ туда брата, князя Юрія, который, занявъ большое мѣсто, велѣлъ звать жениха. Государь! сказали ему: иди съ Богомъ на дѣло. Великій князь вошелъ съ тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ княжну Анастасію съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали молитву. Жена тысяцкаго гребнемъ чесала голову Василію и Еленѣ. Свѣчами богоявленскими зажгли

брачныя, обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольца. Невѣстѣ подали кику и фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, лежали хмель, соболи, одноцвѣтные платки бархатные, атласные, камчатные и пѣнязи, числомъ по девяти въ каждомъ углѣ. Жена тысяцкаго осыпала хмелемъ Великаго Князя и Елену, опахиваемыхъ соболями. Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и сыры для всего поѣзда, а Еленинъ дружка раздавалъ ширинки. Поѣхали въ церковь Успенія: Государь съ братьями и вельможами, Елена въ однихъ саняхъ съ женою тысяцкаго и съ двумя большими свахами; за нею шли нѣкоторые бояре и чиновники; передъ нею несли свѣчи и короваи. Женихъ стоялъ въ церкви на правой сторонѣ у столпа, невѣста на лѣвой. Они шли къ вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Знатнѣйшая боярыня держала скляницу съ виномъ фряжскимъ; митрополитъ подалъ ее Государю и Государынѣ; первый, выпивъ вино, растопталъ скляницу ногою. Когда священный обрядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ красныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, князья и бояре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ сѣнникъ, и поставили въ кадь пшеницы. Въ четырехъ углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали калачи съ соболями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, одѣяло кунье, шуба, на лавкахъ стояли оловянники съ медомъ; въ головахъ кровати икона Рождества Христова, Богоматери и крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Богоматери со младенцемъ; надъ дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати-семи ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ и обѣдалъ со всѣмъ дворомъ. Князь Юрій Іоанновичъ сидѣлъ опять на большомъ мѣстѣ, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними поставили жаренаго пѣтуха; дружка взялъ его, обвернулъ верхнею скатертью и отнесъ въ спальню, куда повели и молодыхъ изъ за-стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій бояринъ выдавалъ великую княгиню и говорилъ рѣчь. Жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну наизворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмелемъ, а дружки и свахи кормили ихъ пѣтухомъ. Во всю ночь конюшій государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обнаженнымъ мечомъ. Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, славянскихъ, отчасти скандинавскихъ; нѣкоторые об-
любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были
йствіе злого волшебства.—Василій, находясь въ частыхъ

сношеніяхъ съ государями европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ посламъ въ Россіи, но иноземцы жаловались на сей милостивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачъ Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ историку Іовію портретъ великаго князя Василія, писанный, безъ сомнѣнія, не русскимъ живописцемъ. Герберштейнъ упоминаетъ о нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на россіянкѣ. Искусства европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ, ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству западныхъ европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: „хорошее отъ всякаго хорошо“ и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ.

Въ Іоанново и Ѳеодорово царствованіе древніе обычаи народные, вѣроятно, мало измѣнились, но въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности, относящіяся къ сему любопытному для насъ предмету. Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной, такъ что ни одно назначеніе воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось безъ распри и суда.

Но споры о мѣстахъ не нарушали благочинія въ собраніяхъ двора: все утихало, когда Царь являлся въ величіи разительномъ для пословъ иноземныхъ. „Закрывъ глаза, пишутъ очевидцы, всякій сказалъ бы, что дворецъ пустъ. Сіи многочисленные, золотомъ облитые сановники и безмолвны и недвижимы, сидя на лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей до трона, гдѣ стоятъ рынды въ одеждѣ бѣлой, бархатной или атласной, опушенной горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя золотыми цѣпями (крестообразно висящими на груди), съ драгоцѣнными сѣкирами, подъятыми на

плечо, какъ бы для удара... Во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ служатъ 200 или 300 жильцовъ въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Когда Государь сядетъ (на возвышенномъ мѣстѣ, съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), чиновники-служители низко кланяются ему и по два въ рядъ идутъ за кушаньемъ. Между тѣмъ подаютъ водку: на столахъ нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; нѣтъ ни тарелокъ, ни салфетокъ. Приносятъ вдругъ блюдъ сто и болѣе: каждое, отвѣданное поваромъ при стольникѣ, вторично отвѣдывается крайчимъ въ глазахъ Царя, который самъ посылаетъ гостямъ ломти хлѣба, яства, вина, медъ, и собственною рукою въ концѣ обѣда раздаетъ имъ сушеныя венгерскія сливы; всякаго гостя отпускаютъ домой еще съ цѣлымъ блюдомъ мяса или пирогомъ. Иногда послы чужеземные обѣдаютъ и дома съ роскошнаго стола царскаго: знатный чиновникъ ѣдетъ извѣстить ихъ о сей чести и съ ними обѣдать; 15 или 20 слугъ идутъ вокругъ его лошади; стрѣльцы, богато одѣтые, несутъ скатерть, солонки и проч., другіе (человѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множество блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, съ разными яствами". Чтобы дать понятіе о роскоши и лакомствѣ сего времени, выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бумагъ Ѳеодорова царствованія: въ 1597 году отпускали къ столу австрійскаго посла изъ Дворца Сытнаго семь кубковъ Романеи, столько же Рейнскаго, Мушкателя, Французскаго бѣлаго, Бастру (или Канарскаго вина), Аликанту и Мальвазіи; 12 ковшей меду вишневаго и другихъ лучшихъ; 5 ведеръ смородиннаго, можжевеловаго, черемуховаго и проч.; 65 ведеръ малиноваго, Боярскаго, Княжаго; изъ Кормоваго Дворца 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей съ пряностью зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ безкостныхъ, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ со сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ сарацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранныя (бѣлыя и черныя), кальи лимонныя и съ огурцами; изъ Дворца Хлѣбеннаго калачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Древняя славянская роскошь гостепріимства, извѣстная у насъ подъ коренным русскимъ именемъ хлѣбосольства, оказывалась и въ до[illegible]ихъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. Зато сам[illegible]рекъ въ неблагодарности выражался словами: „ты

забылъ мою хлѣбъ-соль". —Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть дороднымъ человѣкомъ значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить лѣтъ до восьмидесяти, ста и ста двадцати. Только дворъ и вельможи совѣтовались съ иноземными врачами. Ѳеодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго англійской королевою, и Павла, миланскаго гражданина; первый жилъ въ Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы Царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ государственный дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лѣкарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ не благопріятствуютъ медикамъ, ѣдущимъ въ Россію, что лучшая книга у него въ головѣ, а лѣкарства изготовляются аптекарями, не докторами, что и пульсъ и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шесть лѣкарей изъ Германіи; каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ и патенты на санъ докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ посланникъ Ли, убѣдивъ его назвать докторомъ лѣкаря Рейшлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить Царю.

Мы имѣли тогда и разныхъ аптекарей: одинъ изъ нихъ, англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растеній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но россіяне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили аптекамъ: простые люди обыкновенно лѣчились виномъ съ истертымъ въ немъ порохомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лѣкарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. Кто, бывъ отчаянно бо-

ленъ и соборованъ масломъ, выздоравливалъ, тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось будто бы выйти за другого мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ; богатыхъ оплакивало, и въ домѣ и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили нараспѣвъ: „тебѣ ли было оставлять бѣлый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя Царь Государь? не имѣлъ ли ты богатства и чести, супруги милой и дѣтей любезныхъ?“ и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, черезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. Флетчеръ [1]) увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ Божій (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу.

„Россіяне (пишетъ Маржеретъ) [2]), сохраняя еще многіе старые обычаи, уже начинаютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ того времени, какъ видятъ у себя иноземцевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 передъ симъ, въ случаѣ какого-нибудь несогласія, они говорили другъ другу безъ всякихъ обиняковъ, слуга боярину, боринъ Царю, даже Іоанну Грозному: ты думаешь ложно, говоришь неправду. Нынѣ менѣе грубы и знакомятся съ учтивостію; однакожъ мыслятъ о чести не такъ, какъ мы: напримѣръ, не терпятъ поединковъ и ходятъ всегда безоружные, въ мирное время вооружаясь единственно для дальнихъ путешествій; а въ обидахъ вѣдаются судомъ. Тогда наказываютъ виновнаго батожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и судьи, или денежною пенею, именуемою безчестьемъ, соразмѣрно жалованью истца: кому даютъ изъ царской казны ежегодно 15 рублей, тому и безчестья 15 рублей, а женѣ его вдвое: ибо она считается оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ. За обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площадяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ. Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ строго, какъ въ личныхъ оскорбле-

---

[1]) Флетчеръ былъ въ Россіи при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ посломъ англійской королевы Елисаветы и значеніе его книги о Россіи едва ли не равно значенію книги Герберштейна; ею пользовались всѣ русскіе историки.

[2]) Маржеретъ пріѣхалъ въ Россію въ 1601 г., служилъ Борису и Лжедимитрію I и по возвращеніи во Францію написалъ свою книгу о [illegible]ритъ не только о событіяхъ въ Москвѣ, но и о московитяхъ; его извѣстія по большей части любопытныя и [illegible].

ніяхъ и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи уголовное преступленіе".

Между забавами сего времени такъ описываютъ любимую Ѳеодорову — медвѣжій бой: „Охотники царскіе, подобно римскимъ гладіаторамъ, не боятся смерти, увеселяя Государя своимъ дерзкимъ искусствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ ямы или тенетами, держатъ въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ собирается дворъ и несмѣтное число людей предъ театромъ, гдѣ должно быть поединку: сіе мѣсто обведено глубокимъ рвомъ для безопасности зрителей и для того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Тамъ является смѣлый боецъ съ рогатиною, и выпускаютъ медвѣдя, который, видя его, становится на дыбы, реветъ и стремится къ нему съ отверстымъ зѣвомъ. Охотникъ недвижимъ: смотритъ, мѣтитъ—и сильнымъ махомъ всаживаетъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея пригнетаетъ къ землѣ ногою. Уязвленный, яростный медвѣдь лѣзетъ грудью на желѣзо, орошаетъ его своею кровью и пѣною, ломитъ, грызетъ древко и, если одолѣть не можетъ, то, падая на бокъ, съ послѣднимъ глухимъ ревомъ издыхаетъ. Народъ, доселѣ безмолвный, оглашаетъ площадь громкими восклицаніями живѣйшаго удовольствія, и героя ведутъ къ погребамъ царскимъ пить за Государево здравіе; онъ счастливъ сею единственною наградою или тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости медвѣдя, который въ случаѣ неискусства или малыхъ силъ бойца, ломая въ куски рогатину, зубами и когтями растерзываетъ его иногда въ минуту".

Говоря о страсти московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные, и кидались въ проруби. Извѣстіе сего наблюдателя о тогдашней нравственности россіянъ не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ писатель учтивый, предполагая исключенія, онъ укорялъ москвитянъ лживостію и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостью безпредѣльною, изъясняясь такъ: „москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову". Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: „дай мнѣ или убей меня!" Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому. Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ западной церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что

сходствовало съ уставами римской, излишне чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году, имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больного, безъ всякой предосторожности, въ церковь Василія Блаженнаго и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ. Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость; съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса, а Борисъ молчалъ и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому, не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостью вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Упрекая россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили, однакожъ, ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ: ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ вѣры, о коемъ спорили и философы и богословы? Равнодушіемъ ли къ ея догматамъ въ государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцомъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ? То-есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелью? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

14. Изъ „Записокъ о Московіи“ Герберштейна [1]).

Городъ Москва и московская область. Городъ Москва, главный городъ и столица Руссіи, и самая область, и рѣка, которая протекаетъ черезъ нее, носятъ одно и то же имя и называются на туземномъ языкѣ Московіею. Московская область также не слишкомъ пространна и плодоносна; ея плодородію препятствуетъ песчаная повсюду почва, губящая посѣвы то излишней сухостью, то слишкомъ большою влажностью. Къ этому присоединяется неумѣренная и черезчуръ жестокая суровость климата, отъ которой при перевѣсѣ зимняго холода надъ солнечной теплотой посѣвы иногда не доходятъ до зрѣлости. Ибо случаются тамъ такіе сильные холода,

---

[1]) „Герберштейнъ славянинъ родомъ, авторъ „Записокъ о Московіи“. 2 раза ѣздилъ въ Москву посломъ отъ германскаго императора въ 1517 и 1526 г. Оба посольства Герберштейна въ Москву обогатили европейскую литературу первымъ подробнымъ описаніемъ московскаго государства. Собственная любознательность побудила Герберштейна заняться собираніемъ свѣдѣній о странѣ, которая была почти неизвѣстна образованному міру; къ тому же его государь Фердинандъ, король римскій, очень интересовался состояніемъ нашей церкви и поручилъ ему какъ можно обстоятельнѣе ознакомиться съ религіей, обрядами и божественными книгами русскихъ. Зная два славянскихъ нарѣчія, виндское и чешское. Герберштейнъ легко освоился и съ русскимъ языкомъ. Въ этомъ заключается огромное преимущество его передъ прочими иностранцами, посѣщавшими Россію до него. Онъ могъ понимать, что говорится вокругъ него, могъ самъ вступать въ разговоръ съ интересными для него людьми, могъ читать лѣтописи и другіе памятники нашей письменности, дѣлать переводы и извлеченія изъ нихъ. Съ другой стороны пониманіе народнаго языка давало ему возможность глубже вникать въ наблюдаемыя имъ явленія и справедливѣе относиться къ нимъ. Какъ воспользовался Герберштейнъ своимъ преимуществомъ, это доказываютъ его „Записки“. Своей полнотой, вѣрностью взглядовъ, критическимъ отношеніемъ къ приводимымъ фактамъ они превосходятъ все, что существовало въ европейской литературѣ по этой части до ихъ появленія. Герберштейнъ, можно сказать, создалъ географію восточной Европы; онъ же первый познакомилъ европейскую публику и съ русской исторіей въ своемъ правдивомъ, хотя и не безошибочномъ извлеченіи изъ нашихъ лѣтописей. Современное ему положеніе Россіи онъ изложилъ съ такою подробностью и отчетливостью, что лишь немногія изъ послѣдующихъ описаній могутъ выдержать сравненіе съ его книгой. Потому на западѣ его сочиненіе долго пользовалось авторитетомъ во всемъ, что касалось московскаго государства; оно послужило источникомъ для составленія безчисленнаго множества компиляцій другими учеными“.

что отъ ужаснаго мороза растрескивается земля, подобно тому, какъ у насъ въ лѣтнее время это бываетъ отъ чрезвычайнаго жара: тогда даже вода, вылитая на воздухѣ, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ наземь. Мы сами видѣли, когда были тамъ въ 1526 г., что вѣтви плодовыхъ деревьевъ совершенно погибли отъ суровой зимы предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ жестока, что весьма многихъ курьеровъ (которые у нихъ называются гонцами) находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые мужики изъ окрестныхъ деревень, гнавшіе въ Москву скотъ, связанный веревками, отъ сильнаго холода погибли тогда вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, которые въ тѣхъ странахъ имѣютъ обыкновеніе блуждать съ медвѣдями, пріученными къ пляскѣ, найдены были мертвыми на дорогахъ. Да и самые медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ лѣса, рыскали по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома; когда испуганные крестьяне убѣгали отъ нихъ, то за воротами погибали отъ стужи. Такому холоду иногда также соотвѣтствуетъ чрезвычайный жаръ, какъ, напримѣръ, въ 1525 г., когда отъ чрезмѣрнаго солнечнаго жара почти всѣ посѣвы были выжжены, и за этой засухой послѣдовала такая дороговизна хлѣба, что за стоившее прежде три деньги платили потомъ 20 или 30. Отъ чрезвычайнаго жара загорались многія деревни, лѣса и хлѣба. Дымъ отъ нихъ до того наполнялъ окрестности, что у проходящихъ мимо людей сильно ѣло глаза, и отъ дыма находилъ какой-то мракъ, который многихъ сдѣлалъ слѣпыми. По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста. Хотя старательнымъ трудомъ земледѣльцевъ она довольно обработана, однако за исключеніемъ того, что производятъ поля, все остальное привозится туда изъ окружныхъ областей. Ибо хотя она изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами, однако во всей области нѣтъ сладкихъ вишенъ и орѣховъ, кромѣ лѣсныхъ. У нихъ есть и другія фруктовыя деревья, но ихъ плоды не вкусны. Они сѣютъ дыни съ особенною заботливостью и искусствомъ: складываютъ въ высокія грядки землю, смѣшанную съ навозомъ, и въ нее зарываютъ сѣмена; этимъ способомъ они предохраняются одинаково отъ излишковъ тепла и холода. Ибо, если случится чрезвычайный жаръ, они дѣлаютъ скважины, какъ бы нѣкоторыя отдушины въ землѣ, смѣшанной съ навозомъ, для того, чтобы отъ излишняго тепла сѣмя не сопр[illegible]мѣ же чрезмѣрнаго холода теплота навоза защищае[illegible]мена. Меду и дикихъ звѣрей (исключая однако

зайцевъ) въ московской области нѣтъ. Животныя гораздо меньше нашихъ, но однако не лишены роговъ (какъ кто-то писалъ). Ибо я видѣлъ быковъ, коровъ, козъ, барановъ,—и всѣхъ съ рогами.

Городъ же Москва между другими сѣверными городами далеко выдается на востокъ. Ибо когда мы изъ Вѣны поѣхали прямо на Краковъ, а оттуда ѣхали почти сто германскихъ миль на сѣверъ, то, перемѣнивъ направленіе пути къ востоку, прибыли наконецъ въ Москву, лежащую если не въ Азіи, то на краю Европы, тамъ, гдѣ она очень близко находится отъ Азіи. Самый городъ—деревянный и довольно обширенъ; издали онъ кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо пространные сады и огороды при каждомъ домѣ дѣлаютъ городъ больше; еще болѣе увеличиваютъ его дома ремесленниковъ, употребляющихъ при своемъ мастерствѣ огонь; эти дома тянутся длиннымъ рядомъ на концѣ города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali (что на ихъ языкѣ значитъ infunde, Налей), потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними. Недалеко отъ города есть нѣсколько монастырей, которые, если смотрѣть издали, кажутся однимъ городомъ. Далѣе, обширность города дѣлаетъ то, что онъ не имѣетъ опредѣленной черты и не укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ, стѣною, рвомъ и башнями. Однакожъ улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживаются бревнами, положенными поперекъ, и съ самыхъ сумерекъ оберегаются приставленными стражами, такъ что ночью никому нельзя пройти туда послѣ установленнаго часу. Кто же будетъ взятъ сторожами послѣ этого часа, тѣхъ бьютъ и обираютъ или сажаютъ въ темницу, если только это не будутъ люди извѣстные и почтенные: тѣхъ обыкновенно стражи отводятъ домой. Таковые стражи обыкновенно помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытъ свободный доступъ въ городъ. Ибо остальную часть города омываетъ Москва, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ рѣка Яуза,—а ее, по причинѣ высокихъ береговъ, рѣдко можно переходить въ бродъ. На ней выстроено много мельницъ для общаго пользованія всѣхъ горожанъ. Этими рѣками нѣсколько укрѣпленъ городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ зданій, храмовъ и монастырей, выстроенъ изъ одного дерева. Число домовъ въ этомъ городѣ по-

казываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву всѣ дома были переписаны по повелѣнію князя, и что ихъ число превосходило 41.500. Этотъ городъ, столь обширный и пространный, очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ и въ лучшихъ его частяхъ подѣланы мостки. Въ этомъ городѣ есть крѣпость, построенная изъ кирпичей и омываемая съ одной стороны Москвою, съ другой—рѣкою Неглинной. Неглинная же течетъ изъ какихъ-то болотъ; передъ городомъ она такъ заперта около верхней части крѣпости, что образуетъ озеро и, вытекая оттуда, наполняетъ рвы крѣпости, на которыхъ стоятъ мельницы, и наконецъ подъ самой крѣпостью, какъ я сказалъ, сливается съ рѣкою Москвой. Крѣпость же такъ велика, что кромѣ обширныхъ палатъ князя, великолѣпно выстроенныхъ изъ камня, митрополитъ, также братья князя, вельможи и весьма многіе другіе имѣютъ въ ней большія деревянныя палаты. Кромѣ того въ крѣпости находится много церквей, и эта обширность даетъ ей видъ настоящаго города. Сначала эта крѣпость была окружена только дубовыми стѣнами и была мала и незначительна до временъ великаго князя Іоанна Даніиловича; онъ первый, по внушенію митрополита Петра, перенесъ сюда столицу государства. Ибо Петръ, по любви къ нѣкоему Алексію, погребенному тамъ и, какъ говорятъ, прославившемуся чудесами, еще прежде избралъ это мѣсто своимъ мѣстопребываніемъ; по смерти, онъ былъ погребенъ здѣсь же. Когда и на его могилѣ стали совершаться чудеса, это мѣсто сдѣлалось такъ славно молвою о своей святости, что послѣдующіе князья, наслѣдники Іоанна, положили сдѣлать его своею столицею. Ибо, по смерти Іоанна, сынъ его, тоже Іоаннъ, оставался жить здѣсь, послѣ него Димитрій, послѣ Димитрія Василій, тотъ самый, который женился на дочери Витольда и оставилъ послѣ себя сына Василія Темнаго. Отъ него родился Іоаннъ, отецъ того князя, у котораго я былъ посломъ: онъ первый началъ обводить крѣпость стѣною; это дѣло, почти 30 лѣтъ спустя, довершили его потомки. Крѣпостныя укрѣпленія и дворецъ князя выстроены изъ кирпича на итальянскій манеръ тѣми итальянцами, которыхъ князь вызвалъ къ себѣ обѣщаніемъ большихъ наградъ. Въ этой крѣпости, какъ я сказалъ, много церквей: всѣ онѣ деревянныя, исключая двухъ знаменитѣйшихъ, которыя выстроены изъ кирпичей: одна изъ нихъ посвящена Святой Дѣвѣ, другая святому Михаилу. Въ храмѣ Святой Дѣвы погребены тѣла двухъ архіепископовъ, которые были виновниками того, что князья перенесли сюда свою столицу и учредили тамъ

забылъ мою хлѣбъ-соль". —Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полудневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть дороднымъ человѣкомъ значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить лѣтъ до восьмидесяти, ста и ста двадцати. Только дворъ и вельможи совѣтовались съ иноземными врачами. Ѳеодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго англійской королевою, и Павла, миланскаго гражданина; первый жилъ въ Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы Царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ государственный дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лѣкарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ не благопріятствуютъ медикамъ, ѣдущимъ въ Россію, что лучшая книга у него въ головѣ, а лѣкарства изготовляются аптекарями, не докторами, что и пульсъ и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шесть лѣкарей изъ Германіи; каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ и патенты на санъ докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ посланникъ Ли, убѣдивъ его назвать докторомъ лѣкаря Рейшлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить Царю.

Мы имѣли тогда и разныхъ аптекарей: одинъ изъ нихъ, англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растеній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но россіяне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили аптекамъ: простые люди обыкновенно лѣчились виномъ съ истертымъ въ немъ порохомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лѣкарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. Кто, бывъ отчаянно бо-

ленъ и соборованъ масломъ, выздоравливалъ, тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось будто бы выйти за другого мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ; богатыхъ оплакивало, и въ домѣ и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили параспѣвъ: „тебѣ ли было оставлять бѣлый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя Царь Государь? не имѣлъ ли ты богатства и чести, супруги милой и дѣтей любезныхъ?“ и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, черезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. Флетчеръ [1]) увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ Божій (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу.

„Россіяне (пишетъ Маржеретъ) [2]), сохраняя еще многіе старые обычаи, уже начинаютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ того времени, какъ видятъ у себя иноземцевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 передъ симъ, въ случаѣ какого-нибудь несогласія, они говорили другъ другу безъ всякихъ обиняковъ, слуга боярину, боринъ Царю, даже Іоанну Грозному: ты думаешь ложно, говоришь неправду. Нынѣ менѣе грубы и знакомятся съ учтивостію: однакожъ мыслятъ о чести не такъ, какъ мы: напримѣръ, не терпятъ поединковъ и ходятъ всегда безоружные, въ мирное время вооружаясь единственно для дальнихъ путешествій; а въ обидахъ вѣдаются судомъ. Тогда наказываютъ виновнаго батожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и судьи, или денежною пенею, именуемою безчестьемъ, соразмѣрно жалованью истца: кому даютъ изъ царской казны ежегодно 15 рублей, тому и безчестья 15 рублей, а женѣ его вдвое: ибо она считается оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ. За обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площадяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ. Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ строго, какъ въ личныхъ оскорбле-

---

[1]) Флетчеръ былъ въ Россіи при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ посломъ англійской королевы Елисаветы и значеніе его книги о Россіи едва ли не равно значенію книги Герберштейна; ею пользовались всѣ русскіе историки.

[2]) Маржеретъ пріѣхалъ въ Россію въ 1601 г., служилъ Борису и Лжедимитрію I и по возвращеніи во Францію написалъ свою книгу о Россіи, гдѣ говоритъ не только о событіяхъ въ Москвѣ, но и о московскихъ учрежденіяхъ; его извѣстія по большей части любопытныя и довольно вѣрныя.

піяхъ и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи уголовное преступленіе".

Между забавами сего времени такъ описываютъ любимую Ѳеодорову — медвѣжій бой: „Охотники царскіе, подобно римскимъ гладіаторамъ, не боятся смерти, увеселяя Государя своимъ дерзкимъ искусствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ ямы или тенетами, держатъ въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ собирается дворъ и несмѣтное число людей предъ театромъ, гдѣ должно быть поединку: сіе мѣсто обведено глубокимъ рвомъ для безопасности зрителей и для того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Тамъ является смѣлый боецъ съ рогатиною, и выпускаютъ медвѣдя, который, видя его, становится на дыбы, реветъ и стремится къ нему съ отверстымъ зѣвомъ. Охотникъ недвижимъ: смотритъ, мѣтитъ—и сильнымъ махомъ всаживаетъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея пригнетаетъ къ землѣ ногою. Уязвленный, яростный медвѣдь лѣзетъ грудью на желѣзо, орошаетъ его своею кровью и пѣною, ломитъ, грызетъ древко и, если одолѣть не можетъ, то, падая на бокъ, съ послѣднимъ глухимъ ревомъ издыхаетъ. Народъ, доселѣ безмолвный, оглашаетъ площадь громкими восклицаніями живѣйшаго удовольствія, и героя ведутъ къ погребамъ царскимъ пить за Государево здравіе; онъ счастливъ сею единственною наградою или тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости медвѣдя, который въ случаѣ неискусства или малыхъ силъ бойца, ломая въ куски рогатину, зубами и когтями растерзываетъ его иногда въ минуту".

Говоря о страсти московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные, и кидались въ проруби. Извѣстіе сего наблюдателя о тогдашней нравственности россіянъ не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ писатель учтивый, предполагая исключенія, онъ укорялъ москвитянъ лживостію и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостью безпредѣльною, изъясняясь такъ: „москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову". Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: „дай мнѣ или убей меня!" Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому. Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ западной церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что

сходствовало съ уставами римской, излишне чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году, имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больного, безъ всякой предосторожности, въ церковь Василія Блаженнаго и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ. Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость; съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса, а Борисъ молчалъ и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому, не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостью вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Упрекая россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили, однакожъ, ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ: ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ вѣры, о коемъ спорили и философы и богословы? Равнодушіемъ ли къ ея догматамъ въ государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцомъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ? То-есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелью? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

14. Изъ „Записокъ о Московіи“ Герберштейна [1]).

Городъ Москва и московская область. Городъ Москва, главный городъ и столица Руссіи, и самая область, и рѣка, которая протекаетъ черезъ нее, носятъ одно и то же имя и называются на туземномъ языкѣ Московіею. Московская область также не слишкомъ пространна и плодоносна; ея плодородію препятствуетъ песчаная повсюду почва, губящая посѣвы то излишней сухостью, то слишкомъ большою влажностью. Къ этому присоединяется неумѣренная и черезчуръ жестокая суровость климата, отъ которой при перевѣсѣ зимняго холода надъ солнечной теплотой посѣвы иногда не доходятъ до зрѣлости. Ибо случаются тамъ такіе сильные холода,

---

[1]) „Герберштейнъ славянинъ родомъ, авторъ „Записокъ о Московіи“. 2 раза ѣздилъ въ Москву посломъ отъ германскаго императора въ 1517 и 1526 г. Оба посольства Герберштейна въ Москву обогатили европейскую литературу первымъ подробнымъ описаніемъ московскаго государства. Собственная любознательность побудила Герберштейна заняться собираніемъ свѣдѣній о странѣ, которая была почти неизвѣстна образованному міру; къ тому же его государь Фердинандъ, король римскій, очень интересовался состояніемъ нашей церкви и поручилъ ему какъ можно обстоятельнѣе ознакомиться съ религіей, обрядами и божественными книгами русскихъ. Зная два славянскихъ нарѣчія, виндское и чешское. Герберштейнъ легко освоился и съ русскимъ языкомъ. Въ этомъ заключается огромное преимущество его передъ прочими иностранцами, посѣщавшими Россію до него. Онъ могъ понимать, что говорится вокругъ него, могъ самъ вступать въ разговоръ съ интересными для него людьми, могъ читать лѣтописи и другіе памятники нашей письменности, дѣлать переводы и извлеченія изъ нихъ. Съ другой стороны пониманіе народнаго языка давало ему возможность глубже вникать въ наблюдаемыя имъ явленія и справедливѣе относиться къ нимъ. Какъ воспользовался Герберштейнъ своимъ преимуществомъ, это доказываютъ его „Записки“. Своей полнотой, вѣрностью взглядовъ, критическимъ отношеніемъ къ приводимымъ фактамъ они превосходятъ все, что существовало въ европейской литературѣ по этой части до ихъ появленія. Герберштейнъ, можно сказать, создалъ географію восточной Европы; онъ же первый познакомилъ европейскую публику и съ русской исторіей въ своемъ правдивомъ, хотя и не безошибочномъ извлеченіи изъ нашихъ лѣтописей. Современное ему положеніе Россіи онъ изложилъ съ такою подробностью и отчетливостью, что лишь немногія изъ послѣдующихъ описаній могутъ выдержать сравненіе съ его книгой. Потому на западѣ его сочиненіе долго пользовалось авторитетомъ во всемъ, что касалось московскаго государства; оно послужило источникомъ для составленія безчисленнаго множества компиляцій другими учеными“.

что отъ ужаснаго мороза растрескивается земля, подобно тому, какъ у насъ въ лѣтнее время это бываетъ отъ чрезвычайнаго жара: тогда даже вода, вылитая на воздухѣ, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ наземь. Мы сами видѣли, когда были тамъ въ 1526 г., что вѣтви плодовыхъ деревьевъ совершенно погибли отъ суровой зимы предшествовавшаго года. Въ тотъ годъ зима была такъ жестока, что весьма многихъ курьеровъ (которые у нихъ называются гонцами) находили замерзшими въ повозкахъ. Нѣкоторые мужики изъ окрестныхъ деревень, гнавшіе въ Москву скотъ, связанный веревками, отъ сильнаго холода погибли тогда вмѣстѣ со скотомъ. Кромѣ того, многіе бродяги, которые въ тѣхъ странахъ имѣютъ обыкновеніе блуждать съ медвѣдями, пріученными къ пляскѣ, найдены были мертвыми на дорогахъ. Да и самые медвѣди, подстрекаемые голодомъ, оставивъ лѣса, рыскали по сосѣднимъ деревнямъ и врывались въ дома; когда испуганные крестьяне убѣгали отъ нихъ, то за воротами погибали отъ стужи. Такому холоду иногда также соотвѣтствуетъ чрезвычайный жаръ, какъ, напримѣръ, въ 1525 г., когда отъ чрезмѣрнаго солнечнаго жара почти всѣ посѣвы были выжжены, и за этой засухой послѣдовала такая дороговизна хлѣба, что за стоившее прежде три деньги платили потомъ 20 или 30. Отъ чрезвычайнаго жара загорались многія деревни, лѣса и хлѣба. Дымъ отъ нихъ до того наполнялъ окрестности, что у проходящихъ мимо людей сильно ѣло глаза, и отъ дыма находилъ какой-то мракъ, который многихъ сдѣлалъ слѣпыми. По пнямъ большихъ деревьевъ, которые существуютъ даже и нынѣ, можно заключить, что вся эта область не такъ давно была очень лѣсиста. Хотя старательнымъ трудомъ земледѣльцевъ она довольно обработана, однако за исключеніемъ того, что производятъ поля, все остальное привозится туда изъ окружныхъ областей. Ибо хотя она изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами, однако во всей области нѣтъ сладкихъ вишенъ и орѣховъ, кромѣ лѣсныхъ. У нихъ есть и другія фруктовыя деревья, но ихъ плоды не вкусны. Они сѣютъ дыни съ особенною заботливостью и искусствомъ: складываютъ въ высокія грядки землю, смѣшанную съ навозомъ, и въ нее зарываютъ сѣмена; этимъ способомъ они предохраняются одинаково отъ излишковъ тепла и холода. Ибо, если случится чрезвычайный жаръ, они дѣлаютъ скважины, какъ бы нѣкоторыя отдушины въ землѣ, смѣшанной съ навозомъ, для того, чтобы отъ излишняго тепла сѣмя не сопрѣло; въ случаѣ же чрезмѣрнаго холода теплота навоза защищаетъ зарытыя сѣмена. Меду и дикихъ звѣрей (исключая однако

зайцевъ) въ московской области нѣтъ. Животныя гораздо меньше нашихъ, но однако не лишены роговъ (какъ кто-то писалъ). Ибо я видѣлъ быковъ, коровъ, козъ, барановъ,—и всѣхъ съ рогами.

Городъ же Москва между другими сѣверными городами далеко выдается на востокъ. Ибо когда мы изъ Вѣны поѣхали прямо на Краковъ, а оттуда ѣхали почти сто германскихъ миль на сѣверъ, то, перемѣнивъ направленіе пути къ востоку, прибыли наконецъ въ Москву, лежащую если не въ Азіи, то на краю Европы, тамъ, гдѣ она очень близко находится отъ Азіи. Самый городъ—деревянный и довольно обширенъ; издали онъ кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо пространные сады и огороды при каждомъ домѣ дѣлаютъ городъ больше; еще болѣе увеличиваютъ его дома ремесленниковъ, употребляющихъ при своемъ мастерствѣ огонь; эти дома тянутся длиннымъ рядомъ на концѣ города, а между ними находятся поля и луга. Недалеко отъ города показываются домики и зарѣчныя слободы, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali (что на ихъ языкѣ значитъ infunde, Налей), потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ другимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщества съ остальными, чтобы прочіе не соблазнялись, живя вмѣстѣ съ ними. Недалеко отъ города есть нѣсколько монастырей, которые, если смотрѣть издали, кажутся однимъ городомъ. Далѣе, обширность города дѣлаетъ то, что онъ не имѣетъ опредѣленной черты и не укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ, стѣною, рвомъ и башнями. Однакожъ улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загораживаются бревнами, положенными поперекъ, и съ самыхъ сумерекъ оберегаются приставленными стражами, такъ что ночью никому нельзя пройти туда послѣ установленнаго часу. Кто же будетъ взятъ сторожами послѣ этого часа, тѣхъ бьютъ и обираютъ или сажаютъ въ темницу, если только это не будутъ люди извѣстные и почтенные: тѣхъ обыкновенно стражи отводятъ домой. Таковые стражи обыкновенно помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открытъ свободный доступъ въ городъ. Ибо остальную часть города омываетъ Москва, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ рѣка Яуза,—а ее, по причинѣ высокихъ береговъ, рѣдко можно переходить въ бродъ. На ней выстроено много мельницъ для общаго пользованія всѣхъ горожанъ. Этими рѣками нѣсколько укрѣпленъ городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ зданій, храмовъ и монастырей, выстроенъ изъ одного дерева. Число домовъ въ этомъ городѣ по-

казываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву всѣ дома были переписаны по повелѣнію князя, и что ихъ число превосходило 41.500. Этотъ городъ, столь обширный и пространный, очень грязенъ, почему на улицахъ и площадяхъ и въ лучшихъ его частяхъ подѣланы мостки. Въ этомъ городѣ есть крѣпость, построенная изъ кирпичей и омываемая съ одной стороны Москвою, съ другой—рѣкою Неглинной. Неглинная же течетъ изъ какихъ-то болотъ; передъ городомъ она такъ заперта около верхней части крѣпости, что образуетъ озеро и, вытекая оттуда, наполняетъ рвы крѣпости, на которыхъ стоятъ мельницы, и наконецъ подъ самой крѣпостью, какъ я сказалъ, сливается съ рѣкою Москвой. Крѣпость же такъ велика, что кромѣ обширныхъ палатъ князя, великолѣпно выстроенныхъ изъ камня, митрополитъ, также братья князя, вельможи и весьма многіе другіе имѣютъ въ ней большія деревянныя палаты. Кромѣ того въ крѣпости находится много церквей, и эта обширность даетъ ей видъ настоящаго города. Сначала эта крѣпость была окружена только дубовыми стѣнами и была мала и незначительна до временъ великаго князя Іоанна Даніиловича; онъ первый, по внушенію митрополита Петра, перенесъ сюда столицу государства. Ибо Петръ, по любви къ нѣкоему Алексію, погребенному тамъ и, какъ говорятъ, прославившемуся чудесами, еще прежде избралъ это мѣсто своимъ мѣстопребываніемъ; по смерти, онъ былъ погребенъ здѣсь же. Когда и на его могилѣ стали совершаться чудеса, это мѣсто сдѣлалось такъ славно молвою о своей святости, что послѣдующіе князья, наслѣдники Іоанна, положили сдѣлать его своею столицею. Ибо, по смерти Іоанна, сынъ его, тоже Іоаннъ, оставался жить здѣсь, послѣ него Димитрій, послѣ Димитрія Василій, тотъ самый, который женился на дочери Витольда и оставилъ послѣ себя сына Василія Темнаго. Отъ него родился Іоаннъ, отецъ того князя, у котораго я былъ посломъ: онъ первый началъ обводить крѣпость стѣною; это дѣло, почти 30 лѣтъ спустя, довершили его потомки. Крѣпостныя укрѣпленія и дворецъ князя выстроены изъ кирпича по итальянскій манеръ тѣми итальянцами, которыхъ князь вызвалъ къ себѣ обѣщаніемъ большихъ наградъ. Въ этой крѣпости, какъ я сказалъ, много церквей: всѣ онѣ деревянныя, исключая двухъ знаменитѣйшихъ, которыя выстроены изъ кирпичей: одна изъ нихъ посвящена Святой Дѣвѣ, другая святому Михаилу. Въ храмѣ Святой Дѣвы погребены тѣла двухъ архіепископовъ, которые были виновниками того, что князья перенесли сюда свою столицу и учредили тамъ

митрополію; за это-то преимущественно они причислены къ лику святыхъ. Въ другомъ храмѣ погребаются князья. Въ нашу бытность строились весьма многіе храмы изъ камня. Климатъ этой страны такъ здоровъ, что за истоками Танаиса, въ особенности на сѣверъ, а также и далѣе на востокъ, не запомнятъ, чтобы когда-нибудь была какая зараза. Однакожъ у нихъ есть одна болѣзнь, поражающая голову и внутренности и весьма похожая на заразу; она называется у нихъ калоромъ (Calorem, холерой?), и отъ нея умираютъ въ нѣсколько дней. Эта болѣзнь свирѣпствовала въ нашу бытность въ Москвѣ и похитила одного изъ нашей свиты. Живя въ такой здоровой странѣ, они боятся заразы, и когда она свирѣпствуетъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ или Псковѣ, то они не впускаютъ въ свою область никого, кто приходитъ оттуда.

Способъ заключенія брака и положеніе женщинъ. Зазорно и постыдно для молодого человѣка самому сватать дѣвушку: дѣло отца предложить молодому человѣку, чтобы онъ женился на его дочери. При этомъ у нихъ въ обычаѣ говорить такія слова: „Такъ какъ у меня есть дочь, то я желалъ бы, чтобы ты былъ мнѣ зятемъ“. На это молодой человѣкъ говоритъ: „Если ты меня просишь въ зятья, и тебѣ такъ угодно, то я пойду къ моимъ родителямъ и доложу имъ объ этомъ“. Потомъ, если родители и родственники будутъ согласны, то они сходятся вмѣстѣ и толкуютъ о томъ, что отецъ дастъ дочери въ приданое. Потомъ, порѣшивъ о приданомъ, назначаютъ день свадьбы. Тѣмъ временемъ жениха не пускаютъ въ жилище невѣсты, и если онъ станетъ просить, чтобы по крайней мѣрѣ ему можно было увидать ее, то родители обыкновенно отвѣчаютъ: „Узнай, какова она, отъ другихъ, которые ее знаютъ“. Доступъ дается ему не прежде, какъ уже свадебный договоръ скрѣпленъ страхомъ огромнаго штрафа, такъ что женихъ не можетъ отказаться безъ большой пени, еслибы и хотѣлъ. Въ приданое большею частью даются лошади, одежды, скотъ, рабы и тому подобное. Приглашенные на свадьбу рѣдко дарятъ деньги, но посылаютъ невѣстѣ подарки, которые женихъ тщательно замѣчаетъ и откладываетъ. Послѣ свадьбы женихъ вынимаетъ ихъ по порядку и снова осматриваетъ; тѣ изъ нихъ, которые ему нравятся и кажутся годными къ употребленію, онъ посылаетъ на рынокъ и приказываетъ цѣновщикамъ оцѣнить ихъ по одиночкѣ, а всѣ остальные отсылаетъ каждому особенно съ благодарностью. За тѣ, которые онъ удержалъ, въ продолженіе года онъ отплачиваетъ деньгами по оцѣнкѣ или какою-нибудь другою вещью равнаго достоинства. Если же

кто-нибудь цѣнитъ свой подарокъ выше, тогда женихъ немедленно прибѣгаетъ къ присяжнымъ цѣновщикамъ и принуждаетъ хозяина вещи принять ихъ оцѣнку. Также, если женихъ не отблагодарилъ кого въ теченіе года или не возвратилъ подарка, то онъ обязанъ удовлетворить того вдвойнѣ. Наконецъ, если онъ не позаботился дать чей-нибудь подарокъ для оцѣнки присяжныхъ, то принужденъ сдѣлать вознагражденіе по волѣ и присужденію того, кто далъ этотъ подарокъ. Этотъ самый обычай соблюдаетъ народъ при подаркахъ всякаго рода. Они заключаютъ бракъ не ближе четвертой степени родства или свойства. Считаютъ за ересь роднымъ братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ. Никто также не смѣетъ жениться на сестрѣ свояка. Также весьма строго наблюдаютъ, чтобы не соединились бракомъ тѣ, которые вошли между собою въ духовное родство по крещенію. Допускаютъ еще, чтобы кто-нибудь женился на второй женѣ и сдѣлался двоеженцемъ, но едва признаютъ это законнымъ бракомъ. Жениться на третьей не позволяютъ безъ важной причины. Брать четвертую жену не допускаютъ никого и считаютъ это дѣломъ не христіанскимъ. Разводъ допускаютъ и даютъ разводную грамату; однако тщательно это скрываютъ, зная, что это противно религіи и установленіямъ.

Положеніе женщинъ самое жалкое, ибо они ни одну женщину не считаютъ честною, если она не живетъ, заключившись дома, и если ее не стерегутъ такъ, что она никогда не показывается къ публику. Они почитаютъ, говорю я, мало цѣломудренною ту женщину, которую видятъ чужіе и посторонніе. Заключенныя дома, женщины занимаются только пряжей. Всѣ домашнія работы дѣлаются руками рабовъ; что задушено руками женщины,—курица или какое-нибудь другое животное,—тѣмъ они гнушаются, какъ нечистымъ. У бѣднѣйшихъ жены исправляютъ домашнія работы и стряпаютъ. Впрочемъ, желая въ отсутствіе мужей и рабовъ зарѣзать курицу, онѣ выходятъ за ворота, держа курицу или другое животное и ножъ, и упрашиваютъ проходящихъ мужчинъ, чтобы они убили сами. Весьма рѣдко пускаютъ ихъ въ церковь и еще рѣже въ общество друзей, развѣ только онѣ очень стары и уже нѣтъ мѣста никакому подозрѣнію. Однако въ извѣстные дни, посвященные веселью, они позволяютъ женамъ и дочерямъ сходиться для забавы на пріятныхъ лугахъ: тамъ, сидя на какомъ-то колесѣ, на подобіе колеса Фортуны, онѣ то поднимаются вверхъ, то опускаются внизъ; или по другому, вѣшаютъ веревку, садятся на нее, ихъ подталкиваютъ, и онѣ качаются взадъ и впередъ; или, наконецъ, забавляются нѣкото-

рыми извѣстными пѣснями, ударяя въ ладоши, а плясокъ вовсе не водятъ никакихъ. Въ Московіи есть одинъ нѣмецъ, кузнецъ, по имени Іорданъ, который женился на русской. Поживши нѣсколько времени съ мужемъ, жена однажды сказала ему ласково: „Почему ты, дражайшій супругъ, не любишь меня?“ Мужъ отвѣчалъ: „Напротивъ того, очень я люблю тебя“.—„Я еще не имѣю, сказала она, знаковъ твоей любви“. Мужъ спрашивалъ, какихъ знаковъ хочетъ она? Жена ему отвѣчала: „Ты никогда меня не билъ“.—„По правдѣ, побои не казались мнѣ знаками любви, сказалъ мужъ; но однако и съ этой стороны я буду исправенъ“. И такимъ образомъ, немного спустя онъ ее жестоко побилъ и признавался мнѣ, что послѣ этого жена стала любить его гораздо больше. Это онъ повторялъ потомъ очень часто и наконецъ въ нашу бытность въ Москвѣ сломилъ ей шею и колѣни.

О пріемѣ и обхожденіи съ послами. Когда мы были на полъмили отъ Москвы, намъ встрѣтился спѣшившій и покрытый потомъ старикъ дьякъ, тотъ самый, который былъ при посольствѣ въ Испаніи; онъ объявилъ намъ, что его государь посылаетъ намъ на встрѣчу великихъ людей, называя этимъ именемъ тѣхъ, которые ожидали и должны были принять насъ. Къ этому онъ прибавилъ, что при свиданіи намъ слѣдуетъ сойти съ лошадей и стоя слушать государевы слова. Послѣ того, подавъ другъ другу руки, мы разговаривали. Между прочимъ я спросилъ его, что за причина, что онъ въ такомъ поту, и онъ тотчасъ отвѣчалъ мнѣ громкимъ голосомъ: „у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего“. Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, мы видимъ людей, стоящихъ длинными рядами, какъ бы какое-то войско; при нашемъ приближеніи они тотчасъ сошли съ лошадей, что въ свою очередь сдѣлали и мы. При самой же встрѣчѣ одинъ изъ нихъ началъ такимъ образомъ: „Великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всей Руссіи и пр. (говоритъ весь титулъ) узналъ, что прибыли вы, послы его брата Карла, избраннаго императора римскаго и превысокаго короля, и брата его Фердинанда; онъ послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, и приказалъ намъ спросить васъ, какъ здоровъ его братъ Карлъ, римскій императоръ и превысокій король. Послѣ этого точно такъ же о Фердинандѣ. Тогда второй, обращаясь къ графу, говорилъ: „Графъ Леонардъ! Великій государь (приводитъ весь титулъ) приказалъ мнѣ идти тебѣ на встрѣчу и вести до назначеннаго дома и доставлять тебѣ все нужное“. Третій сказалъ то же самое мнѣ. Когда это было сказано и выслушано съ открытой го-

ловою, первый говоритъ снова: „Великій государь (читаетъ титулъ) приказалъ спросить тебя, графъ Леонардъ, по добру ли по здорову ты ѣхалъ“. То же самое мнѣ. Мы отвѣчали имъ по ихъ обыкновенію: „Дай Богъ здравія великому князю. По милосердію Божію и по милости великаго князя мы пріѣхали здоровы“. Тотъ же самый говоритъ снова: „Великій князь и пр. (затѣмъ повторяетъ титулъ) прислалъ тебѣ, Леонардъ, иноходца съ сѣдломъ и другого коня изъ своей конюшни. То же самое мнѣ. Когда мы отблагодарили за это, они подали намъ руки и оба спрашивали по порядку каждаго изъ насъ, по добру ли по здорову мы ѣхали. Наконецъ они говорили, что намъ слѣдуетъ оказать уваженіе и сѣсть на подаренныхъ лошадей. Мы сдѣлали это и, перешедъ чрезъ рѣку Москву и пославъ впередъ всѣхъ другихъ, сами слѣдовали за ними.

На берегу есть монастырь; оттуда насъ вели по равнинѣ, чрезъ толпы людей, которые стекались отовсюду въ городъ, до самыхъ гостинницъ, находившихся на противоположномъ концѣ. Въ домахъ не было ни людей, ни мебели. Оба пристава говорили каждый своему послу, что они, вмѣстѣ съ тѣми приставами, которые пришли съ нами изъ Смоленска, имѣютъ приказаніе отъ государя заботиться о доставленіи намъ всего нужнаго. Приставили также при насъ писца, говоря, что онъ поставленъ для того, чтобы ежедневно приносить намъ пищу и все нужное. Наконецъ, они просятъ насъ, чтобы мы имъ сказали, если въ чемъ будемъ нуждаться. Потомъ они посѣщали насъ почти каждый день, постоянно освѣдомлялись о нашихъ нуждахъ. Содержаніе для германскихъ пословъ у нихъ опредѣлено въ такомъ размѣрѣ, для литовскихъ въ иномъ, для другихъ опять иначе. Назначенные пристава имѣютъ, говорю я, извѣстную предписанную мѣру, сколько именно они должны давать хлѣба, напитковъ, мяса, овса, сѣна и всего другого, по числу людей. Они знаютъ, сколько дровъ для кухни, также сколько для нагрѣванія бани, сколько соли, перцу, масла, луку и другихъ самыхъ малѣйшихъ вещей они должны давать на каждый день. Эту мѣру соблюдаютъ также пристава, которые провожаютъ пословъ въ Москву и изъ Москвы. Впрочемъ, хотя они обыкновенно доставляли довольно и даже больше, чѣмъ нужно, какъ пищи, такъ и напитковъ, однако почти все, что̀ мы просили сверхъ того, они давали намъ, обмѣнявъ на прежде данное. Они всегда приносили намъ пять сортовъ напитковъ, три сорта меда и два сорта пива. Иногда я посылалъ на свои деньги за нѣкоторыми вещами на рынокъ, въ особенности за живой рыбой. Они упрекали за это, говоря, что это

большая обида ихъ государю. Я говорилъ приставу, что хочу достать кровати для дворянъ, которыхъ было со мною пятеро. Онъ тотчасъ отвѣчалъ, что нѣтъ обыкновенія доставлять всякому кровать. Я отвѣчалъ ему, что не требую, но хочу купить и потому сообщаю ему это, чтобы онъ потомъ не разсердился, какъ прежде. Итакъ, возвратясь на слѣдующій день, онъ сказалъ: „я докладывалъ совѣтникамъ моего государя, о чемъ мы вчера говорили. Они велѣли сказать тебѣ, чтобы ты не платилъ денегъ за кровати, ибо они обѣщаются обходиться съ вами такъ же, какъ вы обходились съ нашими людьми въ вашихъ странахъ“.

Отдохнувъ два дня въ отведенномъ намъ домѣ, мы спрашивали у нашихъ приставовъ, въ какой день князь назначитъ намъ ауліенцію. „Когда вы пожелаете, отвѣчали они; мы доложимъ совѣтникамъ князя“. Вскорѣ мы попросили объ этомъ. Намъ назначена была ауліенція, но потомъ отложена до другого дня. Наканунѣ этого дня пришелъ самъ приставъ, говоря: „Совѣтники нашего государя мнѣ приказали объявить тебѣ, что завтра ты пойдешь къ нашему князю“. Всякій разъ, какъ они звали насъ, съ ними постоянно были толмачи. Въ тотъ же вечеръ воротился толмачъ и сказалъ: „Приготовляйся, потому что будешь позванъ предъ лицо государя“. Также рано утромъ онъ опять воротился, напоминая: „Сегодня ты будешь передъ лицомъ государя“. Потомъ прошло едва четверть часа и къ каждому изъ насъ пришелъ приставъ, говоря: „Скоро придутъ за вами большіе люди, и потому вамъ слѣдуетъ собраться въ одинъ покой“. Когда я такимъ образомъ пришелъ къ цесарскому послу, то тотчасъ прискакалъ толмачъ и сказалъ, что теперь близко большіе люди, важнѣйшіе сановники государевы, которые поведутъ насъ во дворецъ. Одинъ изъ нихъ былъ князь Василій Ярославскій, родственникъ великаго князя, другой — одинъ изъ тѣхъ, которые приняли насъ отъ имени князя; ихъ сопровождало весьма много дворянъ. Между тѣмъ наши пристава убѣждали насъ, чтобы мы оказали честь тѣмъ большимъ людямъ и вышли имъ на встрѣчу. Мы отвѣчали имъ, что знаемъ свою обязанность и поступимъ сообразно съ нею. Впрочемъ, когда они уже сошли съ лошадей и входили въ гостинницу графа, пристава снова побуждали насъ выйти имъ на встрѣчу и какъ бы предпочесть ихъ князя своимъ государямъ въ оказаніи почести. Мы же, пока они всходили, дѣлали видъ, что насъ удерживаетъ то то, то другое препятствіе, замедляя встрѣчу, и застали ихъ ровно на серединѣ лѣст-

ницы. Мы хотѣли вести ихъ въ комнату, чтобы они немножко отдохнули; но они отказались отъ этого.

Тогда началъ говорить самъ князь Ярославскій: „Великій государь (читаетъ полный титулъ) приказалъ вамъ прійти къ нему". Тотчасъ сѣвъ на лошадей, мы отправились въ сопровожденіи большой свиты и у замка повстрѣчались съ такими толпами людей, что едва пробрались сквозь нихъ при большихъ усиліяхъ нашихъ проводниковъ. Ибо у нихъ такой обычай: изъ окрестностей и сосѣднихъ мѣстъ, по приказанію князя, созываютъ народъ, крѣпостныхъ людей и воиновъ всякій рязъ, какъ надобно вести во дворецъ знатныхъ пословъ отъ иностранныхъ князей и королей; около этого времени запираются всѣ лавки и мастерскія въ городѣ, продавцевъ и покупателей гонятъ съ площади; наконецъ граждане сходятся со всѣхъ сторонъ. Это дѣлается для того, чтобы этимъ огромнымъ многолюдствомъ и толпами подданныхъ показать чужестранцамъ могущество князя, а такими посольствами отъ иностранныхъ государей явить всѣмъ его величіе. Потомъ, вступивъ въ замокъ, мы увидѣли людей всѣхъ сословій, поставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ или участкахъ. У воротъ стояли граждане; воины же и наемные солдаты занимали площадь; тѣ и другіе сопровождали насъ пѣшкомъ, шли впереди насъ и, остановившись, воспрепятствовали намъ доѣхать до лѣстницы и тамъ сойти съ лошадей. Ибо сойти съ лошади близъ дворцовой лѣстницы никому нельзя, кромѣ князя. Это дѣлается для того, чтобы казалось, что князю оказано болѣе чести. Сперва, когда мы дошли до средины лѣстницы, насъ встрѣтили нѣкоторые совѣтники князя, подавая руки и цѣлуясь, и повели насъ дальше. Когда мы прошли лѣстницу, насъ встрѣтили другіе знатнѣйшіе совѣтники, и когда отступили (ибо таковъ обычай, чтобы первые, по установленному чину, уступали слѣдующимъ ближайшимъ и останавливались на своемъ мѣстѣ, какъ на назначенномъ постѣ), они подали правую руку, здоровались съ нами. Потомъ, когда мы вошли во дворецъ, гдѣ кругомъ стояли простые дворяне, насъ встрѣтили точно такъ же первостепенные совѣтники и, здороваясь, вышли сказаннымъ порядкомъ. Наконецъ насъ ввели въ другую залу, обставленную князьями и другими знатнѣйшими лицами, изъ которыхъ выбираются совѣтники, и оттуда въ самую комнату князя (передъ ней стояли дворяне, отправляющіе ежедневную службу при князѣ); между тѣмъ, рѣшительно никто изъ окружающихъ не отдалъ намъ ни малѣйшей почести, и если мы, проходя мимо, кланялись кому-нибудь изъ нашихъ близкихъ знако-

мыхъ или заговаривали, то тотъ ничего не отвѣчалъ, дѣлая видъ, какъ будто онъ никого изъ насъ никогда не зналъ и никогда не получалъ отъ насъ поклона.

Когда мы наконецъ вошли къ князю, то совѣтники встали передъ нами (братья князя, если присутствуютъ при этомъ, не встаютъ—сидятъ, однако, съ непокрытою головою). Одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, обратясь къ князю и, по своему обычаю, не спросивъ о нашемъ имени, говорилъ слѣдующія слова: „Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ“ и снова „Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ, за твою великую милость“. То же самое о Сигизмундѣ. Первое значитъ все равно, что кланяется или отдаетъ честь; второе — благодаритъ за полученную милость. Ибо бить челомъ они принимаютъ за поклонъ, благодарность и т. п. Всякій разъ, какъ кто-нибудь чего проситъ или за что-нибудь благодаритъ, то обыкновенно наклоняетъ голову; если онъ хочетъ сдѣлать это почтительнѣе, то наклоняется такимъ образомъ, что рукой коснется земли. Если они хотятъ благодарить великаго князя за какую-нибудь великую милость или чего-нибудь просить отъ него, то до того наклоняются, что лбомъ касаются земли. Князь сидѣлъ съ непокрытою головою на возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ, у стѣны, блиставшей изображеніемъ какого-то святого, справа на скамьѣ лежала шапка-колпакъ, а слѣва палка съ крестомъ, посохъ, и тазъ съ двумя рукомойниками и положенными сверху ручными утиральниками. Говорятъ, что князь, протягивая руку послу римской вѣры, считаетъ, что далъ руку человѣку не чистому, а потому, отпуская его, тотчасъ моетъ руки. Противъ князя, на низшемъ мѣстѣ, была также приготовлена скамья для пословъ. Самъ князь послѣ того, какъ ему была отдана честь (какъ уже прежде сказано), пригласилъ насъ туда наклоненіемъ головы и словомъ, показывая рукой скамью. Когда мы привѣтствовали князя по установленному чину, былъ при этомъ толмачъ, который передавалъ слово въ слово нашу рѣчь. Слыша между прочимъ имена Карла и Фердинанда, онъ вставалъ и сходилъ со скамеечки и, выслушавъ до конца привѣтствіе, сказалъ: „Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и превысокій король, здоровъ ли“. Пока графъ отвѣчалъ: „здоровъ“, онъ взошелъ на скамейку и сѣлъ. По окончаніи моего привѣтствія онъ спрашивалъ у меня то же самое о Фердинандѣ. Потомъ призывалъ къ себѣ по порядку насъ обоихъ и говорилъ: „Дай мнѣ руку“, взявъ ее, онъ прибавлялъ: „По добру ли по

здорову ѣхалъ", — на что каждый изъ насъ отвѣчалъ по ихъ обычаю: „Дай Богъ, чтобы ты былъ здравъ на многія лѣта. Я же, по милосердію Божію и по твоей милости, здоровъ". Послѣ этого онъ приказывалъ, чтобы мы садились. Мы же, прежде чѣмъ сдѣлать это, благодарили по ихъ обыкновенію, наклоняя голову по обѣ стороны, сперва князя, потомъ совѣтниковъ и князей, которые стояли, чтобы оказать намъ честь.

Послы другихъ государей, преимущественно тѣ, которые присылаются изъ Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч., допущенные предъ лицо князя, имѣютъ обыкновеніе, вмѣстѣ съ своею свитою и служителями, каждый приносить особые дары. Обычай приношенія даровъ таковъ: когда изложена и выслушана причина посольства, тотчасъ встаетъ тотъ совѣтникъ, который ввелъ пословъ къ князю, и яснымъ и громкимъ голосомъ такъ говоритъ всѣмъ вслухъ: „Великій государь, такой-то посолъ бьетъ челомъ такимъ-то подаркомъ, и повторяетъ то же самое о второмъ и третьемъ послахъ. Потомъ такимъ же образомъ говоритъ имена и подарки каждаго дворянина и служителя. Наконецъ, сбоку у него ставится дьякъ, который означаетъ по порядку и по именамъ подарки какъ пословъ, такъ и всѣхъ приносящихъ. Такого рода подарки они называютъ поминками, т.-е. памятью. Они и нашимъ людямъ напоминали о подаркахъ, но мы отвѣчали имъ, что у насъ это не въ обыкновеніи.

Но я возвращаюсь къ начатому разсказу. Послѣ привѣтствія, когда мы немного посидѣли, князь приглашалъ насъ обоихъ по порядку словами: „Обѣдай со мной". Прибавлю, что въ первое мое посольство онъ приглашалъ меня, по ихъ обыкновенію, слѣдующимъ образомъ: „Сигизмундъ! откушай нашего хлѣба-соли вмѣстѣ съ нами". Тотчасъ послѣ того, подозвавъ къ себѣ нашихъ приставовъ, онъ говорилъ имъ не знаю что тихимъ голосомъ; а толмачи, получивъ въ свою очередь приказаніе, сказали: „Встаньте, пойдемъ въ другой покой". Пока мы излагали остальныя порученія, возложенныя на посольство, нѣкоторымъ совѣтникамъ и дьякамъ, назначеннымъ отъ князя, тамъ приготовлялись столы. Когда приготовленія къ обѣду были окончены, и князь, его братья и совѣтники уже сидѣли за столомъ, тогда и насъ привели въ столовую. Тотчасъ совѣтники и всѣ прочіе по порядку встали передъ нами: зная уже ихъ обычай, мы въ свою очередь благодарили ихъ поклонами на всѣ стороны, прежде, чѣмъ они сѣли; мы заняли мѣсто за столомъ, которое намъ указалъ самъ князь. Столы же въ

этой комнатѣ были поставлены кругомъ. Посрединѣ стоялъ столъ, обремененный разными золотыми и серебряными чашами. На томъ столѣ, гдѣ сидѣлъ князь, съ обѣихъ сторонъ былъ оставленъ такой промежутокъ, сколько онъ могъ занять пространства, протянувъ руки; ниже сидятъ братья, если они присутствуютъ при этомъ, старшій съ правой стороны, а младшій съ лѣвой. Въ немного большемъ разстояніи отъ брата сидѣли старѣйшіе князья, совѣтники, наблюдая рангъ и степень милости, какою князь удостаиваетъ каждаго. Насупротивъ князя, за другимъ столомъ сидѣли мы, и въ небольшомъ разстояніи отъ насъ наши приближенные и служители. Напротивъ ихъ, съ другого боку, сидѣли по порядку тѣ, которые провожали насъ изъ гостинницы во дворецъ. За послѣдними же столами съ обѣихъ сторонъ другъ противъ друга сидѣли тѣ, которыхъ князь пригласилъ по особенной милости: сюда иногда допускаются наемники. На столахъ были поставлены маленькіе сосуды, изъ которыхъ одни были наполнены уксусомъ, другіе перцемъ, третьи солью. Они были такъ поставлены и распредѣлены по всей длинѣ стола, что на каждыя четыре персоны приходилось ихъ по три. Затѣмъ вошли разносители кушаньевъ въ великолѣпныхъ одеждахъ и, обойдя сервизный столъ, встали противъ князя, безъ всякихъ церемоній, пока усаживались всѣ приглашенныя особы, и пока имъ дано было приказаніе приносить кушанье. Между тѣмъ, когда всѣ усѣлись, князь подозвалъ одного изъ своихъ служителей и далъ ему два продолговатыхъ куска хлѣба, сказавъ: „Дай этотъ хлѣбъ графу Леонарду и Сигизмунду“. Служитель, взявъ съ собою толмача, поднесъ хлѣбъ по порядку намъ обоимъ съ такими словами: „графъ Леонардъ, великій государь Василій, Божію милостію царь и государь всей Руссіи и великій князь, дѣлаетъ тебѣ милость и посылаетъ тебѣ хлѣбъ съ своего стола“. Толмачъ громко переводитъ эти слова. Мы стоя слушали милость князя. Встали и другіе, кромѣ братьевъ князя, чтобы оказать намъ честь. На такую милость и честь не нужно другого отвѣта, какъ принять предложенный хлѣбъ, положить на столъ и благодарить самого князя наклоненіемъ головы, потомъ совѣтниковъ и другихъ, кланяясь на всѣ стороны. Этимъ хлѣбомъ князь показываетъ свою милость къ кому-нибудь, а солью любовь, и на своемъ пиру онъ не можетъ оказать большей чести, какъ если пошлетъ къ кому-нибудь соль съ своего стола. Кромѣ того, хлѣбы, имѣющіе форму лошадинаго хомута, по моему мнѣнію, означаютъ тяжкое иго и постоянное рабство всѣмъ, которые ѣдятъ ихъ.

Наконецъ служители вышли за кушаньями, опять не оказавъ никакой почести князю, и принесли водку, которую они всегда пьютъ въ началѣ обѣда, потомъ жареныхъ журавлей, которыхъ они въ мясоѣдъ обыкновенно подаютъ гостямъ первымъ блюдомъ. Трехъ изъ поставленныхъ передъ нимъ князь рѣзалъ ножикомъ, пробуя, который изъ нихъ лучше и предпочтительнѣе другихъ, и приказывалъ немедленно уносить ихъ. Тотчасъ всѣ служители вышли въ томъ порядкѣ, въ какомъ вошли, и разложили разрѣзанныхъ и на части раздѣленныхъ журавлей по маленькимъ блюдамъ, на каждое по четыре куска. Воротившись, они поставили пять блюдъ передъ княземъ, а остальныя разнесли по порядку разнымъ его совѣтникамъ, посламъ и другимъ. При князѣ стоитъ одинъ человѣкъ, который подаетъ ему чашу; это тотъ самый, чрезъ котораго князь посылаетъ каждому хлѣбъ и другія кушанья. Князь же обыкновенно даетъ кусочекъ попробовать служителю, потомъ рѣжетъ съ разныхъ сторонъ и кушаетъ; затѣмъ посылаетъ одно блюдо, съ котораго самъ отвѣдалъ, брату или какому-нибудь совѣтнику, или посламъ. Эти блюда приносятся посламъ всегда съ большою торжественностью, какъ было сказано о хлѣбѣ: при полученіи ихъ должно вставать не только тому, кому они посылаются, но и всѣмъ остальнымъ, такъ что всякій не мало устанетъ, столько разъ отдавая честь князю, поднимаясь, стоя, благодаря и часто наклоняя голову на всѣ стороны. Въ первое посольство, когда я былъ посломъ цезаря Максимиліана и былъ приглашенъ на пиршество, я нѣсколько разъ вставалъ, отдавая честь братьямъ князя. Но видя, что они, наоборотъ, не благодарили меня и не отвѣчали мнѣ тѣмъ же, я, какъ только замѣчалъ, что они получатъ милость князя, тотчасъ начиналъ говорить съ кѣмъ-нибудь, притворяясь ничего невидящимъ; и хотя нѣкоторые изъ сидящихъ насупротивъ кивали мнѣ и звали меня при вставаніи братьевъ князя, однако я такъ притворялся ничего не видящимъ, что едва послѣ третьяго напоминанія спрашивалъ у нихъ, чего они хотятъ отъ меня. Когда же они отвѣчали, что братья князя стоятъ, то прежде чѣмъ я успѣвалъ осмотрѣться и встать, церемонія уже кончалась. Потомъ, когда я нѣсколько разъ вставалъ слишкомъ поздно и опять тотчасъ садился, и тѣ, которые сидѣли напротивъ, смѣялись надъ этимъ, я, какъ будто занятый другимъ, спрашивалъ ихъ, чему они смѣются. Когда же никто не хотѣлъ открыть причины, я, какъ будто наконецъ дождавшись, говорилъ съ важной миной: „Я теперь присутствую не какъ частное лицо. Конечно, если кто пренебрегаетъ

моимъ государемъ, тому и я буду платить тѣмъ же". Кромѣ того, когда князь послалъ блюдо кому-то изъ младшихъ, я, даже предупрежденный не вставать, отвѣчалъ: „Кто чтитъ моего государя, того и я буду чтить". Когда же начали ѣсть жареныхъ журавлей, они подливали уксусу и прибавляли соли и перцу, ибо они употребляютъ это вмѣсто соуса или похлебки. Кромѣ того, кислое молоко, поставленное для того же употребленія, также соленые огурцы, сверхъ того груши, приготовленныя такимъ же образомъ, во время обѣда не снимаются со стола. Тотъ же самый порядокъ соблюдается при подаваніи другихъ кушаньевъ, развѣ только иныя, какъ жаркое, не выносятся назадъ. Подаютъ различные напитки, мальвазію, греческое вино, также разные меды. Князь обыкновенно приказываетъ подавать себѣ свою чашу одинъ или два раза; когда онъ пьетъ изъ нея, то зоветъ къ себѣ по порядку пословъ, говоря: „Леонардъ (или Сигизмундъ), ты пріѣхалъ отъ великаго государя къ великому государю, совершилъ большой путь и потомъ видѣлъ нашу милость и наши ясныя очи, добро тебѣ. Пей и выпивай и ѣшь хорошенько, досыта, потомъ отдыхай, чтобы наконецъ ты могъ воротиться къ твоему государю". Говорятъ, что всѣ сосуды, въ которыхъ при насъ подавались кушанья, напитки, уксусъ, перецъ, соль и другое, сдѣланы изъ чистаго золота, что казалось справедливымъ, судя по ихъ виду. Четыре человѣка стоятъ по одному съ каждой стороны сервизнаго стола и держатъ по одной чашѣ: изъ нихъ по большей части пьетъ князь и очень часто обращается къ посламъ, прося ихъ, чтобы они кушали. Иногда даже онъ спрашиваетъ что-нибудь у нихъ и показываетъ большую вѣжливость и обходительность. Между прочимъ онъ меня спрашивалъ, брилъ ли я бороду, что выражается однимъ словомъ, именно Brill. Когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ сказалъ: „Это по-нашему", какъ бы говоря: „и мы брили". Ибо вступая во второй бракъ, онъ сбрилъ всю бороду, чего, какъ они утверждали, никогда не дѣлалъ никто изъ князей.

Прежде столовые служители одѣвались въ платья церковныхъ прислужниковъ, только съ поясомъ, нынѣ же у нихъ другія одежды, обремененныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Князь обѣдаетъ иногда три или четыре часа. Въ первое мое посольство мы обѣдали даже до перваго часу ночи. Ибо, какъ въ совѣщаніяхъ объ особенно важныхъ дѣлахъ часто проводятъ они цѣлый день и не расходятся прежде, чѣмъ зрѣло обсудятъ и рѣшатъ дѣло, точно такъ же иногда проводятъ цѣлый день въ пиршествахъ и банкетахъ

и расходятся только при наступленіи сумерекъ. Князь часто угощаетъ сотрапезниковъ и блюдами и напитками. Послѣ обѣда онъ совсѣмъ не занимается важными дѣлами; потому, по окончаніи обѣда, онъ обыкновенно говоритъ посламъ: „Теперь ступайте“.

Когда онъ ихъ отпуститъ, тѣ же самые, которые привели ихъ во дворецъ, опять отводятъ ихъ въ гостинницу и говорятъ, что они имѣютъ порученіе остаться тамъ и увеселять ихъ. Приносятся серебряныя чаши и много сосудовъ съ напитками, и всѣ стараются напоить ихъ пьяными. Они большіе мастера заставлять пить и когда уже истощены всѣ другіе поводы къ продолженію попойки, то они начинаютъ пить за здоровье цесаря, его брата, князя, наконецъ за здоровье другихъ, которые находятся въ чинахъ и почетѣ. Они думаютъ, что при ихъ имени никто не долженъ и даже не можетъ отказываться отъ чаши. Пьютъ же слѣдующимъ образомъ: тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу и выступаетъ на середину комнаты, и, стоя съ открытой головою, излагаетъ въ веселой рѣчи, за чье здоровье пьетъ и чего ему желаетъ, тотчасъ опорожнивъ и перевернувъ чашу, касается ею макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ и желаетъ здоровья тому господину, за котораго пьетъ; потомъ идетъ на высшее мѣсто, велитъ наполнить много чашъ, тотчасъ протягиваетъ каждому свою и прибавляетъ имя того, за чье здоровье должно пить. Такимъ образомъ каждый долженъ выйти на середину комнаты и возвращаться на свое мѣсто, опорожнивъ чашу. Кто же хочетъ избѣжать дальнѣйшихъ тостовъ, тому необходимо притвориться пьянымъ или спящимъ, или ихъ напоить пьяными, или ужъ въ крайнемъ случаѣ, только осушивъ много чашъ, онъ можетъ утверждать, что онъ никакъ не въ состояніи больше пить. Ибо хорошій пріемъ и роскошное угощеніе считаются у нихъ только такіе, когда гости напоены до пьяна. Этотъ обычай вообще наблюдаютъ благородные и тѣ, которымъ дозволено пить медъ и пиво. Въ первое посольство, когда по окончаніи дѣлъ князь отпускалъ меня, то послѣ обѣда, къ которому я былъ приглашенъ (ибо они имѣютъ обыкновеніе угощать пословъ какъ при ихъ прибытіи, такъ и при ихъ отъѣздѣ), онъ всталъ и, стоя у стола, приказалъ дать себѣ чашу, говоря: „Сигизмундъ, я хочу выпить эту чашу въ знакъ любви, которую имѣю къ брату нашему Максимиліану, избранному императору римскому и высочайшему королю, и за его здоровье; и ты выпьешь ее, и всѣ другіе по порядку, чтобы ты видѣлъ любовь нашу къ брату нашему Максимиліану и проч. и донесъ ему о томъ, что̀ видѣлъ“. Потомъ онъ подалъ мнѣ чашу и

сказалъ: „Выпей за здоровье брата нашего Максимиліана, избраннаго императора римскаго и высочайшаго короля". Онъ подавалъ ее и всѣмъ другимъ, которые присутствовали за обѣдомъ или стояли гдѣ-нибудь, и каждому говорилъ тѣ же слова. Итакъ, принявъ чаши, мы немного отступили назадъ и, кланяясь князю, выпили. Когда это было кончено, князь подозвалъ меня къ себѣ, протянулъ руку и сказалъ: „Теперь ступай". Когда уже пора было насъ отпустить, мы были приглашены съ почестями, какъ прежде къ обѣду, и отведены во дворецъ. Кромѣ того намъ обоимъ было предложено по почетной одеждѣ, подбитой соболями. Когда мы надѣли ее и вошли въ комнату князя, маршалъ, отъ имени насъ обоихъ, тотчасъ сказалъ по заведенному порядку: „Великій государь! Леонардъ (потомъ Сигизмундъ) за твою великую милость челомъ бьетъ", т.-е. благодаритъ за полученный подарокъ. Къ почетной одеждѣ князь прибавилъ сорокъ два собольихъ мѣха, 300 горностаевыхъ и 1.500 бѣличьихъ. Въ первое посольство онъ еще подарилъ мнѣ повозку или сани съ превосходною лошадью и съ бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и другой порядочной полостью. Наконецъ онъ приказалъ дать мнѣ много вяленой и соленой рыбы въ кускахъ, бѣлужины, осетрины, стерлядей, и очень ласково отпустилъ меня.

15. Старинныя путешествія русскихъ людей.

Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію. Кромѣ лѣтописей, разныхъ повѣстей и сказаній, изъ древнихъ свѣтскихъ сочиненій дошли до насъ описанія путешествій. Но и эти путешествія (хожденія) въ старину у насъ обыкновенно имѣли религіозную цѣль: шли въ путь на поклоненіе святымъ мѣстамъ, въ Царьградъ, на Аѳонскую гору или въ Іерусалимъ. Другого рода странствованіе было Симеона Суздальскаго, который въ 1439 году сопровождалъ митрополита Исидора въ Италію на Флорентійскій соборъ, и путешествіе купца Аѳанасія Никитина въ Индію при Іоаннѣ III. Эти люди оставляли свою землю, должны были измѣнять свою обычную, ежедневную жизнь, къ какой привыкли на родинѣ, встрѣчали на пути невиданныхъ прежде людей, новую чудную природу: горы, моря, большіе каменные города съ другими обычаями и нравами. Любопытно знать, что удавалось имъ подмѣтить, какіе предметы болѣе всего поражали ихъ и занимали: по этому мы можемъ судить о степени ихъ развитія и образованности.

Изъ „Путешествія Симеона Суздальскаго“ мы видимъ, какія понятія имѣли русскіе люди въ XV-мъ вѣкѣ, какія сужденія о предметахъ они высказывали, когда имъ случалось попадать въ страны болѣе образованныя. Не учившись ничему, кромѣ грамоты, самые книжные изъ нихъ, конечно, подмѣчали одно внѣшнее, — то, что бросалось въ глаза: большую каменную палату, какой-нибудь необычайный фонтанъ, башню съ часами и проч. Всему они дивились, но очень мало понимали, какъ то и другое устроено. А въ западной Европѣ и въ то время было много диковинокъ, не виданныхъ на Руси. Симеонъ сопровождалъ Исидора, который отправлялся на соборъ во Флоренцію, созванный папою, чтобы толковать о соединеніи церквей, латинской и греческой; онъ выѣхалъ изъ Москвы и черезъ Тверь, Торжокъ, Новгородъ и Псковъ прибылъ въ нѣмецкій городъ Юрьевъ (Дерптъ), а отсюда поѣхалъ въ Ригу, изъ Риги моремъ въ Любекъ; далѣе путь его лежалъ черезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, черезъ Тирольскія горы въ Инспрукъ, а потомъ во Фряжскую (итальянскую) землю, гдѣ онъ посѣтилъ города: Падую, Феррару, Флоренцію и Венецію.

Что же Симеонъ вынесъ изъ этого странствія? Прежде всего его, конечно, занимаетъ дѣло Исидора, который согласился ѣхать на совѣщаніе съ латинянами, за что православные уже смотрѣли на него недовѣрчиво и подозрительно. Сначала Симеонъ разсказываетъ, какъ въ русскихъ городахъ Исидора встрѣчали народъ и священники съ крестами; но вотъ митрополитъ пріѣхалъ въ нѣмецкую землю, и такая же встрѣча готовилась ему въ Юрьевѣ: оказывая ему почетъ, нѣмецкіе начальники вышли къ нему за городъ, вышли и латинскіе попы съ крестами, и, къ ужасу православныхъ, Исидоръ поцѣловалъ крестъ латинскій. Симеонъ далѣе описываетъ, что его наиболѣе заняло въ разныхъ городахъ. О Юрьевѣ онъ только замѣчаетъ, что „палаты въ немъ созданы вельми чудны“, и удивляется одеждѣ монахинь: „ризы же черницъ тѣхъ были яко снѣгъ, ряски же и мантіи и вѣнецъ на головахъ черные, а поперекъ головы крестъ“. Въ Ригѣ ихъ также чествовали великою честію и угощали различными винами. Пробывъ здѣсь восемь недѣль, въ маѣ мѣсяцѣ они пустились въ море. Тутъ поднялся сѣверный вѣтеръ; море расколыхалось, что и „градцу верховному (палубѣ) въ валѣхъ бывшу“, а потомъ распространился сильный туманъ. По словамъ Симеона, буря утихла, когда Исидоръ со своею свитою отслужили молебенъ. Къ Любеку, который въ то время еще былъ католическимъ городомъ, ихъ подвезли на 20 повозкахъ. Тутъ

они увидѣли „градъ вельми чуденъ, и поля, и горы велики (большихъ горъ около Любека нѣтъ, но Симеонъ пріѣхалъ изъ плоской Россіи) и садове красны, палаты вельми чудны съ позлащенными верхами, монастыри вельми чудны, товара много всякаго и воды приведены въ городъ, текутъ по всѣмъ улицамъ по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки". Симеонъ замѣтилъ еще на рѣкѣ колесо, которое подымало воду и пускало ее во всѣ стороны, да водяную мельницу, да какихъ-то двухъ лютыхъ звѣрей въ палатѣ за желѣзными окнами. Посѣщая монастыри, онъ удивлялся множеству золотыхъ сосудовъ и книгъ; особенно поразили его фигурки, которыя двигались посредствомъ механизма: „Мудрость недоумѣнна и несказанна: какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на рукахъ, зазвенитъ колокольчикъ и сверху слетаетъ ангелъ съ вѣнцомъ въ рукахъ и положитъ его на Пречистую; пойдетъ звѣзда, какъ по небу, и идутъ три волхва, а передъ ними человѣкъ съ мечемъ, а за нимъ человѣкъ съ дарами. Принесутъ дары Христу: злато, ливанъ и смирну, и поклонятся. Христосъ обратится, благословитъ ихъ и хочетъ взять дары руками, какъ дитя, играя на рукахъ у Богородицы; они поклонятся и отдадутъ; ангелъ возлетитъ горѣ и возьметъ вѣнецъ". Другіе нѣмецкіе города описаны такимъ же образомъ: вельми чуденъ и крѣпокъ, и палаты велики, и товара много и воды проведены. Въ Люненбургѣ Симеонъ недоумѣвалъ передъ фонтанами, которые представляли мѣдные позолоченные столбы съ придѣланными къ нимъ мѣдными людьми: „истекаютъ изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены, у инаго изъ устъ, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ локтя, а у инаго изъ ноздрію. Воды истекаютъ прытко, яко вода течетъ изъ бочекъ. Тіи бо люди напояютъ весь городъ той и скоты. Приведеніе водъ тѣхъ вельми хитро и стеканіе несказанно". Но устройство фонтановъ въ Нюрнбергѣ уже совсѣмъ ставитъ въ тупикъ Симеона: „сказати о семъ убо не можно, замѣчаетъ онъ, и недомысленно". Мы не знаемъ, задумывался ли Симеонъ надъ тѣмъ, отчего это происходитъ, что иной нѣмецкій городъ „богатъ имѣніемъ многимъ и хитрымъ рукодѣліемъ преумноженъ".

Нашъ путешественникъ, переѣзжая въ Италію, не могъ не дивиться высокимъ Тирольскимъ Альпамъ: „дивны горы тѣ и такой высоты, что облака ходятъ въ половинѣ ихъ и отъ нихъ подымаются, снѣга лежатъ на нихъ отъ сотворенья тѣхъ горъ: лѣтомъ великій жаръ и зной, а снѣгъ не таетъ". Италія въ то время была самой образованною изъ европейскихъ странъ, и нашлось бы много,

что посмотрѣть въ ней; но Симеонъ замѣтилъ не болѣе, чѣмъ въ нѣмецкой землѣ. Въ Феррарѣ его поразилъ каменный столбъ съ часами на верхушкѣ: въ дверцы столба выходилъ ангелъ, трубилъ въ трубу на площадь, а потомъ въ другія дверцы подымался наверхъ и билъ часы въ колоколъ. Въ тогдашнее время любили подобныя механическія игрушки. Во Флоренціи Симеонъ дивился высокимъ церквамъ, хитро устроеннымъ изъ бѣлаго камня (мрамора), замѣтилъ, что въ этомъ городѣ дѣлаютъ камки, аксамиты со златомъ, сукна скорлатныя, видѣлъ маслины, шелковичныхъ червей, также кедры и кипарисы, которые сравниваетъ съ сосною и елью. Точность его наблюденій ограничилась тѣмъ, что онъ сосчиталъ 450 ступеней на одну башню. Кромѣ монастырей, онъ посѣщалъ здѣсь лѣчебницу и богадѣльню: „есть же во градѣ томъ лѣчебница велика и въ ней за тысячу кроватей, и на послѣдней кровати перины чудны съ одѣялы драгими; тутъ же богадѣльня немощнымъ и пришельцамъ страннымъ иныхъ земель: ихъ кормятъ и одѣваютъ и обуваютъ и держатъ честно, а кто ся оможетъ, той ударя челомъ граду и пойдетъ, хваля Бога". Симеонъ сообщаетъ, что на соборѣ въ Феррарѣ вмѣстѣ съ латинскими епископами собрались патріархъ и 22 митрополита восточной церкви: сходились до 25 разъ; но согласія между обѣими сторонами не было. Послѣ этого устроенъ новый соборъ во Флоренціи, и тутъ восточные митрополиты, исключая четырехъ, подписали грамату, по которой признавали папу главою обѣихъ церквей. Исидоръ также подписался; участь его извѣстна: по возвращеніи въ Москву онъ заключенъ въ монастырь, какъ измѣнникъ православію, но успѣлъ бѣжать въ Италію къ папѣ.

Хожденіе за три моря тверитянина Аѳанасія Никитина. Это одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной русской литературы, по части путешествій; описаніе путешествія нашего предпріимчиваго тверитянина, посѣтившаго восточную Индію, прежде открытія туда пути португальцами, имѣетъ европейскую важность и дополняетъ тѣ скудныя извѣстія объ Индіи, которыя распространены были въ Европѣ португальцами не прежде XVI столѣтія. Васко-де-Гама открылъ морской путь въ Индію въ 1498 году; слѣдовательно, Никитинъ почти за полвѣка раньше самъ познакомился и познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ Индіей. Такимъ образомъ Никитинъ, послѣ извѣстнаго Марко Поло, едва ли не одинъ изъ первыхъ европейскихъ людей, совершившій около 1468 года путешествіе въ глубину Азіи. Подобно Марко Поло, и нашъ Никитинъ составилъ весьма интересныя записки о странахъ отдален-

наго Востока, куда завелъ его духъ торговой предпріимчивости и о которыхъ въ то время въ Европѣ имѣли очень неопредѣленныя свѣдѣнія.

Никитинъ былъ простымъ, необразованнымъ, но смѣтливымъ человѣкомъ: въ немъ живо выразилась удаль, находчивость, терпѣніе и переимчивость, свойственныя издавна русскому характеру. Не думая, не гадая, забрался онъ въ Индію, которая, какъ свидѣтельствуютъ наши былины, по причинѣ частыхъ торговыхъ сношеній была въ самое древнее время извѣстна на Руси. Съ однимъ конемъ, который составлялъ все его богатство, Богъ вѣсть какъ и чѣмъ прожилъ Никитинъ до четырёхъ лѣтъ на чужбинѣ и наконецъ вернулся въ отечество. Онъ успѣлъ научиться индѣйскому языку и въ своемъ описаніи безпрестанно употребляетъ индѣйскія слова и цѣлыя рѣчи, явно щеголяя своимъ знаніемъ. Любопытно, что онъ это дѣлаетъ какъ въ другихъ случаяхъ, такъ особенно въ молитвахъ и благочестивыхъ воззваніяхъ, которыми прерываются его описанія. Онъ строго исполняетъ посты, припоминаетъ всѣ христіанскіе праздники, боясь какъ бы не спутаться посреди 84 вѣръ, которыя, по его словамъ, господствовали въ Индіи. Для этого онъ ведетъ свой счетъ мѣсяцамъ и днямъ, но все неувѣренъ, не нарушилъ ли какой-нибудь православный обычай, и съ горя начинаетъ молиться по-индѣйски. „Мѣсяца мая 1-го числа, говоритъ онъ, я праздновалъ Великъ день въ бусурманскомъ городѣ Бедери (а бусурмане правили байрамъ въ среду), заговѣлся я 1-го апрѣля... Настави мя, Господи, на путь правый, потому что никакого добра въ нуждѣ не сотворилъ я. Господи, Боже мой, всѣ дни свои я провелъ въ злѣ, Господи мой, оллоперводигеръ, оллотыкаримъ, оллодаримъ, оллорагимелло, ахамдулимо“. Послѣднія слова означаютъ все индѣйскія воззванія къ божеству: Богъ-воспитатель, Богъ милостивый и проч. Свѣдѣнія, которыя доставляетъ Никитинъ объ Индіи, очень отрывочны и поверхностны, но въ его описаніи намъ всего важнѣе видѣть собственный характеръ путешественника.

„Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: дербентское (каспійское), индѣйское и черное“, — начинаетъ Никитинъ. Онъ поѣхалъ изъ Твери съ товарами внизъ по Волгѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ дождался Ширванскаго посла, который ѣхалъ съ девятьюстами кречетами отъ великаго князя и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ татарскую орду. Въ устьѣ Волги его и его спутниковъ настигли астраханскіе татары, разграбили всѣ ихъ суда и отпустили ихъ „голыми головами“ за море, а назадъ по Волгѣ не пустили,

чтобы не дали вѣсти въ Москву. 22 человѣка русскихъ, послѣ разныхъ несчастій, прибыли въ Дербентъ. Тутъ хлопотали они, чтобы ширванскій князь ихъ пожаловалъ, далъ чѣмъ вернуться на Русь, такъ какъ ѣхали они въ свитѣ ширванскаго посла, но ничего не получили. „Насъ-то много, пишетъ Никитинъ, и мы, заплакавъ, да разошлись кой куда: у кого что есть на Руси, тотъ пошелъ на Русь, а кто въ долгу, пошелъ, куда его очи понесли; иные остались въ Шамахѣ, а иные отправились работать въ Баку". Неизвѣстно, съ какими приключеніями добрался онъ до Индѣйскаго моря черезъ Персію. Онъ успѣлъ сберечь коня и, вѣроятно, еще въ Баку наговорили ему, что лошади очень выгодно продаются въ Индіи; надѣясь добыть товаровъ, съ которыми бы вернуться на Русь, онъ и пустился въ дорогу. Сначала Индѣйскимъ моремъ на кораблѣ съ другими торговцами коней, потомъ сухимъ путемъ достигъ онъ Чунеря. „Въ томъ Чунерѣ, пишетъ Никитинъ, ханъ взялъ у меня жеребца; увѣдалъ, что я не бусурманинъ, а русинъ, и молвилъ: жеребца дамъ да тысячу золотыхъ, стань только въ нашу вѣру; иначе и жеребца возьму и тысячу золотыхъ на твоей головѣ, — и далъ сроку четыре дня, въ Госпожино заговѣнье, на Спасовъ день. Господь Богъ смиловался на свой честной праздникъ; не велѣлъ мнѣ грѣшному погибнуть въ Чунерѣ съ нечестивыми: наканунѣ Спасова дня пріѣхалъ Махметъ Хоросанецъ; я сталъ бить ему челомъ, чтобы обо мнѣ печаловалъ; и онъ ѣздилъ къ хану въ городъ да меня отпросилъ, чтобы въ вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взялъ. Таково Господне чудо на Спасовъ день. Такъ, братья, русскіе христіане, кто хочетъ идти въ Индійскую землю, то оставь свою вѣру на Руси, да воскликнувъ: Магометъ! и иди въ Гундустанскую землю. Налгали мнѣ псы бусурманы, сказывали много нашего товару, анъ нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый, на бусурманскую землю: перецъ, да краска—то и дешево; возятъ хоть и моремъ, да пошлинъ много, да на морѣ разбойниковъ много".

Изъ Чунери Никитинъ ѣздилъ въ Бедерь, въ столицу Хоросанскаго султана, и простодушно описываетъ все, что видѣлъ. Съ самаго начала въ Индіи его поразили одежда и наружность жителей. „Люди ходятъ всѣ наги, говоритъ онъ, а голова не покрыта, волоса въ одну косу заплетены, всѣ черны; я куда иду, то за мною людей много дивуются бѣлому человѣку. А князь ихъ (Никитинъ описываетъ Чувиль), фата на головѣ, а другая на заду; бояре ихъ, фата на плечѣ, а другая на заду; слуги княжіе и боярскіе — тоже сзади обогнуты фатою, да щитъ, да мечъ въ рукахъ, а иные съ

копьями, или съ саблями, или съ ножами, а иные съ луками и стрѣлами; а всѣ наги, да босы, а волосъ не бреютъ". Никитинъ, считая дни по русскому календарю, замѣтилъ особенность индѣйской зимы: „зима у нихъ стала съ Троицына дня, — день и ночь четыре мѣсяца все вода и грязь". Проведши зиму въ Чупери, онъ пріѣхалъ на торгъ въ Бедерь, гдѣ и успѣлъ выгодно продать своего жеребца. „Въ Бедери торгъ на кони, на товаръ, на камки, да на шелкъ и на иной товаръ, да можно купить въ немъ черныхъ людей; а иной въ немъ купли нѣтъ—все товаръ ихъ гиндустанскій, да съѣстное и овощь, а на Русскую землю товара нѣтъ. Все черные люди, все злодѣи, а женки всѣ безпутны, да вѣдуны и тати, да ложь, да зелье, морятъ господъ своихъ зельемъ. Въ Индѣйской землѣ княжатъ все Хоросанцы, а Гундустанцы пѣшеходы; ходятъ напередъ Хоросанцы на коняхъ, а иные все пѣши ходятъ борзо, а все наги, да босы, да щитъ въ рукѣ, а въ другой мечъ, а иные съ луками великими съ прямыми да со стрѣлами. А бой ихъ—все слоны, да пѣшихъ пускаютъ напередъ, а Хоросанцы на коняхъ да въ доспѣхахъ—и кони, и сами, къ слонамъ вяжутъ къ рылу да къ зубамъ великіе мечи кованые, по три пуда вѣсу, да облекутъ ихъ въ доспѣхи булатные, да на нихъ сдѣланы городки (бойницы), въ городкахъ по 12 человѣкъ въ доспѣхахъ, всѣ съ пушками, да со стрѣлами. Недалеко отъ Бедеря есть у нихъ ярмарка въ годъ одинъ разъ, съѣзжается торговать вся индѣйская страна, приводятъ на продажу до 20.000 коней и свозятъ всякій товаръ".

Мы видимъ, что описаніе Никитина не отличается послѣдовательностью и порядкомъ. Далѣе онъ говоритъ о какой-то птицѣ, которая гдѣ сядетъ на хоромину, тутъ человѣкъ умретъ,—объ обезьянахъ, у которыхъ есть свой обезьянскій князь: „ходитъ своею ратью, да кто ихъ задѣнетъ, они и жалуются своему князю, да пришедъ на городъ, разваляютъ дворы и людей побьютъ". Обстоятельнѣе описаны дворъ и выѣзды султана Бедерскаго. „Султанъ не великъ, 20 лѣтъ, а управляютъ бояре, и княжатъ Хоросанцы и воюютъ Хоросанцы. Есть Хоросанецъ Мемекъ-Тучаръ бояринъ, такъ у него 200.000 рати, а у Фаратъ-хана 20.000; а много такихъ хановъ, у которыхъ по 10.000 рати. Съ султаномъ выходятъ 300.000 рати. Земля ихъ вельми людна и пышна, и все ихъ (т.-е. хановъ) носятъ на кроватяхъ серебряныхъ; да предъ нихъ водятъ коней до 20, а за ними на коняхъ 300 человѣкъ, а пѣшихъ 500 человѣкъ, да трубниковъ 10, варганниковъ 10, да свирѣльниковъ 10. Султанъ выѣзжаетъ на потѣху съ матерью, да съ женою, то съ нимъ на

коняхъ 10.000, а пѣшихъ 20.000, а слоновъ выводятъ 200, наряженыхъ въ золотые доспѣхи, да предъ нимъ трубниковъ 100 человѣкъ, да плясцевъ 100, да обезьянъ 100... Въ султановомъ дворѣ семеро воротъ, а въ воротахъ по 100 сторожей, да по 100 писцевъ: кто пойдетъ—записываютъ и кто выйдетъ—записываютъ. Дворъ его чуденъ вельми, все на вырѣзѣ, да на золотѣ, и послѣдній камень вырѣзанъ, да золотомъ описанъ вельми чудно". На бусурманскій праздникъ Байрамъ султанъ выѣхалъ съ 20-ю своими визирями, а его сопровождали 300 наряженныхъ слоновъ въ булатныхъ доспѣхахъ съ городками: въ городкахъ по шести человѣкъ въ доспѣхахъ съ пушками и пищалями; кромѣ этого шло 1.000 коней, 100 верблюдовъ, 300 трубниковъ, 300 плясуновъ и еще множество всякаго народа. Одинъ ручной слонъ, наряженный въ камку, обивалъ людей и коней желѣзною цѣпью, придѣланной ко рту, чтобы кто-нибудь близко не наступилъ на султана; самъ онъ былъ въ кафтанѣ, саженомъ яхонтами, на шапкѣ алмазъ великій, при немъ три сабли, окованныя золотомъ, сѣдло и прочее убранство—все золотое. А братъ султана сидѣлъ на золотой кровати, а надъ нимъ аксамитный теремецъ съ золотою маковкой, украшенный яхонтами, и несли его 20 человѣкъ. Никитинъ присутствовалъ и на праздникѣ, о которомъ здѣсь упоминаетъ, видѣлъ индѣйскій бухтанъ (храмъ) и индѣйскихъ бутовъ (идоловъ). „Всѣ бреютъ на себѣ головы и бороды и пойдутъ къ бухтану, а съѣзжается всѣхъ людей бысты азаръ лекъ вахбашатъ сатъ азарлекъ (до десяти и даже до ста милліоновъ). Бутъ вырѣзанъ изъ чернаго камени, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко и простеръ ее, какъ Юстиніанъ, царь цареградскій, а въ лѣвой у него копье; на немъ нѣтъ ничего, лишь задъ у него обвязанъ ширинкою, а видѣнье обезьянино. Передъ бутомъ стоитъ волъ весьма великъ, вырѣзанъ изъ чернаго камня, а весь позолоченъ, цѣлуютъ его въ копыто и сыплютъ на него цвѣты. Индѣйцы не ѣдятъ никакого мяса: ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины (а свиней у нихъ весьма много); съ бусурманами (съ мусульманами) не пьютъ, не ѣдятъ. Ѣства ихъ плоха, одинъ съ другимъ не ѣстъ, ни съ женою; ихъ кушанье—сорочинское пшено, да морковь съ масломъ, да съ молокомъ; ѣдятъ все правою рукою, а лѣвою не примется ни за что, ножа не держатъ и ложки не знаютъ, а на дорогѣ кто варитъ себѣ кашу, то у всякаго по горшку. Отъ бусурмановъ кроются, чтобъ не посмотрѣлъ въ горшокъ или въ ѣду, а какъ посмотритъ, то они той яствы не ѣдятъ; какъ ѣстъ, то покрывается

платомъ, чтобъ его никто не видѣлъ. Намазъ (молитву) творятъ на востокъ, по-русски, обѣ руки подымаютъ высоко, да кладутъ на темя, да ложатся ницъ на землѣ, весь растянется на землѣ,—то ихъ поклоны. Ѣсть садятся, то омываютъ руки и ноги и ротъ выполаскиваютъ. Бухтаны ихъ (храмы) безъ дверей, ставлены на востокъ и буты (идолы) стоятъ на востокъ. Кто у нихъ умираетъ, тѣхъ жгутъ и пепелъ сыплютъ на воду. Родится у жены дитя, то принимаетъ мужъ; имя сыну даетъ отецъ, а мать дочери. Пошелъ или пришелъ, они кланяются по-монашески, обѣ руки до земли дотычутъ, а не говорятъ ничего. Къ Первотѣ, къ своему Іерусалиму (главное священное мѣсто въ землѣ индѣйской) ѣздятъ о великомъ заговѣньѣ, а съѣзжаются всѣ наги, только на заду платъ, и жонки наги, а иныя въ фатахъ, на шеѣ много жемчугу и яхонтовъ, да на рукахъ обручи и перстни золотые. Внутрь къ бухтану ѣздятъ на волахъ, а у вола рога окованы мѣдью, на шеѣ триста колокольчиковъ, да копыта подкованы мѣдью, а тѣ волы зовутся ачьчѣи. Индѣйцы вола зовутъ отцомъ, а корову матерью. Какъ пекутъ хлѣбы и варятъ себѣ пищу, тѣмъ пепломъ мажутся по лицу и по всему тѣлу“.

Эти отрывочныя свѣдѣнія все-таки показываютъ наблюдательность Никитина, хотя онъ и не въ состояніи объяснить, почему то и другое дѣлается такъ, а не иначе; какъ купецъ, онъ, сколько могъ, разузналъ обо всѣхъ главныхъ гаваняхъ и торговыхъ мѣстахъ, также гдѣ какіе добываютъ и продаютъ товары: онъ говоритъ объ Ормузѣ, Москатѣ, Камбатѣ, Шабатѣ, Келекотѣ, Хинѣ, Мачинѣ, Силянѣ (островѣ Цейлонѣ) и т. д., вездѣ опредѣляетъ днями ѣзды разстояніе одного мѣста отъ другого; изъ товаровъ, добываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ Индіи, онъ называетъ: синюю краску нилъ, сандалъ, мастику, драгоцѣнные камни, алмазъ (локоть горы, гдѣ родится алмазъ, по двѣ тысячи фунтовъ золотыхъ новаго алмазу), агатъ, яхонтъ, хрусталь, жемчугъ, бисеръ, фарфоръ, пряные коренья, перецъ, мускатъ, корицу, инбирь, гвоздику, шелкъ, сахаръ, слоновъ и проч.

Никитинъ наконецъ сильно стосковался по родинѣ. „Великаго дня Воскресенія Христова не вѣдаю, говоритъ онъ, а по примѣтамъ гадаю, Великъ день христіанскій бываетъ прежде бусурманскаго байрама, за девять или за десять дней. Со мною нѣтъ ничего, никакой книги; книги взялъ съ собою съ Руси, да какъ меня ограбили, то и ихъ отняли, а я забылъ всѣ праздники христіанскіе, ни Велика дня, ни Рождества Христова не знаю, танъ грыданъ

истременъ олеакласынъ (одного Бога прошу, Алла сохранитъ). Мѣсяцъ мартъ прошелъ, и я заговѣлъ съ бусурманами въ воскресенье, да говѣлъ мѣсяцъ, мяса не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакой пищи бусурманской, а ѣлъ дважды въ день хлѣбъ да воду, да молился Христу Вседержителю, кто сотворилъ небо и землю, а иного не призывалъ никакого имени, Богъ олло, Богъ керимъ, Богъ рогимъ и проч... Въ пятый Великъ день (на пятый годъ) я задумалъ идти на Русь, а не вѣдаю христіанскаго Христова Воскресенія: говѣлъ я и разговѣлся съ бусурманами". Но тогда началась война; султанъ выѣхалъ съ 300.000 войска, съ 300 вооруженными слонами. Пути никуда не было: „а жить въ Индостанѣ, такъ все свое добро исхарчишь, все у нихъ дорого; одинъ я человѣкъ да полтретья алтына на харчи выходитъ въ день, а ни вина, ни сыты не пивалъ". Наконецъ Никитину удалось пробраться моремъ въ Ормузъ; отсюда сухимъ путемъ прибылъ онъ чрезъ Ширазъ и Ездъ въ Испаганъ, а потомъ въ Тавризъ и Требизонтъ; уже изъ Требизонта, выдержавъ на Черномъ морѣ сильную бурю (третье море, которое онъ переѣхалъ), приплылъ онъ въ Кафу, а отсюда возвратился въ Россію.

16. Изъ „Судебника" Іоанна III.

Въ годъ 7006, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтьми своими и боярами опредѣлилъ, какъ судить судъ боярамъ и окольничимъ.

1. Судъ судить боярамъ и окольничимъ, а на судѣ у бояръ и у окольничихъ быть дьякамъ; боярамъ, окольничимъ и дьякамъ посуловъ (взятокъ) отъ суда и отъ печалованія не брать и посула отъ суда никакому судьѣ не брать; на судѣ не мстить никому и не руководствоваться дружбою.

2. Если придетъ жалобщикъ къ боярину, то жалобщика не удалять, а давать во всемъ управу всякому жалобщику, какъ слѣдуетъ; если жалоба суду не подсудна, то довести объ этомъ до свѣдѣнія великаго князя или того, кто вѣдаетъ приказныхъ людей.

3. Бояринъ и дьякъ берутъ за судъ съ виновнаго, отвѣтчика или истца, первый — два алтына, а второй — восемь денегъ, если дѣло рублевое; если оно превышаетъ своею стоимостью рубль или меньше, то взимать по разсчету.

4. Если досудятся до поля (поединка), но передъ полемъ по-

мирятся, то бояринъ и дьякъ получаютъ по этому разсчету, первый—два алтына съ рубля, второй восемь денегъ; окольничій же, дьякъ и недѣльщикъ полевыхъ пошлинъ не получаютъ.

9. Убійцу своего господина, крамольника, церковнаго вора, похитителя людей, подметчика, поджигателя, завѣдомо преступнаго человѣка казнить смертью.

10. Если вора поймаютъ съ украденною вещью въ первый разъ, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а не будетъ доказано, что онъ воровалъ прежде, то подвергнуть его торговой казни, бить кнутомъ, удовлетворить истца и выдать судьѣ на продажу. Если у вора нѣтъ имущества для удовлетворенія истца, то бить его кнутомъ, да выдать его головою истцу на продажу, а судья ничего не получитъ.

11. Если воръ пойманъ съ украденною вещью вторично, то казнить его смертью, истца удовлетворить изъ имущества казненнаго; изъ остатка этого имущества заплатить судьѣ. Если у вора имущества нѣтъ, то его истцу не выдавать, а казнить смертью.

12. Если на кого скажутъ пять или шесть человѣкъ добрыхъ дѣтей боярскихъ подъ присягою, или черныхъ людей пять-шесть добрыхъ христіанъ, цѣловальниковъ, что онъ воръ, а не будетъ доказано, что онъ прежде воровалъ, то взять съ него вознагражденія истцу безъ суда.

13. Если вора съ поличнымъ поймаютъ въ первый разъ, но пять или шесть человѣкъ подъ присягою заявятъ, что онъ и прежде не разъ воровалъ, то казнить его смертью и истца вознаградить изъ его имущества.

14. Если кого оговоритъ воръ, то произвести разслѣдованіе; если оговоренный человѣкъ подозрителенъ, то его пытать; если прежде на немъ не было никакого подозрѣнія, то на слова вора не полагаться, а оговореннаго отдать на поруки до разслѣдованія.

19. Если бояринъ обвинитъ кого не по суду и дастъ вмѣстѣ съ дьякомъ на него правую грамату, и грамата окажется несправедливою, то взятое отдать обратно; бояринъ и дьякъ за это не отвѣчаютъ, а рѣшеніе отмѣняется.

55. Если купецъ, идя въ торговлю, возьметъ у кого деньги или товаръ, а товаръ у него на пути утеряется по несчастной случайности, потонетъ, сгоритъ, перейдетъ къ грабителямъ, то бояринъ разслѣдуетъ дѣло и велитъ дьяку дать полѣтную грамату (для уплаты съ разсрочкою) съ печатью великаго князя, чтобы потерявшій уплачивалъ долгъ безъ процентовъ. Но если взявшій на пути пропьетъ

или инымъ какимъ-нибудь предосудительнымъ образомъ, не по несчастью, утратитъ товаръ, то такого выдать истцу головою на продажу.

56. Если рать татарская полонитъ холопа, а тотъ уйдетъ изъ плѣна, то онъ перестаетъ быть холопомъ своего прежняго господина.

59. Священника, дьякона, монаха, монахиню, старую вдову, питающуюся отъ церкви Божьей, судитъ святитель или его судья; если дѣло возникаетъ между мирянином и церковнымъ человѣкомъ, то судъ совмѣстный. Если вдова не отъ церкви Божьей питается, а живетъ своимъ домомъ, то не подлежитъ святительскому суду.

60. Если умретъ человѣкъ безъ завѣщанія, а у него сына нѣтъ, то все имущество и земли переходятъ къ дочери; если нѣтъ дочери, то къ ближайшему родственнику.

67. Велѣть объявить на базарахъ въ Москвѣ и всѣхъ городахъ московскихъ и новгородскихъ, объявить во всѣхъ волостяхъ, чтобы истцы и отвѣтчики судьямъ и приставамъ посуловъ не давали, чтобы не было подставныхъ свидѣтелей, чтобы настоящіе свидѣтели говорили правду. Если свидѣтель дастъ показаніе ложно о томъ, чего не видѣлъ, и это потомъ будетъ узнано, то съ такого свидѣтеля взыскивать искъ истца и убытки.

17. Изъ „Судебника“ царя Іоанна Васильевича.

Лѣта 7058, въ 1-й день мѣсяца іюля, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси со своими братьями и боярами сей Судебникъ уложилъ, какъ судить боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ, и ихъ тіунамъ, и всякимъ судьямъ.

1. Судъ царя и великаго князя судить боярамъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, а судомъ не дружить и не мстить никому; посуловъ (взятокъ) на судѣ не брать. Точно такъ же и всякій судья на судѣ не долженъ брать посуловъ.

2. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ неправо рѣшатъ дѣло и обвинятъ кого несправедливо или списокъ подпишутъ и правую грамату, и если разслѣдованіе покажетъ, что это сдѣлано безъ умысла, то бояринъ, окольн-

ничій, дворецкій, казначей и дьякъ не отвѣчаютъ, но рѣшеніе отмѣняется, и взятое должно быть возвращено

3. Если боярин, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ, взявъ посулъ, рѣшитъ дѣло несправедливо, а разслѣдованіе обнаружитъ это, то неправильно обвиненный получаетъ съ виновныхъ судей свою потерю, пошлинъ царскихъ и великокняжескихъ и судебныхъ издержекъ взять съ нихъ и втрое подвергнуть наказанію, какое государь укажетъ.

6. А кто солжетъ на боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, дьяка или подъячаго, и по обыску ложь обнаружится, то такого жалобщика, сверхъ его вины, казнить торговою казнью, бить кнутомъ и ввергнуть въ тюрьму.

8. Брать боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку на судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ истцѣ или отвѣтчикѣ слѣдующія пошлины: боярину, или дворецкому, или казначею 11 денегъ, дьяку 7, подъячему 2; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то пошлины взымать по расчету, а больше того не брать; отъ записки подъячему не брать ничего. Если взято будетъ лишнее, то виновный платитъ втрое. Если послѣдуетъ жалоба на то, что взято лишнее, и она окажется ложною, то жалобщика казнить торговою казнью и заключить въ тюрьму.

14. На полѣ (судебномъ поединкѣ) долженъ биться боецъ съ бойцемъ, а небоецъ съ небойцемъ; а бойцу съ небойцемъ не биться. Но если небоецъ съ бойцемъ самъ пожелаетъ биться, то ему это разрѣшается.

19. Если ищетъ женщина, или малолѣтній, или старецъ, или больной, или калѣка, или священникъ, или монахъ, или монахиня, то для поединка имъ нанимать бойца, равно какъ и отвѣтчику. Крестъ цѣлуютъ истецъ и отвѣтчикъ, бьются же нанятые. Но если истецъ или отвѣтчикъ пожелаетъ самъ биться съ нанятымъ, то ему это разрѣшается.

26. Вознагражденіе за безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія, опредѣлять по доходу съ того кормленія, какъ значится по книгамъ; женамъ ихъ за безчестіе вдвое. Дѣтямъ боярскимъ, получающимъ денежное жалованье, за безчестіе платить въ размѣрѣ жалованья; женамъ ихъ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ за безчестіе платить, какъ царь укажетъ; женамъ ихъ вдвое. Большимъ гостямъ безчестія 50 рублей, женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ, посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестія 5 рублей; женамъ ихъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестія 5 рублей,

если онъ не тіунъ и доводчикъ; женѣ его вдвое. Тіуну боярскому или доводчику или праветчику безчестіе платится въ размѣрѣ доходовъ; женамъ ихъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному за безчестіе рубль, женѣ его вдвое. Боярскому человѣку младшему или черному младшему городскому человѣку тоже рубль, а женамъ ихъ вдвое. За увѣчіе платится, смотря по увѣчію и по безчестію.

52. Если кого приведутъ съ поличнымъ впервые, то его судить и собрать о немъ свѣдѣнія. Если по обыску назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его пытать, и если онъ скажетъ самъ на себя, то казнить смертью, а въ противномъ случаѣ предать пожизненному заключенію, истцу же заплатить изъ его имущества. Если же по обыску скажутъ, что онъ человѣкъ добрый, то вести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ.

55. Если вора поймаютъ впервые, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а въ иномъ прежнемъ воровствѣ довода на него не будетъ, то его казнить торговою казнью, бить кнутомъ, искъ на немъ доправить, да отдать его на вѣрныя поруки. Если вѣрнаго поручителя нѣтъ, то ввергнуть въ тюрьму и держать до тѣхъ поръ, пока таковой не найдется. Если у вора не будетъ имущества для удовлетворенія истца, то его, наказавъ кнутомъ, выдать истцу головою на правежъ, пока не выкупится, а истцу пріискать поручителей въ томъ, что, доправивъ свое, отдастъ его боярамъ.

56. Если вора поймаютъ вторично, то его пытать и, если скажетъ самъ на себя, смертью казнить, а истца вознаградить изъ его имущества. Если имущества не будетъ, то и тогда казнить, а истцу не выдавать. Если подъ пыткою на себя самъ не скажетъ, то навести справки, и когда по справкамъ окажется, что онъ лихой человѣкъ, ввергнуть его въ тюрьму до смерти; въ противномъ же случаѣ отдать на крѣпкія поруки. Если таковыхъ нѣтъ, то держать его въ тюрьмѣ, пока не найдутся.

59. Завѣдомо лихой человѣкъ, уличенный въ разбоѣ, душегубствѣ, ябедничествѣ, подлогѣ или другомъ лихомъ дѣлѣ, долженъ быть казненъ смертью, а истецъ получаетъ вознагражденіе изъ его имущества; получившійся затѣмъ остатокъ идетъ на судебные платежи. Если у такого преступника столько имущества нѣтъ, то все же его казнить, а истцу не выдавать, при чемъ нѣтъ и судебныхъ платежей.

61. Убійца своего господина, бунтовщикъ, крамольникъ, церковный воръ, похититель людей, поджигатель, завѣдомо лихой чело-

вѣкъ, да будетъ казненъ смертью. Изъ имущества его удовлетворяется истецъ, остальное идетъ на судебныя издержки. Если у такого преступника имущества нѣтъ, то все же истцу онъ не выдается, а казнится смертью.

68. Если намѣстнику данъ въ кормленіе городъ съ волостями или волости, а въ волостяхъ по сію пору не было старость и цѣловальниковъ, то отнынѣ въ нихъ должны быть старосты и цѣловальники. Если кто-либо изъ жителей этихъ волостей будетъ искать или отвѣчать предъ намѣстникомъ или волостелемъ, или предъ тіунами ихъ, то въ судѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ быть старостѣ и цѣловальникамъ изъ той волости, изъ которой истецъ или отвѣтчикъ, а судныя дѣла писать земскому дьяку той же волости. А безъ старосты и цѣловальниковъ намѣстникамъ и волостелямъ, за которыми числится кормленіе съ боярскимъ судомъ или безъ боярскаго суда, а также ихъ тіунамъ, не судить. Посула на судѣ не брать ни намѣстникамъ, ни волостелямъ, ни ихъ тіунамъ.

78. Если люди вольные станутъ бить челомъ князьямъ и боярамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, и станутъ на себя давать кабалы служить за долгъ, то признавать кабалы законными только на сумму не свыше 15 рублей.

81. Дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не были еще на службѣ, въ число холоповъ никто не долженъ принимать. Холопами могутъ становиться только отставленные государемъ отъ службы.

83. Если наймитъ у своего хозяина не дослужитъ срока своего и уйдетъ, то онъ лишается слѣдуемаго ему вознагражденія. Если хозяинъ не захочетъ отдать наймиту того, что долженъ, и будетъ въ томъ уличенъ наймитомъ, то послѣдній въ правѣ требовать двойного вознагражденія.

90. Если купецъ, идя на торговлю, возьметъ взаймы деньги или товаръ, да на пути потеряетъ занятое неумышленно отъ потопленія, пожара, войны или грабежа, то бояре должны, разслѣдовавъ дѣло, приказать дьяку царя и великаго князя дать такому человѣку полѣтную грамату (т.-е. грамату, допускающую разсрочку платежей) съ царскою и великокняжескою печатью, смотря по имуществу пострадавшаго, на уплату долга безъ процентовъ. Если потеря случится по причинѣ пьянства, безумія, не по несчастному случаю, то должника выдать заимодавцу головою, пока онъ не откупится. Если полѣтная грамата дана будетъ по причинѣ разбоя и разбой-

ники будутъ найдены имъ или открыты во время производства дѣла, то она теряетъ свою силу.

91. Городскіе торговые люди не должны жить при монастыряхъ, а въ городскихъ дворахъ; торговыхъ людей, проживающихъ при монастыряхъ, оттуда устранять и подвергать суду намѣстниковъ. Нищимъ, питающимся отъ церкви Божіей, жить въ монастыряхъ.

98. Если откроются случаи, не предусмотрѣнные симъ Судебникомъ, то они должны быть сообщены государемъ боярской думѣ для приговора, и рѣшеніе затѣмъ должно быть внесено въ настоящій Судебникъ.

99. Велѣть объявить на торгахъ въ Москвѣ, во всѣхъ городахъ земли Московской, Новгородской, Тверской, по волостямъ, чтобы истецъ и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ взятокъ на судѣ не давали и не обѣщали, чтобы свидѣтели, не видѣвъ дѣла, не свидѣтельствовали, а видѣвъ, свидѣтельствовали по правдѣ. Если свидѣтель будетъ свидѣтельствовать, не видѣвъ дѣла, лживо, и это обнаружится потомъ, то съ него взыскивать потерю истца и всѣ убытки, да за преступленіе казнить торговою казнью.

18. О „Судебникахъ“ Іоанна III и Іоанна IV.

Съ усиленіемъ Москвы старинный обычай, по которому на судѣ присутствовали выборные мужи, не уничтожился совершенно. Но такъ какъ московскіе великіе князья болѣе всего заботились о томъ, чтобы вся власть заключалась въ ихъ рукахъ и отъ нихъ исходила, то и поставленные ими намѣстники, воеводы, дьяки были полными господами въ областяхъ; слѣдовательно, и на своемъ судѣ намѣстники, воеводы, дьяки рѣшали дѣла, какъ хотѣли. Законы и обычаи Московскаго государства были собраны и утверждены вновь въ двухъ Судебникахъ: въ Судебникѣ Іоанна III (1497 г.) и въ Судебникѣ Іоанна Грознаго (1550 г.). Въ первомъ изъ этихъ уставовъ сказано: „Судить судъ боярамъ, окольничимъ, или дѣтямъ боярскимъ, которымъ даны кормленія съ судомъ боярскимъ, а на судѣ бояръ и окольничихъ быть дьякамъ“. Тутъ же прибавлено, что бояре и дѣти боярскіе не должны производить суда безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей. Объ этомъ нерѣдко упоминается и въ граматахъ, которыя давались крестьянамъ при устройствѣ ихъ быта. Подъ старостами и лучшими людьми надо разумѣть лицъ,

выбранныхъ всѣмъ міромъ. Но такія лица, если они и избирались, не могли имѣть большой силы въ судѣ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Какъ порою дѣлались выборы, мы видимъ изъ одного случая, бывшаго при великомъ князѣ Василіи. Слыша, что въ Новгородѣ намѣстники и тіуны творятъ неправду, судятъ по мздѣ, великій князь велѣлъ своимъ дворцовымъ дьякамъ выбрать изъ улицы лучшихъ людей 46 человѣкъ и привести ихъ къ цѣлованію; съ тѣхъ поръ поставили, чтобы съ намѣстниками судилъ купецкій староста, а съ тіунами цѣловальники по четыре на каждый мѣсяцъ. Здѣсь видимъ, что старинный новгородскій судъ уже былъ уничтоженъ и Василій думаетъ возобновить его, но поручаетъ избирать лучшихъ людей не новгородцамъ, а своимъ дьякамъ. Вообще великіе князья стали довѣрять дьякамъ болѣе, чѣмъ намѣстникамъ: Іоаннъ Грозный во многихъ своихъ распоряженіяхъ обращается прямо къ дьякамъ. Намѣстники, знатные бояре, нерѣдко назначались въ должность по старшинству, по мѣсту, какое занималъ отецъ или дѣдъ ихъ; дьяки были новые люди, всѣмъ обязанные великимъ князьямъ, которые потому и разсчитывали на ихъ вѣрность. Но и дьяки не устроили на судѣ правды. О нихъ носилась молва, что они великаго князя „половиною кормятъ, а бо́льшую себѣ берутъ“; народъ считалъ для себя великою льготою, когда выводили ихъ изъ волости на Москву. Согласно съ этимъ народнымъ желаніемъ, Іоаннъ Грозный и учредилъ судъ, подобный новгородскому.

Въ обоихъ Судебникахъ есть предписанія противъ взятокъ, посуловъ. Какъ видно, это зло уже тогда господствовало на Руси. Велѣно кликать по торгамъ въ Москвѣ, во всѣхъ городахъ и заповѣдать по всѣмъ волостямъ, чтобы истецъ и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула въ судѣ не сулили. По Судебнику Іоанна Грознаго, если судья судитъ не по правдѣ, то платитъ истцу, да царскія пошлины втрое; съ дьяка за неправедный судъ брали вполовину противъ боярина и заключали его въ тюрьму, подъячаго били кнутомъ. Но также и того, кто жаловался на притѣсненіе, если жалоба его не была доказана, били кнутомъ и бросали въ тюрьму. Противъ ябедниковъ приняты были особыя мѣры: каждый могъ искать на другомъ только по величинѣ своего имѣнія, по промысламъ и по тому, сколько онъ платилъ подати въ казну; приказано было крѣпко смотрѣть, есть ли у истца столько имѣнія, на сколько онъ ищетъ, не ищетъ ли онъ много. Доказательствами на судѣ по старинѣ служили: поличное (явная улика), свидѣтельства, поле, клятва. Поличное, по пословицѣ, первый свидѣтель; противъ

поличнаго нѣтъ отвода. Свидѣтельство дѣтей боярскихъ принималось наравнѣ со свидѣтельствомъ крестьянъ: на кого доказывали пять, шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ, по крестному цѣлованію, да пять, шесть черныхъ людей, того безъ суда обвиняли. Попрежнему отвѣтчикъ могъ требовать поля со свидѣтелемъ, или съ истцомъ. Послухи, поспоривъ между собою, также выходили на бой другъ противъ друга. За полемъ наблюдали окольничій и дьякъ; всѣхъ постороннихъ людей отсылали; по правилу боецъ бился съ бойцомъ, но хотѣлъ небоецъ биться съ бойцомъ, то его воля. Малолѣтній, старикъ, больной, увѣчный, попъ и женщина могли нанимать за себя бойца; въ такомъ случаѣ и отвѣтчикъ имѣлъ право выставить наемника. На судебномъ поединкѣ въ это время уже начинали считаться сословіемъ. Въ Нижегородской землѣ одинъ помѣщикъ тягался съ Печерскимъ монастыремъ и обѣ стороны выставили по шести свидѣтелей. Всѣ эти свидѣтели были крестьяне, исключая трехъ боярскихъ дѣтей, выставленныхъ помѣщикомъ. Когда дѣло дошло до поля, то боярскіе дѣти не захотѣли биться съ тремя своими противниками, требуя, чтобы противъ нихъ вышли люди одного съ ними званія, а не крестьяне. Но старинный законъ былъ еще такъ силенъ, что чрезъ это упорство боярскихъ дѣтей помѣщикъ проигралъ тяжбу, такъ какъ его свидѣтели отказались отъ поля. Обвиненный на судѣ попрежнему платилъ пошлину: отъ рублеваго дѣла боярину шло два алтына, а дьяку восемь денегъ. За нанесенное безчестье взыскивали деньгами. Здѣсь любопытно видѣть, какъ различались сословія и званія въ этой платѣ за безчестье. Дѣтямъ боярскимъ платили сумму, равную ихъ доходу, или жалованью. Дьякамъ шло за безчестье,—что государь укажетъ; знатные дьяки, конечно, цѣнились очень высоко: такъ одинъ подъячій, обвинявшій Василія Щелкалова, поплатился цѣлою вотчиной. Болѣе знатные купцы получали за безчестье пятьдесятъ рублей, торговые и посадскіе люди средней руки—пять рублей. Боярскому человѣку доброму (т.-е. болѣе важному боярскому слугѣ) шло пять рублей, а боярскому слугѣ младшему — рубль. Крестьянину также назначался рубль за нанесенное ему оскорбленіе. Женамъ всѣхъ этихъ лицъ въ случаѣ безчестья опредѣлено платить вдвое. Мы видимъ, что здѣсь выше всего поставлены служащіе люди, напротивъ, крестьяне сравнены съ младшими боярскими слугами.

Но болѣе всего московскій судъ отличался въ дѣлахъ уголовныхъ, въ розыскахъ надъ преступниками, виновными въ нарушеніи общаго порядка. Тутъ заведено было наиболѣе строгости, и мы

узнаемъ, какъ правительство пользовалось своею властью, чтобы карать виновныхъ. Тутъ не было пощады и удальцамъ, о которыхъ поется въ нашихъ пѣсняхъ: „я весломъ махну—корабль возьму, кистенемъ махну—караванъ собью“. Ихъ просто называли ворами и тѣснили все далѣе въ пріуральскія степи, гдѣ, еще не потерявъ своей воли, они толковали: „живи, ребята, пока Москва не провѣдала“. Въ судѣ надъ ворами и разбойниками чаще всего употреблялись кнутъ и пытка. Кнуту въ старину придавали много силы, говоря: „кнутъ не дьяволъ, а правду сыщетъ“, хотя, съ другой стороны, также знали по опыту, что „на кнутѣ далеко не уѣдешь“. О пыткахъ свидѣтельствуютъ наши пословицы: „ребра ломаютъ, какъ татя пытаютъ; пытаютъ татя по три перемѣны“. Подвергая пыткѣ, заботились о томъ, чтобы тать сознался въ преступленіи: самое слово „подлинная“ (подлинная правда) произошло отъ длинниковъ, палокъ или прутьевъ, которыми думали вынудить признаніе. Но пытка была плохимъ средствомъ узнать истину: человѣкъ слабый, не вынося муки, оговаривалъ другихъ людей, взводилъ на себя и на нихъ небывалыя преступленія и только запутывалъ дѣло. Оттого и толковали: „на дѣлѣ правъ, да на дыбѣ виноватъ“. По московскому суду, истецъ уже не могъ прощать преступника: его казнили смертною казнью; истцу выдавали, что слѣдуетъ, изъ его имѣнія, а остальное шло боярину и дьяку. По Судебнику Іоанна Грознаго, вора, пойманнаго въ первый разъ, били кнутомъ, брали съ него, что слѣдовало истцу и пошлины, а потомъ отдавали на крѣпкую поруку; если же никто не принималъ на поруки, то его сажали въ тюрьму. Лихихъ людей, разбойниковъ, поджигателей и проч. казнили смертною казнью, если они сознавались въ преступленіи, а не сознавались, то ихъ пытали по три раза; если не сознаются и на пыткѣ, то ихъ заключали на всю жизнь въ тюрьму; пытали и тѣхъ людей, на кого воръ указывалъ въ пыткѣ. Но здѣсь много значилъ обыскъ, мірской приговоръ, по которому въ правленіе Іоанна Грознаго рѣшали большую часть дѣлъ. Бояре, дьяки и приказные обращались къ старостамъ и цѣловальникамъ, которые обыскивали многими людьми, хорошій или дурной человѣкъ тотъ, кого обвиняли. Въ обыскѣ участвовали и князья и дѣти боярскіе, и все духовенство, и крестьяне. При разспросахъ одни, конечно, оправдывали подсудимаго, другіе находили его виновнымъ; если людей, которые стояли за подсудимаго, было пятидесятью или шестьюдесятью человѣками болѣе, то его оправдывали. Когда въ обыскѣ люди раздѣлялись поровну, на двѣ половины, изъ которыхъ одна

говорила въ пользу подсудимаго, а другая противъ него, то обыскивали снова другими многими людьми. Обыскные люди были въ большомъ отвѣтѣ, когда оказывалось, что они свидѣтельствовали лживо, тогда, выбравъ изо ста человѣкъ крестьянъ пять или шесть лучшихъ людей, били ихъ кнутомъ, а игумена, поповъ и дьяконовъ отсылали къ святителю. Эта строгость понятна: по словамъ людей, которыхъ развѣдывали о подсудимомъ, рѣшали, пытать его или нѣтъ, посадить его въ тюрьму или отдать на поруки. Въ иныхъ случаяхъ по обыску можно было и казнить смертною казнью, хотя бы виновный не сознавался на пыткѣ.

19. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.

В нѣкіихъ мѣстехъ живяше два пустынника: единъ богатъ, а другій убогъ. Богатый же, ссужая многолѣта убогого и невозможе его скудности исполнити. И по неколику времени пріиде убогій к богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему из лѣсу дровъ превести. Братъ же богаты нехотя убогому брату лошади дати, и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. І нача у него просити: Хомута нѣтъ. И оскорбися на него богаты братъ, и нача ему поносити, і рече ему: „како брате, что у тебя и хомута нѣтъ?“ И не даде ему хомута. Убоги же поиде к себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни к лошади за хвостъ, і поиде въ лѣсъ, і насѣкши дровъ і накладчи надровни елико лошади возможно везть, і повезе ко двору своему, і привезши дрова, і отворивъ ворота, а подъ воротни забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ, лошадь же изо всѣй мочи брося з возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себя оторвала. Убоги же вземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому; братъ же расмотря, что лошадь его безъ хвоста, і невзявъ у него лошади, і поиде на него бить челомъ во градѣ въ лошади; (убогій) за нимъ же, вѣдая, что будетъ по него из города присылка, чтобъ ему ѣзду пристовомъ не платити. І пріидоша до нѣкоего села недоходя города. Богаты поиде ночевать к попу того села по знакомству; убоги же братъ пріиде к тому же попу, і пріиде ляжя на полати, а богаты братъ нача попу сказывати про лошадь свою, чего ради ідетъ въ городъ попу познатомъ, (потомъ?) нача попъ з богатымъ ужинать, і пити, і ясти, убоги же нача с полатей смотрити, что з братомъ его пьетъ и ѣстъ, а ево не позовутъ. І незапу убоги

урвася с полатей на зыбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же, видя сына своего смерть, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ бить челомъ на убогого же въ убиствѣ сына своего. И пріндоша ко граду, гдѣ живяше судия Шемяка. Убоги же иде за ними; и внидоша все во градъ, и какъ убоги поіде мостомъ, мость же здѣланъ над глубокимъ рвомъ; и нѣки человѣкъ, житель того града, рвомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги же размышляя в себѣ, что ему от брата и от попа будетъ погибель, и умысля в себѣ, и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися с мосту в ровъ и упаде на старого человѣка... везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогово поимавъ все, и привиде пред судию Шемяку.

Убоги же мысляше, какъ бы ему бѣди избыти, и умысля, взя камень, і заверте в платъ, і положи в шапку, и ста пред судиею, и принесе братъ его исковую челобитную в лошади, і подаде судьѣ. Судия жъ выслушавъ челобитную в лошади і рече судия убогому: отвѣщай. Убоги же невѣды, что отвѣщати, и вынявъ из шапки в платѣ заверченный камень, и показа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сулилъ, и рече судия истцу богатому брату: когда братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: в то время у него лошадь і возми. І потомъ нача другій судъ быти, і подаде попъ исковую челобитну в мертвомъ сынѣ своемъ; той же убоги также выня платъ с каменемъ и такожъ суде показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему от другова суда сулилъ убоги же,—рече судия попу: когда той убоги ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадю (т.-е. пока она родитъ сына). По томъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевой смерти, что той убоги же бросилса с мосту ушибъ у него отца. Убоги же вынявъ из шапки той же заверченный камень в платі, показа суде, судя же чая, что ему третѣ узолъ сулилъ, и рече исцу: взыди ты на мостъ, а ты, убоги же, стань подъ мостомъ і с мосту бросись на того убогого, якоже бросился онъ на отца твоего. Убоги же нача Бога хвалити, что судия по немъ судъ судилъ. Послѣ суда изыде исцы со отвѣчикомъ ис приказу, і нача богаты просити убогово лошади своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выростетъ, в ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублевъ денегъ, чтобъ онъ лошадь ему отдалъ... Потомъ же убоги нача попади просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадю

ребенка у ней добыть и с ребенкомъ бы попу попадю отдать; попъ же нача убогому бити челомъ, чтобъ у него попади не ималъ; а убоги же нача проситися и попадю хотя у попа взяти, і даде попъ убогому за попадю 50 рублевъ денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убоги третему исцу по судейскому указу говорить: я де стану под мостомъ, а ты взыди на мостъ, и ты с мосту бросися на меня такоже, яко же азъ на отца твоего; онъ же размышляя в себѣ: аще мнѣ бросится, ево будетъ неубити, а себя буде убити. І нача истецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ, да лошадь с коровою.

Судия же выслa человѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его показанные три узла взяти. Человѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити, онъ же, вынявъ изъ шапки заверченной камень в платѣ, показуя тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати: что то за камень кажешь? Онъ же рече: я-де того ради сей камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ не по мнѣ судилъ, і я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибити. І пришедъ человѣкъ и сказа суде. Судия же, слышавъ человѣка своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ, якъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убоги отиде в домъ свой, радуяся и хваля Бога.

20. Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ [1]).

„Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, вамъ на злого человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами, а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ

[1]) „Происхожденіе сказки объ Ершѣ Щетинниковѣ, говоритъ Аѳанасьевъ, должно быть отнесено къ XVI в. Формы словеснаго судопроизводства этой эпохи сохранены въ сказкѣ съ поразительною вѣрностью. Это мѣткая сатира надъ старинным сутяжничествомъ и ябеднической изворотливостью. Сказка объ Ершѣ составляла въ старину любимое чтеніе и, вмѣстѣ съ другими повѣстями, сохранилась до насъ въ рукописныхъ сборникахъ и даже перешла на лубки. Обиліе варіантовъ, въ различныхъ ея спискахъ, уже доказываетъ, какъ много она была распространена между читающимъ и нечитающимъ людомъ".

наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ (хорошее житье, довольство); расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рогатины, и онъ свидится съ нами на стану—и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями".

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли?" Отвѣтчикъ Ершъ рече: „отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ и нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и материними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою, знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городехъ князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дьяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шафраномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмелья и кушавши поздравляютъ".

Судьи спрашивали истца Леща: „ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?" Истецъ Лещъ рече: „уличаю его Божіею правдою да вами праведными судьями". Судьи спрашивали истца Леща: „кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ (истокахъ), и на кого шлешься?" Истецъ Лещъ рече: „шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ (вѣдающихъ о дѣлѣ) на добрыхъ людей разныхъ городовъ и областей; есть, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ нѣмецкой области подъ Ивановымъ городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, а другой, господа, человѣкъ добрый живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга". Спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, шлешься ли на лещеву правду, на таковыхъ людей?" И отвѣтчикъ Ершъ рече: „слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть; Сигъ и Лодуга—люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой же человѣкъ заводной, шлется въ послушество". И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?"

Отвѣтчикъ Ершъ рече: „господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ—для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ, маломочныхъ людей, испродать (разорить тяжбою) напрасно".

Судьи спрашивали истца Леща: „еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ и на кого шлешься?" Истецъ Лещъ рече: „шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ есть человѣкъ добрый, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь".

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „ты, Ершъ, шлешься ли на лещевую правду?" Отвѣтчикъ же Ершъ рече: „Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни (сродни), а Лещъ такой же человѣкъ заводной: въ сосѣдствѣ имаются, гдѣ судятся—ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ".

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня (рыба Налимъ), приказали взять въ правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню приставу сулитъ посулы великіе, и рече: „господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико—ходитъ не могу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю". Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Язя. И Окунь поставилъ въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: „Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро". Сельдь же рече въ правдѣ: „Леща съ товарищи знаютъ: Лещъ человѣкъ добрый, христіянинъ Божій, живетъ своею, а не чужою (силою), а Ершъ, господа, злой человѣкъ Щетинникъ" [1].

.... знаешь ли его? Осетръ же рече: „азъ, господа, не въ правдѣ (не ради суда) и не въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что варятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ, а я лукавства его не вѣдалъ, а спрошать про него злого человѣка никого не лучилось, и онъ меня вопроси: „братецъ Осетръ, гдѣ идеши?" И азъ ему повѣ-

[1]) Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ свидѣтелемъ выведенъ Осетръ, который въ началѣ сказки поставленъ судьею: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи.

далъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: „братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и длиннѣе, бока мои терли у Волги-рѣки берега, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера". Азъ-же, господа, слышавъ такое его прелестное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ морилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и проведе меня къ неводу и рече ми: „братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много". И я его нача посылати напредь. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: „братецъ Осетръ, коли меньшій братъ ходитъ напредъ большаго?" И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярской дворъ—войти ворота широки, а выйти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ячею (пространство клѣтокъ у мережи), а самъ мнѣ насмѣхался: „ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся!" А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: „братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ". А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: „братецъ Осетръ, терпи Христа ради!"

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ (снятокъ — маленькая рыбка) переславской. Да на того же Ерша выдали правую грамату: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речетъ Ершъ судьямъ: „господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили". Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

21. Изъ „Домостроя“ священника Сильвестра [1]).

Книга, глаголемая Домострой, имѣетъ въ себѣ вещи зѣло полезны, во ученіе и наказаніе всякому христіянину, мужу и женѣ, и чадомъ, и рабомъ, и рабынямъ: въ ней же имать сказаніе главамъ:

1. Наказаніе (наставленіе) отъ отца къ сыну.

2. Како христіяномъ вѣровати во Святую Троицу и Пречистую Богородицу, и Кресту Христову, и святымъ небеснымъ безплотнымъ Силамъ, и всѣмъ святымъ, и честнымъ и святымъ мощамъ, и поклонятися имъ.

3. Како Тайнамъ Божіимъ причащатися, и вѣровати воскресенію мертвыхъ, и страшнаго суда чаяти, и касатися всякой святыни.

4. Како любити Господа отъ всея душа, такожъ и брата своего, и страхъ Божій имѣти и память смертную.

5. Како святительскій чинъ почитати, такожъ и священническій и монашескій.

6. Како посѣщати въ монастыряхъ и въ больницахъ и въ темницахъ, и всякаго скорбна.

7. Како Царя и князя чтити, и повиноватися во всемъ, и всякому властелю покоритися и правдою служити имъ во всемъ, и къ большимъ и къ середнимъ и скорбнымъ и маломощнымъ, и ко всякому человѣку, какову быти, и себѣ о всемъ внимати.

8. Како домъ свой украсити святыми образы, и храмъ чистъ имѣти.

9. Како къ церквамъ Божіимъ и въ монастыри съ приношеніемъ приходити.

10. Како священниковъ и иноковъ въ домъ свой призывати молитися.

11. Како кормить приходящихъ, въ дому, съ благодареніемъ.

12. Како мужу, съ женою и съ домочадцы, въ дому своемъ молитися.

13. Како мужу въ церкви и женѣ молитися, и чистота хранити, и всякаго зла не творити.

---

[1]) Домострой написанъ (XVI в.) священникомъ Сильвестромъ, извѣстнымъ руководителемъ царя Іоанна Грознаго, въ наставленіе сыну своему Аѳонію и его семейству; это сочиненіе изображаетъ въ самой подробной картинѣ частный домашній бытъ нашихъ предковъ въ XVI в.

14. Како чтити дѣтемъ отецъ своихъ духовныхъ, и повиноватися имъ во всемъ.

15. Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи.

16. Како дочь воспитати, съ надѣлкомъ (часть имѣнія) замужъ выдати.

17. Како дѣти учити, и страхомъ спасати.

18. Како дѣтемъ отца и мати любити и беречи, и повиноватися имъ, и покоити ихъ во всемъ.

19. Како всякому человѣку рукодѣльничати, и всякое дѣло дѣлати, благословяся.

20. Похвала женамъ.

21. Наказъ мужу и женѣ, и дѣтямъ и людемъ: како лѣпо (хорошо) быти имъ.

22. Каковы люди держати, и какъ о нихъ промышляти, во всякомъ ученіи и въ Божественныхъ заповѣдехъ, и въ домовномъ строеніи.

23. Како врачеватися христіяномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей.

24. О неправедномъ житіи.

25. О праведномъ житіи.

26. Како жити человѣку смѣтя свой животъ.

27. Аще кто не разсудя себя живетъ.

28. Аще кто слугъ держитъ безъ строя.

29. Поучати мужу своя жена: какъ Богу угодити, и мужу своему уноровити, и како домъ свой добре строити, и всякая порядня домашняя, и рукодѣлье знати и слугъ учити и самой дѣлати.

30. Добрыя жены рукодѣльные плоды и береженье всему, и что скроити, и остатки и обрѣзки беречи.

31. Какъ всякая плате кроите, и остатки и обрѣзки беречи.

32. Всякая порядня (порядки) домашняя держати.

33. По вся дни государыни дозирати у слугъ всего: и домашней порядни и рукодѣлья.

34. По вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися и совѣтовати о всемъ: какъ въ люди ходити и къ себѣ призывати, и съ гостьями что бесѣдовати.

35. Слугъ наказывати, какъ въ люди посылати съ чемъ доведетца.

36. Женамъ наказъ о пьянствѣ и о пьяномъ питіи, и слугамъ такожъ.

37. Какъ плате всякое женѣ носити и устроити.

38. Какъ избная порядня устроити, хорошо и чисто.

39. Аще мужъ самъ не учитъ, ино судъ отъ Бога пріиметъ; аще самъ творитъ, и жену и домочадцовъ учитъ: милость отъ Бога пріиметъ.

40. Самому государю, или кому прикажетъ, годовой запасъ и всякой товаръ купити.

41. Себѣ на обиходъ всякой товаръ купити заморской и изъ дальнихъ земель.

42. О томъ же, коли что купитъ, у кого селъ нѣтъ, и всякой домашній обиходъ, и лѣтѣ и зимѣ, и какъ запасати въ годъ и дома животина всякая водить, и ѣства и питье держати всегды.

43. А только мужъ припасетъ въ годъ всякаго запасу, и постнаго, и тому устрой.

44. О запасной прибыли впередъ.

45. Огородъ и садъ какъ водити.

46. Какъ человѣку запасное питіе про себя и про гость, и какъ устроити то при людехъ.

47. Тому же: пивоваренной наказъ: какъ пиво варити, и какъ медъ сытити, и вино курити.

48. У поваровъ и у хлѣбниковъ, и вездѣ, всякой порядни ключнику дозирати.

49. Мужу съ женою совѣтовати: какъ ключнику приказати о столовомъ обиходѣ, и о поварнѣ и о хлѣбнѣ.

50. Ключнику приказъ: какъ пиръ лучится (случится).

51. Наказъ отъ государя ключнику: какъ ѣства постная и мясная варити, и кормити семья, въ мясоѣдъ и въ постъ.

52. Въ житницахъ и въ закромѣхъ о береженіи.

53. Въ сушилѣ также смотрити.

54. Въ погребѣ и на ледникѣ, и на погребицѣ всего беречи.

55. Въ клѣтяхъ и въ подклѣтехъ, и въ онбарехъ, устроити всякая порядня ключнику, по государеву наказу.

56. Въ сѣньницахъ сѣно, и въ конюшняхъ лошади, и на дворѣ лѣсовой и дровяной запасъ устроити, и всякая животина.

57. Въ поварняхъ и въ хлѣбняхъ, и въ дѣловыхъ избахъ устроити дѣланое.

58. На погребехъ и на ледникахъ, и въ житницахъ, и въ сушилехъ, и въ онбарехъ, и въ конюшняхъ, часто самому государю смотрити.

59. Съ слугами государю смѣтяся во всемъ, потомъ ихъ жаловати, а худыхъ наказывати.

60. О торговыхъ людехъ и о лавочныхъ, по тому же счетъ съ ними держати.

61. Какъ дворъ строити или лавка, или онбаръ, или деревня.

62. Какъ дворовая тягло платить, или съ лавки поземъ (плата съ земли), или съ деревнѣ подать, или должникомъ всякой долгъ платить.

63. Указъ ключнику: какъ держати на погребѣ всякой запасъ просольной и въ бочкахъ и въ кадкахъ, и въ мѣрникахъ и во тчанахъ (чанъ) и въ ведерцахъ: мясо, рыба, капуста, огурцы, сливы, лимоны, икра, рыжики, грузди.

64. Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну.

До здѣ имать конецъ главамъ

Аминь.

---

1. Благословляю азъ грѣшный, имя рекъ, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего, имя рекъ, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцовъ, быти во всякомъ христіанскомъ законѣ, и во всякой чистой совѣсти и правдѣ; съ вѣрою творяще волю Божію, и храняще заповѣди Его; себе утверждающе во всякомъ страсѣ Божіи, и въ законномъ жительствѣ; и жену поучающе, такоже и домочадцовъ своихъ наказующе: не нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имѣюще яко дѣти, во всякомъ покоѣ: сыты и одѣты, и въ тепломъ храмѣ (хоромы), и во всякомъ устроѣ. И вдаю вамъ христіянскому жительству писаніе се на память, и вразумленіе: вамъ и чадамъ вашимъ. Аще сего моего писанія не внемлете, и наказанія не послушаете, и потому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано,—сами себѣ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда; и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ: кромѣ моея души; азъ о семъ, всякомъ благочиніи благословлялъ, и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писаніе предлагалъ вамъ; и аще воспріимете сіе мое худое ученіе и грубое наказаніе, и сіе со всею чистотою душевною; и прочитая, прося у Бога помощи и разума, по елику возможно, какъ Богъ вразумитъ васъ; и начнете дѣломъ творити вся си: будетъ на васъ милость Божія, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе, отнынѣ и до вѣка, и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благосл[illegible]ія и отъ

своихъ трудовъ, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ, во вѣки, аминь.

4. По семъ же возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея душа своея, и отъ всея крѣпости своея, и подвигни вся твоя дѣла и обычаи и нравы,—угодная творити по заповѣди Его. Паки же искренняго си возлюби, всякаго человѣка, по образу Божію созданна, рекше: всякаго христіянина. Страхъ Божій всегда имѣй въ сердцѣ своемъ и память смертную: всегда волю Божію творити и по заповѣдемъ Его ходи. Рече Господь: въ чемъ тя застану, въ томъ и сужу; ино достоитъ всякому христіянину готову быти въ добрыхъ дѣлѣхъ, въ чистотѣ и въ покаяніи, и во всякомъ исповѣданіи, всегда чающе часа смертнаго.

О томъ же бо. Возлюбиши Господа отъ всея душа, и страхъ Его да будетъ во сердци твоемъ, праведенъ буди и истиненъ и смиренъ, очи долу поницая, умъ же къ небеси простирая умиленъ къ Богу и человѣкомъ привѣтливъ. Печалнаго утѣши, терпѣливъ въ напастехъ и недосадитель, всякому человѣку щедръ, милостивъ, нищекормилецъ, страннопріимникъ, скорбенъ грѣха ради, веселъ о Богѣ, алченъ буди отъ піянства и жаденъ отъ объяденія, кротокъ, не словохотенъ, не златолюбецъ, но друголюбецъ, не гордъ, боязливъ предъ Царемъ, готовъ въ повелѣніи его, въ отвѣтехъ сладокъ, часто молитвенникъ, разуменъ трудникъ къ Богу и не осудникъ всякому человѣку, поборникъ обидимымъ, не лицемѣренъ, чадо евангелія, сынъ воскресенія, наслѣдникъ будущія жизни о Христѣ Іисусе Господѣ нашемъ, Ему жъ слава во вѣкъ.

5. Ко святительскому чину всегда прибѣгай и должную честь имъ воздавай; и благословенія, и духовнаго поученія отъ него требуй отъ нихъ; и припадай къ ногамъ ихъ, и во всемъ повинуйся имъ по Бозѣ. Священническому чину и мнишескому велію вѣру и любовь и повиновеніе и всякое покореніе предъ ними имѣй; и духовную ползу отъ нихъ внимай: тѣ убо суть слуги и молебники Небеснаго Царя, имѣютъ дерзновеніе у Господа просити добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ, и оставленіе грѣховъ и жизни вѣчныя.

6. Въ монастыри и въ болницы, и въ пустыни, и въ темницы заключенныхъ посѣщай и милостыню, по силѣ, всякихъ потребныхъ подавай, елико требуютъ; и види бѣду ихъ и скорбь и всяку нужу, елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна, и бѣдна, и нужна, и нища не презри, введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй, одежи, всею любовію и чистою совѣстью: тѣми милостива Бога сотвори и свободу получиши. А родителемъ своимъ преставльшимся

память твори: къ церквамъ Божіимъ приношеніе и въ дому по нихъ кормлю твори, нищимъ милостыню, и самъ отъ Бога помяновенъ будеши.

7. Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но, съ покореніемъ, истину отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и Небеснаго Царя боятися; сей временень, а Небесный вѣченъ и судья нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Такоже и княземъ покоряйтеся и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ и властелемъ своимъ: ни мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть; да, аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю и князю и всякому вельможѣ не пещися служити лжею и клеветою и лукавствомъ, погубитъ Господь вся глаголющая лжу, а шепотники (наушники) и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломощныхъ и скорбныхъ любовью привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай; вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту (преслѣдованье) съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мсти, хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; воспомяни своя грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцѣ своемъ, и самъ тако же твори.

8. Въ дому своемъ всякому христіянину во всякой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ, по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословіи Божіи, и по отпѣтіи погашаютъ; завѣсою закрываются всякія ради чистоты и отъ пыли, благочинія ради и бреженія; а всегда чистымъ крылышкомъ ометати и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда, а къ святымъ образомъ касатися достойнымъ, въ чистей совѣсти; и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладаномъ и ѳиміамомъ, а образы святые поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаеми суть, имени прежереченными; въ молитвахъ и во бдѣніяхъ, и въ поклонѣхъ, и

во всякомъ славословіи Божіи, всегда почитати ихъ: со слезами, и съ рыданіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущенія грѣхомъ.

9. А къ церквамъ Божіимъ всегда съ вѣрою приходити: съ приношеніемъ, съ свѣчею и съ просфирою, съ опміамомъ и съ ладаномъ, съ кануномъ (пиво, сваренное для поминовенія усопшихъ) и съ кутьею (вареная пшеница съ медомъ, приносимая въ церковь при поминаніи усопшихъ) и съ милостынею. И за здравіе и за упокой, и къ праздникамъ и по монастыремъ тако съ милостынею и съ приношеніемъ приходити. Егда принесеши даръ свой къ олтарю, воспоминай Евангельское слово: егда нѣчто имать братъ твой на тя, остави ту даръ свой предъ олтаремъ и шедъ, смирися съ братомъ своимъ прежде; тогда принеси даръ свой къ Богу отъ праведнаго своего имѣнія: отъ неправды непріятна милостыня. Къ сильнымъ речено бысть: луче не грабити, неже милостыня даяти отъ неправды; отдай обидимому, пріятнѣе милостыни; а къ Богу пріятна милостыня отъ праведнаго стяжанія (пріобрѣтенія) и отъ добрыхъ дѣлъ.

12. По вся дни, въ вечерѣ мужъ съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда: всему тому наукъ (навыкъ). А ложася спати, всякому христіянину по три поклона въ землю предъ Богомъ положити. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утре, вставая, такоже, и комуждо по силѣ и по желанію. Всякому христіянину молитися о своемъ согрѣшеніи и пущенія грѣховъ, и о Царьскомъ и о Царицинѣ, и о чадѣхъ ихъ здравіи, и о братіи его, и о боляръхъ его, и о христолюбивомъ воиньствѣ, о помощи на враги, и о плѣненыхъ свободѣ, и о святительскомъ и священническомъ чину, и о болящихъ и въ темницахъ заключенныхъ, и за вся христіяне. Женѣ молитися о своемъ согрѣшеніи, и о мужи, и о чадехъ, и о домочадцехъ, и о сродникѣхъ, и о отцѣхъ духовныхъ; а мужу тако же. А утре, вставь, Богу молитися и отпѣти заутреня и часы, а въ недѣлю и въ праздникъ молебенъ, съ молитвою и молчаніемъ, и съ кроткостояніемъ, и единогласно пѣти, и со вниманіемъ слушати; и Святымъ каженіе. А гдѣ некому пѣти, ино молитися доволно вечере и утре; а мужемъ отнюдь не погрѣшити по вся дни церковнаго
ія: вечерни, заутрени, обѣдни.

15. А пошлетъ Богъ у кого дѣти, сынове или дщери, ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ и воспитати въ добрѣ наказаніи; и учити страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію; и, по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учити рукодѣлію; матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ (смыслъ) Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати. Уча и наказуя, и разсуждая, рано возлагати: наказуй дѣти во юности, покоитъ тя на старость твою и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлеснѣй и отъ всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, яко же зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что зло сотворятъ, и отцемъ и матеремъ съ дѣтьми отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета (суета), а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа (судебная пошлина) и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ чада воспитани въ страсѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжеству (знанію, вѣжливости) и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада съ родители своими бываютъ отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими; а егда будутъ въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди, съ радостію и съ благодареніемъ, женятъ сыновей своихъ по своей верстѣ (по своему состоянію), по суду Божію; а дщери за ихъ дѣти замужъ выдаютъ. И аще отъ таковыхъ, которое чадо Богъ возьметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ, то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; а имѣютъ дерзновеніе у Бога милости просити, и оставленія грѣховъ и о родителѣхъ своихъ.

16. А у кого дочь родится, ино разсудны люди отъ всякаго приплода на дочерь откладываютъ, на ея имя или животинку ростятъ съ приплодомъ; а у полотенъ и у вусчинъ, и у пиринокъ (женскій шейный платокъ), и у вубрусовъ и рубашекъ, по вся годы ей въ пришенной сундукъ кладутъ: и платье, и саженье, и монисто (ожерелье), и святость, и суды оловянные, и мѣденые и деревяные прибавливати не-по-множку всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божію и вѣжству учатся, а приданое съ ними вдругъ прибываетъ, и какъ за мужъ сговорятъ, ино все готово. А толко ранѣе хто о дѣтехъ не смышляетъ, да какъ за мужъ давать, и въ ту пору все покупать:

ино скорая женитва видомая работа. А по судбамъ Божіимъ толко та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминаютъ: по ей души сорокоусть и милостыню изъ того даютъ. А толко иныя дочери есть такожъ о нихъ промышляти.

17. Кази сына своего отъ юности его и покоить тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ, ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ; да не свою волю пріимши, и въ неразуміи сотворится знаемъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя предъ множествомъ народа; аще бо отдаси дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши и посреди собора похвалишися; при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Кази сына своего измлада и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ (угрозой) и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ великѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины твориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донелѣже (доколѣ) растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, посмѣхъ предъ враги, предъ властію платежъ и досада зла.

20. Аще даруетъ Богъ жену добру, дражайши есть камени многоцѣннаго: таковая отъ добры корысти не дишится; дѣлаетъ мужу своему все благожитіе. Обрѣтши волну и ленъ, сотвори благопотребно рукама своима. Бысть яко корабль, куплю дѣющи, издалече сбираетъ въ себѣ богатство. И востаетъ изъ нощи, и дастъ брашно (пищу) дому, и дѣло рабынямъ: отъ плода руку своею насадитъ тяжаніе много. Препоясавше крѣпко чресла (поясницу) своя, утвердитъ мышца своя на дѣло. И чада своя поучаетъ, такоже и рабъ и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю нощь. Руцѣ свои простираетъ на полезная; локти же своя утверждаетъ на вретено. Милость же простираетъ убогу. Плодъ же подаетъ нищимъ. Не печется о дому мужъ ея. Многоразлична одѣянія, преукрашена, сотвори мужу своему, и себѣ, и чадамъ и домочадцемъ своимъ. Всегда же мужъ бысть въ сонмищи, съ вельможи, и сядетъ,—знаемымъ вельми че-

стенъ бысть, и благоразумно бесѣдова, разумѣетъ яко добро дѣлати: никто же безъ труда вѣнчанъ будетъ. Жены ради добры блаженъ мужъ, и число днiй его сугубо (вдвое больше). Жена добра веселитъ мужа своего и лѣта его исполнитъ миромъ. Жена добра: часть блага въ части боящихся Господа да будетъ. Жена бо, мужа своего честне творяще, первiе: Божiю заповѣдь сохранивъ, благословенна будетъ; а второе: отъ человѣкъ хвалима есть. Жена добра и страдолюбива и молчалива—вѣнецъ есть мужеви своему: обрѣте мужъ жену свою добру, износитъ благая изъ дому своего. Блаженъ есть таковыя жены мужъ: и лѣта своя исполняютъ во блазѣ мирѣ. О добрѣ женѣ хвала мужу и честь.

21. Да самому себѣ, государю, и жену и дѣтей и домочадцовъ своихъ учити: не красти, не солгати, не оклеветати, не завидѣти, не обидѣти, не клепати, чюжаго не претися (угрожать); не осужатися, не бражничати, не просмѣивати, не помнити зла, не гнѣватися ни на кого, къ большимъ быти послушну и покорну; къ среднимъ любовну; къ меньшимъ и убогимъ привѣтну и милостиву; со всякимъ управа безъ волокиты; но и паче: наймита (наемника) наймомъ не изобидѣти; а всякая обида со благодареніемъ терпѣти, Бога ради, и поносъ и укоризна; аще по дѣломъ поносятъ и укоряютъ, сіе съ любовiю пріимати, и отъ таковаго безумія отвращатися, а противъ не мстити, аще въ чемъ не повиненъ, за сіе отъ Бога мзду пріимеши. А домочадцевъ своихъ учи страху Божiю и всякой добродѣтели: и самъ тая же твори; и вкупѣ отъ Бога обрящете милость. Аще ли небреженіемъ и нерадѣніемъ, самъ, или жена мужнимъ ненаказаніемъ, согрѣшитъ, или что злотворитъ; и вси домочадцы: мужи и жены и дѣти, господаревымъ не наказаніемъ, каковъ грѣхъ или что зло сотворятъ, или брань, или татьбу (воровство), всѣ вкупѣ по дѣломъ своимъ пріимутъ, зло сотворшiи муку вѣчную, а добросотворшiе, богоугодно поживше, жизнь вѣчную наслѣдятъ въ Царствiи Небесномъ. А себѣ большiй вѣнецъ пріимеши, понеже не о себѣ единомъ попеченіе имѣя къ Богу, но и сущихъ съ собою введе въ жизнь вѣчную.

23. Аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божiею милостiю, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ. Да благодареніе и прощеніе, и милосердіе, и нелицемѣрная любовь ко всякому. Да отцовъ духовныхъ подвизати на моленіе Богу; и молебны пѣти, и вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей, и съ чудотворныхъ образовъ, и масломъ священатися; да и

по чудотворнымъ и по святымъ мѣстомъ обѣщеватися, и приходяще молитися со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣлба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получити, да и отъ всякихъ грѣховъ удалятися и впередь никакого зла не творити, а отцовъ духовныхъ заповѣди хранити и епитемьи исправляти: тѣмъ очиститися отъ грѣха, и душевная и тѣлесная болѣзнь исцѣлити, и Бога милостива сотворити... А кто безстрашенъ и безчинепъ, страху Божія не имѣетъ и воли Божіи не творитъ, и закону христіянскаго и отеческаго преданія не хранитъ, о церкви Божіи и о церковномъ пѣніи, и о келейномъ правилѣ, и о молитвѣ, и о всякомъ славословіи Божіи не радитъ; ѣстъ и піетъ безъ воздержанія, и во объяденіе и въ піянство, и не въ подобно время, и законнаго жительства не хранитъ, и всяко скаредіе творятъ, и всякія богомерзкія дѣла: пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли (игра на дудкѣ), медвѣди, и птицы, и собаки ловчія; творящая конская уристанія (ристалище, бѣгъ), всяко бѣсовское угодіе, и всякое безчиніе и безстрашіе; къ сему жъ чарованіе и волхованіе; и наузы (чародѣйственная навязь на тѣлѣ въ предохраненіе отъ болѣзни), звѣздочетье (предсказываніе будущаго по звѣздамъ), рафли (старинныя гадательныя книги съ предсказаніями), альманахи (календари съ предсказаніями и примѣтами), чернокнижье, вороно-граи (гаданіе по птичьему полету), шестокрылъ (хронологическія таблицы іудеевъ въ числѣ шести; его усвоили себѣ еретики жидовствующіе), стрѣлки громныя, топорки, усовники (въ области. языкѣ усовь или усовъ—брусъ или жердь, помѣха, болѣзнь—колотье въ боку) два каменія, кости волшебныя; и иныя всякія козни бѣсовскія, или кто чародѣйствомъ и зеліемъ, и кореніемъ, и травами на смерть или на потворство окормляетъ, или бѣсовскими словами и мечтаньми и кудесомъ (волхвованіемъ), чаруетъ на всякое зло или кто клянется именемъ Божіимъ во лжу или клевещетъ на друга: туто-жъ прочти и 24 главу; въ тѣхъ во всѣхъ дѣлехъ и въ обычаехъ и нравехъ возстаетъ въ человѣцѣхъ гордость, ненависть, злопомняніе, гнѣвъ, вражда, обида и всякая злая дѣла.

24. А кто не по Бозѣ живетъ, не по христіянскому житію, чинитъ всякую неправду и насиліе и обиду: сильно отойметъ, возьмя (взявъ) не заплатитъ, волокитою (проволочкою) уморитъ, а молода человѣка во всемъ изобидитъ; а на сусѣдствѣ кто не добръ, или въ селѣ, на своихъ христіянъ или на приказѣ, или на власти, дани тяжкія и всякіе уроки (оброки) незаконные накладываетъ; или чужую ниву попахалъ, или лѣсъ посѣкъ, или землю переораль,

или лугъ перекосилъ, или ловлю рыбную переловилъ, или борти (колода для пчелъ) или перевѣсье (сѣти) и всякую ловлю, и всякое угодье неправдою и насиліемъ сотворитъ; или ограбитъ, или покрадетъ, или разобьетъ на дорозѣ (разбоемъ), и на стану (въ жильѣ) грабитъ, и бьетъ, и соромитъ, и пустошитъ луга, пашню толочитъ (вытаптываетъ), и всякую обиду чинитъ, или кого чимъ поклеплетъ, или кого чимъ подкинетъ (чтобы оклеветать въ воровствѣ и указать на подкинутую вещь, какъ на поличное), или чимъ оклевещетъ и ополичнитъ (уличитъ въ кражѣ) или напрасно кого продастъ (выдастъ за деньги, будучи подкупленъ); или въ работу неповинныхъ лукавствомъ или насиліемъ охолопитъ, или не прямо судитъ или неправедно обыскиваетъ, или накривѣ послушествуетъ, или кающимся не милостивъ; или лошадь или всякую животину и всякое стяжаніе, и селы или винограды, варницы, мельницы, лавки, амбары или дворы и всякое угодье силою отыметъ, или дешево, въ неволю (силою) купитъ, или ябедничествомъ вытяжетъ, или корчемнымъ прикупомъ или лихвы, и всякимъ лукавымъ ухищреніемъ и неправеднымъ собраніемъ, или росты и насыпы (прибавка на занятый хлѣбъ въ зернѣ), и мыта (пошлина за провозъ товаровъ) богатѣетъ, всякія неподобныя дѣла творитъ, самъ государь или государыня творятъ, или дѣти ихъ, или люди ихъ, или крестьяне ихъ, а они государи о томъ не возбраняютъ, и не обороняютъ, и управы не даютъ: прямо, всѣ вкупѣ, будутъ во адѣ, а здѣ прокляти.

28. А только людей держитъ у себя не по силѣ и не по добыткамъ (состоянію), а не удоволити его ѣствою и питіемъ и одеждою, или которой не рукодѣленъ и собою не умѣетъ промыслити: ино тои слуги, мужику или женки или дѣвки, у неволи, заплакавъ, и лгать и красть, а мужиковъ и разбивать и красть; и въ корчмѣ пити; и всякое зло чинити. И тому безумному государю и государынѣ отъ Бога грѣхъ, а отъ людей посьмѣхъ; и не сусѣдьство со всякимъ, а отъ сусѣдей пропажа и тщета дому; и самъ оскудѣетъ за скудость ума.

29. Подобаетъ поучити мужемъ женъ своихъ и съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ; жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како душа спасти, Богу и мужу угодити; и домъ свой добрѣ строити; и во всемъ ему покорятися; и что мужъ накажетъ, то съ любовію пріимати и со страхомъ внимати, и творити по его наказанію. Первѣе: имѣти страхъ Божій и тѣлесная чистота, якоже впереди указано бысть. Возставъ отъ ложа своего

и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ, и слугамъ дѣло указати дневное всякому рукодѣлію, что работы: дневная ѣства варити, и которые хлѣбы печи: ситные и рѣшетные; и сама бы знала, какъ мука сѣяти, какъ квашня притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи, и квасны и бухоны (ситный хлѣбъ); а калачи и пироги такоже, и колько муки возьмутъ, и колько испекутъ. И колько чего родится (выходитъ) изъ четверти, или изъ осьмины, или изъ рѣшета, и колько высѣвковъ и колько испекутъ: мѣра знати во всемъ, а ѣству мясную и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякія каши, и кисели, и всякіе приспѣхи (стряпня) печи и варити, все бы сама государыня умѣла: ино умѣетъ и слугъ научити и все сама знаетъ. А коли хлѣбы печи, тогда и платье мыти: ино съ одного стряпня и дровамъ не убыточно; и дозирати, какъ красныя (хорошія, парадныя) рубахи моютъ и лучшее платье; и колько мыла идетъ и золы, и на колько рубашекъ; и хорошо бы вымыти и выпарити, и начисто выполоскати, и изсушити и искатати, и скатерти, и убрусы, и ширинки (платки), и утиральники (полотенца) такоже; и всему тому счетъ самой знати и отдати и взяти сполна, и бѣло и чисто. А ветчано (ветхое, старое) вѣжливо (аккуратно) бы поплачено: ино сироткамъ пригодится. А коли хлѣбы пекутъ, ино того же тѣста велѣти отняти, и пироговъ начинити; а коли пшеничное пекутъ, и семьѣ изъ межситки (что остается отъ просѣяннаго въ сито) велѣти пироговъ сдѣлати въ скоромные дни со скоромною начинкою, какая лучится, а въ постные дни съ кашею, или съ горохомъ, или съ сокомъ; или рѣпа, или грибы, или рыжики, или капуста, что Богъ лучитъ; ино семьѣ потѣшенье. И всякую бы ѣству, и мясную и рыбную, и всякій приспѣхъ, скоромный и постный, жена сама бы знала и умѣла сдѣлать, и служанку научить. То государыни домовныя и домоводцы добрыя. И то бы знала же пивной, медовый и винный, и бражный, квасной и уксусный, и кислоштяный, и всякій обиходъ (домашнее употребленіе) какъ дѣлаютъ, и пивоваренный и хлѣбный; и въ чемъ что родится, и колько изъ чего будетъ. Коли все знаетъ добрая жена добраго мужа, мужнимъ наказаніемъ и грозою, и своимъ добрымъ разумомъ и наукомъ, ино все будетъ споро, и всего будетъ полно. А которая женщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати; рубашка дѣлати, или убрусъ брати, или поставъ (ткань) ткати, или золотое или шелковое, пяличное дѣло; и которая чему учена, того всего досмотрити и дозрѣти, и всякой мастери самой прядено, и тафта, и камка, и золото и серебро отвѣсити, и отмѣрити, и смѣтити, и указати, сколько чего надобно, и сколько

чего дастъ; и прикроити, и примѣрити; самой все свое рукодѣліе знати... А сама бы государыня, отнюдь никакоже, нѣкоторыми дѣлы, опрично немощи, или по мужней волѣ, или по нужѣ, николи безъ дѣла не была, ино и служкамъ, на нее смотря, повадно дѣлати. Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная придетъ, всегда бы надъ рукодѣліемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, и мужу похвала; а николи же бы слуги государыни не будили: государыня бы сама слугъ будила.

34. А по вся бы дни у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и воспоминала, что надобѣтъ. А въ гости ходити, и къ себѣ звати: ссылаться, съ кѣмъ велитъ мужъ; а гостьѣ коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти, лучшее платье перемѣнити; отнюдь беречися женѣ отъ пьянаго питія; пьяный мужъ дурно, а жена пьяна въ міру не пригоже. А съ гостьями бесѣдовати о рукодѣльѣ и о домашнемъ строеніи: какъ порядня вести, и какое рукодѣлейце дѣлати... Или, у себя въ подворьѣ, у которой гостьи услышитъ добрую пословицу: какъ добрыя жены живутъ, и какъ порядню ведутъ, и какъ дома строятъ, и какъ дѣти и служокъ учатъ, и какъ мужей своихъ слушаютъ, и какъ съ ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ, и то въ себѣ внимати; а чего добраго не знаетъ, ино спрашиватися вѣжливо. Съ такими-то добрыми женами пригоже сходитися: ни ѣствы, ни питія для, добрыя ради бесѣды и науку для; да внимать то въ прокъ себѣ, а не пересмѣхатися, и ни о комъ не переговаривати, и спросятъ о чемъ про кого иногда, и учнутъ ума пытати, ино отвѣщати: „Не вѣдаю азъ ничего того, и не слыхала, и не знаю; и сама о ненадобномъ не спрашиваю; ни о княгиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдахъ не пересужаю“.

38. Столъ, и блюда, и ставцы (сосудъ съ крышкою), и ложки, и всякія суды (сосуды), и ковши, и братины (сосудъ для питья), воды согрѣвъ изъ утра, перемыти, и вытерти, и высушить; и послѣ обѣда также, и вечерѣ. А ведра и ночвы (отлогій лотокъ), и квашни, и корыта, и сита, и рѣшета, и горшки, и кувшины, и кочарги (большой глиняный сосудъ), — такожъ всегда вымыти, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить въ чистомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пригоже быти: всегда бъ всякіе суды и всякая порядня вымыто и чисто бы было; а по лавкѣ и по двору, и по хоромамъ суды не волочилися бы, а ставцы, и блюда, и братины, и ковши, и ложки по лавкѣ не валялися бы: гдѣ устроено быти, въ чистомъ мѣстѣ лежало бы опрокинуто ницъ; а въ какомъ судѣ что ѣства

или питія — и то бы покрыто было чистоты ради... Изба и стѣны, и лавки и скамьи, и полъ, и окна, и двери, и въ сѣнѣхъ, и на крыльцѣ, — вымыть и вытерть, и выместь, и выскресть, всегда бы было чисто; и лѣстницы и нижнее крыльцо,—все бы то было измыто и выскребено, и вытерто, и сметено; да передъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить: грязныя ноги отирать, ино лѣстница не угрязнится, и у сѣней передъ дверьми рогожка или войлокъ ветшаный положить, или потирало: ноги грязныя отирать, чтобы мосту не грязнить. Въ грязное погодье у нижняго крыльца сѣно или солома перемѣнити, а у дверей рогозинка или войлокъ перемѣнити, или потирало (полотенце) чистое положить, а грязное прополоскать и высушить; и опять тутo же подъ ноги пригодится. Ино то у добрыхъ людей, у порядливой жены всегда домъ чистъ и устроенъ; все по чину, и упрятано, гдѣ что пригоже, причищено и приметено; всегда въ устрои: какъ въ рай войти! Всего того и всякой порядни жена смотрила и учила бъ слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ; не иметъ слово,—ино ударить. И увидитъ мужъ, что не порядливо у жены и у слугъ, или не потому, о всемъ, что въ сей памяти писано,—ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ и учити. Аще внимаетъ и по тому все творитъ—и любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ, и такъ того всего не творитъ, и сама того не знаетъ, и слугъ не учитъ—ино достоитъ мужу жена своя наказывати, и пользовати страхомъ наединѣ; и понаказавъ, и пожаловати, и примолвити; и любовію наказывати, и разсуждати. А мужу на жену не гнѣватися, а женѣ на мужа: всегда жить въ чистосердіи. И слуги и дѣти тако же, посмотря по винѣ и по дѣлу, наказывати и раны возлагати; да наказавъ пожаловати; а государынѣ за слугъ печаловатися, по разсужденію: ино служанкамъ надежно. А только жены или сына, или дщери слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ, и не внимаетъ и не боится, и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ, или мати учитъ,—ино плетью постегать, по винѣ смотря; а побить не передъ людьми, наединѣ: поучити да примолвити и пожаловати, а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по видѣнью (по лицу) не бити, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ не колоть; никакимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, — многи притчи (болѣзни) оттого бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и персть, и главо-
ie, и зубная болѣзнь... а плетью, съ наказаніемъ, бережно бити

и разумно и больно, и страшно и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, — ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря: да поучивъ, примолвите, а гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была.

22. Положеніе древне-русской женщины.

Часто мы составляемъ опредѣленное сужденіе о томъ или другомъ явленіи древне-русской жизни на основаніи современныхъ явленію отзывовъ мудрецовъ-книжниковъ, позабывая о вліяніи на нихъ византійскаго міра. Конечно, голосъ нашихъ книжниковъ-учителей имѣлъ сильное вліяніе на нравы грамотнаго общества, но тѣмъ не менѣе онъ былъ отголоскомъ чужеземной мудрости и по тому самому даетъ неточное понятіе о русскихъ нравахъ. О положеніи женщины въ древней Руси нельзя судить по тѣмъ идеаламъ, къ которымъ стремились книжники. Византійское воззрѣніе на женщину, установившееся въ аскетическомъ ученіи, было пересажено на русскую почву съ давнихъ временъ. Представительница житейскихъ прелестей — женщина считалась опасною для отрекшихся отъ міра и его соблазновъ. Недовѣріе къ обществу, къ грѣховности мірской жизни выразилось въ стремленіи удалить женщину изъ этой жизни, какъ для собственной ея безопасности, такъ и для безопасности мужчины. Недовѣріе высказывалось не ей одной, но и мужчинѣ. Замкнутая жизнь женщины въ зажиточныхъ семействахъ образовалась на Руси въ то время, когда господство книжности и монашеское направленіе проникли въ частную жизнь. Въ XV столѣтіи, въ пору сильнаго развитія монашества, видимъ молодыхъ вельможныхъ дѣтей постриженниками во всѣхъ прославившихся строгостью устава монастыряхъ. Нерѣдко будущій подвижникъ, основатель новой иноческой обители въ безлюдномъ мѣстѣ, обязанъ своей матери первыми порывами восторженной религіозности. Память о матеряхъ угодниковъ сохранилась въ житіяхъ святыхъ основателей монастырей. Въ монастырскихъ преданіяхъ сохранялась и память о благочестивыхъ боярыняхъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XVI столѣтія благочестивая Ѳеодосія Медоварцева, мать двухъ сыновей, ревностныхъ искателей благочестія, отмѣчена въ житіяхъ за начитанность свою и духовные интересы, которые поставили ее въ духовное общеніе съ иноками различныхъ монастырей. Однако,

достойно вниманія, что монахини-подвижницы почти не встрѣчаются и, по всей вѣроятности, оттого, что затворническая жизнь дома достаточно удаляла женщину отъ міра. Въ XVII столѣтіи въ числѣ русскихъ святыхъ встрѣчаемъ женщину, Юліанію Лазаревскую, но и та не монахиня, а боярыня. Сынъ ея — онъ же и списатель житія — рисуетъ трогательные подвиги домашняго благочестія русской боярыни, матери многочисленнаго семейства.

Чѣмъ выше въ общественномъ положеніи стояла дѣвушка, чѣмъ богаче были ея родители, тѣмъ болѣе ограждена она была отъ внѣшняго міра. Въ средѣ весьма зажиточныхъ людей развилась эта жизнь терема, при цѣломъ штатѣ мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ. Чѣмъ проще была обстановка, тѣмъ издревле свободная и привольная жизнь шире охватывала семью, и затворничество дѣвушки существовало только въ поэзіи. Что же касается до замужней женщины, то она несомнѣнно оказывала честь гостямъ своего мужа поднесеніемъ чары завѣтнаго меду. Боярыни ѣздили на богомолье въ дальніе монастыри и навѣщали родныхъ и знакомыхъ. Дома, сосредоточивая въ своихъ рукахъ все хозяйственное управленіе, онѣ были окружены домочадцами обоего пола. Въ селахъ и частію въ городахъ господствовали стародавніе обычаи и женщина играла видную роль въ свадебномъ чинѣ, въ хороводѣ, у домашняго очага и въ многолюдствѣ праздника красной горки. Ни изъ обычаевъ, ни изъ пѣсенъ, этихъ живыхъ отраженій народной жизни, не видно, чтобы положеніе женщины на Руси было сколько-нибудь схоже съ положеніемъ ея у восточныхъ народовъ. При вопросѣ о положеніи древне-русской женщины обыкновенно указываютъ на западную Европу. Женщина въ московскія времена не была предметомъ страсти поклонниковъ красоты, не была и царицею праздниковъ. Ей не посвящались пѣснопѣнія и не приносились въ жертву подвиги рыцаря. Но такое положеніе женщины было только у романскихъ народовъ; и самые германцы называютъ его романтическимъ, слѣдовательно, не своимъ. Женщина же рыцарскихъ временъ въ дѣйствительности совсѣмъ не имѣла того блестящаго положенія, какое можно бы было ожидать тамъ, гдѣ идеалъ дѣвы освѣщаетъ мракъ желѣзной рыцарской эпохи. У насъ не нашлось матеріала и почвы для популярной на Западѣ сказки о замученныхъ женахъ „Синей Бороды“. Множество легендъ о страданіяхъ супруги владѣльца замка и самая распространенность упомянутой нами сказки говоритъ за положеніе замужней женщины во Франціи и Германіи. Права домовладыки надъ женами своихъ подданныхъ, одиночество и уни-

зительное затворничество въ отсутствіе странствовавшаго мужа придаютъ новую мрачную окраску положенію дамы въ средніе вѣка. Если Западъ остался при древнемъ свѣтломъ воззрѣніи на дѣву, соединяющую въ себѣ красоту и дивный характеръ Валькиріи, то мы, русскіе, предпочтительно создали болѣе отрадное положеніе для жены и матери. Самое вѣрованье наше соотвѣтствуетъ такому положенію замужней женщины. Въ Пресвятой Богородицѣ западные народы преимущественно чтили дѣву, мы же—матерь. Названіе: Святая Дѣва (vierge Marie, heilige Jungfrau) такъ же популярно на Западѣ, какъ у насъ Мать Пресвятая Богородица. Всѣ явившіяся на Руси изображенія Богородицы не отступаютъ отъ излюбленнаго типа матери съ младенцемъ на рукахъ, тогда какъ на Западѣ народныя иконы и статуи изображаютъ одну Дѣву—безъ Спасителя. Только съ эпохой возрожденія Божья Матерь появляется у итальянцевъ съ Божественнымъ Младенцемъ. Какъ идеалъ чистоты и невинности, чтится Пресвятая Дѣва на Западѣ, тогда какъ у насъ весь избытокъ вѣры направленъ къ Матери-Заступницѣ.

Въ русскомъ народѣ выработалось идеальное воззрѣніе на родительскую власть матери. Подтвержденіе этому найдемъ въ народныхъ былинахъ и въ бытовыхъ пѣсняхъ. Около богатыря во многихъ былевыхъ циклахъ, какъ-то: о Добрынѣ Никитичѣ, о Дюкѣ Степановичѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ и друг., очерченъ величавый образъ „государыни-матушки“. Она воспитываетъ будущаго богатыря, съ ея дозволенія сынъ отправляется на подвиги. Ея совѣты предусматриваютъ грозящую ему опасность. Къ честной вдовѣ, на подворье вдовиное нельзя войти безобсылочно, бездокладочно. Разгулявшагося новгородскаго своевольника, Ваську Буслаевича, въ силахъ унять только родная мать; этого крушителя новгородскихъ мужиковъ родитель-матушка, при помощи дѣвушки-чернавушки, запираетъ на запоръ. За свою мать, обезчещенную Часовою вдовою на пиру, мститъ Хотенъ Блудовичъ сыновьямъ этой послѣдней, и сыновья Часовой вдовы идутъ на явную смерть по приказанію своей матери. Женитьба представляется въ былинахъ съ благопріятной стороны. Жена Добрыни живетъ мирно съ свекровью, какъ съ родною матерью. Мужъ заповѣдалъ ей ждать его цѣлыя шесть лѣтъ. По истеченіи этого срока она ждетъ по собственному желанію другіе шесть годовъ. Когда, по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, она, уступая требованіямъ князя Владиміра, рѣшается выйти замужъ за Алешу Поповича, былина не допускаетъ новобрачныхъ окончить свадебный пиръ: Добрыня въ скоморошьемъ

платьѣ появляется въ разгарѣ столованья и „законная семеюшка“ съ радостью признаетъ въ скоморохѣ прежняго, оплаканнаго ею, мужа. Миѳическая Паленица—происхожденія нечистаго—переработывается, согласно народному духу, въ привлекательный образъ жены-избавительницы своего мужа, какова жена богатыря Ставра Годиновича.

Эпосъ нашъ, какъ и всякій другой эпосъ, конечно, не обошелся безъ своихъ Цирцей, каковы вѣдьмы-отравительницы: Авдотья Лиходѣевна или Маринка-истратница. Но и эти типы женщинъ имѣютъ мало бытовыхъ красокъ и отличаются скорѣе миѳическимъ характеромъ. Въ историческихъ пѣсняхъ типъ злодѣекъ повторяется въ женѣ Гришки-Растрижки, не лишенной стародавняго волшебнаго характера вѣдьмы и оборотня, и въ нечистой по происхожденію женѣ Грознаго, черкешенкѣ. Зато въ тѣхъ же историческихъ пѣсняхъ завѣщаніе умирающей Анастасьи Романовны лучше всего доказываетъ, насколько народъ нашъ могъ оцѣнить доброе вліяніе женщины и какія нравственныя обязанности тѣмъ самымъ налагалъ на нее. Въ побывальщинахъ, гдѣ интересы бытовые на первомъ планѣ, женщина всегда является въ хорошемъ свѣтѣ. Рѣдко встрѣчающаяся и мало замѣченная пѣсня объ Авдотьѣ женкѣ-рязаночкѣ трогательнымъ образомъ приписываетъ подвигу женщины заселеніе рязанскаго края, опустошеннаго татарами. Женка-рязаночка рѣшилась отправиться въ Орду и тамъ разжалобила своею просьбою о братѣ невѣрнаго царя. Подвигъ ея очерченъ краткими, но сильными словами:

Пошла женка путемъ да дорогою:
Мелкіе ручейки бродомъ брела,
Глубокія рѣки плывомъ плыла,
Широкія озера кругомъ обошла.

Въ побывальщинѣ о молодцѣ и женѣ неудачливой, т.-е. нелюбимой мужемъ, семейное начало беретъ верхъ надъ всѣми обстоятельствами. Неудачливая жена, возрастившая въ отсутствіе мужа, бродившаго по чужимъ землямъ, своихъ сыновей, примиряетъ молодца съ дѣйствительностью, когда онъ послѣ горькаго опыта возвращается къ покинутой имъ семьѣ. Вотъ трогательный конецъ этого простодушнаго романа, такъ можно выразиться, ибо побывальщина долго останавливается на любовныхъ похожденіяхъ молодца. Увидавъ подросшихъ сыновей своихъ, молодецъ завелъ съ ними

разговоръ, спрашивалъ объ отцѣ ихъ, на что они дали такой отвѣтъ:

Ай же ты, дяденька незнаемый!
Не запомнимъ мы своего родного батюшки;
Только слышали отъ родной матушки—
Слезно плакала-причитала намъ:
Ай же вы, родимыя дѣтушки!
Ужъ какъ я васъ повырощу, повыкормлю?
Вашъ-то батюшка въ гульбу ушелъ.
Какъ закипѣло ретивое сердечушко у добра молодца,
Полились слезы рѣкой изъ ясныхъ очей.

Но вотъ возвращается домой худая жена:

Съ крестьянской идетъ со работушки,
На правой рукѣ несетъ косу вострую,
Во лѣвой рукѣ—часты грабли,
На плечахъ несетъ дрова—печи топить.

Когда, послѣ первыхъ разспросовъ, жена узнала въ пришельцѣ мужа, она радостно воскликнула:

Я которымъ святителямъ молилася,
Я которымъ чудотворцамъ обѣщалася,
Что пришелъ ко мнѣ мой законный мужъ!

Такое восклицаніе сулитъ счастливое будущее:

Они стали жить да быть,
Жить да быть—долго здравствовать.

Въ народномъ стихѣ: „О горѣ-злосчастьѣ“ женитьба представляется спасеніемъ опомнившемуся послѣ разгульной жизни молодцу. Съ нарушеніемъ сватовства для него вновь наступаетъ пора бѣдствій и торжество его врага, горя-злосчастья. Какъ ни старались наши древніе писатели обойти женщину своимъ перомъ или сдѣлать ее источникомъ грѣха, указывая ей вполнѣ зависимое положеніе — жизнь не поддавалась этимъ указаніямъ: и жена и мать остались источникомъ мира и любви, идеаломъ порядка и семейнаго благополучія. Съ женою, не съ любимою дѣвушкою, прощается заочно умирающій на полѣ битвы молодецъ, когда наказываетъ коню:

Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Насъ сосватала сабля острая и т. д.

Во всякомъ патріархальномъ обществѣ на долю женщины, какъ существа слабѣйшаго, выпадаетъ порабощеніе, и нѣтъ спора, что положеніе русской женщины было печально. Но тѣмъ не менѣе ея семейное значеніе было далеко отъ того, что̀ можно себѣ представить на основаніи предписаній Домостроя. Останавливаются на исключительномъ положеніи вдовы. Но если бы преобладалъ взглядъ на женщину, какъ на рабу или ребенка, то и смерть мужа не могла бы ей дать такого полноправнаго положенія, какимъ она обыкновенно пользовалась.

Несмотря на скудость лѣтописныхъ извѣстій о великихъ княгиняхъ московской эпохи, онѣ проходятъ передъ нами и каждая изъ нихъ оставила по себѣ живое воспоминаніе. Супруга Донского, по смерти мужа, прославилась монашескими подвигами въ основанной ею Вознесенской обители. Вдова Василія Дмитріевича, Софья Витовтовна, виновница распри князей, — слишкомъ отчетливый и извѣстный всѣмъ образъ. Вдова Темнаго, Марья Ярославна, пользовалась особою любовью и уваженіемъ державнаго сына, писавшаго имя ея въ граматахъ вмѣстѣ съ своимъ. Дочь ея Анна, вдова великаго князя рязанскаго, управляла великимъ княженіемъ рязанскимъ въ малолѣтство своего сына. Державный братъ ради нея щадилъ неприкосновенность сосѣдней съ Москвою земли. Лѣтопись сохранила извѣстіе о томъ почетѣ, съ какимъ встрѣчали эту великую княгиню въ Москвѣ. Великій князь выѣхалъ за-городъ, на встрѣчу сестрѣ, и съ нимъ были всѣ дѣти его и внукъ, бояре и великая княгиня Софія съ невѣсткою и боярынями. Семья Темнаго долго помнила бабку, мать супруги этого великаго князя, княгиню Боровскую, Марью, по отцу Голтяеву. Любовью этой бабки пользовался ея младшій внукъ Андрей Васильевичъ, которому она и завѣщала свои многочисленныя села и деревни, доставшіяся ей изъ роду Голтяевыхъ-Кошкиныхъ,—отчетливый примѣръ права женщины даже на наслѣдственныя имущества. Двѣ великія княгини, въ государствованіе Ивана III, являются соперницами въ дѣлѣ престолонаслѣдія. Къ одной изъ нихъ, Софіи Палеологъ, примыкаетъ кружокъ людей, ищущихъ выгодъ въ новыхъ царственныхъ порядкахъ, равно какъ и всѣ книжники, отождествлявшіе появленіе новой могучей власти на московскомъ престолѣ съ побѣдой право-

славія надъ еретичествомъ. Около другой, вдовы-невѣстки, Елены Стефановны, видимъ знатнѣйшихъ бояръ, охранителей дружинныхъ порядковъ и съ ними же и еретиковъ. Заклейменная именемъ еретицы, умершая въ заточеніи, Елена, сынъ которой былъ вѣнчанъ на царство, а потомъ ввергнутъ въ темницу, прославляется Курбскимъ, какъ святая. Много любопытнаго можно найти въ исторіи столкновенія этихъ двухъ женщинъ, начиная съ того момента, какъ Иванъ III положилъ впервые опалу на царственную жену, узнавъ, что она отдала племянницѣ своей въ приданое тѣ драгоцѣнности, которыя предназначались Иваномъ Васильевичемъ въ подарокъ невѣсткѣ и принадлежали покойной супругѣ Державнаго, до заключенія въ тюрьму вѣнчаннаго внука и посаженія на столъ великокняжескій сына Софіи.

Въ первой четверти шестнадцатаго столѣтія встрѣчаемся впервые съ насильственнымъ постриженіемъ великой княгини за неплодство ея. Несмотря на то, что продолженіе потомства сына царственной Софіи имѣло весьма важное значеніе для государства, жаждавшаго имѣть своего прирожденнаго царя, разводъ при безплодномъ супружествѣ далеко не былъ легкимъ дѣломъ. Лѣтопись разсказываетъ, что бояре подали мысль великому князю „посѣщи неплодную смоковницу“ въ то время, какъ онъ на охотѣ расчувствовался, глядя на птичье гнѣздо. Поддержка со стороны духовенства, находившаго въ Василіи опору въ борьбѣ съ еретиками, равно не была достаточною для удаленія великой княгини: требовалось обвинить Соломонію въ преступленіи. Насильственное постриженіе ея произошло не прежде, чѣмъ явились обвинители, свидѣтельствовавшіе, что великая княгиня, желая имѣть потомство, прибѣгала къ волхвованію. Насильственная мѣра все-таки возбудила негодованье. Герберштейнъ описываетъ мрачными красками, со словъ москвичей, обрядъ насильственнаго постриженія. Грозный царь, опираясь на примѣръ отца своего, ввелъ какъ-бы въ обычай насильственное постриженіе немилой жены. Удаляемыя въ монастыри царскія жены пользовались однакоже почетомъ и достаткомъ. Великій князь Василій Ивановичъ пожаловалъ старицу Софію (бывшую Соломонію) селами. Одна изъ супругъ Грознаго, Дарья Колтовская, также владѣла селами, несмотря на монашескій санъ. Села по смерти ея отошли къ ея племянницамъ, княжнамъ Гагаринымъ, постриженнымъ въ одномъ съ нею монастырѣ. Во всякомъ случаѣ судьбу насильственно постриженныхъ московскихъ царицъ любопытно сравнить съ судьбою женъ Генриха VIII англійскаго, Анны Болейнъ или Екатерины Го-

вардъ. Народная поэзія наша со всею свойственною ей свѣжестью оплакала судьбу невольной постриженницы:

Ахти, въ Москвѣ у насъ, братцы, не здорово;
Заунывно во царь-колоколъ благовѣстили:
Ужъ какъ царь на царицу прогнѣвался...
Тутъ заплакала благовѣрная царица,
Во слезахъ говоритъ таково слово:
Охъ, вы гой есте, палаты бѣлокаменны!
Ужъ мнѣ въ васъ, палатушки, не бывати,
Отъ своего царя ласкова слова не слыхати...
Какъ встрѣчали царицу со звономъ,
Выходила тутъ игуменья,
Что съ своими монашенами,
Принимала ее за руки, за бѣлыя

Въ другихъ пѣсняхъ, принадлежащихъ къ болѣе поздней эпохѣ, художественно очерчено положеніе молодой невольной постриженницы. Мужъ построилъ ей келью:

Что новехоньку, малехоньку,
Во оградушку окошками,
Во зеленый садъ краснымъ крыльцомъ.

Мимо кельи проѣзжаютъ купцы, а иногда проходятъ старцы перехожіе и дивуются новой келейкѣ:

Ужъ и кто же въ ней спасается,
Или вдовушка, или дѣвушка?
Выходила къ нимъ млада старочка,
Хорошохонька, молодехонька,
Поклонилася имъ низехонько;
Поклонившися слово молвила:
Тутъ спасается не дѣвушка,
Не дѣвушка и не вдовушка,
А спасается тутъ жена мужняя,
Не въ любви жила, не въ согласіи.

Въ одной пѣснѣ прохожіе (на этотъ разъ князья-бояре) спрашиваютъ, кѣмъ пострижена жена немилая? и слышатъ такой отвѣтъ:

Я пострижена самимъ царемъ
Черезъ его змѣю, змѣю лютую.

Въ другой пѣснѣ о невольной постриженницѣ мужъ раскаялся и предлагаетъ женѣ перейти изъ кельи въ прежнее жилье—въ высокъ теремъ, но слышитъ въ ея отвѣтѣ презрѣнье къ земнымъ благамъ и христіанское прощенье:

Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:
Я остануся въ этой келейкѣ,
Ужъ я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися.

Таковъ судъ народа надъ мужемъ и таково сочувствіе къ женѣ—его жертвѣ, доросшей до высоты добровольной подвижницы.

Въ XVI столѣтіи мы видимъ на Руси женщинъ, рѣшающихъ судьбу государства. Елена Глинская обязана была своимъ положеніемъ правительницы установившемуся взгляду на вдову и мать. Царица Анастасія олицетворила въ себѣ всѣ свѣтлыя стороны Грознаго. Лѣтописнымъ отзывамъ о ней вторятъ и пѣсни о ея кончинѣ. По смерти царя Ѳедора Ивановича народъ московскій и бояре присягнули вдовѣ его, Иринѣ Годуновой. На правахъ и на благословеніи этой послѣдней основалъ Борисъ успѣхъ своего избранія. По смерти Годунова москвичи присягнули прежде всего вдовѣ его, а потомъ уже и сыну. Освоившись въ русской землѣ, Марина Мнишекъ опиралась въ дни Тушинскихъ смутъ на свои личныя, вдовьи права; позднѣе цѣлыя мѣстности признавали своей царицей Марину Юрьевну. Съ избраніемъ Михаила видная роль выпадаетъ на долю боярыни, его матери. Съ благословенія ея и подъ ея непосредственнымъ руководствомъ несовершеннолѣтній Михаилъ садится на престолъ Іоанновъ. Роль, выпавшая на долю боярыни Ксеніи Ивановны, была въ духѣ народныхъ воззрѣній. Присутствіе при юномъ царѣ, наслѣдникѣ смутнаго времени, его государыни-матушки успокоило умы, ввѣрившіе расшатавшееся государство неопытнымъ рукамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ выдѣлило новую царскую семью изъ родственной ей боярской среды.

23. Стоглавъ.

Церковныя дѣла, въ которыхъ было много „нестроенія и смуты“ обратили на себя вниманіе царя Іоанна IV и „добрыхъ“ его совѣтниковъ. Въ 1551 году, 27-го февраля, по царскому приказу, въ Кремлевскій дворецъ собралось множество духовныхъ лицъ: митрополитъ, девять архіепископовъ, архимандриты, игумены и др.; тутъ же были и высшіе мірскіе сановники. Царь обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Руси, и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ... Попросивши у Бога помощи вмѣстѣ съ нами, поспособствуйте мнѣ, разсудите и утвердите по правиламъ святыхъ отцовъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи въ нашемъ царствѣ творились по Божьему велѣнію. О старыхъ обычаяхъ, которые послѣ отца моего поисшатались, о преданіяхъ и законахъ нарушенныхъ, о пренебреженныхъ заповѣдяхъ Божіихъ, о земскомъ устройствѣ, о заблужденіи душъ нашихъ,—обо всемъ этомъ подумайте, побесѣдуйте и насъ извѣстите“... Затѣмъ царь указалъ цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало подумать собору. Эти указанія царя очень любопытны, такъ какъ по нимъ ясно можно представить положеніе русской церкви и народной нравственности въ половинѣ XVI ст. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній: „По церквамъ звонятъ, поютъ и совершаютъ службы не по уставу.—Священники „чинятъ продажу великую“ священными вещами (антиминсами).—Божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ и не исправляютъ.—Ученики учатся грамотѣ небрежно. — Въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются не для душевнаго спасенія, а ради покоя тѣлеснаго, бражничаютъ, не по-монашески живутъ.—Просвирни надъ просфорами наговариваютъ (волхвуютъ). — Въ церквахъ люди нерѣдко стоятъ непристойно: въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, разговариваютъ громко, говорятъ иногда непристойныя въ церкви рѣчи, ссорятся, а попы и дьяконы поютъ безчинно, причетники часто пьяны. Случается, что попы и дьяконы служатъ въ церкви въ нетрезвомъ видѣ.—Христіане приносятъ на великъ день пасху, сыры, яйца, рыбу печеную, а въ иные дни калачи, пироги, блины, коровай и всякія овощи, и все это вносится въ Москвѣ не только въ церковь, но даже въ алтарь.—Слабость и нерадѣніе у иныхъ православныхъ

дошло до того, что люди въ тридцать лѣтъ и старше бреютъ головы и бороды себѣ, платье и одежду иновѣрныхъ земель носятъ, такъ что трудно и признать христіанина.—Иные крестное знаменіе не по существу кладутъ на себя, лживо клянутся именемъ Божіимъ, лаются безъ зазору (безъ стыда) всякими неподобными рѣчами; даже у иновѣрцевъ не творится такого безчинства. Какъ Богъ терпитъ наше безстрашіе?" Изъ этихъ указаній видно, что древнее благочестіе, которымъ были сильны русскіе, начинало колебаться отъ грубости нравовъ; что даже духовныя лица не всегда соблюдали церковное благочиніе, и грубыя языческія суевѣрія (волхвованіе на просфорахъ) начали закрадываться въ церковную жизнь. Наконецъ, изъ словъ царя видно, что въ самой общественной жизни было много грубости и безчинства, противнаго христіанскому духу.

Соборъ, обсудивъ предложенные царемъ вопросы, порѣшилъ принять мѣры противъ указанныхъ золъ и недостатковъ. Рѣшено было, чтобы священники изъ среды своей избирали протоіереевъ въ церковные старосты — пастырей „искусныхъ, добрыхъ и житіемъ непорочныхъ". Старосты съ ихъ помощниками, десятскими, должны были наблюдать, чтобы въ церквахъ все (звонъ, богослуженія и всякія требы) совершалось благочинно, и чтобы всѣ священники творили свое дѣло благообразно, какъ слѣдуетъ по уставу. Избранные старосты должны являться для испытанія и поученія къ митрополиту. Въ соборныхъ храмахъ должны храниться божественныя правила, съ которыми они обязаны постоянно справляться. Если найдутъ священныя книги въ какой-либо церкви неисправныя, съ ошибками, то пусть протопопы и старѣйшіе священники соборнѣ (сообща) исправятъ ихъ, руководясь хорошимъ переводомъ, и писцамъ, списывающимъ книги, пусть велятъ списывать съ добрыхъ переводовъ и повѣрять. Иконы писать иконописцамъ постановлено только съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали, а „отъ своего замышленія" ничего не измѣнять. Обученіе дѣтей грамотѣ возложено на обязанность священниковъ. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ домахъ благочестивыхъ и искусныхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ постановлено учредить училища, куда бы посылать всѣмъ православнымъ христіанамъ своихъ дѣтей для ученія грамотѣ, церковному чтенію и письму. Наставники должны были внушать ученикамъ страхъ Божій и наблюдать за ихъ нравственностью. О жизни священниковъ постановлено, что они должны показывать примѣръ всякихъ добродѣтелей, благочестія, трезвости. На пирахъ и во всякихъ мірскихъ сборищахъ священникамъ должно

духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства и смѣхотворенія отнюдь бы и сами не дѣлали, и дѣтямъ своимъ духовнымъ запрещали... Для того, чтобы сдерживать народъ отъ безчинства, рѣшено по торгамъ кликать, чтобы православные христіане отъ мала до велика не клялись ложно именемъ Божіимъ, непристойными словами не бранились, бороды не брили, усовъ не подстригали, такъ какъ обычай дѣлать это не христіанскій, но латинскій и еретическій. Постановилъ соборъ также настоятелямъ и игуменамъ строго наблюдать, чтобы „церковный чинъ (порядокъ) и монастырское строеніе“ ни въ чемъ не нарушались бы. Все должно сообразоваться съ божественнымъ уставомъ, съ правилами св. отцовъ и апостоловъ. Иноки должны остерегаться всякаго грѣха и предосудительнаго дѣла, остерегаться хмельного, не должны держать по кельямъ ни водки, ни пива, ни меду, а пить квасъ и другіе нехмельные напитки; фряжскія (иноземныя) вина не запрещаются, такъ какъ нигдѣ не написано, что нельзя ихъ пить. Гдѣ есть въ монастырѣ эти вина, то иноки „пусть пьютъ во славу Божію, а не ради пьянства“. Пища у игуменовъ должна быть общая съ братьею.

Кромѣ этихъ вопросовъ, на соборѣ обращено было вниманіе на другія безчинства и суевѣрія. Заявлено было, что на свадьбахъ играютъ скоморохи, и когда къ церкви вѣнчаться ѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а предъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ. Эти скоморохи, собравшись большими ватагами, ходятъ по деревнямъ, творятъ всякія насилія, грабятъ имущество крестьянъ, даже разбоемъ занимаются по дорогамъ. Дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники (гуляки) зернью играютъ, пьянствуютъ, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и много зла творятъ, иногда даже грабятъ и разбойничаютъ. По селамъ и деревнямъ ходятъ лживые пророки и пророчицы, мужики и бабы; иногда обнаженныя, распустивъ волосы, трясутся и убиваются и говорятъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, заповѣдаютъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, не мыть и пр. Вооружается соборъ и противъ языческихъ гаданій и суевѣрій, перечисляетъ суевѣрныя гадательныя книги (Рафли, Шестокрылъ, Воронограй и др.), нападаетъ на языческія игрища наканунѣ Иванова дня, Рождества, Крещенія и пр.

Но при всемъ добромъ желаніи духовныхъ лицъ, собравшихся на соборѣ, они были не въ силахъ устранить указанныя безчинства и суевѣрія. Да и что могъ сдѣлать соборъ? Постановлялъ онъ, напр.,

заводить училища въ домахъ священниковъ, а между тѣмъ тутъ же на соборѣ объяснялось, почему приходится ставить въ попы и дьяконы лицъ, которыя „грамотѣ мало умѣютъ“; не поставить ихъ—святыя церкви будутъ безъ богослуженія, православные будутъ умирать безъ покаянія; а когда святители этихъ ставленниковъ спрашиваютъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, они отвѣчаютъ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ“. Кому же было учить, когда не только ученыхъ священниковъ, но даже знавшихъ порядочно грамоту было очень мало? Кому было править неисправныя церковныя книги, находить „добрые“ переводы, съ которыхъ дѣлать списки? Малограмотные священники, при всемъ ихъ добромъ желаніи, могли скорѣе портить, чѣмъ исправлять книги. Откуда было выбирать такихъ церковныхъ старостъ, которые дѣйствительно могли бы блюсти во всей чистотѣ Христово ученіе и православіе, наставлять другихъ священниковъ, когда, по справедливому выраженію Максима Грека, тогдашніе русскіе грамотники „по чернилу только бродили, силы же писаннаго не разумѣли“? Сильный упадокъ просвѣщенія — даже и въ средѣ духовенства—вотъ самая главная причина тѣхъ неурядицъ, которыя занимали духовенство на соборѣ. Но оно видѣло главную причину, подобно царю, только въ томъ, что „прежніе обычаи поисшатались и прежніе законы порушены“, и думало строгими предписаніями и запрещеніями помочь бѣдѣ. Не понимали тогда и лучшіе люди, что духъ вѣры и благочестія подавлялся невѣжествомъ и мертвою обрядностью. Сами святители обряду и внѣшности придавали слишкомъ большое значеніе: на ряду съ тяжкими грѣхами ставятъ они иноземную одежду и бритье бороды. Да если бы и признано было на соборѣ, что главное зло, съ которымъ надо бороться,—это общее и крайнее невѣжество, то и тогда они не въ силахъ были бы скоро помочь бѣдѣ: невѣжество—болѣзнь, отъ которой общество исцѣляется только вѣками.

24. Начало книгопечатанія на Руси.

Умному, начитанному царю Іоанну Васильевичу IV захотѣлось завести книгопечатаніе у себя на Руси, въ Москвѣ, и онъ совѣтовался о томъ съ митрополитомъ. Великій труженикъ книжнаго дѣла митрополитъ Макарій благословилъ намѣреніе царя съ великою радостію и при этомъ пояснилъ, что книгопечатаніе—„даръ

свыше сходящій" и что мысль эта внушена царю самимъ Богомъ. Послѣ того озаботились пріисканіемъ мастеровъ. Въ 1547 году царь поручилъ нѣмцу Шлитту набрать въ нѣмецкой землѣ разныхъ мастеровъ и художниковъ, а въ томъ числѣ и типографщиковъ, но нѣмецкіе мастера не достигли Россіи. Потомъ по просьбѣ царя датскій король прислалъ мастера завести у насъ книжное дѣло; но прибывшій въ Москву типографщикъ предлагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ царю принять вѣру лютеранскую, которая тогда только-что распространилась въ Даніи, и привезъ съ собою Библію и двѣ другія книги, въ которыхъ излагалось Лютерово ученіе. Могъ ли православный царь принять такое предложеніе? Пригласить католика къ печатанію священныхъ книгъ было не менѣе того опасно. И вотъ оказались тогда у насъ свои русскіе люди, постигшіе новое искусство и сверхъ того возлюбившіе его всѣмъ сердцемъ. То были—діаконъ отъ церкви Николы Гостунскаго [1]) въ Кремлѣ Иванъ Ѳедоровъ, да еще нѣкто Петръ Тимоѳеевъ по прозванію Мстиславецъ. Отъ заѣзжихъ людей—итальянцевъ или отъ славянъ, побывавшихъ въ Венеціи или Краковѣ, узнали они о книгопечатаніи, доискались, поняли, какимъ способомъ это дѣло творится, и всѣмъ сердцемъ готовы были начать его у себя на Руси. Неизвѣстно, кто именно научилъ нашихъ первопечатниковъ, но надо полагать, что учителя были итальянскаго, а не нѣмецкаго происхожденія: это видно изъ того, что всѣ названія типографскихъ снарядовъ и названія мастеровъ не нѣмецкія, а итальянскія. Итакъ, нашлись свои мастера печатники, нашлись и, сверхъ ожиданія, взялись устроить дѣло печатанія. Товарищъ ихъ, Нефедьевъ, бывавшій въ Новѣгородѣ, говорилъ, что тамъ Васюкъ Никифоровъ умѣетъ рѣчь (т.-е. слова) всякую вырѣзывать; выписали Никифорова въ Москву. Стали потомъ пріискивать мѣсто для типографіи и нашли на Никольской улицѣ, гдѣ и стали возводить зданіе Печатнаго Двора. Устроеніе типографіи продолжалось десять лѣтъ.

Въ 1563 году 19 апрѣля начали печатать первую книгу, а 1 марта 1564 года она выпущена была въ свѣтъ,—то были Дѣянія Апостольскія, Посланія Соборныя и святого апостола Павла Посланія. Наши первые печатники были и исправителями, по ны-

[1]) Церковь Николы Гостунскаго не сохранилась. Когда строена была колокольня „Иванъ Великій", то церковь эта была снесена. Память же о ней сохранилась и донынѣ въ пристройкѣ къ колокольнѣ, именуемой соборомъ Гостунскимъ, гдѣ устроенъ престолъ св. Николая Чудотворца.

нѣшнему корректорами, а по тогдашнему справщиками, и наборщиками, и словолитцами. Дѣло изъ ихъ рукъ вышло дѣйствительно изумительнымъ. Чистота, отчетливость буквъ и красота въ книгахъ первой печати нашей поразительна. Вся азбука одной мѣры и одного рисунка. Азбука взята была изъ крупнаго полууставнаго письма нашего. Ея строчныя буквы толсты, слегка изогнуты и наклонены вправо. Краска прекрасная и не только черная, но и красная (киноварь) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и въ рукописяхъ буквы окрашивались краснымъ цвѣтомъ.

Казалось, что успѣхъ дѣла въ самомъ его началѣ обѣщалъ дальнѣйшее его процвѣтаніе. Царь Иванъ Васильевичъ не жалѣлъ своей царской казны на печатное дѣло и на успокоеніе мастеровъ, но противъ нихъ и противъ дѣла печатанія возстала крамола снизу: переписчики, которыхъ было такъ много, поняли, что печатанныя книги отобьютъ отъ нихъ выгоды. И стали они распространять въ народѣ клевету на печатниковъ и на самое ихъ дѣло. Это-де еретики, волшебники, и дѣло печатанія—дѣло худое. Невѣжды, подговоренные врагами печатанія, бросились на Печатный Дворъ и сожгли его. Печатникамъ пришлось бѣжать изъ Москвы. Они ночью тайкомъ выѣхали въ дальній путь, захвативъ съ собою самонужнѣйшія для своего дѣла орудія. Куда же имъ было направить свой путь, какъ не въ Литву, гдѣ среди знатныхъ людей было нѣсколько защитниковъ православія, устроителей училищъ, монастырей и братствъ. Близъ Бѣлостока, въ своемъ владѣніи Заблудовѣ, жилъ тогда вельможа Ходкевичъ. Къ нему направилъ свое шествіе діаконъ Ѳедоровъ съ цѣлью продолжать излюбленное имъ дѣло печатанія. Иванъ Ѳедоровъ смотрѣлъ на дѣло распространенія книжнаго просвѣщенія посредствомъ печати, какъ на дѣло Божіе, свыше ему врученное, и видѣлъ въ себѣ распространителя Божественнаго ученія. Въ то время какъ Ѳедоровъ занялся у Ходкевича напечатаніемъ „Евангелія Учительнаго“, его сотрудникъ Петръ нашелъ себѣ пріютъ у Мамоничей въ Вильнѣ и на иждивеніе этихъ вельможъ напечаталъ Евангеліе напрестольное и Псалтирь. Послѣднимъ трудомъ Ивана Ѳедорова въ Заблудовѣ было печатаніе Псалтиря съ Часословцемъ. Панъ Ходкевичъ почему-то не могъ или не хотѣлъ продолжать типографское дѣло у себя и закрылъ типографію, печатника же хотѣлъ оставить у себя для письменныхъ трудовъ. Ходкевичъ полюбилъ Ивана Ѳедорова за его терпѣніе и кротость и передалъ ему во владѣніе небольшое помѣстье. „Неудобно мнѣ,—отвѣтилъ ему Ѳедоровъ,—плугомъ или сохою и сѣяніемъ сѣмянъ

жизнь мою сокращать; я имѣю вмѣсто плуга мое художество, мои сосуды (т.-е. орудія печати), вмѣсто сѣмянъ пшеницы или ржи, могу сѣять духовныя сѣмена по вселенной". „Я убоялся Христа моего (разсказываетъ такъ Иванъ Ѳедоровъ въ предисловіи къ позднѣе имъ напечатанной Библіи), который спроситъ у меня: „Лукавый рабе, зачѣмъ не отдалъ серебра Моего художникамъ, а закопалъ талантъ свой въ землю?" Отказался Иванъ Ѳедоровъ ото всѣхъ удобствъ привольной жизни въ Заблудовѣ, у гостепріимнаго Ходкевича, и снова пустился въ путь—на этотъ разъ въ Галицію.

Древнее Галицкое княженіе, или Червонная Русь, нынѣ принадлежитъ Австрійской имперіи. Главный городъ этой области, называемой Галиціею, Лембергъ по-нѣмецки, а по-русски Львовъ. Населеніе въ Галиціи смѣшанное: крестьяне и граждане—русскіе, помѣщики и знать—поляки. Православную Русь связываетъ съ Галиціей языкъ, близкій къ нашему настолько же, насколько близокъ намъ языкъ малороссовъ. Теперь господствующая вѣра въ Галиціи римско-католическая. Прежніе православные стали уніатами, т.-е. признали власть папы и ученіе римской церкви, хотя обряды церковные они удержали по древнему, по православному. О нашей связи съ Галиціей и до сихъ поръ напоминаетъ намъ титулъ кіевскаго митрополита: онъ называется „Кіевскимъ и Галицкимъ" отъ тѣхъ временъ, когда Львовъ и вся Галиція были православные и по церковному управленію зависѣли отъ кіевской митрополіи. Во времена нашихъ первопечатниковъ во Львовѣ было еще не мало православныхъ, старавшихся сохранить и вѣру православную и письмена церковно-славянскія. Во Львовѣ имѣлъ друзей и нашъ труженикъ діаконъ Ѳедоровъ и туда они призывали его потрудиться во славу Божію печатаніемъ священныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Тамъ открывалось поле для духовнаго посѣва, и благочестивый діаконъ, вмѣнивъ прибыль житейскую въ ничто, отвергъ выгодныя предложенія Ходкевича и направилъ стопы въ недалекій Львовъ, куда призывало его учрежденное при Успенской церкви братство.

Нищимъ пришелъ онъ въ незнакомый городъ и молился только объ одномъ: о дарованіи ему силъ и средствъ потрудиться для духовнаго просвѣщенія своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. „Податель христіанамъ истинной мудрости, вразуми меня, и испытаю законъ Твой, и не отыми отъ меня словесъ истины ради братій моихъ и ближнихъ",—вотъ подлинныя слова его молитвы. И сталъ онъ обходить богатыхъ и знатныхъ съ поклонами и слезными моль-

бами о помощи въ его дѣлѣ, но ничего не испросилъ. Упросилъ онъ только священниковъ повѣдать по церквамъ о томъ, чтобы христолюбцы помогли средствами начать печатаніе. Но и это было напрасно; не явилось сочувствующихъ ему ни въ русскомъ народѣ, ни среди жившихъ во Львовѣ грековъ. „И плакалъ я горькими слезами", повѣствуетъ онъ впослѣдствіи. Но чего не испросилъ онъ у богатыхъ, то наконецъ дали ему бѣдные, „какъ вдовица евангельская помогла двумя лептами". И вотъ при помощи небогатыхъ гражданъ и немногихъ духовныхъ лицъ началъ онъ все-таки свое дѣло и приступилъ къ печатанію Апостола, который былъ имъ оконченъ, по причинѣ скудости средствъ, только черезъ годъ (въ 1574 году). Бѣдность заставила Ивана Ѳедорова покинуть Львовъ. Передъ отъѣздомъ онъ заложилъ одному еврею всѣ типографскіе инструменты свои и формы и сверхъ того 140 книгъ рукописныхъ на русскомъ языкѣ.

Черезъ нѣкоторое время счастье озарило жизнь труженика. Въ южно-русскомъ краѣ, на Волыни, въ тогдашнемъ Польско-Литовскомъ королевствѣ, въ своемъ городѣ Острогѣ проживалъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Онъ былъ воеводой у короля Польскаго и владѣлъ своими родовыми помѣстьями. По роду онъ происходилъ отъ св. Владиміра, какъ и всѣ наши удѣльные князья. Многіе изъ этихъ князей сохранили свои владѣнія послѣ разоренія татарами всего южнаго края и Кіева. Когда образовалось великое княжество Литовское, князья русскіе подпали подъ власть государей литовскихъ. Въ то же время, о которомъ ведемъ рѣчь, Литва уже соединилась съ Польшею и составляла съ нею одно Литовско-Польское королевство подъ властью короля. Въ королевствѣ многіе русскіе князья и многіе знатные паны твердо держались вѣры своихъ предковъ, вѣры православной. Когда же начались попытки сдѣлать всѣхъ жителей земли Кіевской, Волынской и Галицкой римско-католиками подъ видомъ уніатовъ, тогда выступили на защиту православія люди знатные и сильные—изъ православныхъ. Въ числѣ ихъ былъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Острожскій строилъ православные храмы, возстановлялъ иноческія обители, для православныхъ юношей завелъ училище въ Острогѣ. Ревнителю просвѣщенія былъ на руку такой человѣкъ, какъ Иванъ Ѳедоровъ. Прослышавъ о немъ, князь Острожскій пригласилъ его къ себѣ вести у него дѣло печатанія. Князь Острожскій задумалъ напечатать цѣликомъ всю Библію, всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Дѣло это было мудреное и вмѣстѣ съ тѣмъ великое. Мудре-

ное, многотрудное потому, что списковъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія подъ руками не было. Нужно было достать ихъ всѣ заразъ, да притомъ хорошіе списки, правильные, безъ ошибокъ, свѣренные съ греческими. Долго искали хорошихъ списковъ, много монастырей греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ обошли посланные княземъ Острожскимъ справщики. Доходили они и до вселенскаго патріарха въ Царыградъ, требуя со тщаніемъ и моленіемъ прилежныхъ книгъ, добрыхъ, исправленныхъ. Только въ одной Москвѣ нашлись совершенные списки. Ихъ испросилъ у царя Ивана Васильевича Грознаго посланникъ польско-литовскаго короля, по вѣрѣ православный, Михаилъ Гарабурда и доставилъ князю Острожскому. Полныхъ списковъ Библіи, то-есть такихъ списковъ, гдѣ бы были по порядку переписаны всѣ книги Ветхаго Завѣта, и въ Москвѣ-то былъ одинъ или много два. А тутъ вдругъ тисненіемъ, печатаніемъ появилось сразу нѣсколько сотъ полныхъ Библій. Великое это было дѣло для русской церкви. Сильное орудіе появилось въ рукахъ православныхъ, которыхъ католики укоряли въ томъ, что они Священнаго Писанія не знаютъ и въ рукахъ его не имѣютъ. Въ началѣ Библіи, напечатанной въ Острогѣ, мы читаемъ умилительную молитву князя Острожскаго: „Боже, отче Вседержителю, благоволи нынѣ пріяти божественное и всесвѣтлое писаніе отъ мене грѣшнаго и умаленнаго раба Твоего: Твоя бо отъ Твоихъ воистину Тебѣ приносятся“... Послѣ молитвы князь говоритъ о томъ, что теперь имъ предлагаются всѣмъ „избраннымъ въ родѣ русскомъ книги обоего Завѣта, по порядку напечатанныя въ городѣ Острогѣ, въ землѣ Волынской“. Послѣ словъ отъ имени князя, издателя Библіи, читаемъ въ Острожской Библіи и такую краткую замѣтку: Сущіа же благопріятныя и душеисправительныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта напечаташася мною многогрѣшнымъ Іоанномъ Ѳедоровымъ сыномъ з Москвы въ богохранимомъ градѣ Острозѣ въ лѣто отъ созданія міра 7089 (т.-е. 1581 г. отъ Р. Хр.).

Окончивъ великое свое дѣло — напечатанія всѣхъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта или Библіи, нашъ первопечатникъ опять устремился во Львовъ къ бѣднымъ друзьямъ своимъ. Онъ явился туда бѣднымъ, какъ и прежде. Богатство текло къ нему, но онъ не прилагалъ къ нему сердца. Желая во Львовѣ умножить слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ-Христово, онъ вновь принялъ на себя скорби и претерпѣлъ бѣды. Въ нуждѣ и горѣ окончилъ Иванъ Ѳедоровъ во Львовѣ свою подвижническую жизнь, не успѣвъ даже выкупить давно заложенные у еврея типографскіе свои сна-

ряды. На могилѣ его положена простая плита съ надписями, достойными вниманія—вверху: „Успокоенія и воскресенія изъ мертвыхъ чаю“, а внизу: „Друкарь (печатникъ) книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ“, т.-е. печатникъ книгъ, какихъ до него не бывало.

25. Крестьянская неволя.

Изстари, съ самаго начала Русской земли, крестьяне на Руси считались людьми вольными, назывались смердами, черными людьми и жили не только по деревнямъ, но и по городамъ. Были также на Руси и рабы (холопы), но они не считались крестьянами. Крестьяне могли владѣть землей, вести торгъ, рядиться съ кѣмъ угодно и на что угодно, даже могли владѣть холопами. А у холопа не было ничего своего; господинъ былъ воленъ безъ отвѣта не только надъ всѣмъ его добромъ, но и надъ его жизнью и смертью. Въ холопы попадали плѣнные, неисправные плательщики; въ холопы ину пору шли и вольные люди, которымъ и съ волей худо жилось. Подчасъ попадали въ холопы вольные люди и противъ своего хотѣнія, безъ вины: по суду неправому, по насиліямъ людей богатыхъ.

Пустопорожней земли на Руси лежало очень много, и занимать ее могъ всякій. Князья были рады, коли на гулящей землѣ садились люди, потому что съ обработанной земли шла въ княжескую казну подать, а съ души податей тогда не платили. Однако крестьянъ-собственниковъ было немного. Гулящую землю забирали подъ себя только тѣ, у кого хватало достатка поставить дворъ, запастись рабочей скотиной, сѣменами на посѣвъ и вообще всѣмъ хозяйствомъ. Такіе люди садились на землѣ въ особину, т.-е. не обществами, а каждый со своей семьей; земля эта, хоть и не купленная, становилась ихъ вотчиной, пока они платили съ нея подати. Но были и другіе люди, у которыхъ не хватало достатка, чтобъ обзавестись своей вотчиной. Такіе люди, собравшись вмѣстѣ, занимали дикую землю сообща, дѣлили ее на участки и обработывали, а потомъ обществомъ же и подати вносили. Наконецъ, много было народу совсѣмъ бѣднаго, неимущаго; такіе крестьяне шли на чужую землю и рядились съ вотчинникомъ. Вотчинникъ отводилъ имъ землю, давалъ рабочую скотину и все, что нужно на хозяйство. За это крестьяне пахали на него пашню, косили лугъ, работали и всякую другую работу, которую по рядной записи порядились отбывать. Хоть и тяжело было крестьянину, а все же лучше, чѣмъ умирать съ

голоду на даровой дикой землѣ. При счастіи, онъ могъ тутъ разжиться и, разсчитавшись съ хозяиномъ по уговору, обзавестись гдѣнибудь своей вотчиной. Крестьянъ, которые сидѣли на чужихъ вотчинахъ, съ годами все больше прибывало, особенно у богатыхъ и сильныхъ вотчинниковъ. Это оттого, что сильные и богатые люди сулили крестьянамъ разныя льготы; за такими хозяевами, кромѣ того, и жилось покойнѣе: крестьянинъ не боялся тогда никакихъ властей. Потому и богатые крестьяне зачастую своей землей не обзаводились, а жили на чужихъ вотчинахъ. Хотя при этомъ и приходилось иному терпѣть отъ хозяина тяготу и притѣсненіе, но крестьянинъ разсчитывалъ, что отъ такого худа еще можно уйти, потому что онъ человѣкъ вольный, а въ рабочихъ людяхъ тогда нуждались всѣ. Сначала вольные люди переходили съ одной земли на другую, когда хотѣли, а потомъ на это установился срокъ, хотя и не для всѣхъ. Люди нетяглые, которые жили за чужимъ тягломъ, т.-е. сыновья при отцѣ, братья при братѣ, племянники при дядѣ,— могли уходить во всякое время. А крестьяне тяглые, т.-е. тѣ, что рядились тянуть тягло вотчиннику, могли уходить только около Юрьева осенняго дня, покончивъ съ хозяиномъ всѣ разсчеты по уговору.

Къ концу царствованія Ивана Грознаго крестьянъ-собственниковъ оставалось немного. Крестьянинъ только и глядѣлъ, какъ бы схорониться отъ властей и налоговъ за обществомъ, либо за богатымъ и сильнымъ вотчинникомъ. Въ эту пору въ Московскомъ государствѣ составлялись по временамъ писцовыя книги, и подати платились съ земли, которая въ эти книги была записана. Если въ крестьянскомъ обществѣ или какой-нибудь вотчинѣ жило, напримѣръ, 100 человѣкъ тяглыхъ, то подати такъ и сходили съ 100 тяголъ, до новыхъ книгъ, хоть бы въ это время 20, 30 тяглыхъ прибыло или убыло. Богатые вотчинники и помѣщики переманивали къ себѣ крестьянъ разными посулами послѣ того, какъ писцовыя книги были написаны. Чрезъ это другіе вотчинники или общества, отъ которыхъ крестьяне перебѣгали, должны были вносить подать въ казну и за тѣхъ, что тянули тягло, и за тѣхъ, которые съ тягловыхъ земель ушли. Подать, и безъ того большая, становилась еще тяжелѣе; отъ этой тяготы уходили другіе, остальнымъ приходилось уже не въ мочь: народъ разбѣгался и земля ложилась пустою. А богатые вотчинники чрезъ это платили съ обработанной земли податей меньше, чѣмъ бы слѣдовало, хотя не всегда отъ этого было легче ихъ крестьянамъ. Залучивъ къ себѣ крестьянъ разными по-

сулами, богатые вотчинники зачастую не держали своего слова и обижали ихъ такъ, что многіе убѣгали прочь. Голодъ, повальныя болѣзни, войны и военные грабежи мѣстами тоже пустошили землю; уцѣлѣвшіе крестьяне нищали, а поборы съ нихъ росли. Отъ такого житья разбѣгались цѣлыя деревни: кто уходилъ въ батраки, кто въ казаки, кто отдавался въ холопы. Развелось пропасть бродячаго народа, пустующихъ земель все прибавлялось да прибавлялось, напослѣдокъ огромныя мѣста дичали сплошь и лежали пустопорожнія, словно въ степи или дикой пустынѣ; такъ, напримѣръ, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ по одной дорогѣ между Ярославлемъ и Вологдою стояло до полусотни деревень совсѣмъ пустыхъ: всѣ жители были въ бѣгахъ неизвѣстно гдѣ.

Хороша была воля крестьянская по закону, да не такъ хороша выходила на дѣлѣ. Эта воля только и отличалась отъ неволи, что Юрьевымъ днемъ; а въ Юрьевомъ днѣ не всегда и не для всѣхъ былъ прокъ. Надо было разсчитываться съ хозяиномъ во всемъ, въ чемъ записью порядился; надо было и казенную подать внести безъ недоимокъ. Недобрый хозяинъ при этомъ насчитывалъ на крестьянина, Богъ знаетъ сколько, и даже просто не пускалъ его силой. Кромѣ того, крестьянину мало было уйти, надо было пріискать себѣ мѣсто на другой землѣ, чтобы не остаться безъ пропитанія, а на весь крестьянскій выходъ давалось только три недѣли сроку. Однако Юрьевъ день былъ все-таки большой праздникъ для крестьянъ: въ Юрьевомъ днѣ видѣли они хоть какую-нибудь волю.

Передъ Иваномъ Грознымъ и особенно при немъ очень много было роздано мелкихъ вотчинъ и помѣстій служилымъ людямъ. Войны были частыя и тяжелыя; ратнымъ людямъ надо было дать достатокъ, чтобы они могли нести государеву службу, иначе въ нужное время Русская земля могла остаться безъ рати и безъ обороны. Но одной земли было мало; земля одна ничего не стоила и дохода не давала; доходъ помѣщику давали тяглые люди, которые жили на его землѣ. Между тѣмъ крестьяне на землѣ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ жили неохотно и уходили больше къ богатымъ. Оттого вотчины и помѣстья служилыхъ людей оставались безъ крестьянъ; земля ихъ пустовала, и государева ратная служба терпѣла изъянъ. Дѣло это задумалъ наладить Борисъ Годуновъ въ то время, когда при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ онъ правилъ государствомъ на всей своей волѣ. Борисъ Годуновъ тогда уже положилъ въ своихъ мысляхъ добраться до царскаго престола, а для этого ему нужно было набрать себѣ побольше сторонниковъ и добро-

хотовъ, чтобы при нуждѣ было кому за него стоять. На подмогу большихъ и знатныхъ бояръ надежды не было никакой: они смотрѣли на Бориса съ тайной злобой и завистью; каждый изъ нихъ былъ и самъ не прочь захватить высокое мѣсто Борисово и милость царскую. Самое прямое и выгодное для Бориса дѣло было — притянуть на свою сторону мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Въ нихъ была главная ратная сила, и Борисъ разсчитывалъ, что если они станутъ ему добра хотѣть, то большихъ бояръ нечего бояться. А чтобы добыть себѣ благопріятелей въ мелкихъ помѣщикахъ и вотчинникахъ, нужно было только не пускать съ ихъ земель тяглыхъ крестьянъ. Борисъ разсчитывалъ, что, помирволивши мелкопомѣстнымъ, онъ и ратную службу устроитъ, и царскую казну отъ недобора избавитъ. Тогда всякое тягло будетъ платить казенную подать за себя, и писцовыя книги не станутъ показывать податныхъ земель пустопорожними. Ради такихъ выгодъ въ 1592 году по наговору Бориса Годунова появился царскій указъ. Указъ этотъ заказалъ крестьянамъ выходъ въ Юрьевъ день и сдѣлалъ ихъ крѣпкими землѣ, на которой сидятъ. Черезъ пять лѣтъ вышелъ новый указъ: всѣхъ вольныхъ слугъ, которые служатъ господамъ съ полгода, либо больше, велѣно записать за тѣми господами въ холопы.

Точно буря поднялась на Руси: пошли между людьми побѣги, распри, раздоры; по дорогамъ умножились грабежи и душегубства; судамъ и тяжбамъ, обидамъ и притѣсненіямъ не было ни счету, ни конца. Черезъ нѣсколько лѣтъ приспѣла новая бѣда—неурожай, а за нимъ голодъ. Чтобы народъ не перемеръ съ голоду, крестьянамъ опять дали выходъ въ Юрьевъ день, но только тѣмъ, которые жили на земляхъ мелкихъ владѣльцевъ. Богатые могли прокормить своихъ тяглыхъ людей, а потому у нихъ крестьянскій выходъ оставался попрежнему заказанъ. Но черезъ два года опять всѣхъ крестьянъ сдѣлали крѣпостными, и скоро про крестьянскіе переходы въ Юрьевъ день не стало ужъ ни рѣчи, ни помину. Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ къ землѣ не всѣхъ крестьянъ, а только тяглыхъ; всѣ затяглые, гулящіе люди, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ оставались на волѣ, пока не шли въ тягло. А какъ не всякій затяглый крестьянинъ могъ прокормиться безъ земли и, чтобы не помереть съ голода, поневолѣ шелъ въ тягло, то поэтому крѣпостныхъ съ каждымъ годомъ все прибывало, а вольныхъ убывало. Крѣпостные люди однако еще не были на всей господской волѣ: господинъ не могъ владѣть крестьяниномъ, какъ владѣлъ холопомъ. Онъ продавалъ землю, а не крестьянъ; крестьяне

переходили къ новому господину не потому, что ихъ продалъ старый, а потому, что продалъ землю, на которой они сидѣли. Но такъ шло недолго: помѣщики и вотчинники стали мало-по-малу забирать крестьянъ въ свои руки, мѣнялись ими промежъ собою, переводили ихъ съ одной земли на другую. Крестьянская неволя становилась все тѣснѣе и тяжелѣе; крестьяне бѣгали, помѣщики переманивали ихъ и укрывали, и такъ тянулось не годъ и не два, а больше ста лѣтъ.

Горе горемычное на гору идетъ,
Горе горемычное котомочку несетъ,
А въ той ли котомочкѣ все камушки.
Одежда на горюшкѣ изорванная,
Обувка на горюшкѣ истоптанная,
Веревочкой горе подпоясано.
Голова у горюшки повсклочена,
Брови-то у горя понасупились,
Щеки-то у горя понаморщились,
Головой-то горе покачиваетъ,
Ногами-то горе прихрамываетъ:
Знать, что тебѣ, горюшко, знакома печаль.

Сыщики ѣздили по волостямъ и селамъ, сыскивали бѣглыхъ, наказывали ихъ крѣпко и ворочали къ прежнимъ господамъ, на прежнія земли. Но бѣгуны все не унимались. Тогда перевели тягло съ земли на людей, т.-е. подати стали сходить не съ земли, а съ душъ. Бѣглыхъ перестали ворочать на прежнія мѣста и правили подати съ каждаго, гдѣ бы кто ни жилъ. Господская воля надъ крестьянами выростала и крѣпла; помѣщики стали продавать ихъ безъ земли, ужъ не тайкомъ, а по закону. Съ небольшимъ черезъ сто лѣтъ послѣ Годунова, что крѣпостной крестьянинъ, что холопъ—сдѣлалось одно и то же. Такъ дожила крестьянская неволя до радостнаго дня 19-го февраля 1861 г., а съ нею дошла къ намъ и поговорка: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“.

26. Какой видъ представляло Московское государство въ XVII вѣкѣ.

Вездѣ просторъ; вездѣ раздолье полей; мѣстами засѣянныя нивы; но пустырей, луговъ и лѣсовъ гораздо болѣе. Вдоль боль-

нихъ дорогъ, разбѣгающихся отъ Москвы въ разныя стороны,— Можайки, Каширки, Владимірки и другихъ, по берегамъ Москвы-рѣки, Оки, Клязьмы и др., разбросаны монастыри, одинокія церкви, деревушки, большія и малыя усадьбы. Многія изъ нихъ существуютъ и теперь; большая часть церквей сохранили донынѣ свой первоначальный видъ; но всѣ эти прекрасные дома, эти готическіе замки, эти итальянскія виллы, эти просторныя хоромы съ фронтонами, колоннами и львами на крыльцѣ, которыя мы такъ часто можемъ видѣть въ окрестностяхъ Москвы, эти зеленѣющіе парки, эти темныя аллеи и узорчатые цвѣтники,— все это уже создалось въ ближайшія къ намъ времена. Предки наши, даже богатые и знатные, до половины XVIII вѣка довольствовались небольшими деревянными хоромами, держась пословицы: „не красна изба углами, а красна пирогами"; въ одномъ изъ царскихъ подмосковныхъ селъ, Измайловскомъ, гдѣ провелъ Петръ часть своего дѣтства, домъ былъ маленькій, деревянный, одноэтажный, и отъ времени почти вросшій въ землю. Садами тоже наши предки не занимались; разводить цвѣты началъ только царь Ѳеодоръ, а за нимъ, разумѣется, и нѣкоторые изъ его придворныхъ. Не заботясь о томъ, чтобъ украшать жизнь, русскіе XVII вѣка сажали только фруктовыя деревья, да разводили огороды; понятіе о садѣ и огородѣ сливалось въ понятіяхъ нашихъ предковъ, такъ что для того и другого понятія существовало одно только названіе—огородъ.

Такимъ образомъ старинная господская усадьба представляла слѣдующій видъ: небольшой бревенчатый домъ на возвышенномъ мѣстѣ; насупротивъ этого дома церковь; кругомъ дома, въ безпорядкѣ, толпились жилья челядинцевъ, клѣти и клѣтушки, амбары, конные и скотные дворы, гумна и огородъ съ яблонями, грушами, вишнякомъ, малиною, капустою, горохомъ, свеклою и пр.; далѣе избы задворныхъ крестьянъ. Что касается до небогатыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, до дѣтей боярскихъ и мелкихъ дворянъ, то они жили въ бѣдныхъ хуторкахъ; дома ихъ мало чѣмъ отличались отъ крестьянскихъ избъ и были, такъ же какъ онѣ, крыты соломой и даже иногда состояли просто изъ курныхъ избъ: такъ по крайней мѣрѣ можно думать по коротенькому извѣстію, сообщаемому однимъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Наконецъ, жилья крестьянъ, общій видъ деревни былъ тотъ же самый, какъ и теперь. Каждая изъ этихъ усадьбъ, даже самая незначительная, могла бы, повидимому, доставлять ея владѣльцу безбѣдное существованіе, потому что вездѣ было

земли, воды и лѣсу въ изобиліи. Вообще недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни у владѣльцевъ, даже самыхъ небогатыхъ, не было; амбары, даже въ самыхъ маленькихъ имѣніяхъ, были наполнены хлѣбомъ, скотные дворы могли доставлять изобильную и разнообразную пищу; лѣса были наполнены дичью; во многихъ мѣстахъ были пасѣки; изъ домашней шерсти ткалось сукно, изъ домашняго льна — холстъ. Но это самое обстоятельство, — что почти у всѣхъ было все свое, домашнее, — составляло одну изъ причинъ той мертвенности и неподвижности, которая поражала писавшихъ о Россіи иностранцевъ.

Человѣку свойственно жить въ обществѣ людей; ему нужно видѣть себѣ подобныхъ, говорить съ ними, обмѣниваться взаимными услугами, соединять свои силы, чтобъ достигать общаго благосостоянія; но огромныя пространства и рѣдкое населеніе Россіи препятствовали общенію нашихъ предковъ, а обиліе средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни устраняло тѣ причины, которыя побуждали людей въ другихъ странахъ къ жизни большими группами. Что же отъ этого происходило? То, что у насъ не было почти никакой промышленности, а, слѣдовательно, не было никакой торговли: всякій старался производить лишь столько, сколько было ему нужно для себя и своего семейства, и не думалъ что-нибудь продать или обмѣнять. Отъ этого, въ свою очередь, никто не заботился, чтобъ дороги содержались въ исправности: онѣ были наполнены рытвинами и ухабами; колеса то вязли въ пескѣ, то тонули въ грязи; по самымъ только бойкимъ изъ дорогъ тоже были вымощены накатникомъ; но эти мостовыя, которыя еще существуютъ кое-гдѣ, приводятъ теперь въ ужасъ проѣзжающихъ, принужденныхъ трястись по нимъ; даже рѣки, — эти пути, созданные самой природой, — и притомъ самыя значительныя, каковы Ока и Волга, представляли весьма мало удобствъ для сообщенія. Олеарій, иностранецъ, посѣтившій Россію въ половинѣ XVII вѣка, пишетъ, что судно, на которомъ онъ плылъ по Волгѣ, безпрестанно натыкалось то на мели, то на карчи, или деревья, свалившіяся съ берега въ рѣку. Но все еще плаванье по рѣкамъ считалось самымъ удобнымъ способомъ путешествія; что касается до сухопутныхъ дорогъ, то хотя по нѣкоторымъ и были ямы (поселенія людей, занимающихся извозомъ), а, слѣдовательно, движеніе могло производиться безостановочно, но зато не существовало никакихъ пріютовъ, въ которыхъ измученный путешественникъ могъ бы дать отдыхъ своимъ разбитымъ бокамъ. Дороги эти были, сверхъ того, и не безопасны; лѣса Новгородской

и Псковской губерній, муромскіе, брянскіе и другіе пріобрѣли грозную и доселѣ еще незабытую извѣстность въ этомъ отношеніи: по Волгѣ, начиная отъ Казани и до Астрахани, разъѣзжали удальцы и грабили плывшія суда. Одинъ іезуитъ, посѣтившій Россію въ концѣ XVII вѣка, разсказываетъ свое странствованіе отъ Астрахани до Москвы: какихъ бѣдствій онъ ни натерпѣлся! Судно, на которомъ онъ плылъ, загорѣлось по неосторожности судовщиковъ; добравшись кое-какъ до берега, онъ едва не былъ захваченъ кочевыми калмыками; потомъ принужденъ онъ былъ странствовать пѣшкомъ по слякоти и морозу, ночуя подъ открытымъ небомъ и питаясь кореньями... Что же, когда въ этихъ пустыняхъ путника застигала метель?.. При такихъ неудобствахъ сообщеній удивительно ли, что движенія, не вызываемаго притомъ нуждою, почти вовсе не было ни по нашимъ сухопутнымъ дорогамъ, ни по рѣкамъ? Олеарій, плывя отъ Москвы до Нижняго, встрѣтилъ всего одну барку.

И замѣтимъ: все, что выше говорено, относится къ самой населенной части тогдашней Руси. Что же надо сказать про мѣстности болѣе отдаленныя? Тамъ была почти пустыня: за Пензой начиналась голая степь не только безъ жилья, но на которой глазъ не находилъ даже дерева. Такая же степь разстилалась къ юго-востоку отъ нынѣшнихъ центральныхъ губерній — Рязанской, Орловской, Курской, а по другую сторону Волги и Камы до Уральскихъ горъ и Ледовитаго моря стояли непроходимые лѣса,—убѣжище раскольниковъ да дикихъ звѣрей. И въ самыхъ населенныхъ частяхъ Россіи, какъ сказано, было довольно пустынно. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, напримѣръ, что отъ Москвы до Вязьмы, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ, онъ проѣзжалъ только чрезъ одно селеніе. Эти дальнія разстоянія между жильями, эти дурныя, а нерѣдко и небезопасныя дороги были причиною того, что наши предки безъ особой надобности неохотно покидали свои жилища.

27. О повседневной жизни Москвы въ XVII в.

У иностранныхъ писателей есть замѣтки о повседневной жизни Москвы въ XVII вѣкѣ, какъ она являлась на улицѣ; они указываютъ на обычныя явленія этой жизни, которыя помогаютъ измѣрить уровень общежитія и гражданственности въ образцовомъ городѣ Московскаго государства. День начинался рано; лѣтомъ съ восходомъ солнца, а зимой еще до свѣта пробуждалось городское

движеніе; въ Китаѣ-городѣ раздавался уже среди толпы набатъ боярина, ѣхавшаго въ Кремль ударить челомъ государю. Москвитяне, замѣчаетъ Невиль [1]), любятъ ходить пѣшкомъ и ходятъ очень быстро. Но это замѣчаніе могло относиться только къ людямъ изъ простого народа: служилый человѣкъ считалъ неприличнымъ для своего званія являться на улицу пѣшкомъ; даже отправляясь недалеко, дома за три, онъ бралъ лошадь, и если не ѣхалъ на ней, то приказывалъ вести ее за собою. Лѣтомъ боярынъ ѣздилъ обыкновенно верхомъ, а зимой въ саняхъ, запряженныхъ въ одну рослую, обыкновенно бѣлую лошадь, съ сорокомъ соболей на хомутѣ, ею правилъ конюхъ, сидя верхомъ, безъ сѣдла. Сани выстилались внутри медвѣжьей шкурой, у богатыхъ бѣлой, у другихъ черной; о коврахъ не было и помину. Передки у саней были обыкновенно такъ высоки, что изъ саней едва можно было видѣть голову конюха. Множество слугъ провожало боярина, одни стояли на передкахъ, другіе посреди, бокомъ къ боярину, а нѣкоторые сзади, прицѣпившись къ санямъ. Лѣтомъ впереди боярина, ѣхавшаго верхомъ, также шло много слугъ. Еще пышнѣе и наряднѣе являлась на улицѣ благородная женщина, зимой въ саняхъ, лѣтомъ въ небольшой колымагѣ, покрытой краснымъ сукномъ и запряженной также въ одну лошадь, увѣшанную мѣхами или лисьими хвостами, что считалось лучшимъ украшеніемъ лошади, хотя, по отзывамъ иностранцевъ, это давало ей странный, безобразный видъ. На лошади сидѣлъ парень въ косматомъ полушубкѣ и часто босоногій. Въ экипажѣ сидѣла дородная госпожа въ широкой, нигдѣ не стянутой одеждѣ и такъ густо набѣленная, что съ перваго взгляда, по замѣчанію Таннера [2]), можно было подумать, что лицо ея обсыпано мукой. Въ ногахъ у нея помѣщалась служанка, замѣнявшая для нея скамейку. Все это въ соединеніи съ тряской, какую производила московская мостовая, дѣлало изъ поѣзда дородной госпожи картину, потѣшавшую иностранца. Знатную боярыню провожала многочисленная толпа слугъ, часто доходившая до 30—40 человѣкъ. Еще большей странностью поражало иностранца появленіе въ городѣ царицына поѣзда. Когда, говоритъ Маржеретъ, царица прогуливается, за ея каретою слѣдуетъ нѣсколько женщинъ, которыя сидятъ на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины; на нихъ бѣлыя по-

[1]) Невиль посѣтилъ Москву въ 1689 г. подъ видомъ польскаго гонца, а въ сущности бывшаго французскимъ шпіономъ.

[2]) Таннеръ былъ въ Москвѣ въ 1678 г. въ свитѣ польскаго посла Чарторыйскаго.

ярковыя шляпы, похожія на епископскіе клобуки, длинныя платья изъ алой матеріи, съ большими рукавами шириной болѣе 3 футовъ.

Хотя, говоритъ Невиль, въ Москвѣ болѣе полумилліона жителей, однакожъ найдется не болѣе 300 каретъ (колымагъ); но зато тамъ по всѣмъ площадямъ стоитъ болѣе 1000 извозчиковъ съ маленькими телѣжками или санями въ одну лошадь; за деньгу, говоритъ Маскѣвичъ [1]), извозчикъ скачетъ, какъ бѣшеный, съ одного конца города на другой, и поминутно кричитъ во все горло: гись, гись, а народъ разступается во всѣ стороны. Но въ извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другой деньги. Встрѣтясь съ другимъ извозчикомъ, онъ согласится скорѣе сломать у себя ось или колесо, нежели свернуть съ дороги. Въ полдень, въ обѣденное время, движеніе стихало, лавки закрывались; передъ ними видны были спящіе купцы или ихъ приказчики. Въ это время ни съ кѣмъ нельзя было вести никакого дѣла, все засыпало, какъ въ полночь; нѣтъ, говоритъ Олеарій, московитянина, какого бы ни былъ онъ состоянія, который не спалъ бы послѣ обѣда. Много некрасивыхъ явленій замѣчалъ иностранецъ днемъ на московской улицѣ: особенно поражало его постоянное употребленіе бранныхъ словъ, хотя это было запрещено царскимъ указомъ. По словамъ Олеарія, по рынкамъ ходили особые пристава, которые хватали и тутъ же на мѣстѣ наказывали виновнаго, но и они уставали наказывать на каждомъ шагу ругающійся и бранящійся народъ.

Еще больше темныхъ явленій совершалось ночью. День оканчивался рано, какъ рано и начинался; длинная ночь, при плохомъ устройствѣ городской полиціи, давала широкій просторъ для промысла лихимъ людямъ, которыхъ много было въ огромной столицѣ Московскаго государства. Ночью на площадяхъ и перекресткахъ стояла стража, смотрѣвшая за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ безъ фонаря; всякій, ѣхавшій или шедшій ночью безъ огня, считался воромъ или лазутчикомъ и немедленно отправлялся въ Стрѣлецкій приказъ для розыска и расправы. Всякій разъ, какъ били часы на Спасскихъ воротахъ, стоявшіе здѣсь караульщики ударяли палками по доскѣ столько разъ, сколько пробило часовъ. При домахъ бояръ и богатыхъ купцовъ также стояли сторожа, которые съ прочими городскими дозорами, услышавъ стукъ у Спасскихъ воротъ, вторили

[1]) Маскѣвичъ полякъ изобразилъ въ безхитростномъ разсказѣ положеніе поляковъ въ Москвѣ во время междуцарствія.

ему, давая этимъ знать, что они не спятъ. Между тѣмъ иностранцы единогласно говорятъ, что въ Москвѣ не проходило ночи безъ убійствъ и грабежей; они указываютъ и на главную причину этихъ безпорядковъ. Дворяне, говоритъ Маржеретъ, измѣряютъ здѣсь свое богатство числомъ служни, а не количествомъ денегъ; поэтому каждый изъ нихъ держитъ множество холопей; по свидѣтельству Олеарія, число ихъ въ нѣкоторыхъ боярскихъ домахъ доходило до 100. Но господа не давали своимъ холопамъ пищи, а платили имъ кормовыя деньги и въ такомъ маломъ количествѣ, что холопы едва могли кормиться на нихъ и оттого часто промышляли дурными средствами. Ночные сторожа служили плохою помѣхой лихимъ людямъ, напротивъ, даже помогали имъ и дѣлили съ ними добычу. Еще менѣе можно было обижаемому ждать помощи отъ обывателей: ни одинъ домохозяинъ, говоритъ Олеарій, не рѣшится высунуть голову изъ окна, а тѣмъ менѣе выйти изъ дома на помощь человѣку, подвергшемуся нападенію ночныхъ разбойниковъ, боясь, что послѣдніе сдѣлаютъ и съ нимъ то же или, еще хуже, подожгутъ его домъ. Коллинсъ указываетъ и на другое явленіе: обыватель боялся подать помощь умирающему, котораго находилъ на улицѣ, зная, что если застанутъ его около мертваго тѣла, сейчасъ поволокутъ въ Земскій приказъ, а тамъ скоро не раздѣлаешься. Оттого ночью по Москвѣ нельзя было ходить безъ оружія и провожатыхъ. Почти каждое утро на московскихъ улицахъ поднимали нѣсколько труповъ; количество ихъ страшно увеличивалось въ праздники и особенно на масляницу, когда къ разбоямъ присоединялись многочисленные смертные случаи отъ пьянства. По замѣчанію Коллинса [1]), въ Москвѣ не проходило масляницы безъ того, чтобы не подняли на улицахъ отъ 200 до 300 человѣкъ, погибшихъ отъ той или другой причины. Въ праздники множество пьяныхъ валялось по улицамъ, никто не прибиралъ ихъ, и на другой день многіе изъ нихъ оказывались мертвыми. Поднятые на улицѣ трупы отвозили на дворъ Земскаго приказа, гдѣ выставляли ихъ на три или на четыре дня, чтобы родственники или друзья погибшихъ могли взять и похоронить ихъ; когда же никто не являлся, трупы отвозили въ одинъ изъ „убогихъ домовъ“, бывшихъ въ Москвѣ; тамъ ихъ скла-

[1]) „Коллинсъ, врачъ царя Алексѣя Михайловича, жившій въ Россіи съ 1659 по 1667 г., возвратясь въ Лондонъ, издалъ сочиненіе, въ которомъ описалъ современную ему Россію; въ этомъ сочиненіи есть любопытныя подробности о царѣ, патріархѣ и вообще о состояніи Россіи“.

дывали въ общую яму, въ концѣ мая отпѣвали и хоронили всѣхъ вмѣстѣ, иногда труповъ по 300, по словамъ Коллинса.

Лихіе люди часто прибѣгали къ особенному средству поживиться на чужой счетъ: они поджигали дома зажиточныхъ людей, прибѣгали на пожаръ будто для спасенія имущества и воровали въ обширныхъ размѣрахъ. Оттого пожары въ Москвѣ чаще случались по ночамъ, вспыхивали вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ночныя убійства, воровство и пожары—вотъ обычныя явленія московской жизни, отмѣченныя иностранцами. Кромѣ злого умысла, пожары происходили и отъ неосторожности. Записки иностранныхъ путешественниковъ о Москвѣ наполнены извѣстіями о пожарахъ. Не проходило почти недѣли безъ того, чтобы не сгорали цѣлыя улицы. Пожары были, такъ сказать, привычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ, къ которому относились довольно равнодушно; если пожаръ истреблялъ сотню или двѣ домовъ, о немъ и не говорили много; только тотъ пожаръ считался въ Москвѣ большимъ и оставлялъ по себѣ память, который истреблялъ по крайней мѣрѣ 7.000 или 8.000 домовъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1634 г., Олеарій увидѣлъ въ Бѣлгородѣ обширные пустыри съ остатками сгорѣвшихъ зданій; незадолго передъ тѣмъ пожаръ обратилъ въ пепелъ до 5.000 домовъ; погорѣвшіе жили на пепелищѣ въ шалашахъ и палаткахъ. Для предупрежденія подобныхъ несчастій ночью ходили по городу стрѣльцы и сторожа съ топорами, которыми въ случаѣ пожара ломали сосѣднія зданія, домовъ 20, пока не доходили до ближняго угла или площади, и отвозили дерево дальше отъ огня; если же какое-нибудь зданіе надо было сберечь, его покрывали воловьей кожей, которую поливали водой. Впрочемъ, о сгорѣвшихъ домахъ и не жалѣли много: что было подороже изъ имущества—хранилось въ подземныхъ кладовыхъ, а дома скоро покупались совсѣмъ готовые на рынкѣ, гдѣ ихъ продавали тысячами; въ короткое время и безъ особенныхъ издержекъ ихъ разбирали, перевозили въ назначенное мѣсто и опять складывали. Въ Москвѣ были плотники, которые въ однѣ сутки ставили и отдѣлывали домъ. Легко понять, что это были за дома. Лизекъ [1]) даже видѣлъ на рынкѣ продававшуюся старую колокольню. Кромѣ того, въ обширныхъ лѣсныхъ рядахъ продавалось столько строеваго лѣса, что изъ него можно было, по выраженію одного иностранца, выстроить цѣлый городъ.

[1]) Лизекъ былъ секретаремъ германскаго посольства и составилъ записки о пребываніи этого посольства въ Москвѣ (1675 г.).

28. Московія и ея жители въ половинѣ XVII в. по Олеарію [1]).

Большого вниманія, вмѣстѣ съ отечественными источниками для изученія нашей старины заслуживаетъ также длинный рядъ произведеній о Россіи иностранцевъ, знавшихъ ее или лично, или по разсказамъ о ней очевидцевъ. Какъ люди въ большинствѣ случаевъ высоко образованные по тогдашнему времени и какъ посторонніе наблюдатели, они обращали строгое вниманіе на все, что поражало ихъ своею новизною, и часто могли подмѣчать то, что ускользаетъ отъ вниманія постояннаго наблюдателя. Въ этомъ отношеніи весьма видное мѣсто занимаетъ трудъ Олеарія, отличающійся полнотою, всесторонностью наблюденій и рѣдкою правдивостью разсказа.

Занимаемая тогдашней Москвой площадь была не особенно велика, такъ какъ слишкомъ недалеко было то время, когда ее выжгли до самаго Кремля — сначала крымскіе татары, а потомъ поляки; имѣла она не болѣе трехъ миль въ окружности [2]). Еще и тогда указывали до 40 тысячъ мѣстъ, гдѣ были жилыя помѣщенія. Такія страшныя опустошенія отъ пожаровъ весьма возможны здѣсь главнымъ образомъ потому, что, за немногими исключеніями, всѣ зданія построены изъ дерева и покрыты тесомъ, иногда дерномъ. Самое богатѣйшее мѣсто въ Москвѣ, безспорно, есть Кремль [3]), рас-

---

[1]) Олеарій былъ секретаремъ голштинскаго посольства, которое ѣздило въ Россію и Персію съ торговыми и научными цѣлями. Плодомъ троекратнаго путешествія Олеарія по Россіи (1633 г., 1636 г. и 1639 г.) было его сочиненіе „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію". „Это сочиненіе по большой наблюдательности автора, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, по множеству сообщаемыхъ намъ свѣдѣній и о нравахъ и о событіяхъ считается однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія XVI вѣка. Если Олеарій и не чуждъ непониманія русской жизни, мало доступной для иностранца, зато онъ добросовѣстенъ въ своихъ показаніяхъ".

[2]) Олеарій имѣлъ въ виду одинъ городъ безъ прилегающихъ къ нему деревень, а по Мейербергу (XVII в.) Москва имѣла въ окружности 38 верстъ.

[3]) Кремль—древняя крѣпость Москвы, была обнесена деревянною стѣною въ 1300 г. при князѣ Даніилѣ Александровичѣ, а въ 1367 г. Дмитрій Донской построилъ каменную. При отцѣ Грознаго это мѣсто оказалось тѣснымъ для быстро увеличившагося населенія и поэтому пространство крѣпости увеличили постройкою новой стѣны въ виду

кинутый на значительное пространство, обнесенный тремя каменными стѣнами и глубокимъ рвомъ и охраняемый многочисленнымъ войскомъ. Болѣе 50 церквей, 2 монастыря, дворцы и разныя казенныя зданія, почти всѣ каменныя, наполняютъ это сравнительно небольшое пространство. Особеннымъ великолѣпіемъ отличается новый въ итальянскомъ стилѣ дворецъ, выстроенный Михаиломъ Ѳедоровичемъ для своего сына, хотя самъ онъ продолжалъ жить въ старомъ деревянномъ дворцѣ, находя его болѣе полезнымъ для своего здоровья. Немногимъ уступали этому дворцу патріаршія палаты, также построенныя недавно. Надъ всѣми зданіями Кремля величественно высится колокольня Ивана Великаго, увѣнчанная позолоченнымъ и ярко блестящимъ на солнцѣ куполомъ. Въ сосѣдней съ этой колокольней находится другая, построенная Борисомъ Годуновымъ [1]) съ величайшимъ въ свѣтѣ колоколомъ въ 356 центнеровъ [2]). Звуки этого колокола можно слышать только въ праздники, во время большихъ торжествъ, и также при пріемѣ великихъ пословъ. Языкъ его приводятъ въ движеніе 24 человѣка снизу и нѣсколько человѣкъ надъ самымъ верхомъ, чѣмъ устраняется возможность сильныхъ ударовъ въ края, а, слѣдовательно, и опасность сотрясенія колокольни.

При выходѣ изъ Кремля чрезъ главныя ворота, на правой сторонѣ его находится замѣчательной архитектуры храмъ Св. Троицы (Василія Блаженнаго), про который разсказываютъ, будто онъ такъ понравился Ивану Грозному, что тотъ приказалъ строителю его выколоть глаза, чтобы онъ не могъ построить гдѣ-нибудь другого подобнаго. Вообще нужно замѣтить, что москвитяне отличаются необыкновенною любовью къ постройкамъ и украшеніямъ храмовъ; здѣсь знатный бояринъ имѣетъ собственную церковь во дворѣ и при ней причтъ, такъ что церковь можно встрѣтить почти чрезъ

Кремля между рѣками Москвою и Неглинной. Это укрѣпленное мѣсто названо Китай-городъ по имени родины Елены, супруги Василія Ивановича (Китай-городъ въ Подольскомъ воеводствѣ).

[1]) По лѣвую сторону отъ Ивана Великаго. Здѣсь теперь церковь Рождества Христова. Площадь у этихъ двухъ зданій называлась Ивановскою; сюда собирались граждане потолковать о своихъ дѣлахъ, запастись новостями, тутъ писались челобитныя, купчія, духовныя завѣщанія изгнанными изъ казенныхъ мѣстъ подъячими и тутъ же „били батогами несчадно“ (безъ пощады) за разныя преступленія; отсюда выраженіе: „кричать во всю Ивановскую“.

[2]) Центнеръ имѣлъ 100 фунтовъ и, слѣдовательно, колоколъ вѣсилъ 890 пудовъ. Скорѣе это былъ языкъ колокола въ 7000 пудовъ, изъ котораго впослѣдствіи вылили съ прибавкою металла Царь-колоколъ.

каждые пять домовъ. Всего въ Москвѣ храмовъ болѣе 2.000, и такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ позолоченныя главы, то издали, и особенно въ ясную погоду, городъ производитъ чудное впечатлѣніе. Не даромъ поэтому наши путешественники говорили тогда про Москву: „снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же онъ Виѳлеемъ“ [1]). Тутъ же, на площади предъ Кремлемъ и главный многолюдный рынокъ, захватывающій своей торговлей и нѣсколько сосѣднихъ улицъ; здѣсь для каждаго предмета торговли существуютъ спеціальныя мѣста—отдѣльные ряды, какъ: шелковый, суконный, золотыхъ дѣлъ, сѣдельничій, сапожный, портняжный, шапочный и друг. Направо отъ посольскаго двора по пути въ Кремль лежитъ Вшивый рынокъ, гдѣ въ хорошую погоду подъ открытымъ небомъ граждане имѣютъ обыкновеніе бриться и стричься и гдѣ отъ этого почва постоянно устлана довольно толстымъ слоемъ волосъ. Какъ эта часть города, называемая Китай-городъ, обнесена красной каменной стѣною, такъ и слѣдующая за нею — Царь-городъ, гдѣ течетъ рѣка Неглинная, окружена бѣлою; обѣ части служатъ мѣстомъ жительства бояръ и дѣтей боярскихъ, князей, именитыхъ гражданъ и купцовъ, а изъ ремесленниковъ—главнымъ образомъ хлѣбниковъ. Здѣсь же помѣщаются хлѣбные магазины, мясныя лавки, скотный рынокъ и кабаки, царская конюшня, монетный дворъ и литейный, гдѣ льютъ пушки и колокола русскіе мастера, нигдѣ не учившіеся этому ремеслу, а только видѣвшіе его производство у бывшаго здѣсь иностранца Фалькена. Далѣе идетъ по рѣкѣ Яузѣ часть города—Скородомъ, гдѣ имѣется рынокъ готовыхъ домовъ, клѣтей и другихъ построекъ. Съ южной стороны за Москвою-рѣкой примыкаетъ къ городу такъ называемая Стрѣлецкая слобода, обнесенная частоколомъ и земляннымъ валомъ. Этотъ отдаленный уголокъ отведенъ отцомъ Грознаго для мѣстожительства исключительно иностранныхъ воиновъ, въ виду сохраненія русскихъ гражданъ отъ того страшнаго пьянства, которому поголовно предавались здѣсь иностранцы. Эта часть города носитъ характерное названіе Наливки.

10-го апрѣля посламъ удалось получить приглашеніе смотрѣть на религіозную процессію Іерусалимскую изъ дворца въ церковь по случаю праздника Вербнаго Воскресенья. Впереди всѣхъ везли на дрогахъ дерево, увѣшанное яблоками, финиками и изюмомъ; тутъ же сидѣли 4 мальчика въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли: „Осанна!“ Далѣе

---

[1]) Т.-е. бѣдный, незначительный городокъ, каковъ былъ Виѳлеемъ по отношенію къ Іерусалиму.

несли иконы, хоругви и шли священники съ діаконами, хоръ, дьяки и подъячіе, князья и бояре. Наконецъ, шелъ самъ царь, поддерживаемый двумя князьями, и велъ за длинный поводъ лошадь, на которой сидѣлъ бокомъ патріархъ во всемъ облаченіи и благословлялъ народъ; тутъ же шли митрополиты, епископы, архимандриты и игумены. Около 50 мальчиковъ устилали путь, гдѣ должны проходить царь и патріархъ, своими красными одеждами или кусками разноцвѣтнаго сукна. Поровнявшись съ послами, царь остановился и чрезъ посланнаго освѣдомился о ихъ здоровьи. Какъ бы въ награду за любезность царя, патріархъ въ тотъ день дарилъ ему 200 рублей. Въ провинціальныхъ городахъ въ этой процессіи патріарха замѣняетъ епископъ или священникъ, а царя — воевода. Слѣдующая чрезъ недѣлю послѣ этого праздника Пасха празднуется съ большимъ торжествомъ въ продолженіе двухъ недѣль. Въ это время мужчины и женщины, старые и малые, богатые и бѣдные при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга словами: „Христосъ воскресе!“ — „Воистину воскресе!“ При этомъ цѣлуются и дарятъ крашеныя яйца, которыя тогда во множествѣ продаются по улицамъ. То же дѣлаетъ и царь по отношенію къ своимъ ближнимъ чинамъ и дворцовой прислугѣ [1]), а послѣ утрени перваго дня онъ навѣщаетъ заключенныхъ въ темницѣ, раздаетъ имъ тулупы и яйца и привѣтствуетъ каждаго словами: „Радуйтесь: Христосъ, умершій за ваши грѣхи, воистину воскресе нынѣ!

Передавая подробно свои впечатлѣнія отъ обзора столицы, Олеарій не упускаетъ случая тутъ же познакомить читателей со своими свѣдѣніями о Россіи вообще и о ея жителяхъ. Этими свѣдѣніями онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ собственнымъ наблюденіямъ и потомъ разспросамъ у свѣдущихъ людей. Россія тогда занимала площадь въ длину 450 нѣмецкихъ миль, въ ширину 240 и имѣла своею границею на сѣверѣ Ледовитый океанъ, на востокѣ рѣку Обь [2]), на югѣ владѣнія крымскихъ татаръ (по прямой почти линіи отъ Кіева до устья Терека) и на западѣ Польшу, Литву, Ливонію и Швецію. Понятно, что при такихъ широкихъ предѣлахъ климатъ и природа отличаются большимъ разнообразіемъ.

[1]) Царь христосовался, т.-е. „творилъ цѣлованіе въ уста“ только съ патріархомъ, митрополитами и епископами, а остальныхъ „жаловалъ къ рукѣ“, т.-е. позволялъ цѣловать руку.

[2]) Рѣка Обь не составляла въ то время восточнаго предѣла Россіи, такъ какъ русскіе уже прочно утвердились по Енисею, Ленѣ и простерли свои завоеванія до Амура.

Въ центральной части Россіи, т.-е. областяхъ близко прилегающих
къ Москвѣ, на которыя обратилъ Олеарій преимущественно св
вниманіе, климатъ замѣчательно здоровый, о чемъ можно судить и
рѣдкости здѣсь вообще болѣзней и по здоровому сложенію и долг
вѣчности обитателей. Рѣдкость болѣзней тѣмъ удивительнѣе, ч
большіе города содержатся весьма неопрятно, такъ что, напр., най
на улицѣ разлагающуюся падаль не было большой рѣдкостью да
въ самой столицѣ. Но моровыя повѣтрія часто страшно опустошал
цѣлые города, какъ это было съ г. Шуей, въ 1654 и 1655 г
когда изъ 224 дворовъ остался безъ жителей 91 дворъ. Зимы средне
и сѣверной полосы необыкновенно суровы и нужно было быть очен
осторожнымъ, чтобы не отморозить себѣ носъ, уши, руки или ног
земля часто даетъ трещины саженъ въ 20 длины и въ четверт
локтя [1]) ширины, а капля воды или слюны, пущенная съ высоты
быстро превращается въ ледъ, не долетѣвъ до земли. При таком
климатѣ, естественно, растительность могла бы погибнуть, если б
зимою не покрывали ее толстые слои снѣга, который охраняетъ
отъ стужи до весны, когда она обнаруживаетъ свою растительну
силу съ замѣчательною быстротою и развивается съ такимъ же в
ликолѣпіемъ, какъ и на родинѣ Олеарія, въ Германіи. Это обил
снѣга, при отсутствіи возвышенностей, дѣлаетъ весьма удобным
пути сообщенія зимою, когда сильныя, хотя и малорослыя, русск
лошади пробѣгаютъ въ одну упряжку отъ 8 до 12 миль и когд
вслѣдствіе этого, за два, за три, много за четыре рейхсталер
можно проѣхать 50 нѣмецкихъ миль [2]). Ѣзда производится зимо
на низкихъ саняхъ, обитыхъ лубкомъ или корою, а для дал
нихъ поѣздокъ, для предохраненія отъ стужи, ихъ обшиваютъ еш
сверху и снизу войлокомъ и устилаютъ овчинами; бояре же и бо
гатые люди развѣшиваютъ на задкѣ шкуру бѣлаго медвѣдя. Ду
не всегда употребляютъ, и кучеръ часто сидитъ на лошади вер
хомъ, а не на саняхъ или возкѣ. Совсѣмъ иное здѣсь лѣтне
путешествіе, когда непривычный иностранецъ долженъ перенест
страшныя муки отъ палящихъ лучей солнца и особенно отъ кома
ровъ и мошекъ, которыхъ производятъ въ обиліи громадныя ни
менности и отъ которыхъ единственное спасеніе — сѣтка и дым

[1]) Локоть равенъ $^3/_4$ аршина, т.-е. 12 вершкамъ.

[2]) Казенныхъ прогоновъ полагалось тогда по одной деньгѣ н
лошадь съ версты: за 50 миль или 250 верстъ такимъ образомъ пл
тили по 250 денегъ или 1 р. 25 к., а по новгородскому счету два с
половиною рубля, что вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Олеарія.

отъ костра, чѣмъ обыкновенно и пользуются при ночлегахъ на открытомъ воздухѣ.

Необозримыя пространства болотъ и лѣсовъ, главнымъ образомъ еловыхъ, березовыхъ и орѣшника, не препятствовали производству хлѣбопашества, вопреки ожиданіямъ Олеарія, и при незначительномъ трудѣ крестьянинъ получаетъ обильную жатву ржи и пшеницы, благодаря довольно тучной почвѣ. Но при всемъ томъ земледѣлецъ сѣетъ обыкновенно столько, сколько ему нужно для домашняго обихода, потому что сбытъ за границу не великъ, а внутри государства почти всюду имѣется собственный хлѣбъ. Не дѣлалъ земледѣлецъ запасовъ еще и потому, что не считалъ себя вполнѣ осѣдлымъ вслѣдствіе частыхъ войнъ, частыхъ побѣговъ отъ своихъ властей и моровыхъ повѣтрій. Особенно страдала Украйна [1]), гдѣ земледѣлецъ часто въ самую жаркую пору работы долженъ былъ оставлять свою созрѣвшую ниву и бѣжать отъ наступающаго врага, а зерновой хлѣбъ зарывать въ ямахъ. Неудивительно поэтому, что огромное количество плодоносной земли остается невоздѣланнымъ и на немъ растетъ густая, высокая трава, въ которой можетъ спрятаться лошадь по туловище и которую далеко не всю скашиваютъ на зиму для скота. Посѣвы дѣлаются недѣли за три до Иванова дня (24 іюня), такъ какъ до этого времени земля еще мерзлая и дуютъ холодные вѣтры, а чрезъ 7 или 8 недѣль уже производится уборка созрѣвшаго хлѣба. Русскіе сушатъ хлѣбъ въ снопахъ, а потомъ, по обмолотѣ, въ зернѣ на солнцѣ, а затѣмъ онъ ссыпается въ сараи или лежитъ въ кучахъ (ворохахъ). Что касается огородничества и садоводства, — продолжаетъ Олеарій, — то ими русскіе занимаются также не безъ успѣха. Здѣсь растутъ яблоки, вишни, груши, сливы и смородина хорошаго качества; есть порода яблокъ необыкновенно сочная, пріятная на вкусъ и до того нѣжная, что на солнцѣ просвѣчиваютъ зерна, но она не можетъ сохраняться долго. Огурцы, лукъ, чеснокъ разводятся во множествѣ, спаржа встрѣчается толщиною въ палецъ, но салата нѣтъ, и русскіе удивляются, какъ это иностранцы могутъ ѣсть такую траву; впрочемъ, въ послѣднее время и изъ русскихъ нѣкоторые стали его употреблять. Но особенное стараніе прилагаютъ русскіе къ разведенію дынь и уходу за ними; прежде всего они вырываютъ землю локтя на два, гдѣ предполагается посѣвъ, и кладутъ туда конскій пометъ, смѣ-

[1]) Украйною называлась окраина государства—нынѣшнія Харьковская, часть Курской и Воронежская губерніи.

шанный съ соломой, а поверхъ насыпаютъ хорошей земли и кладутъ въ нее сѣмена. Зерно такимъ образомъ получаетъ тепло отъ навоза и отъ солнца, а для защиты отъ ночного холода это мѣсто закрываютъ рамами со слюдой. Когда появится растеніе, то тщательно обрѣзываютъ у него лишніе ростки и усики. Въ концѣ концовъ получается плодъ весьма большихъ размѣровъ, достигающихъ иногда пуда, очень сладкій и необыкновенно вкусный. Цвѣты и зелень лучшихъ видовъ стали разводиться только при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, а до этого времени сады украшались только дикою розою или шиповникомъ, а изъ деревьевъ—черемухою, рябиною и калиною. Южныхъ плодовъ нѣтъ, а виноградныя вина доставляются изъ-за границы чрезъ Архангельскъ и изъ Астрахани, гдѣ произвелъ первый опытъ посадки виноградныхъ лозъ одинъ плѣнный западный монахъ, которому въ 1613 году приказано было развести виноградникъ для царя. Скоро послѣ этого виноградники появились и у частныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ежегодно продавали вина талеровъ на 100; въ Москву же ежегодно доставлялось отсюда отъ 56 до 60 большихъ бочекъ вина, не считая еще гроздій. При Олеаріи сюда былъ выписанъ изъ-за границы ученый садовникъ Яковъ Ботманъ—для бо̀льшаго усовершенствованія этого промысла. Съ большимъ успѣхомъ воздѣлывается въ Россіи ленъ и пенька; полотно было чрезвычайно дешево.

Въ лѣсахъ было много дикой пчелы, трудами которой пользовались жители. Несмотря на то, что огромное количество собраннаго этимъ путемъ меда шло на варку медовъ и другихъ напитковъ, а воскъ на свѣчи для храма и дома [1]), все-таки эти произведенія составляли еще довольно крупный предметъ торговли съ чужестранцами, причемъ главнымъ рынкомъ служилъ Псковъ. Охотникъ въ Россіи, по разсказу Олеарія, почти на каждомъ шагу встрѣчалъ тетеревей, рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ, журавлей и лебедей. Все это продавалось весьма дешево, а на мелкую дичь, каковы дрозды, жаворонки и проч., не обращали никакого вниманія. Въ лѣсахъ водились медвѣди разныхъ породъ, много волковъ, лисицъ, зайцевъ, куницъ, соболей и рысей, доставлявшихъ мѣха, извѣстные и въ Западной Европѣ; водились также и лоси,

[1]) Освѣщеніе восковыми свѣчами было только у зажиточныхъ и то единственно въ праздники и какіе-нибудь торжественные дни, а въ будніе дни даже въ царскихъ палатахъ зажигались сальныя свѣчи; ихъ ставили въ подсвѣчники, но чаще въ слюдяные фонари; бывали изрѣдка и паникадила или люстры.

дикія свиньи и изрѣдка заходилъ съ сѣвера олень. Домашній скотъ—коровы и овцы—очень дешевы, и Олеарій удивляется, что ему разъ пришлось купить въ Ладогѣ жирнаго быка средней величины за 2 талера, а овцу за 10 копѣекъ. Рѣки и озера изобилуютъ разнаго рода рыбою; у Астрахани въ Волгѣ водится карпъ, который тамъ можно купить за шиллингъ [1]).

Русскіе мужчины, по словамъ Олеарія, отличаются своимъ высокимъ ростомъ, бѣлымъ цвѣтомъ кожи и силою мускуловъ. Красивымъ между ними считается тотъ, у кого окладистая борода и толстое брюхо. Такихъ обыкновенно выбираютъ для присутствованія при пріемѣ пословъ и всякихъ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Усы и бороды не бреютъ, волосы на головѣ коротко снизу обрѣзываютъ, а знатные люди нѣсколько подбриваютъ для щегольства, и только духовенство носитъ длинные волосы. Впрочемъ, въ случаяхъ царской опалы или смерти родственниковъ и міряне отпускаютъ себѣ волосы въ знакъ глубокой печали, подражая такимъ образомъ грекамъ, которые наблюдали такой обычай при несчастьяхъ. Взрослыя дѣвицы особенно заботятся о густыхъ волосахъ, и какъ для мужчины борода, такъ для дѣвицы толстыя, длинныя косы, распущенныя по плечамъ, считались признакомъ красоты; въ косы вплетались ленты или бахрома, иногда косникъ или накосникъ — золотая кисть [2]). Но замужнія женщины не имѣли права носить косы и вообще держать открытыми волосы и потому онѣ старательно скрываютъ ихъ подъ головнымъ уборомъ. Дѣти обоихъ половъ до десяти лѣтъ носятъ низко остриженные волосы съ локонами по вискамъ, такъ что только однѣ большія серебряныя или мѣдныя серьги въ ушахъ дѣвочекъ отличаютъ ихъ отъ мальчиковъ. Русскія женщины имѣли средній ростъ, красивыя и нѣжныя черты лица и стройное тѣлосложеніе. Но при всемъ томъ въ городахъ держится странный обычай непремѣнно румяниться и бѣлиться, особенно когда нужно появляться гдѣ-либо въ обществѣ или выходить со двора. Вы тогда, замѣчаетъ Олеарій, не увидите натуральнаго цвѣта лица, а лишь однѣ какія-то живыя маски, безобразно раскрашенныя и какъ бы обсыпанныя мукою. Даже невѣста, въ числѣ прочихъ подарковъ, получала отъ своего жениха непремѣнно коробочку бѣлилъ и румянъ, которую она брала безъ всякаго стѣ-

[1]) Въ шиллингѣ, равномъ новгородской деньгѣ, заключалось 4 копейки.

[2]) И теперь называются косниками кисти на концахъ узкихъ поясовъ, которые ткутъ крестьяне южныхъ губерній.

сненія. Разсказываютъ, между прочимъ, что жена князя Ивана Борисовича Черкасскаго, обладавшая замѣчательною красотою, не хотѣла подчиниться этому обычаю и отказалась скрывать лицо подъ густымъ слоемъ красокъ. Но тогда поднялись противъ нея женщины ея круга съ укоромъ за пренебреженіе этимъ стариннымъ обычаемъ и доказывали все неприличіе и даже грѣховность ея желанія показывать натуральное лицо. Волей-неволей княгиня должна была отказаться отъ „новшества“ и покорилась обычаю, который не позволялъ женщинѣ показывать свою красоту и вообще выдѣляться изъ толпы наружностью. Къ этому должно прибавить, что румяна состояли изъ красной вохры и испанскихъ бѣлилъ (висмута), изъ которыхъ за границею приготовляли краску для крышъ, что притиранья дѣлались неумѣло, отчего иногда получались бѣлыя брови, коричневые волоса и синія пятна на лицѣ, рукахъ и шеѣ, что, наконецъ, женщины чернили и зубы меркуріальными (ртутными) средствами и страшно этимъ портили ихъ. Какъ и мужчина, женщина-красавица должна обладать цвѣтущимъ здоровьемъ и дородностью тѣлосложенія, и поэтому худощавая женщина, которая не во вкусѣ русскихъ, чтобы потолстѣть, старается возможно больше лежать въ постели, пить водку въ большомъ количествѣ и спать возможно больше.

29. Отзывъ Олеарія о русскихъ нравахъ XVII столѣтія.

Если разсматривать русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ слѣдуетъ отнести къ варварамъ, ибо и теперь имъ далеко еще до того, что̀ еще въ древности были греки; и хотя русскіе хвалятся прибытіемъ къ нимъ грековъ и родствомъ съ ними, но они не имѣютъ ничего общаго между собою ни по языку, ни по искусствамъ. Русскіе не любятъ никакихъ высшихъ знаній, ни свободныхъ искусствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются и остаются невѣжественны и суровы. Большинство русскихъ, когда что-либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произноситъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ астрономію и астрологію они считаютъ волшебными науками. Они никакъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затменія солнца и луны, равно какъ дви-

женіе другой какой-либо планеты. Поэтому, когда по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что великій князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ астрономомъ, начались толки: въ Москву де скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ голштинскомъ посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возымѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности. Что касается до ума русскихъ, то хотя они остроумны и хитры, но способности эти употребляются не на добрыя и похвальныя дѣла, а для достиженія какихъ-нибудь личныхъ выгодъ, пользы для себя и для удовлетворенія своихъ желаній. Свою смышленость и хитрость русскіе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что́ и ка́къ купить или продать повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякаго рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать немалымъ умомъ. Скрывая сами истину, употребляя на каждомъ шагу ложь, они очень подозрительны и весьма не легко вѣрятъ другимъ; если же кому удастся обмануть ихъ какъ-нибудь, то они хвалятъ такого и считаютъ мастеромъ своего дѣла. Поэтому однажды нѣсколько московскихъ купцовъ очень просили одного голландца, который въ торговлѣ надулъ ихъ на огромную сумму, чтобы онъ вступилъ въ ихъ общество и велъ бы съ ними вмѣстѣ торговлю. Такъ какъ голландецъ зналъ разныя продѣлки въ торговлѣ, то сказанные купцы надѣялись, пріобрѣтя такого человѣка, повести торговлю самую прибыльную. Странно, однакожъ, что между русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при разсчетѣ лишнія деньги. Возвратить такія деньги они считаютъ себя обязанными потому, что передача такая случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, и удержать ее, стало быть, было бы просто воровство.

Чтобы выместить на комъ-нибудь ближнемъ, противъ котораго они питаютъ злобу и ненависть, свою досаду, русскіе прибѣгаютъ къ слѣдующей продѣлкѣ: такъ какъ воровство считается у нихъ преступленіемъ, влекущимъ довольно строгое наказаніе, то они ищутъ случая обвинить въ немъ нелюбимаго ими человѣка, для чего отправляются къ нему, берутъ у него взаймы деньги, подъ которыя оставляютъ въ залогъ платье, посуду и другія вещи, также

потихоньку иногда пробираются въ домъ къ нему или незамѣтно всовываютъ ему въ сапогъ (въ которомъ русскіе имѣютъ обыкновеніе носить письма, ножи, деньги и другія малыя вещи) какую-нибудь изъ своихъ вещей, и затѣмъ взводятъ обвиненіе и объявляютъ, что тотъ самъ укралъ у нихъ эту вещь. Если заявленныя такимъ образомъ вещи дѣйствительно найдутся у обвиняемаго, то его тотчасъ же подвергаютъ наказанію. Вообще ложные доносы и обманъ между русскими въ такомъ ходу, что ихъ можно опасаться не только со стороны чужихъ людей и сосѣдей, но и со стороны братьевъ или супруговъ. Въ прежнее время по такого рода злымъ и ложнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія государя, виновнаго тотчасъ же, безъ всякихъ допросовъ, доказательствъ и оправданій, подвергали наказанію и отправляли въ ссылку или даже казнили смертью, и не только низшаго званія людей, но часто и высшихъ сословій, чужестранцевъ или своихъ—все равно. Когда же наконецъ дознали, что большею частью обвиненія эти и доносы безстыдно дѣлались, безъ всякаго основанія и единственно только изъ ненависти и вражды другъ къ другу, то правительство русское рѣшилось поступать въ такихъ случаяхъ осторожнѣе и постановило, чтобы впредь въ уголовныхъ дѣлахъ обвинители и доносчики, для подкрѣпленія и утвержденія своихъ обвиненій, прежде всего сами подвергались пыткѣ. Если на пыткѣ доносчикъ остается при первомъ своемъ показаніи и доносѣ, то тогда уже принимаются за обвиняемаго, подвергаютъ его также пыткѣ, или же если обстоятельства дѣла ясны, прямо, безъ всякаго дальнѣйшаго суда, приступаютъ къ наказанію.

Русскіе также, особенно тѣ изъ простолюдиновъ, которые вышли въ знатные люди по счастью или по богатству, по какой-нибудь службѣ или должности, чрезвычайно высокомѣрны и горды, что и стараются они выказывать, преимущественно по отношенію къ иностранцамъ, не только какимъ-нибудь намекомъ, но и открыто, разными тѣлодвиженіями, словами и дѣйствіями. И такъ какъ всякаго иностранца они считаютъ ниже людей своей земли и видятъ въ немъ нѣчто особенное, то точно такъ же думаютъ, что и ни одинъ государь въ мірѣ не можетъ сравняться съ ихъ великимъ княземъ ни по богатству, могуществу и величію, ни по почету и достоинству. Они не примутъ никакого письма, надписаннаго къ царю, если въ немъ сдѣланъ ничтожный пропускъ въ титулѣ или что-нибудь неизвѣстное имъ. По своему высокомѣрію русскіе и сами между собою ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу, спорятъ за почетнѣйшія

мѣста и часто заводятъ о нихъ большія ссоры. Такъ случилось однажды даже въ нашемъ присутствіи въ Нижнемъ-Новгородѣ. Прибылъ туда изъ Москвы осмотрѣть нашъ вновь выстроенный корабль и засвидѣтельствовать свое почтеніе посламъ дворецкій государственнаго канцлера, человѣкъ весьма почтенный. Вынужденный сѣсть за столомъ подлѣ одного пристава, онъ затѣялъ съ нимъ страшный споръ; бранныя слова были ихъ отборными титлами другъ друга. Дворецкій полагалъ, что онъ, какъ сынъ боярскій или дворянинъ, долженъ сидѣть выше пристава, происходившаго изъ простого званія людей. Приставъ же, въ свою очередь, опирался на то, что онъ слуга великаго князя, и ему, ради его государя, по праву принадлежитъ высшее мѣсто. Вообще русскіе народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ, что непривыкшій къ этимъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣпятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это нерѣдко дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные русскіе господа и даже князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьми. Большой вѣжливости и досточтимыхъ нравовъ у русскихъ нечего искать: достоинства эти имъ совершенно чужды.

Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, не имѣя желанія ознакомиться и съ чуждыми народами и ихъ свойствами, русскіе, весьма естественно, въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ. Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ бояръ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о постыдныхъ порокахъ, разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Порокъ пьянства распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низ-

шими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадаетъ извозчикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго, то взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить или похмелиться, чѣмъ бы то ни было, но большею частью просто водкою. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ или собраніяхъ имъ поднесетъ чарку и болѣе водки, а простой народъ, холопы или крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой-нибудь знатный боярinъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить, изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣхъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, причемъ иногда отдаютъ тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды, въ нашу бытность въ Россіи, когда служащіе въ посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные бояре, даже царскіе великіе послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство своего государя, тоже не знаютъ никакой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и если только напитки эти придутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческій смыслъ, а иногда до смерти опиваются. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные дома или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги водку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что заработывалъ, приносилъ въ кабакъ и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ихъ продавцу за водку, а затѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Съ недавняго времени, впрочемъ, всѣ эти общественные кабаки, принадлежавшіе частью царю, частью боярамъ, уничтожены, такъ какъ они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать послѣднюю заработанную копейку; теперь никто уже не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копейки, на шиллингъ или грошъ: вмѣсто кабаковъ теперь одинъ лишь царь отъ себя содержитъ въ каждомъ городѣ такъ называемый кружечный дворъ или домъ, изъ котораго отпускается водка только цѣлыми кружками или штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые

ежегодно доставляютъ въ царскую казну неимовѣрное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ такого распоряженія повседневное пьянство мало уменьшилось, ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки и не разстаются, пока не опорожнятъ посуды, причемъ часто тутъ же и свалятся другъ подлѣ друга. Нѣкоторые же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ. Поэтому хотя теперь не видно уже такого множества до-гола пропившихся, но все-таки немного меньше прежняго встрѣчается пьянаго народу, шатающагося и валяющагося по улицамъ. Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться допьяна и валяться пьяными на дорогѣ. Русскіе большіе любители также табаку, и за нѣсколько лѣтъ передъ симъ каждый изъ нихъ носилъ табакъ при себѣ, такъ что простой и бѣдный человѣкъ копейку свою скорѣе отдастъ на табакъ, чѣмъ на хлѣбъ. Когда же увидали, что людямъ отъ табаку не только нѣтъ никакой пользы, но дѣлается, напротивъ, видимый вредъ, то это было причиною, что великій князь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, совершенно воспретилъ торговлю и употребленіе табаку, вмѣстѣ съ частною продажею водки и пива. Виновныхъ противъ этого запрещенія строго наказываютъ: выдергиваютъ имъ ноздри и всенародно сѣкутъ розгами, какъ это видѣли мы сами.

Такъ какъ русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держатъ всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ палками или плетью, къ какому обращенію они довольно терпѣливы, потому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе, и они привыкли къ этому. У нихъ ужъ такой обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами, рабами и крѣпостными царя и дорожатъ этимъ названіемъ, такъ и бояре русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ. Князья и великіе бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество передъ царемъ, между прочимъ, въ подписяхъ, на просьбахъ своихъ и другихъ бумагахъ къ царю подписываютъ обыкновенно имена свои уменьшительными словами,

какъ, напримѣръ, Ивашка вмѣсто Иванъ, Петрушка холопъ твой и т. п. Самъ великій князь, когда разговариваетъ съ кѣмъ, употребляетъ такія же уменьшительныя имена. Случается также, что великіе бояре за преступленія свои подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ. Вслѣдствіе всего этого они говорятъ даже, что все, что они имѣютъ, принадлежитъ Богу и ихъ великому князю. Иностранцы, состоящіе на службѣ, также должны унижаться передъ царемъ и всегда быть готовы исполнить его приказанія, нравятся или не нравятся они имъ. И хотя царь обыкновенно милостиво обходится съ знатнѣйшими людьми, но эти послѣдніе легко могутъ потерять это обращеніе и заслужить его немилость. Въ прежнее время было весьма опасно состоять придворнымъ врачемъ при великомъ князѣ: если данное имъ лѣкарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ царя, или если больной умиралъ, несмотря на лѣченіе, тогда врачъ впадалъ въ величайшую немилость и съ нимъ поступали какъ съ рабомъ.

Русскіе строго повинуются своимъ господамъ и военноначальникамъ, вѣрно и крѣпко стоятъ за нихъ, и если бы у нихъ были опытные чужеземные полковники и вожди (а въ этомъ-то у нихъ и большой недостатокъ), то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырскаго духа, хотя болѣе въ крѣпостяхъ и городахъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ. Въ битвахъ на открытомъ полѣ, въ осадахъ городовъ и крѣпостей русскіе не такъ храбры и стойки. То, что въ прошломъ году русскіе взяли городъ Смоленскъ, имѣя войска болѣе 200.000 человѣкъ, такъ же мало можетъ свидѣтельствовать о ихъ храбрости, какъ и то, что въ 1632 году они съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ должны были отступить отъ него, и оба эти случая не доблестны для русскихъ, хотя въ оба раза не обошлось безъ подозрѣнія въ измѣнѣ. Хотя русскіе, особенно простой народъ, живя въ рабствѣ и подъ жестокимъ гнетомъ, изъ любви къ господамъ своимъ могутъ сносить и вытерпливать весьма многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, тогда въ нихъ возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, если не высшему, то ближайшему ихъ начальству. Такъ бываетъ, напримѣръ, тогда, когда ихъ черезчуръ уже притѣсняютъ ихъ непосредственные начальники или даже люди изъ ихъ же среды, и они не видятъ защиты отъ высшаго начальства. Если же однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то не легко бываетъ усмирить

ихъ. Тогда они пренебрегаютъ всѣми предстоящими имъ опасностями, становятся способны на всякое насиліе и жестокость, дѣлаются совершенно безумными людьми.

30. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ.

Постъ считался столь существенною принадлежностью и необходимою стихіей истиннаго благочестія и глубокой нравственности въ глазахъ русскаго человѣка, что безъ него самая нравственность для него была немыслима. Иностранцы жалуются, что русскіе называли ихъ собаками за то, что они ѣли скоромное въ постные дни. Послѣ того намъ не долженъ казаться страннымъ и пристрастнымъ отзывъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, которые говорятъ, что постъ былъ какъ бы составною частью самой религіозной жизни русскаго народа. Русскіе любили много поститься и самый постъ соблюдали очень строго. Иностранцевъ поражали наши частые посты и большое количество у насъ постныхъ дней; особенно страннымъ это должно было казаться протестантамъ. Олеарій говоритъ, что у русскихъ въ теченіе года можно было насчитать болѣе постныхъ дней, чѣмъ мясоѣда. Еще болѣе удивляла иностранцевъ та строгость, съ которою у насъ соблюдались посты; въ постные дни не позволялось ѣсть мясной и молочной пищи, и особенною строгостью въ этомъ отношеніи отличалось время великаго поста. Въ первую недѣлю в. поста русскіе употребляли въ пищу только медъ, капусту, овощи и другую растительную пищу, а для питья употребляли лишь квасъ и воду. Въ то же время они любили ходить въ баню, чтобы тамъ вымыться отъ прежнихъ грѣховъ, часто посѣщали церковь и дома предавались молитвеннымъ упражненіямъ. Какъ на особенность этого времени, можно указать на то, что русскіе, по словамъ иностранцевъ, старались въ это время получать у священниковъ благословеніе. Нѣкоторые во время этого поста принимали пищу только по воскресеньямъ и субботамъ, а въ остальные дни воздерживались отъ всякой пищи и только въ полдень съѣдали кусокъ хлѣба. Другіе принимали пищу по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, а остальные три дня недѣли ничего не ѣли. Весьма многіе довольствовались кускомъ хлѣба съ водой въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Царь и Царица первые три дня поста проводили въ постѣ и молитвѣ, бодрствованіи, поклонахъ;

надѣвали худшія одежды и ничего не ѣли до среды; въ этотъ день Царь разрѣшалъ себя отъ поста однимъ кускомъ сладкаго хлѣба, который раздавалъ и своимъ боярамъ. Затѣмъ Царь опять постился съ вечера среды до полудня субботы, когда онъ приступалъ къ евхаристіи; тогда же онъ получалъ антидоръ, и такимъ образомъ разрѣшалъ свой постъ. Такимъ же точно образомъ проводили первую недѣлю в. поста бояре и вообще высшія правительственныя лица: въ продолженіе этихъ дней никуда не выходили изъ своихъ домовъ и предавались благочестивымъ упражненіямъ; они ежедневно ходили въ церкви и клали непрестанно поклоны; каждый изъ нихъ день и ночь молился въ своей церкви и занимался чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ. Въ эту недѣлю русскіе оставляли житейскія занятія: Царь и бояре не занимались въ это время мірскими дѣлами, кромѣ особенно важныхъ государственныхъ. Простой народъ также не производилъ въ эти дни ни продажи, ни покупки. Свѣтская власть, съ своей стороны, принимала мѣры къ тому, чтобы святость этихъ дней не была нарушена какимъ-нибудь безчинствомъ. Съ утра перваго дня в. поста до среды Свѣтлой Недѣли закрывались всѣ лавки, по крайней мѣрѣ, тѣ, въ которыхъ продавалось мясо. Равнымъ образомъ закрывались всѣ кабаки и питейные дома: они запечатывались стрѣльцами и въ такомъ видѣ оставались до среды Свѣтлой Недѣли. И горе было тому, кто въ эти дни встрѣчался въ пьяномъ видѣ или съ рюмкою водки; виновнаго тотчасъ запирали въ холодную, связывали назадъ руки и въ такомъ видѣ возили по городу въ сопровожденіи палачей, которые провозглашали всѣмъ его вину и стегали его по спинѣ плетью, сдѣланною изъ бычачьихъ сухожилій. Затѣмъ его обратно отводили въ темницу, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться то время, на которое осужденъ. Такія строгія мѣры заставляли русскихъ быть осторожными въ эту недѣлю. Такъ же строго наблюдали за поведеніемъ народа и въ слѣдующія недѣли, каждую среду и пятницу, во всю Страстную Недѣлю и въ первые четыре дня Свѣтлой Недѣли. Въ Страстную Недѣлю Царь говѣлъ вмѣстѣ съ боярами и разрѣшалъ свой постъ только въ Великій Четвергъ послѣ причащенія, и затѣмъ воздерживался отъ всякой пищи до самой Пасхи.

Эти свидѣтельства иностранцевъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русскіе въ строгомъ соблюденіи постовъ видѣли выраженіе высшей набожности и благочестія. Необыкновенная привязанность и уваженіе къ постамъ заставляли болѣе благочестивыхъ людей налагать на себя сверхъ обязательныхъ еще добровольные

посты въ тѣ или другіе дни, въ тѣ или другіе періоды времени. Изъ свидѣтельствъ иностранцевъ видно, что у насъ еще въ старину было въ обычаѣ освящать постомъ понедѣльникъ. У нашихъ писателей мы встрѣчаемъ и такія данныя, которыя несомнѣнно доказываютъ, что это глубокое уваженіе русскихъ къ постамъ доходило до чрезмѣрной строгости и мелочности. По ихъ словамъ, у насъ никого не освобождали отъ строгости постовъ; даже очень больнымъ людямъ не позволяли принимать въ постъ скоромной пищи; а матери заставляли поститься даже малолѣтнихъ дѣтей; если же дитя по болѣзни не могло поститься, то за него должна была, по церковнымъ постановленіямъ, поститься мать; ребенка уже съ двухлѣтняго возраста заставляли исполнять посты. Дѣти даже высшихъ семействъ подвергались такой же строгости. Когда супруга Алексѣя Михайловича, во время свирѣпствовавшей въ Россіи заразы въ 1654 году, удалилась съ семействомъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, то ей во все время ея тамошняго пребыванія (продолжавшагося около 4 мѣсяцевъ) готовилась только постная пища, несмотря на то, что при ней былъ еще малолѣтній сынъ ея Алексѣй. Грузинская царевна упрекала Царицу въ такой строгости: „Вы не боитесь Бога, говорила она Царицѣ, мы, по крайней мѣрѣ, взрослые, но чѣмъ виноватъ маленькій князь, это слабое дитя, что онъ долженъ мучиться постомъ?“ Но Царица не обратила на эти слова никакого вниманія. Эти примѣры ясно показываютъ, что русскіе въ своемъ усердіи къ посту доходили до крайней строгости. Но это и естественно: при отсутствіи просвѣщеннаго взгляда на вещи имъ недоставало болѣе твердой опоры для нравственнаго поведенія; отсюда колебанія и крайности въ этомъ поведеніи; отсюда происходило то, что во время постовъ они готовы были ничего не ѣсть и изможжали свою плоть, но зато въ другое время русскій предавался вполнѣ невоздержанію и разгулу, а случалось, что даже и въ посты они наводили на это время подвижничества нехорошую тѣнь своимъ пьянствомъ и неумѣренностью. Иностранцы замѣчаютъ, что если случался какой-нибудь праздникъ въ томъ же посту, который русскіе такъ строго соблюдали, то они до того напивались, что валялись по улицамъ, и это у нихъ не считалось и грѣхомъ; главное, лишь бы не осквернить себя мясомъ, и ни обѣщаніями, ни угрозами нельзя было склонить ихъ поѣсть мяса въ эти дни: это считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Русскіе различали самый родъ пищи, и употребленіе одного рода пищи у нихъ считалось болѣе душеспасительнымъ, чѣмъ другого; поэтому въ посту они воздер-

живались отъ всего мясного и молочнаго, и это исполнялось съ такою слѣпою покорностью, что больной готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ рѣшиться съѣсть что-нибудь скоромное въ посту. Русскій не станетъ ни ѣсть, ни пить послѣ того, кто ѣлъ мясо; если въ составъ лѣкарства входили какія-нибудь животныя вещества, то онъ не принималъ его, хотя бы это стоило ему жизни. Ножикъ, которымъ рѣзали мясо въ посту, цѣлыя сутки считался скоромнымъ. Русскіе считали и сахаръ скоромною пищею и потому не употребляли его въ посту; сначала, впрочемъ, пока не знали его состава, они его употребляли и въ постные дни, но когда одинъ иностранный купецъ сообщилъ патріарху, что въ его составъ входитъ яичный бѣлокъ, то патріархъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ посты отнюдь не употребляли сахару.

Что касается благочестія и нравственнаго характера практической обыденной жизни русскихъ, то иностранцы описываютъ эту сторону ихъ жизни такими чертами, въ которыхъ видна та же наклонность къ внѣшнимъ пріемамъ благочестія и та же привязанность къ внѣшнимъ формамъ и символамъ набожности. По ихъ словамъ, русскій человѣкъ начиналъ день молитвою и не выходилъ даже изъ дому, не помолившись Богу и святымъ; утромъ, прежде чѣмъ принимался за какую-нибудь работу, онъ повергался ницъ предъ иконою и творилъ пространную молитву, и вообще русскіе часто любили молиться и набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. И этотъ обычай строго соблюдался всѣми, начиная съ простого поселянина, проводившаго борозду на своей нивѣ, и оканчивая боярами и князьями, засѣдавшими въ царской думѣ. Всякій бояринъ считалъ своимъ долгомъ предварять дневную работу церковною службою. Кромѣ самаго ранняго утра, ихъ трудно было найти свободными: каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ домѣ красивую церковь и заботился объ ея украшеніи, стараясь превзойти въ этомъ отношеніи всѣхъ сосѣдей; при этой церкви онъ держалъ 3, 4 священниковъ, которыхъ кормилъ и одѣвалъ; если бояринъ собирался строить домъ, то непремѣнно тутъ же строилъ и церковь. Всякій бояринъ не иначе являлся къ Царю, какъ выслушавъ предварительно у себя дома полную службу, начиная съ полунощницы и оканчивая обѣднею. Большая часть бояръ имѣла обыкновеніе ежедневно пріѣзжать съ своими женами на обѣдню въ придѣлъ митрополита Петра. Русскіе любили такъ много молиться, что по количеству вычитываемыхъ ими молитвъ они превосходили нѣкоторыхъ святыхъ. Трудно встрѣтить людей, которые могли бы сравниться

съ русскими въ усердіи къ молитвѣ. Нѣкоторые не принимались даже за пищу, не выслушавъ литургіи. Все, что только напоминало русскому человѣку о Богѣ, тотчасъ возбуждало въ немъ молитвенное расположеніе и чувство: такимъ образомъ попадался ли на встрѣчу путешественнику открытый храмъ, онъ не миновалъ зайти туда и выслушивалъ всю службу, и хотя бы церковь была даже заперта, онъ все-таки становился предъ церковными дверями на колѣни и молился съ поникшей головою. При видѣ церкви, монастыря или креста русскій человѣкъ не пропускалъ случая осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и проговорить свою краткую молитву: „Господи, помилуй!“ Дома и въ дорогѣ, пѣшкомъ и на конѣ, онъ всегда соблюдалъ этотъ обычай; если при часовнѣ или церкви какимъ-нибудь монахомъ собирались деньги, то всякій проходящій старался сдѣлать приношеніе по своему усердію.

Въ особенности же усердно и часто молились русскіе во время какихъ-либо тяжкихъ общественныхъ испытаній; въ эти минуты русскій народъ искалъ утѣшенія въ религіозномъ чувствѣ. А когда отправлялись на войну, можно было подумать, что идетъ настоящая священная война за вѣру. Война освящалась именемъ вѣры и на нее шли съ крестомъ. Предъ отправленіемъ въ походъ Цари обыкновенно посѣщали чудотворную икону Св. Николая въ Можайскѣ и приносили большіе дары, чтобы онъ даровалъ имъ побѣду надъ врагами. Самыя дѣйствія и распоряженія военныя также освящались вѣрою, а иногда имѣли даже таинственное значеніе. Одинъ иностранецъ замѣчаетъ, что передъ отправленіемъ въ походъ Алексѣй Михайловичъ предварительно обошелъ всѣ монастыри въ Москвѣ и получилъ благословеніе у монаховъ; при этомъ онъ заказалъ сдѣлать новыя хоругви, и его провожали съ крестомъ за ворота дворца. Здѣсь онъ приложился къ иконѣ Влахернской Божіей Матери и кресту Св. Константина, который въ этотъ походъ долженъ былъ носить предъ нимъ крутицкій митрополитъ. У церкви Благовѣщенія стояли священники, которые окропляли святой водой проходившія войска. Вечеромъ Царь вошелъ въ церковь безъ вѣнца, на другой день въ соборѣ былъ молебенъ. Все духовенство вышло провожать Царя до самаго дворца; здѣсь, на лѣстницѣ, ведущей ко дворцу, стояли два епископа и кропили святой водой всѣхъ проходившихъ; это шествіе продолжалось до самой часовни, которая была украшена разными матеріями. Здѣсь всѣ простились съ Царемъ; патріархъ благословилъ его; архіепископы и епископы поднесли иконы и всѣ стали подходить къ его рукѣ. Въ то же время разсылались

по всѣмъ мѣстамъ приказанія, чтобы духовенство совершило молебенъ съ крестнымъ ходомъ по случаю выступленія въ походъ, и затѣмъ при всякомъ извѣстіи о побѣдахъ были совершаемы благодарственные молебны. Умилительно было зрѣлище и тогда, когда Алексѣй Михайловичъ возвращался съ поля битвы. При въѣздѣ въ Москву (это было зимою) онъ зашелъ въ Новодѣвичій монастырь и встрѣтилъ вынесенныя ему иконы 3-мя глубокими поклонами, при чемъ касался челомъ почти самаго снѣга. Ему на встрѣчу вышло духовенство всѣхъ столичныхъ церквей съ хоругвями и крестами, во главѣ съ патріархомъ. Крестный ходъ ждалъ Царя у земляного вала; на извѣстномъ разстояніи Царь сошелъ съ саней и продолжалъ идти пѣшкомъ въ сопровожденіи бояръ и архіепископа тверского, который несъ предъ нимъ крестъ Константина Великаго, другіе несли мощи, иконы. По прочтеніи ектеніи и Евангелія патріархъ Никонъ сказалъ привѣтственную рѣчь, въ которой сравнивалъ Царя съ Моисеемъ, Гедеономъ, Константиномъ Великимъ. Царь, получивъ у него благословеніе, отвѣчалъ, что не скипетръ, не мечъ, не деньги, не войско помогли ему одержать побѣду надъ непріятелемъ, а его святыя молитвы. Никонъ вручилъ ему икону Божіей Матери, а Царь патріарху крестъ Константина Великаго и мощи Святого Златоуста. Затѣмъ во время шествія у каждыхъ городскихъ воротъ Царя окропляли святой водой. При громадномъ стеченіи народа и непрерывномъ гулѣ колоколовъ вошли въ соборъ. Царь приложился ко всѣмъ мощамъ и иконамъ, а Никонъ вынесъ ему даже ковчегъ съ ризой Господней.

Въ частной жизни, когда постигала кого тяжелая болѣзнь, грозившая смертью, надъ больнымъ совершали елеосвященіе и послѣ этого не давали ему пищи, доколѣ онъ не показывалъ лучшей надежды: въ это время ему давали только воду или теплое вино, въ которое были положены мощи, или просто окропляли ихъ святой водой. Нѣкоторые въ такомъ бѣдственномъ положеніи давали обѣты Божіей Матери и другимъ святымъ, и по выздоровленіи дѣлали въ честь ихъ серебряныя иконы. Другіе на одрѣ болѣзни изъявляли желаніе принять ангельскій образъ, и ихъ тутъ же постригали, и затѣмъ имъ въ теченіе 8 дней не давали никакой пищи, даже лѣкарства, потому что они причислялись уже къ небесному міру ангеловъ. Если же, противъ ожиданія, они выздоравливали, то все-таки исполняли данные ими обѣты монашества; если у кого была жена, то онъ разрывалъ бракъ съ нею и поступалъ въ монастырь.

Иностранцевъ особенно удивляла привычка русскихъ часто осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. Русскій человѣкъ не начиналъ никакого дѣла, не ознаменовавъ себя крестомъ и не призвавъ Божія благословенія. Намѣревался ли отправиться въ путешествіе, мореплаваніе, собирался ли пахать или принимался за другое какое-нибудь дѣло, онъ обращался къ священнику съ просьбой прочитать напутственную молитву. Русскіе нарочно обращались въ этомъ случаѣ къ священнику, потому что думали, что молитва будетъ имѣть больше дѣйствія, если она будетъ произнесена не ими самими, а устами священника; эти молитвы не были составляемы приспособительно къ частнымъ случаямъ, а брались изъ обыкновенныхъ церковныхъ молитвъ. Русскіе любили осѣнять себя крестомъ при всякомъ входѣ и выходѣ, когда ложились спать, вставали, выходили изъ-за стола, изъ дома или входили въ домъ. За обѣдомъ они осѣняли крестомъ все, что̀ принимали въ пищу или что̀ готовились испить; они ничего не могли взять въ ротъ, не перекрестившись предварительно, и думали, что только этимъ средствомъ можно низвести благословеніе на пищу и предохранить ее отъ дѣйствія всякихъ чаръ и колдовства. Наши Великіе Князья и Цари любили окружать себя во время своей трапезы монастырскою обстановкою. Не только въ званые обѣды, на которыхъ бывали митрополиты и патріархи, но и въ обыкновенное время у нихъ былъ за обѣдомъ благословенный хлѣбъ, который дѣлился на кусочки и раздавался присутствующимъ. Когда Алексѣя Михайловича угощали въ монастырской трапезной, то онъ ничего не ѣлъ мясного; мало того, когда онъ у себя угощалъ патріарха и епископовъ, то его обѣдъ отличался чисто монастырскою обстановкою; тутъ мы встрѣчаемъ тѣ же рыбныя блюда, ту же чинность, ту же просфору, даже чтецъ читалъ въ продолженіе обѣда житіе дневного святого, такъ что гость могъ подумать, что онъ обѣдаетъ не у Царя, а въ какомъ-нибудь монастырѣ.

Привязанность русскихъ къ внѣшнимъ предметамъ благочестія была причиною того, что они старались постоянно держать вблизи и окружать себя предметами своего почитанія; отсюда, кромѣ повсюднаго ставленія иконъ, возникъ также обычай носить на себѣ крестики. Обыкновенно при самомъ крещеніи возлагали на ребенка крестикъ, который онъ постоянно долженъ былъ носить на себѣ, и кто не носилъ его, тотъ почти не считался христіаниномъ. Если кого находили умершимъ скоропостижно безъ крестика, такого человѣка даже не хоронили по христіанскому обряду, потому что тутъ

являлось подозрѣніе, дѣйствительно ли онъ былъ крещенъ. Иностранцы говорятъ, что русскіе всѣ до одного имѣли обычай носить такіе кресты: они были золотые, серебряные, мѣдные или изъ другого матеріала, соотвѣтственно состоянію каждаго. При этомъ русскіе выказывали особенное благоговѣніе въ самомъ обращеніи съ предметами священнаго свойства. Когда они желали, напримѣръ, взять въ руки Св. Евангеліе, то предварительно дѣлали много поклоновъ, крестились и били себя въ грудь, а руку обвертывали какою-нибудь матеріей, чтобы не коснуться книги обнаженнымъ тѣломъ. Во время крестныхъ ходовъ и при другихъ случаяхъ, когда нужно было нести кресты, ихъ не касались обнаженною рукою, а носили въ особыхъ подставкахъ. Это же чувство особеннаго благоговѣнія не позволяло русскому человѣку входить, такъ сказать, въ близкое и частое соприкосновеніе съ нѣкоторыми священными предметами: онъ боялся, чтобы отъ такого обращенія съ ними не ослабѣло самое чувство благоговѣнія, и потому онъ дозволялъ себѣ также близость къ нимъ только въ минуты особенной душевной радости и торжества. Русскіе изъ особеннаго благоговѣнія не брали антидора, кромѣ великихъ праздниковъ. Патріархъ Макарій убѣждалъ Никона измѣнить этотъ обычай. Въ праздникъ Пасхи онъ самъ роздалъ антидоръ, и съ тѣхъ поръ этотъ обычай остался въ нашей церковной практикѣ. Вслѣдствіе того же благоговѣнія они не прикладывались также къ Евангелію на утрени и къ иконамъ; у насъ было въ обычаѣ только однажды въ году прикладываться къ иконамъ, именно въ Недѣлю Православія. Окружая такимъ почтеніемъ предметы своего поклоненія, русскіе въ то же время заботливо устраняли все, что могло бы нарушить и даже ослабить подобающую имъ честь. Такъ, напримѣръ, крестики, которые каждый изъ русскихъ долженъ былъ имѣть на себѣ, принято было носить такъ, чтобы они приходились прямо противъ груди и никакъ не опускались ниже. Равнымъ образомъ они не могли допустить, чтобы четки монаховъ висѣли у ихъ поясовъ, какъ у католическихъ монаховъ. Они не могли также ставить въ одномъ ряду священные предметы, напр., иконы, съ вещами житейскаго быта; тѣмъ болѣе не могли допустить прямого неуваженія и кощунства надъ этими предметами.

Далѣе, въ числѣ нравственныхъ чертъ свойства русскаго народа, въ которыхъ отразились его нравственно-религіозное настроеніе и набожность, иностранцы указываютъ на его любовь и готовность къ подаянію милостыни. По ихъ словамъ, русскіе думали, что ни-

чѣмъ нельзя такъ угодить Богу, какъ милостыней и пожертвованіями въ пользу церквей; они любили дарить нищихъ пищей и одеждой. Олеарій разсказываетъ о нашихъ купцахъ, что они каждое утро спѣшили изъ дома въ церковь, а отсюда по дорогѣ въ лавки, покупали на рынкѣ по нѣскольку хлѣбовъ, которые потомъ разрѣзывали на куски и раздавали нищимъ, которыхъ въ Москвѣ было очень много. Эти подаянія были такъ обильны, что остатки хлѣба нищіе засушивали въ печкахъ и продавали на рынкахъ цѣлыми мѣшками. Особенно передъ смертью многіе старались дѣлать богатыя пожертвованія и вклады въ церкви на поминъ души.

Иностранцы замѣчаютъ, что у русскихъ было также развито чувство совѣстливости, и замѣчательно, что такое свидѣтельство мы встрѣчаемъ даже у такихъ писателей, которые меньше всего способны хвалить насъ. Такъ Коллинсъ и другіе подобные ему иностранцы замѣчаютъ, что русскіе считали клятву весьма священнымъ дѣломъ и потому рѣдко прибѣгали къ ней даже на судѣ. Этимъ объясняется, что русскіе составляли худое мнѣніе о человѣкѣ, который давалъ клятву, такъ что хотя бы кто далъ и вѣрную клятву, онъ все-таки подвергался общему презрѣнію и на 3 года отлучался отъ причащенія и права входить въ церковь. Мы имѣемъ также свидѣтельство о томъ, что русскіе рѣдко злоупотребляли клятвою и ложно призывали имя Божіе. Кто давалъ ложную клятву, тотъ, кромѣ церковной епитиміи — лишенія причащенія до самой смерти, подвергался еще наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь. Въ знакъ клятвы принято было цѣловать крестъ, который давалъ имъ судья, или тотъ, который у каждаго висѣлъ на груди. Герберштейнъ такъ описываетъ клятву, которую в. князь Василій Ивановичъ далъ при перемиріи съ польскимъ королемъ: „Великій Князь взглянулъ на крестъ, который держалъ предъ нимъ одинъ бояринъ, и сдѣлалъ три глубокихъ поклона, причемъ опускалъ руку до самой земли; потомъ подошелъ ближе, шевеля губами, отеръ уста полотенцемъ, поцѣловалъ крестъ и коснулся имъ лба и обоихъ глазъ и затѣмъ снова перекрестился.

Вліяніе религіознаго чувства и нравственныхъ религіозныхъ понятій русскаго народа сказалось даже въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, составляющихъ особенность чисто народнаго склада и свойства его жизни. Подъ такимъ именно вліяніемъ выработался у насъ обычай ношенія бороды и укоренилось отвращеніе отъ употребленія табаку. Свидѣтельства XVI и XVII вѣковъ показываютъ, что въ то время касательно этихъ вещей у всѣхъ русскихъ существовали тѣ же мнѣ-

нія и понятія, какія и теперь у нашихъ раскольниковъ, которые лучше удержали у себя старинные народные взгляды и обычаи. Между тѣмъ въ этихъ мнѣніяхъ мы видимъ примѣръ того, какъ обычаи практической жизни проникаются религіознымъ сознаніемъ и началами вѣры; видимъ своеобразное отраженіе въ народномъ сознаніи религіозныхъ представленій, своеобразное пониманіе благочестія; словомъ, здѣсь религіозное сознаніе и правила благочестія окрашиваются краской народности. Еще въ первой половинѣ XVII вѣка у насъ строго запрещено было употребленіе табаку; это запрещеніе исходило совмѣстно отъ свѣтской и духовной власти, которая руководствовалась въ этомъ случаѣ и религіозными соображеніями. Куреніе табаку было признано зломъ, во-первыхъ, потому, что бѣдный народъ тратилъ деньги на табакъ, вмѣсто того, чтобы на него покупать хлѣбъ; далѣе, оно отвлекало крестьянъ и слугъ отъ работы и было причиною множества пожаровъ; но хуже всего было то, что русскіе, вмѣстѣ съ табакомъ, приносили съ собою скверный табачный запахъ въ самыя церкви и этимъ нарушали должное благоговѣніе къ иконамъ, предъ которыми слѣдуетъ воскурять ѳиміамъ, а не распространять зловоніе табачнымъ дымомъ. Патріархъ боялся, чтобы они не заразили иконъ этимъ вонючимъ запахомъ. Такимъ образомъ, въ 1634 году Царь вмѣстѣ съ патріархомъ издали приказъ, которымъ строго запрещалось употребленіе табаку, равно какъ и самая табачная торговля. За нарушеніе этого закона подвергали строгому наказанію: рѣзали носы и публично сѣкли. Олеарій самъ былъ свидѣтелемъ, какъ за такое нарушеніе подвергали всенародному наказанію кнутомъ мужчинъ и женщинъ. Этотъ законъ оставался въ дѣйствіи и послѣ, и о немъ упоминаютъ другіе писатели. Дѣйствіе этого закона распространялось и на иностранцевъ, жившихъ въ Россіи. Во времена Никона, который строго преслѣдовалъ всякаго рода безчинія, множество духовныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ Греціи, отправлено было имъ въ монастыри или въ Сибирь за то, что, живя у насъ, они не переставали курить табакъ.

Борода была въ особенномъ почтеніи у русскаго народа, и тѣмъ болѣе ему было пріятно видѣть окладистую и длинную бороду у высшихъ лицъ церковной іерархіи. У насъ ни старики, ни молодежь не брили бородъ и давали полный просторъ природѣ. Строгость русскихъ въ этомъ отношеніи доходила до того, что они даже иностранцевъ приневоливали держаться въ этомъ случаѣ ихъ обычая: до того они гнушались брадобритіемъ. Брить бороду въ глазахъ русскаго человѣка было не только преступно, но и глупо: бо-

рода считалась признакомъ мужества и мудрости человѣка. Но это уваженіе русскихъ къ бородѣ въ то же время было отмѣчено религіознымъ свойствомъ. Борода была однимъ изъ признаковъ внѣшняго отличія русскихъ отъ иностранцевъ, и такъ какъ, при свойственномъ русскимъ отчужденіи отъ послѣднихъ, всякое отличіе пріобрѣтало особенный вѣсъ, то и несущественная разница въ этомъ отношеніи легко получала весьма важное значеніе въ глазахъ русскаго человѣка: она одинаково отличала его отъ иновѣрцевъ вмѣстѣ съ другими дѣйствительно существенными признаками его вѣроученія и отъ этого сама она мало-по-малу пріобрѣтала значеніе въ смыслѣ отличительнаго признака православія, съ которымъ она съ тѣхъ поръ стала почти отожествляться. Борода и потому еще пользовалась особеннымъ уваженіемъ и имѣла неприкосновенный, такъ сказать, священный знакъ въ глазахъ русскаго народа, что въ церковной иконописи она составляла всегда необходимую принадлежность внѣшняго вида святыхъ. У русскаго человѣка такимъ образомъ естественно сложилось убѣжденіе, что борода не только освящена примѣромъ древности, но и составляетъ одну изъ принадлежностей святой богоугодной жизни. Въ этого рода представленіи утверждало народъ еще и духовенство, которое говорило, что такъ спасались ихъ предки, что и святые носили бороды. Русскіе такъ сроднились съ бородою, что отнятіе ея считали искаженіемъ образа Божія въ мужчинѣ. Когда впослѣдствіи, во времена Петра Великаго, этотъ любимый народный обычай подвергся преслѣдованію самой власти, и строгіе указы волей-неволей заставляли разставаться съ любимою бородой, русскій человѣкъ не разъ прибѣгалъ къ чисто дѣтскимъ хитростямъ и увертками, чтобы обмануть власть, чтобы только наружнымъ, видимымъ образомъ показаться исполнителемъ требованій высшей власти, а на самомъ дѣлѣ сохранить любимый предметъ: онъ старался успокоить свое внутреннее чувство тѣмъ, что не все еще потеряно, что хотя борода сбрита, но все-таки она продолжаетъ существовать, ее можно осязать во всякое время и даже считать, будто она дѣйствительно находится на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ многіе изъ русскихъ, уступая волѣ Царя, брили бороду, но сбритые волосы хранили у себя, какъ святыню, чтобы потомъ можно было вмѣстѣ съ нею предстать на судъ Божій и дать отчетъ въ правильномъ употребленіи Его даровъ.

Мы представили всѣ отличныя и выдающіяся черты, съ которыми выступаетъ религіозный бытъ и благочестіе русскаго народа въ описаніяхъ иностранцевъ. Если кратко очертить взглядъ ихъ на

нашъ религіозный бытъ, то слѣдуетъ сказать, что они смотрѣли на Россію, какъ на страну по преимуществу внѣшняго благочестія, гдѣ было много иконъ, церквей, колоколовъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить русскаго, отвѣшивающаго поклоны предъ многочисленными церквами и часовнями, гдѣ гулъ отъ колокольнаго звона заглушалъ слухъ, гдѣ соблюдались самые строгіе посты, гдѣ нравственность человѣка измѣрялась внѣшними подвигами. Но это не значитъ, чтобы иностранные писатели заподозрѣвали самое благочестіе русскихъ. Правда, люди, подобные Петрею [1]) и Коллинсу, не щадятъ насмѣшекъ и ѣдкихъ остротъ при изображеніи какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ нашего народа. Но болѣе честные и степенные люди вполнѣ признаютъ набожность и благочестіе русскихъ, хотя въ самомъ описаніи этого благочестія даютъ замѣтить, что они смотрятъ на эти благочестивыя упражненія, какъ на мелочь и наклонность русскихъ къ антропоморфизму (перенесеніе человѣческихъ свойствъ на божество) и монтанизму (живое общеніе съ Божествомъ помимо іерархіи и обрядовъ), считаютъ слѣдствіемъ неразвитости религіознаго сознанія и вкуса. Дѣйствительно, благочестіе русскихъ во многихъ случаяхъ имѣло чисто внѣшнее монтанистическое свойство, и это зависѣло отъ недостатка просвѣщенія и дѣтскаго, поверхностнаго пониманія христіанскаго воздержанія и цѣломудрія. Такъ, напримѣръ, у насъ былъ обычай, по которому, въ случаѣ отлученія кого-либо отъ церкви, такой же участи подвергалась и его икона, которую онъ держалъ для себя въ церкви: ее относили ему на домъ и принимали вновь въ церковь лишь послѣ его покаянія и совершеннаго прощенія. Русскіе и въ другихъ случаяхъ высказывали такой же монтанистическій и въ то же время дѣтскій, простосердечный взглядъ на благочестіе. У насъ, напримѣръ, думали, что различіе дней придаетъ различный оттѣнокъ самымъ поступкамъ человѣка и можетъ усиливать или ослаблять значеніе добрыхъ и дурныхъ нашихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, грѣхъ, совершенный въ субботу, считался менѣе тяжкимъ, нежели совершенный въ другое время, и за него полагалась болѣе легкая епитимія; напротивъ, кто въ посту велъ нечестивую жизнь, того священникъ подвергалъ большей епитиміи. Многіе предъ исповѣдью покупали птицъ и потомъ выпускали ихъ на волю, думая этимъ заслужить у Бога отпущеніе своихъ грѣховъ.

---

[1]) Петрей шведъ былъ нѣсколько разъ въ Россіи съ разными порученіями въ началѣ XVII в.

Такой же дѣтскій оттѣнокъ благочестія русскихъ, такая же дѣтская простота въ созданіи идеаловъ нравственнаго совершенства и подвижничества высказывается и въ столь свойственномъ русскимъ необыкновенномъ уваженіи къ юродивымъ. Эта особенность нравственно-религіозной жизни и доселѣ остается замѣтною въ нашемъ народѣ и коренится въ томъ же дѣтскомъ, простосердечномъ чувствѣ и воззрѣніи русскихъ на религію и богоугодную жизнь. Ни одна страна не можетъ представить такого обилія юродивыхъ и примѣровъ такого необыкновеннаго уваженія къ нимъ, какъ Россія. Это не могло не поражать иностранцевъ и у нихъ встрѣчаются свѣдѣнія и объ этихъ людяхъ. По ихъ словамъ, наши юродивые пользовались величайшимъ уваженіемъ среди народа. Горсей [1]) такъ описываетъ встрѣчу одного юродиваго въ Псковѣ съ Иваномъ Грознымъ. Во время военныхъ дѣйствій въ Ливоніи Царь прибылъ въ Псковъ. Здѣсь, говоритъ Горсей, его встрѣтилъ одинъ обманщикъ или волшебникъ, котораго считали оракуломъ и святымъ человѣкомъ; его звали Микола святъ. Увидѣвъ Царя, онъ осыпалъ его сильными проклятіями, заклинаніями, ругательствами и угрозами, называлъ его Царемъ кровопійцею, пожирателемъ христіанскихъ тѣлъ и клялся ангеломъ, что онъ не избѣжитъ смерти отъ бывшей въ то время молніи, если онъ или кто-либо изъ его воиновъ коснется волоска послѣдняго дитяти въ этомъ городѣ, который хранится Божьимъ ангеломъ для лучшей участи, чѣмъ разграбленіе. Онъ говорилъ, что Царь долженъ уйти изъ города прежде, чѣмъ встанетъ огненное облако, Божія кара, которое виситъ надъ его головою, а въ это время дѣйствительно была страшная гроза. Эти слова потрясли Царя до того, что онъ просилъ молитвъ о своемъ избавленіи. Горсей самъ видѣлъ этого юродиваго: онъ ходилъ нагимъ лѣтомъ и зимою, переносилъ крайнюю стужу и зной и дѣлалъ разныя вещи съ помощью дьявольскихъ навожденій; его всѣ боялись и уважали, за нимъ ходилъ вслѣдъ весь народъ и Царь. По словамъ Флетчера, наши юродивые были похожи на гимнософистовъ по своей жизни и поведенію, но далеко не по своимъ познаніямъ. Они ходили совершенно нагими, закрывая лишь среднюю часть тѣла тряпьемъ, съ дико распущенными волосами, которые у нихъ ниспадали на плечи, съ желѣзною цѣпью на шеѣ, съ которой не разставались даже зимою. На нихъ смотрѣли, какъ на пророковъ или лю-

[1]) Англичанинъ Горсей жилъ почти безпрерывно въ Россіи съ 1572 по 1590 г.

дей особливой святости; они пользовались свободой и говорили что имъ было угодно. Если они обличали кого-нибудь явнымъ образомъ въ чемъ бы то ни было, тотъ ничего не возражалъ, развѣ только со смиреніемъ приговаривалъ: „Это по моимъ грѣхамъ!“ Если такой святоша хотѣлъ что-нибудь взять изъ купеческой лавки и отдать эту вещь кому-нибудь другому, то хозяинъ лавки еще благодарилъ его и славословилъ Бога, и долго смотрѣлъ вслѣдъ за св. мужемъ. Впрочемъ, такихъ людей, замѣчаетъ Флетчеръ, въ Россіи было немного, потому что въ этой странѣ ходить нагимъ, особенно зимою, очень трудная вещь. Одинъ изъ нихъ волновалъ умы народа противъ правительства и особенно Годунова за то, что они допустили усилиться грабителямъ общественнаго благосостоянія. Другой, Василій, укорялъ Грознаго за его жестокости: онъ причтенъ къ лику святыхъ и его тѣло перенесено въ великолѣпную церковь подлѣ дворца. Павелъ [1]) разсказываетъ, что и въ его время у насъ были эти люди и пользовались такимъ же уваженіемъ. Въ Недѣлю Сыропустную сирійскіе путешественники обѣдали у патріарха Никона. За обѣдомъ подлѣ самого Никона сидѣлъ одинъ изъ такихъ юродивыхъ, по имени Кипріянъ: онъ нагой таскался по улицамъ и народъ питалъ къ нему величайшее уваженіе. Патріархъ Никонъ собственными руками подносилъ ему пищу и поилъ изъ серебряныхъ сосудовъ, а остатки допивалъ самъ. Сирійцевъ очень удивляло такое уваженіе къ юродивымъ.

Всѣ эти данныя ясно обличаютъ въ русскихъ XVI—XVII в. наклонность придавать большое значеніе внѣшнимъ дѣйствіямъ и формамъ благочестія, съ которыми они привыкли отожествлять самую нравственность; благочестіе русскихъ, ихъ идеалъ нравственнаго совершенства носили строго внѣшній и отчасти дѣтскій характеръ. При отсутствіи просвѣщенія и происходящемъ отсюда дѣтскомъ, простосердечномъ воззрѣніи на вещи и при практическомъ складѣ характера, русскій человѣкъ, подобно дитяти, желалъ постоянно имѣть вблизи и окружать себя предметами своего благоговѣнія и почитанія; отсюда такое широкое употребленіе и большое значеніе въ его религіозномъ быту иконъ. При отсутствіи религіознаго просвѣщенія и истиннаго пониманія христіанскаго идеала нравственности, русскій человѣкъ видѣлъ высшій образецъ благочестивой и

[1]) Спутникъ антіохійскаго патріарха Макарія (бывшаго въ Москвѣ въ 1653 и 1666 г.) архидіаконъ Павелъ оставилъ извѣстія о своемъ пути и пребываніи въ Москвѣ; въ своей книгѣ онъ собралъ много свѣдѣній, касающихся русскаго духовенства.

совершенной жизни въ подвигахъ отшельничества. Отсюда само собой должно было произойти то, что посты должны были въ его глазахъ явиться естественнымъ средствомъ и необходимымъ условіемъ добродѣтели и нравственнаго совершенства. Словомъ, русскій человѣкъ XVI—XVII в., по простотѣ своихъ воззрѣній, любилъ все, что только поражало внѣшнее чувство, что близко было его дѣтскому уму и свойству; этимъ само собою объясняются его наклонность къ умноженію иконъ, церквей, его любовь и охота къ оглушительному колокольному звону, его любовь и уваженіе къ юродивымъ, которые не встрѣчаютъ ничего себѣ подобнаго въ религіозномъ быту и сознаніи другихъ народовъ и религіозныхъ обществъ.

31. Нѣмецкая слобода.

Еще задолго до Петра Великаго множество нѣмцевъ проживало въ Москвѣ или постоянно, или только временно. Тогда въ обычномъ говорѣ подъ словомъ „нѣмцы“ подразумѣвались не одни только иностранцы тевтонскаго происхожденія, но и всѣ вообще европейскіе иноземцы: англичане, шведы, французы и голландцы. Изъ этого общаго названія постоянно исключались только представители восточныхъ племенъ: жиды, татары, индійцы, армяне, персіяне и бухарцы, тоже пріѣзжавшіе или проживавшіе въ Москвѣ. Нѣмцы, хотя и осѣвшіе въ Москвѣ въ нѣсколькихъ уже поколѣніяхъ, не смѣшивались съ русскими посредствомъ брачныхъ связей. Они въ этомъ отношеніи постоянно сторонились другъ отъ друга. Немало было, однако, и тогда уже въ Москвѣ вполнѣ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, т.-е. такихъ, которые отлично говорили по-русски и, не помышляя вовсе о своемъ отечествѣ, вели спокойную и трудовую жизнь въ Москвѣ. Для сердца такихъ нѣмцевъ сдѣлались уже гораздо ближе берега Москвы, Яузы и Неглинной, нежели берега Рейна, Шпрее и Эльбы, о которыхъ иные изъ нѣмцевъ, родившіеся въ Москвѣ, знали только по наслышкѣ отъ своихъ отцовъ и матерей или даже только дѣдовъ и бабушекъ. Было, однако, немало и только-что перебравшихся въ Москву нѣмцевъ, и значительное ихъ число принадлежало къ породѣ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ нынѣ зовутъ обособленнымъ именемъ „нѣмцевъ“, т.-е. они были выходцы изъ Германіи, Пруссіи и Ливонской земли. Нѣмцы жили въ особой слободѣ, которая не называлась прежде Нѣмецкой, а была извѣстна подъ именемъ „Какуя“, почему при Петрѣ Вели-

комъ былъ даже шуточный патріархъ, титуловавшійся „какуевскимъ“, областью или патріархатомъ котораго считалась Нѣмецкая слобода, какъ самая развеселая мѣстность во всей Москвѣ. Такое первоначальное названіе Нѣмецкой слободы объясняется слѣдующимъ: русскіе люди заходили по временамъ въ нее, чтобы посмотрѣть, какъ живутъ нѣмцы. Появленіе русскихъ было тамъ вообще рѣдкостью, и потому, когда они проходили по улицамъ слободы, то нѣмцы и нѣмки всѣхъ возрастовъ показывали на нихъ другъ другу пальцами, какъ на диковинку, приговаривая на простомъ нѣмецкомъ нарѣчіи: „kuke!“, т.-е. „посмотри!“ Русскіе люди, постоянно слыша около себя такіе возгласы, прозвали слободу, населенную нѣмцами, „Кукуй“, а впослѣдствіи слово это обратилось въ „какуй“, откуда и взялось собственное имя слободы.

Жившіе въ этой слободѣ иностранцы считались въ Москвѣ людьми честными и полезными. Занимались они преимущественно ремеслами, необходимыми въ домашнемъ быту. Если между ними и русскими не было пріязни, то все же со стороны русскихъ не обнаруживалось ни вражды, ни недоброжелательства къ иноземцамъ. Замѣчательно, что даже во время народныхъ смятеній, бывшихъ въ Москвѣ, когда чернь начинала разбивать и грабить лавки русскихъ торговцевъ, а также боярскія хоромы и дома служилыхъ людей, иностранцевъ никто не трогалъ и не обижалъ. Обстоятельство это свидѣтельствуетъ о вздорности той молвы насчетъ ненависти русскихъ къ иностранцамъ, которую распускали по Европѣ сами иностранцы. Напротивъ, въ исходѣ XVII в. иноземцамъ жилось въ Москвѣ и прибыльно, и спокойно, и число ихъ тамъ увеличивалось съ каждымъ годомъ.

Нѣмецкая слобода, составляя какъ бы особый пригородъ столицы, рѣзко отличалась отъ тѣхъ ея частей, которыя были населены коренными русскими жителями. Слобода эта строилась по образцу тогдашнихъ маленькихъ нѣмецкихъ городовъ. Она состояла частью изъ большихъ, по тому времени, каменныхъ двухъ и даже трехъэтажныхъ домовъ съ выбѣленными наружными стѣнами, съ красными черепичными крышами, съ достаточно большими окнами и террасами, выходившими въ сады и палисадники, въ которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ и плодовыхъ деревьевъ, виднѣлись еще и цвѣтники среди правильно расположенныхъ аллеекъ. Сады и палисадники были огорожены не простыми досчатыми заборами и частоколомъ, какъ это было въ самой Москвѣ, но рѣшетками, составленными изъ точеныхъ балясокъ или досокъ съ узорчатыми про-

рѣзами. Въ огородахъ у нѣмцевъ разводились такіе овощи и росла такая зелень, которые не были вовсе извѣстны москвичамъ. Тамъ, между прочимъ, цѣлыя гряды были засѣяны салатомъ разнаго рода, что̀ и подавало русскимъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ нѣмцами, которые, точно коровы, ѣли сырую траву. Улицы были частью съ каменною, частью съ деревянной мостовой; по сторонамъ онѣ были окопаны канавами для стока воды и съ проложенными для пѣшеходовъ дорожками, обсаженными деревьями; надъ рвами висѣли красивые мостики. Небольшіе деревянные домики, встрѣчавшіеся вперемежку съ каменными домами, были снаружи обиты тесомъ и, окрашенные въ свѣтлую краску, выглядывали весело и уютно. Въ ту пору, когда даже въ палатахъ царевны Софьи Алексѣевны надоконныя занавѣски и цвѣты въ горшкахъ составляли не только рѣдкость, но и просто чудо, эти принадлежности домашняго убранства можно было видѣть почти въ каждомъ домѣ Нѣмецкой слободы.

По улицамъ ея происходило значительное движеніе, но не такое, какое бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Москвы, гдѣ народъ валилъ иногда густою толпою. Въ Нѣмецкой слободѣ въ вечернюю пору, во время, посвященное преимущественно прогулкѣ и отдыху, разъѣзжали всадники въ короткихъ колетахъ, съ накинутыми поверхъ епанчами и въ маленькихъ беретахъ или въ широкополыхъ шляпахъ. Зажиточные негоціанты катались въ расписанныхъ каретахъ и фаэтонахъ, запряженныхъ лошадьми въ иностранной упряжи. По дорожкамъ гуляли иностранцы со своими семействами: тутъ были и молодые люди съ плотно натянутыми на ноги шелковыми чулками, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ нѣмецкаго покроя, и туго подшнурованныя иностранки въ платьяхъ, затѣйливо отдѣланныхъ оборками и бантами, въ щегольскихъ шляпкахъ съ перьями и лентами. На прудахъ, бывшихъ въ садахъ, кавалеры и дамы катались на лодочкахъ. Изъ оконъ переговаривались со стоявшими около домовъ мужчинами замужнія женщины и дѣвушки. По временамъ проходилъ по слободѣ спѣшившій къ больному „доктуръ“ въ испанскомъ черномъ обтянутомъ костюмѣ, усвоенномъ тогда всѣми врачами въ Европѣ, съ большимъ круглымъ, обходящимъ около всей шеи, бѣлымъ накрахмаленнымъ и сложеннымъ въ складки воротникомъ. Изъ открытыхъ оконъ слышались или пѣніе, или звуки то клавикордовъ, то арфы, то лютни. Вообще здѣсь встрѣчалась совершенная противоположность тому, что̀ было въ самой Москвѣ, гдѣ подъ вечеръ не было уже замѣтно никакого движенія, обнаруживающаго

признаки общественной или даже хотя бы семейной жизни, и гдѣ множество церквей, казалось, заслоняли собою обыкновенныя жилища.

Надъ слободой возвышалась, впрочемъ, не слишкомъ замѣтно, довольно обширная каменная кирка или божница, отличавшаяся отъ прочихъ строеній только крестомъ на ея крышѣ. По воскресеньямъ и рѣдкимъ праздничнымъ днямъ, — какъ бы въ противоположность безпрестаннымъ московскимъ общимъ, приходскимъ и придѣльнымъ праздникамъ,—въ эту божницу сходились на молитву нѣмцы и нѣмки, по звону колоколовъ, имѣть которые разрѣшилъ имъ еще царь Борисъ Ѳедоровичъ, а изъ церкви неслись пѣніе хоромъ и звуки органа, привезеннаго около ста лѣтъ назадъ изъ Нюрнберга въ Нѣмецкую слободу. Противоположность этой слободы съ Москвою составляло еще и совершенное отсутствіе на улицахъ слободы всякихъ церковныхъ торжествъ, столь многочисленныхъ въ Москвѣ, какъ-то: крестныхъ ходовъ, ношенія иконъ и служенія молебновъ и панихидъ на Красной площади. О духовныхъ требахъ напоминалъ въ слободѣ только изрѣдка важно и медленно шагавшій пасторъ въ черной сутанѣ, съ бѣлымъ длиннымъ воротникомъ и съ четыреугольною шапочкою на головѣ, съ остриженными волосами и гладко выбритымъ лицомъ, тогда какъ въ Москвѣ на каждомъ шагу встрѣчались священники въ разноцвѣтныхъ рясахъ, съ распущенными по плечамъ волосами. Такая противоположность дополнялась отсутствіемъ монаховъ и монахинь, нищихъ, калѣкъ и юродивыхъ, а также и кабаковъ, тогда какъ все это встрѣчалось въ Москвѣ на каждомъ шагу. Поселившіеся въ подмосковной слободѣ иностранцы имѣли уже въ началѣ XVII в. и училище, и больницу, и богадѣльню. Само собою разумѣется, что все это, съ одной стороны, доказывало любовь ихъ къ порядку и ихъ наклонность къ благоустройству и общежитію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, несомнѣнно свидѣтельствовало и о гостепріимствѣ русскихъ къ пришлымъ въ Москву иноземцамъ.

32. Областная раздробленность и единство русской земли.

Первые три брата князя, призванные славянами, пришедши съ дружиною, сейчасъ размѣстились по городамъ, и съ перваго раза видимъ мы явленіе, совершенно противоположное единодер-

жавію: сейчасъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, повидимому, возникаетъ единодержавіе, но совершенно случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Впослѣдствіи, когда родъ княжій размножился, вся Россія управлялась всѣмъ этимъ княжимъ родомъ, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единаго цѣльнаго государства, но, съ другой стороны, не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непрочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время почва была одна, что вся Россія была едина. И точно, Россія была едина, какъ одна Русская земля, соединенная вѣрою, языкомъ, жизнью и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой русской землѣ строились государственныя перегородки; князья вмѣстѣ со своими дружинами переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ землею. Но какъ же могла выносить русская земля такое безпокойное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы знаемъ притомъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялись князья, но отношеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло, и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ—для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣ же: какое тутъ дѣло до лица самого князя? Всѣ эти ссоры и споры князей были дѣломъ промежду нихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ пришломъ, не забудьте), чуждое русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ, иногда народъ вмѣшивался въ княжую борьбу; это бывало или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же имъ князь лично былъ по душѣ,—и тогда народъ вооружался за него, какъ, напр., Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и разорительна для

общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (наприм., тому же Изяславу Мстиславичу): „мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь, не твое время“.—Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ. — Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣетъ? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ удалился; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства русская земля предоставляла времени и постепенному ходу жизни.

Итакъ, русскою землею владѣли князья. Правда, одинъ изъ нихъ, еще въ самыя первыя времена, назывался великій, но это не былъ титулъ, означающій особую власть. Это значило: старшій,— какъ и теперь большой значитъ старшій (большой сынъ, большой братъ употребляется въ смыслѣ старшій). Уже самое множество князей въ одной землѣ уничтожало единодержавіе и лишало ихъ значенія самовластнаго государя. Сверхъ того, князь изначала явился на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно: это былъ совѣтъ, общество князя, мнѣніемъ дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было прямого ограниченія власти князя, но единственно въ силу обычая дружина имѣла постоянный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ и являлась сама независимою; дружинникъ имѣлъ право перехода отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, хотя только въ силу обычая, какъ мы сказали, умѣряла самовластіе князя. Таково было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шли за Кіевъ. Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовскій; здѣсь была мысль о чести княжескаго стола, и споръ былъ за нее.

Но время шло своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе государства выступало; междоусобіе князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе. Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей Суздальскій, по словамъ лѣтописи, хотѣлъ быть самовластецъ (единодержецъ) въ русской землѣ. Явилась мысль у князей уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагрянули татары и соединили Русь новымъ общимъ союзомъ, союзомъ общей бѣды, общаго плѣна.

Русскіе князья давно знали, что есть иная власть государева, власть царская, власть единодержавная и нераздѣльная. Духовенство давно имъ говорило объ этой власти. Это классическое понятіе сообщено было имъ Византіею; оно осѣнило Владиміра Мономаха, но тогда это было преждевременно, больше какъ пророчество. Теперь явилась передъ Россіею или, лучше, вознеслась надъ нею иная, цѣльная, страшная власть, власть татарскаго хана. Въ Россіи ему стали давать титулъ царя. Татары не властвовали надъ Россіею, но держали ее подъ игомъ, оставя ей прежнее устройство и лишь подчинивъ его своей верховной власти, и отъ времени до времени вторгались въ нее, все истребляя и разрушая. Князья, признавъ власть татарскаго хана, продолжали между собою тѣ же отношенія, но уже въ измѣненномъ видѣ. Поссорившись, они принуждены были ѣздить въ Орду: тамъ выпрашивать себѣ права на великое княженіе, тамъ искать рѣшенія своего спора. Тамъ видѣли они передъ собою и чувствовали на себѣ страшную цѣльную, единую власть въ лицѣ татарскаго хана; но между собою они не забывали при этомъ и другого способа: своего стараго боевого варяжскаго меча. Еще нѣсколько времени,—и подъ властью татаръ междоусобіе князей приняло предыдущій отпечатокъ: то-есть стремленіе усилить свое княжество на счетъ другого; къ усиленію своего могущества стремятся и Рязань, и Тверь, и Нижній Новгородъ.

Наконецъ Москва поднимаетъ знамя всей Руси не только въ земскомъ, но и въ государственномъ значеніи. Съ этой минуты, какъ поднято наконецъ это знамя, прекращеніе междоусобій становится неизбѣжнымъ. Передъ такимъ знаменіемъ все было должно смириться! Единство русскаго государства и единство русской земли должны были наконецъ возникнуть рядомъ, ибо доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинаетъ собираться вся Россія. Великій князь московскій именуется великимъ княземъ всея Руси, и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать всѣ эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе великаго князя, уже не только Московскаго, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ, падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но соблазнительная теорія византійскаго импе-

ратора и соблазнительная практика татарскаго хана сильно дѣйствуютъ на великаго князя московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни грекомъ, ни татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти оттѣнки, данные исторіей, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче пошелъ къ своей самостоятельно предположенной цѣли. Изъподъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ, царствъ является новое, цѣльное, единое царство—Царство Русское; является новый самодержавный царь — царь русскій. Но несмотря на постороннія вліянія, новое русское царство и новый русскій царь были своеобразны, самобытны и представили міру новое еще небывалое явленіе. Вліянія, оттѣнки могли быть посторонніе, но царство русское въ существѣ своемъ было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи.

Чѣмъ же теперь могла быть при царѣ древняя княжая дружина? Времена измѣнились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми переходила и дружина, не пуская корней въ землю, составляя бродячій совѣтъ князя,—князя, который и самъ не имѣлъ настоящей осѣдлости. Съ жизнью народной дружина была прежде мало связана и не могла тяготѣть надъ нею, по крайней мѣрѣ, сильно. Впослѣдствіи удѣльные князья стали оставаться долѣе и потомъ даже постоянно на своихъ удѣлахъ. Наконецъ и удѣлы исчезли, — и явился уже одинъ царь и великій князь московскій и всея Руси, единый царь и единая цѣльная русская земля. Дружина окружила престолъ царя. Дружина была доблестна, правда, но, несмотря на всю свою доблесть, дружина уже начала составлять теперь сословіе, болѣе или менѣе втягивающее въ себя благородныя силы народа, себѣ предоставляющее подвиги, себѣ присвоивающее исключительную славу, мѣшающее дружному теченію всего народа; а дружнаго теченія всего народа не замѣнятъ никакія доблести извѣстнаго сословія. Дружина, съ своимъ прежнимъ значеніемъ, была необходима для князей, переносившихся изъ города въ городъ; она не нужна, она вредна для единаго царя и для всей земли. Становясь между народомъ и царемъ, дружина стѣсняла обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда государственную власть, призывалъ князя, а не дружину: народъ хотѣлъ знать его да себя; повиноваться боярамъ русскій народъ никогда не думалъ. Съ другой стороны, новое самодержавіе не хотѣло дѣлиться властью съ дружиною. Мы сказали, что права дружины не были опредѣлены, но вслѣдствіе обычая значеніе ея было велико. Теперь, когда идея самодержавія, идея власти государственной, цѣльной и нераздѣльной

проникла убѣжденіе правительства, правительство не захотѣло быть обязаннымъ, хотя и по обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ дружиною.

Государство, какъ мы видѣли, было въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ надъ единою русскою землею. Земля русская въ ту пору являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей, не сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе власти государственной къ мысли народной. Мы видѣли также, что земля была равнодушна къ распрямъ князей, поскольку онѣ не касались ея благосостоянія и быта. Мы уже сказали, что это государственное дробленіе мѣшало цѣлости всей русской земли. Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою русскою землею, какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость, какъ скоро великій князь московскій сталъ царемъ, тогда государство единое обращается къ единой русской землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый царь созываетъ первый земскій соборъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія. На земскомъ соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная. Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала пріобрѣтшая единство государственная власть къ землѣ. Древнія областныя вѣча, не всегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣшивавшія нерѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразовались при единодержавіи въ земскій соборъ всей Россіи,—явленіе, уже имѣющее одну чисто нравственную силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности, силу, къ которой обращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на земскомъ соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: „Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь,—это твоя воля, а наша мысль такова.

33. Царь-государь.

Понятіе о царѣ-государѣ, какъ о самодержавномъ хозяинѣ Земли Русской, выростало постепенно—одновременно съ развитіемъ народнаго самосознанія. Отъ призванныхъ „володѣти и княжити"

князей-дружинниковъ, переживъ князей-ставленниковъ, которымъ нерѣдко приходилось слышать увѣковѣченныя лѣтописью слова: „А мы тебѣ кланяемся, княже, а по-твоему не хотимъ“, оно выросло до представленія о великомъ князѣ—„Божьемъ слугѣ“, „стражѣ Земли Русской отъ враговъ иноплеменныхъ и внутреннихъ“. Но нужно было пройти вѣкамъ, чтобы великій, старѣйшій надъ князьями удѣловъ князь всталъ въ глазахъ народа-пахаря на высоту царя—„государя всея Руси“, какимъ является онъ въ палатахъ Москвы Бѣлокаменной на исходѣ XVI-го столѣтія. Но Забѣлинъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что „новый типъ политической власти выросъ на старомъ кореню“. Несмотря на разнорѣчіе именованій и рознь обиходовъ княжескаго и царскаго почитанія, народная Русь изстари вѣковъ стояла на служеніи вѣрой и правдою „батюшкѣ-государю“ и была связана со своимъ верховнымъ вождемъ неразрывными узами вѣрноподданнической любви.

Къ русскому народу, болѣе чѣмъ къ какому-либо другому, примѣнимо названіе стихія. Русская стихійная душа представляетъ собою столь самобытное и сложное явленіе, что надо быть кореннымъ русскимъ, родиться проникнутымъ до мозга костей духомъ народности человѣкомъ, чтобы составить болѣе или менѣе ясное понятіе о ней и сколько-нибудь опредѣленно разобраться въ народныхъ взглядахъ и понятіяхъ, вѣрованіяхъ, представленіяхъ и чаяніяхъ,—во всемъ живомъ внутреннемъ мірѣ многомилліонной богатырской семьи. Внѣшній обликъ этого загадочнаго на чужой взглядъ великана крѣпко-на-крѣпко связанъ со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ его сокровенное святая святыхъ. Слово и дѣло въ жизни этого стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, неуклоннаго въ стремленіяхъ, прямого въ проявленіи чувствъ народа всегда шли рука объ руку. Слово-языкъ и слово-преданіе являются на Руси неисчерпаемымъ источникомъ изученія внѣшней и внутренней жизни. Богатство языка, сильнаго своею живой образностью и неподражаемой простотою, мѣткаго въ опредѣленіяхъ и яркаго, какъ ярка русская государственная жизнь, богатство русскаго слова не менѣе самого народа говоритъ о стихійности.

Твердо обоснованное, вкоренившееся въ неизвѣданныя глубины народнаго сердца, понятіе о власти, призванной стать у кормила великой и обильной Русской Земли, также не можетъ не быть отнесено къ цѣпи стихійныхъ проявленій творческаго духа русскаго народа. Какъ таковое, оно не могло не отразиться съ достаточной ясностью въ языкѣ и его драгоцѣнной сокровищницѣ—изустномъ

творчествѣ, дошедшемъ до нашихъ дней черезъ безконечную путину вѣковъ въ наиболѣе живучихъ образцахъ своихъ: пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, загадкахъ и поговоркахъ. Русская простонародная мудрость отводитъ въ нихъ далеко не послѣднее мѣсто многозначительно звучащимъ въ народныхъ устахъ словамъ: „князь", „царь" и „государь". Съ первымъ изъ названныхъ словъ въ пѣсняхъ и былинахъ, этихъ древнѣйшихъ памятникахъ проявленія духовной жизни народа, связанъ постоянный присловъ „красно-солнышко". При этомъ всѣ свойства прекраснѣйшаго изъ свѣтилъ переносятся и на князя, переливаясь на всѣ лады воображенія стихійнаго пѣвца-сказателя. Всюду и всегда сопутствуетъ слову князь слово „ласковый". Взять для примѣра хотя бы слѣдующій отрывокъ, неоднократно повторяющійся въ старинныхъ русскихъ былевыхъ пѣсняхъ:

„Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова осударь-князя Владиміра
Было пированіе, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
На многи гости, бояра
И на русскіе могучіе богатыри"...

Ласковый осударь-князь этого пѣсеннаго сказанія является олицетвореніемъ того, какими всѣ вообще князья русскіе представлялись глазамъ живнаго подъ ихъ властной рукою прямодушнаго народа-пахаря. Лѣтописный разсказъ, сохранившій княженецкую Русь отъ забвенія въ потомствѣ, согласуясь съ народомъ, напоминаетъ намъ о столь ласковыхъ рѣчахъ древнерусскихъ князей къ людямъ вѣча, какъ „Братія мои милые!"—Ярослава Мудраго, „Братья володимерцы!"—князя-Юрія, или „Братья, мужи псковичи! Кто старъ—то отецъ, кто младъ—той братъ!" князя Довмонта псковского.

Позднѣе слово „князь" замѣняется въ народной рѣчи, согласно съ послѣдовательнымъ развитіемъ жизни, словами „царь" и „государь", сопровождаемыми тѣми же самыми уподобленіями, что и прежде. „Государь-батюшка, надёжа православный царь", „бѣлый царь", „красно-солнышко", „царь-ласковый, славный, грозный, великій",—вотъ что повторяетъ въ продолженіе многихъ вѣковъ русскій народъ о своемъ властителѣ. Слово „царь" является въ его устахъ наиболѣе яркимъ воплощеніемъ необычной силы, необычай-

наго ума, необыкновенной красоты тѣлесной и духовной. Царь-государь, добрый, ласковый властитель народа-пахаря рисуется въ воображеніи послѣдняго поставленнымъ надо всѣми другими царями земными. „Ты еще скажи, сударь, повѣдай намъ—который царь надъ царями царь?“ На этотъ вопросъ народной мудрости еще и теперь по свѣтлорусскому простору неоглядному разносятъ народные пѣвцы—калики-перехожіе свой простодушный отвѣтъ, вложенный въ вѣщія уста премудраго царя „Голубиной Книги“:

„У насъ бѣлый царь надъ царями царь,
Онъ и вѣруетъ вѣру крещеную,
Крещеную, богомольную,
Онъ во Матерь Божью Богородицу,
И во Троицу нераздѣльную;
Онъ стоитъ за домъ Богородицы,
Ему орды всѣ преклонилися
Всѣ языцы ему покорилися“...

Царь объединенъ съ народомъ въ памяти послѣдняго, какъ Творецъ—съ мірозданіемъ. Это—одна недѣлимая стихія, самое существованіе которой неразрывно связано съ обѣими составными частями ея. Кличъ народа призвалъ князя, царя-государя, на Святую Русь; слово народное возвеличало его на свѣтлорусскомъ просторѣ-привольѣ; это же самое слово говоритъ и объ его самодержавіи, никѣмъ и ничѣмъ, кромѣ Бога, не ограниченномъ. „Царь земной—подъ Царемъ Небеснымъ ходитъ!“—сказала народная Русь. „Никто противъ Бога, ничто противъ царя!“, „Правда Божья, судъ царевъ!“, „Одному Богу государь отвѣтъ держитъ!“, „Царь—отъ Бога приставъ!“, „Никто какъ Богъ да государь!“—подтвердилъ народъ въ цѣломъ рядѣ пословицъ, какъ бы сдѣлавшихся законами его общественной нравственности.

„Русской Землѣ нельзя безъ государя быти!“,—облетало всю Русь вѣщее слово истинно-русскихъ людей въ смутную годину миновавшихъ лихолѣтій и всегда находило живой откликъ въ народѣ, сказавшемъ про себя, что онъ—„душой Божій, а тѣломъ—осударевъ!“ И всякій разъ сердцемъ слышалъ самодержецъ, что откликъ шелъ къ нему изъ глубины стихійной души могучаго богатыря-народа. „Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя—страна не правится!“, „Безъ царя—народъ сирота, земля—вдова!“, „Свѣтится солнышко на небѣ, а русскій царь—на землѣ!“—яснѣе складывается мысль

этого милліонноголоснаго отклика. „Народъ—тѣло, царь—голова!“, мыслитъ русскій человѣкъ и, видя въ царѣ олицетвореніе высшей справедливости, заноситъ на скрижали своей вѣковѣчной мудрости рѣзкія слова: „Гдѣ царь—тутъ и правда!“, „Гдѣ царь—тамъ гроза!“, „Близъ царя—близъ чести!“, „Близъ царя—близъ смерти!“. Второе и четвертое изреченія должно, несомнѣнно, отнести къ „ослушникамъ—волкамъ стада государева, царскому добру досадителямъ“—въ одно и то же время являющимся, въ представленіи сказателя пословицъ, ослушниками, волками и досадителями народа.

„Царь—не огонь, да, ходя близъ него, опалишься!“—иносказательно обрисовываетъ простодушный краснословъ опалу. „Гнѣвъ царевъ—посолъ смерти!“, „До царя дойти—голову нести!“ (повинную), „Царское осужденіе—безсудно!“; но—„Ни солнышку всѣхъ не угрѣть, ни царю на всѣхъ не угодить!“—смягчаетъ народъ свое понятіе о грозномъ царѣ, представляющемся ему прежде и послѣ всего царемъ ласковымъ, милостивымъ и великодушнымъ, при всей своей нелицепріятной справедливости. „Нѣтъ больше милосердія, чѣмъ въ сердцѣ царевомъ!“, „Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?“, „До милосерднаго царя и Богъ милостивъ!“, „Богъ милостивъ, а царь жалостливъ!“, „Богъ помилуетъ, царь—пожалуетъ!“, „Виноватаго Богъ проститъ, праваго—царь пожалуетъ!“—дополняется одно крылатое слово другимъ. Извѣстіе всѣхъ среди нихъ то-и-дѣло звучащее на Руси: „За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ!“—выраженіе, вошедшее въ плоть и кровь народа, съ малыхъ лѣтъ воспринимающаго понятіе о томъ, что „жить—царю служить“. Какъ же и чѣмъ служить этому прообразу всего справедливаго, всего могущественнаго, всего милостиваго?—невольно зародился вопросъ въ пытливой душѣ народа. „Царю правда—лучшій слуга!“—отвѣтилъ онъ самъ себѣ и въ строго послѣдовательной цѣпи своихъ опредѣленій даетъ подробный перечень всѣхъ родовъ службы вѣрою и правдою. „Царь безъ слугъ—какъ безъ рукъ!“—говоритъ онъ и, умудренный многовѣковымъ опытомъ, заявляетъ: „Холоденъ, голоденъ—царю не слуга!“ Въ этой послѣдней поговоркѣ благосостояніе страны какъ бы связывается съ лучшей службою государю, и такимъ образомъ въ пяти словахъ разрѣшается наиважнѣйшій вопросъ внутренняго уклада государственной жизни.

Высоко, превыше всего и всѣхъ, какъ городъ на горѣ, ставя царя-вѣнценосца, народное слово окружаетъ его тыномъ приспѣшниковъ—ближнихъ людей, совѣтчиковъ, ни на пядь не отступая въ этомъ случаѣ отъ жизненной правды. Добрыхъ совѣтчиковъ, доблестныхъ

слугъ истины, какими всегда славилась Святая Русь—эта родина богатырей духа,—именуетъ крылатое слово „очами" и „ушами" государевыми. Они, по представленію народа, какъ лучи—свѣтъ и тепло краснаго солнышка, несутъ милость царскую на благо родной земли. Но многовѣковый опытъ государственной жизни подсказываетъ народной мудрости и другіе взгляды на окруженный живымъ тыномъ „городъ на горѣ". „Царево око видитъ далеко!", но—„Изъ-за тына и царю не видать!", „Царскія милости въ рѣшето сѣются!", „Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь!", „До Бога высоко, до царя далеко!". Русскій народъ, однако, сознаетъ свою стихійную силу, и это сознаніе является яркимъ лучомъ свѣта во мракѣ его угрюмыхъ взглядовъ на такихъ приспѣшниковъ, которые—„Царю застятъ, народу напастятъ". И вотъ—изъ устъ его вырываются реченія: „Народъ думаетъ—царь вѣдаетъ!", „Какъ весь народъ вздохнетъ—до царя дойдетъ!"... Могучій вздохъ народа, заслоненнаго приспѣшниками, огородившими тыномъ красно-солнышко Земли Русской, вздохъ богатыря-великана, вылетающій изъ милліона грудей, звучитъ отголоскомъ во многихъ пѣсняхъ, навѣянныхъ, по словамъ баяна-пѣснотворца недавнихъ дней, „съ пожарищъ дымомъ-копотью, съ сырыхъ могилъ мятелицей". И чуткое сердце русскаго „бѣлаго царя" неизмѣнно отзывается голосу народнаго горя. „Ясныя очи государевы", тѣ—по именованію народа—„очи соколиныя", увидѣть которыя всегда слыло счастьемъ для каждаго русскаго человѣка,—видятъ силою проникновенія: кто народу и государю другъ, кто—врагъ. Они, эти зоркія очи, снимаютъ тяготы непосильныя, отводятъ отъ народа бѣду наносную. Надѣляя царя всѣмъ, въ чемъ видитъ силу и обаяніе, народъ налагаетъ на него великую отвѣтственность передъ Богомъ. „Народъ согрѣшитъ — царь умолитъ, а царь согрѣшитъ — народъ не умолитъ!" „За царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ!"—изрекаетъ онъ со всею своей прямотою и рѣзкостью, не щадя даже того, въ комъ видитъ олицетвореніе высшаго начала на землѣ. Радость царская — радость всей Земли Русской, печаль государева — горе всего народа, грѣхъ царевъ — прегрѣшеніе всей Руси. Эти три понятія яркой полосою прошли въ словѣ-преданіи русскаго народа. Они же и въ наши дни волнами всплываютъ на поверхности могучей своею самобытностью народной стихіи, проходя въ жизнь и духъ народа, какъ тепло солнца и влага дождя въ корни растеній. Въ волѣ царя народъ видитъ законъ, въ законахъ—ясно выраженную волю цареву, предъ которою древніе памятники изустной мудрости совѣтуютъ преклоняться съ

благоговѣніемъ. Безграничное довѣріе къ проявленію этой воли, беззавѣтная преданность и безкорыстное служеніе тому, кто въ представленіи народной творческой мысли, какъ солнышко красное лучами животворными пригрѣваетъ Землю Русскую свѣтомъ ясныхъ очей своихъ съ высоты святорусскаго трона, — вотъ три звена, въ одну могучую стихію связующія народную душу съ сердцемъ царевымъ.

Древнія граматы недаромъ именовали русскій народъ царелюбивымъ: онъ относитъ слово „царь“ ко всему наиболѣе величественному въ природѣ, обступающей его со всѣхъ сторонъ,—въ природѣ, съ которою онъ связанъ, какъ со своимъ надёжею-царемъ, всею своей жизнью. Такъ, напримѣръ, огонь и вода—двѣ главныя силы могучей природы. Русскій народъ говоритъ: „царь—огонь“, „царица — водица“... Могущественнѣйшій между птицами орелъ, по народному крылатому слову — „царь-птица“, сильнѣйшій между звѣрями левъ — „царь-звѣрь“, прекраснѣйшій представитель цвѣточнаго царства розанъ — „царь-цвѣтъ“. Идетъ изъ народныхъ устъ слово и о „царь-травѣ“, и о „царь-землѣ“, и о „царь-камнѣ“. Прославленная русскими сказками всѣмъ красавицамъ красавица слыла „царь-дѣвицею“. Очевидно, это всеобъемлющее слово на такой недосягаемой высотѣ высокой стоитъ въ понятіи народа-пахаря, что ярче его нѣтъ въ народномъ словарѣ никакого прислова. Даже лучшая пѣсня слыла на святой Руси „пѣсней царскою умильною“. А наиболѣе долговѣчныя изъ этихъ „царскихъ“ пѣсенъ, былинныя сказанія, заурядъ кончались такой славою государю, какъ:

„Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на всей землѣ, слава!
Чтобы нашему государю не старѣться, слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтла, слава!
Чтобы царева золота казна, слава!
Была вѣкъ полнымъ-полна, слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ, слава!
Слава неслась до моря, слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы, слава!“

Въ стародавнія времена воспѣвались народомъ русскимъ царскія милости, славились походы государевы, запечатлѣвались въ пѣснѣ и горе, и радость царскія по поводу того или другого событія. И всегда слышалось въ этихъ пѣсняхъ благоговѣйное отношеніе къ высокому предмету воспѣванія. Какъ трогательно-простодушно хотя бы слѣдующее, сложившееся въ болѣе позднюю пору, пѣсенное сказаніе: „Когда свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ, народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича, перваго императора по землѣ. Всѣ-то русскіе какъ плотнички мастеры во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали они младому царевичу; а и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки во всю ноченьку не спали, ширіночку вышивали по бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ; тюрьмы съ покаянными они всѣ распущалися; а и погребы царскіе они всѣ растворялися. У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости, а князи сбиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися, а все народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, — во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли для младшаго царевича Петра Алексѣевича, перваго императора“...

Русскіе цари всегда являли живой и яркій примѣръ истинно-христіанскаго благочестія. Ни одно важное дѣло не предпринималось ими безъ испрошенія благословенія Божія. Каждая мысль вѣнценосца сливалась съ многомилліонной народною стихіей, могучими волнами подступавшею къ вѣковымъ стѣнамъ Кремля, въ сердцѣ котораго, подъ сѣнью московскихъ святынь, горѣло неугасаемой любовью сердце земли русской, воплощенное въ ея державномъ хозяинѣ. Общеніе съ народомъ, проявлявшееся въ царскихъ большихъ, малыхъ и тайныхъ выходахъ, непосредственное участіе государя въ торжественныхъ, освященныхъ преданіемъ обрядахъ не только доставляли московскому люду счастіе видѣть пресвѣтлый ликъ самодержца, но и служили поводомъ къ горячему проявленію нерушимаго единенія царя и народа. Царь и народъ, народъ и царь... Проходили вѣка, одно другимъ смѣнялись поколѣнія; исчезало, ровно съ вешней полою водой сплывало съ лица народной Руси все временное, преходящее, наносное. Но гдѣ бы, когда бы то ни было произносились слова „русскій народъ“, тамъ всегда подразумѣвался и „русскій царь“; гдѣ заходила рѣчь о „русскомъ царѣ“, тамъ неизмѣнно выступалъ и вопросъ о „русскомъ народѣ“. Это, дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова двѣ равныя части одной нераздѣльной, могучей своею многовѣковой самобытностью стихіи.

34. Обрядъ Государевой жизни.

Представимъ въ короткомъ очеркѣ обрядъ древней царской жизни, комнатной и выходной, т.-е. собственно домашней и общественной, если можно такъ обозначить всѣ тѣ случаи повседневнаго порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя, какъ первое лицо, при совершеніи общихъ церковныхъ и праздничныхъ дѣйствъ и обрядовъ. Прежде всего мы войдемъ въ Комнату государя или въ то внутреннее отдѣленіе дворца, которое Котошихинъ называетъ палатами покоевыми, т.-е. жилыми. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь уставленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти передъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и убиралъ его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или крестовый попъ и крестовые дьяки. Духовникъ или крестовый священникъ благословлялъ государя крестомъ, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Въ то же время одинъ изъ крестовыхъ дьяковъ поставлялъ предъ иконостасомъ на налоѣ образъ святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. По совершеніи молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался къ этой иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святою водою. Весьма любопытно, что святая вода, которую употребляли въ этомъ случаѣ, привозилась иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, изъ монастырей и церквей, прославленныхъ чудотворными иконами. Вода эта называлась „праздничною“, потому что освящалась въ храмовые праздники, совершаемые въ память тѣхъ святыхъ, во имя которыхъ сооружены были храмы. Почти каждый монастырь и даже многіе приходскіе храмы, по отправленіи такого празднества, доставляли праздничную святыню, икону праздника, просфору и св. воду въ восковомъ сосудѣ въ царскій дворецъ, гдѣ посланные подносили ее лично самому государю. Иногда эта святыня подносилась на выходѣ государя въ церквахъ, во время богомолья. Такимъ образомъ праздничная святая вода не истощалась круглый годъ, и утреннія молитвы государя

почти всегда сопровождались окропленіемъ святою водою недавняго освященія въ какомъ-либо отдаленномъ или близкомъ монастырѣ. Послѣ моленья крестовый дьякъ читалъ духовное слово-поученіе изъ особаго сборника словъ, распредѣленныхъ для чтенія въ каждый день на весь годъ. Сборники эти извѣстны были подъ именемъ Златоустовъ, Златоструевъ, Измарагдовъ, Торжественниковъ. Они составлялись изъ поученій отцовъ церкви, и преимущественно Іоанна Златоуста, отчего и назывались Златоустами.

Окончивъ утреннюю крестовую молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее о здоровьѣ, какъ почивала, и потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра же рано собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди „челомъ ударить государю“ и присутствовать въ царской думѣ. Они собирались обыкновенно въ передней, гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя или Комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностью государя, выждавъ время, входили и въ Комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, въ церкви ли во время службы, или въ комнатахъ, смотря по тому, въ какое время являлись на пріѣздѣ, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣскольку разъ. За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до тридцати разъ сряду. Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ часу въ девятомъ къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ или къ празднику, то-есть въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святого. Въ общіе церковные праздники и торжества государь всегда присутствовалъ при всѣхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Поэтому и выходы въ этихъ случаяхъ были гораздо великолѣпнѣе, торжественнѣе. Обѣдня продолжалась часа два. Въ удобное время и здѣсь государь принималъ отъ думныхъ людей доклады, разговаривалъ о дѣлахъ съ боярами, отдавалъ приказанія. Бояре также разсуждали между собою, какъ будто бы они находились въ думѣ. При всемъ томъ едва ли кто былъ такъ приверженъ къ богомолью и къ исполненію всѣхъ церковныхъ обрядовъ, службъ, молитвъ, какъ царь. Коллинсъ разсказываетъ о царѣ Алексѣѣ, что онъ въ постъ стоялъ въ церкви часовъ по пяти или шести сряду, клалъ иногда по ты-

сячѣ земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники по полуторы тысячи.

Послѣ обѣдни въ Комнатѣ въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ и сами ихъ читали предъ государемъ. Думный дьякъ докладывалъ челобитныя, вносимыя въ Комнату, и помѣчалъ рѣшенія. Присутствовавшіе въ Комнатѣ бояре во время слушанія дѣлъ не смѣли садиться, а когда уставали стоять, то выходили посидѣть въ переднюю или въ сѣни, а иногда и на площадку передъ царскими хоромами. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенное сидѣнье съ бояры или засѣданіе думы, то бояре садились по лавкамъ, отъ царя поодаль, бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими; думные дворяне также, кто кого породою ниже, а не по службѣ, т.-е. не по старшинству пожалованія въ чинъ, такъ что иной и сегодня пожалованный, напр., изъ спальниковъ или стольниковъ въ бояре, садился, по породѣ, выше всѣхъ тѣхъ бояръ, которые были ниже его породою. Думные дьяки обыкновенно стояли, а инымъ временемъ, особенно если сидѣнье съ бояры продолжалось долго, государь и имъ повелѣвалъ садиться. Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ Комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. По свидѣтельству иностранцевъ, къ столу царя Алексѣя Михайловича подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, овсяная брага или легкое пиво съ коричнымъ масломъ, а иногда одна только коричная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣми, которые государь держалъ во время постовъ. „Великимъ постомъ, говоритъ Коллинсъ, царь Алексѣй обѣдалъ только по три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пилъ по стакану полпива. Рыбу онъ кушалъ только два раза въ Великій постъ. Кромѣ постовъ, онъ ничего мясного не ѣлъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; однимъ словомъ, ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости постничества. Можно счи-

тать, что онъ постился восемь мѣсяцевъ въ годъ, включая шесть недѣль Рождественскаго поста и двѣ недѣли другихъ постовъ". Такое усердное соблюденіе постовъ было выраженіемъ строгой приверженности государя къ православію, ко всѣмъ уставамъ и обрядамъ церкви. Свидѣтельство иностранца вполнѣ подтверждается и Котошихинымъ. „Въ постные дни, говоритъ онъ, въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу, и въ посты готовятъ про царскій обиходъ ѣствы рыбныя и пирожныя съ масломъ съ деревяннымъ и съ орѣховымъ, и съ льняным, и съ конопляным; а въ Великой и въ Успеньевъ посты готовятся ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики соленые, сырые и грѣтые, и ягодныя ѣствы, безъ масла, кромѣ Благовѣщеніева дни—и ѣстъ царь въ тѣ посты въ недѣлю, во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу, поодиножды на день, а пьетъ квасъ, а въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятницу во всѣ посты не ѣстъ и не пьетъ ничего, развѣ для своихъ и царицыныхъ и царевичевыхъ и царевниныхъ именинъ". Впрочемъ, несмотря на такое постничество и умѣренность, за обыкновеннымъ столомъ государя въ мясные и рыбные дни подавалось около семидесяти блюдъ, но почти всѣ эти блюда расходились на подачи боярамъ, окольничимъ и другимъ лицамъ, которымъ государь разсылалъ эти подачи, какъ знакъ своего благоволенія и почести. Для близкихъ лицъ онъ иногда самъ выбиралъ извѣстное любимое блюдо. Подавались сначала холодныя и печенья, потомъ жареное, и затѣмъ уже похлебки и ухи или ушное.

Порядокъ и обрядъ комнатнаго стола заключался въ слѣдующемъ: столъ накрывалъ дворецкій съ ключникомъ; они настилали скатерть и ставили судки, т.-е. солоницу, перечницу, уксусницу, горчичникъ, хрѣноватикъ. Въ ближайшей комнатѣ передъ столовою накрывался также столъ для дворецкаго, собственно буфетъ или кормовой поставецъ, на который кушанье ставилось прежде, нежели подавалось государю. Обыкновенно каждое блюдо, какъ только оно отпускалось съ поварни, всегда отвѣдывалъ поваръ въ присутствіи самого дворецкаго или стряпчаго. Потомъ блюда принимали ключники и несли во дворецъ въ предшествіи стряпчаго, который охранялъ кушанье. Ключники, подавая ѣствы на кормовой поставецъ дворецкому, также сначала отвѣдывали каждый съ своего блюда. Затѣмъ кушанье отвѣдывалъ самъ дворецкій и сдавалъ стольникамъ нести предъ государя. Стольники держали блюда на рукахъ, ожидая, когда потребуютъ. Отъ нихъ кушанье принималъ уже крайчій, точно такъ же отвѣдывалъ съ каждаго блюда и потомъ ставилъ на столъ.

То же самое наблюдалось и съ винами: прежде, нежели они доходили до царскаго чашника, ихъ также нѣсколько разъ отливали и пробовали, смотря потому, черезъ сколько рукъ они проходили. Чашникъ, отвѣдавъ вино, держалъ кубокъ въ продолженіе всего стола и каждый разъ, какъ только государь спрашивалъ вино, онъ отливалъ изъ кубка въ ковшъ и предварительно самъ выпивалъ, послѣ чего ужъ подносилъ кубокъ царю. Всѣ эти предосторожности установлены были изъ страха отравы и порчи и объясняются исторіею отношеній московскаго самодержавія къ княжеской и боярской средѣ. Для винъ передъ столовою устраивался также особый поставецъ Сытнаго дворца.

Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечеренъ, часа три. Въ вечерню снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечерни. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась дума. Но обыкновенно все время послѣ вечерни до ужина государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія. Но, къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія наши въ этомъ случаѣ ограничиваются одними только голыми указаніями расходныхъ записокъ, изъ которыхъ весьма трудно составить что-либо полное, цѣлое и сколько-нибудь удовлетворительное въ отношеніи желаемыхъ подробностей и красокъ. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образованныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія потребность знанія могла удовлетворяться только чтеніемъ,—вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но, какъ поборники и хранители православія, цари предпочитали чтеніе духовно-назидательное и церковно-историческое. Изъ такихъ только книгъ составлялись и библіотеки ихъ; въ этомъ полагалась основа всякаго знанія; это была въ собственномъ смыслѣ наука для того времени. Духовно-назидательныя слова или поученія отцовъ церкви, житія святыхъ, разныя историческія и полемическія церковныя сочиненія представляли главнѣйшій интересъ для всякаго образованнаго человѣка въ то время. Извѣстно, какими глубокими познаніями въ этомъ отношеніи обладалъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Но, изучая во всей подробности церковную исторію и догматы православія, цари удѣляли не мало

времени отечественнымъ лѣтописямъ и сказаніямъ, которыя даже и составлялись подъ ихъ редакціею. Весьма много даже интереса представляли въ то время свѣдѣнія космографическія и политическія: первыя черпались изъ космографій переводныхъ, вторыя преимущественно изъ посольскихъ записокъ и разсказовъ пословъ. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и куранты, или тогдашніе европейскіе журналы, которые постоянно и переводились для чтенія государю.

Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Это были такъ называемые верховые (придворные) богомольцы, весьма уважаемые за ихъ благочестивую жизнь и древность лѣтъ. Они жили подлѣ царскихъ хоромъ въ особомъ отдѣленіи дворца и на полномъ содержаніи и попеченіи государя. Въ длинные зимніе вечера государь призывалъ ихъ къ себѣ въ комнату, гдѣ въ присутствіи царскаго семейства они повѣствовали о событіяхъ и дѣлахъ, происходившихъ на ихъ памяти, о дальнихъ странствіяхъ и походахъ. Это были живые лѣтописатели, которые своими разсказами пополняли скудость писанныхъ лѣтописей, гдѣ всѣ мѣстныя и временныя, то-есть характерныя краски почти всегда покрывались холоднымъ и сухимъ складомъ оффиціальной граматы. Особенное уваженіе государя къ этимъ старцамъ простиралось до того, что государь нерѣдко самъ бывалъ на ихъ погребеніи, которое всегда отправлялось съ большою церемоніею, обыкновенно въ Богоявленскомъ монастырѣ на Троицкомъ кремлевскомъ подворьѣ. Такъ, въ 1669 году, апрѣля 9, государь хоронилъ богомольца Венедикта Тимоѳеева: на погребеніи его были Паисій папа и патріархъ Александрійскій и судія Вселенскій, Троицкій и Чудовскій архимандриты, десять священниковъ, архидьяконъ, одиннадцать дьяконовъ, кромѣ разныхъ причетниковъ и пѣвчихъ. Присутствіе царя на подобныхъ церемоніяхъ всегда ознаменовывалось щедрою милостынею, которая раздавалась нищимъ, разнымъ бѣднымъ людямъ и по тюрьмамъ колодникамъ и заключеннымъ. Милостыня раздавалась также въ третины, девятины, полусорочины и сорочины—періоды, въ которые отпѣвалась обыкновенно панихида по усопшемъ и дѣлались поминки. Весьма щедро жаловалъ государь и духовенство, бывшее на этихъ погребеніяхъ. Верховые богомольцы назывались также

и верховыми нищими, въ числѣ ихъ были и юродивые. Царица и взрослыя царевны имѣли также при своихъ комнатахъ верховыхъ богомольщицъ и юродивыхъ. Глубокое, всеобщее уваженіе къ этимъ старцамъ и старицамъ, Христа ради юродивымъ, основывалось на ихъ святой богоугодной жизни и благочестивомъ значеніи, какое они имѣли для нашей древности. Общество благоговѣло предъ ними, чтило ихъ какъ пророковъ и провозвѣщателей Божіей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей. Верховые богомольцы пѣвали государю Лазаря и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ. Были еще при царскомъ дворѣ слѣпцы-домрачеи, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и былины о богатыряхъ св. Владиміра, съ аккомпаниментомъ домры, струннаго инструмента въ родѣ гитары. Они же играли и русскія пѣсни. Встрѣчаются извѣстія и о бахаряхъ, которые говорили, т.-е. разсказывали пѣсни и сказки, весьма любимыя нашими предками. Бахарь былъ почти необходимымъ лицомъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы и однородныя съ нею игры тавлеи, саки и бирки. По свидѣтельству иностранцевъ, во дворцѣ каждый день играли въ шахматы. Сколько обыкновенна и въ какой силѣ была эта игра, мы можемъ судить ужъ по тому, что при дворцѣ въ Оружейной Палатѣ состояли на службѣ особые мастера, токари, которые занимались единственно только приготовленіемъ и починкою шахматовъ, отчего и назывались шахматниками. Вообще развлеченія и увеселенія того времени были не такъ бѣдны, какъ мы предполагаемъ; они отличались только особымъ характеромъ, который, какъ мы ужъ замѣтили, соотвѣтствовалъ времени и вкусамъ тогдашняго общежитія. Во дворцѣ была особая Потѣшная Палата, въ которой разнаго рода потѣшники забавляли царское семейство пѣснями, музыкою, пляскою, танцованьемъ по канату и другими эквилибристическими „дѣйствіями“; въ числѣ этихъ потѣшниковъ были веселые (скоморохи), гусельники, скрыпотчики, домрачеи, накрачеи, органисты, цымбальники, и т. п. Извѣстно также, что въ дворцовомъ штатѣ царя состояли дураки-шуты и у царицы дурки-шутихи, карлы и карлицы. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, это была самая любимая забава царя Ѳедора Ивановича. Весьма часто государь проводилъ время въ разсматриваніи разныхъ работъ

золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ или алмазниковъ, иконописцевъ, серебряниковъ, оружейниковъ и вообще всѣхъ ремесленниковъ, которые что-либо изготовляли для украшенія царскаго дворца или для собственнаго употребленія государя. Зимою, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, то-есть бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха поднималась нерѣдко съ самаго утра и потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня. Вообще лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами.

Оканчивая день, послѣ вечерняго купанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа. Когда государь почивалъ, то въ томъ же покоѣ ложился и постельничій, который всегда убиралъ и охранялъ царскую постель, а иногда стряпчій съ ключемъ и одинъ или два спальника, самыхъ приближенныхъ. Въ смежной комнатѣ ложились еще шестеро другихъ лицъ изъ стряпчихъ и спальниковъ, извѣстныхъ своею вѣрностью и преданностью. Въ третьей комнатѣ помѣщалось нѣсколько стряпчихъ и дневальныхъ жильцовъ. У внѣшнихъ дверей сторожили истопники.

Представивъ въ краткомъ очеркѣ обрядъ комнатной жизни государя, перейдемъ теперь къ обозрѣнію богомольныхъ царскихъ выходовъ, которые составляютъ одну изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ древняго царскаго быта. Благочестивые московскіе цари, подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подражаніе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы. И это было необходимо въ то время по самому значенію древняго царскаго сана. Притомъ церемонія, обрядъ составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники

были не что иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя поэтому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности празднества, особымъ колокольнымъ звономъ, который и назывался выходнымъ. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и дозволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества или праздника, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и состоянію погоды въ тотъ день. Лѣтомъ онъ выходилъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околомъ, зимою въ шубѣ и въ горлатной лисьей шапкѣ, осенью и вообще въ ненастную, мокрую погоду—въ суконной однорядкѣ. Въ рукахъ всегда былъ посохъ каповый, инроговый (единороговый) или индѣйскій, изъ чернаго дерева. Во время большихъ празднествъ и торжествъ, каковы были Рождество Христово, Богоявленіе, недѣля Ваій, Свѣтлое Воскресенье, Троицынъ день, Успеніе и нѣкоторые другіе, государь облекался въ нарядъ царскій, къ которому принадлежали: царское платно, собственно порфира, царскій становой кафтанъ, царская шапка или корона, діадема или бармы, наперсный крестъ и перевязь, возлагаемые на грудь; вмѣсто посоха царскій жезлъ. Все это блистало золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Самые башмаки, которые надѣвалъ государь въ это время, были также богато вынизаны жемчугомъ и украшены каменьями. Тяжесть этого наряда, безъ сомнѣнія, была очень значительна и потому на подобныхъ церемоніяхъ государя всегда поддерживали подъ руки стольники, а иногда и бояре изъ ближнихъ людей.

Свита, окружавшая государя, была также одѣта болѣе или менѣе богато, смотря по значенію празднества и соотвѣтственно одеждѣ государя. Для этого изъ дворца отдавался приказъ, въ какомъ именно платьѣ быть на выходѣ. Если же боярин былъ недостаточенъ и не имѣлъ богатой одежды, то на время выхода такую одежду ему выдавали изъ царской казны. Впослѣдствіи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ изданъ былъ даже особый указъ, которымъ назначено было въ какіе именно господскіе праздники и въ какомъ платьѣ быть во время царскихъ выходовъ. Во время шествія свита раздѣлялась рядами; люди меньшихъ чиновъ впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій со стряпнею, то-есть съ разными предметами, которые требовались на выходъ и которые

несли за постельничимъ стряпчіе, именно: полотенце или носовой платокъ; стулъ со сголовьемъ или подушкою, на которомъ садился государь; подножье, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы; солношникъ или зонтъ, защищавшій отъ солнца и дождя, и нѣкоторые другіе предметы, смотря по требованію выхода. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую церковь, то впередъ несли особое мѣсто, которое обыкновенно становилось въ церквахъ для царскаго пришествія. Оно было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ, съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчіе вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посохъ, шапку и пр. На малыхъ выходахъ они выносили только полотенце (платокъ) и подножье теплое или холодное, смотря по времени года. Царь Иванъ Васильевичъ выходилъ къ обѣднѣ въ сопровожденіи рынд. Итальянецъ Барберини[1]) описываетъ подобный выходъ (1565 г.) слѣдующимъ образомъ: „отпустя пословъ, государь собрался къ обѣднѣ. Пройдя залы и другіе дворцовые покои, онъ сошелъ съ дворцоваго крыльца, выступая тихо и торжественно и опираясь на богатый серебряный, вызолоченный жезлъ. За нимъ слѣдовало около восьми сотъ человѣкъ свиты въ богатѣйшихъ одеждахъ. Шелъ онъ посреди четырехъ молодыхъ людей, имѣвшихъ отъ роду лѣтъ по тридцати, но сильныхъ и рослыхъ: это были сыновья знатнѣйшихъ бояръ; двое изъ нихъ шли впереди него, а двое другихъ позади, но въ нѣкоторомъ отдаленіи и на ровномъ разстояніи отъ него. Они одѣты были всѣ одинаково: на головахъ у нихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархата, съ жемчугомъ и серебромъ. Одежда на нихъ была изъ серебряной ткани, съ большими серебряными же пуговицами до самыхъ ногъ; подбита она была горностаями; на ногахъ сапоги бѣлые, съ подковами; каждый на плечѣ несъ красивый большой топоръ, блестѣвшій серебромъ и золотомъ“. Если выходъ совершался въ какой-либо монастырь или церковь внѣ Кремля и притомъ зимою, то государь шелъ обыкновенно въ саняхъ или, по древнему выраженію, шелъ саньми. Сани были большія, нарядныя, то-есть раззолоченныя, расписанныя красками и обитыя персидскими коврами. Возницею или кучеромъ былъ въ этомъ случаѣ стольникъ изъ ближнихъ людей; но такъ какъ въ старину ѣздили безъ вожжей, то возница сидѣлъ обыкновенно верхомъ. Другой ближній стольникъ

[1]) Барберини былъ въ Москвѣ въ 1565 г. по торговымъ дѣламъ и сообщаетъ въ своемъ разсказѣ любопытныя подробности о торговлѣ и цѣнахъ.

стоялъ на ухабѣ или въ запяткахъ. Такъ обыкновенно выѣзжалъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ. Царь Алексѣй Михайловичъ выѣзжалъ съ большею пышностью. У его саней на наклесткахъ, то-есть по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, стояли знатнѣйшіе бояре, одинъ справа, другой слѣва, на оглобляхъ у саннаго передняго щита стояли ближніе стольники, также одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой. Около государя, за саньми, шли бояре, окольничіе и прочіе сановники. Весь поѣздъ сопровождался отрядомъ стрѣльцовъ, въ числѣ ста человѣкъ съ батогами въ рукахъ „для тѣсноты людской".

Впрочемъ, порядокъ царскихъ богомольныхъ выходовъ не всегда былъ одинаковъ и измѣнялся сообразно празднеству или особому торжеству, на которомъ присутствовалъ государь. Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія. Государь являлся въ этотъ день народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которыя во многомъ напоминали обычаи Востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Число народа, какъ говоритъ Маскевичъ, простиралось иногда до трехъ и до четырехъ сотъ тысячъ; изъ этого невѣроятнаго показанія ужъ видно, какъ велико было торжество этого дня и какое значеніе оно имѣло для русскаго народа, еще въ глубокой древности назвавшаго этотъ день водокрестіемъ, водокрещами. Въ навечеріе праздника государь слушалъ вечерню и царскіе часы въ Столовой, иногда въ Передней или въ одной изъ придворныхъ церквей; иногда же выходилъ въ Успенскій соборъ, гдѣ царскіе часы и дѣйство многолѣтія совершались во всемъ подобно царскимъ часамъ и дѣйству наканунѣ Рождества Христова, т.-е. съ обоюдными церемоніями поздравленій государя и патріарха, бояръ и духовенства, съ поздравительными рѣчами и т. д. Въ самый праздникъ государь въ одной изъ церквей или въ Столовой слушалъ всенощное бдѣніе и потомъ предъ литургіею выходилъ въ Успенскій соборъ для шествія на іордань къ освященію воды. Кремлевская площадь у царскаго дворца, между соборами, вся покрывалась въ это время густою толпою. Только одно мѣсто оставалось свободно отъ Успенскаго собора до Москвы-рѣки, гдѣ находилась іордань; строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями

пролагалъ дорогу для крестнаго хода. Дорога эта шла не прямо на рѣку, какъ теперь. (Мѣсто между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами было въ то время застроено; здѣсь находился царскій казенный дворъ). Она поворачивала влѣво отъ Успенскаго собора, шла между Иваномъ-Великимъ и Архангельскимъ соборомъ, въ ворота подъ церковью Черниговскихъ чудотворцевъ, которая находилась на мѣстѣ теперешняго плацъ-парада, на краю Кремлевской горы. Отсюда этотъ путь сворачивалъ къ Тайницкимъ воротамъ, противъ которыхъ устраивалась іордань на Москвѣ-рѣкѣ и особыя мѣста для царя и патріарха. По всему этому пути, какъ упомянуто, стояли ратнымъ строемъ стрѣльцы; а на площади между Ивановской колокольнею, Чудовымъ монастыремъ и церковью чудовскихъ чудотворцевъ въ концѣ XVII ст. ставились иногда большія голландскія полковыя пищали (пушки), огражденныя рѣшетками рѣзными, точеными и расписанными разными красками. При пушкахъ стоялъ пушкарскій чинъ во всемъ парадѣ, съ знаменами и въ цвѣтномъ платьѣ.

Часа въ 4 дня или, по нашему счету, въ 12 утра, въ то время, какъ патріархъ въ Успенскомъ соборѣ полагалъ начало службѣ, звонъ колоколовъ на Иванѣ-Великомъ возвѣщалъ народу, что государь началъ шествіе изъ своихъ комнатъ. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по Красному крыльцу. При его появленіи народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Но обыкновенно царское платье онъ надѣвалъ въ соборѣ, въ придѣлѣ Димитрія Солунскаго. Вошедъ въ соборъ и возложивъ на себя въ этомъ придѣлѣ царскій санъ, государь, при пѣніи многолѣтія, молился св. иконамъ и св. мощамъ, и потомъ принималъ у патріарха благословеніе. Между тѣмъ звонъ на Иванѣ-Великомъ продолжался и прекращался только въ то время, какъ царь вступалъ на свое мѣсто. Въ соборъ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная со стольниковъ, останавливались на рундукѣ или помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его животворящимъ крестомъ, а духовныя власти отдавали

ему по два поклона. Церемонія поклоновъ духовенства происходила иногда и въ соборѣ при началѣ крестнаго хода. Торжественное шествіе открывали стрѣльцы въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золочеными копьями и наконецъ третьи съ нарядными золочеными протазанами (родъ алебарды), у которыхъ ратовища или древки были обтянуты желтымъ или червчатымъ атласомъ, съ золотымъ галуномъ, и украшены шелковыми кистями. Кромѣ того здѣсь же шли 2 пятидесятника съ обоюдными стальными топорами (алебардами), на древкахъ изъ чернаго дерева, украшенныхъ серебряными кистями. За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ поднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ.

Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники въ золотыхъ кафтанахъ; далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Всѣ же тѣ, которые не имѣли такихъ богатыхъ кафтановъ, а были въ объяринныхъ или суконныхъ, отпускались на іордань прежде шествія государя, безъ сомнѣнія, для того, чтобы обыкновенными нарядами не нарушить общаго блеска и великолѣпія. Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ царскою стряпнею. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани. Одинъ несъ посохъ, другой—шапку, третій—зипунъ, четвертый—кафтанъ, пятый—шубу, и т. д. Кромѣ этого перемѣннаго платья, трое стряпчихъ несли на іордань царское полотенце, подножіе и стулъ или собственно кресла, и иногда, во время непогоды, солночникъ или балдахинъ. Государь шествовалъ въ большомъ царскомъ нарядѣ. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго станового кафтана, на немъ было царское платно, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Впослѣдствіи,

особенно при царѣ Ѳедорѣ, эту одежду стали именовать порфирою. Царскій вѣнецъ, называвшійся, по соболиной опушкѣ, царскою шапкой, блестѣлъ драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая діадема, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣнчанія бармами; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ со Спасовою Ризой. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьянные башмаки государя были также богато унизаны жемчугомъ. Подъ руки государя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ изъ ближнихъ людей. Около шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ. За ними шелъ окольничій, а по обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники въ бархатныхъ и объяринныхъ ферезяхъ и въ турскихъ кафтанахъ; они оберегали государское шествіе отъ утѣсненія нижнихъ чиновъ людей. Потомъ слѣдовали гости въ золотныхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого шествія съ обѣихъ сторонъ шло 150 или 200 человѣкъ стрѣльцовъ стремяннаго полку, „въ одинъ человѣкъ“, въ цвѣтныхъ кафтанахъ, съ золочеными пищалями и пятьдесятъ или сто съ батожками, прутьями. При возвращеніи съ іордани государь обыкновенно ѣхалъ въ саняхъ; для этого вслѣдъ за шествіемъ ѣхали большія государевы нарядныя сани, впереди которыхъ шли дьяки Конюшеннаго Приказа, а около—столповые приказчики и стремянные конюхи въ цвѣтныхъ бархатныхъ, объяринныхъ, камчатныхъ и суконныхъ кафтанахъ.

На Москвѣ-рѣкѣ, куда тихо и торжественно слѣдовало это шествіе, передъ Тайницкими воротами, надъ мѣстомъ, гдѣ должно было совершиться дѣйство погруженія въ воду честнаго креста, была устроена красивая Іорданная сѣнь, поддерживаемая четырьмя колоннами со гзымзомъ или карнизомъ, расписаннымъ красками, серебромъ и золотомъ, и украшенная золоченымъ же крестомъ наверху. По угламъ были изображены 4 евангелиста, а внутри апостолы и другіе святые, а также и Крещеніе Спасителя. Кромѣ того, вся іордань богато украшена была шелковыми и жестяными раскрашенными цвѣтами, зелеными листьями и даже птицами, вырѣзанными изъ мѣдныхъ листьевъ и раскрашенными также красками. Подлѣ іордани стояли особыя мѣста для царя и патріарха. Царское мѣсто, поставляемое на іордани обыкновенно шатерничимъ, было въ видѣ небольшого круглаго храма съ пятью главами, сдѣ-

ланными изъ слюды и украшенными золочеными крестами. Этотъ пятиглавый верхъ утвержденъ былъ на пяти точеныхъ столбахъ, расписанныхъ по золоту виноградными вѣтвями; капители и базы у столбовъ были также позолочены и посеребрены. Вверху вокругъ шелъ гзымзъ (карнизъ), съ внутренней стороны писанный травами, снаружи золоченый и украшенный сквозной рѣзьбою, также позолоченною и посеребренною. По этому карнизу въ пригожихъ мѣстахъ утверждены были высеребренныя доски, а на нихъ писаны стихи къ іордани. Между столбовъ находились рамы съ круглыми слюдяными окнами, писанныя по золоту и по серебру разными красками. Одна такая рама, раздѣленная на два затвора, служила дверью. Нижняя часть царскаго мѣста (тумба) утверждена была на пяти точеныхъ посеребренныхъ яблокахъ и украшена сквозною золоченою рѣзьбою. Внутри это мѣсто задергивалось вокругъ суконнымъ или тафтянымъ занавѣсомъ. Все пространство около іорданной сѣни и царскаго и патріаршаго мѣстъ, огороженное рѣзною рѣшеткой, устлано было краснымъ сукномъ. Кромѣ рѣшетки, іордань отдѣлена была отъ народа еще двумя балюстрадами, покрытыми краснымъ сукномъ. Когда процессія приходила на іордань, и государь съ патріархомъ вступали на свои мѣста, — по сторонамъ іордани становилось обыкновенно духовенство, а подлѣ царскаго мѣста — бояре и прочіе высшіе чины. За рѣшеткою помѣщались стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, солдатскаго строю генералы, стрѣлецкіе полковники и всѣ, которые были въ золотныхъ кафтанахъ; за первымъ балюстрадомъ стояли тѣ, у которыхъ не было такихъ кафтановъ, а далѣе служилые и приказные люди нижнихъ чиновъ. Все пространство по Москвѣ-рѣкѣ, между Каменнымъ и Москворѣцкимъ мостами, было занято стрѣлецкими и солдатскими полками, стоявшими ратнымъ строемъ, въ цвѣтномъ платьѣ, съ знаменами, съ барабанами и съ оружіемъ. На Тайницкой башнѣ въ виду всего войска становился капитанъ, иногда ротмистръ или другой такой же чинъ съ ясачнымъ знаменемъ, которымъ давали знакъ войску, чтобъ бить въ барабаны, дѣлать честь празднеству и т. п. По берегамъ тѣснился густыми толпами народъ.

Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ: сначала духовныя власти и соборяне подходили къ государю и патріарху, по степенямъ, по двое въ рядъ, и кланялись. Патріархъ потомъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ дѣйство по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду Животворящій Крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и зна-

менщики съ знаменами подступали къ іордани для окропленія знаменъ св. водою. Послѣ погруженія креста патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водою государеву стопу, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ этого патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ св. водою и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха и потомъ принималъ поздравленіе отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее по Москвѣ рѣкѣ. Крестный ходъ возвращался въ томъ же торжественномъ порядкѣ. Если ходъ бывалъ до обѣдни, то съ іордани государь иногда заѣзжалъ къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ была церковь Богоявленія; въ противномъ случаѣ онъ возвращался ходомъ въ Успенскій соборъ и, отслушавъ тамъ молебенъ или отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ.

Въ „недѣлю мясопустную“, т.-е. въ воскресенье передъ масляницею, послѣ заутрени, церковь наша совершала, какъ извѣстно, дѣйство страшнаго суда. На площади за алтаремъ Успенскаго собора устраивали два мѣста: одно для патріарха, другое для государя. Противъ патріаршаго мѣста ставили такъ называемый козелъ или рундукъ (подмостки), обитый краснымъ сукномъ. На этотъ рундукъ поставляли образъ Страшнаго Суда, большой налой съ наволокою подъ икону Богородицину и подъ св. Евангеліе, и устраивали столъ для освященія воды. Государь выходилъ въ Успенскій соборъ въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ; тамъ, въ придѣлѣ св. Дмитрія онъ облачался въ нарядъ царскій, потомъ, вышедъ въ соборъ, молился по обычаю у мѣстныхъ иконъ и принималъ у патріарха благословеніе крестомъ и рукою. Изъ собора патріархъ въ облаченіи и государь шествовали на мѣсто, гдѣ быть дѣйству, съ крестнымъ ходомъ, при оглушительномъ звонѣ во всѣ колокола. Дѣйство это совершалось по особому „чиновнику“ или уставу, который сохранился въ старыхъ потребникахъ, и состояло въ пѣніи стихиръ, въ освященіи воды и чтеніи, на четыре страны, Евангелія, послѣ котораго патріархъ отиралъ губкою образъ Страшнаго Суда и прочія иконы, вынесенныя къ дѣйству. По окончаніи дѣйства патріархъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ св. водою государя, властей духовныхъ и свѣтскихъ и всенародное множество, присутствовавшее

при совершеніи сего обряда. Иногда дѣйство происходило въ Успенскомъ соборѣ, а за болѣзнью патріарха и совсѣмъ отмѣнялось. 24 декабря, въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ Тайнаго Приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣннымъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По улицамъ, гдѣ проходилъ государь, онъ также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ, которые, безъ сомнѣнія, во множествѣ собирались даже изъ отдаленныхъ мѣстъ къ такимъ боголюбивымъ царскимъ выходамъ. Въ то же время, какъ государь навѣщалъ такимъ образомъ всѣхъ заключенныхъ и сирыхъ, довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ или подъячихъ Тайнаго Приказа раздавали милостыню на Земскомъ дворѣ, также и у Лобнаго мѣста, и на Красной площади. И можно сказать, что ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни: каждому было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ „праздникомъ“. Такіе царскіе выходы „тайно“ дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ и постовъ, напр., передъ началомъ дѣйства страшнаго суда; въ рождественскій сочельникъ они совершались рано утромъ, часу въ пятомъ.

35. Царское вѣнчаніе въ Россіи.

Вѣнчаніе на царство представляетъ собой очень древній обрядъ, начало котораго теряется въ глубокой древности. На Русь этотъ обрядъ проникъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ и началъ примѣняться русскими князьями уже въ X вѣкѣ. Дошедшія до насъ монеты Владиміра Святого и Ярослава Мудраго изображаютъ намъ этихъ князей сидящими на богато украшенныхъ тронахъ, съ вѣнцами, усыпанными драгоцѣнными каменьями, на головахъ и съ жезлами, заканчивающимися крестомъ, въ рукахъ. Основаніемъ для такого изображенія могли, конечно, служить отчасти византійскія преданія, отчасти же и русская дѣйствительность. Начиная съ XII вѣка, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ уже вполнѣ достовѣрныя указанія лѣтописцевъ на то, что русскіе князья освящали свою власть обрядомъ, носившимъ названіе „посаженія на столъ“ и соотвѣтствовавшимъ позднѣйшей коронаціи. При спорности княжескихъ правъ, при неопредѣленности отношеній старшій или великій князь нуж-

дался въ признаніи и родичей, и горожанъ, и пограничнаго варварскаго народонаселенія. Первымъ знакомъ признанія князя въ извѣстной волости было „посаженіе его на столъ“. Этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ вполнѣ княземъ, и потому къ выраженію „вокняжился“ всегда прибавлялось „и сѣлъ на столѣ“. Обрядъ этотъ былъ поэтому неразрывно связанъ со вступленіемъ на княжество. Договорившись съ княземъ и написавъ „рядную грамату“, народъ приносилъ присягу, сопровождавшуюся цѣлованіемъ креста. Послѣ этого князь торжественно вступалъ въ городъ. Народъ, епископъ и духовенство встрѣчали его съ крестами и хоругвями и затѣмъ провожали въ главную соборную церковь, гдѣ его сажали „съ честью“ на столѣ княжескомъ. Такъ, Мстиславъ, получивъ свое княженіе отъ своего двоюроднаго брата Владиміра Васильковича, созвалъ бояръ княжескихъ и знатнѣйшихъ жителей города, русскихъ и иноземцевъ, и вступилъ въ соборный храмъ Пресвятой Богородицы. Здѣсь прочтено было завѣщаніе Владиміра, по которому вся земля была отказана Мстиславу, и епископъ благословилъ его на княженіе крестомъ „воздвизательнымъ“. Вмѣстѣ съ благословеніемъ, вѣроятно, на князя возлагался какой-нибудъ головной уборъ, потому что, по свидѣтельству лѣтописи, вновь поставленный князь до конца литургіи стоялъ съ покрытою головою. Получивъ благословеніе, князь садился на престолъ. По окончаніи литургіи устраивали пиръ для знатныхъ людей и духовенства, а также угощеніе для народа. Лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ такихъ коронацій: „И посаженъ бысть въ Кіевѣ и сотвори въ той день князь Всеволодъ Ольговичъ съ отцемъ своимъ, съ Михаиломъ митрополитомъ, и съ братіею своею, и со князя и зъ бояры своими, и со всѣми людьми пированіе свѣтло и постави по улицамъ вино, и медъ и перевару, и всякое яденіе, и овощи, и раздаде по церквамъ и монастырямъ милостыню многу“...

Во время монгольскаго ига видную роль въ этомъ обрядѣ, совершавшемся въ ордѣ, игралъ ханъ и его чиновники. При собраніи всего своего двора ханъ вручалъ поставляемому мечъ и объявлялъ его великимъ княземъ. Знатнѣйшіе чиновники, взявъ его подъ руки, выводили изъ ханскихъ покоевъ и сажали на богато убраннаго коня, котораго вели подъ уздцы старшіе изъ удѣльныхъ русскихъ князей. Въ сопровожденіи тѣхъ же чиновниковъ великій князь направлялся въ свое жилище, при чемъ впереди шли бирючи и громогласно объявляли народу имя князя и его титулъ. Получивъ

богатые подарки, чиновники возвращались къ хану и сообщали ему объ исполненіи его воли. Вмѣстѣ съ новопоставленнымъ великимъ княземъ отправлялись на Русь и ханскіе послы, которые, по прибытіи въ стольный городъ, возводили его на престолъ при собраніи всѣхъ бояръ и знатнаго духовенства, при чемъ читали ханскую грамату о пожалованіи его великимъ княземъ. „Учиняя поздравленія“, бояре присягали въ вѣрности, а бирючи о томъ возвѣщали народу. Духовенство попрежнему играло при совершеніи этого обряда главную роль. Такъ, напримѣръ, Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ изъ орды, былъ встрѣченъ у Золотыхъ воротъ митрополитомъ Кирилломъ, который вышелъ къ нему съ хоругвями и иконами и затѣмъ посадилъ его на столѣ отца его Ярослава.

Такимъ образомъ, первоначальный, довольно несложный чинъ вѣнчанія или „посаженія на столъ“ пріобрѣлъ значительно бо́льшую торжественность, которая особенно увеличилась къ XV вѣку. Къ этому времени замѣтно усилившееся въ территоріальномъ и нравственномъ отношеніи московское княжество успѣло свергнуть съ себя татарское иго, успѣло объединить почти всѣ болѣе мелкія, по самостоятельныя удѣльныя княжества, почувствовало себя впервые могущественнымъ и фактически единовластнымъ государствомъ. Московскій великій князь, носившій прежній титулъ, обладавшій тѣми же юридическими правами, юридически находившійся въ прежнихъ отношеніяхъ съ удѣльными князьями и вольными слугами-боярами, не могъ не видѣть, что de facto онъ сдѣлался сильнѣе, что въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ онъ можетъ держать себя болѣе независимо и самостоятельно. Протестъ со стороны служившихъ ему князей и бояръ, требовавшихъ прежняго, патріархальнаго и родственнаго отношенія, желавшихъ знать „всѣ думы князя“, не могъ, конечно, уже ничего измѣнить и лишь способствовалъ тому, что московскій князь еще съ большей настойчивостью началъ оберегать пріобрѣтенныя имъ права. Іоаннъ III сдѣлалъ большой шагъ въ этомъ направленіи. Женившись на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора, Софіи Палеологъ, онъ окружилъ себя пышнымъ этикетомъ, который не оставлялъ мѣста для прежнихъ патріархальныхъ отношеній, проникся вѣрой въ божественное происхожденіе своей власти, началъ именоваться „Божіею милостью государемъ и великимъ княземъ всея Руси“, царемъ, самодержцемъ. Жена являлась въ его глазахъ звеномъ, связующимъ русскихъ государей съ павшимъ византійскимъ дворомъ. Какъ наглядное выраженіе связи обѣихъ династій, принятъ былъ въ Москвѣ и византійскій гербъ,

двуглавый орелъ. Когда германскій императоръ, желая завязать сношенія съ Москвой, предложилъ Іоанну III титулъ короля, онъ гордо ему отвѣтилъ: „Мы, Божіею милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленія какъ прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь". Соотвѣтственно новому взгляду на значеніе своей власти, Іоаннъ III ввелъ и новый государственный обрядъ, въ которомъ всего нагляднѣе выразились успѣхи политическаго сознанія, достигнутаго московскимъ государемъ. Находя обрядъ „посаженія" слишкомъ простымъ, несоотвѣтствующимъ новому значенію московскаго государя, онъ выразилъ желаніе вѣнчать своего преемника на великое княженіе болѣе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ.

Для вѣнчанія онъ рѣшилъ воспользоваться регаліями и вѣнцомъ, которые когда-то были присланы изъ Греціи, переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію и сохранились въ родѣ князей московскихъ. Согласно этому преданію, царь Константинъ Мономахъ послѣ оракійской войны прислалъ изъ Царьграда великому князю Владиміру Всеволодовичу съ митрополитомъ ефесскимъ Неофитомъ и другими епископами крестъ отъ животворящаго древа, вѣнецъ съ главы, именуемый „Мономаховой шапкой", сердоликовую чашу римскаго кесаря Августа, золотыя цѣпи и многіе другіе царскіе дары. Вслѣдъ затѣмъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ былъ вѣнчанъ присланнымъ вѣнцомъ рукою святѣйшаго митрополита Неофита и нареченъ Мономахомъ и царемъ „Великія Русіи". Регаліи эти или, какъ ихъ называетъ лѣтопись, „царская утварь", хранятся и до настоящаго времени въ московской Оружейной палатѣ. Въ числѣ ихъ хранятся, помимо вѣнца, „бармы", скипетръ и держава, которымъ также усвоено названіе мономаховыхъ. Тогда же были присланы изъ Царьграда Животворящій Крестъ и „гривна" изъ „аравійскаго злата", а также „крабійца" или сосудъ для мура. „Бармы" назывались иконы, помѣщавшіяся на большой „діадимѣ" или на широкомъ златотканномъ платнѣ, составлявшемъ ожерелье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оплечья въ видѣ закругленной пелерины. На иконахъ, составлявшихъ бармы Мономаховы, были первоначально изображенія: Спасителя, Богоматери, Іоанна Крестителя и святыхъ, но какихъ именно—въ описаніяхъ не говорится. Впослѣдствіи къ этимъ регаліямъ постепенно при послѣдующихъ коронаціяхъ были прибавлены—скипетръ, держава, мантія, мечъ, знамя и другія.

Регаліи эти были употреблены Іоанномъ III при вѣнчаніи на царство его внука Димитрія, которое было совершено въ воскресенье

4-го февраля 1498 года митрополитомъ Симономъ, архіепископомъ ростовскимъ и пятью епископами, „по древнему цареградскому чиноположенію“. На возвышеніи, устроенномъ посреди Успенскаго собора, были поставлены три стула: великому князю, внуку его Димитрію и митрополиту. На налоѣ передъ возвышеніемъ лежали шапка Мономаха и бармы. Передъ окончаніемъ молебна митрополитъ и великій князь вошли на возвышеніе и сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Димитрій сталъ передъ ними у верхней ступени. Іоаннъ, обратясь къ митрополиту, сказалъ: „Отче митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ и по древнему обычаю прародителей, отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали княженіе. И я сына своего перваго Ивана еще при себѣ благословилъ было великимъ княженіемъ, но волею Божіею сынъ мой Иванъ умеръ, и теперь я благословляю его сына—первенца Димитрія, при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ владимірскимъ, московскимъ и новгородскимъ, и ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ“. Послѣ этого митрополитъ, вставъ съ своего мѣста, возложилъ руки на голову Димитрія и прочелъ молитву, употреблявшуюся при поставленіи князей и царей. Шапку Мономаха и бармы, которыя послѣ этого поднесли ему два архимандрита, митрополитъ передалъ великому князю, а тотъ возложилъ ихъ на своего внука. Прослушавъ ектенію и многолѣтіе, великіе князья принимали поздравленія отъ митрополита, духовенства, дѣтей княжескихъ, бояръ и всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви. Въ заключеніе митрополитъ и Іоаннъ произнесли краткое поученіе молодому Димитрію. Этимъ былъ законченъ обрядъ, послѣ котораго Димитрій въ шапкѣ Мономаха и бармахъ вышелъ изъ церкви. Въ дверяхъ дядя Юрій Ивановичъ трижды осыпалъ его деньгами золотыми и серебряными. То же повторено было передъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Это была первая, совершенная съ небывалой до сихъ поръ пышностью коронація. Въ тотъ же день былъ богатый пиръ у великаго князя для духовенства и знатныхъ людей. Здѣсь Іоаннъ подарилъ внуку крестъ съ золотой цѣпью, широкій поясъ, осыпанный драгоцѣнными камнями и сердоликовую чашу кесаря Августа, изъ которой всѣ послѣдующіе цари помазывались на царство. Послѣ этого, по словамъ Герберштейна, были поднесены переяславскія „сельги“ (Selgi), т.-е. рыбки изъ озера Переяславскаго, не отличающіяся отъ обыкновенныхъ сельдей. „Полагаютъ, — замѣчаетъ онъ,—что этотъ сортъ рыбъ подаютъ потому, что Переяславль никогда не отдѣлялся отъ Московіи“...

Вторымъ государемъ, вѣнчавшимся на царство по такому же чину, былъ Иванъ IV Грозный. Рано потерявшій отца съ матерью, рано предоставленный самому себѣ, Иванъ IV провелъ свое дѣтство въ совершенно чужой и даже враждебной средѣ бояръ, не обращавшихъ на него никакого ровно вниманія и нерѣдко даже обижавшихъ его. Свои досуги онъ употреблялъ на чтеніе книгъ. Начавъ съ псалтиря и часослова, онъ перечиталъ всю небольшую современную литературу. Съ особенной любовью останавливался онъ при чтеніи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о царѣ и царствѣ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о помазанникѣ Божіемъ. Вчитываясь въ эти строки, царь Иванъ создалъ себѣ изъ ветхозавѣтныхъ образовъ особый идеальный міръ. Онъ съ любовью созерцалъ ветхозавѣтные образы помазанниковъ Божіихъ Давида и Соломона. Въ этихъ образахъ онъ созерцалъ самого себя, старался найти отраженіе также собственной царственной особы. Въ этомъ отраженіи его собственная фигура представлялась ему въ такомъ блескѣ, въ такомъ величіи, какого и не чудилось его предкамъ, московскимъ князьямъ. Иванъ Грозный былъ первый, который узрѣлъ въ себѣ царя въ настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ помазанника Божія. Его царственное „я“ сдѣлалось для него предметомъ поклоненія. Онъ самъ для себя сталъ святыней и создалъ себѣ цѣлое богословіе царской власти. Будучи 17 лѣтъ, Иванъ IV объявилъ уже изумленнымъ боярамъ, что ему нужно жениться, но что онъ раньше „хочетъ поискать прародительскихъ порядковъ, какъ прародители его цари и великіе князья и сродникъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство и великое княженіе садились“. Черезъ мѣсяцъ желаніе это исполнилось и 16-го января 1547 года Иванъ IV вѣнчался на царство. Первая половина священнодѣйствія вѣнчанія происходила въ томъ же порядкѣ, какъ и вѣнчаніе Димитрія, съ той лишь разницей, что знаки царскаго сана возложилъ на Іоанна митрополитъ: сначала крестъ отъ животворящаго древа, затѣмъ бармы и шапку Мономахову. Послѣ этого митрополитъ возвелъ его на приготовленное царское мѣсто, сказалъ длинную привѣтственную рѣчь и возложилъ еще одно украшеніе „изъ наслѣдія Мономаха“. По пріобщеніи св. тайнъ, митрополитъ призвалъ царя къ священному муропомазанію, которое съ этого времени уже совершалось при всѣхъ послѣдующихъ коронаціяхъ русскихъ государей.

Двѣ первыя коронаціи, сопровождавшіяся небывалой до сихъ поръ пышностью, произвели громадное впечатлѣніе на современниковъ. Преданіе о полученіи великимъ княземъ московскимъ вѣнца

изъ Византіи, о томъ, что съ паденіемъ Византіи Москва сдѣлалась единственнымъ оплотомъ и хранительницей православія, получило самое широкое распространеніе, проникло во всѣ рѣшительно классы современнаго московскаго общества. Пытливые умы начали усиленно работать надъ вопросомъ о происхожденіи и появленіи на Руси царскихъ регалій. Создался цѣлый рядъ новыхъ легендъ, которыя дошли до насъ въ видѣ не то сказокъ, не то преданій. Въ этихъ сказаніяхъ трудно уже отличить правду отъ вымысла. Царское вѣнчаніе Ивана Грознаго, какъ и самая личность этого государя, не осталось забытымъ въ ряду событій этой эпохи и отразилось во многихъ произведеніяхъ народнаго творчества. Вслушиваясь въ слова народныхъ былинъ и сказокъ, мы можемъ легко убѣдиться, что народъ занесъ это событіе въ свою лѣтопись не только потому, что былъ пораженъ его внѣшностью, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что придавалъ ему громадное политическое значеніе и понялъ его внутренній смыслъ.

Перенесеніе столицы въ Петербургъ и принятіе императорскаго титула Петромъ I не внесло никакихъ особенно важныхъ перемѣнъ или добавленій въ церковномъ чиноположеніи вѣнчанія, кромѣ умилительной и нѣкоторыхъ другихъ молитвъ, новаго молебственнаго пѣнія и т. п. Другія нововведенія заключаются въ постепенномъ увеличеніи числа царскихъ регалій, замѣнѣ старой шапки Мономаха, игравшей такую важную роль въ древнемъ обрядѣ, новымъ болѣе нарядным и богатымъ вѣнцомъ, въ совершеніи полнаго вѣнчальнаго священнодѣйствія (не исключая причащенія въ алтарѣ) надъ царствующими особами женскаго пола и, наконецъ, въ совмѣстномъ коронованіи русскихъ императоровъ и императрицъ. Что касается другихъ обрядовъ и обычаевъ прежняго царскаго вѣнчанія, то нѣкоторые изъ нихъ удержались до настоящаго времени, другіе исчезли безслѣдно или приняли форму, болѣе соотвѣтствующую величію новой императорской власти. Равнымъ образомъ, совершенно измѣнился общій характеръ царскаго вѣнчанія, внѣшняя обстановка и порядокъ всего церемоніала. Исчезла прежняя патріархальность, полуазіатская роскошь, тяжелыя золотныя одежды, унизанныя жемчугомъ и дорогими каменьями, покрой которыхъ мѣнялся вѣками; исчезли стрѣльцы и всякіе чины, шествовавшіе „для береженія“ по обѣимъ сторонамъ „царскаго пути“, посыпаніе золотомъ нововѣнчаннаго царя и т. п. Прекратилось и безцеремонное наполненіе Кремля и Успенскаго собора людьми всякаго званія, по праву перваго занятія мѣста, такъ какъ теперь желающихъ видѣть

церемонію начали пускать по билетамъ сперва въ соборъ, а затѣмъ и въ Кремль, и кромѣ того для зрителей стали устраиваться особыя мѣста. По обѣимъ сторонамъ „царскаго пути“ протянулись стройные ряды войскъ, такъ что народъ могъ только на извѣстномъ разстояніи любоваться великолѣпнымъ вшествіемъ своихъ государей въ первопрестольную столицу, въ сопровожденіи многочисленной свиты придворныхъ обоего пола, въ изящныхъ европейскихъ костюмахъ и блестящихъ мундирахъ, украшенныхъ орденами. За церемоніей вшествія стало слѣдовать еще болѣе пышное коронаціонное торжество, которое, развиваясь постепенно, дѣлалось все богаче и грандіознѣе съ каждымъ новымъ воцареніемъ. Рядомъ съ этимъ императорское вѣнчаніе болѣе чѣмъ когда-нибудь получило значеніе „всенароднаго“ праздника. Императоры начали заранѣе извѣщать подданныхъ манифестами о днѣ своего коронованія, созывать депутатовъ отъ городовъ и сословій, помимо особыхъ трехдневныхъ публикацій въ главныхъ пунктахъ столицъ. Угощеніе простого народа заняло видное мѣсто среди празднествъ, устраиваемыхъ по поводу коронаціи. Но что особенно придало императорскому вѣнчанію значеніе вполнѣ русскаго всенароднаго праздника—это милости и льготы, неизмѣнно даруемыя въ день коронаціи русскому народу, и великодушное прощеніе преступниковъ, между тѣмъ какъ при вѣнчаніи прежнихъ московскихъ царей милости представляли исключительное явленіе и большею частью жаловались незначительному числу приближенныхъ лицъ.

Древнюю шапку Мономаха, игравшую главную роль въ прежнихъ коронаціяхъ, Петръ Великій замѣнилъ новой, богато украшенной Императорской короной. Корона эта, сдѣланная по европейскому образцу, была осыпана драгоцѣнными 2.564 каменьями. Дуга, раздѣлявшая ее на двѣ половины (первоначально имѣвшія значеніе символа Восточной и Западной Римской имперіи, откуда заимствована форма коронъ), была украшена необыкновенной величины рубиномъ, купленнымъ по указу царя Алексѣя Михайловича въ Пекинѣ у китайскаго богдыхана посломъ Николаемъ Спафаріемъ и стоившимъ по тогдашнему курсу 60 тысячъ рублей. На этомъ рубинѣ утверждался небольшой брилліантовый крестъ. Корону эту Петръ Великій употребилъ при коронаціи императрицы Екатерины I, совершившейся 7-го мая 1724 года. Къ этому же дню была приготовлена во Франціи порфира или мантія изъ золотого штофа съ разсѣянными по ней орлами, „высокимъ швомъ“ шитыми. Мантія эта по современному описанію была подбита горностаемъ „предівной

бѣлости, а графіи на оной были изъ множества большихъ брилліантовъ, чепочкою постановленныхъ".

Вѣнчаніе на царство Екатерины I, бывшее первой императорской коронаціей съ ея сложнымъ церемоніаломъ и блестящей обстановкой (порядокъ церемоніала 1724 г. въ главныхъ чертахъ удержался до настоящаго времени), было само по себѣ чрезвычайно крупнымъ нововведеніемъ, такъ какъ до того не была вѣнчана ни одна изъ русскихъ царицъ. Въ виду этого Петръ Великій, всегда объяснявшій подданнымъ смыслъ и значеніе своихъ мѣропріятій, счелъ необходимымъ и здѣсь издать такой же пояснительный манифестъ: „Понеже всѣмъ вѣдомо есть, читаемъ въ манифестѣ 15-го ноября, что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ непремѣнно обычай есть потентатамъ супругъ своихъ короновать; и неточію нынѣ, но и древле право у славныхъ императоровъ греческихъ сіе многократно бывало, а именно: императоръ Василискъ супругу свою Зиновію, императоръ Ираклій супругу свою Мартинію, императоръ Левъ Премудрый супругу свою Марію императорскимъ вѣнцемъ короновали и прочіе то же чинили, о которыхъ здѣсь пространно изобразить за потребно не разсудили"... Затѣмъ Петръ перечислилъ всѣ услуги, оказанныя Екатериной Алексѣевной во время Сѣверной войны и „наипаче во Прутской баталіи почитай отчаянномъ времени", гдѣ государыня императрица, „какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей нашей арміи и отъ нихъ несумненно всему государству. Того ради данною намъ отъ Бога самовластію за такіе супруги нашей труды коронаціею короны почтить, еже Богу изволившу, нынѣшнія зимы въ Москвѣ имѣетъ совершено быть"...

Вслѣдъ за манифестомъ въ Москвѣ начались приготовленія къ коронаціи. По всему городу мостили и починяли улицы. Въ Кремлѣ для императорскаго шествія строились мостки отъ Краснаго крыльца до Успенскаго и Архангельскаго соборовъ. Внутри собора все было отдѣлано заново: полъ устланъ золотными коврами, въ паникадилы вставлены золоченыя свѣчи. Среди храма было поставлено возвышеніе о двѣнадцати ступеняхъ, обитое бархатомъ и золотыми галунами. Надъ нимъ поднимался великолѣпный обитый бархатомъ балдахинъ, спускавшійся на золотыхъ шнурахъ, съ такими же кистями, украшенный вышитыми на немъ золотыми гербами. Вокругъ трона, по краямъ, были сдѣланы богатыя перила съ разными іероглифическими фигурами. Подъ балдахиномъ поставлены два престола древней работы, богато украшенные каменьями: одинъ „персидскій"

для государя, другой для государыни. Возлѣ царскихъ престоловъ приготовленъ длинный, покрытый золотой парчей столъ для регалій. Затѣмъ шли мѣста для духовенства, цесаревенъ и герцогинь и иностранныхъ посланниковъ. За нѣсколько дней до коронаціи изъ Петербурга подъ конвоемъ двѣнадцати гренадеровъ и одного офицера была привезена новая Императорская корона. О днѣ коронаціи было торжественно объявлено ѣздившимъ по всей Москвѣ отрядомъ съ трубачами и литаврами. Въ день коронаціи, 7-го мая, съ ранняго утра Кремль началъ наполняться народомъ. Прежде всего пришли войска и выстроились на площади. Затѣмъ начали собираться въ Успенскій соборъ высшее духовенство и лица, участвовавшія въ церемоніи. Въ восемь часовъ торжественный благовѣстъ Успенскаго собора извѣстилъ о началѣ молебствія, по окончаніи котораго духовенство въ полномъ облаченіи вышло навстрѣчу императорской четѣ.

Въ десять часовъ, при звонѣ колоколовъ и музыкѣ всѣхъ полковъ, расположенныхъ на площади, ихъ императорскія величества вышли изъ дворца. Шествіе открывалось половиной отряда недавно сформированной лейбъ-гвардіи, въ чрезвычайно красивыхъ парадныхъ мундирахъ, сапогахъ со шпорами и карабинами въ рукахъ. За ними подъ предводительствомъ гофмейстера шли двѣнадцать пажей въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, парчевыхъ камзолахъ, бѣлокурыхъ парикахъ, съ бѣлыми перьями на шляпахъ. За ними слѣдовали четыре денщика его величества, разнаго рода депутаціи, генералитетъ, должностныя лица и государственный маршалъ Толстой съ серебрянымъ жезломъ, на верхнемъ концѣ котораго красовался двуглавый орелъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями. За ними высшіе сановники несли мантію императрицы и остальныя регаліи. Затѣмъ, въ лѣтнемъ кафтанѣ свѣтло-голубого цвѣта, богато вышитомъ серебромъ, въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ и шляпѣ съ бѣлымъ перомъ, шелъ императоръ. За нимъ слѣдовала императрица въ головномъ уборѣ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, одѣтая въ богатѣйшую робу, сдѣланную по испанской модѣ. Платье на ней было изъ пурпуровой штофной матеріи съ великолѣпнымъ золотымъ шитьемъ. Шлейфъ несли пять статсъ-дамъ. Герцогъ Голштинскій велъ ея величество за руку. Возлѣ нихъ шло нѣсколько ассистентовъ, а сзади попарно шествовали дамы, составляющія свиту государыни. Шествіе замыкалось другой половиной лейбъ-гвардіи. Передъ входомъ въ церковь государь и государыня были встрѣчены высшимъ духовенствомъ. Герцогъ Голштинскій до-

велъ императрицу до самаго возвышенія, гдѣ Петръ принялъ ее и повелъ по ступенямъ къ приготовленнымъ для нихъ престоламъ. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ первенствующимъ новгородскимъ архіепископомъ по чиноположенію, введенному при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Вся разница заключалась въ томъ, что Екатерина причащалась не въ алтарѣ, какъ царствующія особы, а передъ царскими вратами, гдѣ было совершено муропомазаніе, и, кромѣ того, самъ императоръ возложилъ на государыню мантію и корону и вручилъ ей скипетръ. Въ этотъ моментъ, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, поставленной передъ церковью, сдѣланъ былъ залпъ изъ всѣхъ орудій, находившихся въ городѣ, и загремѣлъ бѣглый огонь полковъ, расположенныхъ на площади, что̀ повторилось еще разъ, когда императрица пріобщилась св. Тайнъ и приняла муропомазаніе. Во все время вѣнчанія не умолкалъ звонъ колоколовъ. По окончаніи священнодѣйствія въ храмѣ послѣдовалъ обратный высочайшій выходъ. Императоръ, сославшись на усталость, удалился во дворецъ. Такимъ образомъ, во главѣ процессіи пошла одна императрица, которая, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, подъ роскошнымъ балдахиномъ, направилась въ Архангельскій соборъ, а князь Меншиковъ, шедшій позади императрицы, бросалъ въ народъ золотыя и серебряныя, нарочно выбитыя на сей случай медали. Отслушавъ молебенъ въ соборѣ, Екатерина I сѣла въ огромную парадную карету, украшенную сверху вызолоченной короной, запряженную 8-ю лошадьми, и отправилась въ Вознесенскій монастырь. Вслѣдъ за императрицей, въ каретѣ, запряженной въ 6 лошадей, ѣхали ассистенты; генералъ-лейтенантъ Ласси, ѣхавшій верхомъ рядомъ съ каретой императрицы, бросалъ въ народъ и войско золотые и серебряные жетоны. Поклонившись праху почивающихъ въ Вознесенскомъ монастырѣ русскихъ царицъ, Екатерина I возвратилась во дворецъ, гдѣ все уже было приготовлено къ коронаціонному обѣду.

Столъ, по старому обычаю, былъ накрытъ въ Грановитой палатѣ. На правой сторонѣ зала, противъ дверей, стоялъ большой бархатный балдахинъ, украшенный золотой бахромой, кистями и позументами. Подъ нимъ на возвышеніи стоялъ столъ съ двумя креслами для ихъ величествъ. На стѣнѣ за креслами виднѣлся большой орелъ, шитый золотомъ по красному бархату. Недалеко отъ императорскаго стола былъ помѣщенъ небольшой столъ для герцога Голштинскаго. Кромѣ того, были накрыты четыре стола для высшаго духовенства, сенаторовъ, вельможъ, дамъ, депутатовъ

и другихъ участниковъ коронаціи. Посуда и весь приборъ за императорскимъ столомъ были изъ чистаго золота старинной работы. Расположенныя въ видѣ пирамидъ конфеты были поставлены на такихъ же блюдахъ. Во все время обѣда игралъ оркестръ, состоявшій изъ сорока слишкомъ музыкантовъ, подъ управленіемъ голштинскаго скрипача Гюбнера. За обѣдомъ князь Меншиковъ раздалъ присутствующимъ большія золотыя медали. На одной сторонѣ медали былъ портретъ ихъ величествъ съ надписью: „Петръ Императоръ и Екатерина Императрица", а на другой сторонѣ изображенъ государь, возлагающій корону на императрицу, съ надписью: „коронована въ Москвѣ въ маѣ 1724 года". Для угощенія народа среди площади былъ выставленъ большой жареный быкъ, стоявшій передъ дворцомъ среди площади на высокомъ, обитомъ краснымъ холстомъ помостѣ, на который со всѣхъ сторонъ вели ступени. По бокамъ били бѣлымъ и краснымъ виномъ два фонтана. Солдаты и народъ шумно выражали свое удовольствіе. Петръ Великій, не любившій скучнаго этикета и говорившій, что „продолжительное и уединенное сидѣніе за обѣдомъ должно быть выдумано въ наказаніе большимъ господамъ", нѣсколько разъ вставалъ изъ-за стола и любовался толпой. Коронаціонныя празднества, продолжавшіяся до 16-го мая, были заключены великолѣпнымъ фейерверкомъ, сожженнымъ среди глубокой ночи.

36. Обученіе царскихъ дѣтей въ древней Руси.

Дѣти государя начинали учиться грамотѣ съ пяти лѣтъ. Въ это время царевичи съ рукъ мамы поступали на попеченіе дядьки, или, по древнему выраженію, кормильца-боярина, „честью великаго, тиха и разумна". Ему поручалось береженіе и наученіе царевича, то-есть главный надзоръ вообще за воспитаніемъ. Въ учители государю выбирали, по выраженію Котошихина, людей учительныхъ, тихихъ и небражниковъ. Выборъ падалъ почти всегда на подъячихъ или дьяковъ; въ то время они, конечно, были лучшими учителями чтенія и лучшими каллиграфами. Такъ учителемъ царя Алексѣя Михайловича былъ дьякъ Василій Прокофьевъ, а учителемъ Петра Великаго — Никита Зотовъ; и тотъ и другой сначала были подъячими. Чистописанію учили обыкновенно подъячіе посольскаго приказа, въ которомъ процвѣтала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфія. Ученье начиналось, разумѣется, съ

азбуки, которыя до XVII столѣтія были рукописныя. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о составѣ этихъ древнѣйшихъ азбукъ, потому что ни одной изъ нихъ до сихъ поръ не удалось намъ видѣть. Сохранившіяся во множествѣ азбуки каллиграфическія, или собственно прописи, безъ сомнѣнія, во многомъ отличались отъ букварей; не знаемъ также положительно, въ какое именно время въ XVII ст. появились у насъ азбуки или буквари печатные. До сихъ поръ самою первою по времени изданія можетъ считаться азбука, изданная въ 1634 году Василіемъ Бурцовымъ и передѣланная имъ, можетъ быть, изъ грамматики или собственно азбуки, изданной въ Вильнѣ въ 1621 году. Годъ изданія этого букваря совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, въ которое царевичъ Алексѣй Михайловичъ, достигнувъ пятилѣтняго возраста, началъ учиться грамотѣ; можно было бы даже предполагать, что первоначальное обученіе царевича было одною изъ побудительныхъ причинъ къ изданію этого букваря. Но мы знаемъ, что годомъ раньше дѣдушка царевича, патріархъ Филаретъ Никитичъ, благословилъ его въ 1633 году, вѣроятно, при самомъ началѣ ученія, „азбукою, большая печать, на столбцѣ — указъ, сверху рѣчь золочена". Судя по выраженію „на столбцѣ", можно думать, что эта азбука была напечатана на одномъ листкѣ, столбцомъ, и содержала въ себѣ только буквы и склады. Другое извѣстіе 1642 года указываетъ на подобную же азбуку большой печати, которая была не на столбцѣ, а книгою, потому что ее въ это время переплетали. Какъ бы то ни было, все это еще библіографическій вопросъ, и мы пока должны остановиться на азбукѣ Бурцова, какъ болѣе извѣстной. Здѣсь мы разсмотримъ второе ея изданіе, вышедшее въ 1637 году.

Въ предисловіи эта азбука названа лѣствицею къ изученію часовника, псалтири и прочихъ божественныхъ книгъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что „Русстіи сынове младыя дѣти, первіе починаютъ учитися по сей составнѣй словеньстѣй азбуцѣ, по ряду, словамъ, и потомъ, узнавъ писмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учити часовникъ и псалтырю и прочая книги. И преже тіи саміи младыя дѣти младенцы быша и отъ матерень сосецъ млеко ссаху и питахуся. По возвращеніи же тѣлеси, къ твердѣй и дебелѣй пищи прикасахуся и насыщевахуся. Тако же и нынѣ начинающе учитися грамотѣ первѣе простымъ словесемъ и слогамъ учатся, потомъ же, яко же и выше рѣхомъ, яко по лѣствицѣ къ прежереченнымъ тѣмъ книгамъ и къ прочимъ божественнымъ догматамъ касаются на ученіе и на чтеніе простираются".

Самый составъ этой азбуки вполнѣ соотвѣтствуетъ религіозному направленію древней нашей грамотности. Поэтому и самое заглавіе собственно къ азбукѣ, то-есть предъ началомъ буквъ, выражено здѣсь въ слѣдующихъ весьма знаменательныхъ словахъ: „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія". Не ясно ли отсюда, что русскій человѣкъ до Петра Великаго признавалъ грамотность только въ той мѣрѣ, въ какой она могла служить средствомъ къ достиженію главной цѣли тогдашняго образованія, то-есть къ изученію вѣры и книгъ св. писанія? Предисловіе азбуки заключается стихотворнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ: „Вы же младыя отрочата слышите и разумѣйте и зрите сего:

Сія зримая малая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велѣнію
Вамъ, младымъ дѣтямъ, къ наученію...
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И отъ нижнія степени на вышнюю воступай,
И не лѣностнѣ и не нерадивѣ учися
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдися...

Послѣ разныхъ учительныхъ наставленій стихотвореніе снова обращается къ дѣтямъ и говоритъ:

Первіе начинается вамъ отъ дидаскала сей зримый азъ,
Потомъ и на прочая пойдетъ вамъ указъ.

Затѣмъ слѣдуютъ буквы, склады, названія буквъ, числа до 10.000, знаки надстрочные и знаки препинанія также съ ихъ названіями; далѣе расположены по алфавиту образцы измѣненія глаголовъ, глаголы и имена, сходныя по начертанію, но различныя по смыслу, который получаютъ они отъ ударенія; склоненія именъ, преимущественно тѣхъ, которыя въ церковномъ языкѣ пишутся подъ титлами. Все это составляетъ значительную часть букваря и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому требованію, какое представлялъ еще въ началѣ XVI столѣтія архіепископъ Геннадій, говоря, „чтобъ азбука была истолкована совсѣмъ да и подтительныя слова". Потомъ слѣдуетъ азбука толковая, то-есть изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Христа Спасителя, расположенныя въ алфавитѣ по своимъ начальнымъ буквамъ. Такъ, напримѣръ, буква а начинается текстомъ:

„азъ есмь всему міру свѣтъ“, и проч. Послѣ толковой азбуки помѣщены заповѣди и другія статьи, составляющія краткое катехизическое ученіе о вѣрѣ, за которыми слѣдуютъ выписки изъ св. писанія, притчи и наставленіе Товіи своему сыну. Азбука оканчивается сказаніемъ, „како св. Кириллъ философъ состави азбуку“, и послѣсловіемъ, гдѣ означено и время изданія азбуки.

Другая редакція азбуки, напечатанной въ 1679 году въ Верхней, то-есть дворцовой типографіи, имѣетъ многія отличія отъ этой первой. Въ началѣ, послѣ такъ называемаго выхода, то-есть обозначенія времени изданія книги и послѣ стихотворнаго предисловія, въ ней находятся „благословенія отроковъ во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ“, то-есть молитвы, которыя давались іереемъ при началѣ ученія, и послѣ которыхъ, по выраженію букваря, „отходитъ съ миромъ отрочя во училище, іерей же восвояси“. Потомъ, послѣ буквъ, складовъ и именъ подъ титлами въ алфавитѣ: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. д., слѣдуютъ опять молитвы: Царю Небесный, Отче нашъ, псаломъ: Помилуй мя, Боже, Слава въ вышнихъ Богу, Символъ вѣры и проч. Далѣе „Бесѣда о православнѣй вѣрѣ, краткими вопросы и отвѣты удобнѣйшаго ради познанія, дѣтемъ христіанскимъ: странный вопрошаетъ, православный же отвѣщаетъ“; десять заповѣдей и прочія катехизическія статьи, о которыхъ мы упоминали выше. Молитвы: отъ сна возставъ, утренняя, предъ обѣдомъ, по обѣдѣ, предъ вечерею, по вечери и на нощь. Далѣе знаки ударенія и препинанія, опять молитва ко Пресвятѣй Богородицѣ, числа, и наконецъ привѣтства къ родителю и къ благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе Св. Духа и на новое лѣто. Привѣтства эти однакожъ не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать: всѣ они заключаются въ однѣхъ только реторическихъ фразахъ. Букварь оканчивается увѣщаніемъ въ стихахъ о пользѣ наказанія. Кромѣ того, при этой редакціи букваря находится Измарагдъ или Стоглавъ о вѣрѣ св. Геннадія, патріарха константинопольскаго, состоящій изъ ста параграфовъ катехизическаго содержанія, и Тестаментъ, или Завѣтъ Василія, царя греческаго, къ сыну его Льву Философу, съ стихотворнымъ увѣщаніемъ къ читателю и съ послѣсловіемъ, подъ заглавіемъ: „Типографомъ Избранное“. Въ этомъ послѣсловіи, кромѣ историческихъ свѣдѣній о царѣ Василіи, обозначено и содержаніе его Завѣта, который „воистину достоинъ всякому или царю, или князю, или властелину, или домовиту ко управленію житія своего, и чадъ своихъ, вящше же страстей своихъ“. Двѣ эти

статьи, Стоглавъ и Тестаментъ, составляютъ какъ бы особыя книжки, каждая съ особою цыфраціею страницъ; Тестаментъ же имѣетъ свой особенный выходъ, изъ котораго видно, что онъ изданъ мѣсяцемъ позже букваря, именно въ январѣ 1680 года; букварь же изданъ въ декабрѣ 1679 года. Но, судя по внѣшнимъ признакамъ, по шрифту, бумагѣ и проч., обѣ эти статьи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ описанному намъ букварю. Вотъ составъ древнихъ печатныхъ букварей, по которымъ учились наши предки до Петра Великаго.

Характеръ древней педагогіи былъ таковъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанія азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повтореніе задовъ, безъ твердаго знанія которыхъ нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслухъ и нараспѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы, что также можетъ свидѣтельствовать, что первоначальною цѣлью книжнаго ученія было собственно приготовленіе церковнослужителей. Да и вообще и въ самомъ гражданскомъ быту церковныя книги въ то время иначе и не читались, какъ нараспѣвъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенныхъ тоническихъ удареній. Въ древнихъ рукописныхъ псалтиряхъ встрѣчается даже особенный указъ, или правило, какъ читать псалтирь. „Зри, внимай“, говорится въ этомъ указѣ, „разумѣй, разсмотряй, памятуй какъ псалтырь говорити. Первое, что говориши; второе, всяко слово договаривати; третіе, на строкахъ ставитися; четвертое, умомъ разумѣти словеса, что говориши; пятое, пословицы знати да и памятовати, какъ которое слово говорити: сверху слово ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духомъ: ясно, чисто, звонко; кончати духомъ, потомужъ, слово чисто, звонко, равнымъ голосомъ, ни высоко, ни ниско, ни слабѣти словомъ, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крѣпко по три или по четыре строки духомъ; а равно строкою говорити. А весь сей указъ умомъ, да языкомъ, да гласомъ сдержится и красится во всякомъ человѣцѣ и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. А умъ и гласъ и языкъ требуетъ помощи сея—молитвы, воздержанія и чистоты“. Тотъ же характеръ преподаванія съ твердымъ заучиваньемъ наизусть переходилъ съ азбуки на часовникъ и потомъ на псалтирь. Дѣти обыкновенно такъ выучивали эти книги, что могли свободно читать ихъ наизусть. По свидѣтельству Крекшина [1]), Петръ Великій „книжное

[1]) Крекшинъ (1684—1763 г.) посвятилъ много лѣтъ жизни соби-

ученіе толико имѣя въ твердости, что все евангеліе и апостолъ наизусть могъ прочитати".

Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалось псалтиремъ; въ быту же государей дѣти послѣ псалтиря учили „апостольское дѣяніе" и, наконецъ, евангеліе. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ въ началѣ сентября 1635 года, послѣ азбуки, на седьмомъ уже году, началъ учить часовникъ, за этимъ почти чрезъ шесть мѣсяцевъ слѣдовалъ псалтирь, потомъ чрезъ три мѣсяца апостольское дѣяніе.

При такомъ характерѣ древней педагогіи, безъ сомнѣнія, выучиться грамотѣ было не совсѣмъ легко: это былъ такой сухой и тяжелый трудъ, о которомъ въ настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятіе. Старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой. Въ старинной педагогіи наказаніе вообще признавали неразлучнымъ спутникомъ науки. Азбука Бурцова начинается даже изображеніемъ „Училища", гдѣ одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ предъ строгимъ дидаскаломъ, который готовится наказать его розгою. Азбука 1679 года заключается увѣщаніемъ вообще о пользѣ наказанія въ отроческихъ лѣтахъ:

Хощеши, чадо, благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ,
А жезлъ подрастшимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничтоже вреждаютъ.
Розга умъ острить, память возбуждаетъ
И волю злую въ благу прелагаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службы ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати

ранію матеріаловъ о Петрѣ В., но изъ собраннаго имъ сохранилось весьма немного: напечатана только первая часть до поѣздки Петра за границу и 1709 г.

И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ.
А злобы творцы страхомъ си спасаетъ,
Егда болѣзнми душу проницаетъ.
Не вредитъ костей, тѣлу болѣзнь родитъ,
Но злые нравы отъ юныхъ отводитъ.
Душу отъ огня вѣчно сохраняетъ,
Въ небесную же радость водворяетъ.
Ты убо, отче, такожде и мати,
Научитеся чада поучати,
Аще хощете утѣху имѣти,
А не срамъ за ня въ старости терпѣти—
Не на плотскую красоту чадъ зрите,
Но души красны да будутъ, смотрите.
Красота плоти многихъ погубляетъ,
А язва тая душу удобряетъ.
Лѣпота души велми есть спасенна,
Создавшему ю Богу возлюбленна:
Ту же обычно ученіе вводитъ,
А умный дѣтищъ въ чести мнозѣй ходитъ.
Вы же, о, чада! трудъ честный любите,
Еже полезно тою ся держите,
Знающе, яко аще ся труждати
Тяжко, но легко труды плодовъ жати.
И раны, яже добро содѣваютъ,
Вамъ не мерзостны въ дѣтствѣ да бываютъ.
Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте;
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ;
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.
Дѣлеса злая весьма отрѣвайте,
Ко добрымъ сердца ваша прилагайте.
Сіе же слово за даръ благъ возмите,
Не злословьте ми, но благословите;
Иже вамъ благихъ всяческихъ желаю,
Конча, къ благости всяцѣй увѣщаю.

Въ то время, когда проходили этотъ курсъ словеснаго ученія, дѣти, обыкновенно лѣтъ семи, садились учиться писать. Скорописныя

азбуки, которыя служили въ этомъ случаѣ руководствомъ, были писаны всегда столбцомъ, свиткомъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ. Въ составъ ихъ входили сначала прописныя и строчныя буквы, выписанныя съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, съ разными вычурными украшеніями; каждая буква, для обозначенія различныхъ почерковъ, писалась во множествѣ образцовъ, начиная съ самыхъ большихъ и оканчивая самыми малыми. Каждый рядъ буквъ начинался вычурною и нерѣдко весьма красивою заставкою, то-есть большою прописною буквою, въ которой травы и узоры переплетались съ изображеніями птицъ и звѣрей. Въ нѣкоторыхъ азбукахъ помѣщалась также азбука толковая, то-есть разныя изреченія и апоѳегмы (краткія остроумныя изреченія), расположенныя въ алфавитѣ по начальнымъ буквамъ; но содержаніемъ своимъ эта азбука совершенно отличается отъ толковой азбуки, находящейся въ букварѣ Василья Бурцова, въ которой, какъ мы сказали ужъ, всѣ изреченія относятся только къ ученію и жизни Спасителя. Здѣсь же эти апоѳегмы касаются вообще нравоученія. Такъ, напримѣръ, подъ буквою ф читаемъ: „Фараоновыхъ твореній не чини, и другихъ на то не учи“; подъ буквою х — Храни свѣщу твою отъ вѣтру, сирѣчь душу отъ лѣности“; подъ буквою отъ — „Отврати лице твое отъ жены чужія и много съ нею не бесѣдуй“; подъ буквою ш — „Шатанія и плясанія діавольскаго удаляйся: плясаніе бо уподобися смертному убивству“; подъ буквою кси — „Ксанѳъ и философъ былъ, а у раба своего Есопа въ посрамленіи много находился“, и пр. Послѣ буквъ слѣдовали прописи и склады; подъ этимъ заглавіемъ помѣщены также нѣкоторыя апоѳегмы и даже загадки собственно книжныя.

Кромѣ чтенія и письма, въ составъ первоначальнаго обученія входило также и церковное пѣніе. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году началъ учити Охтой, Октоихъ или Осмогласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году „страшное“ пѣнье, то-есть стихи и пѣсни страстной седмицы. Его учили пѣвчіе дьяки Лука Ивановъ, Иванъ Симеоновъ, Михайла Осиповъ. Въ казнѣ царевича хранились, кромѣ того, „стихирари и тріоди знаменныя“, то-есть церковной службы пѣсни и стихиры, писанныя подъ знамя, подъ крюками или крюковыми нотами. Эти стихирари и тріоди царевичъ, безъ сомнѣнія, также разучивалъ или, по старому, распѣвалъ при помощи пѣвчихъ дьяковъ. Извѣстно также, что Петръ Великій особенно любилъ церковное пѣніе, которому учился, безъ сомнѣнія, въ отроческихъ лѣтахъ. Въ Ору-

жейной Палатѣ и теперь еще сохраняется нѣсколько нотныхъ книгъ, по которымъ государь пѣвалъ въ дворцовыхъ церквахъ на клиросѣ.

Начальное обученіе царевенъ велось въ томъ же порядкѣ и въ такомъ же объемѣ, но только съ тою разницею, что ихъ обучали женщины — учительницы-мастерицы. Учительница состояла въ дворовомъ штатѣ царицы и получала въ годъ по окладу жалованья восемь рублей и кормовыхъ по шести денегъ на день. Въ расходныхъ запискахъ 1643 года упомянуто, что семилѣтняя царевна Татьяна Михайловна 19 іюня слушала молебенъ—въ ту пору, какъ ей государынѣ начали учить заутреню.

Вотъ полный курсъ начальнаго обученія, существовавшій у нашихъ предковъ до начала XVIII-го столѣтія. Онъ заключалъ въ себѣ, какъ мы видѣли: 1) словесное, то-есть чтеніе, 2) письмо и 3) пѣніе и былъ распространенъ въ совершенномъ единообразіи по всѣмъ сословіямъ московскаго государства, начиная съ грамотнаго земледѣльца и восходя къ первому боярину. Дальнѣйшее образованіе въ гражданскомъ быту не составляло уже существенной, неизбѣжной потребности и принадлежало, такъ сказать, къ роскоши; поэтому оно не имѣло еще ничего опредѣленнаго и всегда условливалось большею или меньшею любознательностью лица, которое, не удовлетворялсь первоначальнымъ курсомъ книжнаго ученья, само ужъ избирало тотъ или другой путь своего самообразованія, тѣ или другія книги для удовлетворенія своей любознательности. Впрочемъ, въ царскомъ быту описанное начальное обученіе было пополняемо другими предметами, имѣвшими чисто гражданскій и притомъ практическій характеръ. Дѣти государя, проходя описанный курсъ ученія, въ то же время знакомились посредствомъ картинокъ съ отечественною исторіею и со многими предметами вседневной жизни, то-есть съ полезными занятіями селянина, ремесленника, промышленника и проч.

37. Изъ сочиненія Котошихина [1]) „О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича“.

Сочиненіе Котошихина состоитъ изъ тринадцати главъ, раздѣленныхъ на 234 статьи; вотъ содержаніе главъ: 1) О царѣхъ, о царицахъ, о царевичахъ, о царевнахъ. 2) О царскихъ чиновныхъ и

[1]) Котошихинъ былъ подъячій посольскаго приказа и написалъ свое сочиненіе въ Швеціи, куда онъ убѣжалъ (1666 г.) изъ Москвы по

всякихъ служилыхъ людехъ. 3) О титлахъ, какъ царь къ которому потентату пишется. 4) О московскихъ послѣхъ и посланникѣхъ и гонцѣхъ, кто каковъ чиномъ и честію посылаются в-ыные государства, и о послѣхъ же на посольскіе съѣзды. О дарѣхъ, каковы къ которому государю съ послы посылаетца, и по сколку. 5) Иныхъ государствъ о послѣхъ и о посланникѣхъ и о гонцѣхъ и какова кому честь бываетъ. 6) О дворехъ царскихъ: Казенномъ, Ситенномъ, Кормовомъ, Хлѣбенномъ, Житенномъ, Конюшенномъ. 7) О приказѣхъ, и кто тѣ приказы вѣдаетъ и какіе въ нихъ дѣла и люди вѣдомы во всякихъ дѣлѣхъ порознь и о приходахъ денежныхъ и расходахъ и о всякихъ статьяхъ. 8) О владѣтелствѣ царствъ и государствъ, и земель, и городовъ, которые подъ Москвою лежатъ, и тѣхъ городовъ о воеводахъ. 9) О воинскихъ зборахъ. 10) О торговыхъ людехъ. 11) О царскихъ и властелинскихъ, и монастырскихъ и вотчинниковыхъ и помѣщиковыхъ крестьянехъ. 12) О торговлѣ царской. 13) О житіи бояръ, и ближнихъ, и иныхъ чиновъ людей.

ГЛАВА I.

О царѣхъ, и царицахъ, и о царевичахъ, и о царевнахъ, и о женитьбѣ царской, какимъ обычаемъ бываетъ веселіе.

9. А какъ приспѣетъ день женитьбѣ царской, и въ навечеріи того дня бываетъ у царя столъ на бояръ и на боярынь, и на

служебнымъ непріятностямъ. „Сочиненіе Котошихина, говоритъ Чудиновъ, представляющее современное ему описаніе Россіи въ государственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, хотя и не отличается совершенной полнотою, но весьма замѣчательно по разнородности своего содержанія. Въ немъ подробно изображаются придворные обряды, внутренній составъ и управленіе государства, дипломатическое и судебное дѣлопроизводство и нѣкоторые публичные и частные обычаи. Сочиненіе „О Россіи“, въ качествѣ цѣннаго матеріала для отечественной исторіи, имѣетъ безспорное и весьма важное значеніе. Оно проливаетъ новый свѣтъ на мало измѣнявшуюся въ основныхъ своихъ формахъ древнюю Русь и облегчаетъ изученіе ея не только въ XVII, но и въ предшествовавшихъ столѣтіяхъ. Дополняемая свидѣтельствами другихъ историческихъ памятниковъ, эта рукопись, въ свою очередь, поясняетъ темныя преданія лѣтописей, составляетъ ключъ къ правильному разумѣнію многихъ государственныхъ актовъ и открываетъ многое, что доселѣ таилось во мракѣ. Можно сказать утвердительно, что кромѣ иностранныхъ сказаній о Россіи, наполненныхъ болѣе или менѣе ошибками или недоразумѣніями, въ нашей литературѣ до XVIII вѣка не было сочиненія, которое въ такой степени соединяло бы въ себѣ достоинство истины съ живостью повѣствованія“.

отца и мать невѣстиныхъ; и сидятъ царь съ невѣстою своею за столомъ, а бояре и боярыни за розными особыми столами. И передъ ѣствою царской духовникъ, протопопъ, царя и царевну благословляетъ крестомъ, и велитъ имъ межъ себя учинить цѣлованіе; и потомъ бояре и боярыни царя и царевну поздравляютъ обручався. И ѣвши и пивъ, царь царевну отпуститъ къ сестрамъ своимъ, попрежнему; а бояре и ихъ жены разъѣдутся по домамъ.

10. И наутрѣе того дни, въ которой быть женитьбѣ, бываетъ царь въ первой соборной церквѣ и молебствуетъ; и по молебствованіи патріархъ благословляетъ царя крестомъ и кропитъ водою святою, и царь прикладывается къ образомъ и святыхъ къ мощемъ, а потомъ благословляетца у патріарха о женитьбѣ своей, и патріархъ его благословляетъ словомъ. И пойдетъ царь изъ церкви въ другую соборную жъ церковь, гдѣ погребены прежніе цари, и въ то время отправитъ по мертвыхъ пѣніе; и учиня у гробовъ прощеніе, пойдетъ къ себѣ.

11. **О чину, какъ устраиваютъ свадебной чинъ.** Первое полату нарядятъ, объютъ бархаты, и постелютъ ковры турскіе и персицкіе болшіе; и учинятъ поставятъ царское мѣсто, гдѣ сидѣть царю и его царевнѣ, и передъ ними столъ, да столы жъ, за которыми сидѣть бояромъ и боярынямъ, и на тѣхъ столѣхъ положатъ скатерти да хлѣбъ съ солью. А царь въ то время устраиваетца во все свое царское одѣяніе, такъ же какъ и при коронованіи, а новую царевну прикажетъ нарядити во все царственное жъ одѣяніе, опричь короны, а положатъ на нее вѣнецъ дѣвичей; и въ то жъ время и бояре, и всѣ свадебные чины, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и полковники, и головы, и гости, устроятся въ золотое одѣяніе. А какъ то все устроится, и о томъ извѣстятъ царю, и мало время минувше укажетъ царь царевнину отцу и матерѣ, и всему чину ея половины, итти съ нею въ тѣ палату и ожидати своего пришествія; и какъ царевна съ отцемъ своимъ и съ матерью и зъ свадебнымъ чиномъ въ полату войдутъ, и въ то время царевну посадятъ на ей устроенное мѣсто, а сами ожидаютъ царского пришествія у своихъ мѣстъ, гдѣ устроено имъ сидѣть. И какъ о томъ царю вѣдомо объявится, что они со всѣмъ чиномъ въ полату пришли и устроилися, и царь скажетъ духовнику своему протопопу, что ему итти часъ, и духовникъ начнетъ говорить молитву, а царь и чинъ свадебной молятся образамъ; и по молитвѣ духовникъ свадебной чинъ и царя благословляетъ крестомъ, и дружки и свадебный чинъ благословляются у отца и ма-

тери, которые устроены за царскаго отца и мать, ѣхать по новобрачную невѣсту, и потомъ и царь благословляется же, и отецъ и мать даютъ благословеніе словомъ: „благослови Богъ!“ и потомъ пойдутъ протопопъ, и чинъ, и царь; а передъ ними идутъ коровайники, несутъ хлѣбъ. А какъ приходятъ къ той полатѣ, гдѣ устроено, и протопопъ учнетъ свадебный чинъ и царя благословляти крестомъ, и входитъ напередъ въ полату протопопъ, и чинъ, и царь; а царевна въ то время и ее чинъ стоятъ. А вшедъ, протопопъ, и чинъ, и царь молятся образомъ, и потомъ дружки и поддружья у отца и матери невѣстины благословляются новобрачному и дщери ихъ садитися на мѣсто; и они ихъ благословляютъ словомъ же. А какъ царь и царевна сядутъ на мѣсто на одной подушкѣ, и потомъ сядутъ и бояре и весь свадебный чинъ по своимъ мѣстамъ за столы, и учнутъ предъ царя и предъ царевну, и предъ свадебной чинъ, носити ѣсть столники и ставити ѣствы по одному блюду на столъ, а не всѣ вдругъ, и въ томъ столѣ, гдѣ сидятъ бояре и боярыни, ставитца одной ѣствы блюдъ по пяти, потому что иные сидятъ отъ первыхъ людей одинъ отъ другого вдали; а какъ ѣству испоставятъ, и въ то время вставъ духовникъ начнетъ предъ ѣствою говорити молитву „Отче нашъ“, а соверша молитву садятся по мѣстамъ; и потомъ дружки и поддружья учнутъ благословлятися у отца жъ и у матери новобрачной косу чесати, а протопопъ и свадебной чинъ начнутъ ѣсти и пити, не для того чтобъ досыта наѣстся, но для чину такого; а предъ царя ѣсть ставятъ и разрѣзываютъ и отдаютъ съ стола, а онъ не ѣстъ; и въ тожъ время какъ у новобрачной косу расчешутъ, дружки благословляются у отца и у матери новобрачную крутити, и они потому жъ благословляютъ словомъ; а какъ начнутъ косу чесати и укручивати, и въ то время царя и царевну закроютъ покровомъ и держатъ покровъ свѣщники, а косу разчесываютъ свахи и укручиваютъ; да въ то жъ время предъ царемъ стоитъ на столѣ, на болшомъ блюдѣ, хлѣбъ да сыръ, и тотъ хлѣбъ и сыръ начнутъ рѣзать и класть на торелки, да сверхъ того хлѣба и сыра на тѣ жъ торелки кладутъ дары, ширинки отъ новобрачной, по росписи, и подносятъ напередъ священнику да отцу и матерѣ невѣстинымъ да тысецкому, потомъ царю и поѣзжанямъ и сидячимъ бояромъ и боярамъ, и дружкѣ себѣ и свахамъ и конюшему и дворецкому и чинамъ ихъ, по росписямъ же; а, укрутя новобрачную, покроютъ покровомъ тѣмъ же, которымъ были закрыты, а на томъ покровѣ вышитъ крестъ, а вѣнецъ дѣвичей бываетъ снятъ и отданъ въ сохраненіе; также и къ царскому отцу и матерѣ и къ царев-

намъ, и къ сидячимъ бояромъ и бояронямъ, хлѣбъ и сыръ и дары посылаютъ съ невѣстинымъ дружкою, а къ патріарху бѣлаго полотна, сколко доведется; а бываютъ тѣ дары ширинки тафтяныя бѣлыя, шиты кругомъ золотомъ и серебромъ, около кисти золота съ серебромъ, а иныя золото и серебро съ шелкомъ. И послѣ того укрученія, изъ-за третьіе ѣствы протопопъ, вставъ изъ-за стола, учнетъ говорити по обѣдѣ молитву, и потомъ дружки у отца и у матери учнутъ благословлятися царю и съ царевною и съ поѣздомъ идти къ вѣнчанью, и они ихъ благословляютъ; и потомъ отецъ и мать царя и новобрачную благословляютъ образами окладными, обложены золотомъ съ каменьемъ и жемчугомъ и потомъ отецъ и мать, дочь свою взявъ за руку, отдаютъ царю въ руки и прощаются; а какъ пойдутъ въ церковь, и въ то время въ полатѣ протопопъ благословляетъ коровайниковъ и свѣщниковъ, и свадебныхъ людей, и царя и царевну крестомъ, а пойдутъ къ вѣнчанію къ той церквѣ, гдѣ служитъ духовникъ, и гдѣ мимо той церкви ходятъ въ верхъ къ царю черезъ сѣни всѣхъ государствъ послы, и приходя къ церквѣ такожъ протопопъ благословляетъ крестомъ всѣхъ, и потомъ входитъ въ церковь; а исъ полаты царь къ церквѣ идетъ съ царевною вмѣстѣ; и ведетъ ее за правую руку; и въ то время учнутъ во всѣ колокола звонити, и во всѣхъ церквахъ Бога молити о здоровьѣ его царскомъ и о царевнинѣ и о сочетаніи законнаго браку. А вшедъ въ церковь, царь и царевна станутъ среди церкви, блиско олтаря, и постелютъ подъ нихъ, на чомъ стояти, объяри золотной сколко доведется, и съ одну сторону царя держатъ подъ руку дружка, а царевну сваха; и протопопъ, устрояся во одѣяніе церковное, начнетъ ихъ вѣнчати по чину, и въ то время царевну открываютъ; и возлагаетъ на нихъ протопопъ вѣнцы церковные, а по вѣнчаніи подноситъ имъ изъ единаго сосуда пити вина французскаго краснаго, и сниметъ съ нихъ церковные вѣнцы, и возложатъ на царя корону. И потомъ протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ея слехка жезломъ, занеже мужъ женѣ яко глава на церквѣ, и жили бы въ чистотѣ и въ богобоязни, недѣлю и среду и пятокъ и всѣ посты постили, и въ церквѣ бъ Божіи приходили и подаяніе давали, и со отцемъ духовнымъ спрашивалися почасту, той бо на вся блага научитъ. А соверша протопопъ поученіе, царицу возметъ за руку и вдаетъ ю мужеви, и велитъ имъ межъ себя учинити цѣлованіе, и по цѣлованіи царицу покроютъ; и потомъ протопопъ и свадебной чинъ царя и царицу поздравляютъ

вѣнчався. А по поздравленіи протопопъ развлачась идетъ исъ церкви вонъ, и весь свадебный чинъ, и царь и царица, и въ сѣняхъ у дверей протопопъ противъ прежняго жъ начнетъ всѣхъ благословляти крестомъ, и идутъ въ царскія полаты; и тысецкой дружку посылаетъ, напередъ ихъ приходу, къ царскому и царицыну отцемъ и матеремъ, и къ сидячимъ бояромъ и боярынямъ сказати, что царь съ царицею вѣнчались въ добромъ здоровьѣ и идутъ къ нимъ — и они отвѣщаютъ, что они пришествія ихъ ожидаютъ; а сказавъ дружка воротится и скажетъ ихъ рѣчи тысецкому. А какъ царь идетъ исъ церкви въ хоромы, и въ то время бываетъ звонъ во всѣ колокола. Да въ то жъ время, какъ царь съ царицею вѣнчаются, царской отецъ и мать и бояре и боярыни сойдутца всѣ вмѣстѣ, въ тое полату, гдѣ окрученіе было; а какъ царь и свадебный чинъ входятъ въ полату, и у полаты протопопъ благословляетъ крестомъ всѣхъ попрежнему жъ, — и въ тожъ время отецъ и мать царскіе царя и царицу благословляютъ образами окладными, и потомъ отца и матери и бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ вѣнчався; и садятца за столы царь съ царицею, а бояре и чинъ свадебной за своими столами, и начнутъ носити ѣсть, и ѣдятъ и пьютъ.

15. И наутрѣе того дни царь со всѣмъ своимъ поѣздомъ ходитъ къ царицѣ; а царица въ то время бываетъ во всемъ своемъ одѣяніи и въ вѣнцѣ царскомъ; и чиновные люди царя и царицу поздравляютъ, а потомъ царица подноситъ. И потомъ царь съ поѣзжаны ходитъ къ патріарху, а патріархъ его благословляетъ и поздравляетъ; и отъ патріарха ходитъ царь по церквамъ своимъ и молебствуетъ, а по молебствованіи прикладывается къ образомъ.

16. А какъ приспѣетъ обѣдъ, и въ то время царь съ царицею ѣдятъ въ той же палатѣ, гдѣ сперва чинъ начался, а словетъ тотъ столъ княжей; и садитца царь съ царицею за своимъ столомъ на маестатехъ, а чиновные люди и боярыни въ прежнихъ своихъ мѣстѣхъ; и по обѣдѣ ставятъ на столъ овощи всякіе, сахары и ягоды и иныя диковинки, и въ то время царь и царица и всѣ чины стоятъ; и сперва царя и царицу отецъ и мать посаженые, и царевны, и сидячіе бояре и боярыни, и тысецкой, начнутъ благословляти образами окладными, и потомъ царя дарятъ бархатами и отласами и камками и объярми золотными и серебряными, и соболми, и серебряными кубками, также и царицу дарятъ бархатами жъ и отласами и камками и объярми, и соболми, и пернстми золотыми съ каменьемъ, и сосуды серебряными, у кого что прилучилось; и ѣтчи и пивъ за здоровья ихъ государскіе, того дни бояре и всѣ чины

разъѣдутца по домомъ. Такимъ же обычаемъ и на третій день у царя потомужъ бываетъ столъ отъ новобрачной царицы, на бояръ же и на свадебной чинъ, а называетца тотъ столъ княгининъ, и обѣдаютъ противо прежнего жъ; а послѣ стола за овощами начнутъ царя и царицу образами благословлять, царицынъ отецъ и мать, и ея сродичи, и сидячіе бояре и боярыни, и дарятъ противъ того же, какъ и царскіе чиновные люди, и ѣтчи и пивъ, потому жъ всѣ чины разъѣдутца по домамъ.

17. А какъ то веселіе бываетъ, и на его царскомъ дворѣ и по сѣнямъ играютъ въ трубки и въ суренки и бьютъ въ литавры; а на дворѣхъ чрезъ всѣ ночи для свѣтлости жгутъ дрова на устроеныхъ мѣстехъ; а иныхъ игръ, и музикъ, и танцовъ, на царскомъ веселіи не бываетъ никогда.

18. Въ четвертый же день у царя бываютъ патріархъ, и митрополиты и архіепископы и епископы, и архимандриты и игумены, и келари на обѣдѣ; и по обѣдѣ патріархъ и власти царя и царицу благословляютъ образами, и потомъ дарятъ противъ того-жъ, какъ и бояре, и тѣ образы и дары у патріарха и у болшихъ властей царь и царица пріимаютъ, а у иныхъ властей велятъ принимать. А потомъ царь и царица подносятъ имъ кубками и ковшами питья, и власти, пивъ за ихъ государское здоровье, разъѣдутца по домамъ; и потомъ къ патріарху и ко властемъ бываютъ отъ царя и отъ царицы милостыня, денгами, и подарки полотняные, и подачи ѣства и питье.

19. Такимъ же обычаемъ в-ыные бываютъ столы на столниковъ, на стряпчихъ, на дворянъ Московскихъ, и на гостей, и на сотенныхъ людей старостъ, и на городовыхъ выборныхъ посадцкихъ людей; и тѣ люди царю и царицѣ дары подносятъ противъ того жъ, у кого что прилучилося: и тѣ дары царь принимаетъ самъ, а царицы въ то время не бываетъ.

20. Поповъ и дьяконовъ, и служебниковъ соборныхъ церквей и иныхъ, кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день, а инымъ ѣсть и пить даютъ въ домы; да имъ же даютъ денги, что они за ихъ государское здоровье молили Бога, по 10 и по 5 рублевъ и менши, а меншое самое по полтинѣ, смотря по церквамъ, какъ кому годовое царское жалованье идетъ. А въ городы посылаютъ царскія граматы; соборныхъ и иныхъ церквей поповъ и дьякономъ велятъ давать молебныя деньги, противъ московскихъ вполы, изъ городцкихъ доходовъ. Да съ Москвы же въ городы по монастыря посылаются столники, стряпчіе, жилцы, съ милостиною и

лебными денгами, и кормить черицовъ—и даютъ денги по 5 рублевъ и по 4 и по 3 и по 2 и по рублю и по полтинѣ и менше человѣку черицу, смотря по человѣку, да по полотенцу и по 2 платка; а они противъ того тѣхъ людей благословляютъ образами и дарятъ, изъ монастырской казны, чѣмъ прилучилось.

21. А по веселіи его царскомъ пойдетъ царь съ царицею по московскимъ монастыремъ, и молебствуютъ, и кормятъ черицовъ, и даютъ милостиню: архимандритомъ, и игуменомъ, и келаремъ по 20 и по 15 и по 10 рублей человѣку, соборнымъ и рядовымъ по 5 и по 4 и по 3 и по 2 и по рублю человѣку, да по полотенцу, и по два платка. А какъ царь и царица съ монастыря пойдутъ, и въ то время власти съ братьею царя и царицу благословляютъ образами окладными, и подносятъ хлѣбы. И потомъ царь и царица ходятъ по богадѣлнямъ и по тюрьмамъ, и даютъ милостиню жъ, также и нищимъ и убогимъ людямъ даютъ по рублю и по полтинѣ и менше человѣку. И тѣхъ денегъ расходится множество тысечь.

22. Да въ то жъ время, какъ царя коронуютъ и веселіе бываетъ, на Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ воровъ свобождаютъ на волю, кромѣ самыхъ великихъ убійственныхъ дѣлъ.

23. А по всей его царской радости, жалуетъ царь по царицѣ своей отца еѣ, а своего тестя, и родъ ихъ, съ нискіе степени возведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достатенъ сподобляетъ своею царскою казною, а иныхъ розсылаетъ для покормленія по воеводствамъ въ городы, и на Москвѣ въ приказы, и даетъ помѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями и вотчинами, и воеводствами, и приказнымъ сидѣньемъ побогатѣютъ.

24. **О покоехъ царскихъ.** У царя и у царицы покои свои особые; и видаютъ царицу бояре и ближніе люди временемъ, а простые люди мало когда видаютъ.

25. Сестры жъ царскіе, или и тщери, царевны, имѣяй свои особые жъ покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди. А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитьѣ своемъ пишутца холопми; и то поставлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожа; а иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной вѣры и вѣры своей отмѣнити не учинятъ, ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и отъ того бъ имъ было въ стыдъ.

26. **О рожденіи царскихъ дѣтей.** Какъ приспѣетъ время ро-

дитися царевичу, и въ то время царю учинится вѣдомо, и посылаютъ по духовника, чтобъ далъ молитву; и нарекъ тому новорожденному младенцу имя, и какъ духовникъ дастъ молитву, и потомъ входитъ царь смотрити новорожденнаго. А даетца новорожденному младенцу имя отъ того времени, какъ родитца счетчи впередъ въ восмой день, котораго святаго день, и ему то жъ имя и будетъ. И пошлетъ царь къ патріарху съ вѣдомостью, что подаровалъ ему Богъ царевича, и патріархъ скоро идетъ въ церковь, а потомъ и царь, и молебствуютъ; а по инымъ по всѣмъ церквамъ и въ монастыри пошлютъ молебствовать же, и роздаютъ милостыню жъ нищимъ и убогимъ людемъ; а потомъ ходитъ царь по монастыремъ и кормитъ черницовъ и даетъ милостыню жъ; такъ же и въ тюрмы и въ богадѣлни посылаютъ милостиню болшую, да изъ тюремъ же виноватыхъ свобождаютъ, кромѣ самыхъ великихъ дѣлъ. Да того жъ дни, какъ родится царевичъ; бываетъ у царя на патріарха, и на властей, и на бояръ родилной столъ, а потомъ на поповъ и на дьяконовъ, а стрѣлцовъ и иныхъ чиновъ людей жалуетъ царь, велитъ поить на погребѣ питьемъ. А въ городы, къ митрополитомъ и къ архіепископомъ и къ епископомъ и къ воеводамъ, и по монастыремъ, посылаютъ столниковъ и стряпчихъ и жилцовъ съ царскими граматами, чтобъ они Бога молили за государскіе здоровья и за новорожденнаго царевича; а какъ тѣ люди пріѣхавъ въ городы чинъ свой исполнятъ и грамоты отдадутъ, и послѣ моленія у властей и у воеводъ и въ монастырѣхъ обѣдаютъ, а по обѣдѣ власти благословляютъ ихъ образами и дарятъ, и воеводы дарятъ же чѣмъ прилучитца, и тѣхъ даровъ отъ властей и отъ монастырей и отъ воеводъ бываетъ имъ не мало; а какъ пріѣдутъ они къ Москвѣ, и ихъ спрашиваютъ кто чѣмъ дарилъ, и будетъ кто подарилъ скудно, а мѣсто или человѣкъ богатые, и о томъ царь бываетъ гнѣвенъ, понеже будто тотъ человѣкъ не радъ рожденію того царевича. И послѣ того бываютъ у царя крестины, въ который день ни прилучитца, смотря по младенцову здоровью; а креститъ того младенца патріархъ, а воспріемникъ бываетъ перваго Троицы Сергіева монастыря келарь старецъ, а кума царевна сестра, или свойственная царю и царицѣ. И послѣ крещенія бываетъ на патріарха, и на властей, и на бояръ, и на иные чины столъ; а послѣ обѣда благословляютъ власти царевича образами, и потомъ власти и бояре и иные чины подносятъ царевичю дары, и царь у патріарха и у болшихъ властей и у бояръ образы и дары принимаетъ самъ, а у иныхъ меншихъ власт

у меншихъ чиновъ людей образы и дары велитъ принимать ближнимъ людемъ; а царевича въ то время не бываетъ; и пивъ заздравные чаши разъѣдутца по домамъ; такъ же и попомъ и дьякономъ столы, и стрѣлцомъ и всякихъ чиновъ людемъ питье бываетъ противъ того жъ, какъ въ рожденіи.

27. А какъ родится царевна, и въ рожденіи ея, и въ крещеніи, и въ молебствѣ, бываетъ противъ царевича жъ; а въ иныхъ домовыхъ статьяхъ въ роздачѣ денегъ передъ царевичемъ бываетъ съ убавкою.

28. А на воспитаніе царевича, или царевны, выбираютъ всякихъ чиновъ изъ жонъ—жену добрую, и здорову, и живетъ та жена у царицы на верху на воспитаніе годъ; а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска рода, мужа еѣ пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину даетъ; а подьяческая или иного служивого чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованья не мало; а посадцкого человѣка, и такимъ потому жъ дано будетъ жалованье не малое, а тягла и податей на царя съ мужа еѣ не емлютъ по ихъ животъ. Да у того жъ царевича, или у царевны, бываютъ приставлена для досмотру мамка, боярыни честная, вдова старая, да нянка и иныя послужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ, для береженія и наученія, боярина, честью великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища околничего, или думного человѣка; такъ же изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ столники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, и въ учители выбираютъ учителныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учитъ выбираютъ изъ посолскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, Латинскому, Греческаго, Нѣмецкаго, и нѣкоторыхъ, кромѣ Русского, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ. И бываетъ царевичамъ и царевнамъ всякому свои хоромы и люди, кому ихъ сберегати, особые. А до 15 лѣтъ и болши царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ, таковый бо есть обычай, а по 15 лѣтехъ укажутъ его всѣмъ людемъ, какъ ходитъ со отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно.

29. Царевичи же во младыхъ лѣтехъ, и царевны, болшіе и меншіе, внегда случися итти имъ къ церкви, и тогда около ихъ всѣ стороны несутъ суконные полы, что люди зрѣти ихъ не

могутъ, такъ же какъ и въ церквѣ стоятъ люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церквѣ завѣшены тафтою, и въ то время въ церквѣ кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздятъ молитися по монастырямъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ.

30. Какъ бываетъ празновати поодиножды въ году день рожденія царского, или царицына, или царевичей и царевенъ, и того дни у царя на патріарха, и на властей, и на бояръ, и на думныхъ людей, бываютъ столы; и послѣ стола патріархъ моля Бога говоритъ рѣчь заздравную, и пьетъ чашу напередъ самъ, потомъ подаетъ царю и митрополитамъ и боярамъ; и пивъ за царское здоровье, такъ же и царицыно и царевичей и царевенъ, разъѣдутся по домамъ.

А до стола какъ придетъ царь къ себѣ, отъ себя и отъ царицы и отъ царевичей и отъ царевенъ, которого бываетъ день, властемъ и бояромъ и думнымъ и ближнимъ людемъ, такъ же и столникомъ и дьякомъ и полковникомъ и гостемъ, роздаетъ именинные калачи; а здѣланы тѣ калачи бываютъ долгіе, аршина въ два и въ три, толщиною въ четверть аршина; а потомъ и дьякономъ и стрѣлцомъ кормъ и питье, и въ тюрмы и въ богадѣлни милостыня бываетъ противъ того жъ, какъ о томъ выше помянуто. Да въ тѣ жъ дни какъ празнуютъ ихъ государскіе имянины, въ войнѣ и въ городѣхъ болшіе воеводы, и митрополиты, и въ монастырѣхъ власти, дѣлаютъ столы на воинскихъ и на иныхъ людей, и на поповъ и на черницовъ; а по обѣдѣ потомужъ пьютъ заздравныя чаши. Такъ же въ тѣжъ дни на Москвѣ и въ городѣхъ, всякого чину люди работы никакіе не работаютъ, и въ рядѣхъ не сидятъ, и свадебъ не играютъ, и мертвымъ погребенія не бываетъ.

32. **О преставленіи царей и царицъ и царевичей и царевенъ и о погребеніи ихъ.** Когда лучится царю отъ сего свѣта преселитися въ оный покой, и тогда пошлютъ вѣдомо учинити къ патріарху и къ бояромъ; и патріархъ тогда пошлетъ у первыя своея церкви звонити во единъ колоколъ, изрѣдка, чтобъ всѣ люди вѣдали; а потомъ патріархъ идетъ въ церковь, и отпѣваетъ по мертвомъ Великій Канонъ; а бояре, и думные и ближніе люди, нарядятца въ черное платье, поѣдутъ на царской дворъ и у царского тѣла прощаются; и тогожъ дни царя измываютъ теплою водою, и возложа на него все царское одѣяніе и корону, положатъ во гробъ; а бываетъ тотъ гробъ деревяной, въ середи обито бархатомъ вишневымъ, а сверху червчатымъ; и стоитъ его царское тѣло въ его царской церквѣ, которая устроена предъ покоями его,

до тѣхъ мѣстъ, какъ будетъ погребеніе: и до 6 недѣль у гроба его говорятъ церковные дьяки денно и ночно псалтырь съ молитвами. А на Москвѣ и въ городы, по всѣмъ монастыремъ и по церквамъ, прикажутъ чинити по царѣ до шести недѣль поминаніе, и поставляти кутію по вся дни, кромѣ воскресенія и болшихъ празниковъ; и посылаютъ на Москвѣ въ монастыри и по церквамъ на поминаніе денги, а въ городѣхъ въ монастыри и по церквамъ на поминаніе денги даютъ изъ городцкихъ доходовъ, противъ Московскихъ вполы. Да въ городы жъ къ митрополитомъ и къ архіепископомъ и къ епископомъ, и въ монастыри къ архимандритомъ и къ игуменомъ, посылаетъ патріархъ грамоты, велитъ имъ для погребенія царского быти всѣмъ. А на Москвѣ въ третій день бываетъ у царицы, или у царевичей, на патріарха, и на властей, и на бояръ, и на поповъ, по царѣ поминалной столъ, и отпѣваютъ панафиду надъ кутіею, а бываетъ кутія здѣлана вареное пшено съ сытою да съ сахаромъ и съ ягоды, а въ монастырехъ и по церквамъ бываетъ кутія пшеница вареная съ сытою; такимъ же обычаемъ бываетъ столъ на патріарха, и на властей, и на бояръ, какъ минетъ три недѣли. А какъ изъ городовъ власти съѣдутца всѣ къ Москвѣ, и тогда изобравъ день, въ которой быть погребенію, патріархъ и власти, и попы и дьяконы, соберутца на царской дворъ и одѣнутся въ церковныя одѣянія, а царица и царевичи или и царевны, и бояре и ближніе люди, и боярыни и многія жены, устроятся въ черное платье, взявъ царское тѣло, пойдутъ съ царскаго двора, по чину: наперед идутъ дьяконы, попы, пѣвчіе дьяки, и поютъ каноны, а позади ихъ несутъ царское тѣло попы, а позади царскаго тѣла идутъ патріахъ и власти и царевичи и бояре, потомъ царица и царевны и боярыни, и много множества народа, мужеска полу и женска, всѣ вмѣстѣ, безъ чину, рыдающе и плачюще. А какъ придутъ къ той церквѣ, гдѣ погребаются цари, блиско царскаго двора именуетца та церковь Михаила Архангела, дьяконы и попы останутся у церкви, а власти, и царица и царевичи и царевны, и бояре, и иные чины идутъ въ церковь; а вшедъ въ церковь, царское тѣло поставятъ среди церкви, блиско олтаря, а въ олтарь не вносятъ; и учнутъ отпѣвати погребателное пѣніе, а отпѣвъ, погребутъ царское тѣло въ землю и покроютъ каменною ц-кою; а потомъ патріархъ надъ кутіею учнетъ говорить молитву и кадитъ ладономъ, а проговоря молитву начнетъ патріархъ ѣсти кутію, ложкою, трижды, потомъ подносятъ царицѣ и царевичамъ и царевнамъ и болшимъ властемъ, и боярамъ, и всякого чину людемъ;

и сотворя погребеніе пойдутъ каждый восвояси. Тогда же какъ погребаютъ царя, всякого чину людемъ даютъ восковые свѣщи, витые и простые, для провожденія,—и тѣхъ свѣщъ изойдется въ то время болше 10 берковескъ. Да въ тожъ время даетца исъ царскіе казны, за погребеніе, властемъ, и попомъ и дьякономъ, денги: патріарху по 100 рублевъ, митрополитомъ по 80, архіепископомъ по 70 и по 60, архимандритомъ и игуменомъ и самымъ болшимъ попомъ, по 50 и по 40 и по 30 рублевъ, а инымъ попомъ и дьякономъ рублевъ по 20 и по 15 и по 10 и по 5 и менши, смотря по человѣку. Да въ то жъ время во всѣхъ приказѣхъ, изготовя множество денегъ, завертываютъ въ бумаги по рублю и по полтинѣ и по полуполтинѣ, и вывезши на площади подьячіе роздаютъ милостиню нищимъ и убогимъ и всякого чину людемъ, поручно; такъ же и по монастыремъ, старцомъ и черницамъ, и въ богадѣлняхъ, роздаютъ всякому человѣку рублевъ по 5 и по 3 и по 2 и по одному, смотря по человѣку; да и во всѣхъ городѣхъ чернцомъ, и попомъ, и нищимъ, даютъ погребалные денги и милостиню, противъ Московского вполы и въ третюю долю. Такъ же на Москвѣ и въ городѣхъ всякихъ воровъ, для царского представленія, изъ тюремъ свобождаютъ всѣхъ безъ наказанія.

А какъ минетъ по смерти царской 40 дней, называются сорочины, и тогда власти, и царица, и царевичи, и бояре, бываютъ въ той же церкви у обѣдни и отпѣваютъ по царѣ панафиду; и потомъ на властей, и на бояръ, и на поповъ, въ царскомъ дому бываетъ столъ, а въ монастырѣхъ чернцовъ кормятъ ближніе люди, и даютъ милостиню жъ противъ погребенія вполы. И изойдется на царское погребеніе денегъ, на Москвѣ и въ городѣхъ, блиско того, что на годъ придетъ зъ государства казны.

А когда царица преставится, и еѣ погребеніе и чинъ бываетъ противъ того жъ, что и царской; а власти съѣзжаются не всѣ, потому что живутъ многіе вдали; и денгамъ росходъ противъ царского вполы. А когда преставится царевичъ, и ему погребеніе бываетъ противъ царицына малымъ чѣмъ съ убавкою. А какъ преставитца царевна, и имъ въ погребеніи бываетъ противъ царского въ четвертую долю. А чинъ тому погребенію бываетъ ровенъ всѣмъ. И погребаются цари и царевичи всѣ у той церкви Михаила Архангела; а царицы и царевны погребаются въ Вышѣ жъ городѣ въ Вознесенскомъ дѣвичѣ монастырѣ, гдѣ живутъ черницы. А ходитъ царь по царицѣ своей и по царевичахъ и по царевнахъ, и царица и царевичи и царевны по царѣ, и единъ по другомъ, какъ царе-

вичи по царевнахъ, такъ и царевны по царевичахъ, въ печалномъ платьѣ шесть недѣль, а болши того не бываетъ; такъ же и бояре и думные и ближніе люди, и ихъ жены, и всякого чину служилые люди, ходятъ въ печали по государехъ своихъ и по своихъ сродственныхъ противъ такого жъ всѣ, кромѣ мелкихъ людей. Да по царѣхъ же и по царицахъ, и по царевичахъ, и по царевнахъ, на Москвѣ и въ городѣхъ, по монастыремъ, по церквамъ по вся годы по суботнимъ днямъ бываетъ поминаніе аже до вѣку.

ГЛАВА II.

О царскихъ чиновныхъ людехъ: о боярехъ и околничихъ и думныхъ и ближнихъ людехъ, о столникахъ, о стряпчихъ, о дворянехъ, о полковникахъ и головахъ стрѣлецкихъ, о діакѣхъ, о жилцѣхъ и о всякихъ служилыхъ и дворовыхъ людехъ.

5. А жалуетъ царь въ бояре и въ околничіе и въ думные люди, хотя которого и на Москвѣ не бываетъ, въ Новое лѣто, сентября въ 1 день, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на день рожденія празнества его, изъ околничихъ бояриномъ, или изъ столниковъ и изъ спалниковъ бояриномъ или околничимъ, или думнымъ человѣкомъ. И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлехъ, и въ то время бояре и околничіе и думные дворяне садятца по чиномъ, отъ царя поодаль на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ кто выше и прежъ въ чину, околничіе подъ боярами противъ того жъ, подъ околничими думные дворяне потомужъ по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть; и о чемъ лучитца мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ. А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ: и кто исъ тѣхъ бояръ поболши и разумнѣе, или кто и изъ меншихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ болшихъ и изъ меншихъ статей

бояръ. А на чомъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить, и тотъ приговоръ записать. А лучится писати о чемъ грамоты во окрестные государства, и тѣ грамоты прикажутъ готовить посолскому думному дьяку, а думный дьякъ приказываетъ подьячему, а самъ не готовитъ, толко чернитъ и прибавливаетъ что надобно и ненадобно. А какъ изготовятъ, и тѣхъ грамотъ слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они жъ бояре слушаютъ въ другорядь съ царемъ всѣ вмѣстѣ; такъ же и иные дѣла написавъ взнесутъ слушать всѣмъ же боярамъ, и слушавъ бояре учнутъ слушать въ другорядь съ царемъ же. А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре нихъ какимъ дѣламъ, кромѣ того что послы прикладываютъ руки къ договорнымъ записямъ, руки своей не прикладываютъ, для того устроены они думные дьяки, а къ меншимъ ко всякимъ дѣламъ прикладываютъ руки простые дьяки, и приписываютъ подъячіе свои имена.

А какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и околничіе и ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре, и околничіе, и думные люди въ тоѣ полату въ думу и ни для какихъ нибудь дѣлъ не ходятъ развѣ царь укажетъ.

14. **О пріѣздѣ ихъ боярскомъ къ царю.** Бояре, и околничіе, и думные и ближніе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано, на всякій день; и пріѣхавъ, въ церквѣ, или въ палатѣ, увидѣвъ царя, кланяются предъ нимъ въ землю; а котораго дни они бояре въ пріѣздѣ своемъ запоздаютъ, или по нихъ посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по ево мысли, и онъ на нихъ гнѣваетца словами, или велитъ исъ полаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрму—и они за свои вины потомужъ кланяютца въ землю многажды, доколѣ проститъ; а какъ они и на пріѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А когда лучитца ему сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣлъ, или слова разговорные говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ; а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣть на дворъ; такъ же и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему, въ вечерни, по вся дни. А пріѣзжаючи они бояре къ царскому двору на лошадяхъ верхами, или въ коретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слазятъ, или исъ коретъ и исъ саней выходятъ, не доѣзжая двора и не блиско крылца; а къ самому [illegible]

или на дворъ его царской, не ѣздятъ никогда, и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускаютъ, а обводятъ кругомъ двора (а ѣздятъ бояре въ коретахъ старые, которые на лошадяхъ сидѣть не могутъ). А который бы бояринъ, или кто-нибудь, учинилъ черезъ силу, чтобъ на царской дворъ ѣхалъ на лошади, хотя безъ самого царя, а ему бъ о томъ вѣдомо учинилось, и его бъ скоро за то велѣлъ послать въ тюрьму, до указу своего, и честь его отнята бъ была; а ежели бъ человѣкъ его боярской, безъ вѣдома его, провелъ черезъ дворъ лошадь, и тому бъ человѣку учинено было наказаніе кнутомъ. Да не токмо бояромъ ѣздить неволно и лошади ихъ водити заказано, но и всякого чину людей, кромѣ стрѣлцовъ, съ ружьемъ и въ япанчахъ, и торговыхъ людей съ товары, и крестьянъ и простыхъ людей, черезъ царской дворъ не пускаютъ же, такъ же и иноземцевъ разныхъ вѣръ на дворъ и черезъ дворъ не пускаютъ же, а кому до кого будетъ какое дѣло до бояръ и думныхъ людей, и они ожидаютъ у царскаго двора; такъ же и въ походехъ его царскихъ и въ селехъ черезъ дворы потомужъ не пущаютъ. А который бы человѣкъ, кромѣ вахты, на Москвѣ и въ селехъ, пошелъ черезъ царской дворъ съ ружьемъ, съ саблею, или съ пистолми, тайнымъ обычаемъ, съ простоты, а не съ умысломъ злымъ, и такова бъ человѣка увидѣвъ, или бъ кто на него указалъ, поимавъ пытали бъ, для чего онъ черезъ царской дворъ шелъ съ ружьемъ, не на царя-ль, или на его домъ, или на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и не по наученію-ль чьему отъ кого отъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей, или отъ посадцкихъ и отъ гулящихъ людей и отъ крестьянъ.

18. Такъ же какъ пойдетъ царь куды въ походъ, на недѣлю и болши, или будучи и на Москвѣ, а бояромъ и думнымъ и ближнимъ людемъ и полковникомъ и дьякомъ для гулянья, или для какова дѣла, понадобится ѣхать въ деревни свои, дни на два, или на недѣлю и на мѣсяцъ; и они бьютъ челомъ царю о томъ, и царь ихъ отпущаетъ съ срокомъ, а безъ отпуску изъ бояръ, и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, и изъ полковниковъ, и изъ дьяковъ, съ Москвы съѣхать не смѣетъ никто, ни на одинъ день; да какъ они бываютъ отпущены на срокъ, и прежъ сроку для какого дѣла царю будутъ надобны, и по нихъ посылаютъ грамоты съ людми ихъ, которые останутца на Москвѣ, или нарочно стряпчими и съ жилцами и съ подьячими, велятъ быть тотчасъ. Да не токмо для гулянья своего отпрашиваютца, но когда прилучитца имъ котораго дни другъ у друга быти въ гостяхъ, на свадьбѣ, или на

крестинахъ, или на имянинахъ, и они отпрашиваются по такому жъ обычаю.

19. А какъ придетъ празновати день рожденія котораго бояръина, или думного и ближнего человѣка, или ихъ дѣтей, и они въ тотъ день ѣздятъ къ царю челомъ ударить, и царь ихъ спрашиваетъ о здоровьѣ и поздравляетъ, а послѣ того подносятъ царю имянинные калачи, и царь у нихъ тѣ калачи велитъ принимати; и потомъ пойдутъ къ царицѣ, и царица противъ того жъ поздравляетъ, и калачи велитъ принимать; и потомъ ходятъ къ царевичамъ и къ царевнамъ, и отъ нихъ потомужъ бываетъ имъ поздравленіе и калачи принимаютъ; а у царевенъ у самихъ не бываютъ, кромѣ свойственныхъ бояръ; и потомъ межъ себя тотъ день другъ у друга пируютъ. А царь, и царица, и царевичи, и царевны, у нихъ на обѣдехъ и въ домѣхъ ихъ не бываютъ ни у кого; и не токмо на обѣдехъ и на веселіяхъ ихъ, и на погребеніяхъ не бываютъ же никогда.

ГЛАВА XIII.

О житіи бояръ, и думныхъ, и ближнихъ, и иныхъ чиновъ людей.

1. Бояре и ближніе люди живутъ въ домѣхъ своихъ, въ каменныхъ и въ древяныхъ, безъ великого устроенія и призрѣнія; и живутъ зъ женами своими и зъ дѣтми своими покоями. Да у нихъ же болшихъ, не у многихъ, бояръ учинены на дворѣхъ своихъ церкви; а у которыхъ церквей нѣтъ, и они болшіе и середнихъ статей бояре, которымъ поволено держати въ домѣхъ своихъ поповъ, заутреню и часы и молебенъ и вечерню отправливаютъ у себя въ своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни они бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихожъ, или гдѣ похочетъ; а въ домѣхъ у нихъ своихъ окромъ церквей обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ они бояре и ближніе люди попомъ своимъ жалованье, по зговору, погодно, и дается женатымъ людемъ попомъ помѣсечной кормъ и ѣствы и питье, а вдовые попы ѣдятъ зъ боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что приключилось.

2. А въ которые дни бываютъ праздники Господскія, или иные нарочитыя, и имянинные, и родилные, и крестилные дни: и въ тѣ дни другъ зъ другомъ пиршествуютъ почасту. Ѣствы же обычай готовить попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару и безъ перцу и имбирю и иныхъ способовъ, малосолны и безуксусны. А

какъ начнутъ ѣсти, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иные ѣствы приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу и соли и перцу, и въ тѣ ѣствы прибавливаютъ на столѣ: а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковый есть: предъ обѣдомъ велятъ выходити къ гостемъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостемъ придутъ, и станутъ въ полатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяетца въ землю жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости единъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и поцѣловавъ отшедъ потомужъ кланяются въ землю, а та, кого цѣлуютъ, кланяетца гостемъ, малымъ обычаемъ; и потомъ того господина жена учнетъ подносити гостемъ по чаркѣ вина двойного, или тройного зъ зельи, величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря, или малымъ болши; и тотъ господинъ учнетъ бити челомъ гостемъ и кланяетца въ землю жъ, сколко тѣхъ гостей ни будетъ всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пити напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подносятъ гостемъ, и гости прѣдъ питіемъ вина и выпивъ отдавъ чарку назадъ кланяются въ землю жъ; и кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романеи, или ренского, или иного питья по кушку; и по томъ питіи, того господина жена поклонясь гостемъ пойдетъ въ свои покои, къ гостемъ же, къ бояронямъ тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственные, а чюжихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ, и въ обѣдъ, за всякою ѣствою господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское, и пива поддѣлные и простые, и меды розные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ ѣствы круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ того господина сыновни жены, или дочери замужніе, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ тѣмъ женамъ кланяются и мужы тѣхъ женъ потомужъ кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости [illegible] цѣловали и вино у нихъ пили; и гости цѣло

вавъ тѣхъ жонъ и пивъ вино садятца за столъ, а тѣ жены пойдутъ по прежнему, гдѣ сперва были. А дочерей они своихъ дѣвицъ къ гостемъ не выводятъ и не указываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ далнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣдѣ господинъ и гости потомужъ веселятца и пьютъ другъ про друга за здоровья, разъѣдутца по домомъ. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужского полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ никого.

3. А лучитца которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужъ: и они межъ себя кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу тоѣ невѣсты, или къ матерѣ, или къ брату, говорити друзей своихъ мужескъ полъ или женской, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорити и спросити, ежели они похотятъ дочь свою или иного кого выдать замужъ за него за самого, или за иного кого, и что будетъ за тою дѣвицею приданого, платьевъ, и денгами, и вотчинами и дворовыми людми. И тотъ человѣкъ, будетъ хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, толко подумаетъ о томъ съ женою своею и съ сродичами, а подумавъ учинитъ имъ отповѣдь которого дни мочно; а будетъ дать за него не хочетъ, вѣдая его что онъ пьяница, или шальной, или иной какой дурной обычай за нимъ вѣдаетъ, и тѣмъ людемъ откажетъ, что ему дати за такого человѣка не мочно, или чѣмъ нибудь отговоритца и откажетъ.

А будетъ умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ: и онъ изготовя роспись, сколко за тою дѣвицею дастъ приданого, денегъ и серебряные и иные посуды и платья и вотчинъ и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людемъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а тѣ люди отдадутъ жениху; а дочери, или кому-нибудь, о томъ не скажутъ и не вѣдаетъ до замужества своего. И будетъ тому жениху по тому приданому та невѣста полюбитца, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матерѣ говорить прежнихъ же людей, чтобъ они ему тоѣ невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ учнутъ, и отецъ или мать тоѣ невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать рады, толко не ему самому жениху, отцу или матерѣ или сестрѣ или сродственной женѣ, кому онъ женихъ самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрити мать свою, или сестру, на которой день

приговорятъ: и тоѣ невѣсты отецъ и мать къ тому дни готовятся, и невѣсту нарядятъ въ доброе платье, и созовутъ гостей сродственныхъ людей, и посадятъ тоѣ невѣсту за столъ; а какъ та смотрилщица пріѣдетъ, и ей честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ тоѣ невѣсты, и сидячи за столомъ, за обѣдомъ, та смотрилщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываючи еѣ разуму и рѣчи, и высматриваетъ въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сказать пріѣхавъ къ жениху, какова она есть; и бывъ малое, и многое время, поѣдетъ къ жениху. И будетъ той смотрилщицѣ та невѣста не полюбитца, и она скажетъ жениху, чтобъ онъ къ ней болши того не сватался, присмотритъ еѣ, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, и тотъ женихъ отъ тоѣ невѣсты отстанетъ прочь, и болши того свататца не учнетъ; а будетъ та невѣста полюбилась и скажетъ тому жениху, что добра и разумна и рѣчью и всѣмъ исполнена, и тотъ женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матерѣ тѣхъ же первыхъ людей, что онъ тоѣ невѣсту излюбилъ, и хочетъ съ нимъ учинить зговоръ и записи написать, что ему на ней женитца на постановленной срокъ, а они бъ потомужъ тоѣ невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ. И тоѣ невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людми къ жениху, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нимъ для зговору съ неболшими людми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, того дни до обѣда или по обѣдѣ; и скажетъ имъ день, когда къ нему быть, и къ тому дни готовитца. И женихъ дождався того дни, нарядясь, съ отцомъ своимъ, или съ сродичами, или зъ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу, или матерѣ; а пріѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годитца, и идутъ въ хоромы и садятца по чину; а посидѣвъ учнетъ говорить отъ жениха отецъ, или иной сродственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для доброго дѣла, по его приказу; и господинъ дому своего отвѣщаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать зговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣ стороны, учнутъ уговариватца о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положатъ свадбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времяни изготовится, за недѣлю и за мѣсяцъ и за полгода и за годъ и болши; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ свои имена, и третьихъ, и невѣстино, а напишутъ, что ему по зговору тоѣ невѣ[illegible] прямой уставленной срокъ, безъ премѣненія, а тому [illegible]сту за него выдать на тотъ же срокъ, безъ премѣ[illegible]ть въ томъ писмѣ межъ собою зарядъ, бу-

ъ человѣкъ на тотъ установленной срокъ тоѣ дѣвицы не
, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ,
а виноватомъ 1000 или 5000 или 10.000 рублевъ денегъ,
кто напишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣтчи
поѣдутъ къ себѣ, а невѣсты ему не покажутъ и невѣста
ниха не видаетъ; а выходитъ въ то время ширинкою да-
ениха отъ невѣсты мать, или замужня сестра, или чья сро-
я жена.

И послѣ того зговору женихъ провѣдаетъ про тое невѣсту,
о съ стороны хотя тоѣ невѣсту взять за себя, или за сына,
о тому жениху разобьетъ, что она или глуха, или нѣма, или
, и что-нибудь худое за нею провѣдаетъ, или скажутъ, и
елокѣкъ тоѣ невѣсты за себя не возметъ, и тоѣ невѣсты
или мать бьютъ челомъ о томъ патріарху, что онъ по зго-
воему и по заряду тоѣ невѣсты на срокъ не взялъ, и взяти
етъ, и тѣмъ ѣ обесчестилъ; или тоѣ невѣсты отецъ и мать
авъ про того жениха, что онъ пьяница, или зерньщикъ, или
къ, или что-нибудь свѣдавъ худое, за него не выдастъ и вы-
е хочетъ, и тотъ женихъ бьетъ челомъ о томъ патріарху жъ.
ріархъ велитъ про то сыскать, и по сыску и по зарядным
мъ на виноватомъ возмутъ зарядъ, что будетъ въ записи на-
, и отдадутъ правому жениху, или невѣстѣ; а послѣ того
ему женитца на комъ хочетъ, или невѣсту волно выдать за
очетъ же.

А будетъ съ обѣ стороны противъ писемъ своихъ испол-
и къ свадбѣ изготовятца на установленой срокъ: и женихъ
етъ къ себѣ на свадбу сродственныхъ и чюжихъ людей, кто
друженъ, въ чиновные люди и въ сидячіе бояре и боярыни,
о томъ писано выше сего въ царской свадбѣ; такъ же и съ
ную сторону созываютъ гостей, противо того жъ. И того дни,
орой быть свадбѣ, изготовятъ у жениха и у невѣсты столы,
вѣсти, что ужъ жениху пора ѣхать по невѣсту, и они по-
по чину: напередъ несутъ коровайники хлѣбъ на носилкахъ,
ъ идутъ лѣтомъ на лошадяхъ верхами, а зимою въ саняхъ,
съ крестомъ, потомъ бояре, и тысецкой, и женихъ; а пріѣ-
къ невѣстѣ на дворъ и идутъ въ хоромы, по чину, а не-
ецъ и гости встрѣчаютъ ихъ съ честію, и чинъ той
ъ невѣсть противъ того жъ, какъ въ царской свадбѣ написано.
Здѣсь время что имъ ѣхать къ вѣнчанію, и дружки у
а невѣстиной спрашиваютца, чтобъ они повобрач-

ного и новобрачную благословили ѣхать къ вѣнчанію; и они благословляютъ ихъ словомъ, и на отпускѣ отецъ и мать жениха и невѣсту благословляютъ образами, а потомъ взявъ дочь свою за руку, отдаютъ жениху въ руки. И потомъ, свадебный чинъ, и поѣзъ, и женихъ съ невѣстою вмѣстѣ, взявъ ее за руку, пойдутъ изъ хоромъ вонъ, а отецъ и мать и гости ихъ провожаютъ на дворъ, и женихъ, посадя невѣсту въ колымагу или въ каптану, садитца на лошадь или въ сани, такъ же и весь свадебный чинъ, и ѣдутъ изъ двора къ той церквѣ, гдѣ вѣнчатца; а отецъ невѣстинъ и гости пойдутъ назадъ въ хоромы, и пьютъ и ѣдятъ до тѣхъ мѣстъ, какъ будетъ отъ жениха вѣсть; а провожаетъ невѣсту только одна сваха ее, да другая женихова. И бывъ у вѣнчанія, поѣдутъ со всѣмъ поѣздомъ къ жениху на дворъ, и посылаютъ къ женихову отцу съ вѣстью, что вѣнчались въ добромъ здоровьѣ. И какъ пріѣдутъ они къ жениху на дворъ, и ихъ жениховъ отецъ и мать и гости встрѣчаютъ, и отецъ и мать, родные или посѣденые, жениха и невѣсту благословляютъ образами и подносятъ хлѣбъ да соль, и потомъ садятца за столы и начнутъ ѣсти, по чину; и въ то время невѣсту откроютъ.

6. А наутрѣе ѣздитъ женихъ съ дружкою созывать къ себѣ гостей, къ обѣду, своихъ и невѣстиныхъ. А пріѣхавъ къ невѣстину отцу и матерѣ, бьетъ челомъ имъ за то, что они дочь свою вскормили и вспоили и замужъ выдали въ добромъ здоровьѣ, и созывая гостей поѣдетъ къ себѣ домовь. А какъ къ нему гости всѣ съѣдутца, и новобрачная свадебнымъ чиновнымъ людемъ подноситъ дары. И передъ обѣдомъ ѣздитъ онъ, женихъ, со всѣмъ поѣздомъ челомъ ударитъ къ царю. А какъ пріѣдутъ и войдутъ въ палату къ царю, и кланяются въ землю всѣ, а царь въ то время сидитъ и спрашиваетъ про женихово и невѣстино здоровье, сидя въ шапкѣ; и женихъ кланяется въ землю; и потомъ царь поздравляетъ ихъ сочетався законнымъ бракомъ, и благословляетъ жениха и невѣсту образами окладными, и даетъ жалованье по сороку соболей, да на платье по портищу бархату и отласу и объяри золотной, и по портищу же отласу и камки и тафты простой, да по сосуду серебряному вѣсомъ фунта по полтора и по два сосудъ; а невѣста сама у царя не бываетъ; и подаетъ царь тысецкому, и жениху, и свадебному чину, питья по кубку романеи, а потомъ по ковшу меду вишневого, а какъ они выпьютъ, и потомъ отпуститъ ихъ царь къ себѣ домовь. А пріѣхавъ женихъ домовь, со всѣми гостми учнутъ ѣсть и пить, а по ѣствѣ отецъ и мать и гости жениха и невѣсту бла-

гословляютъ образами и дарятъ, у кого что прилучилось; и ѣтчи и пивъ, разъѣзжаются по домомъ. А на третій день бываетъ женихъ и невѣста, и гости, у невѣстина отца и матери, со всѣми своими гостми, на обѣдѣ, и по обѣдѣ невѣстинъ отецъ и мать и гости потомужъ жениха и невѣсту дарятъ, и ѣтчи и пивъ разъѣдутца по домомъ; и болши того у нихъ веселія не бываетъ.

Да въ то жъ время какъ женихъ бываетъ у царя, невѣста отъ себя посылаетъ зъ бояронею къ царицѣ и къ царевнамъ, дары, убрусы тафтяные шиты золотомъ и серебромъ зъ жемчугомъ; и у нихъ тѣ дары царица и царевны принимаютъ, и посылаютъ отъ себя спрашивать тоѣ невѣсту о здоровьѣ.

А какъ то веселіе бываетъ, и на томъ веселіи дѣвицъ и мусикъ никакихъ не бываетъ, кромѣ того, что въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры.

7. Да въ то жъ время какъ то веселіе бываетъ, и попу, которому жениха съ невѣстою вѣнчати, даетца отъ патріарха и отъ властей писмо за печатью, чтобъ ему вѣнчати жениха съ невѣстою, провѣдавъ подлинно, чтобъ съ невѣстою женихъ были не въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ, ни въ кресномъ братствѣ и не шестаго и не седмаго колѣна въ свойствѣ, и не четвертые жены мужъ и не четвертаго мужа жена; а ежели онъ провѣдаетъ, что въ кумовствѣ и въ братствѣ и въ иныхъ вышеписанныхъ статьяхъ, и ему такихъ людей вѣнчати не велѣно. А будетъ попъ вѣдаючи вѣнчаетъ, или и не вѣдаючи, и того попа отъ поповства отставятъ, да на немъ же, ежели онъ вѣдалъ, возмутъ пеню болшую, и за такое дѣло сидитъ у властей въ смиреніи годъ; а жениха съ невѣстою разведутъ въ розньи и въ женитбу имъ того кромѣ грѣха не ставятъ, и волно имъ разведенымъ, кто не на трехъ былъ женатъ, или не за тремя была замужемъ, вновь женитися, или замужъ итти за иного.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ такого же обычая, во всемъ; но толко въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ зъ дворянскимъ чиномъ розницца, сколко кого станетъ.

10. А будетъ у которого отца, или матери, есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очми, или рукою или ногою, или глуха и нѣма, а другіе сестры ростомъ и красотою и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататца т того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрити мать свою сестру и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто тое своея увѣчные до назвавъ имянемъ тое дочери, за которую не вѣдаючи учнутъ сват

показываютъ другую или третью дочерь, и та присланная смотря дѣвицы тоѣ излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и женитися ему на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ и о свадбѣ у нихъ съ отцомъ и съ матерью учинится зговоръ, что ему на той имянемъ дѣвицы женитца на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленной срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадба, и въ то время за того жениха по зговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочерь, которые имя въ записяхъ своихъ напишутъ, а не тоѣ, которую сперва смотрилщицѣ показывали, и тотъ человѣкъ женяся на ней того дни въ лицо еѣ не усмотритъ, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма и глуха, потому что въ тое свадбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, такъ же ежели хрома и руками увѣчна и того потомужъ не узнаетъ, потому что въ то время еѣ водятъ свахи подъ руки, а какъ отвѣнчався еѣ увидитъ, что добрѣ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучитца, и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ еѣ бьетъ и мучитъ всячески, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричися сама. И будетъ которая жена бываетъ противна, побой его и мученія не терпитъ, жалуетца сродичамъ своимъ, что онъ съ нею живетъ не въ совѣтѣ и бьетъ и мучитъ, и тѣ сродичи на того человѣка бьютъ челомъ патріарху, или большимъ властемъ, и по тому челобитью власти велятъ сыскать дворовыми людми и сосѣдми, по душамъ ихъ: и будетъ тому есть правда, и того человѣка сошлютъ въ смиреніе, въ монастырь, на полгода или на годъ, а жена его останется въ дому; и какъ урочные мѣсяцы въ монастырѣ отсидитъ, или до того времени жена объ немъ учнетъ бить челомъ, чтобъ былъ свобожденъ, и его свободятъ, и велятъ ему съ нею жить по закону; и будетъ и того не послушаетъ, и ихъ разведутъ и животы ихъ имъ раздѣлятъ пополамъ, и до семи лѣтъ имъ одному женитися на иной, а другой за другого итти замужъ не поволено. А которой человѣкъ видя свою жену увѣчную, или несовѣтливу, отступя отъ неѣ самъ пострижется; а иные мужья, или жены, много того чинятъ, велятъ отравами отравити.

11. А которого человѣка обманутъ, выдадутъ за него дѣвицу
, которую показывали смотрилщицѣ, бьетъ челомъ о томъ
у и властемъ; и по его челобитью возмутъ у нихъ зарядные

записи и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей, по душамъ, что впрямь ли выдана та, которая въ записи стоитъ имянемъ? И будетъ та, и потому такъ и быти противъ записей и что скажутъ люди, а тому не вѣрить, которую смотрѣлъ, для того, не провѣдавъ подлинно не женися; а будетъ сосѣди и сторонніе и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не тоѣ, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да сверхъ того кто неправдою выдалъ, возмутъ пеню болшую и убытки жениховы, да его жъ за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще времянемъ бываетъ болши того, каково полюбитца царю.

12. Такъ же у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ нибуди худымъ, и вмѣсто еѣ на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ имянемъ инымъ и наряди въ платье в-ыные. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ неѣ подставливаютъ стулы, потому что видитца доброродна, а на чомъ стоитъ, того не видѣть.

13. А которые дѣвицы бываютъ увѣчны, и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырѣхъ, безъ замужества.

14. А которой человѣкъ женихъ похочетъ смотрити невѣсты самъ, и по его прошенію отецъ или мать вѣдая дочь свою, что еѣ предъ людми показати не въ стыдъ, укажутъ тому жениху; и тотъ женихъ смотря тоѣ невѣсты, а послѣ того ему не полюбитца и тоѣ невѣсту учнетъ хулить и поносить худыми и позорными словами, и другихъ жениховъ учнетъ отъ неѣ отбивать прочь; и тоѣ невѣсты отецъ или мать, или кто нибудь, провѣдавъ о томъ, учнетъ о томъ бить челомъ патріарху или властемъ, что тотъ человѣкъ невѣсты ихъ смотрѣлъ самъ, а послѣ еѣ хулитъ и безчеститъ и другимъ людемъ розбиваетъ, чтобъ о томъ они указъ учинили; и по сыску патріархъ и власти, кто смотря хулилъ и безчестилъ тоѣ невѣсту, велятъ женити его на ней силно; а будетъ онъ женится до того челобитья на иной, и на немъ той невѣстѣ возмутъ безчестье, по указу.

Благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ, а такого у нихъ обычая не повелось, какъ в-ыныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися времянемъ съ невѣстою самому.

38. Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ.

Жилища.

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Въ старину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ. Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ. Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти саженъ въ длину. Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ. Въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и каменными оградами. Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло, и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходить слуги къ его слугамъ. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы во дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ они были только приперты, а ночью заперты на замокъ, и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею.

Въ самой Москвѣ въ XVI в. большею частью зданія были деревянныя. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменныя постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. Уже по смерти царя Алексѣя, въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ, Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменныя строенія, и для этого выдавали изъ Приказа Большого Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не

имѣли средствъ сооружать каменныя постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменныя ограды. Форма домовъ была четвероугольная. Деревянные дома дѣлались изъ сосновыхъ, иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусьевъ. Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха, и притомъ не употребляли въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя; для теплоты обивали ихъ еще мохомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ. Дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ и отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная. Вмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ. Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, была строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ и означаетъ кладовую, обыкновенно холодную. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ Русской землѣ. У царей для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно такъ же и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями, иногда нѣсколько избъ связывались переходами. Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родового единства съ личною и семейною отдѣльностью, и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилыя помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться между собою, а въ случаѣ еслибъ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое

мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу. У простолюдиновъ избы были черныя, т.-е. курныя безъ трубъ: дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати. Курныя избы были въ XVI вѣкѣ и въ самой Москвѣ. Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ дома въ два жилья, нерѣдко съ надстройкою наверху, которая придавала дому снаружи видъ трехъяруснаго. Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одноэтажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца со ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ. Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами. Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями. Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую отъ крыльца дверь или изнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую рундукомъ, потомъ прямо въ сѣни второго яруса. Соотвѣтствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣньми и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома, и однѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя. Нижній этажъ назывался подклѣтомъ, и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во вторыхъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня; но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Люди богатые, часто устраивавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣньми, такъ называемыя столовыя. Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня.

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣньми—вышками. Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе второго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовали третій этажъ, равный второму.

Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлые и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокихъ. Впрочемъ названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка — небольшая башенка или смотрильня. Самая обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ сажепъ длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу. Вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы для сохраненія теплоты, и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стороны желѣзными ставнями. Вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду. Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла были мало въ употребленіи.

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣскольку семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Для храненія домашняго имущества строились клѣти. При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада. Обыкновенныя деревья были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишень было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ, напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ, напр., рябина или калина.

Внутреннее украшеніе дома.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ за-

житочнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ происходило домашнее моленіе.

Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для обтиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками. Кромѣ лавокъ, для сидѣнья дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напр., до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Стольцы были четвероугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ. Столы дѣлались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшали рѣзьбою. Въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, атлабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было; церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Такъ же точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ, кромѣ иконъ; но въ XVII в. мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель,

состоявшую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Вообще постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ или на матрасѣ. У людей по средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя, для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоцѣнныя бездѣлки, въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями. Часы составляли рѣдкость.

Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы; у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатыхъ оловяныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостями, такъ чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Послѣдняго рода блюда назывались блюдцами. Тарелки (торели) не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя, съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоцѣнными камнями; ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница и перечница, иногда горчичница. Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, кувшины, кружки, чаши, кубки, ковши. Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр., гладкіе, граненые, чеканные. Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя

надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя изреченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости, напр., „Чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе, хваля Бога, про государево многолѣтнее здоровье". Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоцѣнные, и носили тѣ же названія. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзьбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса.

Русская кухня.

Русская кухня была національная, то-есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась, какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скоромный и постный. Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной и даже предпочитали его пшеничному, приписывая ему больше питательности. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. Въ скоромные дни они начинивались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. Въ постные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, съ макомъ, горохомъ. Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай—сдобный хлѣбъ. Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть пастетъ, начиненный курицею, яйцами, бараниной съ масломъ или говяжьимъ саломъ, оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты. Мясныя кушанья были вареныя или жареныя. Вареныя подавались въ щахъ, ухѣ, разсолѣ и подъ взварами; щи забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была капуста. Къ щамъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляло принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикою называлась черною ухою, съ перцомъ бѣлою, а безъ пряностей голою. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаній въ скоромные дни съ весны и до поздней осени.

Для говядины служили яловыя коровы, поэтому говядина вообще носила въ старину названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіе года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Лебеди считались самымъ изысканнымъ блюдомъ. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные запасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ и т. д. Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патокѣ, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Другое лакомство была пастила, приготовляемая изъ яблокъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскимъ изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей, также цѣлыя сахарныя головы.

Напитки, употребляемые русскими въ старину, были: квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасоварныя заведенія и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастырахъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простого, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржанаго солода, были квасы медовые и ягодные. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе дозволеніе приготовлять у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Оригинальное и лучшее русское

питье было медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ. Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорты; обыкновенная водка носила названіе простого вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше—вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четверную, т.-е. четыре раза перегонную водку, и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, селитрѣ. Русскіе пили водку не только передъ обѣдомъ, но и во время обѣда, послѣ обѣда и во всякое время дня. Иностранныя вина въ XVI в. употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но, по мѣрѣ того какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII в. явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большомъ употребленіи были греческое, церковное, мальвазія, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романея. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности. Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Знатныя лица употребляли его, какъ лѣкарство, и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ сдѣлается современемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

Порядокъ дня.

Предки наши, какъ знатные, такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Въ старину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ. Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образъ, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличнѣе,

смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ умыванія одѣвались и приступали къ моленію. Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени, и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ. Окончивъ молитвословіе, расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будитъ госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужей, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки послѣ утренняго моленія отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками съ своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ, наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ предъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Въ полдень наступало время обѣда. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, потчевалъ ихъ хмельнымъ, иногда всѣхъ дарилъ, и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола. Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай.

Спали, пообѣдавши, и цари, спали бояре, спали купцы, затворивши свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ. Не спать или по крайней мѣрѣ не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ самозванцѣ не царское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, если имѣли возможность и достатокъ. Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампады, зажигались свѣчи передъ образами, домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать.

39. Старинная русская одежда.

Одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ же названія и отличалась только степенью убранства. Обувь простого народа была: лапти изъ древесной коры, обувь древняя, употребительная во времена язычества; носили башмаки, сплетенные изъ прутьевъ лозы; нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфти, у богатыхъ—изъ сафьяна. Сапоги были до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла. Чоботы были полусапожки съ остроконечными, загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги, т.-е. сафьянные чулки. Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ и голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ, особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно

было сафьяну. Рубахи у простонародія были холщевыя; у знатныхъ и богатыхъ—шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи и считали ихъ нарядымъ бѣльемъ; у знатныхъ и богатыхъ вышивали рукава, грудь, воротникъ, который назывался ожерельемъ.

На рубаху и штаны надѣвались три одежды одна на другую. Исподняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ. Исподняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, часто недоходившее до колѣнъ, въ родѣ камзола. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе — изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напримѣръ, тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой-нибудь матеріи; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. На зипунъ надѣвали вторую одежду. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ раззолоченные сапоги. Рукава его были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣнили перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напримѣръ, горячую посуду. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другого цвѣта, въ видѣ четыреугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и снурки, чтобъ застегивать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ висячія петли, на другой прикрѣпляли пуговицы. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напримѣръ, на собольихъ пупкахъ или на бѣличьихъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами. Ферезями назывались одежды, надѣваемыя также на зипуны; мало отличалась эта одежда отъ кафтана. Верхнія или накидныя одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезь, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень,

такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пять, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегивались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капюшономъ сзади. Ферезь—плащъ съ рукавами; она надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая — нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плеча и застегивались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ нарядным платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но и сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобъ выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя или тулупы и заячьи, у людей посредственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ. Шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоцѣнностями. Въ старину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоцѣнность. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ, и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили въ комнатѣ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался колпакомъ. Третій родъ шапокъ былъ четвероугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышкомъ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки—исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ со-

словій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ, обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью. Горлатныя шапки по своей фигурѣ составляли обратную противоположность колпаку, ибо вверху были шире, внизу уже. Во время парада боярин надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободкахъ и съ желѣзною печатью. Въ старину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по бо́льшей части эти камни были низкаго достоинства. Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотою бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ, и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы. Въ довершеніе русскаго наряда люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольничимъ, дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ, зато и знатные и незнатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Посохъ служилъ

вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самимъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово „женскій", напр., женская шуба, женскій опашень. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя платья богатую мантію, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатаго, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или сребротканной, съ вошвами (вѣроятно, вшитыми мѣстами). Края этой мантіи были съ особенною нарядностью разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; они пристегивались и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запушьемъ. На голову замужнія женщины надѣвали волосники или подубрусники: то были шапочки на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ суживать и расширять, и съ ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для ней большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобъ даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кику: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другого

жемчужными поясками. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косы, а носили волосы распущенными по плечамъ. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы.

Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Бѣдныя женщины носили мѣдныя, болѣе зажиточныя — серебряныя, богатыя женщины—золотыя съ драгоцѣнными камнями. На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, т.-е. браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ много, какъ и у мужчинъ. Шея женщины и дѣвицы была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланные финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество ссыпного жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ; иногда болѣе пуда. На платья, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчуга, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги. Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали, какъ не идетъ собственно имъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ.

40. Празднованіе новаго года (1 сентября — Семенъ день) въ старину.

Семенъ день, бывшій прежде первымъ днемъ новаго года, отправлялся на Руси со всѣми веселіями. Московское празднество преимуществовало передъ всѣми. Москвичи, собравъ у себя гостей, проводили съ ними встрѣчный вечеръ до пѣтуховъ. Эти вечера бывали семейные: молодые и старые сходились на Семенины посидѣлки къ старшему въ родѣ, съ тишиною и скромностью встрѣчали новое лѣто. Съ посидѣлокъ отправлялись къ заутрени въ церковь Симеона Столпника. Въ полночь ударяла въ Кремлѣ вѣстовая пушка, гудѣлъ колоколъ на Иванѣ Великомъ и городскія ворота растворялись настежь. Такъ новый годъ возвѣщался на Руси. Съ разсвѣтомъ дня москвичи спѣшили въ Кремль, гдѣ патріархъ и царь встрѣчали новый годъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ книгѣ, глаголемой „Потребникъ мірской, 1639 г.“, находимъ: „чинъ препровожденію лѣту“, или „начало индикта, еже есть новое лѣто“. Патріархъ Филаретъ совершалъ этотъ обрядъ на Ивановской площади, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. У Благовѣщенскаго собора устраивалось царское шатерничье мѣсто съ паволоками (шелковая ткань), а патріаршеское съ коврами. Патріархъ выходилъ послѣ утренней службы изъ Успенскаго собора въ западныя двери со святыми образами и духовенствомъ и на дворѣ, предъ вратами, совершалъ молитвословіе. Послѣ сего царь подходилъ къ евангелію и принималъ благословеніе отъ патріарха, который, осѣнивши государя животворящимъ крестомъ, спрашивалъ о царскомъ здравіи. Потомъ отправлялись на Ивановскую площадь, гдѣ совершалось молебствіе съ водоосвященіемъ. Въ это время государь и патріархъ стояли на своихъ мѣстахъ. По окончаніи чина, патріархъ подходилъ къ государю и привѣтствовалъ его рѣчью: „А государь боговѣнчанный, и благочестивый и христолюбивый царь и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, и многихъ государствъ государь и обладатель и всея Русіи самодержецъ! Въ нынѣшній и настоящій день праздника начало индикту, сирѣчь новаго лѣта, соборнѣ молили всемилостиваго, и всещедраго, и человѣколюбиваго, въ Троицѣ славимаго Бога и пречистую Его Матерь, и всѣхъ святыхъ о вселенскомъ устроеніи святыхъ Божіихъ церквей, и о вашемъ государевѣ многолѣтномъ здравіи,

Богомъ вѣнчаннаго, и благочестиваго, и христолюбиваго государя нашего, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, и о боляръхъ, и о христолюбивомъ воинствѣ, и о доброхотѣхъ, и о всѣмъ православномъ христіанствѣ, чтобы всемилостивый, въ Троицѣ славимый Господь Богъ нашъ, въ нынѣшній и въ настоящій годъ, и въ предбудущія многія лѣта, вамъ, великому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, умножилъ лѣтъ живота вашего и даровалъ бы Господь Богъ вамъ, великому государю, и христолюбивому нашему воинству свыше побѣду, и крѣпость, и храбрость, и одолѣніе на вся видимые и невидимые враги, и возвысилъ бы Господь Богъ вашу царскую десницу надъ бесерменствомъ, и надъ латинствомъ, и надъ всѣми иноплеменными языки, иже бранемъ хотящая; и покорилъ бы Господь Богъ подъ ноздѣ ваша всякаго врага и супостата, и царство бы ваше устроилъ мирно и немятежно во благоденствіи и во изобиліи плодовъ земныхъ. Дай Господи, чтобъ вы, государь, царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ, здравъ былъ съ своею государевою царицею и великою княгинею, а съ нашею великою государынею, и съ своими государевыми благородными чады, и съ своими государевыми богомольцы, съ преосвященными митрополиты, съ архіепископы и епископы, и со архимандриты и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боляры, и съ христолюбивымъ воинствомъ, и съ доброхоты, и со всѣми православными христіаны. Здравствуй, государь, нынѣшній годъ и въ предбудущія многія лѣта въ родъ и родъ и во вѣки". Послѣ сего патріархъ, осѣнивъ государя крестомъ и окропивъ его св. водою, возвращался въ Успенскій соборъ. Государь привѣтствовалъ весь народъ своимъ милостивымъ словомъ. На его царскія рѣчи народъ восклицалъ: „здравствуй, здоровъ будь на многія лѣта, надёжа государь". Изъ царской казны въ этотъ день раздавалась милостыня бѣднымъ и нищимъ—молить о многолѣтнемъ здравіи государя царя. Послѣднее торжество лѣтопровожденія было въ Москвѣ 1699 года. Здѣсь великій Петръ справлялъ старый обычай своихъ предковъ, сидя на престолѣ въ царской одеждѣ.

Въ старину на Семенъ день пріѣзжали въ Москву ставиться на судъ предъ государемъ и его боярами. Неявившіеся на этотъ срочный судъ считались виновными. Челобитчикъ получалъ правую грамату и по суду считался правымъ. Судебная формула „копиться жалобнымъ людямъ на судебный день въ Москву" извѣстна со временъ великаго князя Іоанна Васильевича. Для монастырскихъ слугъ и крестьянъ были три срока въ году ставиться на судъ: Рождество

Христово, Троицынъ и Семенъ дни. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій въ 1607 году уложилъ: „если не подадутъ челобитья по первое сентября о крестьянахъ, то послѣ того срока написать ихъ въ книги за тѣмъ, за кѣмъ они нынѣ живутъ“. Семенъ день считался срочнымъ днемъ для взноса оброковъ, даней и пошлинъ. Съ него начинались и оканчивались всѣ условія между поселянами и торговыми людьми; съ него отдавались въ наемъ земли, рыбныя ловли и другія угодья. Въ условіяхъ писали: „платить оброкъ ежегодно на срокъ по Семенъ день лѣтопроводца“. Въ старину наши бояре выѣзжали на Семенъ день поохотиться за зайцами. Выѣзды бывали сборные у богатаго боярина. У нихъ было повѣрье, что отъ Семенинскаго выѣзда лошади смѣлѣютъ, собаки добрѣютъ и не болятъ, первая затравка наводитъ зимою большія добычи. Выѣзды барскіе продолжались отъ одной недѣли до двухъ и болѣе, объѣзжали по всѣмъ островамъ (лѣсамъ). Для выѣздовъ готовились запасныя кушанья, наливки, меды и романеи, для ночлеговъ брались шатры. Съ Семенина дня начинались запашки, особенное празднество поселянъ при опахиваніи полей. Для этого пиршества на мірскую складчину варилась брага, пекли пироги, убивался баранъ.

Наши предки на Семенъ день перебирались въ новые дома. Для сего сзывали родныхъ и почетныхъ гостей. На такое новоселье хаживалъ сзывать гостей самъ хозяинъ. Первыми гостями считались тесть съ тещей, сваты, дяди и кумовья. Гости напередъ присылали на новоселье хлѣбъ-соль, по усердію и состоянію. Тесть присылалъ коня любимому зятю, а теща корову для внучатъ. Коня встрѣчалъ зять у воротъ съ поклонами и почетами изъ полы, у крыльца кормилъ ячменемъ и пшеницей изъ рукавицы, а въ конюшнѣ поилъ сытой медовой чрезъ серебро изъ ковша. Корову провожала сама теща до зятина двора. Хозяинъ съ хозяйкой встрѣчали корову на дворѣ съ поклонами и ласковымъ словомъ, у крыльца кормили хлѣбомъ и съ радостью ее провожали всѣ до сарая. Кумъ съ кумой приносили на новоселье мыло и полотенце. Встрѣча имъ была въ сѣняхъ, гдѣ угощали чаркою вина. Сваты приносили домашнюю птицу, и новыхъ переселенцевъ кормили на дворѣ овсомъ и гречихою. Всѣ званые сходились праздновать новоселье къ обѣду, и пиршество оканчивалось вечеромъ, съ большими проводами гостей. Перейдемъ теперь къ тайной сторонѣ новоселья, раскроемъ повѣрье нашихъ отцовъ и ихъ заботу съ новымъ домомъ. Домъ готовъ, все отдѣлано, все припасено, все убрано; но не сдѣлано важнаго, не исполнено нужнаго. Это важное, это нужное не продается, не по-

купается. О немъ всѣ старшіе въ домѣ со страхомъ вспоминаютъ. А безъ этого нужнаго какъ перейти въ новый домъ? Какъ будетъ жить? Давно ли были примѣты у сосѣдей, что въ новомъ домѣ пропадало и счастье, и богатство, и веселье? Если вы знаете завѣтныя тайны нашихъ отцовъ, вы уже догадались, что въ новый домъ нельзя перейти безъ домового дѣдушки. Онъ въ старомъ домѣ берегъ все хозяйское добро, холилъ домашній скотъ, радѣлъ и заботился о дворѣ пуще хозяйскаго глаза. И его ли оставить, бросить на старомъ пепелищѣ? Можетъ быть, на новомъ дворѣ заведется лихой и грозный домовой? И вотъ хозяева рѣшаются перевесть съ собою и домового дѣдушку. Свекровь, или бабка, или старшая нянька отправляетъ съ стараго пепелища молодую хозяйку, а сама топитъ печь въ послѣдній разъ. Весь жаръ выгребаетъ она изъ печи въ печурку и дожидается полдня. У нея уже заранѣе приготовленъ горшокъ со скатертью. Ровно въ полдень, по солнцу, свекровь кладетъ въ горшокъ горячіе уголья и накрываетъ его скатертью. Потомъ растворяетъ двери и, обращаясь къ заднему куту (углу), говоритъ: милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое жилье. Послѣ сего отправляется изъ стараго пепелища на новый дворъ. Здѣсь хозяинъ съ хозяйкой, у растворенныхъ воротъ, ожидаютъ уже дѣдушку съ хлѣбомъ-солью. Подходя къ воротамъ, свекровь стучится въ верею и спрашиваетъ: „рады ли хозяева гостямъ?“ Ей отвѣчаютъ молодые хозяева съ низкими поклонами: „милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое мѣсто“. Свекровь идетъ въ новые покои; впереди несетъ хозяинъ хлѣбъ-соль, сзади провожаетъ хозяйка. Входя въ избу, свекровь ставитъ горшокъ на загнетку, беретъ скатерть и трясетъ ее по всѣмъ угламъ, какъ будто выпуская домового; потомъ высыпаетъ всѣ уголья въ печурку. Съ восторгомъ и радостью садятся всею семьею за столъ и ѣдятъ хлѣбъ-соль. Горшокъ разбиваютъ и зарываютъ ночью подъ передній уголъ дома. Для предосторожности, чтобы злые люди не напустили на дворъ лихого домового, вѣшаютъ въ конюшню медвѣжью голову. Все это дѣлается будто для того, чтобы лихой не вступалъ въ борьбу съ добрымъ за жилое и не обезсилилъ бы его. Въ старину на Семенъ день бывали постриги и сажаніе на коня. Постриги совершались въ однихъ семействахъ на каждомъ сынѣ, а въ другихъ на одномъ первенцѣ. Древній обрядъ постриженія надъ великокняжескими дѣтьми совершался въ церкви, отъ руки епископа.

41. Жизнь московскихъ бояръ во второй половинѣ XVII в.

Тогдашніе знатные люди жили въ своихъ домахъ, построенныхъ обыкновенно среди большого двора, обнесеннаго каменнымъ заборомъ. На этомъ дворѣ стояло нѣсколько каменныхъ строеній въ два этажа, иногда съ надстройкою наверху, что придавало дому снаружи видъ трехъэтажнаго, а между этими строеніями торчали деревянныя избы, людскія, деревянныя и каменныя службы, и все это соединялось иногда переходами. Большихъ домовъ тогда не строили, а сооружали на дворѣ нѣсколько жилыхъ строеній, изъ которыхъ каждое называлось вообще избою, а всѣ жилыя строенія носили общее названіе хоромъ. Наружныя стѣны домовъ украшались узорами, изображеніями птицъ, звѣрей, единороговъ. На каменныхъ строеніяхъ украшенія дѣлались изъ камня и кирпича, а деревянныя украшались рѣзьбою. Особенно пестро и тщательно старались украшать чердаки, наводя красками и золотомъ рѣзныя фигуры, чтобъ онѣ издали бросались въ глаза. Окна въ домахъ дѣлались вперемежку — большія, называвшіяся красными или „косящатыми", и маленькія—продолговатыя и узкія. Послѣднихъ въ одномъ и томъ же этажѣ было больше, чѣмъ первыхъ. Стекло было тогда еще дорого, а потому больше употребляли слюду, расписывая ее разными красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Если же употреблялось стекло для оконъ, то ставили всегда цвѣтное [1]). Если мы войдемъ въ домъ, то увидимъ, что потолки въ немъ сдѣланы сводами, если онъ каменный [2]), а если деревянный, то они плоскіе и (очень часто) обиты тесомъ. Наглухо къ стѣнамъ, обитымъ крашенымъ тесомъ и сверхъ него кожею, придѣлывались лавки съ такою же обивкою, что и на стѣнахъ, сверхъ которой накладывались полавочники, то-есть куски матеріи о двухъ полотнищахъ: одно покрывало лавку, а другое спускалось до земли. Кромѣ лавокъ

[1]) Первая стеклянная фабрика была заведена при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а до этого времени стекло вывозилось изъ-за границы.

[2]) Каменныхъ домовъ вообще не любили наши предки, полагая, что въ деревянныхъ жить гораздо здоровѣе. Первый каменный домъ въ Москвѣ былъ построенъ въ 1449 г. митрополитомъ Іоною. Особенный вкусъ къ каменнымъ домамъ распространился уже при Алексѣѣ Михайловичѣ; но и тутъ большею частію комнаты раздѣлялись деревянными перегородками.

и еще широкихъ скамей съ приголовниками (на нихъ отдыхали послѣ обѣда), были еще стольцы въ родѣ табуретовъ, для сидѣнья одному человѣку, стулья и у самыхъ богатыхъ людей да у царя—кресла. На стѣнахъ не было ни зеркалъ, ни картинъ свѣтскаго содержанія—держать у себя эти вещи считалось бо́льшимъ грѣхомъ; небольшія зеркальца держали у себя только женщины, а картины если и вѣшали на стѣны, то содержаніе ихъ было всегда религіозное. Лучшимъ украшеніемъ дома богатаго человѣка были образа, для которыхъ отводилась особая комната, называвшаяся крестовою. По тогдашнимъ понятіямъ, благодать Божія нисходила только на тѣ иконы, которыя писались русскимъ художникомъ, человѣкомъ грекороссійской вѣры. Кромѣ того, люди, считавшіе себя особенно благочестивыми, но бывшіе совершенными невѣждами въ искусствахъ, считали грѣхомъ держать иконы свѣтлаго письма, какія держимъ теперь мы и какія находятся у насъ въ лучшихъ церквахъ: ихъ образныя наполнялись иконами византійскаго, темнаго письма, на которыхъ человѣческія лица изображались „темнообразными и очадѣлыми, смуглыми и зловидными“, а члены человѣческіе—скудными и умерщвленными. Прасолы, торговавшіе тогда живописными изображеніями, нарочно коптили ихъ, чтобъ лучше раскупались они поборниками старины. Такія иконы держатъ и теперь у насъ раскольники.

Важные бояре держали у себя многочисленную дворню, иногда до тысячи человѣкъ, состоявшую изъ „холопей“ и „кабальныхъ людей“. Холопами назывались вѣчно-крѣпостные, а кабальными тѣ, которые отдавали себя господину въ кабалу за долги или за извѣстную плату и на извѣстный срокъ. Между кабальными были и бѣдные дворяне, иногда насильно удерживаемые у себя боярами. Вся прислуга раздѣлялась на три статьи, какъ у царя раздѣлялись служилые люди, и содержаніе отъ господина получали смотря потому, къ большой, средней или меньшей статьѣ принадлежали. Какъ у царя были приказы, вѣдавшіе разными дѣлами, такъ у боярина были свои приказы, вѣдавшіе слугъ. Какъ царь жаловалъ съ своего плеча шубы и кафтаны служилымъ людямъ, такъ и боярин жаловалъ любимымъ слугамъ кафтаны, какую-нибудь скотину или подачку съ своего стола. Главными распорядителями боярскаго хозяйства были: ключникъ, дворецкій, строитель—они вѣдали и боярскіе приказы. Знатные люди имѣли домашнія церкви, своихъ тѣлохранителей и даже свои тюрьмы, которыя вырывались въ землѣ и имѣли небольшое отверстіе сверху для свѣта.

Подчиняясь обычаю, аристократъ допетровскаго времени уеди-

нялъ, обыкновенно, жену и дочерей своихъ въ особый теремъ, окружалъ ихъ доступною ему роскошью и затѣмъ жилъ какъ бы отдѣльно отъ нихъ, даже рѣдко встрѣчаясь съ ними въ самомъ домашнемъ быту, и мало былъ знакомъ съ прелестями семейной жизни. Такая отчужденность вносила въ его характеръ и привычки нѣкоторую черствость и грубость и вынуждала его окружать себя, для развлеченія, разнообразнымъ людомъ, наполнявшимъ барскія хоромы, жившимъ на счетъ хозяина и составлявшимъ его постоянный домашній кругъ. Среди этого люда первое мѣсто занимали бѣдные дворяне, называвшіеся „знакомцами“; они всегда дѣлили досугъ и трапезу знатнаго боярина, шли передъ нимъ, когда онъ выѣзжалъ куда-нибудь и, составляя его охранную стражу, всюду принимались съ нимъ вмѣстѣ и чествовались какъ гости. Второе мѣсто занималъ шутъ, являвшійся, такъ сказать, источникомъ вседневной утѣхи каждой богатой семьи; на обязанности его лежало возбуждать смѣхъ, веселость, и онъ достигалъ этой цѣли или острыми, или пошлыми, но всегда необычайными словами и поступками, при чемъ самый грязный цинизмъ былъ здѣсь не только умѣстенъ, но и заслуживалъ общее одобреніе. За шутомъ слѣдовали бахирь, или сказочникъ, домрачеи и гусельники. Бахирь разсказывалъ разныя сказки, были и небылицы; домрачеи пѣли пѣсни, былины, духовные стихи, подыгрывая на струнномъ инструментѣ, похожемъ на гитару и называвшемся домрой; гусельники забавляли слушателей игрой на гусляхъ. Иногда являлись скоморохи, скитавшіеся, большею частью, артелями и состоявшіе изъ всякаго рода „умѣльцевъ“, музыкантовъ, „глумотворцевъ“, „шпыней“, плясуновъ, и т. п. Несмотря на преслѣдованіе, скоморохи умѣли обманывать бдительность властей, и ворота боярскихъ домовъ радушно растворялись передъ ними, такъ какъ естественная потребность въ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ чувствовалась всѣми. Челядь въ боярскихъ домахъ была всегда многочисленная. Дворецкій и конюшій считались старшими лицами мужской прислуги, а няня распоряжалась женскою, т.-е. разными мамушками, сѣнными дѣвушками и т. п., и вѣдала все домовое хозяйство.

Обыкновенно день знатнаго боярина проходилъ слѣдующимъ образомъ: онъ покидалъ свой теплый пуховикъ при первомъ звукѣ колокола, въ который понамарь, а зачастую какой-нибудь любитель, начиналъ „клепать“ къ заутрени, и спѣшилъ въ церковь. Отстоявъ тамъ заутреню и раннюю обѣдню, онъ возвращался домой, пилъ сбитень съ калачемъ, или приказывалъ подать себѣ „взваренъ“ изъ

наливокъ съ клюквою и малиною. Потомъ облачался въ бархатный или объяренный кафтанъ, узкій и длинный, съ пуговицами и стоячимъ воротникомъ, вышитый золотомъ, жемчугомъ, даже драгоцѣнными каменьями, опоясывался дорогимъ кушакомъ, изъ-за котораго всегда торчалъ ножъ или кинжалъ; надѣвалъ длинный „охабень", отдѣланный жемчугомъ, набрасывалъ въ непогоду „корзнъ"—родъ плаща или епанчи, а въ морозы соболью шубу, нахлобучивалъ на свою гладкоостриженную голову [1]) высокую мѣховую шапку и отправлялся въ сопровожденіи „знакомцевъ" на службу или во дворецъ, или въ одинъ изъ Приказовъ. Къ одиннадцати часамъ служебныя занятія того времени оканчивались, и бояринъ пріѣзжалъ домой, гдѣ его уже ожидалъ обѣдъ, заказанный и снаряженный домовою хозяйкою—нянею. Переодѣвшись въ рубаху съ косымъ воротомъ, вышитымъ шелками, въ широкое исподнее платье изъ чернаго плиса или цвѣтного атласа и легкое шелковое полукафтанье безъ рукавовъ, замѣнивъ мѣховую шапку на головѣ скуфейкой, боярин садился обѣдать. Кромѣ обычныхъ „знакомцевъ" и любимаго шута, за столомъ хлѣбосольнаго хозяина находили мѣсто всѣ случавшіеся при этомъ посторонніе люди. Освященное временемъ, русское гостепріимство было одинаково для званаго и незванаго и боярская спесь не различала въ обѣденный часъ знатнаго отъ незнатнаго. Кушанья, раздѣленныя на „статьи", въ каждой по нѣсколько перемѣнъ, приносились всѣ разомъ, во множествѣ, и ставились на столъ, хотя бы обѣдающихъ было всего двое. Вино подносилось за каждымъ блюдомъ. Послѣ обѣда бояринъ ложился отдохнуть, и сказочникъ, присѣвъ въ ногахъ господской постели, тихимъ и мѣрнымъ голосомъ начиналъ свой разсказъ. Изрядно отдохнувъ, бояринъ выходилъ въ молельню, гдѣ слушалъ вечерню, для чего почти всегда содержался домовый священникъ, а затѣмъ отправлялся въ гости, или, если оставался дома и не было никого постороннихъ, забавлялся со своими шутами, читалъ священное пи-

[1]) Русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже брили себѣ голову. Волосы отращали себѣ только въ знакъ печали, потерявъ родныхъ или попавъ въ царскую немилость. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно болѣе голову и часто въ комнатѣ сидѣли въ своихъ нарядныхъ шапкахъ. Возвращаясь домой, они снимали шапку и напяливали ее на болванецъ, расписанный нерѣдко иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Нося короткіе волосы, русскіе носили длинныя бороды, и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе.

саніе, слушалъ домрачея или гусляра или игралъ въ шахматы и шашки съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ; иногда уходилъ къ женѣ и дочерямъ и тамъ попивалъ медъ, развлекаясь сплетнями мамъ и разсказами разныхъ странницъ и монахинь. При посѣтителяхъ домъ до-петровскаго аристократа, обыкновенно чинный, какъ монастырь, оживлялся. Самъ бояринъ, съ виду недоступный, дѣлался радушнымъ и привѣтливымъ хозяиномъ. Тяжеловѣсные серебряные кубки покидали поставцы и являлись на столъ, золоченые ковши двигались неутомимо, старинные меда и заморская романея расходовались усердно. Господскіе шуты острили и кривлялись къ общему удовольствію гостей. Старая и безобразная дура, разряженная какъ восемнадцатилѣтняя дѣвушка, неистово вертѣлась и кричала подъ аккомпанементъ балалайки, гудка или волынки. Въ одномъ углу полупьяные любители слушали гуслиста и восторгались до слезъ; въ другомъ—играли въ зернь и, азартно бросая костями, передвигали по столу пригоршнями ефимки... Собраніе расходилось иногда очень поздно, около полуночи. Поднимаясь домой, захмелѣвшіе гости, пошатываясь, направлялись къ красному углу, молились передъ образомъ, потомъ кланялись хозяину, лобызали его и выпроваживались имъ на крыльцо, а почетнѣйшіе—до самыхъ воротъ, за которыми, на улицѣ, дрогли кони посѣтителей и стояли ихъ экипажи: изъ уваженія къ знатному хозяину ни одинъ гость не въѣзжалъ на его дворъ. Обществу, въ которомъ были заглушены всякія умственныя и поэтическія стремленія и инстинкты, у котораго были отняты обычныя средства веселости, нельзя было удержаться отъ злоупотребленія единственной, узаконенной веселостью—питіемъ, и потому пиры кончались нерѣдко безобразными сценами, ссорами и даже кровавыми драками.

Пьянство было господствующимъ порокомъ на Руси, и иностранцы удивлялись, какъ могли русскіе выпивать такое огромное количество вина. Одинаково пили и знатные люди, и простолюдины: гости упивались и на боярскихъ пирахъ, и на царскихъ. Посылая пословъ въ иноземныя государства, государь давалъ имъ обыкновенно наказъ: если иноземный король пригласитъ ихъ къ своему столу, то чтобъ они не упивались, дурныхъ словъ между собою не говорили и сидѣли бы чинно. До чего развито было пьянство, показываетъ слѣдующій случай: Датскій принцъ Вольдемаръ присватался за дочь царя Михаила Ѳедоровича, Ирину Михайловну. По этому поводу наши бояре говорили королевичу: „можетъ быть, ты думаешь, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ будь по-

коенъ—останешься доволенъ ея красотою; также не думай, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться допьяна, она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна". Пиры и братчины велись изъ старины, какъ освященный временемъ обычай, признававшійся и свѣтскою, и духовною властью, и книжники понапрасну тратили свое остроуміе, вооружаясь противъ пьянства. Грамотные списывали сочиненія противъ пьянства, читали ихъ и зачитывали, а пьянство все-таки не выводилось. Въ этихъ сочиненіяхъ говорилось даже, какое количество чашъ могло споить человѣка: обыкновенно первая чаша пьется во здравіе, вторая въ веселіе, третья въ отраду, а ужъ четвертая въ пьянство; чаша была, безъ сомнѣнія, не маленькая, не то, что нынѣшнія рюмки. Вотъ стихотворныя изреченія, въ которыхъ объясняется, какая чарка спаиваетъ человѣка и какое дѣйствіе производитъ каждая чарка на пьющаго:

Первую пить—здраву быть,
Вторую пить—умъ свой возвеселить,
Третью утроить—умъ свой устроить,
Четвертую пить—неискусну быть,
Пяту пить—пьяну быть,
Пить чарка шестая—мысль будетъ иная,
Къ седьмой себя приплести—рукъ своихъ не отвести,
Приближаться къ осьмой—умъ будетъ не свой,
За девятую приняться—и съ мѣста не подняться...

А вотъ какъ говорили книжники о послѣдствіяхъ пьянства для разныхъ сословій:

Аще содружится со мной (то-есть съ хмелемъ) властелинъ,
И онъ будетъ, аки глупый поселянинъ.
Аще содружится со мною власть,
Тогда постигнетъ ее вскорѣ великая напасть.
Аще содружится со мною игуменъ,
Ходить начнетъ съ сумою межъ гуменъ.
Аще содружится со мною черница,
И она будетъ непостоянная въ монастырѣ жилица.
Аще содружится со мною какова чина мужъ,
И я ему сотворю всякихъ злыхъ нуждъ.
Аще содружится со мною жена,

И она будетъ мужу строптивая жена.
Аще со мною поселянинъ содружится,
То все село его пусто сотворится,
И станетъ рости вмѣсто пшеницы крапива,
И онъ безпрестани станетъ желати вина пити.
И тогда, яко гнусная свинія, будетъ скитатися
Въ скаредной грязи валятися, и проч.

Женская половина до-петровской аристократіи мало участвовала во всемъ, что такъ или иначе наполняло жизнь мужчинъ. Затворничество русской женщины было, въ сущности, совершенной неволей, особенно между знатными, гдѣ женщина скорѣе могла быть удалена отъ личнаго вмѣшательства въ мелочныя подробности хозяйственнаго быта. Власть отца надъ дочерью и мужа надъ женою была почти безгранична. Невѣста до дня свадьбы не знала и не видала своего жениха, котораго выбиралъ ей отецъ, нисколько не интересуясь согласіемъ или несогласіемъ дочери. Жениху, пробовавшему узнать у родителей невѣсты о достоинствахъ или красотѣ ея, обыкновенно отвѣчали короткой фразой: „спроси у людей, какая она“. Замкнутость жизни женщинъ была такова, что даже въ церковь онѣ ходили рѣдко. Сидя въ теремахъ, онѣ шили и пряли и, какъ уже сказано, не участвовали нисколько въ домашнемъ хозяйствѣ, не дѣлили почти никакихъ удовольствій своихъ мужей и отцовъ. Единственными ихъ развлеченіями были пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ, несвязная болтовня шутихъ и дуръ, сказки мамокъ и розсказни разныхъ богомолокъ и святошъ, странствовавшихъ изъ одного боярскаго дома въ другой за подачками; на святкахъ въ обширныхъ садахъ, окружавшихъ хоромы каждой семьи, устраивались качели, а на масляницѣ—ледяныя горы; въ дни Пасхи любимымъ развлеченіемъ было катаніе яицъ. Грамотницы, встрѣчавшіяся между тогдашними женщинами и дѣвицами какъ рѣдкое исключеніе, читали священныя книги и переписывали ихъ для вкладовъ по церквамъ. По понятіямъ того времени, отцы считали всякое умственное развитіе дочери не только лишнимъ, но даже вреднымъ, и съ пеленокъ отдавали ихъ въ полное распоряженіе мамокъ. Безучастіе во всемъ, не исключая семейнаго быта, невѣдѣніе того, что совершалось за порогомъ терема, страдательная роль какого-то посредствующаго существа—вотъ что было удѣломъ женщинъ высшаго круга до-петровской эпохи.

Много разсказываютъ нехорошаго о такомъ образѣ жизни рус-

скихъ женщинъ. Затворничество повело къ обманамъ, къ хитрости со стороны женщинъ и ихъ прислужницъ. Дочери обманывали своихъ родителей, жены мужей своихъ. Иногда выдавали дочерей замужъ обманомъ, какъ объ этомъ разсказываетъ Котошихинъ. Мужъ видѣлъ въ первый разъ лицо своей жены только послѣ вѣнца, а потому обмануть было не трудно. Отъ всего этого происходили несчастія въ семейной жизни: мужъ начиналъ бить свою жену, преслѣдовалъ ее на каждомъ шагу и побоями сводилъ ее въ гробъ или заставлялъ идти въ монастырь. Съ своей стороны, жены, не любившія мужей, не оставляли ихъ въ покоѣ и не всегда покорялись тому, чего они отъ нихъ требовали. Случалось, что жены отравливали своихъ мужей, хотя законъ строго наказывалъ за это: жена, отравившая мужа, закапывалась въ землю по грудь или по горло и умирала такимъ образомъ мучительною смертью. Иногда жены мстили мужьямъ своимъ страннымъ образомъ. Разсказываютъ, что разъ царь Борисъ Годуновъ заболѣлъ какою-то мучительною болѣзнью. Жена одного боярина, который мучилъ и билъ ее, донесла, что мужъ ея умѣетъ лѣчить ту болѣзнь, что была у царя. Боярина тотчасъ призвали и приказали лѣчить. Бояринъ клялся, что онъ отъ роду никого не лѣчилъ—его наказали и угрожали казнью, если онъ тотчасъ же не вылѣчитъ царя. Дѣлать было нечего—бояринъ назвалъ нѣсколько травъ, какія случайно вспомнилъ на ту пору, и, приготовивъ изъ нихъ ванну, посадилъ въ нее царя. Случилось такъ, что царю полегчало, и боярина снова наказали за то, что, умѣя лѣчить, онъ отговаривался незнаніемъ. А жена боярина радовалась, что такъ хорошо удалось отмстить мужу. Тогдашніе нравы вообще были грубы; русскій человѣкъ въ любви къ женщинѣ ничего не видѣлъ, кромѣ порочнаго и пагубнаго, въ красотѣ ея ничего, кромѣ соблазна. Тогдашніе книжники своими писаніями поддерживали грубый и безчеловѣчный взглядъ на женщину. Чѣмъ женщина была прекраснѣе, тѣмъ сильнѣе подозрѣвали ее въ разныхъ порокахъ.

42. Обычай мѣстничества.

„За родовую честь“.

Время стоитъ весеннее, и нужно приказу разрядныхъ дѣлъ назначить, кому изъ служилыхъ людей идти сторожить русскую землю отъ воровскихъ крымскихъ людей. Все время строчатъ они

въ разные уѣзды повѣстки съ приказами, чтобы поднимались служилые люди, дворяне, дѣти боярскіе, конны, людны и оружны и собирались бы въ указанныя мѣста. А какъ соберутся служилые люди, ихъ бы на пять полковъ разбили, а полки тѣ шли бы каждый въ свое мѣсто: большой полкъ стоялъ бы въ Серпуховѣ, правая рука [1]) въ Мышегѣ, въ Калугѣ стоялъ бы передовой полкъ, на Крапивнѣ—сторожевой полкъ, а лѣвая рука—на Каширѣ. Стояли бы тѣ полки по городамъ всегда наготовѣ на тотъ случай, если набѣгутъ на русскія земли воровскіе крымскіе люди. Пишутъ приказные царскіе указы, а гонцы развозятъ ихъ по разнымъ городамъ, и закипаетъ вездѣ работа: снаряжаются, собираются служилые люди на царскую службу. Вотъ уже разбили ихъ по полкамъ, стали ужъ полки по городамъ; все сдѣлано, какъ слѣдуетъ, какъ написано въ царскихъ указахъ; одно неправильно, — стоитъ въ полкахъ безначалье: набѣгій татаринъ, и некому будетъ распорядиться ратнымъ дѣломъ. А начальные люди, воеводы, въ Москвѣ замшились...

Золъ, мраченъ ходитъ по хоромамъ окольничій царскій, Иванъ Петровичъ Ноготковъ, и всѣхъ бранитъ, всѣмъ недоволенъ: и то не такъ, и другое не такъ, ко всему придирается; и слугамъ отъ него достается, и женѣ, и дѣтямъ. Ходитъ онъ, бранится, а то самъ съ собой говоритъ начнетъ:—„Не бывать,—кричитъ,—тому, чтобъ я, Ноготковъ, ниже Мотякина въ воеводахъ былъ! Его дѣдъ всегда ниже моего дѣда былъ, а я ему уступлю?! не бывать тому!.. Что же сродники мои скажутъ?“ Кричитъ Ноготковъ, внѣ ума совсѣмъ ходитъ, изъ лица даже перемѣнился, а все отъ кручины, отъ великой обиды: приказалъ ему царь на сторожевую службу идти въ южные украинные города; и не прочь Ноготковъ отъ такой службы: не службой онъ недоволенъ, а то ему въ великую обиду стало, что онъ будетъ воеводой въ лѣвой рукѣ, а въ правой будетъ Мотякинъ. И выходитъ поэтому, что Мотякинъ выше его, Ноготкова, противъ него почетнѣе, а онъ считаетъ себя выше Мотякина и своимъ назначеніемъ очень обиженъ. Лучше бы его на самую плохую службу послали, да только бы не быть ему ниже Мотякина! Крѣпко кручинится Ноготковъ отъ такой обиды и не хочетъ онъ царскаго приказа слушать, не ѣдетъ на службу, а царю подалъ слезное челобитье о своей великой обидѣ, что готовъ-де онъ, холопишко государевъ, Ивашко сынъ Петровъ Ноготковъ, на царскую службу,

[1]) Правая рука, лѣвая рука — такъ назывались полки, которые стояли по правую и по лѣвую сторону отъ большого полка.

только проситъ явить милость ему, холопу. Нельзя ему быть меньше Мотякина. „Милостивый царь государь, — проситъ Ноготковъ у царя, — покажи милость холопу своему, не вели у насъ нашего отечества отнять и вели, государь, мнѣ на Мотякина судъ дать, и вели наше отечество счесть, чтобы, государь, холопъ твой въ конецъ не загибъ. Смилуйся, царь государь, помилуй!“... Подалъ Ноготковъ царю челобитье, а на службу еще не ѣдетъ, ждетъ себѣ суда, ждетъ, что разсмотритъ царь разныя бумаги и по тѣмъ бумагамъ ему другую службу дастъ, гдѣ онъ будетъ выше Мотякина.

Не ѣдетъ Ноготковъ на царскую службу, подымаетъ ссору, а прочіе воеводы тоже недовольны, и они отъ службы отказываются: всякому мѣсто не по чести, всякій видитъ въ томъ себѣ великую обиду. Давнымъ давно надо бы имъ у государевой руки побывать на отпускѣ, — проститься съ царемъ да и ѣхать на свою службу, а они ссору промежъ себя подняли, бьютъ другъ на дружку царю челомъ, просятъ управы... А время идетъ да идетъ: вотъ-вотъ начнутъ крымскіе воры грабить русскую землю. Закручинился царь, запечалился, что не могутъ его слуги другъ съ другомъ поладить, не могутъ о своихъ ссорахъ забыть для великой тягости и нужды родной земли; посылаетъ онъ къ нимъ сказать грозное свое слово:— „поѣзжайте, воеводы, на ратное дѣло! Не послушаетесь, не поѣдете,— быть вамъ въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньи безъ пощады“. А они его слова мимо ушей пропускаютъ и все бьютъ челомъ о судѣ и счетѣ. И распалился царь отъ такого непослушанья великимъ гнѣвомъ..

Ходитъ Ноготковъ по горницѣ, похаживаетъ, на жену, дѣтей, холопей покрикиваетъ, а ко двору его посолъ царскій идетъ, несетъ ему грозное царское слово: велѣлъ государь приставу Ивана Ноготкова сковать и вывезть въ телѣгѣ за посадъ да послать на службу. Бьется, плачетъ, кричитъ по своемъ мужѣ жена Ноготкова, такъ и заливается она горькими слезами: горько ей видѣть, какъ куютъ ея мужа въ оковы желѣзныя, на телѣгу сажаютъ, по улицамъ многолюднымъ черезъ городъ везутъ съ приставомъ. А Ноготковъ своего упрямства не оставляетъ.—„Что хочетъ,—кричитъ онъ,—царь, то пусть со мной и дѣлаетъ! Пускай хоть на казнь меня везутъ, а не быть Ноготкову ниже Мотякина!.. Привезли Ноготкова въ Каширу, видитъ онъ тамъ великое неустройство, безначалье, а за дѣло все-таки не берется, службы служитъ не хочетъ.—„Меня,—говоритъ,— не одолѣть! Я за честь свою родовую смерть принять готовъ!“ Сидитъ Ноготковъ въ Каширѣ, дѣла не дѣлаетъ, только время про-

водитъ. А прочіе воеводы по тюрьмамъ сидятъ за свое ослушанье; сидятъ они въ тюрьмахъ и въ усъ себѣ не дуютъ: ничего ихъ не береть. А дѣло стоитъ и стоитъ. Совсѣмъ закручинился царь отъ такого неустройства и воеводскаго упрямства. Закручинился царь и послалъ воеводамъ сказать:—„Полно вамъ, воеводы, своими мѣстами считаться. Быть вамъ въ этомъ походѣ безъ мѣстъ! Служите, а какъ служба минетъ, тогда и счетъ будетъ данъ". Услыхали эти слова воеводы и упрямство свое оставили, потому что они знали, что коли и будетъ кто изъ нихъ ниже своего супротивника службу служить, да нельзя будетъ супротивнику тому этимъ величаться: безъ мѣстъ эта служба, а послѣ ихъ разсудятъ и въ бумагахъ запишутъ, кто изъ нихъ больше, кто меньше...

Крѣпко стоялъ Ноготковъ за свою честь. Все онъ стерпитъ— и батоги, и тюрьму, и опалу, а чести своей не уронитъ. Ни на что не смотритъ онъ: ни на царскій гнѣвъ, ни на то, что важное дѣло изъ-за него стоитъ, и враги земли русской грабятъ ее и разоряютъ. Всю свою жизнь съ малыхъ лѣтъ и до самой старости долженъ онъ служить своему государю, царю московскому, и самая первая и большая его забота — о томъ, чтобы на царской службѣ честь свою не уронить передъ другими служилыми людьми, чтобы не уступить такимъ людямъ, ниже которыхъ не были ни дѣды его, ни прадѣды, и въ своемъ ноготковскомъ родѣ, чтобы не уступить того мѣста, которое надлежитъ ему занимать по старшинству. Еще въ молодые годы пришлось ему спорить о своей родовой чести. Пріѣхали разъ какъ-то на Русь нѣмецкіе послы, и царь ихъ уже у себя принималъ. И указалъ онъ на томъ пріемѣ быть въ рындахъ Ноготкову да Буйносову, Гагину да Морозову. Должны были они всѣ четверо нарядиться въ царево бѣлое платье на горностаяхъ, шапки надѣть царевы же, бѣлыя, высокія, и сапоги, а въ руки взять по топору нарядному, съ золотомъ и серебромъ, и въ такомъ нарядѣ должны были они на пріемѣ пословъ стоять возлѣ царя по обѣ стороны. А какъ имъ стоять,—кому по правую руку, кому по лѣвую руку, кому спереди, кому сзади,—объ этомъ распорядились бояре заранѣе и имъ порядокъ указали. И нужно было Ноготкову стоять впереди, а Буйносову позади. Ноготковъ былъ такимъ порядкомъ доволенъ, а Буйносовъ обидѣлся, что ему указано мѣсто ниже Ноготкова, и не захотѣлъ стоять позади него. Близко уже было время царскаго выхода, собрались въ царскія палаты всѣ чины—и бояре, и окольничіе, и кравчій, и постельничій, и дьяки

думные, и гости торговые, а Буйносова все нѣтъ: не ѣдетъ онъ во дворецъ, сказался больнымъ.

Тутъ Ноготковъ боярамъ челомъ билъ:—„отъ того-де Буйносовъ не пріѣхалъ, что не хочетъ ниже меня быть, отбаливается онъ отъ меня и тѣмъ меня обезчеститъ; челомъ бью вамъ, бояре, дайте мнѣ отъ него оборонъ!“ Послали бояре за Буйносовымъ приставовъ и велѣли поставить его передъ собою. Привезли его пристава въ колымагѣ: верхомъ не поѣхалъ, потому что-де боленъ. И въ золотую палату къ боярамъ пришелъ онъ, подпираясь двумя посохами. И бояре его спросили:—„Для чего ты въ городъ не выѣхалъ? Вѣдь, тебѣ сказано, что велѣлъ-де государь быть тебѣ въ бѣломъ платьѣ?“ А онъ отвѣчалъ:—„Лошадь ногу мнѣ изломила, какъ государь тѣшился охотой за лосями, затѣмъ и въ городъ я не поѣхалъ“. И думный разрядный дьякъ Томило Луговской ему на то сказалъ:—„Отбаливаешься ты отъ Ноготкова, затѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать!“ Ударилъ тутъ Буйносовъ боярамъ челомъ и сказалъ:—„Бью челомъ на Ноготкова—и впредь стану бить челомъ и милости просить у государя, чтобъ государь пожаловалъ, въ отечествѣ велѣлъ мнѣ дать на Ноготкова судъ [1]), и меньше его мнѣ быть невмѣстно!“ А бояре ему отвѣчали:—„Можно тебѣ быть меньше Ноготкова“. Такъ сказали бояре и приговорили, было, Петра Буйносова за Ноготкова безчестье кнутомъ бить, а думный дьякъ сказалъ:—„Долго-де того ждать!“—да взялъ у него посохъ и сталъ его бить по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичъ Тюменской другимъ посохомъ билъ его по спинѣ и по ногамъ, билъ да приговаривалъ:—„Не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру!“ Бьютъ Буйносова, срамятъ его, а онъ все платья своего не снимаетъ и царева бѣлаго платья не надѣваетъ. И велѣлъ тогда царь на такомъ ослушникѣ платье изодрать все и надѣть на него бѣлое платье силой. А какъ пословъ отпустили, сняли съ Буйносова царево платье и передъ царскимъ окномъ при всѣхъ людяхъ били его батогами для того: не ослушивайся царскаго указу. Послѣ такого случая часто заводили шумъ Ноготковъ съ Буйносовымъ, стоило имъ встрѣтиться, а они часто встрѣчались на Постельномъ крыльцѣ, у царскихъ теремовъ; тамъ съ утра до вечера толпились разные служилые чины. Какъ сойдутся Ноготковъ съ Буйносовымъ, такъ и подерутся. Станетъ Ноготковъ надъ Буйносовымъ насмѣ-

[1]) „Дать судъ въ отечествѣ“ — рѣшить, кто долженъ занимать первое мѣсто, кто второе.

хаться:—„Изъ молодыхъ-де ты, да ранній: пѣтухомъ кричишь!“ А тотъ ему спуску не даетъ, кричитъ:—Ахъ ты, сынчишко боярскій! Холопишко ты боярскій, и цѣна тебѣ двадцать алтынъ, у отца моего есть въ твою пору людишки, служатъ въ холопахъ!..“ Поднимутъ они великій шумъ, поносятъ другъ друга всякими злыми, непристойными словами. Не разъ и драку заводили они промежъ себя и другъ за другомъ по всему крыльцу гонялись, и въ такой дракѣ однажды Ноготковъ Буйносову голову кирпичомъ прошибъ и за такое безчестье государеву двору битъ былъ батогами нещадно.

И на царской службѣ, и за царскимъ столомъ поднималъ Ноготковъ споры за свою родовую честь. Вотъ какой, напримѣръ, былъ съ нимъ случай передъ тѣмъ, какъ послали его на службу противъ крымскихъ воровъ. Былъ у царя обѣдъ про бояръ и прочихъ служилыхъ людей, которые познатнѣе. Званъ былъ на обѣдъ и Ноготковъ. Съѣхались гости въ царскія палаты и начали садиться за столы. Садились не просто, гдѣ попало, а по порядку—по чину: тѣ, что познатнѣе, поближе къ царю, тѣ, что не такъ знатны, отъ царя подальше; бояринъ садился за бояриномъ, окольничій за окольничимъ и за боярами, а еще подальше садились думные люди. Всѣ гости разсѣлись, одинъ Ноготковъ не садится. Загодя узналъ онъ, что сидѣть ему за окольничимъ за Хвостовымъ. И какъ узналъ это, такъ весь и затрясся, обидно ему показалось, что посадили его ниже Хвостова. И дѣды ихъ, и прадѣды—всѣ были равны, глазъ въ глазъ, мѣсто въ мѣсто, а сядь онъ теперь ниже Хвостова,—сейчасъ же всѣ Хвостовы станутъ передъ Ноготковыми носъ кверху задирать:—„Иванъ, молъ, Петровъ Ноготковъ тогда-то и тогда-то пониже былъ Хвостова“. Будутъ тогда всѣ родичи Ивановы корить его, срамить, и будетъ ему очень стыдно... Разгорячился Ноготковъ, разозлился:—„Не бывать,—говоритъ,—такой порухи всему роду Ноготковыхъ!“ Не спросился онъ царскаго дозволенія и поѣхалъ назадъ домой. Пріѣхалъ онъ домой, снялъ хорошую одежду и сѣлъ въ горницѣ квасъ пить, чтобы себя успокоить. Вдругъ приходитъ къ нему холопъ и говоритъ:—„Царскіе пристава пріѣхали по тебя, бояринъ“. А Ноготковъ ему въ отвѣтъ кричитъ:—„Скажи, такой-сякой, что я заболѣлъ, хворь прикинулась, невмоготу мнѣ ѣхать!“ Пошелъ холопъ къ царскимъ приставамъ и говоритъ имъ: „бояринъ-де боленъ лежитъ, не можетъ онъ ѣхать на царскій обѣдъ“. А пристава тѣхъ словъ не слушаютъ. „Указалъ,—говорятъ,—царь боярину ѣхать, а не поѣдетъ, силой привеземъ“. Пришелъ холопъ къ Ноготкову, дрожитъ, какъ листъ осиновый: чуетъ онъ, что сильно

разгнѣванъ бояринъ, и не будетъ удержу его гнѣву, разбранитъ онъ его и приколотитъ...

Словно грозная туча, идетъ Ноготковъ, костылемъ подпирается, верхомъ на лошадь не садится — въ колымагу лѣзетъ и все твердитъ, что боленъ, черезъ силу ѣдетъ на царскій зовъ. Пріѣхалъ онъ съ приставами во дворецъ, входитъ въ царскія палаты и слышитъ гнѣвныя царскія рѣчи. Крѣпко разсердился на него царь, что уѣхалъ онъ съ обѣда безъ спросу, не вѣритъ царь его болѣзни и приказываетъ въ царскихъ палатахъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. А Ноготковъ царскихъ словъ не послушался, за столъ не сѣлъ и царю челомъ билъ, что ему ниже Хвостова сидѣть нельзя, потому что онъ съ нимъ родомъ равенъ, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ ниже Хвостовыхъ не бывалъ. Только царь его челобитья не принялъ и велѣлъ посадить его силой. Совсѣмъ тутъ Ноготковъ изъ себя вышелъ: царскимъ слугамъ не давался, а Хвостова всячески безчестилъ и срамилъ непристойными словами; и отца его помянулъ, и дѣда, и прадѣда:— „измѣнникъ-де онъ, Хвостовъ, и воръ, псаренковъ внукъ, виномъ-де онъ весь налитъ, и искра пьяная красная у него въ лицѣ, и смотритъ онъ звѣрообразно, а отецъ-де его лаптемъ шти хлебалъ, лапотникъ-де онъ!..“ Ухватили все-таки Ноготкова царскіе слуги и за столъ посадили силой, а онъ изъ-за стола вонъ выбивался. Крѣпко держали его царскіе слуги, стольники и прочіе чины, изъ-за стола его не пускали и всячески старались его успокоить:— „Не вводи, — говорили,— царя во гнѣвъ, будь послушенъ!“ А онъ знай себѣ кричитъ на всю палату:— „Хоть царь мнѣ голову велитъ отсѣчь, а не сидѣть мнѣ за Хвостовымъ!“ —И спустился Ноготковъ подъ столъ, лежитъ подъ столомъ и все кричитъ:— „На казнь готовъ я идти, а не бывать Ноготкову ниже Хвостова!..“ Не потерпѣлъ царь такого шума и безпорядка и велѣлъ Ноготкова вонъ вывесть и наказаніе на него наложилъ, указалъ: за честь государева двора, что въ палатахъ царскихъ Ноготковъ неистовыя слова говорилъ, посадить его въ тюрьму на двѣ недѣли; а за то, что Хвостова онъ обезчестилъ, выдать его Хвостову головой, и денегъ взять съ него, сколько пригоже...

Мало спалось Ноготкову въ эту ночь: очень ужъ сильно взяла его обида. Ранымъ-ранехонько, до восхода краснаго солнышка поднялся онъ съ постели и принялся творить утреннее свое моленіе... Кладетъ онъ поклоны, читаетъ молитву, а самъ все думаетъ, что вотъ-вотъ придутъ къ нему пристава, поведутъ его выдавать головой

Хвостову. Кое-какъ кончилъ онъ молитву, даже въ счетѣ поклоновъ сбился; кончилъ онъ молиться и еще пуще заскучалъ: нечего ему дѣлать; по утрамъ, бывало, ѣхалъ онъ къ царю на поклонъ, а теперь не велѣлъ его царь пускать къ себѣ на глаза впредь до указу. Скучаетъ Ноготковъ, тоскуетъ, донимаетъ своихъ домочадцевъ: и вотъ приходитъ къ нему въ это время холопъ съ вѣстью, что пришли по него дьякъ и царскіе пристава. Нехотя, медленно одѣлся Ноготковъ въ свою выходную одежду, золъ и мраченъ вышелъ къ своимъ незванымъ, непрошенымъ гостямъ; взяли его пристава за руки и повели, а дьякъ съ царской граматой впереди пошелъ. Непривычно, срамно было Ноготкову по улицѣ пѣшкомъ идти: всѣ, вѣдь, бояре, окольничіе и прочіе чины верхомъ, въ колымагахъ ѣдутъ, а впереди нихъ холопы на коняхъ, въ бубенъ ударяютъ:— „разступайся, молъ, честной народъ, ѣдетъ большой человѣкъ, бояринъ!“ Всѣ бояре ѣдутъ, а его, Ноготкова, пѣшкомъ ведутъ, а идти-то грязно, всѣ сапоги его дорогіе сафьянные запачкались, забрызгалась грязью его широкая, длинная одежда. Ведутъ Ноготкова по улицѣ, а онъ упирается и поноситъ и безчеститъ Хвостова всякою бранью. Привели Ноготкова къ Хвостову во дворъ, а Хвостовъ уже его ждетъ, потому что уже извѣстилъ его царь, чтобы ждалъ онъ въ тотъ день себѣ великаго царскаго пожалованія. Привели Ноготкова и поставили его на нижнемъ крыльцѣ, и велѣлъ дьякъ хвостовскимъ холопамъ идти сказать Хвостову, что пришелъ-де дьякъ и человѣка того привелъ, который его вчера обезчестилъ. Вышелъ Хвостовъ на крыльцо, а Ноготковъ все бранится, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; слышитъ Хвостовъ эти злыя, непристойныя рѣчи и сдѣлать ничего не можетъ, не можетъ ему такой же бранью отвѣтить, не можетъ рукамъ своимъ волю дать: знаетъ, вѣдь, онъ, что ударь онъ Ноготкова, отвѣть ему бранью, достанется ему вдвое, потому что не Ноготкова онъ тѣмъ обезчеститъ, а царя самого: такъ ужъ изстари повелось... Вышелъ Хвостовъ на крыльцо, и сталъ дьякъ ему рѣчь говорить, что великій-де государь указалъ, а бояре приговорили Ноготкова за его, Хвостова, безчестье отвесть къ нему головой. Выслушалъ Хвостовъ эту рѣчь и на царскомъ жалованьѣ челомъ билъ, дьяка одарилъ подарками немалыми, а Ноготкова велѣлъ домой отпустить. Въ тотъ же день посадили Ноготкова въ тюрьму; высидѣлъ онъ въ ней указанное время, а послѣ того долго царскихъ очей не видалъ...

43. Изъ „Соборнаго Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича.

Соборное Уложеніе заключаетъ въ себѣ 25 главъ, а каждая глава подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ статей.

Названія главъ слѣдующія:

Глава I. — О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ. Глава II.—О государской чести, и какъ его государское здоровье оберегать. Глава III.—О государевомъ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было. Глава IV.—О подпищикѣхъ, и которые печати поддѣлываютъ. Глава V.—О денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлать воровскія деньги. Глава VI.—О проѣзжихъ граматахъ въ иныя государства. Глава VII.—О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства. Глава VIII.—Объ искупленіи плѣнныхъ. Глава IX.—О мытахъ и о перевозахъ и о мостахъ. Глава X.—О судѣ. Глава XI.—Судъ о крестьянахъ. Глава XII.—О судѣ патріаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ. Глава XIII.—О монастырскомъ приказѣ. Глава XIV.—О крестномъ цѣлованіи. Глава XV. — О вершеныхъ дѣлахъ. Глава XVI.—О помѣстныхъ земляхъ. Глава XVII.—О вотчинахъ. Глава XVIII.—О печатныхъ пошлинахъ. Глава XIX.—О посадскихъ людяхъ. Глава XX.—Судъ о холопахъ. Глава XXI.—О разбойныхъ и о татиныхъ дѣлахъ. Глава XXII. — Указъ, за какія вины кому чинить смертную казнь, и за какія вины смертью не казнить, а чинить наказаніе. Глава XXIII. — О стрѣльцахъ. Глава XXIV. — Указъ объ атаманахъ и о казакахъ. Глава XXV.—Указъ о корчмахъ.

Глава I. 1) Будетъ кто, иновѣрцы какой-нибудь вѣры или и русскій человѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рожьдшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на честный Крестъ или на святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивать всякими сысками накрѣпко, если сыщется про то допряма, того богохульника, обличивъ, казнить—сжечь.

Глава II. 1) Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такого по сыску казнить смертью.

19) А будетъ кто, свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людахъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыслъ, государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допряма, и его за то казнить смертью безъ всякой пощады.

Глава III. 2) А будетъ кто въ государевомъ дворѣ кого задеретъ и съ дерзости ударитъ рукою, и такого тутъ же изъимать и, не отпуская его, про тотъ его бой сыскать, и, сыскавъ допряма, за честь государева двора посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. А кого онъ ударитъ, и тому на немъ управить безчестіе. А будетъ кого онъ ударитъ до крови, и на немъ тому, кого онъ окровавитъ, безчестіе доправить вдвое, да его же за честь государева двора посадити въ тюрьму на шесть недѣль.

Глава X. 1) Судъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи судить боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и судьямъ, и всякую расправу дѣлать всѣмъ людямъ Московскаго государства, отъ большого и до меньшаго чину, вправду. Также и пріѣзжихъ иноземцевъ, и всякихъ прибыльныхъ людей, которые въ Московскомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судить и расправу дѣлать по государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлѣхъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавлять, ни убавлять; ни въ чемъ другу не дружить, недругу не мстить, никому ни въ чемъ ни для чего не норовить, дѣлать всякія государевы дѣла не стыдясь лица сильныхъ, избавлять обиженнаго отъ руки неправеднаго.

2) А спорныя дѣла, которыхъ въ приказахъ почему-либо вершить будетъ нельзя, взносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ. А боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ сидѣть въ палатѣ и, по государеву указу, государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ.

3) А будетъ которой судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ или свой, и о томъ истецъ учнетъ бить челомъ государю до суда, что ему передъ тѣмъ судьею искать не можно; если и отвѣтчикъ до суда учнетъ бить челомъ, что истцу его судья другъ или свой, и отвѣчать ему передъ тѣмъ судьею не можно: то истца и отвѣтчика тому судьѣ, на кого будетъ такое челобитье, не судить, а судить ихъ иному судьѣ, кому государь укажетъ.

5) А будетъ который боярин, или окольничій, или думной человѣкъ, или дьякъ, или иной какой судья, истца или отвѣтчика по посуламъ, или по дружбѣ, или по недружбѣ праваго обвинитъ, а виноватаго оправитъ, а сыщется про то допряма, и на тѣхъ судьяхъ взять истцовъ искъ втрое, и отдать истцу, да и пошлины, и пересудъ, и правой десятокъ взять на государя на нихъ же; да за ту же вину у боярина и у окольничаго, и у думнаго человѣка отнять честь. А будетъ который судья такую неправду учинитъ не изъ думныхъ людей, то ему учинить торговую казнь, и впередъ ему у дѣла не быть.

30) А будетъ патріарха, или митрополита, или архіепископа, или архимандрита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческій чинъ, обезчеститъ словомъ стольникъ, или стряпчій, или дворянинъ московскій, или гость, или дьякъ, или жилецъ, или дворянинъ, или сынъ боярскій городовой, или иноземецъ, или дворовый человѣкъ, а сыщется про то допряма, и имъ за такое безчестье чинить указъ. За патріарха бить батогами. За митрополита посадить въ тюрьму. За архіепископа и епископа въ тюрьму же посадить.

31) А будетъ патріарха, или митрополита, или архіепископа, или епископа, или архимандрита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческій чинъ обезчеститъ словомъ гостинной и суконной сотни или черныхъ сотенъ и слободъ тяглой человѣкъ, или стрѣлецъ, или казакъ, или пушкарь, или кто какого инаго чина, а про то сыщется допряма, и имъ за то чинить указъ. За патріарха учинить торговую казнь, да посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. За митрополита бить батогами, да въ тюрьму посадить на четыре дня. За архіепископа и епископа бить батогами, да въ тюрьму посадить на три дня. А архимандритамъ и игуменамъ, и архидіякону, и Тройцы Сергіева и всѣхъ монастырей келарямъ, и казначеямъ, и соборнымъ старцамъ, и рядовой братіи править за безчестіе.

132) А который отвѣтчикъ умретъ послѣ того, какъ онъ въ истцовомъ искѣ обвиненъ, и съ истцомъ онъ до смерти своей не раздѣлался, и за такихъ умершихъ отвѣтчиковъ велѣть истцовъ искъ править на женѣ его и на дѣтяхъ, или на братьяхъ, кто послѣ его во дворѣ и въ имѣніи его останется.

174) А будетъ кто холопа своего или рабу по какому-нибудь случаю отъ себя опуститъ на волю, а послѣ того на томъ, кто этого холопа или рабу на волю отпуститъ, или на его сынѣ учнетъ

кто чего искать, и при искѣ своемъ учнетъ ссылаться на того отпущеннаго холопа или на рабу, то тѣхъ отпущенныхъ холопа и рабу по такой ссылкѣ не допрашивать и въ свидѣтели не ставить.

176) А будетъ въ судѣ отвѣтчикъ сошлется на истцова отца или мать, то по тѣмъ ссылкамъ отца и мать допрашивать; никому не дозволяется отца и матери на судѣ не отводить, и дѣло вершить должно отцовымъ и материнскимъ свидѣтельствомъ.

201) А будетъ кто самъ кого задеретъ, и учинится межъ ними бой, и на томъ бою того, кто напередъ задеретъ, кто ранитъ, и онъ на того, кто его ранитъ, учнетъ бить челомъ за увѣчье; а тотъ, на кого онъ учнетъ бить челомъ, въ томъ не запрется и скажетъ, что онъ его ранилъ, себя обороняя, а сыщется про то допряма, что тотъ бой почался отъ того челобитчика отъ самого, то отвѣтчика въ томъ бою не винить и за увѣчье на немъ раненому ничего не указывать, потому что раненый самъ не правъ.

228) А будетъ кто, ради вражды или разграбленія, зажжетъ у кого дворъ, и послѣ того онъ будетъ пойманъ и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ съ умысломъ, такого зажигальщика казнить сожженіемъ.

233) А будетъ кто у кого насильствомъ отъиметъ землю, или межи или грани передѣлаетъ, а сыщется про то допряма, и у того, кто такъ учинитъ, ту чужую землю взявъ, отдать тому, у кого отнялъ, да на немъ же доправить владѣнье по государеву указу; а за насильство учинить наказаніе, какое государь укажетъ.

279) А будутъ у кого на дворѣ хоромы высокія, а у сосѣда его близко тѣхъ хоромъ будутъ хоромы поземныя, и ему изъ своихъ высокихъ хоромъ на тѣ низкія хоромы сосѣда своего воды не лить и сору не сметать и иныхъ притѣсненій тому своему сосѣду не дѣлать. А будетъ онъ на тѣ сосѣднія низкія хоромы учнетъ воду лить, соръ метать, или иную какую пакость чинить, а на судѣ сыщется про то допряма, и ему тѣ свои высокія хоромы отъ тѣхъ сосѣднихъ хоромъ велѣть отнести. А будетъ онъ тѣхъ своихъ хоромъ отъ сосѣднихъ не отнесетъ, и тѣсноту тому своему сосѣду учнетъ дѣлать попрежнему, и у него тѣ хоромы велѣть отломать, чтобы впредь сосѣду его отъ него никакого насильства не было.

Глава XI. 1) Которые государевы дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне и бобыли, выбѣжавъ изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, живутъ за патріархомъ или за митрополитами, архіепископами и епископами, или за монастырями, или за боярами, или за окольничими и за думными, и за

комнатными людьми, и за стольниками, и за стряпчими, и за дворянами московскими, и за дьяками, и за жильцами, и за городовыми дворянами и дѣтьми боярскими, и за иноземцами, и за всякими вотчинниками и помѣщиками, а въ писцовыхъ книгахъ, которыя книги писцы подали въ помѣстный и иные приказы послѣ московскаго пожара прошлаго 134 года, тѣ бѣглые крестьяне или отцы ихъ написаны за государемъ, то тѣхъ государевыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей сыскивать и свозить въ государевы дворцовыя села и въ черныя волости на старые ихъ надѣлы по писцовымъ книгамъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животами безъ урочныхъ лѣтъ.

Глава XXI. 1) Которые разбойники разбиваютъ и людей побиваютъ, и тати крадутъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ городахъ, на посадахъ и въ уѣздахъ, и такія разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла вѣдать въ разбойномъ приказѣ.

3) А вѣдать въ городахъ разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ.

8) А которые люди привезутъ въ губу [1]) татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и на крестьянъ, которые ихъ въ губу приведутъ, возводить разбой, татьбу или иное какое воровство, то тому не вѣрить для того, чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имать и въ губу приводить.

9) А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, тогда татя пытать и въ иныхъ татьбахъ, и въ убійствѣ; если съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ не повинится, а скажетъ, что кралъ впервые, а убійства не учинилъ, то его за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить его въ тюрьму на два года, а животы его отдать истцамъ въ выть [2]); во время содержанія въ тюрьмѣ должно его посылать въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ государь укажетъ. А какъ онъ два года въ тюрьмѣ отсидитъ, его послать въ украинные города, гдѣ государь ука-

[1]) Губа—земельный округъ съ выборнымъ губнымъ старостой; въ первой половинѣ XVI в. совпадала съ волостью, изрѣдка съ посадомъ, въ XVII в. стала почти всегда совпадать съ уѣздомъ.

[2]) Выть — частное вознагражденіе за вредъ, причиненный преступленіемъ.

жеть, и велѣть ему въ украинныхъ городахъ быть, въ какой чинъ онъ пригодится, и дать ему письмо за дьячьею подписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

10) А будетъ того татя изымаютъ на другой татьбѣ, то его пытать и въ иныхъ татьбахъ. Если онъ повинится только въ двухъ татьбахъ, а убійства онъ не учинилъ, его послѣ пытки бить кнутомъ и, урѣзавъ у него праваго уха, посадить въ тюрьму на четыре года, изъ тюрьмы посылать на всякія государевы издѣлья въ кандалахъ. А какъ онъ въ тюрьмѣ урочныя лѣта отсидитъ, его сослать въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и дать ему письмо, что онъ за другую татьбу урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

11) А приведутъ татя и доведутъ на него татьбы три или четыре или больше, и того татя, пытавъ, казнить смертью, хотя онъ и убійства не учинилъ, а животы его отдать истцамъ въ выть.

12) А будетъ тать учинитъ и на первой татьбѣ убійство, его казнить смертью.

Глава XXII. 1) Будетъ который сынъ или дочь учинитъ отцу своему или матери смертное убійство, то ихъ за отеческое или за матернее убійство казнить смертью безо всякой пощады.

3) А будетъ отецъ или мать сына или дочь убьетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ; отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходить имъ къ церкви Божіей, у церкви объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ вслухъ, а смертью отца и мать за сына и за дочь не казнить.

8) А будетъ чей-нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его вынетъ какое оружіе, съ цѣлью его убить, и ему за такое его дѣло отсѣчь руку.

10) А будетъ кто, не боясь Бога и не опасаясь государской опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ-нибудь мучительское паругательство, отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма, и за такое его паругательство самому ему то же учинить; да на немъ же взять изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое паругательство учинитъ; будетъ отсѣчетъ руку, и за руку 50 рублей; а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу 50 рублей; а за носъ и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану, по 50 рублей.

14) А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство,

или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнить: живую окопать въ землю и держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, пока она умретъ.

19) А будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему наущенію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ, обоихъ казнить смертью.

Глава XXV. 11) Да въ прошломъ, въ 142 году, по указу блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи на Москвѣ и въ городахъ, о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкій подъ смертною казнью, чтобъ нигдѣ русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и табакомъ не торговали. А кто, русскіе люди и иноземцы, табакъ учнутъ держать или табакомъ учнутъ торговать, и тѣхъ людей продавцовъ и покупателей велѣно имать и присылать въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинить наказаніе большое безъ пощады подъ смертною казнью, а дворы ихъ и животы продавать, а деньги имать въ государеву казну. А нынѣ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи указалъ и бояре приговорили: тѣмъ людямъ, у кого табакъ объявился, указъ чинить противъ того же, какъ о томъ указано въ прошломъ, во 142 году.

44. Соборное Уложеніе.

Волненія, мятежи, жалобы на неправосудіе и лихоимство побудили царя Алексѣя Михайловича и его совѣтниковъ подумать объ улучшеніи судопроизводства и управленія. Въ 1648 г. 16 іюня царь, на общей думѣ съ патріархомъ, святителями, со своими боярами и другими думными людьми постановилъ собрать въ одно цѣлое всѣ статьи изъ апостольскихъ правилъ, законовъ греческихъ царей, которые подходили къ государевымъ и земскимъ дѣламъ, а также указы прежнихъ русскихъ государей и боярскіе приговоры. А на какіе случаи не было ни указовъ государя, ни боярскихъ приговоровъ, то изложить общимъ совѣтомъ, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна“. Собраніе всѣхъ статей и указовъ было поручено боярамъ князьямъ Одоевскому и Прозоровскому, окольничьему князю Волконскому да дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Два съ половиною мѣсяца спустя они исполнили возложенное на нихъ дѣло. Собраніе постановленій,

или „Уложеніе“, было готово и 3-го октября прочтено предъ государемъ и его думою, а потомъ предъ соборомъ выборныхъ людей, нарочно для этого призванныхъ въ Москву изъ разныхъ концовъ и изъ всѣхъ сословій. Когда выслушали и одобрили Уложеніе, то подлинный свитокъ его длиною въ 434 аршина былъ подписанъ членами собора и велѣно было переписать Уложеніе, и съ этого списка печатать книги и разослать по всѣмъ приказамъ и городамъ. Составить такъ скоро Уложеніе могли потому, что по всѣмъ приказамъ были уже книги, куда заносились царскіе указы и боярскіе приговоры по времени выхода. Задача составителей была только выбрать все важнѣйшее и расположить въ извѣстномъ порядкѣ по содержанію, а то крайне было трудно справляться: указы и приговоры были разбросаны въ разныхъ приказахъ, да и въ каждомъ приказѣ накоплялось много книгъ, въ которыхъ статьи были расположены не по содержанію, а по времени.

Уложеніе отличается отъ Судебника царя Ивана гораздо большей полнотой; въ Уложеніе включены законы, какихъ въ судебникахъ не было. Въ первой статьѣ говорится о богохульникахъ, которыхъ постановлено казнить огнемъ. Хотя сожженіе на дѣлѣ уже употреблялось противъ богохульниковъ и еретиковъ и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ, но въ законы это до Уложенія не вносилось: надо думать, что этимъ постановленіемъ хотѣли предупредить на будущее время появленіе ересей въ родѣ жидовствующей... Во второй главѣ говорится о государской чести и какъ государево здоровье оберегать. Смертная казнь полагается злоумышленникамъ на жизнь государя, измѣнникамъ, бунтовщикамъ, а также и замышляющимъ завладѣть государствомъ и престоломъ. Въ этой же главѣ говорится объ извѣтахъ въ государственныхъ преступленіяхъ, тутъ устанавливается страшное государево „слово и дѣло“. Доносившій о какомъ-либо зломъ умыслѣ противъ государя или объ измѣнѣ заявлялъ, что за нимъ есть „государево дѣло и слово“. По доносу начинался розыскъ, „сыскивали всякими сыски“, при этомъ обыкновенно пускалась въ дѣло пытка. Плохо приходилось по Уложенію и доносчику, если онъ не могъ доказать справедливость своихъ словъ: онъ самъ подвергался тому наказанію, какое полагалось за преступленіе, въ которомъ онъ винилъ другого. Но всякій, у кого только являлось подозрѣніе въ чьемъ-либо зломъ умыслѣ, кто слыхалъ если не о дѣлѣ, то о словѣ, оскорбительномъ для государевой чести, долженъ былъ спѣшить донести: если кто-либо въ этомъ предупреждалъ его, то онъ могъ понести кару за недонесеніе. Вся

эта глава, которой не было въ прежнихъ судебникахъ, конечно, была вызвана смутами во время самозванцевъ и междуцарствія, когда совершено было столько преступленій противъ верховной власти. Страшно суровое наказаніе постигало дѣлателей воровскихъ (фальшивыхъ) денегъ: имъ заливали горло расплавленнымъ металломъ. Крестьяне были Уложеніемъ еще болѣе закрѣпощены, чѣмъ прежде. Раньше помѣщику предоставлено было только въ теченіе десяти лѣтъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ, такъ что тѣ изъ нихъ, кому удавалось укрыться въ теченіе этого срока, потомъ могли спокойно доживать свой вѣкъ у другого помѣщика. Такимъ образомъ была хотя какая-нибудь возможность уйти отъ крайне жестокаго и несправедливаго господина. Теперь же по Уложенію срокъ уничтожался, и помѣщикъ могъ всегда отыскивать бѣжавшихъ отъ него крестьянъ и водворять ихъ на прежнія мѣста.

Судъ въ это время попалъ совсѣмъ въ руки приказныхъ. Губные старосты мало-по-малу совсѣмъ теряютъ значеніе. Въ городахъ вся судебная сила перешла къ воеводамъ и дьякамъ, зависѣвшимъ отъ московскихъ приказовъ. Всѣ, кому случалось вести сколько-нибудь важную тяжбу, должны были ѣхать въ Москву и тутъ въ приказахъ искать управы. Приходилось давать посулы разнымъ подъячимъ. Дѣла обыкновенно страшно затягивались, и тяжущимся очень дорого обходилась эта „московская волокита“. Для судопроизводства требовалось, чтобы обвиняющій доказалъ свое обвиненіе. Если же не было достаточныхъ уликъ, то иногда предоставлялось рѣшить дѣло присягою. Спрашивали обвиняемаго, хочетъ ли онъ „взять присягу на свою душу или отдать ее на душу обвинителю“. По словамъ Олеарія, на присягавшихъ смотрѣли съ презрѣніемъ. Ихъ долго увѣщевали не присягать; а если это дѣлалось, хотя бы и въ правомъ дѣлѣ, то присягавшихъ на нѣкоторое время какъ бы отлучали отъ церкви. Олеарій при этомъ говоритъ, будто бы въ теченіе трехъ лѣтъ не позволяютъ имъ принимать св. причастіе; а если будетъ дознано, что присяга дана ложно, то виновнаго сѣкли кнутомъ и ссылали въ заточеніе въ Сибирь, и позволяли причаститься лишь передъ смертью. Тотъ же писатель говоритъ о мученіяхъ, какимъ подвергали подсудимыхъ, чтобы вынудить у нихъ признаніе. Пытка была въ тѣ времена и въ Западной Европѣ. Наши предки чаще всего употребляли такую пытку: обвиненному скручивали руки за спину, привязывали къ нимъ веревку и поднимали его къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязывали тяжелый брусъ, на который вскакивалъ палачъ. Послѣ

такой встряски руки несчастнаго пытаемаго выворачивались въ плечахъ и вытягивались, что причиняло невыносимую боль. Мало того, если пытаемый не признавался въ винѣ, то подъ ногами его раскладывали огонь, и несчастный терпѣлъ страшныя мученія, при чемъ еще задыхался отъ дыму. Иногда обвиненнымъ сбривали на головѣ волоса и на выбритое мѣсто капали холодною водой, что считалось очень мучительной пыткой. Нѣкоторыхъ, смотря по роду преступленій, били кнутомъ, жгли имъ тѣло раскаленнымъ желѣзомъ и пр. Этотъ дикій обычай—подвергать обвиненныхъ пыткѣ, сильно распространенный и въ другихъ странахъ въ тѣ времена, указываетъ ясно на крайне суровые нравы. Считали тогда несправедливымъ казнить человѣка, если онъ самъ не сознавался въ томъ, въ чемъ его винили, и, желая вымучить признаніе страшными истязаніями, нерѣдко вынуждали людей ни въ чемъ неповинныхъ взводить на себя небывалыя вины. Убійцъ, умышленно убившихъ кого-либо, сажали въ темницу на шесть недѣль; затѣмъ отсѣкали имъ головы. Обвиненнаго въ воровствѣ подвергали пыткѣ, чтобъ узнать, не укралъ ли онъ еще чего-либо. Если оказывалось, что онъ впервые воровалъ, то сѣкли плетью на всемъ пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ палачъ отрѣзывалъ у него одно ухо, затѣмъ на два года его сажали въ тюрьму. Если воръ попадался второй разъ на кражѣ, ему отсѣкали другое ухо, сажали въ темницу, а затѣмъ ссылали въ Сибирь. Страшное наказаніе присуждалось женѣ, убившей или отравившей своего мужа: ее живую закапывали въ землю по шею и держали такимъ образомъ до смерти. Неплатящихъ должниковъ тоже постигала суровая кара: ихъ, кто бы они ни были, сажали въ долговую тюрьму (яму) и ежедневно выводили на площадь передъ приказомъ, и тамъ цѣлый часъ били по голенямъ гибкими прутьями толщиною въ палецъ (батогами). Такого рода наказаніе называлось ставить „на правежъ“. Случалось, что наказывающіе, получивъ взятку, били слегка или дѣлали только видъ, что бьютъ; а иногда подвергавшіеся наказанію въ сапоги клали или толстые куски шерсти, или деревянные лубки, по которымъ и приходились удары прутьевъ. Если должникъ рѣшительно не могъ уплатить долгъ и никто его не выручалъ изъ бѣды, онъ долженъ былъ идти въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Кромѣ этихъ наказаній, были въ ходу разрѣзываніе или вырываніе ноздрей, битье батогами и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ.

45. Городъ и деревня въ Московскомъ государствѣ.

До XVIII вѣка за словомъ „городъ“ сохранялось у насъ то значеніе, которое мы придаемъ теперь слову „кремль“, что значитъ укрѣпленное, огороженное мѣсто. Въ городѣ жило начальство, приказные люди для управленія и ратные люди для обороны, а торгово-промышленное населеніе, т.-е. настоящее городское населеніе, по современному понятію, жило тогда за городомъ, на „посадѣ“, почему и называлось посадскими людьми. Такимъ образомъ, собственно городъ, опоясанный стѣной, образовалъ какъ бы первое кольцо; за этимъ первымъ шло второе—посады, а за посадами возникало иногда еще и третье кольцо—слободы, которыя имѣли совершенно земледѣльческій характеръ.

Русскій городъ, благодаря медленному и слабому развитію русской торгово-промышленной жизни, которая сосредоточивалась тогда по деревнямъ, возникъ не вслѣдствіе внутренняго экономическаго развитія страны, какъ это было въ Западной Европѣ, гдѣ городъ потребовался населенію, какъ средоточіе торговли и промышленности. Онъ возникъ не изъ скопленія въ одномъ мѣстѣ населенія, занятаго промыслами и торговлею. Промыслы и торговля въ Россіи долго сливались съ сельскими занятіями, а потому могли обходиться и безъ развитія городской жизни. Раньше, чѣмъ городъ сталъ нуженъ населенію, онъ понадобился въ Россіи правительству, какъ укрѣпленный военно-оборонительный пунктъ. Итакъ, русскій городъ былъ прежде всего правительственнымъ и военнымъ центромъ. Чѣмъ ближе къ окраинѣ и чѣмъ, слѣдовательно, моложе былъ городъ, тѣмъ военнаго элемента въ немъ было больше, а посадскихъ людей меньше. Городское населеніе приходилось создавать насильно. Городская жизнь долго оставалась какъ бы слитой съ сельскою. Городское населеніе древней Руси еще въ XVI в. дѣлилось на людей „торговыхъ“ и людей „пашенныхъ“. Пашенные люди города были совершенными крестьянами, да и вообще каждый городской обыватель имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ. Только въ XVII в. правительство выдѣлило населеніе посада въ особую группу по чисто финансовымъ побужденіямъ, — для того, чтобы удобнѣе было взимать подати. Дѣло въ томъ, что до половины XVII в. между городскими и сельскими поселеніями не было

рѣзкаго различія ни относительно ихъ населенія, ни относительно управленія. Въ Московскомъ государствѣ посадскіе міры составляли тогда такую же тяглую (податную) группу, какъ и міры сельскіе. Какъ члены сельской, такъ и члены городской общины были связаны другъ съ другомъ круговой порукой и сами разверстывали между собой всѣ подати съ помощью выборныхъ властей. Даже переходъ изъ одной тяглой группы въ другую, изъ села въ городъ и обратно былъ по закону возможенъ, хотя для общинъ было, конечно, невыгодно выпускать своихъ плательщиковъ, и онѣ старались обставить такой переходъ затрудненіями. Невыгоденъ былъ онъ и для правительства: торгово-промышленное населеніе города могло, конечно, платить больше, чѣмъ пашенные крестьяне. Но до самаго XVII в. городское населеніе находилось въ такомъ же подвижномъ, бродячемъ состояніи, какъ и вся остальная крестьянская масса Россіи. Городской житель, повторяемъ, могъ уйти съ тяглаго участка, могъ перейти въ другой городъ или даже въ другое сословіе. Городское сословіе, такъ сказать, перемѣшивалось съ другими и сохраняло полную сословную безформенность. Отъ такого смѣшенія теряла прежде всего казна. Выходило такъ, что далеко не всѣ городскіе жители платили тягло. Люди самыхъ разнообразныхъ профессій ухитрялись жить въ городѣ и заниматься городскими промыслами, не платя ничего государству. Чтобы избавиться отъ городского тягла, надо было только селиться не на посадѣ, а въ подгородныхъ слободахъ, которыя имѣли, какъ мы уже упоминали, совершенно земледѣльческій характеръ. Сюда охотно переселялся и торговый человѣкъ изъ города, и крестьянинъ изъ села, и даже служилый человѣкъ селилъ здѣсь своего приказчика, чтобы заниматься торговлей, не платя за право заниматься ею никакихъ податей. Правительству это было, конечно, невыгодно. Вотъ почему оно и стало съ большою строгостью слѣдить за тѣмъ, чтобы служилые люди не отбивали у посадскихъ, т.-е. у тяглаго городского сословія, промышленности и торговли, и чтобы само торгово-промышленное населеніе не ускользало отъ тягла. Всѣмъ, безусловно, лицамъ, занимающимся торговлей, повелѣно было „быть въ посадѣ, въ службѣ и въ тяглѣ наравнѣ съ посадскими людьми“; въ отношеніи же служилыхъ было сказано, что если они торгуютъ свыше нежели на 50 руб., то не производить имъ жалованья. Для того же, чтобы посадскіе люди не ускользали отъ тягла, ихъ прикрѣпили къ мѣсту: не только переходы между городомъ и селомъ, но даже и переходы посадскаго населенія изъ города въ городъ были

строго воспрещены. Также было запрещено продавать на сторону въ другія сословія городскіе дворы и лавки. Такимъ образомъ, съ прикрѣпленіемъ посадскихъ людей къ мѣстамъ ихъ осѣдлости различіе города и деревни сдѣлалось сословнымъ; городское сословіе выдѣлилось изъ другихъ сословій и составило особую группу.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи была деревня въ XVII в. Крестьянство было совершенно безземельно, потому что бѣдное деньгами государство издавна платило своимъ служилымъ людямъ землей, и притомъ землей, населенной крестьянами. Большую часть земель разобрали князья, ихъ служилые люди и монастыри въ частное владѣніе. Такимъ образомъ русскіе крестьяне того времени сидѣли и садились на чужія земли: государевы, боярскія, архіерейскія и монастырскія. Положеніе ихъ на этой землѣ опредѣлялось ихъ отношеніемъ къ правительству, къ владѣльцамъ и другъ къ другу. Правительство было заинтересовано въ положеніи крестьянъ, такъ какъ они были главными плательщиками прямыхъ податей. Садясь на чужую землю, крестьянинъ обязанъ былъ „слушать“ своихъ новыхъ хозяевъ, „подати имъ платить и всякое издѣлье дѣлать, чѣмъ его изоброчатъ“. Эта обязанность была какъ бы особымъ видомъ службы крестьянъ государству. Садясь на чужую землю, крестьянинъ заключалъ съ землевладѣльцемъ особый договоръ, „порядную грамату“. Эта порядная грамата сводилась главнымъ образомъ къ тому, чтобъ получше закрѣпить крестьянина на мѣстѣ. Уходя отъ одного землевладѣльца къ другому, свободный крестьянинъ—арендаторъ чужой земли—обязывался закономъ возвратить ссуду, полученную на обзаведеніе, и заплатить „пожилое“ за пользованіе дворомъ и хозяйственными строеніями; наконецъ самый уходъ его могъ совершиться только въ законный срокъ, именно въ Юрьевъ день, пока этотъ законный срокъ существовалъ. Но русскій крестьянинъ XVI—XVII вв., въ подавляющемъ большинствѣ, оказывался несостоятельнымъ должникомъ. Свободный выходъ вслѣдствіе такой неоплатной задолженности дѣлался немыслимымъ, и такимъ образомъ крестьяне были лишены возможности свободно, какъ прежде, переходить отъ одного землевладѣльца къ другому; они силою обстоятельствъ какъ бы прикрѣплялись къ мѣсту. Если, не вытерпѣвъ тяжести своего положенія, крестьянинъ бѣжалъ, то помѣщикъ имѣлъ право требовать возвращенія такого бѣглеца законнымъ порядкомъ. Словомъ, какъ законный отказъ, такъ и выходъ сталъ для крестьянина очень труденъ. На смѣну выхода явился тогда такъ называемый вывозъ. Въ чемъ же онъ заключался? Земле-

владѣльцы, нуждавшіеся въ работникахъ и тяглецахъ, разсылали по деревнямъ своихъ агентовъ, которые старались переманить крестьянъ отъ старыхъ владѣльцевъ къ новому. Новый хозяинъ принималъ на себя уплату всѣхъ долговъ, лежавшихъ на крестьянинѣ, только бы перевезти его на свою землю. Конечно, при этомъ выигрывали наиболѣе зажиточные владѣльцы, имѣвшіе возможность дать крестьянину наибольшую льготу. Но выигрывалъ ли крестьянинъ отъ такого вывоза? Нѣтъ, потому что и при новомъ землевладѣльцѣ онъ былъ весь въ его рукахъ, связанъ по рукамъ и ногамъ новымъ неоплатнымъ долгомъ. Крестьяне были низведены на положеніе рабовъ, и единственнымъ выходомъ изъ ихъ тяжелаго положенія было бѣгство. И бѣжали они отъ царскихъ слугъ, бѣжали отъ помѣщиковъ, отъ вотчинниковъ, бѣжали отъ страшныхъ тяготъ жизни, возложенныхъ на нихъ тѣми и другими. Бѣжали они на Донъ, къ казакамъ, бѣжали въ Сибирь и на далекій сѣверъ. „Бѣжимъ розно“, „гибнемъ въ конецъ“ — вотъ фразы, которыя встрѣчаются въ каждой челобитной крестьянъ, въ каждой граматѣ, изданной по поводу ихъ положенія.

46. Школа и школьное обученіе въ древней Руси.

Первыя извѣстія о школахъ и училищахъ въ древней Руси относятся ко временамъ распространенія христіанства. По словамъ лѣтописи, Владиміръ Святой „началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ и люди на крещенье приводити по всѣмъ городамъ и селамъ. Приказалъ онъ также брать у лучшихъ людей ребятъ и отдавать ихъ въ ученіе книжное; матери же дѣтей сихъ плакали по нимъ, будучи еще не тверды въ вѣрѣ, какъ по мертвецамъ“. По другому извѣстію, первый русскій митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ князю Владиміру устроить училища „на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ ученіе“, и князь Владиміръ „велѣлъ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ и отдать ихъ по церквамъ священникамъ и причетникамъ въ ученіе книжное“. Въ 1028 году сынъ князя Владиміра Ярославъ собралъ въ Новгородѣ 300 человѣкъ дѣтей и велѣлъ „учити ихъ книгамъ“. Такимъ образомъ первыя школы на Руси возникли вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства и имѣли своей цѣлью „утвержденіе вѣры“ путемъ „ученія книжнаго“. По мѣрѣ распространенія христіанства, число школъ росло и увеличивалось по городамъ. Школы

устраивались при церквахъ и въ монастыряхъ. Обиліе переводныхъ съ греческаго книгъ, существовавшихъ тогда, показываетъ, что школа дѣлала свое дѣло — создавала читателя и любителя просвѣщенія. Сынъ великаго князя Ярослава, Святославъ всѣ клѣти своего дворца наполнилъ книгами, его племянникъ Владиміръ Мономахъ самъ былъ писателемъ, отецъ же Мономаха Всеволодъ зналъ пять языковъ. Въ лѣтописи подъ 1097 г. упоминается, что преподобный Несторъ ѣздилъ во Владиміръ на Волыни для обозрѣнія училищъ и наставленія учителей. Правнукъ Ярослава, князь Романъ Смоленскій (1180 г.) завелъ у себя въ городѣ что-то въ родѣ высшаго училища, гдѣ учили даже латинскому языку. Князь Романъ все свое имущество тратилъ на книги и училища и когда умеръ, то смольнянамъ пришлось хоронить его на свой счетъ. Книга, ученіе книжное были вообще въ большомъ почетѣ, и послѣсловія многихъ письменныхъ памятниковъ тѣхъ временъ содержатъ одушевленныя похвалы „ученію книжному“. Паденіе Кіевской Руси и нашествіе татаръ подорвали въ корнѣ начатки просвѣщенія въ Южной Руси. На суровомъ Суздальскомъ сѣверѣ было не до ученія, не до почитанія книжнаго, впору было только отбиваться отъ дикаго звѣря и зарабатывать тяжелымъ трудомъ себѣ пропитаніе. Школы становятся рѣдки, грамотность ютится по монастырямъ, просвѣщеніе не идетъ дальше переписки книгъ и заучиванія наизусть ихъ содержанія. Даже среди князей становятся частыми лица, „не гораздыя грамотѣ“, какъ, напримѣръ, Димитрій Донской. Въ 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ „строилъ свои государства“, возникъ, конечно, вопросъ и о народномъ просвѣщеніи и образованіи. Стоглавый соборъ духовенства установилъ, что, дѣйствительно, въ Московскомъ государствѣ учиться негдѣ: „Учителя, какіе есть, сами мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ. А прежъ сего въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ, и въ Великомъ Новгородѣ, и по инымъ городамъ многія училища бывали“. Соборъ духовенства, признавая, что такое „небреженіе“ нельзя больше терпѣть, постановилъ: „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ и со всѣми священники и діаконы, коемуждо во своемъ градѣ, по благословенію архіерея, избрать изъ своей среды добрыхъ священниковъ и діаконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ наставлять грамотѣ, чтенію же, пѣнію и письму гораздыхъ, и у тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ учинити въ домахъ училища,

чтобы всѣ священники, діаконы и всѣ православные христіане каждаго города давали своихъ дѣтей на ученье грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію; учителя должны были блюсти своихъ учениковъ, беречь и хранить ихъ, наказывать и поучать страху Божію и всякому благочинію по церковному чину, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили"... Такимъ образомъ правительство Московскаго государства задумало создать училища при источникахъ всего тогдашняго знанія и мудрости, т.-е. при церквахъ, а учителей думало найти среди тѣхъ, кто по самому своему занятію не могъ не знать грамотѣ. Постановленіе Стоглаваго собора мало подвинуло впередъ дѣло школьнаго обученія. Школы кое-гдѣ устроились, а большей частью распоряженіе осталось неисполненнымъ: повсемѣстнаго открытія школъ не произошло— не было учителей, не было и общаго желанія учиться. Среди лицъ церковнаго клира часто встрѣчались безграмотные.

Но если такъ трудно обстояло дѣло со школой въ XV в. и первой половинѣ XVI в., то нельзя утверждать, что такъ было и дальше. До насъ дошло много свидѣтельствъ, которыя говорятъ, что на Руси второй половины XVI и въ XVII в. школа не была совсѣмъ ужъ рѣдкимъ явленіемъ, и „школьные домы" имѣлись въ городахъ. Жизнь съ ея властными требованіями, очевидно, сдѣлала свое дѣло. Разросшаяся изъ удѣльнаго княжества въ Московское государство страна нуждалась въ грамотныхъ людяхъ. Они были нужны не только въ церквахъ и монастыряхъ, но и въ приказахъ въ Москвѣ, въ земскихъ и воеводскихъ избахъ по городамъ, нужно было умѣть грамотѣ, чтобы написать просьбу или жалобу въ судъ, чтобы расписаться въ качествѣ свидѣтеля, прочесть присланную казенную бумагу, сосчитать и записать казенное добро, къ которому приставляли человѣка, обязывая его слѣдить за сборомъ этого добра. Тогда-то государственная и общественная нужда въ грамотѣ и грамотныхъ людяхъ и породила требованіе на школы. Надо думать, что тотъ же приходъ, который содержалъ храмъ, выбиралъ священника и причтъ, посылая ихъ для посвященія къ архіерею, устраивалъ при своемъ храмѣ богадѣльню и школу. При жильѣ священника или одного изъ причетниковъ отводилась особая изба или клѣть, гдѣ бы „ребятамъ грамотѣ учиться". Учителемъ такой школы, содержимой на средства прихода, былъ кто-нибудь изъ причта. Кромѣ такихъ школъ при церквахъ были въ Московскомъ государствѣ и вольные, такъ сказать, учителя, „мастера", какъ тогда говорили, которые кормились тѣмъ, что учили ребятъ. Такіе учителя

выходили изъ неимѣющихъ мѣста причетниковъ, изъ отставныхъ подъячихъ, просто изъ любителей книжнаго и школьнаго дѣла. Учили они или у себя на дому, имѣя для того особое помѣщеніе, или ходили по дворамъ, нанимались въ домашніе учителя и учили только дѣтей тѣхъ, кто ихъ нанялъ.

По старому обычаю, начинали учить ребенка грамотѣ, когда ему исполнялось семь лѣтъ. Отецъ призывалъ отца духовнаго и служили молебенъ покровителю наукъ св. пророку Науму и тому святому, тезоименитъ которому былъ мальчикъ. Ребенка кропили святой водой, духовникъ благословлялъ его и говорилъ приличное случаю поученіе. Отецъ и мать благословляли мальчика и говорили ему тоже нѣсколько напутственныхъ словъ о пользѣ ученія, о томъ, чтобы онъ слушался учителя, учился бы хорошо и т. д. Затѣмъ всѣ, т.-е. отецъ мальчика, двое или трое призванныхъ отцомъ ближайшихъ родственниковъ и самъ отдаваемый въ науку мальчикъ шли къ „мастеру“. Здѣсь, положивъ уставные поклоны и поздоровавшись съ „мастеромъ“, отецъ мальчика начиналъ рядиться съ учителемъ, уговариваться, чему мастеръ долженъ выучить ребенка и какую плату и чѣмъ долженъ получить за науку. Сговорившись обо всемъ этомъ, отецъ ученика и мастеръ ударяли по рукамъ, и приведенный мальчикъ поступалъ въ распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, новый ученикъ получалъ букварь, вынималъ изъ-за пазухи заранѣе подаренную ему нарядную указку, садился на указанное ему учителемъ мѣсто за столомъ и начиналъ трудное дѣло „книжнаго ученія“. Это былъ сухой и тяжелый трудъ, о которомъ теперешніе учащіеся и понятія себѣ составить не могутъ. Въ XV и XVI вв. буквари и книги были, конечно, рукописные, а въ XVII вѣкѣ уже печатные. При рукописныхъ книгахъ, написанныхъ различными почерками, часто безъ соблюденія какихъ-либо знаковъ препинанія, въ строку, безъ отдѣленія одного предложенія отъ другого, со словами, поставленными слитно, научиться читать было страшно труднымъ дѣломъ. Читающему приходилось не только схватывать глазомъ буквы и механически соединять ихъ въ слога, а слога въ слова, ему приходилось усиленно думать, что къ чему въ рукописи и какое слово относится прямо къ какому, гдѣ кончается и гдѣ начинается мысль автора. Въ наше время человѣкъ, выучившійся грамотѣ, можетъ читать всякую книгу. Не то было въ старину. Тогда мало было постигнуть механизмъ чтенія, это не давало [illegible] къ пониманію написаннаго. Въ старину учитель дол-

женъ былъ научить раздѣлять слова и предложенія, онъ долженъ былъ знакомить ученика съ содержаніемъ книгъ. Въ старину учились читать не книги вообще, а извѣстную книгу: псалтирь, часословъ и пр. Ученіе читать переходило въ заучиваніе книги на память. Выучившійся читать псалтирь, могъ не справиться съ другой книгой. Взявъ на зубокъ азбуку съ ея трудными названіями буквъ—азъ, буки, вѣди и т. д., ученикъ приступалъ къ слогамъ или складамъ сначала изъ двухъ буквъ—согласной и гласной, а потомъ изъ трехъ, и усердно долбилъ всѣ эти буки-азъ — ба, буки-есть — бе, или буки-рцы-азъ—бра, глаголъ-вѣди-азъ—гва и т. д. безъ конца. Склады читались обыкновенно вслухъ, хоромъ, и гомонъ въ школѣ стоялъ отъ этого такой, что за нѣсколько домовъ было слышно, какъ учатся школяры. Научившись складывать изъ слоговъ слова и прочтя съ толкомъ, „не борзяся", первыя связныя фразы молитвеннаго содержанія и молитвы, напечатанныя или написанныя въ азбукѣ, постигнувъ всѣ слова подъ титлами, ученикъ со страхомъ и благоговѣніемъ приступалъ къ чтенію „Часослова", той церковной книги, которая содержитъ въ себѣ основныя церковныя молитвословія — часы, павечерицу, полунощницу, утреню, кондаки и тропари праздникамъ. Начало чтенія часослова было какъ бы переходомъ въ слѣдующій классъ и сопровождалось особымъ торжествомъ. Наканунѣ дома служили молебенъ. Утромъ, передъ отходомъ въ школу, ученику вручался горшокъ каши и гривна денегъ „въ бумажкѣ" — это онъ долженъ былъ передать учителю. Часословъ брался на зубокъ, какъ и букварь. За нимъ наступала очередь псалтиря, потомъ дѣяній апостольскихъ и, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ св. Евангелія. Изученіе часослова, псалтиря и другихъ книгъ сопровождалось со стороны учителя различными воспитательно-образовательными поученіями.

Кромѣ названныхъ книгъ, въ рукахъ древне-русскаго ученика находился еще иногда „азбуковникъ", гдѣ, помимо алфавита и складовъ, имѣлся цѣлый рядъ различныхъ свѣдѣній. Прежде всего здѣсь были помѣщены школьныя правила, учившія школьника благонравію и хорошему поведенію. Затѣмъ ученики читали здѣсь о дняхъ недѣли, объ ихъ названіяхъ, о субботѣ; имъ объясняли, что значитъ частое евангельское выраженіе „во едину отъ субботъ" и т. д. Съ объясненіемъ дней недѣли связаны были первыя начала священной исторіи; дѣтямъ разсказывали о сотвореніи міра, о первыхъ людяхъ, о народѣ израильскомъ, царяхъ Давидѣ и Соломонѣ и т. д. Объясненіе дней недѣльныхъ приводило съ собой знакомство съ

выходили изъ неимѣющихъ мѣста причетниковъ, изъ отставныхъ подъячихъ, просто изъ любителей книжнаго и школьнаго дѣла. Учили они или у себя на дому, имѣя для того особое помѣщеніе, или ходили по дворамъ, нанимались въ домашніе учителя и учили только дѣтей тѣхъ, кто ихъ нанялъ.

По старому обычаю, начинали учить ребенка грамотѣ, когда ему исполнялось семь-лѣтъ. Отецъ призывалъ отца духовнаго и служили молебенъ покровителю наукъ св. пророку Науму и тому святому, тезоименитъ которому былъ мальчикъ. Ребенка кропили святой водой, духовникъ благословлялъ его и говорилъ приличное случаю поученіе. Отецъ и мать благословляли мальчика и говорили ему тоже нѣсколько напутственныхъ словъ о пользѣ ученія, о томъ, чтобы онъ слушался учителя, учился бы хорошо и т. д. Затѣмъ всѣ, т.-е. отецъ мальчика, двое или трое призванныхъ отцомъ ближайшихъ родственниковъ и самъ отдаваемый въ науку мальчикъ шли къ „мастеру“. Здѣсь, положивъ уставные поклоны и поздоровавшись съ „мастеромъ“, отецъ мальчика начиналъ рядиться съ учителемъ, уговариваться, чему мастеръ долженъ выучить ребенка и какую плату и чѣмъ долженъ получить за науку. Сговорившись обо всемъ этомъ, отецъ ученика и мастеръ ударяли по рукамъ, и приведенный мальчикъ поступалъ въ распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, новый ученикъ получалъ букварь, вынималъ изъ-за пазухи заранѣе подаренную ему нарядную указку, садился на указанное ему учителемъ мѣсто за столомъ и начиналъ трудное дѣло „книжнаго наученія“. Это былъ сухой и тяжелый трудъ, о которомъ теперешніе учащіеся и понятія себѣ составить не могутъ. Въ XV и XVI вв. буквари и книги были, конечно, рукописные, а въ XVII вѣкѣ уже печатные. При рукописныхъ книгахъ, написанныхъ различными почерками, часто безъ соблюденія какихъ-либо знаковъ препинанія, въ строку, безъ отдѣленія одного предложенія отъ другого, со словами, поставленными слитно, научиться читать было страшно труднымъ дѣломъ. Читающему приходилось не только схватывать глазомъ буквы и механически соединять ихъ въ слога, а слога въ слова, ему приходилось усиленно думать, что къ чему въ рукописи и какое слово относится прямо къ какому, гдѣ кончается и гдѣ начинается мысль автора. Въ наше время человѣкъ, выучившійся грамотѣ, можетъ читать всякую книгу. Не то было въ старину. Тогда мало было постигнуть механизмъ чтенія, это не давало еще ключа къ пониманію написаннаго. Въ старину учитель объ-

женъ былъ научить раздѣлять слова и предложенія, онъ долженъ былъ знакомить ученика съ содержаніемъ книгъ. Въ старину учились читать не книги вообще, а извѣстную книгу: псалтирь, часословъ и пр. Ученіе читать переходило въ заучиваніе книги на память. Выучившійся читать псалтирь, могъ не справиться съ другой книгой. Взявъ на зубокъ азбуку съ ея трудными названіями буквъ—азъ, буки, вѣди и т. д., ученикъ приступалъ къ слогамъ или складамъ сначала изъ двухъ буквъ—согласной и гласной, а потомъ изъ трехъ, и усердно долбилъ всѣ эти буки-азъ — ба, буки-есть — бе, или буки-рцы-азъ—бра, глаголъ-вѣди-азъ—гва и т. д. безъ конца. Склады читались обыкновенно вслухъ, хоромъ, и гомонъ въ школѣ стоялъ отъ этого такой, что за нѣсколько домовъ было слышно, какъ учатся школяры. Научившись складывать изъ слоговъ слова и прочтя съ толкомъ, „не борзяся“, первыя связныя фразы молитвеннаго содержанія и молитвы, напечатанныя или написанныя въ азбукѣ, постигнувъ всѣ слова подъ титлами, ученикъ со страхомъ и благоговѣніемъ приступалъ къ чтенію „Часослова“, той церковной книги, которая содержитъ въ себѣ основныя церковныя молитвословія — часы, павечерицу, полунощницу, утреню, кондаки и тропари праздникамъ. Начало чтенія часослова было какъ бы переходомъ въ слѣдующій классъ и сопровождалось особымъ торжествомъ. Наканунѣ дома служили молебенъ. Утромъ, передъ отходомъ въ школу, ученику вручался горшокъ каши и гривна денегъ „въ бумажкѣ“ — это онъ долженъ былъ передать учителю. Часословъ брался на зубокъ, какъ и букварь. За нимъ наступала очередь псалтиря, потомъ дѣяній апостольскихъ и, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ св. Евангелія. Изученіе часослова, псалтиря и другихъ книгъ сопровождалось со стороны учителя различными воспитательно-образовательными поученіями.

Кромѣ названныхъ книгъ, въ рукахъ древне-русскаго ученика находился еще иногда „азбуковникъ“, гдѣ, помимо алфавита и складовъ, имѣлся цѣлый рядъ различныхъ свѣдѣній. Прежде всего здѣсь были помѣщены школьныя правила, учившія школьника благонравію и хорошему поведенію. Затѣмъ ученики читали здѣсь о дняхъ недѣли, объ ихъ названіяхъ, о субботѣ; имъ объясняли, что значитъ частое евангельское выраженіе „во едину отъ субботъ“ и т. д. Съ объясненіемъ дней недѣли связаны были первыя начала священной исторіи: дѣтямъ разсказывали о сотвореніи міра, о первыхъ

одѣ израильскомъ, царяхъ Давидѣ и Соломонѣ и т. д.

ѣльныхъ приводило съ собой знакомство съ

календаремъ и лѣтосчисленіемъ, съ цыфирью и начатками ариѳметики. Затѣмъ въ азбуковникахъ слѣдуютъ основныя грамматическія правила, очень сбивчивыя, трудно изложенныя, безъ соблюденія какой бы то ни было послѣдовательности, какого бы то ни было порядка. Такая грамматика изложена въ вопросахъ и отвѣтахъ — ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. Особенное вниманіе среди грамматическихъ правилъ посвящено вѣчному вопросу русскаго правописанія „како ять (ѣ) съ естемъ (е) различати“. Любопытны также правила, гдѣ указывается, когда и какія ударенія слѣдуетъ ставить на словахъ. Перечисляя христіанскія имена, азбуковникъ попутно разсказываетъ о крещеніи Руси. Затѣмъ находимъ въ азбуковникѣ правила стихосложенія и ноты, наконецъ, толкованія о семи мудростяхъ философскихъ: грамматикѣ, діалектикѣ, риторикѣ, музыкѣ, ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи. Конечно, всѣ эти науки описаны въ азбуковникѣ очень кратко, и дѣти развѣ только узнавали, что вотъ есть такія-то и такія науки, но какъ и гдѣ узнать ихъ подробнѣе, этого азбуковникъ не сообщалъ. Интересно, что геометріей называли тогда тѣ отрасли знанія, которыя мы называемъ землемѣріемъ, космографіей и географіей, какъ политической, такъ и физической. Діалектика рекомендовалась для изученія, какъ наука, необходимая „на соборахъ народныхъ и въ судѣ“. Такъ разнообразно и пестро было содержаніе азбуковника. Книга эта была предметомъ особаго изученія. Ее читали въ школѣ подъ руководствомъ учителя, такъ сказать, между дѣломъ, во время отдыха и перерыва занятій. Учитель, вѣроятно, дополнялъ и объяснялъ, какъ умѣлъ, сухія и краткія сообщенія азбуковника, и у школяровъ получался такимъ образомъ извѣстный запасъ знаній изъ всѣхъ областей, какія тогдашняя мудрость считала достойными для сокровищницы ума образованнаго человѣка. На этомъ курсъ школьной науки и кончался.

Попутно, но не ранѣе, какъ ученикъ приступалъ къ чтенію часослова, велось обученіе письму. Эта наука была тогда тоже не изъ легкихъ. Прежде всего она была дорога, такъ какъ бумага въ то время была много дороже нынѣшней, а писали гусиными перьями, которыя нужно было выучиться очинивать особымъ ножичкомъ. Плохо очиненное неумѣлой рукой перо спотыкалось и брызгало по шероховатой бумагѣ у неопытнаго писаки и доставляло ему не мало огорченій. Передъ учившимся писать всегда лежала „пропись“ или „надписи“, и онъ старательно списывалъ буквы, подражая прописи. Суровый учитель, разъ показавъ, какъ надо читать или

писать, не любилъ повторять сказанное два раза и помощью розги и подзатыльниковъ думалъ легче и скорѣе напомнить науку забывчивому ученику. Розга и „ремень плетной“ вообще были первымъ подспорьемъ тогдашняго педагога. Въ азбуковникахъ встрѣчаются цѣлыя стихотворныя похвалы розгѣ. Придавая такое огромное значеніе розгѣ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, тогдашняя педагогія совѣтуетъ ученикамъ любить это средство.

Школьный день начинался рано, часовъ съ семи утра по нашему счету. Добронравному ученику „Азбуковникъ“ предлагалъ такія стихотворныя правила для начала дня:

Въ дому своемъ, отъ сна возставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образамъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди
И товарища своего веди;
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи...

Войдя въ школу, ученикъ крестился на образа и отвѣшивалъ низкій, даже земной поклонъ учителю, если тотъ былъ священникъ, а потомъ, положивъ установленные три поклона передъ образомъ, принимался повторять, не торопясь, „зады“, т.-е. пройденное вчера. Уроковъ на домъ не задавалось, и все проходилось въ классѣ. Прочитавъ „зады“, иной разъ, если учитель былъ недоволенъ, повторивъ ихъ два-три раза, ученикъ принимался читать и перечитывать новый урокъ, т.-е. слѣдующія страницы той книги, какую изучалъ. Учитель слѣдилъ за чтеніемъ, прерывалъ, заставлялъ повторять, добиваясь, чтобы ученикъ читалъ безъ запинки, ровнымъ голосомъ, слегка нараспѣвъ, „не борзяся“, съ толкомъ. Въ двѣнадцать часовъ наступалъ перерывъ для обѣда, и ученики шумной толпой, противъ чего напрасно ратовали строгія правила азбуковниковъ, торопились домой обѣдать. Послѣ обѣда спали, а къ двумъ часамъ дня всѣ снова были въ школѣ и снова долбили урокъ. Сидѣли всѣ за столомъ, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ; старшіе занимали мѣста получше, ближе къ учителю, сидѣвшему въ красномъ углу подъ образами, младшіе же сидѣли ближе къ дверямъ; кромѣ того, каждый ученикъ даннаго отдѣла занималъ мѣсто по своимъ успѣхамъ, и учитель часто пересаживалъ успѣвавшихъ и

малоуспѣшныхъ, въ зависимости отъ ихъ стараній и плодовъ этихъ стараній. Учитель вызывалъ учениковъ по очереди. Каждый вызванный выходилъ изъ-за стола, кланялся учителю въ ноги и начиналъ стоя „сказывать“ свой урокъ. Если учитель бывалъ недоволенъ ученикомъ, то приказывалъ ему сказывать урокъ стоя на колѣняхъ, въ виду спасительной лозы. Выдолбивъ урокъ, ученикъ молился передъ образомъ, произнося особую молитву. Сдѣлавъ затѣмъ три поклона передъ образомъ, онъ начиналъ новый стихъ урока. Какъ только зазвонятъ къ вечернѣ, т.-е. часовъ около четырехъ дня, школьный день заканчивался; школьники вставали со своихъ мѣстъ и пѣли хоромъ молитву св. Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпущаеши“... Послѣ молитвы ученики должны были замкнуть на застежки свои книги, посмотрѣвъ, не осталось ли въ листахъ „указки“, и бережно клали книги на полки. Затѣмъ начиналась уборка школы; ученики выметали помѣщеніе, вытирали пыль, выносили лохань съ грязной водой отъ умыванья, приносили свѣжую воду. За всѣмъ этимъ дѣломъ слѣдилъ староста, т.-е. старшій ученикъ, назначенный на эту должность учителемъ. Староста смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы ученики не листовали безъ толку книгъ, любуясь цвѣтными заставками, бережно клали бы ихъ на мѣсто, не шумѣли въ школѣ и при выходѣ изъ нея. Въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены при церквахъ, находились общежитія для сиротъ, и тогда на обязанности старосты лежалъ надзоръ и за живущими при школѣ сиротами.

Прибравъ школу, ученики расходились по домамъ. Если это было наканунѣ праздника, то всѣ учащіеся обязательно шли къ вечернѣ, и учитель предостерегалъ ихъ, чтобы они стояли въ храмѣ благопристойно, „потому что, — прибавляетъ наставленіе, — всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ“. Отъ учениковъ школы требовалось вообще пристойное поведеніе. „Егда учитель отпуститъ васъ,— читаемъ въ одномъ наставленіи при азбуковникѣ,—то со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія, и рѣзваго бѣганія, и каменноверженія, и всякихъ ненадобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ... Егда минуете святую церковь, и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися“... Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ почему-либо собиралась толпа. Пришедши домой, ученикъ долженъ былъ разсказать родителямъ, что онъ проходилъ въ школѣ и прочесть тотъ урокъ, тѣ стихи или тѣ склады, которые выучилъ.

За всякій школьный проступокъ или неуспѣхи ребенка и дома ожидало наказаніе. Такимъ образомъ страхъ наказанія, боль и стыдъ были средствами, которыя тогда считались необходимыми въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Когда не помогали эти средства, и наука плохо давалась мальчику, то призывали священника и читали особыя молитвы надъ „неудобьучащимся грамотѣ“ мальчикомъ, призывая святыхъ Сергія Радонежскаго и Александра Свирскаго уврачевать „скорбную главу“, дать ей пониманіе и способность къ ученію. Мальчику разсказывали—и учитель и родители—„просторѣчнымъ сказаніемъ“, какъ эти святые въ дѣтствѣ были косны на пониманіе, какъ они усердно молились Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она отверзла ихъ „умныя очеса“, и какъ молитва ихъ была исполнена.

По воскреснымъ днямъ ученики послѣ обѣдни приходили въ школу и „здравствовали“ учителя, т.-е. поздравляли его съ праздникомъ, а учитель бесѣдовалъ съ дѣтьми о праздникѣ, разсказывалъ имъ „просторѣчно“, т.-е. своими словами, разговорнымъ языкомъ, о праздникѣ, о святомъ или священномъ событіи, память котораго чествовалась, и заключалъ свою повѣсть краткимъ поученіемъ, послѣ котораго, помолившись, всѣ расходились. Въ воскресные дни при этихъ здравствованіяхъ учителя происходило подношеніе ему различныхъ даровъ, по большей части разныхъ съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ. Учитель жилъ этими подношеніями, и когда они почему-либо оскудѣвали, тогдашній педагогъ писалъ родителямъ учениковъ почтительнѣйшее письмо, составленное самымъ витіеватымъ образомъ и каллиграфически написанное, въ которомъ учитель высокопарно обращался къ „государю“ такому-то, билъ челомъ и плакался, называлъ себя работничишкомъ и писалъ такъ: „Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонасажденнаго древа, единороднаго своего любезнѣйшаго сына и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей на поученіе, а тебѣ, государю, на душевное утѣшеніе; пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе; благоутробне, смилуйся!“

Очень многочисленны тогдашнія школы не были. Прежде всего тогдашнія помѣщенія не позволяли собирать въ своихъ стѣнахъ много дѣтей. Надо думать, что число учениковъ въ школѣ колебалось отъ пяти—шести до двадцати—тридцати человѣкъ. Сохранилось до нашего времени житіе преп. Сергія съ картинками, на-

писанное въ XVI в. На одномъ рисункѣ тамъ изображена школа: на лавкѣ за столомъ сидятъ одиннадцать мальчиковъ съ книгами, а одинъ, самъ преподобный, стоитъ передъ учителемъ, который объясняетъ ему урокъ. Среди учениковъ, кромѣ дѣтей, встрѣчались и взрослые. Время обученія грамотѣ не могло быть продолжительно, несмотря на крайне трудные и грубые пріемы самого обученія. Способные мальчики, въ родѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, кончали всю начальную школьную премудрость года въ два. Менѣе способные мальчики изучали все это, вѣроятно, года въ три, даже въ четыре.

Такъ учились въ древней Руси всѣ—и царскіе дѣти, и боярскіе, и священническіе, и простые, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ и достигали одного и того же: умѣнья читать и писать. На этомъ огромное большинство тогдашнихъ людей и заканчивало свою науку. Кто хотѣлъ учиться дальше, тому оставался одинъ путь—чтеніе книгъ да случайная помощь случайно встрѣченнаго знатока и собирателя книгъ. Нѣкоторые такіе знатоки устраивали у себя, впрочемъ, родъ высшаго, по сравненію со школой, училища, гдѣ читали вмѣстѣ съ желавшими „священныя библіи, бесѣды евангельскія и апостольскія, и разсуждали о высокомъ, лежащемъ въ оныхъ книгахъ разумѣніи". Читали творенія Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Григорія Богослова. Такимъ образомъ извѣстная „ученость" могла быть пріобрѣтаема искателями ея только ихъ личнымъ самостоятельнымъ трудомъ, при помощи продолжительнаго и внимательнаго изученія книгъ, со стороны ихъ содержанія и изложенія. Такой способъ пріобрѣтать „ученость" создалъ и особый типъ древне-русскаго „ученаго". Это былъ всегда человѣкъ, глубоко уважавшій „книги", много и прилежно читавшій, который прочелъ всѣ существовавшія на русскомъ языкѣ книги, зналъ содержаніе всѣхъ ихъ чуть не наизусть и умѣлъ на память говорить цѣлыя главы и отдѣлы изъ прочитанныхъ книгъ. Такъ какъ всѣ тогдашнія книги были или книги Св. Писанія, или творенія отцовъ Церкви, или житія и лѣтописи, вообще книги, говорившія о предметахъ духовныхъ и божественныхъ, то начетническое уваженіе къ книгѣ возрастало часто въ глубокое преклоненіе предъ всѣмъ написаннымъ. „Аще кто не имѣя книги мудрствуетъ, таковой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу,—говорилъ древне-русскій книжникъ-начетчикъ.

47. О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа.

Такъ называемыя лубочныя картинки составляютъ у простолюдиновъ въ Россіи картинныя галлереи и письменность, потому что въ нихъ слово соединено съ образомъ, и одно другимъ объясняется. Во многихъ отношеніяхъ онѣ любопытны и значительны, какъ произведенія народнаго гравированія, матеріалы для исторіи отечественныхъ художествъ и какъ элементы народности, кои и въ Европѣ съ недавняго времени сдѣлались предметомъ ученыхъ изслѣдованій. Хотя искусство въ этихъ произведеніяхъ представляется на низшей его степени, рисунокъ ихъ неправиленъ до уродливости, отдѣлка груба, неопрятна, раскраска похожа на малеванье; но какъ подъ внѣшностью, непривлекательною для образованнаго вкуса, нерѣдко скрываются существенные признаки внутренней жизни народа, его вѣрованіе, мнѣніе и значеніе, его духъ и характеръ, то онѣ достойны вниманія и разсмотрѣнія съ внѣшней и внутренней стороны, т.-е. въ отношеніи къ искусству и его исторіи въ Россіи и въ отношеніи къ содержанію и значенію ихъ во внутренней жизни народа.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощеннаго художества пробуждается вопросъ: почему они слывутъ лубочными, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (ксилографія), потомъ на металлическихъ доскахъ (металлографія), а теперь рисуются на камняхъ (литографія), а отпечатываются на бумажныхъ листахъ. Изъ псковской правой граматы 1483 г. видно, что писали и на лубѣ, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамента и бумаги; потомъ вырѣзывали выпукло на липовыхъ лубкахъ и досечкахъ разныя картинки изъ священной и отечественной исторіи, какъ показываетъ старинный ихъ образчикъ. Самое названіе латинское книги „liber“ собственно значитъ лубъ дерева, на коемъ писали въ древности, какъ нѣкогда въ Россіи на берестѣ. Притомъ народныя картинки лубочныя развѣшиваются для продажи на лубкахъ, и въ лубкахъ разносятся ходебщиками и офенями по городамъ и деревнямъ. Можетъ быть, онѣ также одолжены своимъ названіемъ и улицѣ въ Москвѣ Лубянкѣ, близъ коей находится урочище Печатники (Печатная слобода въ XVII вѣкѣ), гдѣ, по старинному преданію, рѣзались на лубахъ и отпечатывались такія картинки жившими тамъ печатниками съ печатнаго двора. Лубы сіи или, лучше сказать,

липовыя досечки, какъ извѣстно, употребляются для рѣзьбы по удобству самаго дерева. Всѣ такія обстоятельства вмѣстѣ, повидимому, дали поводъ къ наименованію лубочными народныхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ и металлахъ, такъ что и другіе эстампы грубой и плохой работы обыкновенно называются лубочными.

Содержаніе лубочныхъ картинъ соотвѣтствуетъ быту и духу народности: оно религіозное, нравственное, историческое и сатирическое. Какъ религіозный элементъ преобладаетъ въ жизни русскаго народа, то и картинокъ, содержащихъ въ себѣ предметы нравственные и догматическіе, несравненно болѣе, чѣмъ историческихъ. Такихъ картинокъ съ текстомъ прежде было весьма много, но число ихъ уменьшилось оттого, что доски нѣкоторыхъ изъ нихъ утратились, и самые эстампы сдѣлались весьма рѣдкими, и оттого, что мѣсто ихъ заступили картинки другого содержанія, нерѣдко совершенно чуждыя духу народному. На нихъ изображаются: „Сотвореніе міра, шесть дней творенія и грѣхопаденіе перваго человѣка“, „Св. Исторія въ лицахъ, на 59 листахъ, съ стихотворными надписаніями, начала XVIII и конца XVII вѣка“, „Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ“, „Притча о блудномъ сынѣ“, „Страшный судъ“ и др. Послѣдняя—„Страшный судъ“—есть одна изъ употребительнѣйшихъ въ народѣ картинъ. Она представляетъ отверзтое небо съ небесными воинствами, ангелами, адское пламя, стремящееся выспрь; св. Петръ апостолъ впускаетъ въ райскія врата лики праведниковъ; напротивъ, къ аду приближается толпа грѣшниковъ, между которыми видны земледѣльцы, работавшіе по праздникамъ, и женщины, прельщавшія нарядами своими и приворажившія къ себѣ колдовствомъ. Въ аду, среди пламени, мучатся грѣшники, повѣшенные то за головы, то за руки, за ноги, за ребра. Ужасное позорище дополняется большимъ зміемъ, отъ ада простирающимся до небесъ; на суставахъ чудовища начертаны разные грѣхи, за кои души подвергаются истязаніямъ на мытарствахъ. Картина сія, ународившаяся въ Россіи, по всему вѣроятію, византійскаго изобрѣтенія и относится къ X вѣку, когда въ Европѣ преобладала мысль о близости страшнаго суда.

Нравственныя картинки, содержа въ себѣ простыя, но разительныя и понятныя для народа напоминанія обязанностей любви и справедливости, правила благоразумія въ жизни, представляютъ высокое преимущество добродѣтели, гибельныя послѣдствія пороковъ и преступленій, то въ видѣ притчей и сказаній, то въ обликѣ портретовъ, иногда въ бесѣдахъ мудрецовъ древняго міра и отцовъ

церкви о суетѣ свѣта, о жизни, смерти и вѣчности, о дѣлахъ добрыхъ и злыхъ. Изъ этихъ завѣтныхъ источниковъ простолюдинъ почерпаетъ правила въ руководство своему уму и волѣ; они составляютъ обычный предметъ его вѣдѣнія и размышленія. Между такими картинками замѣчательна „Четыре вещи послѣднія: „Симъ молитву даетъ, Хамъ пшеницу сѣетъ, Афетъ власть имѣетъ, смерть всѣмъ владѣетъ".

Сатирическія картины напечатлѣны народнымъ юморомъ, добродушною насмѣшкою и шуткою, представляя въ юмористическихъ картинахъ человѣческіе и народные глупости, пороки и нелѣпости. Подъ грубымъ и чудовищнымъ изображеніемъ часто скрывается забава, предосторожность и обличеніе, понятныя уму простолюдина. Таковы — „изображеніе трехъ пьяницъ, пропившихъ деньги, съ надписью: „Плачъ безъ надежды, грусть безъ отрады, печаль безъ утѣхи", „Шемякинъ судъ" и „Челобитная леща на ерша". Въ предпослѣдней сатирическій разсказъ о неправильномъ и мздоимномъ судьѣ примѣненъ къ Шемякину суду, обратившемуся съ XV вѣка въ народную поговорку. Полагать надобно, что юридическая притча эта перешла въ Россію изъ Польши; въ сборникѣ XVII вѣка отмѣчено, что сказаніе сіе выписано изъ польскихъ книгъ. Послѣдняя изображаетъ тяжбу леща съ ершомъ, незаконно присвоившимъ себѣ воды; она оканчивается пиромъ 33 лицъ на счетъ просителя. Но главное мѣсто между сатирическими картинками занимаетъ „Погребеніе кота мышами и крысами". Этотъ котъ, какъ въ описаніи называется, былъ казанскій, уроженецъ астраханскій, имѣлъ разумъ сибирскій, а усъ сусастерскій. Три ряда, составляющіе процессію изъ 70 фигуръ, кои означаютъ разныя сословія, открываются большими и маленькими пѣвчими и музыкантами. Мертваго кота несутъ шесть мышей, на саняхъ, какъ въ старину у русскихъ носили покойниковъ. Безотчетное преданіе относитъ эту лубочную сатиру то къ временамъ царя Ивана Васильевича, то къ концу царствованія Петра I; другіе предполагаютъ также, будто это каррикатура на погребеніе папы, который ревностно старался чрезъ своихъ миссіонеровъ обратить Россію къ католицизму. Послѣ историческихъ преданій и завѣтныхъ думъ, притчи и сказки съ присказками, прибаутками и погудками составляютъ предметъ лубочныхъ листовъ.

Вкусъ и обычай черни усвоили себѣ лубочные листы, вошедшіе въ кругъ семейной жизни темнаго и малограмотнаго простолюдина, какъ завѣтное наслѣдство предковъ и какъ любимое убранство его избы, клѣти, свѣтлицы, сѣней и торговой лавочки,

гдѣ онѣ послѣ образовъ занимаютъ почетное мѣсто. Лубочныя картинки, получившія свое названіе въ московскомъ мірѣ и печатаемыя въ древней столицѣ, развозятся и раскупаются по всей Россіи, составляютъ забаву малолѣтнымъ и потѣшеніе старымъ; съ дѣтскихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ колыбельными пѣснями, чрезъ ближайшихъ къ намъ людей, чрезъ нашихъ нянюшекъ, мамушекъ и дядекъ, дѣлаютъ неизгладимый оттискъ въ нашемъ воображеніи и памяти. Смотря на нихъ въ досужій зимній вечеръ, при свѣтѣ лучины, крестьянинъ любитъ слушать грамотея, читающаго и толкующаго приложенныя къ нимъ описанія. Когда еще нравы и обычаи не разобщали высшаго сословія отъ низшаго, тогда главное убранство уютныхъ хоромъ, свѣтлицъ и сѣней у бояръ и зажиточныхъ людей, какъ и въ крестьянскихъ избахъ и клѣтяхъ, составляли св. иконы и лубочныя картинки. Описи имущества въ дѣлахъ синодальнаго приказа, около половины XVIII вѣка, показываютъ намъ, что въ крестовыхъ и сѣняхъ, у большихъ господъ и духовныхъ властей на стѣнахъ наклеены были страшный судъ или исторія въ лицахъ блуднаго сына и другія печатныя изображенія духовнаго содержанія. Такими-то печатными листами, по сказанію патріарха Іоакима, „украшались въ XVII вѣкѣ храмины, избы, клѣти и сѣни, не для почитанія образовъ святыхъ, но для пригожества“, не только у крестьянъ, торговыхъ людей и бояръ, но даже въ царскихъ чертогахъ и теремахъ. Сіи назидательныя изображенія, хотя и неискусныя и немногоцѣнныя, всегда обращаясь въ глазахъ, были привычными собесѣдниками и вмѣстѣ наставниками въ жизни. Средство учить картинами входило въ кругъ стариннаго воспитанія. Наставникъ царя Алексѣя Михайловича, Морозовъ, училъ своего порфироднаго питомца посредствомъ гравированныхъ въ Германіи картинокъ. Учитель Петра I, Зотовъ, для впечатлѣнія русской исторіи въ память своего ученика, велѣлъ въ учебной его комнатѣ изобразить важнѣйшія происшествія въ лицахъ и наклеить на стѣнахъ рисунки знатнѣйшихъ городовъ Европы и другихъ достопамятностей свѣта. Для царевича Алексѣя Петровича представлены были въ аллегорическихъ фигурахъ разныя науки, какъ видно изъ поднесенной ему рукописи, съ раскрашенными рисунками, подъ заглавіемъ: Градъ царства Небеснаго. Самъ преобразователь Россіи, желая познакомить русскихъ съ пріятностями изящнаго садоводства, завелъ въ Петербургѣ публичный садъ, гдѣ для соединенія удовольствія съ пользою приказалъ разставить по аллеямъ сдѣланныя изъ свинца и олова фигуры эзоповыхъ притчей и при нихъ написать на до-

скахъ самыя слова басней. Это привлекло въ садъ посѣтителей, которые толпились около аллегорическихъ фигуръ, читали и толковали въ надписяхъ басни. Сіи памятники попеченій мудраго государя о просвѣщеніи своего народа оставались цѣлыми до наводненія въ 1777 году. Эзоповы притчи, напечатанныя въ Москвѣ въ 1712 г. въ 12 д., съ рисунками, довольно искусно обработанными, потомъ перешли на лубочныя картинки и сдѣлались достояніемъ простого народа, такъ что грамотеи и досужіе словоохотные старички и бывальцы по деревнямъ, затвердивъ ихъ, разсказывали по-своему въ наставленіе или остереженіе неграмотнымъ.

Всѣ лубочныя картинки по своему происхожденію или оригинальныя, или заимствованныя у другихъ народовъ; первыя проявляютъ въ себѣ бытъ и духъ отечественный, послѣднія переданы безъ перемѣны, только съ русскимъ переводомъ текста, или передѣланы на русскій ладъ и усвоены народомъ. На многихъ изъ нихъ остался иностранный типъ въ костюмахъ, орнаментахъ, лицахъ и мѣстности. Сочинители самихъ картинокъ и текста къ нимъ, по большей части, намъ неизвѣстны, какъ и сочинители пословицъ и пѣсенъ, перешедшихъ въ завѣтное достояніе цѣлаго народа; частная мысль и мнѣніе нерѣдко обращались въ общія. Вѣроятно, впрочемъ, что составленіемъ такихъ народныхъ листовъ и тетрадокъ занимались досужіе грамотеи, странники въ Палестину, справщики типографскіе, самые граверы, изъ коихъ весьма немногіе подписывали на нихъ свои имена.

48. Внутреннее состояніе русской земли во второй половинѣ XVII в.

Имѣя случай изъѣздить Россію изъ конца въ конецъ, Матвѣевъ, ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича, видѣлъ, въ какомъ была она положеніи, изнуренная войнами съ поляками, набѣгами крымской орды, моровыми повѣтріями и своими внутренними недугами. Часто, проѣзжая огромныя пространства, не приходилось встрѣтить ничего, кромѣ голой степи, выжженной непріятелемъ. Тамъ и сямъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, встрѣчались бѣдныя деревеньки и села съ курными, тѣсными избами, изъ которыхъ выходили блѣдные и изнуренные голодомъ и нуждою люди. Иногда встрѣчались и такія деревни, въ которыхъ ни одно живое существо не откликнулось бы путнику, не вышло бы къ нему,

сколько бы онъ ни звалъ, сколько бы онъ ни стучалъ въ ворота и окна: жители или перебиты, или вымерли, или разбѣжались, кто куда—и на югъ, и на низовье Волги, и въ Сибирь... Ѣдутъ, ѣдутъ путники, верстъ пятьсотъ ѣдутъ и благодарятъ Бога, что на этомъ пространствѣ встрѣтили десятокъ женщинъ, одного мужчину, да нѣсколько полуразвалившихся избъ. На сѣверъ отъ Москвы шли лѣса и болота, обильные всякимъ звѣремъ и дичью, и рѣки, обильныя рыбою. Но и здѣсь, хотя край и населенъ былъ мѣстами, путнику приходилось плохо: черезъ лѣса и болота почти только зимою и проѣхать было можно; топи, грязь и множество насѣкомыхъ почти не давали возможности ѣхать лѣтомъ. Дорогъ или вовсе не было, или были малоѣзжанныя; поселяне встрѣчались рѣдко и путнику то и дѣло приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, и лѣтомъ и зимою.

Куда бы ни пріѣхалъ путникъ, почти вездѣ было тяжко жить людямъ. Одни жаловались на голодъ, другіе на разоренье отъ непріятеля, третьи на моровую язву; но еще чаще раздавались жалобы на воеводъ, которые окружали себя доносчиками, а доносчики обвиняли людей невинныхъ въ небывалыхъ преступленіяхъ. Донось и ябедничество были тогда прибыльнымъ ремесломъ. Служащіе люди и боярскіе дѣти разъѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о побояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и разсыльщиковъ. Шпіоновъ было чрезвычайное множество, и они всюду вторгались: на свадьбы, похороны, на пиры—иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. При такомъ множествѣ шпіоновъ, воеводамъ не трудно было запутать и обобрать любого человѣка. Съ своими служилыми людьми, для своей корысти, воеводы сажали въ тюрьмы людей невинныхъ, нещадно приказывали бить ихъ батогами, держали на правежѣ и подвергали страшнымъ истязаніямъ. Случалось, что воевода сажалъ людей въ подполье, запиралъ въ одной рубахѣ въ холодныя избы зимою, выдавалъ насильно замужъ крестьянскихъ дѣвушекъ, посылалъ своихъ людей по деревнямъ грабить крестьянъ. Ограбленные приходили жаловаться воеводѣ и попадали за это въ тюрьмы, откуда освобождались только выкупомъ. Разбои были очень часты; ими занимались не только разные бѣглые, но и богатые люди. Случалось, что помѣщикъ наберетъ своихъ крестьянъ, вооружитъ ихъ и пойдетъ разбойничать, нападаетъ на купцовъ, на сосѣдей своихъ, помѣщи-

ковъ же, грабитъ, жжетъ селенія. Управы трудно было найти въ то время, потому что взяточничество было ужасное; за деньги даже въ самой Москвѣ все можно было сдѣлать. Хотя въ приказахъ и велѣно было судить по святой евангельской заповѣди, не дружить сильнымъ и друзьямъ, не мстить недругамъ, не брать взятокъ, хотя приказные люди и цѣловали крестъ съ „жестокимъ проклинательствомъ“ въ томъ, чтобы не брать взятокъ и судить по правдѣ, по царскому указу и уложенью, „но, говоритъ одинъ современный писатель, ни во что ихъ есть вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ“. Безъ взятки не дѣлалось ни одного дѣла, и люди самые близкіе къ царю наживали огромныя состоянія взятками и грабежомъ царской казны. Конечно, если царь узнавалъ о лихоимствѣ важнаго человѣка, то наказывалъ его, но узнавать приходилось рѣдко, да и тогда важные люди могли найти за себя заступничество или у своихъ пріятелей, или черезъ женъ своихъ у царевенъ, царицы и царевичей.

Взяточничество, главнымъ образомъ, происходило отъ слѣдующихъ причинъ. „Въ жестокихъ законахъ царя Ивана Грознаго, говоритъ одинъ современникъ, главнѣйшимъ уставомъ кажется тотъ, по которому всѣ приказные люди, начальники и правители чинятъ царю государю присягу и страшно клянутся: что я, такой-то, при всякомъ удобномъ случаѣ, какой только можно придумать на свѣтѣ, буду искать прибыли государевой казнѣ, и не пропущу никакого способа, годнаго къ ея умноженію — изъ этого закона необходимо слѣдуетъ это великое зло, что подъ царскимъ именемъ тѣ приказные, столько же для себя, сколько для царя, всякими вымыслами томятъ, мучатъ и обираютъ несчастныхъ подданныхъ и не пропускаютъ никакого способа, годнаго для грабительства. Другой законъ состоитъ въ томъ, что высшіе сановники (связанные той клятвой) не назначаютъ уѣзднымъ приказнымъ людямъ никакого жалованья или такое малое, что приказные никакъ не могутъ имъ жить. А при этомъ приказываютъ имъ носить цвѣтное дорогое платье и крѣпко запрещаютъ брать взятки. Какой же промыслъ остается этимъ бѣднымъ людямъ на прожитокъ? Одно воровство... Отъ приказной поблажки на Москвѣ множество воровъ, разбоевъ и убійства“. Корыстолюбіе было господствующимъ порокомъ того времени. Люди были не образованы, не развиты и не сознавали, какой долгъ лежитъ на нихъ въ отношеніи къ обществу. Личная выгода ставилась впереди всего. Службою отечеству почитали только службу военную, на всякую же

другую, собственно гражданскую службу, смотрѣли какъ на средство, вознаграждающее за заслуги на ратномъ полѣ. Само правительство, раздавая должности гражданскаго управленія, руководилось тою же мыслью, посылая служилыхъ людей на „кормленіе“ въ провинцію. Служилый человѣкъ и кормился: „я-де отслужилъ отечеству на войнѣ—теперь пора отдохнуть и нажиться, и онъ наживался часто всѣми неправдами.

Теперь мы далеки отъ того порядка вещей. Теперь правительство наше знаетъ, что на благоденствіи народа должна основываться вся сила государства. Тогда же, напротивъ, правительство не обращало почти никакого вниманія на народъ. Его грабили воеводы, притѣсняли владѣльцы, не жалѣло правительство. Жители Московскаго государства были обложены безчисленными налогами, сборами, податями, пошлинами, отбывали въ то же время множество повинностей натурою. Воеводы и приказные люди строго наблюдали за сборомъ налоговъ и исполненіемъ повинностей, потому что весь недоборъ съ жителей доправляли съ самого воеводы. Жалѣя свой карманъ, воеводы не щадили никакихъ истязаній, чтобъ принудить жителей къ уплатѣ сборовъ. Должниковъ держали на правежѣ, то-есть били до тѣхъ поръ, пока они уплачивали, или умирали, или разбѣгались. Вообще тогдашнее правительство всѣ свои силы употребляло только на то, чтобы собирать какъ можно больше дохода, не тратя ни малѣйшихъ стараній и заботъ объ улучшеніи хозяйства, о благополучіи, благоденствіи народа—этой основы всякаго государства. Что же дѣйствительно было сдѣлано для общественнаго устройства, то сдѣлано было не съ цѣлью улучшить состояніе народа, а просто для того, чтобъ предупредить явное и совершенное разстройство дѣлъ, стало быть, было вызвано со стороны государства самосохраненіемъ, стремленіемъ спасти дѣло отъ конечной гибели. Окруженные корыстолюбцами, безстыдными и безсовѣстными взяточниками, шпіонами, честные люди должны были горько жаловаться на судьбу свою. Между такими людьми даже трудно было оставаться честнымъ человѣкомъ, и если находились честные люди на службѣ царской, царь Алексѣй Михайловичъ умѣлъ ихъ отличить и приблизить къ себѣ, сдѣлать своими ближними друзьями. Изъ такихъ-то честныхъ людей были патріархъ Никонъ, Ордынъ-Нащокинъ и Матвѣевъ.

49. Основаніе Петербурга.

На мѣстѣ нынѣшняго Петербурга лежало глухое и топкое болото, поросшее кое-гдѣ густымъ сосновымъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ. Сырой и холодный воздухъ туманомъ висѣлъ надъ этой почти безлюдной мѣстностью, и часто леденящіе вѣтры, налетая со взморья или озера, шумѣли въ лѣсахъ, вздымали волны на рѣкѣ и выли надъ болотами, вторя единственнымъ постояннымъ жильцамъ этого печальнаго мѣста — волкамъ. И Нева въ этой оправѣ болотистыхъ береговъ и темнаго хвойнаго лѣса была такая непривѣтливая. Кромѣ волковъ, постоянныхъ жителей въ этой мѣстности было очень мало, да и тѣ страдали отъ частыхъ наводненій Невы, выходившей изъ береговъ. На правомъ берегу Невы, между Лахтой и Охтой, кое-гдѣ было разбросано нѣсколько бѣдныхъ финскихъ деревень. На теперешней Охтѣ была шведская корабельная верфь. На другомъ, лѣвомъ берегу Невы, немного ниже теперешняго Смольнаго монастыря, поселилась горсть русскихъ людей, заброшенныхъ судьбою далеко на непривѣтный сѣверъ; тутъ у нихъ было сельцо Спасское съ бѣдною церковью. По Фонтанкѣ, между нынѣшними Семеновскимъ и Чернышевымъ мостами, было селеніе Усадитъ, а дальше по теченію, у нынѣшняго Калинкина моста—деревня Калина, отъ которой произошло и названіе этого моста. Эти деревеньки да отдѣльныя, тамъ и сямъ разбросанныя хижинки и составляли все населеніе огромнаго пространства невскаго побережья. Не весела и неприглядна была жизнь людей, завязшихъ въ тундрахъ и непролазныхъ болотахъ за темными лѣсами. Ингерманландцы и корелы, жители этой мѣстности, были народъ выносливый и терпѣливый, способный сжиться съ самою непривѣтливою природою. Занимались они по большей части рыболовствомъ и кое-какими домашними ремеслами, одѣвались бѣдно и жили въ своихъ лачугахъ вмѣстѣ съ поросятами, телятами и другою домашнею скотиною. Дымъ и бычій пузырь въ окнахъ, вмѣсто стекла, мѣшали дневному свѣту проникать въ эти лачуги. Зато на лѣсномъ и болотистомъ привольѣ обильно развелась всевозможная дичь и, не распугиваемая присутствіемъ человѣка, селилась и размножалась въ короткое лѣто, а на зиму часть птицъ улетала за море. Присутствіе кучки русскихъ поселенцевъ въ этой шведской сторонѣ объясняется тѣмъ, что все это пространство, отъ истока Невы до самаго ея устья,

принадлежало съ давнихъ поръ Великому Новгороду подъ именемъ „Водской пятины", а затѣмъ было уступлено Швеціи по Столбовскому договору и обратилось въ шведскую провинцію Ингерманландію.

Вотъ эту-то бѣдную и непривѣтливую сторону Петръ I и выбралъ мѣстомъ для своей столицы! 16-го мая 1703 г., въ день Святой Троицы, Петръ собственноручно заложилъ крѣпость, назвавъ будущую столицу городомъ св. Петра — Санктъ-Питербурхомъ. Къ этому дню войска, взявшія Ніеншанцъ и овладѣвшія всею Невою и ея дельтою, придвинулись къ мѣсту закладки крѣпости и новой столицы. Невская флотилія, на которой прибыли войска, такъ запрудила берега Іенисари и ближайшіе берега Койвисари, что прибывшій изъ Новгорода владыка Іона съ соборомъ всего духовенства, съ хоругвями и образами, а затѣмъ и государь съ блестящею свитою, только благодаря удивительной распорядительности Меншикова, уже назначеннаго губернаторомъ будущей столицы, могли свободно пройти къ мѣсту молебствія и закладки. Началось молебствіе, по окончаніи котораго митрополитъ окропилъ святою водою царя, его свиту и выстроенныя полукругомъ войска. Петръ I, взявъ желѣзную лопату, глубоко засадилъ ее въ землю въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться центръ закладки, и разомъ выворотилъ громадную глыбу влажнаго грунта. Меншиковъ, взявъ другой заступъ, тоже сталъ копать рядомъ съ царемъ, къ нимъ присоединились другіе преображенцы, и скоро яма была готова. Затѣмъ царю подали золотой ларецъ, на крышкѣ котораго были начертаны слѣдующія слова: „Отъ воплощенія Іисуса Христа 1703, маія 16-го, основанъ царствующій градъ Санктъ-Питербурхъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, самодержцемъ всероссійскимъ". Въ ларцѣ была положена частица отъ мощей св. апостола Андрея Первозваннаго. Между тѣмъ солдаты опустили въ [illegible] заготовленный изъ гранита четыреугольный ящикъ, и митрополитъ окропилъ его святою водою. Тогда государь, припавъ на колѣно, вложилъ ларецъ въ ящикъ и, прикрывъ его дерномъ, тутъ же собственноручно вырѣзаннымъ, торжественно возгласилъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! основанъ царствующій градъ Санктъ-Питербурхъ! Въ тотъ же моментъ воздухъ былъ потрясенъ [illegible] выстрѣлами со стоявшей у берега невской флотиліи, и [illegible] начали [illegible] крѣпостныя орудія со стѣнъ Ніеншанца. Затѣмъ, послѣ [illegible] орудій, государь вмѣстѣ со свитой, предшествуемый митрополитомъ и духовенствомъ съ хоругвями и образами, [illegible] острова Іенисари и, остановившись у протока,

отдѣлявшаго Іенисари отъ Койвисари срубилъ двѣ стройныя, высокія березы, обтесалъ ихъ и, заостривъ стволы, приказалъ инженеръ-генералу Ламберту выкопать двѣ глубокія лунки на разстояніи нѣсколькихъ саженъ одна отъ другой. Государь связалъ верхушки срубленныхъ березъ и вставилъ стволы въ готовыя лунки, такъ что березы образовали проходъ — подобіе арки или тріумфальныхъ воротъ. Затѣмъ снова взялся за заступъ и намѣтилъ мѣста закладки крѣпостного рва и воротъ.

Глухая и заброшенная до сихъ поръ мѣстность вдругъ оживилась, наполнилась народомъ и огласилась стукомъ топоровъ, трескомъ сваливаемыхъ вѣковыхъ деревьевъ и шумомъ работы. Живо пошло дѣло подъ присмотромъ самого царя. Словно изъ-подъ земли выростали крѣпостныя стѣны. Гранитныя плиты точно сами собой громоздились одна на другую... Нѣтъ, не сами собой... Вонъ весь невскій берегъ усыпанъ человѣческими тѣлами, прикрытыми сѣрымъ, безцвѣтнымъ, безобразнымъ лохмотьемъ. То рыжая, никогда ничѣмъ, кромѣ корявыхъ пальцевъ, не чесанная борода торчитъ къ голубому, хотя сѣверному, но теперь дымному, марящему небу; то печется на солнцѣ, вся въ пыли отъ щебня, косматая голова, которая всего разъ, только въ купели, была дочиста вымыта, а потомъ было некогда мыть ее; то глядитъ на это жаркое солнце голая колѣнка сквозь продранные порты; то истрепавшійся лапоть, столь же чистый, какъ прибрежная грязь, отдыхаетъ послѣ каторжной гонки съ берега на крѣпостную стѣну, со стѣны въ сырую канаву... Эта сѣрая куча тѣлъ человѣческихъ, зипуновъ, лаптей, тачекъ, лопатъ, рогожъ, изодранныхъ рубахъ и портовъ—это титаны, воздвигающіе новую столицу своему великому царству,—титаны, которые, похлебавъ чистой невской воды съ нечистыми сухарями, теперь отдыхаютъ въ жаркій полдень подъ стѣнами возводимой ими крѣпости... Немного выше гранитной твердыни уже высится небольшая, наскоро сколоченная, деревянная крѣпостца съ шестью бастіонами... Но много людей пало на невскихъ болотахъ, прежде чѣмъ создался городъ,—пало въ борьбѣ съ трудностями работы и климатомъ. Въ страстномъ увлеченіи и неудержимомъ стремленіи все создать скорѣе, все выполнить такъ, какъ рисовалось въ безпрерывно творящемъ мозгу, государь не щадилъ и не соразмѣрялъ силъ ни своихъ, ни чужихъ. Страшно вспомнить, чего стоила эта поспѣшность работъ на болотѣ безъ порядочныхъ инструментовъ. Вотъ какъ устами поэта тѣнь одного изъ рабочихъ, погибшихъ на этомъ болотѣ, говоритъ о тягости трудовъ, вынесенныхъ народомъ на своихъ плечахъ:

[illegible] Петербург- [illegible] ственная [illegible] почва [illegible] на ра- [illegible] рий. изъ [illegible] томъ еще [illegible] осенней [illegible] онъ ва- [illegible] занное при- [illegible] и оставил на [illegible] Если Москва [illegible] на крови [illegible] людей, то Петербургъ держится на [illegible] народа, по- легшаго подъ нимъ, какъ [illegible] беречь это со- кровище, славный памятникъ [illegible] воспоминаніе [illegible] трудовъ!

Топоръ и заступъ малоросса, мордвина и финна быстро истребляли мѣшавшія деревья и очищали мѣстность, проводя въ разныхъ направленіяхъ канавы для осушки. На каждомъ шагу громоздились привезенные и добытые на мѣстѣ матеріалы, кучи щебня, глыбы камня и гранита, бунты [1]) строевого и мачтоваго лѣса; вездѣ работа кипѣла съ лихорадочной поспѣшностью. Да и какъ было не кипѣть работѣ, когда царь по цѣлымъ днямъ самъ присутствовалъ на работахъ: въ одномъ мѣстѣ рубилъ бревна вмѣстѣ съ плотниками, въ другомъ — рылъ землю могучими взмахами богатырскихъ рукъ; тамъ чертилъ вмѣстѣ со строителемъ линію укрѣпленія, а черезъ минуту неразлучная съ нимъ дубинка уже гуляла по спинѣ провинившагося, будь то простой работникъ или самый любимый изъ его приближенныхъ сотрудниковъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ заложенія крѣпости, 29 іюня Петръ уже праздновалъ свои именины въ крѣпости, въ готовомъ бастіонѣ Меншикова. Радостно пилъ царь чарку водки въ кругу друзей царедворцевъ, при крикахъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ и громѣ шведскихъ пушекъ со свѣже-насыпанныхъ валовъ и больверковъ (бастіоновъ). Къ августу того же года крѣпость была уже совсѣмъ готова и вооружена шведскою артиллеріею, отнятою при взятіи Ніеншанца и двухъ кораблей. Центромъ новыхъ построекъ, такимъ образомъ, была крѣпость, въ которой при Петрѣ помѣщались сенатъ и аптека, затѣмъ домъ коменданта Брюса. А кругомъ крѣпости постепенно сталъ выростать и городъ. На сосѣднемъ островѣ Койвисари (нынѣшняя Петербургская сторона), куда велъ отъ крѣпости мостикъ, Петръ велѣлъ срубить себѣ для жилья немудреную избушку въ восемь саженъ длины и въ три ширины. Двѣ маленькія комнатки этого дворца Петръ украсилъ въ любимомъ своемъ голландскомъ вкусѣ, обивъ стѣны крашеной бѣлой холстиной и уставивъ простою мебелью и инструментами. Нынѣшняя Большая Дворянская улица намѣтилась ясно только позднѣе, когда начали строиться придворные и приближенные Петра. Подальше, вдоль берега Большой Невки, вытянулись въ нѣсколько рядовъ шалаши для рабочихъ—убогій досчатый городокъ, ряды лавокъ,— вотъ и все, чѣмъ на первыхъ порахъ была будущая столица. Вокругъ этого зерна будущей столицы еще шумѣли непривѣтные сѣверные лѣса.

[1]) Бунтъ—одна изъ употребительныхъ въ коммерціи, особенно въ старое время, единицъ счета однородныхъ предметовъ.

Петербурга и шкипера, и матросовъ опять угощаютъ за столомъ Меншикова, опять государь присутствуетъ на пиру и даритъ шкиперу 500 червонцевъ, а каждому матросу по 30 ефимковъ (ефимокъ—талеръ, равнялся нашему тогдашнему рублю). При этомъ государь велитъ объявить, что и двумъ слѣдующимъ кораблямъ будетъ такой же пріемъ и такая же награда. Въ заключеніе государь опять самъ проводитъ корабль среди мелей, обнимаетъ на прощанье шкипера и желаетъ всѣмъ счастливаго пути.

Заложивъ столицу при морѣ, Петръ не могъ, конечно, обойтись безъ корабельной верфи, гдѣ бы строились суда для возникающаго флота, и выбралъ мѣсто на другомъ, правомъ берегу Невы, наискосокъ крѣпости. Съ постройкой верфи городъ и началъ переходить на другую сторону рѣки. 5 ноября 1704 г. „заложили, — какъ гласитъ современный документъ,—адмиралтейскій домъ, длина 200 саженъ, ширина 100 саженъ", съ верфями и доками для кораблей и казармами для солдатъ и офицеровъ, — заложили на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ Адмиралтейство. По закладкѣ Адмиралтейства царь на время уѣхалъ изъ Петербурга, поручивъ дальнѣйшую стройку Меншикову, подъ надзоромъ котораго работы дѣятельно продолжались. Около Адмиралтейства стали строиться дома для рабочихъ, амбары и склады для строительныхъ матеріаловъ, а вслѣдъ за рабочими явились и постоянные жители. Тутъ же на площади, между Адмиралтействомъ и амбарами, выстроилась маленькая деревянная церковь во имя св. Исаакія Далматскаго, превратившаяся впослѣдствіи въ великолѣпный храмъ. Воротившись въ 1706 г. въ Петербургъ, Петръ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что городъ значительно расширился. У моста, ведущаго къ крѣпости съ Троицкой площади, стояла теперь австерія нѣмца Фельтена, кухмейстера Петра, гдѣ продавались вино, пиво, карты, стояли столы для игры въ шашки, кости, шахматы и проч. Въ этотъ первый петербургскій ресторанъ - австерію Петръ частенько заходилъ выпить чарку анисовой водки и побалагурить съ голландцами—шкиперами, купцами и другимъ народомъ.

Однако хваленая новая столица мало на кого изъ пріѣзжихъ производила пріятное впечатлѣніе. Наскоро сколоченные деревянные дома и домишки, вмѣсто мостовой—ряды бревенъ по болотистымъ улицамъ и площадямъ, кучи мусора, кабаки съ пѣснями и криками пьяныхъ матросовъ, марширующіе нарядные, громаднаго роста гвардейцы и толпы оборванныхъ, испачканныхъ известкой и глиной каменщиковъ и землекоповъ—все это томило вновь прибывающихъ.

Въ особенности неохотно ѣхали въ Петербургъ представители русской знати и русскаго дворянства,—конечно, если они ѣхали туда не по своей волѣ, а по приказу государя, и если ими не руководило желаніе подслужиться. „Потребности русскаго дворянина,—говоритъ иностранецъ Фокеродтъ, долго жившій въ Россіи,—заключаются не въ дорогихъ костюмахъ и мебели, не въ гастрономическомъ обѣдѣ и иностранныхъ винахъ, а въ обиліи пищи и питья мѣстнаго происхожденія, въ многочисленной дворнѣ и въ лошадяхъ. Все это въ Москвѣ онъ имѣетъ даромъ или за очень дешевую цѣну. Провизію для него и для дворни, сѣно и овесъ для лошадей привозятъ ему поблизости, изъ своихъ же деревень въ изобиліи; продавать ихъ все равно некуда; все и идетъ въ свое же хозяйство. Напротивъ, въ Петербургѣ, окрестности коего безплодны, ему приходится везти провизію и кормъ издалека; лошади падаютъ на дорогѣ, обозъ стоитъ, мужики разбѣгаются или же приходится все покупать на наличныя деньги, по страшно высокимъ цѣнамъ,—что при русскомъ хозяйствѣ, приносящемъ доходъ больше натурой, чѣмъ деньгами, чрезвычайно отяготительно. Словомъ, для русской знати и дворянства переѣздъ въ Петербургъ былъ связанъ съ разореніемъ хозяйства. Петербургъ и военная служба страшно тяготятъ дворянство, и вся цѣль его стремленій—избавиться отъ того и другого и вернуться „домой“, къ себѣ въ деревню или въ Москву“.

Нынѣшній великолѣпный Невскій проспектъ, возникшій въ 1713 г. въ то далекое время имѣлъ совершенно иной видъ. „Невская першпектива“, какъ тогда ее называли, шла, какъ и теперь, отъ монастыря до Невы. Между болотами и перелѣсками пролегала сдѣланная частью изъ хвороста, щебня и частью изъ бревенъ гать, обсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями. Кое-гдѣ показывались убогіе деревянные домики и мазанки, и только на концѣ першпективы, упиравшейся въ Адмиралтейство, были каменные дома. Проведена першпектива была руками плѣнныхъ шведовъ. Ихъ трудами болото было засыпано на огромномъ протяженіи и частью, поближе къ городу, вымощено камнемъ. Видъ этой дороги, по свидѣтельству современниковъ, былъ очень хорошъ, на концѣ ея, какъ и теперь, виденъ былъ высокій шпиль Адмиралтейства. Сначала за проѣздъ и проходъ по першпективѣ Невской даже брали деньги: это была лучшая дорога во всемъ топкомъ и мокромъ краю. Въ тѣ времена къ Петербургу изъ внутреннихъ мѣстностей Россіи шла только одна дорога, и до того плохая, что весной и осенью по ней встрѣчалось множество лошадиныхъ труповъ. Першпектива же Невская каждую

субботу чистилась и мелась тѣми же плѣнными шведами; и понятно, почему петербургскіе жители, тонувшіе въ грязи на другихъ улицахъ, восхищались сухой и чистой перспективой, какъ чудомъ инженернаго искусства, и безропотно платили деньги за проѣздъ по ней.

Васильевскій островъ при началѣ Петербурга былъ пустъ и необитаемъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ со времени заложенія столицы. Какъ и всѣ острова, онъ былъ лѣсистъ и болотистъ; двѣ-три рыбачьи избушки составляли всѣ его постройки. При заложеніи крѣпости въ 1703 году Петръ построилъ на самомъ близкомъ къ ней углу этого острова (гдѣ стоитъ теперь обширное зданіе Биржи) небольшое укрѣпленіе, на случай неожиданнаго прихода шведовъ. Потомъ это укрѣпленіе забросили, а островъ оставался все-таки незастроеннымъ; лишь на сторонѣ его, выходящей ко взморью, возведено было позднѣе другое небольшое укрѣпленіе для наблюденія за взморьемъ. Командовалъ этимъ укрѣпленіемъ нѣкто Василій Корчминъ, и Петръ часто посылалъ къ нему свои приказы, адресуя ихъ просто: „Къ Василью, на островъ“, — вотъ почему за островомъ и осталось названіе Васильевскаго. Но въ послѣдніе годы своего царствованія основатель Петербурга полюбилъ особенно Васильевскій островъ. Тамъ хотѣлъ онъ сдѣлать центръ, сердце своей столицы и повелѣвалъ отправлять въ Петербургъ для поселенія на Васильевскомъ островѣ изъ разныхъ краевъ Россіи помѣщиковъ, не обращая вниманія на ихъ жалобы. Этого было мало: государь велѣлъ переноситься на Васильевскій островъ даже тѣмъ, у кого были уже построены дома въ другихъ частяхъ города Петербурга: прежніе дома и дворы приходилось или продавать, или оставлять въ запустѣніи; отдавать въ наймы было трудно, потому что на это мало было запроса. Дворовыя мѣста на Васильевскомъ островѣ раздавались даромъ желающимъ, и для этого учреждена была особая канцелярія. Туго заселялся Васильевскій островъ, хотя государь издавалъ указъ за указомъ, одинъ строже другого, понуждая скорѣе переселяться и строиться на Васильевскомъ островѣ тѣхъ, кому выпадалъ жребій. Застроена была только стрѣлка, двѣ первыхъ улицы до Средняго проспекта и значительная часть набережной Невы. Большой проспектъ былъ тогда только дорогою, проложенною отъ сада князя Меншикова вплоть до маяка въ каменной башнѣ, поставленной на взморьѣ въ Галерной гавани. По этой дорогѣ, называемой тогда Большою перспективою, кое-гдѣ стояли недостроенные домики съ разводимыми при нихъ садами и огородами; все остальное

пространство Васильевскаго острова было покрыто ольховымъ и еловымъ лѣсомъ. Украшеніемъ застроенной части острова былъ тогда дворецъ Меншикова съ огромнымъ садомъ, тянувшимся по нынѣшней Кадетской линіи, и со множествомъ строеній, принадлежавшихъ лицамъ изъ его княжескаго штата. По набережной Невы, по направленію къ стрѣлкѣ, красовался домъ Соловьева, бывшаго у князя управляющимъ дѣлами. Далѣе слѣдовали: новое громадное, тогда уже отстроенное зданіе коллегій, дворецъ царицы Прасковьи (бывшей супруги царя Ивана Алексѣевича), вскорѣ потомъ обращенный въ зданіе академіи наукъ, и дома разныхъ вельможъ, рядами выстроенные по берегу Малой Невы. Между дворцомъ князя Меншикова и дворомъ Соловьева прорытъ былъ каналъ, и на берегу его построена была каменная церковь Воскресенія, внутри красиво расписанная, съ наружною колокольнею, на которой были устроены часы съ курантами. Въ другую сторону отъ меншиковскаго дворца былъ расположенъ рынокъ (онъ занималъ нынѣшній Соловьевскій скверъ) съ деревянными лавками, а за нимъ по набережной шли частные дворы разныхъ хозяевъ, насильно переселенныхъ по царской волѣ на Васильевскій островъ. Дома въ этихъ дворахъ были каменные или деревянные, обложенные кирпичемъ, двухъэтажные, и расположены были по линіи ближе къ Невѣ, чѣмъ теперь. При каждомъ изъ дворовъ были на берегу рѣки пристани съ судами, принадлежавшими хозяевамъ этихъ дворовъ, а близъ рынка и къ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ невской набережной были пристани для перевозки разнаго народа въ судахъ, называемыхъ буерами. Эти пассажирскіе буеры плавали безпрестанно по Невѣ и ея притокамъ отъ пристани до пристани.

Когда въ 1714 г. Петръ издалъ первый указъ селиться на полюбившемся ему Васильевскомъ островѣ, у него былъ планъ сдѣлать эту часть города торговою частью. Задумавъ такъ, онъ потребовалъ себѣ планъ голландскаго города Амстердама, изрѣзаннаго каналами, и по образцу его начертилъ двѣнадцать каналовъ рядомъ, на мѣстѣ нынѣшнихъ линій Васильевскаго острова, и два канала поперекъ ихъ: одинъ на мѣстѣ нынѣшняго Большого проспекта, гдѣ должны были плавать корабли прямо изъ моря къ таможенному зданію, а другой каналъ на мѣстѣ Малаго проспекта для ѣзды обывателей. Поручивъ постройку Меншикову, Петръ уѣхалъ и только въ 1718 г. воротился въ Петербургъ. Меншиковъ съ гордостью представилъ ему совершенно готовые, наполненные водой каналы, по берегамъ которыхъ настроилось уже множество домовъ.

Но каково же было негодованіе царя, когда онъ, свѣривъ сооруженіе съ планомъ, увидалъ, что каналы вдвое уже того, чѣмъ надобно! По каналамъ не могло плавать ни одно крупное судно; только обывательскія лодочки сновали по нимъ, перевозя жителей. Сильно огорчился Петръ на своего любимца; но какъ ни раздумывали, а помочь горю было уже поздно. Каналы еще долго существовали послѣ смерти Петра и только много позднѣе были засыпаны, какъ совершенно ненужные. Теперь отъ петровскаго сооруженія не осталось и слѣда, и, гуляя по сухимъ и ровнымъ линіямъ острова, мы и не подозрѣваемъ, что тутъ, по замысламъ Петра, должно было быть водное царство, должны были лѣсомъ стоять мачты и пестрѣть иностранные флаги.

При Петрѣ возникъ и Лѣтній садъ, гдѣ Петръ построилъ для жены своей лѣтній каменный дворецъ, стоящій тамъ и до сихъ поръ. Только размѣры Лѣтняго сада петровскихъ временъ далеко превосходили размѣры его въ нынѣшнемъ видѣ: Лѣтній садъ захватывалъ всю мѣстность Михайловскаго замка съ садомъ до перспективы Невской, весь садъ Михайловскаго дворца до Большой Конюшенной и Царицынъ лугъ или Марсово поле. Въ воскресный день петербургскіе жители, отполудничавъ, со всѣхъ сторонъ стекались къ Лѣтнему саду; до тысячи лодокъ тѣснились у плохой пристани, укрѣпленной сваями и фашинами. Дворецъ не былъ еще оконченъ, но вчернѣ уже возбуждалъ любопытство горожанъ. Въ пяти тысячахъ домовъ, существовавшихъ тогда въ Петербургѣ, жильцовъ было немного, но зато лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни, всѣ эти пять тысячъ домовъ послѣ трехъ часовъ пополудни точно вымирали, зато Лѣтній садъ кишѣлъ самыми разнообразными толпами народа: все народонаселеніе приходило или, лучше сказать, приплывало въ Лѣтній садъ слушать музыку и гулять по указу. Воскресныя гулянья не прекращались и тогда, когда государь былъ въ отлучкѣ. Меншиковъ и Брюсъ строго наблюдали за исполненіемъ монаршей воли. Музыка гремѣла вдали на Царицыномъ лугу, тогда еще покрытомъ деревьями, кустарникомъ и проѣзжими дорогами; многіе изъ важнѣйшихъ сановниковъ съ женами и дочерьми прогуливались въ красивыхъ одноколкахъ, щелкали бичами, и стукомъ колесъ заглушали и сбивали неопытныхъ музыкантовъ. Къ дальней части сада, у Аничковской слободы, примыкала мазанковая австерія съ особымъ садикомъ и низкимъ заборомъ: въ садикѣ всѣ столы были обсыпаны посѣтителями; весь заборъ покрытъ сидящими гостями; всѣ руки заняты чарками и закусками; аллеи и дорожки,

[illegible] къ мастеріи, чернѣли толпой любопытныхъ. Лучшее [illegible] сидѣло у новоначатаго грота передъ главнымъ фонтаномъ. [illegible] иностранцевъ составляла публику этого кружка; русскихъ [illegible] было немного. Такъ называемый образованный классъ, не[illegible] и разнородный, толпился у звѣринца. Звѣри „ти[illegible] десятка" безбоязненно прогуливались по всему огромному про[illegible] Лѣтняго сада. Звѣри „хищнаго порядка" или сидѣли за [illegible] желѣзною рѣшеткою въ клѣткахъ съ колесами, или были [illegible] на цѣпяхъ къ деревьямъ. Итальянецъ, у котораго была [illegible] эта небольшая коллекція, ходилъ медленно у рѣшетки [illegible] желѣзнымъ прутомъ и давалъ публикѣ объясненія. [illegible] Петръ бывалъ въ своей любимой столицѣ, то петербургское [illegible] гуляя въ саду, встрѣчало всегда и царя, огромная фи[illegible] котораго въ зеленомъ камзолѣ и треугольной шляпѣ высоко [illegible] надъ головами и была видна издалека. Гуляя по саду, [illegible] разговаривалъ съ пріѣзжими иностранцами, купцами, шки[illegible] и всякими нужными ему людьми, которые тутъ же и пред[illegible] царю. Петръ обыкновенно бывалъ тогда веселъ и раскла[illegible] съ народомъ, почтительно снимавшимъ шапки при встрѣчѣ [illegible] царемъ, кажется прежнихъ земныхъ поклоновъ, которые онъ [illegible] воспрещалъ въ Петербургѣ. Очень забавляли жителей поста[illegible] въ Лѣтнемъ саду „Басни Эзоповы въ лицахъ". Это были [illegible] свинцовыя фигуры, изображавшія звѣрей и людей, [illegible] въ басняхъ Эзопа, которыя уже были въ то время [illegible] на русскій языкъ и напечатаны. У каждой фигуры [illegible] доска, и на ней объясненіе того, что эта фигура изо[illegible].

На „Царицыномъ лугу" Петръ производилъ смотры своимъ [illegible] и послѣ смотровъ и парадовъ собственноручно одѣлялъ [illegible] возникновъ-гвардейцевъ водкой. Прежде на Царицыномъ [illegible] и лагери: ряды палатокъ бѣлѣли среди густой зелени [illegible] и лѣсовъ. Здѣсь же, по близости отъ Лѣтняго сада, съ воз[illegible] Лѣтняго дворца стала сосредоточиваться и жизнь выс[illegible] классовъ петербургскаго населенія. Здѣсь всѣ возникающіе [illegible] придворнымъ. Гдѣ теперь Зимній дворецъ, тамъ [illegible] частныхъ владѣльцевъ: графа Апраксина, Ягужинскаго, [illegible] и проч. Около теперешняго Полицейскаго моста произво[illegible] торгали въ палаткахъ, а неподалеку, противъ дома кора[illegible] мастера Крейца (на этомъ мѣстѣ теперь домъ Елисѣева), [illegible] построенъ [illegible] „новый Гостинъ-дворъ", вмѣсто сгорѣв-

шихъ рядовъ лавокъ на правой сторонѣ. „Черный народъ“ имѣлъ своимъ центромъ нынѣшнюю Сытнинскую площадь, гдѣ при Петрѣ были построены ряды лавокъ для продажи простого крестьянскаго товара: лаптей, кафтановъ, холста, деревянной посуды, веревокъ и пр. Тутъ же, подобно тому какъ теперь на Сѣнной, расхаживали мужики съ пирогами; въ „обжорномъ ряду“ продавались закуски, щи и немудрыя похлебки для простолюдья. Съ утра до вечера здѣсь толпился народъ въ страшной тѣснотѣ и духотѣ, не уничтожавшейся даже сильнымъ морозомъ, отчего между простонародьемъ, да и во всемъ Петербургѣ свирѣпствовали эпидемическія болѣзни въ большихъ размѣрахъ. Не только, впрочемъ, на этой площади, но и во всемъ тогдашнемъ Петербургѣ чистоты было мало: улицы немощеныя, съ ухабами; берега рѣкъ завалены мусоромъ. Помимо грязи, пыли и ухабовъ, петербуржцы не только петровскихъ, но и позднѣйшихъ временъ терпѣли еще неудобство: ихъ посѣщали первонасельники этой мѣстности — волки, весьма отважно забѣгавшіе на самыя людныя улицы, особенно ночью; волки нападали на людей и лошадей.

50. Начало зрѣлищъ, баловъ, маскарадовъ и другихъ общественныхъ увеселеній въ Россіи.

Скоморохи всегда были любезны русскому народу; они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разныя художества: одни играли на гусляхъ, гудкѣ, сопѣли, сурмѣ (трубѣ); другіе били въ накры, бубны; третьи плясали; четвертые показывали медвѣдей, собакъ. Были и глумцы, стихотворцы - сказочники, умѣвшіе прибаутками и сказочными присказками потѣшать и разглаживать морщины слушателя. Нѣкоторые изъ нихъ носили на головѣ доску съ движущимися фигурами и забавляли зрителя позорами или сценическими дѣйствіями; такіе наряжались въ скоморошное платье, надѣвали на себя хари, личины и т. д. Непрерывный рядъ обличеній, которыми духовенство всегда громило любезныхъ народу скомороховъ, свидѣтельствуетъ о распространенности и давности скоморошества. Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимали участіе въ ихъ игрищахъ, принимаясь пѣть и плясать. Скоморохи ходили большими труппами, человѣкъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ села въ село, изъ посада въ посадъ, представляя свои позоры преимущественно въ праздники. Въ самый праздничный

народныхъ обрядахъ, они входили во внутренній бытъ народа, проникали въ семейную жизнь и славились остроуміемъ и находчивостью, нерѣдко становились посредниками въ рѣшеніи важныхъ семейныхъ вопросовъ. Одно время, особенно при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, противодѣйствіе духовныхъ властей встрѣчаетъ поддержку и въ свѣтскихъ властяхъ. Такъ, при этомъ царѣ однажды въ Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ частныхъ домахъ музыкальные инструменты отбирали и сожигали; такимъ образомъ ихъ было тогда истреблено на кострѣ пять возовъ. Изъ патріаршей граматы этого времени видимъ, что по праздникамъ въ Москвѣ великія безчинства творятся, и вмѣсто духовнаго торжества и веселья жители предаются „играмъ и кощунамъ бѣсовскимъ, сзываютъ по улицамъ медвѣдчиковъ [1]) и другихъ скомороховъ, приказываютъ имъ на торжищахъ и распутіяхъ сатанинскія игры творити, въ бубны бити, въ сурны ревѣти и руками плескати и плясати, и иная неподобная дѣяти“.

По свидѣтельству Олеарія, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ у насъ уже устраиваются переносныя сцены съ представленіями маріонетныхъ пьесъ. Для этого, говоритъ онъ, они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную сторону ея вверхъ и устраиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены, съ которою они и ходятъ по улицамъ, и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія. Иногда же, вмѣсто подобнаго устройства, скоморохи носили на головѣ, какъ мы уже выше говорили, простыя доски съ подвижными куклами, придавая имъ различныя забавныя положенія; такіе скоморохи, какъ говоритъ тотъ же Олеарій, были какъ русскіе, такъ и голландцы; представляемые ими фарсы были въ духѣ и характерѣ народнаго вкуса, и всѣ они носили на себѣ яркій отпечатокъ сальности и цинизма. На такія неблагопристойныя представленія стекалась большая толпа, и на нихъ не только съ жадностью смотрѣла молодежь, но и дѣти, и женщины. Сюжеты тогдашнихъ кукольныхъ комедій, надо полагать, мало разнились отъ нашихъ „петрушекъ“. Такія комедіи посейчасъ еще играются въ Москвѣ подъ Новинскимъ и на дворахъ въ столицѣ. Содержаніе этихъ представленій и теперь большою скромностью похвалиться не можетъ. Тотъ же цыганъ, продающій лошадь, та же Варюша, петрушкина невѣста, и тотъ же козелъ, квартальный и чортъ.

[1]) Представленія съ медвѣдями, козы въ сарафанѣ, ввелись у насъ во времена Бориса Годунова и вывезены они были изъ Сибири.

Посреди церкви ставилась печь состоявшая изъ двѣнадцати столбовъ, украшенныхъ рѣзными и скульптурными изображеніями святыхъ. Въ церковь входили отроки, набранные изъ пѣвчихъ или монастырскихъ служекъ. На нихъ были надѣты шапки, обшитыя заячьимъ мѣхомъ и сверху позолоченныя и раскрашенныя; одѣты они были въ длинныя платья изъ краснаго сукна; халдеи снабжались бѣлыми убрусами (полотенцами), которыми въ назначенное время должны были связать руки отрокамъ и затѣмъ вести ихъ къ печи. У халдеевъ были въ рукахъ еще какія-то длинныя трубы. Кромѣ этихъ лицъ, въ дѣйствѣ участвовалъ еще такъ называемый „учитель отроческій“. Отроки собственно въ печь не ввергались, а стояли подлѣ нея; подъ печь ставили горнъ съ горячими углями, и при пещи стояло до 50 подсвѣчниковъ. Обрядъ дѣйства былъ связанъ тѣсно съ богослуженіемъ. Среди служенія однообразно звучали рѣчи халдеевъ: товарищъ зоветъ одинъ другого, когда отроки отказывались поклониться золотому тельцу.—Чаво? отзывается другой.—Это дѣти царевы. — Нашего царя повелѣнія не слушаютъ? — Не слушаютъ и златому тельцу не поклоняются. — Не поклоняются?—И мы вкинемъ ихъ въ пещь.—И начнемъ ихъ жечь.—Отвѣты отроковъ на требованія халдеевъ были слѣдующіе: Видимъ мы пещь, говоритъ одинъ изъ нихъ, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, Ему же мы служимъ, и т. д. Въ послѣднюю минуту является ангелъ съ небеси. Ангелъ спускался въ трубѣ „зѣло велицѣ“; на дѣлѣ же это не исполнялось, и ангела замѣнялъ образъ, на которомъ былъ изображенъ архангелъ. — По разсказамъ, впрочемъ, очевидца Флетчера, ангелъ слеталъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха халдеями; по другимъ разсказамъ, дьяконы и причетники кидали горсти плауна на свѣчи и направляли вспыхивающія искры на халдеевъ.

Помимо странствующихъ скомороховъ, были и такіе, что жили постоянно при царскомъ дворѣ или при домахъ богатыхъ и знатныхъ бояръ. Въ былинѣ о „Чурилѣ Пленковичѣ“ говорится о придворномъ постельникѣ, что, по должности и обязанности службы, сидя у изголовья, потѣшалъ князя и княгиню игрой на гусляхъ; у царя Іоанна III былъ на службѣ при дворѣ органный игрецъ, по имени Иванъ Спаситель, капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова ордена. При Іоаннѣ Грозномъ придворные скоморохи уже играли при царскомъ столѣ видную роль, съ ними самъ царь иногда пѣлъ разгульныя пѣсни и плясалъ въ „машкарахъ“. По писцовымъ кни-

ихъ свой дворецъ въ селѣ Преображенскомъ,—и ровно черезъ мѣсяцъ состоялось первое представленіе: давали комедію „Какъ Олоферну-царю царица голову отсѣкла". Участвовалъ въ представленіи самъ Готфридъ Грегори и „его компанія", хоръ же музыки состоялъ изъ смѣшаннаго русско-нѣмецкаго оркестра, обученнаго изъ дворовыхъ людей боярина Матвѣева нѣмецкими придворными музыкантами и органистами. Успѣхъ первой пьесы былъ блистательный, актеры были вознаграждены царемъ щедро, а самая пьеса была переплетена въ сафьянъ съ золотомъ. Впослѣдствіи труппа пастора Грегори состояла изъ посадскихъ дѣтей, отданныхъ въ науку Грегори бояриномъ Матвѣевымъ. На первый разъ такихъ учениковъ ему отдано было 26 человѣкъ, на содержаніе ихъ было положено отъ казны поденно, пока „будутъ въ ученіи у магистра", какъ тогда называли Грегори, по четыре деньги человѣку на день. Грегори жилъ въ Новонѣмецкой слободѣ, и тамъ же помѣщалась школа „Комедійнаго дѣйства".

На первомъ представленіи царь былъ безъ семейства; позднѣе мы видимъ, что представленія уже давались въ присутствіи царицы и всей семьи. Чтобы скрыть царицу отъ публики, прибѣгали къ средству, употребляемому нерѣдко при торжественныхъ въѣздахъ иностранныхъ пословъ въ Москву, на которые царица и великія княгини смотрѣли изъ закрытыхъ помѣщеній около воротъ Кремля; въ театрѣ была устроена галлерея съ опускными рѣшетками. Какъ сцена, такъ и мѣста, отведенныя для царя и его приближенныхъ, покрывались коврами и краснымъ сукномъ. Простые же зрители сидѣли на лавкахъ, весьма незатѣйливыхъ. Сцена скрывалась отъ зрителей занавѣсомъ, который висѣлъ на продольной проволокѣ, укрѣпленный на ней мѣдными кольцами. Театръ освѣщался сальными свѣчами, вставленными въ деревянные подсвѣчники. За первымъ представленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ спектаклей. Особенно понравилась также еще пьеса объ „Артаксерксѣ и Аманѣ". На заговѣнье былъ исполненъ дивертисементъ, въ которомъ играли только на органахъ и танцовали. Дивертисементы, составленные изъ декламаціи и плясокъ, исполнялись, повидимому, чаще пьесъ; у Рейтенфельса [1]) сохранилось извѣстіе о представленіи, бывшемъ въ субботу на масляницѣ: передъ началомъ балета на сцену выступилъ актеръ, одѣтый Орфеемъ, и обратился къ царю съ рѣчью въ сти-

[1]) Нѣмецъ Рейтенфельсъ жилъ въ Россіи съ 1671 по 1673 г. и написалъ сочиненіе о Россіи для великаго герцога тосканскаго; въ его сочиненіи много чертъ, характеризующихъ царя Алексѣя Михайловича.

рической жизни русскаго народа, и начинается знакомство съ знаменитыми драматургами Запада. При дворѣ царя даются концерты, составляются хоры изъ знатныхъ людей, которые выполняютъ духовные канты и особенно въ честь царя сочиненные гимны. Царь самъ ими руководилъ; онъ былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, по времени очень ученаго духовнаго лица, знавшаго основательно и музыку. Въ эту эпоху почти всѣ первые духовные іерархи пишутъ траги-комедіи; царевна Софья тоже сочиняетъ духовную драму въ стихахъ „Екатерина Великомученица“, которая ставится у нея въ теремѣ. Любимой еще пьесой какъ у царевны Софьи, такъ и у царицы Натальи была „Кающійся грѣшникъ“. Сцена изображаетъ пустынный видъ; посреди стоятъ три существа, единственныя дѣйствующія лица въ пьесѣ: грѣшникъ, его ангелъ-хранитель и демонъ. Грѣшникъ—въ бѣлой одеждѣ, скрытой подъ черными нашивками, на которыхъ написаны всѣ его прегрѣшенія. Рѣчи ангела и демона дополняются двумя невидимыми хорами ихъ собратій. Ангельскій хоръ восхваляетъ милосердіе и благость Божьи, и грѣшникъ готовъ покаяться, но, опустивъ глаза, онъ видитъ свою одежду, ужасается бездны грѣховной и богохульствуетъ; адъ радуется новой добычѣ. Но ангелъ воспѣваетъ прощеніе разбойника; это обуздываетъ отчаяніе грѣшника, и онъ отъ всего сердца начинаетъ молитву. По мѣрѣ покаянія, нашивки спадаютъ одна за другой, и наконецъ обнаруживается бѣлая одежда, символъ безгрѣшности. Но борьба одолѣла человѣка, смерть близка: онъ испускаетъ духъ; душа его возносится къ небу при пѣніи ангеловъ, тогда какъ въ аду слышатся отчаянные крики и скрежетъ зубовъ. Не менѣе еще была извѣстна въ то время и другая комедія, подъ названіемъ „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная“; въ ней была представлена въ лицахъ извѣстная притча Спасителя къ ученикамъ. Въ этой комедіи между прочими лицами являются: и левъ хромый, и слава на орлѣ съ трубою, и лютая гидра, и дѣвы съ тимпанами, и гусли срѣтаютъ Давида, поютъ торжественныя пѣсни, и танцуется офицерскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства, и затѣмъ слѣдуетъ „интермедіумъ“ [1]). Комедіи того времени по

[1]) Интермедія—первоначально музыкальные номера, вставляемые между актами трагедіи, позже превратилась въ музык. драмат. сцены комич. характера, помѣщавшіяся также между актами серьезной драмы. Въ настоящее время балетные или музыкальные номера, вставляемые въ драму.

[illegible] греческихъ трагедій; онѣ состояли [illegible] дѣленій и эпилога. Хоръ объяснялъ [illegible] состоялъ изъ символико-мимическомъ изо- [illegible] часто въ пѣсни хора слышатся ихъ [illegible] скорби о дѣлахъ порока и [illegible] добродѣтели. Регламентъ московской сла- [illegible] дозволялъ студентамъ „игру на муси- [illegible] и дѣлать комедіи", „что зѣло полезно къ [illegible] есть честной смѣлости". Возвращаясь [illegible] представленіямъ, мы видимъ, что [illegible] Марой Апраксиной въ селѣ Пре- [illegible] и боярыни комедію „Баба-Яга, ко- [illegible] ролей было слѣдующее: Ягу Бабу [illegible] Анна Паульсонъ, тогдашняя евро- [illegible] приглашенная въ Россію бояриномъ Мат- [illegible] игрывъ князь Пронскій; Людмилу, его [illegible] черного бога—полковникъ Грибоѣдовъ; [illegible] Наденьку и Таню, княжны Куракина, [illegible] былъ послѣдній спектакль при царѣ [illegible] апрѣля 1689 года царь скончался. [illegible] царствованіе Петра I въ селѣ [illegible] въ день бракосочетанія царя съ [illegible] января 1689 г. Этотъ спектакль со- [illegible] Ирюмскій богатырь и Соловей разбой- [illegible] говорными. Въ этомъ же году спек- [illegible] царевны Софьи.

[illegible] драматическаго искусства начинается [illegible] когда Петръ Великій перенесъ [illegible] на площадь и нѣкогда царскую по- [illegible] обратилъ къ насущную потребность [illegible] представленія этихъ первыхъ [illegible] что были и прежде; но глав- [illegible] является прославленіе подвиговъ царя [illegible] вводится сатирическій элементъ, [illegible] старовѣры съ ихъ заблужденіями, [illegible] надуваютъ подъячіе, берущіе [illegible] отдавать дѣтей въ науку и т. д. [illegible] появляться подстрочные переводы раз- [illegible] пьесъ, и въ ихъ числѣ, на- [illegible] отрывки изъ „Донъ Жуана" и т. д.

Въ декабрѣ 1701 г. комедіанта Яна Сплавскаго, поступившаго на службу къ царю еще въ 1698 г., отправляютъ за границу въ Данцигъ, для вербованія въ Москву театральной труппы. Въ Данцигѣ Сплавскій уговаривается съ антрепренеромъ Іоганомъ Кунштомъ: по прибытіи съ труппою въ Москву „царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами угодить и къ тому всегда доброму, готовому, полезному быти“, и за все это ежегодно получать по 5.000 ефимковъ. Кромѣ этого, ему слѣдовало оказать пособіе на счетъ казны при постройкѣ зданія для театра, при шитьѣ костюмовъ и приготовленіи декорацій. Актеры Куншта, кромѣ комедіальнаго дѣйствія, обязывались исполнять еще разныя должности при театрѣ; такъ, одинъ изъ нихъ долженъ былъ быть въ труппѣ парикмахеромъ и изготовлять парики и накладки; другой облеченъ былъ въ должность портного. Труппа Куншта прибыла въ Москву въ 1702 г.; по прибытіи Куншъ обратился въ посольскій приказъ съ просьбою о выдачѣ ему на обзаведеніе денегъ, при этомъ онъ предполагалъ приступить къ постройкѣ „дѣлательнаго двора“ и испрашивалъ для этого разныхъ мастеровъ. Всѣ требованія Куншта были удовлетворены. Деревянная „комедіальная храмина“ была поставлена въ Москвѣ, на Красной площади, а въ ней „театрумъ“, хоры, лавки, двери и т. д. При этомъ еще въ нѣмецкой слободѣ, въ домѣ генерала Франца Лефорта, въ большой палатѣ для поспѣшенія, покамѣстъ та храмина построится, сдѣланъ театрумъ. „Великаго иждивенія“ не пожалѣли, новая комедіальная храмина Москвы должна была послужить разсадникомъ будущаго народнаго театра. Первымъ условіемъ новой комедіи былъ поставленъ русскій языкъ. Изъ бумагъ 1705 г. видно, что для театральныхъ представленій были выписаны изъ-за границы и музыканты. Въ запискахъ иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о старинномъ русскомъ театрѣ. Такъ, по словамъ Бассевича [1]), московскій театръ былъ просто варварскій и посѣщаемъ былъ только одной чернью. Пьесы, которыя тамъ давались, раздѣлялись на нѣсколько дѣйствій, каждое изъ послѣднихъ— на столько явленій, что пьесы доставало на представленія въ продолженіе цѣлой недѣли, и каждый день давалась изъ нея треть или четверть. Между антрактами представлялись шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ. Нѣмецкія пьесы,

[1]) Голштинскій министръ Бассевичъ, игравшій роль въ Петербургѣ послѣ смерти Петра В., оставилъ интересныя записки, начинающіяся съ 1713 г.

по словамъ тѣхъ же иностранцевъ, были сборищемъ площадныхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе и ловкая сатира терялись въ безобразной смѣси романическихъ чувствъ, разглагольствованій, декламируемыхъ королями и рыцарями, съ шутовствомъ Ванюшекъ-дурачковъ, ихъ наперсниковъ и т. д. Вкусъ императора, всегда вѣрный и здравый даже въ искусствахъ, не совсѣмъ ему знакомыхъ, побудилъ его обѣщать премію актерамъ, если они дадутъ трогательную пьесу безъ этой любви, которую всюду навязываютъ, что надоѣдало царю, и веселый фарсъ безъ шутовства. Конечно, представленныя по этому случаю пьесы не удались, но для поощренія имъ все-таки выдана была награда.

Въ первое время появленія театральныхъ зрѣлищъ, какъ надо думать, печатались и афиши о представленіяхъ. Одна такая афиша напечатана была на одной сторонѣ листа, внизу было отмѣчено, что она вышла въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ, марта 17-го 1719 г. Озаглавлена афиша была такъ: „Объявленіе о чудномъ мужѣ, его же иные вторымъ Самсономъ нарицаютъ"; вотъ краткая выдержка изъ нея: „Герой ея, силачъ, поднималъ пушку отъ 2.000 до 2.500 фунтовъ одною рукою, на которой стоялъ барабанщикъ. Ону пушку держалъ одною рукою такъ долго, пока другою рукою про здравіе господъ смотрителей рюмку вина выпьетъ. Двухъ или трехъ сильныхъ лошадей припрягаетъ къ себѣ, которыя хотя всѣми силами тянутъ, однакожъ съ мѣста сволочь не смогутъ. Канатъ перерветъ руками, котораго двѣ лошади перервать не могутъ. Подыметъ лошадь одною рукою, на которой человѣкъ или два сидѣли бы, и до тѣхъ мѣстъ, поднявъ, держитъ, пока вина рюмку выпьетъ. Ляжетъ на землю и велитъ на себя двумъ тяжелымъ человѣкамъ стать, съ которыми онъ встаетъ и станетъ на стулъ, который на столѣ стоитъ. Подыметъ отъ 10 до 12 человѣкъ самыхъ тяжелыхъ и, поднявъ одною рукою, такъ долго держитъ, пока рюмку выпьетъ вина. Желѣзный гвоздь въ футъ длиною, а въ дупло шириною, свернетъ, какъ пыжевникъ. Возьметъ въ зубы палку и велитъ двумъ сильнымъ людямъ тянуть, которую не могутъ у него изо рта вытянуть". Цѣна мѣстамъ у этого Самсона: за первое полтина, за другое десять алтынъ, а въ третьемъ или въ послѣднемъ пять алтынъ. Изъ этого объявленія видно, что афиша Петровскихъ временъ какъ по искусству заманивать зрителей, такъ и по дороговизнѣ мѣстъ едва ли чѣмъ отличается отъ нынѣшнихъ подобнаго рода. Этотъ Самсонъ, какъ говоритъ Берхгольцъ, разъ обманулъ собравшихся зрителей первымъ апрѣлемъ. Такимъ обманомъ воспользо-

зовался и другой нѣмецъ Маннъ, устроившій театръ у нынѣшняго Полицейскаго моста, на Мойкѣ. Маннъ великолѣпной афишей извѣстилъ публику о необыкновенномъ новомъ представленіи, назначенномъ на первый день апрѣля. Стеченіе народа было страшное, за билетъ платили втрое, потому что театръ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ видѣть представленіе. Наконецъ пріѣхалъ и государь. Музыка загремѣла, занавѣсъ взвился и, вмѣсто спектакля, передъ изумленными зрителями явилось бѣлое полотно съ гигантскими словами:—„Нынче первое апрѣля".—„Нечего дѣлать! ступайте по домамъ!"—сказалъ государь, улыбнувшись:—„это вольность комедіантовъ".

Представленія въ народномъ театрѣ на Красной площади давались по понедѣльникамъ и четвергамъ; въ эти дни ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ не запирались до девяти часовъ вечера, и съ проѣзжающихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ людей, проѣздной пошлины не брали, „дабы смотрѣть того зрѣлища ѣхали охотно". Съ царствованія императора Петра въ Россіи появилось все, что только интересовало современную жизнь въ остальной Европѣ, и русскіе начали понемногу отвыкать отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ; хотя формы, введенныя въ общественную жизнь Петромъ, все-таки были сухи и казенны, полной свободы не было, въ обращеніи царилъ придворный этикетъ, натянутый и церемонный. Всѣ общественныя увеселенія того времени, какъ, напр., маскарады и ассамблеи, въ сущности были не что иное, какъ церемоніалы, которыми при Петрѣ Великомъ ознаменовывалось почти каждое болѣе или менѣе замѣчательное событіе въ государствѣ. Такъ, къ торжественному вшествію побѣдоноснаго надъ шведами государя приказано было изготовить театральное представленіе, въ которомъ въ аллегорическомъ видѣ были изображены побѣды его и побѣжденные имъ генералы.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I и Петра II придворные и частные балы почти прекращаются, и существовалъ ли тогда на Красной площади театръ—свѣдѣній не имѣется; извѣстно только, что въ это время процвѣтаютъ немудреные спектакли въ главномъ госпиталѣ, гдѣ лѣкарскіе ученики завели у себя постоянный театръ, настилая доски на порожнія кровати, разгораживали сцену пестрыми ширмами и вылѣчивали своихъ больныхъ веселой

здоровыхъ морили со смѣху комедіями своего издѣлія,

е появляются настоящія русскія народныя лица.

якнули и питомцы корабельнаго училища Су-

харевой башни и стали тоже давать спектакли. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны всякія удовольствія, зрѣлища, торжества и праздники входятъ въ большую моду; дворъ въ это время отличается великолѣпіемъ и пышностью. Польскій король Августъ II отправляетъ къ императрицѣ лучшихъ артистовъ дрезденскаго театра,—какъ музыкантовъ, такъ и танцовщиковъ. Спектакли того времени уже отличаются роскошью въ костюмахъ и декораціяхъ. Въ это же время въ обѣихъ столицахъ появляются разные нѣмецкіе куншмейстеры, эквилибристы, позитурные мастера, великаны и проч. На Святой и на Масляницѣ строятся балаганы и лубочные шалаши. Изъ старыхъ забавъ, чисто-народныхъ, стали опять процвѣтать медвѣдь съ козою, причемъ до первыхъ у насъ были такіе охотники, что держали у себя ихъ въ домахъ, и они, срываясь иногда съ привязей, причиняли большое безпокойство жителямъ. Кромѣ такихъ ученыхъ медвѣдей, появляются и ученыя собаки, но послѣднимъ художествомъ преимущественно отличались только нѣмцы; здѣсь требовались особенно тонкіе пріемы, не слишкомъ доступные русскому человѣку, спеціальностью котораго преимущественно были одни медвѣди. Зато въ другомъ чемъ отличался русскій человѣкъ—это были „птичьи высвисты“, гдѣ онъ доходилъ до изумительнаго совершенства. На старинныхъ гуляньяхъ простые мужички составляли иногда цѣлые хоры самыхъ разнообразныхъ птичьихъ голосовъ, начиная съ соловья и до малиновки. Петръ Великій не любилъ разныхъ штукмейстеровъ, англійскихъ шпрингеровъ, балансеровъ и тому подобныхъ людей, удивлявшихъ своимъ дотолѣ невиданнымъ искусствомъ русскихъ людей, которые платили за ихъ шутки полновѣсными старинными рублями. Онъ ихъ не слишкомъ уважалъ, и когда одна труппа балансеровъ прибыла къ нему, онъ принялъ ее съ большимъ неудовольствіемъ. Для народа онъ приказалъ имъ показывать свое искусство даромъ, а для богатыхъ назначилъ таксу—не болѣе гривны съ каждаго зѣваки, и потомъ велѣлъ труппу выпроводить изъ города, замѣтивъ, что „намъ надобны художники, а не фигляры... пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣхъ“. Зато послѣ Петра шатуны эти стали появляться въ Россіи въ большомъ количествѣ. Газеты того времени сохраняютъ въ цѣлости имена этихъ увеселителей и описываютъ ихъ шпильманскую хитрость, которую тѣ продѣлывали передъ публикой.

Первый цирк или конскія ристанія открылъ англійскій берейторъ Батесъ, увѣдомивъ публику слѣдующей афишею: „По Высочайшему повеленію недавно пріѣхавшій сюда славный англійскій

берейторъ Батесъ, который чрезъ долговременную науку до нынѣшняго совершенства въ берейторскомъ искусствѣ дошелъ, такъ что ни въ Англіи и нигдѣ еще никто не видалъ, будетъ показывать охотникамъ слѣдующее искусство: 1) Ѣздитъ онъ верхомъ на двухъ лошадяхъ на открытомъ полѣ нѣсколько разъ кругомъ во всю прыть. 2) Ѣздитъ вдругъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть; переметывается между тѣмъ съ одной на другую удивительнымъ образомъ. 3) Ѣздитъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть, стоя ногами на обѣихъ боковыхъ лошадяхъ; обѣ отпускаетъ и скачетъ на третью, не препятствуя лошадямъ къ бѣгу. 4) Ѣдучи на одной лошади во всю прыть, соскакиваетъ съ одной и опять вскакиваетъ съ удивительнымъ проворствомъ и черезъ ея прыгаетъ. Онъ (Батесъ) проситъ притомъ, чтобъ зрители никакихъ собакъ не приводили, дабы ему въ ѣздѣ не сдѣлалось помѣшательства. Съ каждаго человѣка брано будетъ по одному рублю". Наѣзжали также еще карлики и маленькіе люди безъ рукъ и знаменитый въ свое время великанъ Бернардъ Жилли ростомъ $3^1/_2$ аршина. Каждая персона за смотрѣніе платила по 40 коп., знатнымъ же особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ соизволеніе, сколько кто пожаловать заблагоразсудитъ. Этотъ великанъ имѣлъ большой успѣхъ, и вскорѣ даже явилась лубочная картинка, какъ онъ прогуливается по Дѣвичьему полю на гуляньѣ 13-го мая.

Въ царствованіе Анны Іоанновны царила при дворѣ пышность представленій; государынѣ очень полюбилась итальянская интермедія, и въ Петербургъ была выписана труппа итальянцевъ для игранія комедій, съ которыми въ перемѣну, однажды въ недѣлю, представлялись итальянскія интермедіи съ балетомъ, гдѣ фигурантами бывали кадеты сухопутнаго корпуса, обучаемые танцмейстеромъ Ланде. Между танцовщиками-кадетами были такіе, что ничѣмъ не уступали итальянцамъ. Придворные балы также въ то время были блистательны, дамы поражали блескомъ своихъ брилліантовъ, жена временщика Бирона являлась подъ тяжестью брилліантовъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ шахматы и шашки тогда уже не играли, а замѣнили ихъ картами; тяжелыхъ гросфатеровъ не танцовали, а являлись въ „а ля грекѣ" и „хлопушкѣ"; медъ и вина отошли тоже на дальній планъ, и пили только оршадъ и лимонадъ. Дворъ не принималъ участія въ частныхъ балахъ, а сталъ давать ихъ самъ по нѣскольку ежегодно; особенною роскошью отличались такіе балы въ честь пословъ: китайскаго, турецкаго и бухарскаго, и по случаю разныхъ торжествъ. Только одна Масляница была посвящена

русскимъ, когда прекрасная русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ его танцуетъ; и смѣло можно сказать, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти". Первые балеты также исполняли будущіе воины—кадеты сухопутнаго шляхетнаго корпуса. Извѣстный драматургъ Сумароковъ составлялъ для нихъ либретто балетовъ. Такъ, въ день тезоименитства императрицы Елисаветы и по случаю одержанной 1-го августа надъ прусскими войсками побѣды при Франкфуртѣ былъ игранъ его прологъ „Новые лавры" и затѣмъ его же балетъ „Прибѣжище Добродѣтели"—нѣчто похожее на драму въ пяти актахъ. Въ царствованіе Екатерины II празднества, маскарады и балы давались уже совершенно по-европейски. Распространеніе и усовершенствованіе хореграфическаго искусства требовало и разныхъ общественныхъ и домашнихъ банкетовъ и баловъ.

Въ ряду разныхъ увеселеній стараго времени первое мѣсто занимали также катальныя горы, каруселп, качели и т. п. игры, вошедшія въ большое употребленіе въ царствованіе Екатерины II. Всѣ эти удовольствія были устраиваемы на площадяхъ для увеселенія народа во всю масляницу, и всякій могъ туда „собираться, смотрѣть разныя игралища, пляски, комедіи кукольныя, фокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія и катанья съ горъ во всю недѣлю, съ утра и до ночи, въ маскѣ или безъ маски, кто какъ похочетъ, всякаго званія люди". Такія катальныя горы и другія затѣи были устроены въ Москвѣ при Покровскомъ дворцѣ, куда императрица, по примѣру своихъ предшественницъ, ѣздила веселиться со всѣмъ дворомъ. Затѣмъ къ исторіи увеселеній надо причислить и попытки частныхъ лицъ открытія увеселительныхъ садовъ. Такъ, въ вѣдомостяхъ 1769 г. явилось объявленіе, что въ саду графа Сиверса, состоящемъ близъ церкви Богоявленія Господня, что въ Ѣхаловѣ, „имѣютъ быть увеселенія, подъ присмотромъ Жоржа и Куровскаго, на подобіе славныхъ лондонскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ садовыхъ гульбищъ, о чемъ объ оныхъ чрезъ нарочно напечатанныя объявленія публикѣ уже знать дано; да въ ономъ же саду по пруду будетъ плавать судно на подобіе корабля, которое разными огнями будетъ иллюминовано и на ономъ играна быть имѣетъ разная музыка, что зрителей не мало увеселять можетъ". Съ посѣтителей здѣсь брали входную плату. Но были въ Москвѣ и такіе вельможи, которые для народа у себя устраивали въ подмосковныхъ праздники съ потѣшными огнями, музыкой, пѣсенниками, играми и другими затѣями. Таковы были графы Шереметевъ, Орловъ и мн. др. За-

Ассамблеи при Петрѣ Великомъ.

удовольствій. Понятно, что при такихъ условіяхъ, при полномъ разобщеніи женщинъ и мужчинъ, развлеченія нашихъ предковъ были весьма ограничены и не выходили за предѣлы комнатныхъ забавъ. Жизнь боярской семьи, втиснутая въ узкую рамку, строго подчиненная установленнымъ правиламъ и порядкамъ, текла по разъ навсегда указанному руслу, не смѣя уклоняться въ сторону. Скучно, вяло и однообразно тянулась домашняя жизнь русскихъ людей XVII вѣка, и вдругъ могучая рука Петра Великаго тряхнула это застоявшееся болото и круто измѣнила всѣ обычаи и порядки, прививавшіеся къ нему цѣлыми вѣками. Указы, коренным образомъ ломавшіе старый бытъ, непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. Съ трудомъ разбирая ихъ, наши предки приходили въ ужасъ, не вѣрили собственнымъ глазамъ: высшему классу общества повелѣвалось брить бороды или ежегодно платить за нихъ сторублевую пеню; предписывалось навсегда сложить въ сундуки и предать забвенію терлики, ферези, опашни и лѣтники, вмѣсто которыхъ носить: мужскому полу камзолы и шляпы, а женскому—робы и фижмы. Боярскіе дѣти должны были становиться въ ряды гвардейскихъ полковъ простыми солдатами или ѣхать за море учиться у чужеземцевъ всякимъ наукамъ. Боярыни получили свободу выходить изъ теремовъ, когда имъ вздумается. Боярышнямъ, осужденнымъ до того никогда не видать женіховъ и знакомиться только съ мужьями, разрѣшено смотрѣть на будущихъ спутниковъ своей жизни раньше вѣнчанія; имъ дано право выходить замужъ по собственной склонности и даже узаконено, чтобы знакомство жениха съ невѣстой и сватовство происходили за шесть недѣль до свадьбы. Изъ боярскихъ домовъ исчезли безполезные челядинцы, отправленные по царскому указу для укомплектованія войскъ, исчезло и самое названіе „холопъ“, которое воспрещено было употреблять. Настало тяжелое время для боярства. Всюду слышался ропотъ, стенанія, проклятія; но волей-неволей приходилось покоряться. Всякое сопротивленіе, всякое уклоненіе отъ исполненія царскихъ указовъ вызывало лишь новыя, болѣе крутыя мѣры.

Въ 1700 году, съ цѣлью сблизить оба пола и пріучить ихъ къ „обществу“, Петръ Великій началъ устраивать общественно-увеселительныя собранія и велѣлъ приглашать на нихъ „всѣхъ знатныхъ людей женъ и дочерей, одѣтыхъ по-нѣмецки, по-французски и по-англійски“. Но это нововведеніе прививалось плохо, потому что всѣ старались уклоняться отъ него подъ разными предлогами, а государю, находившемуся въ постоянныхъ походахъ и

разъѣздахъ, было не до собраній и развлеченій. Только въ 1718 г. Петръ серьезно и настойчиво потребовалъ, чтобы русская женщина заняла въ обществѣ то положеніе, которое она давно занимала въ Европѣ. Былъ изданъ „указъ объ ассамблеяхъ", нанесшій окончательный ударъ старому семейному быту. Чтобы лучше передать сущность, духъ и форму этого замѣчательнаго петровскаго учрежденія и памятника нравовъ тогдашняго времени, мы приведемъ здѣсь въ подлинникѣ уставъ объ ассамблеяхъ, ясный и короткій. „Ассамблея—слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можно другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается, при томъ же и забава. А какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, опредѣляется ниже сего пунктомъ, покамѣстъ въ обычай не войдетъ: Въ которомъ домѣ ассамблея имѣетъ быть, то надлежитъ письмомъ или инымъ знакомъ объявить людямъ, куда вольно всякому придти, какъ мужскому, такъ и женскому полу. Ранѣе пяти или четырехъ часовъ не начинается, а долѣе десяти пополудни не продолжается. Хозяинъ не повиненъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни потчевать и не точію вышеписанное не повиненъ чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; но только повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, свѣчи, питье, употребляемое въ жажду, кто проситъ игры, на столахъ употребляемыя. Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть сколько кто похочетъ и отъѣзжать воленъ, когда хочетъ. Во время бытія въ ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому препятствовать или унимать не долженъ; также церемоніи дѣлать вставаніемъ, провожаніемъ и прочимъ никому да не дерзаетъ подъ штрафомъ, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтить должно. Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ разумѣется и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей. Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ или гдѣ кому опредѣлятъ".

Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами безъ соблюденія какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ

домѣ должна была быть первая ассамблея, а затѣмъ дальнѣйшее ихъ назначеніе зависѣло: въ Петербургѣ—отъ оберъ-полицеймейстера, въ Москвѣ—отъ коменданта. Прежде чѣмъ гости расходились съ одной ассамблеи, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. На основаніи указа, у кого бы ни происходила ассамблея, хотя бы у самого царя, входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку. Азартныя игры на ассамблеяхъ не допускались; въ одной изъ комнатъ ставились только столы для шахматъ и шашекъ и приготовлялись табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Главнымъ увеселеніемъ на этихъ собраніяхъ полагались танцы, посредствомъ которыхъ должны были сближаться между собою молодые люди и дѣвицы. Первое время отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ для своихъ дочерей, а мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ и, едва сдерживаясь, бросали на нихъ грозные взгляды. Но и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собой разговоровъ и послѣ каждаго танца расходились въ разныя стороны. По словамъ одного современника, на ассамблеяхъ „всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга“. Предвидя все это, Петръ посѣщалъ почти каждую ассамблею, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что здѣсь происходило, лично одушевлялъ унылое общество и иногда самъ распоряжался танцами. И въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ, государь проявлялъ свою обычную энергію. Принявшись распоряжаться танцами, онъ начиналъ съ того, что ставилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ нѣсколько паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ, онъ былъ въ танцахъ большимъ мастеромъ и затѣйникомъ. Очевидецъ (Берхгольцъ) разсказываетъ, что царь выдѣлывалъ такіе „капріоли“, которые составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени. Старые и дряхлые танцоры старались подражать государю, кое-какъ дрыгали ногами, съ трудомъ передвигая ихъ; они путались, задыхались, сопѣли, кряхтѣли, потъ лилъ съ нихъ градомъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Наконецъ, нѣкоторые не выдержали и упали. Царь велѣлъ имъ выпить въ наказаніе по большому кубку вина, а самъ принялся танцовать съ молодыми и танцовалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ весьма трудный и замысловатый „цѣпной“ танецъ (Kettentanz, какъ называетъ его Берхгольцъ). Петръ ввелъ

также „танецъ съ поцѣлуями", въ которомъ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, обязанъ былъ лишь отдавать почтительный поклонъ дамѣ и цѣловать у нея руку. Екатерина, также какъ и Петръ, танцовала очень ловко и проворно. Они успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ остальные не успѣвали окончить еще и первый.

Само собою разумѣется, что являвшіяся въ первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ (въ полтора вершка) каблукахъ, съ пышно расчесанною и, большею частью, напудренной прическою, съ длинными „шлепами" или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но даже не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были также подстать дамамъ и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны съ твердыми, какъ желѣзные листы, фалдами, узкія панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшія у бока шпаги, перчатки и такъ называвшіеся „аллонжевые" (allongés) парики съ длинными, завитыми въ букли волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ новымъ костюмамъ; женщины, выпущенныя на свободу, почувствовали силу красоты; въ нихъ пробудилось тщеславіе и желаніе обращать на себя вниманіе; онѣ сдѣлались смѣлы и развязны; плѣнные шведы получили свободный доступъ въ старые боярскіе дома и заработывали хорошія деньги, научая боярышень заморскимъ манерамъ и модньмъ танцамъ. Скоро петровскія ассамблеи уже не требовали понудительныхъ мѣръ и бывшія теремныя затворницы и прежніе боярскіе сынки отплясывали столь усердно, что удивляли своей неутомимостью и ловкостью даже иностранцевъ. На ассамблеяхъ танцы дѣлились на церемоніальные и англійскіе. Къ первымъ принадлежали польскій (полонезъ) и менуэтъ, ко вторымъ „англезъ", „аллемандъ", англійскій контрадансъ и другіе. По окончаніи ассамблей у богатыхъ людей подавался ужинъ, причемъ дамы обязательно сидѣли вперемежку съ кавалерами, а у людей менѣе достаточныхъ предлагалась холодная закуска. Музыка на ассамблеяхъ была сперва духовая: трубы, фаготы [1]), гобои [2]) и литавры; но въ 1721 году герцогъ Голштинскій привезъ съ собою небольшой струнный оркестръ.

[1]) Деревянный духовой инструментъ самаго низкаго звука.

[2]) Деревянный духовой музыкальный инструментъ, необходимый въ каждомъ оркестрѣ.

понравившійся до такой степени, что его наперебой каждый вечеръ приглашали куда-нибудь. Конечно, ассамблеи временъ Петра не отличались утонченностью обстановки. Въ первую пору все дѣлалось просто: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить помѣщеніе, пропитанное запахомъ кушанья и прокопченное кнастеромъ, и затѣмъ въ той же самой комнатѣ разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ домовъ, почему во время собраній большею частью не было общаго для всѣхъ ужина, а гости дѣлились на двѣ группы: когда одна ужинала, другая танцовала. Кромѣ того, петровскія ассамблеи отличались попойками, и спаиваніе не только мужчинъ, но и дамъ было явленіемъ обыкновеннымъ. Тѣмъ не менѣе, ассамблеи въ какіе-нибудь три-четыре года послѣ ихъ принудительнаго учрежденія до такой степени привились въ преобразованномъ русскомъ обществѣ, что сдѣлались для него потребностью и еще черезъ нѣсколько лѣтъ превратились въ такіе балы, которые по ихъ приличію и чопорности мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

52. Свадьба князя-папы.

Изъ дневника каммеръ-юнкера Берхгольца [1]).

10-го сентября 1721 года начался большой маскарадъ, который долженъ былъ продолжаться цѣлую недѣлю, и въ этотъ же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предмѣстника, которая цѣлый годъ не соглашалась выходить за него, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, всѣ маски собрались по ту сторону Невы на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что мѣсто тамъ очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится передъ Сенатомъ

[1]) Берхгольцъ, сынъ голштинскаго дворянина и генералъ-лейтенанта русской службы, 5 лѣтъ жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, состоя въ свитѣ голштинскаго герцога Карла Фридриха, и описалъ свое пребываніе въ Россіи съ 1721 по 1725 г., отмѣчая ежедневно все, что ему случалось видѣть и слышать, не пропуская часто и мелочей. Его подробный разсказъ изображаетъ русское общество того времени чрезвычайно полно и вѣрно и притомъ въ его домашней жизни.

и церковью Св. Троицы, имѣя съ одной стороны зданія художествъ, съ другой — крѣпость, съ третьей — зданія всѣхъ коллегій, а съ четвертой — Неву. Посрединѣ нея стоитъ упомянутая церковь Св. Троицы, а передъ Сенатомъ возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая въ память отнятія у шведовъ въ 1714 году четырехъ фрегатовъ; она украшена разнаго рода девизами. Въ 8 часовъ утра послѣдовалъ сказанный сигналъ, и его высочество (герцогъ Голштинскій) со своими кавалерами отправился на баркѣ къ сборному мѣсту, но покамѣстъ въ плащахъ. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили, въ знакъ торжества, изъ пушекъ, какъ и на галерахъ, стоявшихъ по рѣкѣ. Между тѣмъ всѣ маски, въ плащахъ, съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества, его высочество и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершалось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ.

Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика, и ужъ, конечно, не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить на большой площади процессіей, по порядку нумеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, голландскимъ матросомъ или французскимъ крестьяниномъ и въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, именно генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ, генералъ-маіоръ Чернышевъ и гвардіи маіоръ Мамоновъ, изъ которыхъ оба первые были одѣты какъ его величество. За ними слѣ-

довалъ князь-кесарь (князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій) въ костюмѣ древнихъ царей, т.-е. въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта голландскою или фризскою крестьянкой — въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ голландскаго полотна, и держала въ рукѣ небольшую корзинку. Этотъ костюмъ ей очень шелъ. Передъ нею шли ея гобоисты и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ 8 арабовъ, въ индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ большими цвѣтами на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ, какъ она, а за ними всѣ дамы, именно сперва придворныя, также въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыхъ красными, зелеными и желтыми лентами, потомъ остальныя, переодѣтыя пастушками, нимфами, негритянками, монахинями, арлекинами; нѣкоторыя имѣли старинный русскій костюмъ, испанскій и другіе, и всѣ были очень милы. Все шествіе заключалъ большой толстый францисканецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою царицы, какъ за царемъ, шла княгиня-кесарша Ромодановская, въ костюмѣ древнихъ царицъ, т.-е. въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты имѣли также старинную русскую одежду.

Его королевское высочество, нашъ герцогъ, былъ съ своею группою въ костюмѣ французскихъ виноградарей, въ шелковыхъ фуфайкахъ и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами. Шляпы у нихъ были обтянуты тафтою и обвиты вокругъ тульи лозами съ виноградными кистями изъ воска. Его высочество, въ костюмѣ розоваго цвѣта, шелъ одинъ впереди, отличаясь отъ своей группы тѣмъ, что имѣлъ подъ тафтяной фуфайкой короткій парчевой камзолъ, входившій въ панталоны, и что вмѣсто шнурковъ и лентъ платье его было обшито серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ виноградный серпъ. За нимъ шла его свита въ три ряда, по три человѣка въ каждомъ, именно первый рядъ въ зеленыхъ костюмахъ, второй—въ желтыхъ, третій—въ голубыхъ. Ленты на тафтяныхъ фуфайкахъ были у нихъ также разноцвѣтныя, но нашиты у всѣхъ одинаково, шляпы же одного цвѣта. Группу эту заключалъ г. фонъ-Альфельдъ, въ костюмѣ темно-

краснаго цвѣта, обшитомъ, какъ и у герцога, галуномъ, но очень узкимъ. Мы, прочіе, были на этотъ разъ только зрителями, потому что свита герцога не могла быть больше. Группа его высочества была одною изъ лучшихъ. Маски, слѣдовавшія за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одѣты какъ гамбургскіе бургомистры въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ); другіе, именно гвардейскіе офицеры, какъ римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи какъ турки, индѣйцы, испанцы (въ числѣ ихъ былъ крещеный жидъ и шутъ царя, Ла-Коста), персіане, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, іезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ, или какъ венеціанскіе нобили; наконецъ многіе были наряжены жидами (здѣшніе купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самыми странными были князь-папа (бывшій учитель Петра I, дьякъ Никита Зотовъ), изъ рода Бутурлиныхъ, и коллегія кардиналовъ, въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе и развратнѣйшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ и должны всякій день напиваться до-пьяна пивомъ, водкой и виномъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ, со многими церемоніями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слишкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми менѣе ихъ знатными и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я было забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ притомъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислужи-

вать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ.

Но возвращаюсь къ маскараду. Кромѣ названныхъ мною масокъ, были еще, въ разныхъ уморительныхъ нарядахъ, сотни другихъ, которыя бѣгали съ бичами, пузырями, наполненными горохомъ, погремушками и свистками, и дѣлали множество шалостей. Были нѣкоторыя и отдѣльныя смѣшныя маски, какъ, напр., турецкій муфти въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, Бахусъ въ тигровой кожѣ и увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно толстый и съ распухшимъ лицомъ. Говорятъ, его передъ тѣмъ цѣлые три дня постоянно поили, причемъ ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурны были Нептунъ и другіе боги; но особенно хорошъ и чрезвычайно натуралент былъ Сатиръ (танцмейстеръ князя Меншикова), дѣлавшій на ходу искусные и трудные прыжки. Многіе очень искусно представляли журавлей. Огромный французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т.-е. имѣли длинныя бороды, высокія собольи шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охабнями, и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ называемый виташій или тайный кухмистеръ былъ весь зашитъ въ медвѣжью шкуру и превосходно представлялъ медвѣдя; сначала онъ нѣсколько времени вертѣлся въ какой-то машинѣ, похожей на клѣтки, въ которыхъ прыгаютъ бѣлки, но потомъ долженъ былъ ѣздить верхомъ на медвѣдѣ. Кто-то представлялъ индѣйскаго жреца, увѣшаннаго бубенчиками и въ шляпѣ съ огромными полями. Нѣсколько человѣкъ были наряжены, какъ индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ и т. д.

Погулявъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски въ томъ же порядкѣ отправились въ зданія Сената и Коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ 60-ти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами—онъ съ царемъ и господами кардиналами, а она съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Въ продолженіе всего обѣда человѣкъ, представлявшій на маскарадѣ Бахуса,

отъ страху, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ являвшійся на маскарадѣ Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, немало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, при чемъ кардиналы производили страшный шумъ коровьими рогами, въ которые должны были постоянно трубить. Когда князь папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно разсердился и немилосердно бранилъ царя, которому не оставлялъ ни на грошъ совѣсти, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ Почтовый домъ, гдѣ пили и пировали до поздняго вечера.

53. Частная жизнь русскихъ при Петрѣ I.

Извѣстно уже, что Петръ со вступленіемъ на престолъ рѣшился преобразовать наши нравы, и что сіе намѣреніе усилилось въ немъ съ 1718 года, послѣ второго путешествія его въ чужіе края. Желаніе произвести сей переворотъ скорѣе и, если можно, самому видѣть послѣдствія онаго, сродное пылкому характеру и безпокойной дѣятельности сего монарха, не могло не встрѣтить препятствій въ народѣ полуобразованномъ, свято повиновавшемся обычаямъ старины. Никто не смѣлъ явно противостать волѣ государевой; но большая часть, состоявшая изъ коренныхъ русскихъ вельможъ, исполняя оную по наружности, старались удержать что можно было изъ обыкновеній, въ которыхъ они выросли, которыя получили въ наслѣдство отъ своихъ отцовъ. Другіе, въ угодность ли монарху, или потому, что понимали высокіе его виды, предупреждали желанія Петра, слѣдуя совершенно вновь вводимымъ перемѣнамъ. Сюда принадлежали особы, приближенныя къ царю, или тѣ, кои, бывъ отправлены въ началѣ его царствованія въ чужіе края, возвратились оттуда съ желаніемъ сблизить насъ съ народами просвѣщеннѣйшими и поставить наше общество на европейскую

столь важнымъ, что обѣщалъ шуту своему, португальцу Лакосту, 100.000 рублей, если бы случилось когда-нибудь пропустить оный. Во время стола государь уходилъ отдыхать и черезъ часъ возвращался. Послѣ обѣда гости переходили въ другую комнату къ дамамъ, гдѣ ждали ихъ чай, кофе и лимонадъ. Если общество было не многочисленное и нельзя было танцовать, то призывали домашняго казака, который тѣшилъ посѣтителей пляскою съ припѣвомъ и игрою на торбанѣ [1]) или на балалайкѣ. Въ другое время, когда не случалось гостей, передъ коими надлежало чиниться, садились играть: мужчины между собою въ кости, шахматы или шашки; замужнія дамы съ нѣкоторыми кавалерами въ короли, марьяжъ, ломберъ, ламушь или лантре; дѣвушки съ молодыми мужчинами забавлялись игрою въ фанты, или въ кошку и мышку, или въ жгуты, и тому подобное.

Общества наши того времени представляли странную противоположность: совершенную непринужденность между мужчинами и самый строгій этикетъ въ обращеніи съ женщинами. Простое обхожденіе Петра служило примѣромъ для подданныхъ. Въ собраніяхъ одни лѣта давали право на отличіе: часто вельможа, занимавшій важнѣйшее мѣсто въ государствѣ, вставалъ передъ человѣкомъ низшаго званія, покрытымъ сѣдинами. Особенно старшіе въ семьяхъ пользовались у младшихъ уваженіемъ, котораго слѣды и теперь примѣтны въ коренныхъ русскихъ фамиліяхъ: такъ, напримѣръ, герой Финляндіи, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, не смѣлъ никогда садиться при братѣ своемъ, князѣ Дмитріи Михайловичѣ, который былъ нѣсколькими годами старѣе. Семейственная жизнь русскихъ бояръ представляла нѣчто патріархальное. Родственныя связи уважались гораздо болѣе нынѣшняго. Въ семейственный праздникъ всѣ родные съѣзжались къ дававшему оный. Старшій занималъ почетное мѣсто; прочіе, мужчины и женщины, составивъ около него большой кругъ, ждали позволенія сѣсть. Когда всѣ занимали свои мѣста, онъ начиналъ разговоръ, входилъ въ обстоятельства каждой семьи: однимъ давалъ совѣты, другимъ дѣлалъ замѣчанія и, словомъ, распоряжалъ дѣлами

низмъ и откровенность понравились Петру, и государь, какъ будто въ шутку, сдѣлалъ его адмиралтейскимъ совѣтникомъ и главнымъ надзирателемъ С.-Петербургской корабельной верфи. Петръ любилъ Головина за его прямодушіе, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

[1]) Торбанъ—малороссійскій струнный музыкальный инструментъ.

каждаго. Никто изъ присутствовавшихъ самъ собою не могъ заговаривать съ старшимъ или обращаться къ другимъ во время его разговоровъ; все дѣлалось по его волѣ; всѣ старались о томъ только, чтобъ ему угодить.

Нѣсколько сотъ лошадей на конюшнѣ, множество каретъ, колясокъ, фаэтоновъ и колымагъ въ сараяхъ и многочисленная дворня составляли принадлежность всякаго дворянскаго дома. Между слугами нѣкоторые пользовались преимущественно отличіемъ передъ прочими. Няня завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ; шутъ или дуракъ садился иногда за столъ съ господиномъ и имѣлъ позволеніе говорить, что̀ ни приходило ему на умъ; сказочникъ находился при баринѣ, когда онъ ложился спать, и обязанъ былъ, сидя у ногъ его на постели, разсказывать всякій день что-нибудь новое до тѣхъ поръ, пока господинъ не уснетъ крѣпкимъ сномъ. За обѣдомъ слуга, отличавшійся долговременною службою въ домѣ, имѣлъ право, стоя за стуломъ, вмѣшиваться въ разговоръ господъ своихъ. Въ большіе праздники всѣ толпою приходили поздравлять своего господина или госпожу, которые подносили имъ по рюмкѣ вина. Для обѣдовъ каждый день накрывались длинные столы, покрытые множествомъ разнаго рода блюдъ, если даже садились за столъ не болѣе двухъ человѣкъ. Когда не случалось постороннихъ, баринъ, вѣроятно, по примѣру прежнихъ царей, которые свой столъ посылали на домъ къ подданнымъ, коихъ хотѣли отличить, разсылалъ съ своего стола блюда, или, какъ ихъ называли, подачи: нянѣ, дворецкому, конюшему, сказочнику и другимъ изъ служителей, пользовавшихся его милостью.

Женщины не имѣли въ то время такого вліянія на общества, какимъ пользуются нынѣ. До Петра показывались онѣ между мужчинами рѣдко и то на нѣсколько минутъ. Къ концу обѣда, за хлѣбеннымъ, входила въ комнату, гдѣ сидѣли за столомъ мужчины гости, нарумяненная хозяйка въ кокошникѣ, бархатной, обложенной соболемъ тѣлогрѣйкѣ и башмакахъ съ высокими каблуками. За нею дочери, съ повязками на головахъ, въ цвѣтныхъ сарафанахъ и башмакахъ такихъ же, какъ у матери. Осѣнивъ себя три раза крестомъ передъ стоявшею въ углу иконою и поклонившись гостямъ, онѣ, не говоря ни слова, подносили каждому по четыре кубка: съ водкою, виномъ, пивомъ и медомъ. Каждый гость долженъ былъ осушить кубки за здоровье красавицъ и въ благодарность получалъ отъ нихъ поцѣлуй въ щеку. — Симъ ограничивалось участіе женщинъ въ обществахъ, пока указы Петра не дали имъ правъ, рав-

ныхъ съ правами мужчинъ. Одѣтыя въ европейскія платья, выученныя танцовать и говорить по-нѣмецки, онѣ перестали замѣнять природный румянецъ поддѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались большей свободѣ; но, несмотря на всѣ старанія государя, по привычкѣ или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую дикость, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чтобъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ и, если можно, не болѣе какъ да-съ и нѣтъ-съ, не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ. Замужнія пользовались большею свободою, но и эта свобода была гораздо ограниченнѣе нынѣшней. При такой застѣнчивости женщины не могли имѣть большого вліянія на мужчинъ. Однакоже, оно существовало. Желаніе нравиться, почти врожденное всѣмъ людямъ, занимало тотъ и другой полъ. Костюмы сдѣлались щеголеватѣе или, лучше сказать, пышнѣе прежняго. У женщинъ появились платья, шитыя золотомъ, серебромъ или унизанныя жемчугомъ, у мужчинъ — цвѣтные бархатные кафтаны съ пуговицами изъ золота или драгоцѣнныхъ камней, прически à la Vallière и длинные алонжевые парики. Обращеніе съ женщинами сдѣлалось принужденнѣе. Между мужчинами родилась услужливость къ дамамъ, которая еще носила примѣты своего младенчества. Такъ, напримѣръ, однажды въ 1721 году, чтобъ почтить красоту княгини Кантемиръ, гости, собравшись послѣ обѣда у нея въ спальнѣ, пили ея здоровье изъ вещицъ, принадлежавшихъ къ ея туалету: стеклянныхъ башмаковъ, сапожковъ и проч. Въ обществѣ учтивый кавалеръ долженъ былъ поднести дамамъ, которыхъ хотѣлъ отличить, букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. На улицѣ, встрѣчался ли ѣхавшій мужчина съ знакомою дамою въ каретѣ, оба экипажа съ многочисленною ихъ свитою останавливались; кавалеръ, не взирая на погоду, выходилъ изъ своего и съ обнаженною головою, держа шляпу въ рукахъ, подходилъ къ каретѣ красавицы, чтобъ имѣть удовольствіе привѣтствовать ее поцѣлуемъ руки. Таковы были обыкновенія въ высшемъ классѣ общества при Петрѣ I. Въ простомъ народѣ оставались съ русскою одеждою и обычаи старинные. Они также измѣнялись, но весьма мало.

54. Изъ книги Посошкова „О скудости и богатствѣ".

Въ массѣ письменныхъ произведеній, появившихся въ Петрово время и навѣянныхъ духомъ реформы, сочиненія Посошкова (1670—1726 г.), крестьянина подмосковнаго села Покровскаго, занимаютъ самое видное мѣсто. Сочиненія эти служатъ, во-первыхъ, новымъ доказательствомъ того, что идеи реформы и потребность въ преобразованіяхъ вовсе не были чужды массѣ русскаго народа и ясно сознавались его лучшими умами; а во-вторыхъ, появленіе этихъ замѣчательныхъ произведеній простого русскаго ума во время реформы Петра заслуживаетъ вниманія потому, что они не написаны какъ бы на заданныя темы, въ восхваленіе или для разъясненія преобразовательныхъ дѣйствій правительства, подобно тому какъ писались почти всѣ сочиненія, появлявшіяся въ свѣтъ по идеямъ и указаніямъ Петра. Посошковъ писалъ, напротивъ, свои проекты и книги по доброй волѣ, изъ одной любви къ правдѣ: „любитель есмь правды" — говоритъ онъ о себѣ, и „видя правду отверженну", онъ захотѣлъ писать о ея возстановленіи, и наконецъ — изъ „презельной любви къ отечеству". Посошковъ былъ человѣкъ независимый и обезпеченный; своимъ трудолюбіемъ, предпріимчивостью и изобрѣтательностью онъ съумѣлъ составить себѣ хорошее состояніе, такъ что былъ въ состояніи назначить сыну своему, отправленному для образованія за границу, по 100 ефимковъ, или по 90 тогдашнихъ рублей въ мѣсяцъ, что составляло въ то время значительныя деньги. Слѣдственно, ему можно повѣрить, что посреди собственныхъ промышленныхъ дѣлъ и занятій онъ посвящалъ свое время на сочиненіе различныхъ проектовъ и книгъ, руководствуясь единственно любовью къ народу и къ пользѣ общественной, имѣя въ виду единственно „нужную нужду народную", какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ проектовъ. Сочиненія Посошкова представляютъ несомнѣнную важность и большой интересъ по отношенію къ характеристикѣ времени и положенію русскаго народа въ эпоху реформы: авторъ [illegible] мѣткими и рѣзкими чертами ярко рисуетъ здѣсь [illegible] быта, состояніе духовенства, современнаго суда, [illegible] и т. д. Не менѣе замѣчательны эти сочиненія и [illegible] внутренняго значенія и достоинства,—особенно [illegible] Посошковъ выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ

живое участіе ко всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ своего времени и трактуетъ самоучкой о главнѣйшихъ вопросахъ внутренней политики русскаго государства, трактуетъ съ удивительною ясностью взгляда, съ совершеннымъ пониманіемъ современныхъ потребностей. Руководствуясь однимъ лишь природнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, онъ писалъ и представлялъ правительству свои проекты и планы, нерѣдко замѣчательные по вѣрности взгляда, по своей дѣльности и практичности, и высказывалъ въ нихъ мысли и соображенія, которыя приводятся въ исполненіе лишь въ наше время. Таковы, напримѣръ, его соображенія о крестьянахъ и о необходимости опредѣлить ихъ отношенія къ помѣщикамъ и къ землѣ, о единомъ и равномъ для всѣхъ сословій судѣ, о составленіи новаго уложенія, съ участіемъ выборныхъ отъ всего народа, и другихъ. Посошковъ по времени своего рожденія принадлежитъ къ періоду древней Руси; онъ не получилъ никакого образованія, былъ только грамотенъ, начитанъ церковныхъ книгъ и отличался любовью къ просвѣщенію. Посошковъ говоритъ о себѣ, что онъ „простецъ“ и „книжной премудрости не ученъ“, что онъ „въ разумѣ младенецъ, въ художествѣ (въ знаніяхъ) младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ“. Потому всѣмъ своимъ мыслямъ и планамъ онъ долженъ собственному уму, своей богато одаренной натурѣ, а не образованію и наукѣ, отсутствіе которыхъ, впрочемъ, живо чувствуется въ его сочиненіяхъ, составляя ихъ слабую сторону: мы въ нихъ замѣчаемъ иногда узкія идеи монополизма, духъ нетерпимости, требованія различныхъ правительственныхъ регламентацій и другихъ насильственныхъ мѣръ, смѣшеніе одного предмета съ другимъ, грубость выраженій и т. п. Но всѣ эти недостатки легко объяснить духомъ времени и характеромъ преобразованій Петровыхъ, которыя не могли не имѣть вліянія на образъ мыслей Посошкова. Въ одной запискѣ своей („о ратномъ поведеніи“) Посошковъ говоритъ: „Много нѣмцы насъ ушлѣе (т.-е. ушли дальше нашего) науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно“. Слова эти могутъ быть отнесены вполнѣ къ самому Посошкову. Нельзя не удивляться, въ самомъ дѣлѣ, въ простомъ русскомъ крестьянинѣ того времени, лишенномъ всякаго научнаго образованія, этой „остротѣ“ взгляда, — какъ онъ говоритъ, — этому свѣтлому и ясному пониманію вещей.

Изъ сохранившихся сочиненій Посошкова болѣе извѣстны: 1) записка „О ратномъ поведеніи“, поданная въ 1700 году боярину Головину; 2) „Доношеніе“ блюстителю патріаршаго престола,

Стефану Яворскому, „о духовныхъ дѣлахъ", т.-е. о положеніи духовенства и о состояніи въ немъ и въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія; 3) „Отеческое завѣщательное поученіе" сыну и 4) „Книга скудости и богатства", надъ сочиненіемъ которой Посошковъ трудился, по его словамъ, три года, „утаенно отъ зрѣнія людскаго", и, окончивъ свой трудъ въ 1724 году, представилъ его Петру. Это самое замѣчательное сочиненіе Посошкова, въ которомъ заключается главная сущность всѣхъ его мыслей и плановъ относительно внутренняго быта и устройства русскаго народа и государства. Въ прошеніи, при которомъ представилъ или намѣренъ былъ представить царю свое сочиненіе, Посошковъ говоритъ, что онъ назвалъ его Книгою скудости и богатства потому, что оно заключаетъ въ себѣ „изъясненіе, отчего содѣвается напрасная скудость, и отчего умножится можетъ изобильное богатство". Тутъ же онъ говоритъ, что предложилъ въ своей книгѣ мнѣніе, „какъ бы истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду и безпечное житіе народное". Въ самой книгѣ, состоящей изъ девяти главъ, Посошковъ разсуждаетъ: 1) о духовенствѣ, 2) о военныхъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествахъ (т.-е. о промышленныхъ и техническихъ знаніяхъ и занятіяхъ), 6) о разбойникахъ съ бѣглецами (объ уголовныхъ дѣлахъ), 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянахъ (объ ихъ отношеніи къ крестьянамъ и къ землѣ— о „земляныхъ дѣлахъ") и наконецъ 9) о царскомъ интересѣ. Каждому изъ названныхъ предметовъ Посошковъ посвящаетъ отдѣльную главу и говоритъ о ихъ „неисправѣ" и „поправѣ", т.-е. представляетъ картину ихъ современнаго состоянія, ихъ недостатки и злоупотребленія и излагаетъ затѣмъ свои соображенія и планы касательно устраненія этихъ недостатковъ и злоупотребленій, касательно усовершенствованія и новаго устройства каждой изъ названныхъ частей.

Въ началѣ книги „О скудости и богатствѣ" Посошковъ излагаетъ свое понятіе о государственномъ, или, какъ онъ говоритъ, „о царственномъ" богатствѣ,—понятіе совершенно зрѣлое и вѣрное, вполнѣ согласное съ ученіемъ объ этомъ предметѣ политической экономіи, которая во время Посошкова и не существовала еще, как наука самостоятельная. Царственное богатство,—говоритъ Посошковъ,—заключается не въ томъ, когда въ царской казнѣ лежитъ много (золота) много" и не въ томъ, когда окружающіе царя [illegible] одеждахъ, „но то самое царственное [illegible] народъ, по мѣрностямъ своимъ, богатъ

былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы". „Но безъ насажденія правды, прибавляетъ далѣе Посошковъ, безъ истребленія обидниковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу всесовершенно обогатиться невозможно". Говоря о современномъ (особенно о сельскомъ) духовенствѣ, авторъ яркими красками рисуетъ его невѣжество и происходящее отъ того религіозное невѣжество народа. Весьма подробно и рѣзко говоритъ Посошковъ о томъ же предметѣ и въ доношеніи своемъ Стефану Яворскому. „Въ Новгородѣ, разсказываетъ онъ, я видѣлъ діакона, который на литургіи не могъ прочесть одной страницы въ евангеліи безъ того, чтобы „разовъ пяти-шести не помѣшатися". „У насъ въ Россіи, продолжаетъ авторъ, сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ отъ мужиковъ неотмѣнны (не отличаются): мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ". Для устраненія этихъ недостатковъ Посошковъ предлагаетъ учредить вездѣ по епархіямъ училища для приготовленія священнослужителей и обезпечить содержаніе послѣднихъ жалованьемъ отъ казны. Въ невѣжествѣ духовенства Посошковъ видитъ и причину распространенія русскаго раскола. Въ главѣ о воинскихъ дѣлахъ замѣчательны слова Посошкова о военномъ судѣ: „Военный судъ, говоритъ онъ, аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его... И ради общежительства любовнаго аще великій государь нашъ монархъ повелитъ судъ устроить единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, ничѣмъ же отмѣненъ и полковнику и генералу... Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдата же милости просить, а на офицера у офицера же. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюетъ". Въ главѣ о правосудіи Посошковъ рѣзкими чертами рисуетъ господство неправды въ современныхъ русскихъ судахъ и отсутствіе правосудія. „И у бусурманъ, говоритъ онъ, чинятъ судъ праведный... А у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная... А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ." Потому надлежитъ стараться о правомъ судѣ, ибо „всему добру основаніе—нелицепріятный судъ". „Если, говоритъ далѣе Посошковъ, „ради установленія правды, правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже тамъ": иначе, по его словамъ, нельзя установить праваго суда, если „сто другое судей

не падетъ (т.-е. не будетъ удалено), потому что у насъ на Руси неправда вельми застарѣла". Для того, чтобы устранить старую неправду и прежніе порядки, необходимо составить новое уложеніе, или новую судебную книгу, при участіи выборныхъ отъ всѣхъ сословій народныхъ, не исключая и крестьянъ. „Я видалъ, говоритъ Посошковъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть; то какъ въ крестьянахъ не быть людямъ разумнымъ?" Такое собраніе выборныхъ, для сочиненія новой судебной книги, Посошковъ называетъ „многосовѣтіемъ" или „общесовѣтіемъ". Выборные должны „освидѣтельствовать" новую книгу, послѣ ея составленія, „самымъ вольнымъ голосомъ, а не по принужденію". Далѣе Посошковъ объясняетъ и пространно доказываетъ совершенную необходимость подобной мѣры. „Правосудіе, говоритъ онъ, есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради, безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса, никоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому-жъ менѣе". Такъ же обстоятельно разсуждаетъ Посошковъ и о прочихъ предметахъ общественнаго и государственнаго быта современной Россіи, подвергая постоянной критикѣ существующій порядокъ вещей и предлагая свои планы и соображенія о необходимыхъ, по его мнѣнію, преобразованіяхъ. Онъ требуетъ, напримѣръ, грамотности для крестьянъ, хотя по духу своего времени, находитъ, что „не худо-бъ и поневолить" крестьянъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ въ ученіе. Скудное житье крестьянъ, по мнѣнію Посошкова, происходитъ отъ ихъ лѣности, „а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія". И потому необходимо позаботиться о крестьянахъ и устроить ихъ судьбу. Тутъ же Посошковъ предлагаетъ замѣнить подушную подать поземельною и произвести всеобщее размежеваніе земель. О дворянахъ Посошковъ упоминаетъ, что многіе изъ нихъ вѣки свои проживаютъ праздно по деревнямъ, бѣгаютъ службы и разоряютъ своихъ сосѣдей. „Въ Алексинскомъ уѣздѣ, говоритъ онъ, видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золоторева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ, яко левъ, а на службѣ хуже козы". О дѣятельности самого царя и о препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ, при совершеніи своихъ преобразованій, мы находимъ у Посошкова слѣдующее замѣчательное сужденіе: „Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору

аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какое дѣло его споро будетъ?"

Сочиненія Посошкова даютъ ему полное право стоять въ ряду замѣчательныхъ русскихъ людей и даровитыхъ народныхъ политиковъ и писателей Петрова времени. Посошковъ былъ честный гражданинъ русской земли, ревностно желавшій блага своему народу и своей странѣ. Но онъ остался неизвѣстнымъ; его мысли, его труды не были поняты и оцѣнены современниками; кажется, даже сдѣлались причиною его гибели. Представляя царю свою книгу о скудости и богатствѣ, Посошковъ просилъ только объ одномъ: „дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды". Но „сильныя лица, не любящія правды", которымъ не могла нравиться книга Посошкова, вѣроятно, провѣдали объ имени ея сочинителя. Въ годъ смерти Петра Посошковъ былъ взятъ въ „тайную канцелярію" и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость „по важной криминальной винѣ", какъ сказано въ найденныхъ по настоящее время дѣлахъ канцеляріи, хотя изъ нихъ и не видно, по какой собственно винѣ былъ арестованъ сочинитель книги о скудости и богатствѣ. Судя же по тому, что черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія Посошкова одному изъ допрашиваемыхъ въ тайной канцеляріи лицъ сдѣлали вопросъ: „не имѣлъ ли онъ у себя книгу Ивана Посошкова, зовомую „Скудость съ богатствомъ"?—судя по этому вопросу, можно подозрѣвать, что Посошковъ попалъ въ тайную канцелярію именно за свое сочиненіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ арестованія (въ февралѣ 1726 года) несчастный Посошковъ умеръ въ Петропавловской крѣпости, въ цѣпяхъ колодника, и погребенъ, по распоряженію тайной канцеляріи, у церкви Самсона Странноприимца.

55. Былыя печальныя церемоніи при погребеніи царственныхъ особъ.

Когда умиралъ государь или особа изъ царской семьи, звонили въ колокола и пѣли великій канонъ, бояре, думные и ближніе люди приходили во дворецъ въ смирныхъ [1]) платьяхъ. По понятію рус-

[1]) Смирное или скорбное платье, помимо чернаго цвѣта, было еще синяго цвѣта. Въ стародавнее время требовалось, чтобы платье было худое и изодранное, такъ какъ одѣваться въ новое считалось неуваженіемъ къ памяти умершаго.

скихъ, умирать среди семейства въ полной памяти считалось благодатью небесною для человѣка. Чинъ царскаго погребенія въ древности не отличался пышностью и великолѣпіемъ. Вотъ по какому скромному церемоніалу состоялся выносъ тѣла царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ пятомъ часу дня въ царскіе покои вслѣдъ за честными крестами пришелъ со своимъ духовенствомъ патріархъ Іоакимъ, а тѣло скончавшагося государя, подъ золотымъ бархатомъ, понесено было изъ хоромъ спальниками. Передъ тѣломъ государя несли спальники же гробную доску, покрытую серебряною объярью. Какъ тѣло было вынесено на Красное крыльцо, то положено на приготовленныя сани [1]), обитыя золотымъ атласомъ; подъ тѣмъ же покровомъ несено было Краснымъ крыльцомъ и среднею лѣстницею до Михайловскаго собора. Предъ тѣломъ шли съ иконами и крестами діаконы и священники, за ними государевы и патріаршіе пѣвчіе, которые пѣли надгробное пѣніе. Потомъ шли игумены, архимандриты, за ними архіепископы, митрополиты и, наконецъ, передъ самымъ тѣломъ патріархъ. За тѣломъ шелъ самъ государь Петръ Алексѣевичъ, въ печальномъ смирномъ платьѣ, за нимъ мать его, Наталья Кирилловна; гробъ государя несли окольничіе, думные дворяне и ближніе люди, а царевичи и бояре шли стороною. Потомъ дворяне несли въ саняхъ царицу Марѳу Матвѣевну. Послѣднія сани были обиты и покрыты чернымъ сукномъ. За царицею шли кравчій, казначей, верховыя (дворцовыя) и иныхъ чиновъ женщины. Государь Петръ Алексѣевичъ по прибытіи въ соборъ, простясь съ усопшимъ братомъ своимъ, возвратился съ родительницею во дворецъ. Патріархъ же, по совершеніи литургіи, отправлялъ со всѣмъ духовенствомъ надгробное пѣніе, послѣ чего бояре, окольничіе, думскіе ближніе стольники, генералы, полковники, стряпчіе, дворяне московскіе и приказные люди, прося у представившагося государя прощенія, цѣловали его руку „съ великими и неутѣшными слезами и съ воплемъ“.

Петръ Великій въ новой своей столицѣ ввелъ особенныя церемоніи при похоронахъ своихъ ближнихъ, но запретилъ указомъ 1716 года всякія причитанія и вопли надъ умершими. Петромъ I введенъ также обычай для духовенства погребать умершихъ въ черныхъ ризахъ. До него духовенство не надѣвало траурныхъ обла-

[1]) Санями въ древности, помимо зимняго экипажа, называли носилки, на которыхъ относили къ погребенію тѣла усопшихъ; санями также называли родъ портшезовъ, въ которыхъ носили знатныхъ особъ женскаго пола.

ченій—это несогласно съ правилами восточной греческой церкви. Императоръ предполагалъ въ Александро-Невской лаврѣ устроить особенный некрополь для своихъ сподвижниковъ и ближнихъ и для этого заказалъ въ Римѣ памятники по своимъ рисункамъ; государь думалъ перенести въ Петербургъ тѣла адмирала Лефорта, генерала Гордона и воеводы Шеина, но вскорѣ кончина великаго монарха оставила желаніе его неисполненнымъ. Первыя торжественныя похороны въ Петербургѣ были совершены при погребеніи царицы Прасковіи, вдовы царя Іоанна Алексѣевича. Государь самъ лично устраивалъ и украшалъ ея „парадную бету“ или смертный одръ царицы; проектъ беты былъ сочиненъ графомъ Санти. По свидѣтельству иностранцевъ-современниковъ, множество народу приходило тогда посмотрѣть болѣе на убранство этой „беты“, чѣмъ для поклона умершей. Все было устроено очень парадно. Пріѣзжавшимъ на похороны высокимъ посѣтителямъ выдавали черныя мантіи. Когда на похороны явились всѣ знатныя лица и пріѣхала царская фамилія, лакеи разнесли всѣмъ горячій глинтвейнъ. Послѣ прощанія съ царицей на лицо покойной былъ положенъ, зашитый въ бѣлую объярь, портретъ ея супруга, затѣмъ гробъ заколотили и опустили въ могилу. Усыпальница царственныхъ особъ нѣкоторое время была въ Александро-Невской лаврѣ [1]), потомъ въ соборѣ св. апостоловъ Петра и Павла въ крѣпости. Первыми въ этомъ соборѣ похоронены дѣти императора Петра I, младенцы: Екатерина, Наталія, Маргарита, затѣмъ Павелъ и Петръ.

Весьма торжественныя похороны въ XVIII столѣтіи происходили при погребеніи императора Петра I. По кончинѣ государя была устроена печальная зала, гдѣ стояло тѣло великаго монарха. Государь скончался 28-го января 1725 года послѣ двадцатидневной тяжкой болѣзни въ своемъ зимнемъ домѣ, гдѣ теперь Зимній Дворецъ. Государь умеръ въ малой комнаткѣ, гдѣ стояла „конторка“ государева; 29-го января тѣло было вынесено въ большую залу, въ коей устроенъ былъ траурный катафалкъ. Церемоніалъ погребенія императора былъ порученъ генералъ-фельдцейхмейстеру графу Брюсу, въ помощники ему назначенъ генералъ-лейтенантъ Бонъ.

[1]) Въ Александро-Невской лаврѣ погребено 10 особъ царствующаго дома: сестра Петра I царевна Наталья, царевичъ Петръ Петровичъ, царица Прасковья, царевна Екатерина Ивановна, принцесса Анна Леопольдовна, великая княгиня Анна Петровна, первая супруга императора Павла Наталія Алексѣевна и его дочь Ольга Павловна, двѣ дочери императора Александра I Марія и Елисавета.

Печальная зала, въ которой стоялъ прахъ императора, была богато убрана золотыми и другими тканными шпалерами съ изображеніемъ событій изъ священнаго писанія. Императоръ положенъ на кровати, поставленной на богато убранный амвонъ. Желавшіе проститься съ государемъ всѣ безъ различія чиновъ, возраста и званій допускались съ этого дня. Въ гробъ тѣло монарха было положено 13-го февраля. Гробъ царя имѣлъ видъ раки снаружи, былъ обитъ гладкою золотою парчею, по угламъ серебрянымъ галуномъ, а внутри серебряною парчею. На крышѣ гроба былъ широкій узорчатый крестъ изъ богатаго серебрянаго галуна. На государѣ было надѣто платье изъ шкарлата, богато вышитое серебромъ, камзолъ изъ серебряной парчи съ серебряною бахромою, галстукъ и манжеты кружевные, сапоги со шпорами, шпага и орденъ св. Андрея Первозваннаго. Гробъ стоялъ на высокомъ тронѣ длиною въ 16, шириною въ 20 футовъ, въ пять ступеней; тронъ обитъ былъ бархатомъ, обложеннымъ широкимъ золотымъ галуномъ, и поставленъ къ одной изъ стѣнъ залы, чтобы дать болѣе мѣста приходившему массой народу. Базисъ или подгробный одръ былъ покрытъ богатымъ персидскимъ золототканнымъ ковромъ. Надъ тропомъ поставленъ изъ кармазиннаго бархата богатый балдахинъ, расшитый золотыми вензелями императора; посрединѣ его изображенъ гербъ имперіи, поддерживаемый нарисованными скелетами величиною въ ростъ человѣка; гербъ былъ обложенъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Вверху надъ балдахиномъ была распростерта императорская мантія „дрядорная“, т.-е. изъ золотой парчи, подбитой горностаемъ. На ступеняхъ трона, по угламъ, стояли бронзовыя статуи, изъ которыхъ одна изображала плачущую Россію, державшую въ одной рукѣ платокъ, въ другой—гербъ Россіи; другая статуя изображала сѣтующую Европу, третья—Марса, въ печальномъ видѣ, и четвертая—представляла Геркулеса съ палицею, который отъ печали „былъ весьма прискорбенъ“. На ступеняхъ трона стояли двѣнадцать большихъ восковыхъ свѣчей, украшенныхъ гербами и клеймами. Вся зала была обита чернымъ сукномъ, окна плотно завѣшаны. Между двумя карнизами была протянута „сінтура фуперальная“ или поясъ погребальный, посыпанный слезами, сдѣланными изъ серебряной объяри. Около стѣнъ возвышались четыре большихъ пирамиды изъ мрамора, въ 16 футовъ вышины. Внизу этихъ пирамидъ и пьедесталовъ сдѣланы были изъ бѣлаго мрамора „генін“ или „природы дѣти“, въ печальныхъ видахъ, опиравшіеся на приступокъ пирамидъ. Надъ пирамидами находились такія же

фигуры, а на доскахъ надписи, объяснявшія значеніе каждой пирамиды. На первомъ планѣ виднѣлась „трофея церковная“ или „исповѣданіе вѣры“. Сверху пирамиды изображалась смерть, въ надписи было сказано: „отъ попеченія о церкви именемъ и дѣломъ Петру Верховному подражавый. Боговѣнчанный верхъ нашъ Петръ, остави насъ. Ревнитель благочестія, рачитель исправленія, суевѣрія и лицемѣрія ненавистникъ, о, женише церковный Христе, утѣши невѣсту твою“. Были трофеи, изображавшіе предметы, относящіеся къ политическимъ дѣламъ; также трофеи воинскіе, съ означеніемъ побѣдъ государя; на послѣдней надпись гласила: отъ „обученія воинства изнемогъ тѣломъ, но не духомъ—уснувъ отъ трудовъ Самсонъ россійскій, трудолюбіемъ подалъ силу воинству“. Были пирамиды, изображающія побѣды царя надъ морями. Въ числѣ аллегорическихъ фигуръ стояли скелеты, державшіе большую завѣсу съ надгробною надписью, сдѣланною золотыми буквами: „Сѣтуй и плачися—о, Россія—остави тебя отецъ твой Петръ Великій, дарованъ тебѣ свыше 1672 года мая 30, дѣлами же вѣру превосходящими, побѣдитель и миродатель, и всякихъ славы и титлы исполненъ, горѣ возвращенъ января 28, 1725 года. Но и оставляя, не остави тебѣ: подалъ тебѣ достойную державы своея наслѣдницу. Плачися, о, Россія, и радуйся!“ Верхъ занавѣси поддерживали геніи, помогавшіе другимъ держать портретъ государя. Между шестью дверями и по сторонамъ надгробной пирамиды стояли на пьедесталахъ серебряные подсвѣчники. По продольнымъ стѣнамъ залы, по сторонамъ каждой пирамиды, находились по двѣ фигуры изъ мрамора, въ ростъ человѣка, изображавшія добродѣтели императора: премудрость, храбрость, благовѣріе, милосердіе, миръ, любовь къ отечеству и справедливость.

Въ день погребенія бренныхъ останковъ безсмертнаго монарха для вынесенія широкаго гроба, который не могъ быть вынесенъ изъ обыкновенныхъ дверей, придѣлано было къ среднему въ залѣ окну, по лицевой сторонѣ къ Невѣ, большое крыльцо и лѣстницы. 4-го марта скончалась и дочь Петра, царевна Наталія. Тѣло ея сперва было поставлено въ ея покоѣ, но затѣмъ, на пятый день, перенесено въ убранную палату. Для погребенія царя и его дочери была сооружена деревянная церковь внутри строившагося каменнаго Петропавловскаго собора. Гробъ царя стоялъ внутри, на тронѣ, покрытомъ кармазиннымъ бархатомъ. Для перенесенія изъ дворца въ крѣпость тѣла государя былъ построенъ черезъ Неву мостъ съ перилами, отъ почтоваго двора (нынѣшній Мраморный дворецъ). Шествіе началось въ 8 часовъ утра 10-го марта. На всемъ протяженіи отъ

дворца до собора по сторонамъ стояли мушкатеры съ факелами. Въ процессіи несли знамена съ эмблемами и девизами императора, въ печальной церемоніи участвовало 160 группъ. Гробъ царя везли на саняхъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ, въ которыя были впряжены восемь лошадей въ бархатныхъ попонахъ; лошадей вели полковники и морскіе капитаны 2-го ранга, при каждой лошади шелъ кучеръ въ епанчѣ. Балдахинъ надъ гробомъ несли бригадиры, золотые шнуры поддерживали генералъ-маіоры. Со свѣчами изъ бѣлаго воска около гроба шло 60 л.-гв. бомбардировъ. Впереди гроба императора несли гробъ царевны Наталіи. Во все время шествія въ крѣпости слѣдовали выстрѣлы и во всѣхъ церквахъ шелъ колокольный звонъ. За гробомъ императора шла императрица Екатерина со всею августѣйшею фамиліею въ высокопечальныхъ платьяхъ. Гробъ императора въ церкви былъ поставленъ на амвонѣ, а гробъ царевны помѣщался на томъ же амвонѣ съ лѣвой стороны. Крышки съ гробовъ были сняты и ихъ держало позади духовенство. По окончаніи панихиды всѣ присутствовавшія особы допущены были къ тѣламъ для прощанія. Всѣ убранства печальной залы и также бывшія эмблемы и гербы были разставлены по стѣнамъ около гроба. Гробъ Петра Великаго оставался посреди собора въ теченіе шести лѣтъ не погребеннымъ. За это время умерли супруга и внукъ императора. Только въ 1731 году императрица Анна Іоанновна, торжествуя въ Москвѣ свое коронованіе, прислала Миниху, тогдашнему генералъ-губернатору Петербурга, повелѣніе предать землѣ прахъ царя и его супруги. О погребеніи императора и императрицы извѣстно, что 29-го мая, въ субботу, въ 11 часу утра, по окончаніи службы, которую совершалъ архимандритъ Александро-Невской лавры Петръ Смѣличъ, гробы были преданы землѣ. При этомъ присутствовали господа отъ генералитета и адмиралтейства и многіе коллежскіе чины. Во время поставленія гробовъ въ „пріуготовленное нарочно къ тому императорское кладбище“ съ крѣпости произведено 51 выстрѣлъ. Могила императора въ Петропавловскомъ соборѣ отъ южнаго входа направо, возлѣ стѣны, противъ образа св. апостола Петра.

56. Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Іоанновны.

Русскій дворъ, отличавшійся при Петрѣ Великомъ своею малочисленностью и простотой обычаевъ, совершенно преобразился при

Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица хотѣла непремѣнно, чтобы дворъ ея не уступалъ въ пышности и великолѣпіи всѣмъ другимъ европейскимъ дворамъ. Она учредила множество новыхъ придворныхъ должностей и завела многочисленный штатъ служителей, итальянскую оперу, балетъ, нѣмецкую трушу, два оркестра музыки; приказала выстроить вмѣсто довольно тѣснаго императорскаго зимняго дома большой трехъэтажный каменный дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ церковь, театральную и тронную залы и семьдесятъ покоевъ различной величины, роскошно меблированныхъ и отдѣланныхъ. При дворѣ начались торжественные пріемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминаціи, фейерверки и тому подобныя увеселенія. Любовь императрицы къ пышности и блеску не только истощила государственную казну, но вовлекла въ громадные расходы придворныхъ и вельможъ, которые, соревнуя другъ передъ другомъ, старались угодить вкусамъ Анны Іоанновны и тѣмъ обратить на себя ея вниманіе. „Многіе изъ знатныхъ людей, говоритъ современникъ князь Щербатовъ [1]), стали имѣть открытые столы; вмѣсто сдѣланной изъ простого дерева мебели начали не иную употреблять, какъ англійскую, сдѣланную изъ краснаго дерева; домы увеличились и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая непристойнымъ имѣть комнату безъ обоевъ; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали, богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахромами; лучшія и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлащенныя и посеребренныя шоры, съ кутасами шелковыми, и съ золотомъ или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться. Всякая роскошь приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ перенимая малые, повсюду начала она являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а низшіе, по вельможамъ, для той же причины“. Правда, попойки, которыми прежде непремѣнно оканчивались всякія торжества и собранія, теперь были совершенно изгнаны изъ придворныхъ обычаевъ, потому что Анна

[1]) Исторіографъ Щербатовъ (1733—1790 г.) написалъ любопытное сочиненіе „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, которому придалъ характеръ мемуаровъ и гдѣ разсказываетъ множество анекдотовъ, начиная съ Петра В.

Іоанновна не могла видѣть и боялась пьяныхъ; но зато при дворѣ появились азартныя игры и нерѣдко въ одну ставку въ фараонъ проигрывалось до двадцати тысячъ рублей. Сама императрица не была пристрастна къ игрѣ и если играла, то для того, чтобы проиграть. Въ такихъ случаяхъ она держала банкъ и ставить могли лишь тѣ, кого она называла. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго императрица никогда не требовала уплаты. Кромѣ картъ, на придворныхъ банкетахъ играли еще въ шахматы и на билліардѣ, для чего были даже устроены особыя комнаты. Угощеніе на придворныхъ празднествахъ было всегда обильно, хотя и довольно однообразное; къ обѣду или ужину обыкновенно подавались, во всѣхъ возможныхъ видахъ, говядина, телятина, ветчина, дичь, аршинныя стерляди, щуки и другія рыбы, грибныя блюда, паштеты, „кабаньи головы въ рейнвейнѣ“, „шпергель“ (спаржа), гороховые стручья и т. д. Всѣ кушанья щедро приправлялись пряностями: корицею, гвоздикою, перцемъ, мускатнымъ орѣхомъ и даже „тертымъ оленьимъ рогомъ“. Изъ сластей употреблялись: „шалей“, т.-е. желе, мороженое, конфекты, цукербродтъ, разнообразныя варенья, пастилы и мармелады, имбирь въ патокѣ; затѣмъ фрукты, каштаны, орѣхи и т. п. Изъ напитковъ подавались водки разнаго сорта, напримѣръ, „приказная“, „коричневая“, „гранская“, „боярская“, ратафія; вина: шампанское, рейнвейнъ, венгерское, португальское, шпанское, волошское, бургонское, пиво, полъ-пиво, медъ, квасъ, кислыя щи и т. п. На расходы по придворному столу указомъ 1733 г. было велѣно отпускать ежегодно по 67.000 руб. При парадныхъ обѣдахъ скатерти искусно перевязывались алыми и зелеными лентами и подшпиливались булавками, а столы украшались разными фигурами и „атрибутами“; была даже устроена особая „гора банкетная деревянная, сверху корона съ крестомъ и скипетръ и мечи золоченые“. Кромѣ того, ставились въ пирамидахъ искусственные цвѣты; большой запасъ ихъ постоянно хранился у кухеншрейбера,—такъ въ 1739 г. у него имѣлось: 9.525 цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ перьевъ „на итальянскій вкусъ“ и 8.570 штукъ цвѣтовъ „малыхъ, китайскихъ, бумажныхъ, на проволокѣ, разнымъ манеромъ“; залы освѣщались восковыми свѣчами „съ золотомъ и безъ золота“, а на свѣчи надѣвались „налѣпы банкетные, большой и малой руки, бѣлые, желтые и др.“

Въ дворцовой театральной залѣ представлялись итальянскія оперы, комедіи и интермедіи съ балетами. Итальянская труппа, которой управлялъ извѣстный тогда композиторъ — капельмейстеръ

Араія, была выписана въ Россію въ 1733 г. Въ составъ ея входили „комедіанты“, пѣвчіе, танцоры и музыканты, исполнявшіе концертную музыку и игравшіе во время торжественныхъ обѣдовъ. Постановкой балетовъ завѣдывалъ учитель танцевъ въ шляхетскомъ корпусѣ, Ланде; онъ завелъ собственную танцовальную школу, въ которую императрица сама выбрала изъ дворцовой прислуги двѣнадцать красивыхъ дѣвочекъ и двѣнадцать мальчиковъ; изъ нихъ впослѣдствіи вышли очень хорошіе танцовщики и танцовщицы. Нѣмецкая труппа существовала съ 1738 по 1740 годъ; она была выписана изъ Лейпцига и представляла комедіи и фарсы. Русскія пьесы, большею частью „сказки въ лицахъ и діалогахъ“, ставились весьма рѣдко и разыгрывались придворными кавалерами и дамами. Кромѣ того, при дворѣ числился „комедіантъ персидскаго манера“ по фамиліи Лазаревъ. Какого рода было его мастерство—неизвѣстно, но изъ того обстоятельства, что онъ обучалъ своихъ учениковъ „разнымъ штукамъ“ и что для представленій его требовались такіе предметы, какъ „сабли“, „перчатки“ и т. п., можно заключить, что онъ былъ фокусникъ и акробатъ. Мѣста въ театральныя представленія раздавались безденежно, по чинамъ и званію зрителей. Извѣстно, что господствующей страстью Бирона были лошади. Императрица поручила знаменитому архитектору графу Растрелли воздвигнуть вблизи дворца огромный манежъ, или, какъ тогда называли, „конскую школу“, роскошно украшенную снаружи и внутри. Конюшенный штатъ состоялъ изъ 393 служителей и мастеровыхъ и 379 лошадей, содержаніе которыхъ обходилось ежегодно въ 58.000 рублей. Однихъ только сѣделъ по списку 1740 г. хранилось 212 штукъ и въ числѣ ихъ были украшенныя золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Анна Іоанновна, посѣщавшая манежъ сперва изъ угожденія своему любимцу, потомъ сама пристрастилась къ лошадямъ и, несмотря на свои сорокъ лѣтъ и полноту, даже выучилась ѣздить верхомъ. Въ манежѣ для нея была отдѣлана особая комната, гдѣ она нерѣдко занималась дѣлами и давала аудіенціи.

Анна Іоанновна очень любила всякихъ птицъ, и въ особенности „пѣвчихъ“ и „ученыхъ“, и была страстной ружейной охотницей. Почти во всѣхъ комнатахъ дворца висѣли клѣтки, въ которыхъ пѣли и стрекотали разныя канарейки, чижи, соловьи, скворцы, снѣгири, параклитки, перепела, египетскіе голуби и т. п. При попугаяхъ состояла особая смотрительница, обучавшая ихъ говорить. Въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ были выстроены

отдѣльныя зданія, называвшіяся „менажеріями“, гдѣ содержались и размножались всевозможныя породы птицъ. Очень часто птицъ этихъ выпускали въ садъ, примыкавшій къ дворцу, и императрица забавлялась тѣмъ, что стрѣляла ихъ изъ ружья или изъ лука. Придворныя охоты составляли предметъ особенной заботы Анны Іоанновны и она лично дѣлала всѣ распоряженія, ихъ касавшіяся. Неоднократными указами всѣмъ частнымъ лицамъ строжайше воспрещалось охотиться на разстояніи 30 верстъ отъ Петербурга и близлежащихъ мѣстъ. Придворныя охоты содержались въ Петербургѣ, Петергофѣ и Москвѣ; онѣ находились въ вѣдѣніи канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ и на нихъ ежегодно расходовалось до 18.000 рублей. По всей Россіи покупались, ловились и доставлялись въ „звѣровые дворы“ всевозможные звѣри: медвѣди, волки, кабаны, олени, дикія козы, лисицы, барсуки, рыси, зайцы и пр. Любимымъ мѣстомъ охоты императрицы былъ Петергофскій паркъ. Для охоты въ паркѣ обыкновенно разставлялись „полотна“, между которыми гончія собаки гоняли звѣрей; полотенъ этихъ требовалось такое громадное количество, что для храненія ихъ былъ выстроенъ отдѣльный цейхгаузъ, находившійся въ вѣдѣніи цейхъ-кнехта. Практиковался еще способъ охоты, называвшейся „парфорсъ-яхтъ“. Онъ заключался въ томъ, что первоначально устраивалась облава, а затѣмъ цѣлое общество охотниковъ травило и стрѣляло разнаго рода звѣрей; для доставленія охотниковъ къ мѣсту охоты держались особые экипажи „яхтъ-вагоны“. Ружья для императрицы изготовлялись преимущественно на Сестрорѣцкомъ заводѣ и отличались богатой отдѣлкой, золотыми насѣчками, фигурными ложами. Императрица стрѣляла отлично, почти безъ промаха, и нерѣдко убивала пулей птицъ въ летѣ. Объ охотничьихъ ея подвигахъ иногда публиковалось въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; такъ въ № 64, за 1740 г., напечатано слѣдующее извѣстіе: „Съ 10-го іюня по 26-е августа ея величество для особливаго своего удовольствія какъ парфорсъ-яхтою, такъ и собственноручно слѣдующихъ звѣрей и птицъ застрѣлить изволила: 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ“. Кромѣ охоты, лѣтомъ Анна Іоанновны развлекалась уженьемъ рыбы, катаньемъ на плюшкахъ, изъ которыхъ была составлена небольшая флотилія съ 24 матросами, подъ командою флотскаго офицера, или катаньемъ по парку „въ качалкахъ“, маленькихъ колясочкахъ, запряженныхъ малорослыми лошадками.

Въ обыкновенные дни, когда не было при дворѣ пріемовъ,

императрица любила проводить время въ комнатахъ своего любимца или у себя въ спальнѣ, среди шутовъ и приживалокъ. Надѣвъ капотъ изъ турецкой матеріи небесно-голубого или зеленаго цвѣта, предпочитаемаго ею другимъ, и повязавъ, по-мѣщански, голову краснымъ платкомъ, она вышивала съ женою Бирона, съ которой была очень дружна, въ пяльцахъ или играла съ ея дѣтьми въ мячъ, волянъ, пускала имъ змѣи, забавлялась ихъ шалостями и выходками, часто грубыми и дерзкими, но всегда проходившими безнаказанно для этихъ испорченныхъ баловней. Шутовъ и приживалокъ разнаго рода состояло при императрицѣ множество. Среди нихъ были карлы, карлицы, татарчата, калмычата, калмычки, персіянки, арабки, монахини, разныя старухи, называвшіяся „сидѣльницами“ и т. п. Иныя изъ нихъ носили особыя прозвища, указывающія на ихъ физическіе недостатки или особенности, напр. „Мать Безножка“, „Дарья Долгая“, „Акулина Лобанова“, „Дѣвушка Дворянка“, „Екатерина Кокша“, „Баба Материна“ и проч. Всѣ онѣ были обязаны болтать безъ умолку, и Анна Іоанновна просиживала цѣлые часы, слушая ихъ глупую болтовню и смотря на ихъ кривлянья. Личностей, обладавшихъ завиднымъ для многихъ даромъ говорить, не уставая, всякій вздоръ, разыскивали по всей Россіи и немедленно препровождали ко двору. Въ государственномъ архивѣ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ писемъ Анны Іоанновны, доказывающихъ ея заботливость о пополненіи своего интимнаго штата разными болтуньями и дурами. Такъ, наприм., императрица писала въ Москву: „у вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка, и ты ее сыщи и отправь сюда, только, чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я беру ее изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, какъ сказываютъ, что она много говоритъ“. Въ другой разъ государыня писала въ Переяславль: „поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которая бы похожа была на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобы годны были ей на перемѣну; ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сорока и такъ же бъ говорливы, какъ та, Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Аниська Мещерскія“.

Состоявшіе при императрицѣ приживалки и шуты, болтая, сообщали ей сплетни, ходившія по городу, и интимныя дрязги изъ семейной жизни придворныхъ; но Анна Іоанновна этимъ не удовлетворялась: ее интересовали не однѣ только петербургскія сплетни,

но и московскія; съ этой цѣлью она вела постоянную переписку съ родственникомъ своимъ, московскимъ генералъ-губернаторомъ Салтыковымъ, поручая ему тайно узнавать и доносить ей о домашнихъ дѣлахъ разныхъ лицъ. Въ свои комнатныя фрейлины она выбирала преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя имѣли хорошіе голоса. Когда императрица оставалась въ своей опочивальнѣ, фрейлины должны были сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и заниматься рукодѣліями, вышиваніемъ, вязаніемъ. Соскучившись, Анна Іоанновна отворяла къ нимъ дверь и говорила:—„Ну, дѣвки, пойте!“ и дѣвки пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: „довольно!“ Иногда она требовала къ себѣ гвардейскихъ солдатъ съ ихъ женами и приказывала имъ плясать по-русски и водить хороводы, въ которыхъ заставляла принимать участіе присутствующихъ вельможъ. Анна Іоанновна вообще была очень строга къ своимъ приближеннымъ и обращалась съ ними крайне сурово. Такъ, напримѣръ, однажды двѣ фрейлины, сестры Салтыковы, которыхъ она заставила пѣть цѣлый вечеръ, осмѣлились, наконецъ, замѣтить ей, что онѣ уже много пѣли и устали. Императрица, не терпѣвшая никакихъ возраженій, до такой степени разгнѣвалась на бѣдныхъ дѣвушекъ, что тутъ же отправила ихъ на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачечномъ дворѣ. Анна Іоанновна очень благоволила къ статсъ-дамѣ, графинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой, потому что она хорошо умѣла разсказывать городскія новости и анекдоты; но, несмотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себѣ. Однажды Чернышева, разговаривая съ императрицей, почувствовала себя дурно и едва могла стоять на ногахъ. Анна Іоанновна, замѣтивъ это, сказала своей собесѣдницѣ: „ты можешь опереться на столъ, служанка заслонитъ тебя и такимъ образомъ я не буду видѣть твоей позы“.

Въ числѣ приживалокъ императрицы Анны Іоанновны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ императрицы и носившая, въ честь ея любимаго блюда, фамилію „Буженинова“. Калмычка эта, уже не молодая и очень некрасивая собой, какъ-то въ разговорѣ выразила Аннѣ Іоанновнѣ охоту выйти замужъ. Посмѣявшись надъ такимъ желаніемъ, императрица спросила Буженинову, есть ли у нея въ виду женихъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказала, что беретъ на себя устройство ея судьбы. На другой же день шестидесятилѣтнему князю Голицыну, придворному шуту, было объявлено, что государыня нашла для него невѣсту, и чтобы онъ готовился

къ свадьбѣ, всѣ расходы которой ея величество принимаетъ на свой счетъ. Мысль императрицы—женить шута на шутихѣ—встрѣтила полное сочувствіе въ кругу ея приближенныхъ. Камергеръ Татищевъ подалъ идею построить для этой цѣли на Невѣ домъ изъ льда и обвѣнчать въ немъ молодыхъ „курьезнымъ образомъ“. Немедленно была составлена, подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго, особая „маскерадная комиссія“, которой былъ порученъ высшій надзоръ и скорѣйшее исполненіе предложенія Татищева. Комиссія избрала для постройки „Ледяного дома“ мѣсто на Невѣ, между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ. Матеріаломъ при постройкѣ служилъ только чистый ледъ; его разрубали большими плитами, клали ихъ одну на другую и для связи поливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Онъ имѣлъ восемь саженъ въ длину, двѣ съ половиной въ ширину и три въ вышину. Кругомъ всей крыши тянулась сквозная галлерея, украшенная столбами и статуями; крыльцо съ рѣзнымъ фронтшписомъ вело въ сѣни, раздѣлявшія зданіе на двѣ большія комнаты; сѣни освѣщались четырьмя, а каждая комната пятью окнами со стеклами изъ тончайшаго льда. Оконные и дверные косяки и простѣночные пилястры были выкрашены зеленою краскою подъ мраморъ. За ледяными стеклами стояли писанныя на полотнѣ „смѣшныя картины“, освѣщавшіяся по ночамъ изнутри множествомъ свѣчей. Передъ домомъ были разставлены шесть ледяныхъ трехфунтовыхъ пушекъ и двѣ двухпудовыя мортиры, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ, сдѣланныхъ также изо льда, красовались два ледяные дельфина, выбрасывавшіе изъ челюстей, съ помощью насосовъ, огонь отъ зажженной нефти. На воротахъ стояли горшки съ ледяными вѣтками и листьями. На ледяныхъ вѣткахъ сидѣли ледяныя птицы. По сторонамъ дома, на пьедесталахъ съ фронтшписами, возвышались остроконечныя четырехугольныя пирамиды. Въ каждомъ боку ихъ было устроено по круглому окну, около которыхъ снаружи находились размалеванныя часовыя доски. Внутри пирамидъ висѣли большіе бумажные восьмиугольные фонари, разрисованные „всякими смѣшными фигурами“. Ночью въ пирамиды влѣзали люди, вставляли свѣчи въ фонари и поворачивали ихъ передъ окнами, къ великой потѣхѣ постоянно толпившихся здѣсь зрителей. Послѣдніе съ любопытствомъ тѣснились также около стоявшаго по правую сторону дома ледяного слона въ натуральную величину. На слонѣ сидѣлъ ледяной персіянинъ, двое другихъ такихъ же персіянъ стояли по сторонамъ. „Сей слонъ — разсказываетъ очевидецъ — внутри былъ

пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на двадцать четыре фута пускалъ, ночью, къ великому удивленію всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ". Внутреннее убранство дома вполнѣ соотвѣтствовало его оригинальной наружности. Въ одной комнатѣ стояли: туалетъ, два зеркала, нѣсколько шандаловъ, карманные часы, большая двухспальная кровать, табуретъ и каминъ съ ледяными дровами. Въ другой комнатѣ были: столъ рѣзной работы, два дивана, два кресла и рѣзной поставецъ, въ которомъ находились точеная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. Въ углахъ этой комнаты красовались двѣ статуи, изображавшія купидоновъ, а на столѣ стояли большіе часы и лежали карты съ марками. Всѣ эти вещи, безъ исключенія, были весьма искусно сдѣланы изо льда и выкрашены „приличными натуральными красками". Ледяныя дрова и свѣчи намазывались нефтью и горѣли. Кромѣ того, при „Ледяномъ домѣ", по русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня, ее нѣсколько разъ топили, и охотники могли въ ней париться.

По именному высочайшему повелѣнію къ „курьезной" свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ изъ разныхъ концовъ Россіи по два человѣка обоего пола всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ. Всего набралось триста человѣкъ. Маскарадная комиссія снабдила каждую пару мѣстной народной одеждой и музыкальнымъ инструментомъ. 6-го февраля 1740 года, въ день, назначенный для празднества, послѣ бракосочетанія сіятельнаго шута, совершеннаго обычнымъ порядкомъ въ церкви, разноплеменные „поѣзжане" потянулись со сборнаго пункта длиннымъ поѣздомъ. Тутъ были: абхазцы, остяки, мордва, чуваши, черемисы, вятичи, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество другихъ „разноязычниковъ и разночинцевъ", каждый въ своемъ національномъ костюмѣ и съ своей прекрасной половиной. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе — на оленяхъ, третьи — на собакахъ, четвертые — на волахъ, пятые—на козлахъ, шестые—на свиньяхъ и т. д. съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторые „въ образѣ птицъ странныхъ". Шествіе открывали „молодые", красовавшіеся въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ. Свадебный поѣздъ, управляемый Волынскимъ и Татищевымъ, съ музыкою и пѣснями, проѣхавъ мимо дворца и по всѣмъ главнымъ

улицамъ, остановился у манежа герцога курляндскаго. Здѣсь на нѣсколькихъ длинныхъ столахъ былъ приготовленъ изобильный обѣдъ, за которымъ каждая пара имѣла свое народное блюдо и свой любимый напитокъ. Во время обѣда Тредьяковскій привѣтствовалъ молодыхъ стихотвореніемъ, сочиненнымъ имъ для этого случая. Послѣ обѣда „разноязычныя“ пары плясали каждая свою національную пляску подъ свою національную музыку. Потѣшное зрѣлище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможныхъ зрителей. По окончаніи бала пестрый поѣздъ, предшествуемый попрежнему „молодыми“, возсѣдавшими въ клѣткѣ на слонѣ, отправился въ „Ледяной домъ“, который горѣлъ огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися въ его прозрачныхъ стѣнахъ и окнахъ; ледяные дельфины и ледяной слонъ метали потоки яркаго пламени; „смѣшныя“ картины въ пирамидахъ вертѣлись къ полному удовольствію многочисленной публики, встрѣчавшей новобрачныхъ громкими криками. Молодыхъ оставили въ ледяномъ домѣ.

57. Положеніе крестьянъ въ половинѣ XVIII вѣка.

„Правленіе императрицы Анны было строгое, а иногда и тираническое“, говоритъ историкъ кн. Щербатовъ, родившійся въ царствованіе этой государыни и могшій слышать свѣжія о немъ воспоминанія. Отзывъ Щербатова окажется справедливымъ, если мы поближе познакомимся съ этой эпохой; мы даже принуждены будемъ отозваться строже нашего историка, который утверждаетъ, что „народъ былъ порядочно управляемъ и не былъ отягощенъ налогами“. Всякій гражданинъ обязанъ приносить нѣкоторую жертву для общаго блага страны и отбывать нѣкоторую повинность въ пользу государства. Въ государствахъ граждански-зрѣлыхъ повинности эти правильно соразмѣрены съ дѣйствительными потребностями страны и со средствами плательщиковъ, поэтому и уплачиваются онѣ безъ ропота и безъ уклоненія. Не такъ было въ Россіи около половины XVIII вѣка. Государственные доходы при Петрѣ не многимъ превосходили десять милліоновъ рублей, но и эта ничтожная сумма никогда вполнѣ не взносилась. Что могло быть этому причиною? Причинъ было множество, но главнѣйшихъ двѣ: 1) слабость промышленности, а, слѣдовательно, и средствъ добывать деньги, и 2) неудовлетворительное распредѣленіе налоговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что общая сумма государственныхъ налоговъ была весьма не ве-

лика; при Аннѣ они простирались примѣрно до 16 милліоновъ, поэтому приходилось на каждаго мужчину немногимъ болѣе рубля повинностей въ годъ. Но повинность эта была бы нечувствительна въ томъ лишь случаѣ, еслибъ она была разложена такъ, что падала бы сильнѣе на людей богатыхъ и слабѣе на бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, это было совершенно наоборотъ; на послѣдняго бѣднява точно такъ же, какъ на перваго богача, падали акцизъ на соль и на вино, продажа которыхъ составляла монополію казны, пошлины при различныхъ продажахъ, плата за перевозы и т. п., и въ то же время одни крестьяне платили подушный сборъ по 70 к. съ лица мужского пола; на нихъ же всею тяжестью лежали повинности натуральныя, какъ, напримѣръ, подводная и дорожная. Вотъ почему такъ тяжела была крестьянамъ ихъ доля въ уплатѣ небольшого тогдашняго государственнаго дохода. Правда, за неисправную уплату податей крестьянами отвѣчали своимъ имуществомъ ихъ помѣщики; но какія же средства могли быть у помѣщика, крестьяне котораго были нищими? Можно было, конечно, продать на пополненіе недоимокъ его скотъ, его усадьбу и такимъ образомъ прибавить одного новаго нищаго къ прежнимъ. Подати, которыя требуетъ казна, ничтожны, разсуждали наши иноземцы министры; да, но земля, хлѣбъ, лѣсъ, самый трудъ человѣческій цѣнились чрезвычайно низко. Гдѣ же и какъ было достать, слѣдовательно, и то небольшое количество денегъ, которое требовала казна?

Вотъ главныя причины того, что правительство никогда не могло разсчитывать на полученіе тѣхъ суммъ, которыя ему были необходимы. Петръ вообще строго взыскивалъ повинности, но и онъ бывалъ принужденъ дѣлать льготы и прощать недоимки, пользуясь для этого какими-нибудь общерадостными событіями, какъ, напримѣръ, заключеніемъ мира со Швеціей. Точно также снисхожденія были дѣлаемы въ этомъ отношеніи Екатериною I и Петромъ II; но правительство Анны Іоанновны рѣшилось поступать иначе и, замѣтивъ, что съ 1719 года накопилось болѣе семи милліоновъ различнаго рода недоимокъ, потребовало ихъ уплаты, а для закѣдыванія сборомъ этихъ недоимокъ учредило такъ называемую „доимочную канцелярію“,—имя, которое и по сіе время съ ужасомъ повторяется народомъ. Уплата недоимокъ требовалась настойчиво; для взноса назначены были сроки, по истеченіи которыхъ велѣно было выправлять недоборы съ самихъ сборщиковъ, съ городскихъ магистратовъ и бургомистровъ, съ членовъ присутственныхъ мѣстъ, съ воеводъ и даже съ губернаторовъ, въ вѣдѣніи которыхъ оказы-

вались неисправные плательщики. Понятно, что, избѣгая денежной отвѣтственности, всѣ эти власти выжимали всѣми возможными средствами недоимки съ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. И странно: правительство какъ будто не вѣрило страшному отягощенію, которому подвергался народъ, и приписывало его уклоненіе отъ платежей одному упорству; въ одномъ изъ указовъ по этому случаю сказано съ укоромъ и даже какъ будто съ удивленіемъ, что крестьяне, „несмотря на экзекуціи“, не соглашаются добровольно вносить требуемыя съ нихъ деньги. Что же было результатомъ подобныхъ мѣръ? На это отвѣчаютъ намъ несомнѣнные правительственные акты. Военная коллегія доносила императрицѣ въ 1736 году, что рекрутскіе наборы, смертность и побѣги грозятъ уменьшеніемъ крестьянскаго населенія въ Россіи; что въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1727 по 1736 годъ, однихъ неизвѣстно куда бѣжавшихъ крестьянъ насчитывается до 400.000, что много такихъ деревень, гдѣ треть и даже половина жителей покинули свои дома, а много и такихъ мѣстъ, въ которыхъ оказывалась совершенная „пустота“... Въ 1742 году наведена была справка, которая показала, что, не взирая на энергическія домогательства доимочной канцеляріи, съ 1724 года числилось до пяти милліоновъ недоимки, „которую за совершенною пустотою выбрать никакъ нельзя“. Можно думать даже, что мѣры Бирона увеличили число этихъ „пустотъ“. Такъ какъ за недоимки крѣпостныхъ крестьянъ возложена была отвѣтственность на помѣщиковъ, то нерѣдко случалось, что и баринъ, и дворня, и мужики поднимались разомъ съ своихъ мѣстъ и исчезали неизвѣстно куда. Агенты доимочной канцеляріи наѣзжали и находили покинутую усадьбу и покинутыя деревни среди покинутыхъ полей. Вслѣдствіе такихъ побѣговъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ селеній, поля оставались часто не засѣянными, а это было одною изъ причинъ голода, который испытала Россія въ 1734 и 1735 годахъ. Тогда помѣщикамъ велѣно было кормить крестьянъ собственнымъ хлѣбомъ и отнюдь не допускать ихъ до бродяжничества; но исполненіе этого повелѣнія очевидно было невозможно, и не только бродяжничество усилилось, но усилились и разбои; для поддержанія нѣкоторой безопасности по дорогѣ между Москвой и Петербургомъ выставлены были команды солдатъ и драгунъ; изъ оффиціальныхъ актовъ мы узнаемъ, что въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ Москвы, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, вооруженная шайка „разбила“ помѣстье какого-то Татищева. „Воровство умножилось близъ самаго Петербурга, — читаемъ мы въ одномъ указѣ 1735 года, — и многихъ

людей грабятъ и бьютъ". Ограбленные требовали строгаго правосудія; и правительство было вынуждено къ мѣрамъ весьма суровымъ: въ 1732 году двадцать убійцъ было наказано смертью; въ 1733-мъ— одиннадцать, въ 1734—24, въ 1735—94, въ 1736-мъ—102, а наказанныхъ кнутомъ и плетьми, сосланныхъ въ Сибирь и на каторгу было несравненно больше.

Мы уже знаемъ, что при Петрѣ Великомъ въ первый разъ произведена была народная перепись; при этомъ оказалось, что въ Россіи состояло около $5^1/_2$ милл. человѣкъ мужского пола, обложенныхъ подушною податью. Въ 1743 году произведена была вторая ревизія, по которой оказалось $6^1/_2$ милліоновъ податныхъ мужского пола душъ. Правда, обѣ эти цифры нельзя признать точными, потому что какъ при Петрѣ, такъ и при Елисаветѣ народъ питалъ какой-то суевѣрный ужасъ къ переписи и старался отъ нея уклониться; но все-таки эти цифры даютъ приблизительное понятіе о числѣ жителей въ обѣ означенныя эпохи и объ увеличеніи народонаселенія въ 20-лѣтній періодъ времени. Обыкновенно полагаютъ, что общее число жителей въ Россіи въ эпоху первой ревизіи, въ 1719 году, простиралось до 15—16 милліоновъ лицъ обоихъ половъ, то-есть превосходило приблизительно втрое число лицъ, обложенныхъ подушною податью. Основываясь на этомъ, мы можемъ вывести заключеніе и объ общемъ числѣ жителей въ описываемую эпоху: полагая, что и въ 1743 году осталось прежнее отношеніе между податными и неподатными, мы найдемъ, что Россія при Елисаветѣ имѣла 19—20 милліоновъ общаго населенія. Такое приращеніе не мало, но это обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что условія, въ коихъ находилось наше отечество въ 20-тилѣтній промежутокъ между помянутыми ревизіями, не могутъ почитаться эпохою благоденствія, особенно для народной массы. Если и были въ то время нѣкоторыя улучшенія, то они коснулись исключительно высшихъ классовъ, а положеніе крестьянъ сдѣлалось хуже прежняго съ установленіемъ регулярныхъ армій, съ усиленіемъ крѣпостной зависимости и увеличеніемъ роскоши между помѣщиками. Имѣются акты оффиціальные и несомнѣнные, рисующіе ужасающую картину положенія страны въ промежутокъ между первою и второю ревизіями. Припомнимъ, что помимо истребленія народа войнами, суровою и въ мирное время военною службою и болѣзнями, противъ которыхъ еще не принимали тогда никакихъ мѣръ, до 400,000 человѣкъ ушло за-границу. Припомнимъ, что цѣлыя селенія уходили неизвѣстно куда, что многіе изъ людей, покинувшихъ свою осѣд-

лость, натыкались на раскольничьи скиты и оставались въ нихъ, находя не только пріютъ и безопасность, но одобреніе и похвалу, ибо жизнь внѣ гражданскихъ обязанностей составляла, по понятію иныхъ, заслугу; другіе принуждены были промышлять воровствомъ и разбоемъ. Законодательство первой, а отчасти и второй половины XVIII вѣка наполнено указами, имѣющими цѣлью поимку разбойничьихъ шаекъ; военныя команды безпрестанно отправляемы бывали для ихъ преслѣдованія; правительство назначало награды тѣмъ, которые изловятъ и представятъ разбойниковъ или ихъ укрывателей. Но все это мало помогало, и на Волгѣ въ половинѣ XVIII вѣка, какъ во время Олеарія, разгуливали удалыя лодки, налетали на купеческія и даже казенныя барки, грабили или потопляли ихъ; цѣлыя селенія открыто занимались укрывательствомъ бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, получая за это часть награбленной добычи и дѣлясь ею съ тѣми, которымъ поручалось истребленіе воровства и разбоя.

58. Пытка въ Россіи въ XVII вѣкѣ [1]).

Обрядъ како обвиненный пытается.

Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ сдѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ палисадникомъ и покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи и секретарь и для записки пыточныхъ рѣчей подъячій; и въ силу указа 1742 года велѣно, записавъ пыточныя рѣчи, крѣпить судьямъ, не выходя изъ застѣнка. Въ застѣнкѣ-жъ для пытки сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ. И когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачъ явиться долженъ въ застѣнокъ со своими инструментами, а оные есть: хомутъ шерстяной, къ которому пришита веревка долгая; кнутья и ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ. По приходѣ судей въ застѣнокъ и по разсужденіи, въ чемъ подлежащаго къ пыткѣ спрашивать должно, приводится тотъ, котораго пытать надлежитъ, и отъ караульнаго отдается палачу, который долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечный въ дыбѣ столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ руки назадъ, заворотитъ и,

[1]) Эта справка о пыткахъ въ Россіи составлена по требованію Екатерины II.

положа ихъ въ хомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягивается, дабы пытанный на землѣ не стоялъ; у котораго руки и выворотитъ совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу, и, растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ и все записывается, что таковой сказывать станетъ. Если-жъ изъ подлежащихъ къ пыткѣ такой случится, который изобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, и по дѣлу обстоятельства доказываютъ его къ подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1) тиски, сдѣланные изъ желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, въ которые кладутся злодѣя персты сверху большіе два изъ рукъ, а внизу ножные два и свинчиваются отъ палача до тѣхъ поръ, пока или повинится, или не можно будетъ больше жать перстовъ и винтъ не будетъ дѣйствовать. 2) Наложа на голову веревку и просунувъ кляпъ и вертятъ такъ, что оной изумленнымъ бываетъ, потомъ простригаютъ на головѣ волосы до тѣла и на то мѣсто льютъ холодную воду только что почти по каплѣ, отъ чего также въ изумленіе приходитъ. 3) При пыткѣ, во время такого-жъ запирательства и для изысканія истины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно и на оные палачъ становится за тѣмъ, чтобъ на вискѣ потянуть его, дабы болѣе истязанія чувствовалъ. Если же и потому истины показывать не будетъ, снимая пытаннаго съ дыбы, правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что и чрезъ то боли бываетъ больше. Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда случится пытанный на второй или на третьей пыткѣ рѣчи перемѣнитъ, то еще трижды пытается. И если переговаривать будетъ въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ибо сколько-бъ разъ пытанъ ни былъ, а если въ чемъ-нибудь разнить въ показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ и огонь такимъ образомъ: палачъ, отвязавъ привязанныя ноги отъ столба, висячаго на дыбѣ растянетъ и зажегши вѣникъ съ огнемъ водитъ по спинѣ, на что употребляется вѣниковъ три или больше, смотря по обстоятельству пытаннаго. Когда пытки окончатся, и пытанный подлежать будетъ по винамъ ссылкѣ на каторгу, то при посылкѣ отъ палача вырываются ноздри сдѣланными нарочно клещами. Если же которые подлежатъ смертной казни, то и таковыхъ, въ силу указовъ, до

будущаго о дѣйствительной казни опредѣленія велѣно ссылать на каторгу-жъ, а при посылкѣ также ноздри вырѣзываются. И сверхъ того особливыми присланными штемпелями на лбу и на щекахъ кладутся знаки (: воръ :); въ тѣхъ же штемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, и ими палачъ бьетъ въ лобъ и щеки, и натираетъ порохомъ, и отъ того слова видны бываютъ.

59. Изъ „Наказа" Екатерины II.

(Данъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія 30 іюля 1767 года).

Содержаніе главъ Наказа: Вступленіе. Глава 1—О Россіи, что она есть Европейская держава. Глава 2—О пространствѣ Россійскаго государства и о самодержавной власти его Государя. Глава 3—О безопасности постановленій государственныхъ. Глава 4—О хранилищѣ законовъ. Глава 5—О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ. Глава 6—О законахъ вообще. Глава 7—О законахъ подробно. Глава 8—О наказаніяхъ. Глава 9—О производствѣ суда вообще. Глава 10—О обрядѣ криминальнаго суда. Глава 11—О порядкѣ въ гражданскомъ обществѣ. Глава 12—О размноженіи народа въ государствѣ. Глава 13—О рукодѣліи и торговлѣ. Глава 14—О воспитаніи. Глава 15—О дворянствѣ. Глава 16—О среднемъ родѣ людей. Глава 17—О городахъ. Глава 18—О наслѣдствахъ. Глава 19—О составленіи и слогѣ законовъ. Глава 20—Разныя статьи, требующія изъясненія: а) Преступленіе въ оскорбленіи Величества. в) О судахъ по особливымъ нарядамъ. г) Правила весьма важныя и нужныя. д) Какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію и конечному своему разоренію?

Въ слѣдующемъ 1768 году Екатериною были даны слѣдующія дополненія къ наказу: Глава 21—О благочиніи, называемомъ инако полиціею. Глава 22—О расходахъ, доходахъ и о государственномъ оныхъ управленіи, сирѣчь о государственномъ строительствѣ, инако камернымъ правленіемъ нарицаемомъ.—Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія: Часть Первая—о правѣ общемъ; составъ 1—О сохраненіи порядка въ сношеніи и сопряженіи гражданскихъ законовъ съ духовными, и въ чемъ сіи послѣдніе отъ свѣтскихъ законовъ занимаютъ помощь и подкрѣпляются оными; составъ 2—О установленіи правосудія вообще: а) О судебныхъ мѣстахъ. в) О порядкѣ судебномъ: 1) О обрядѣ дѣяній. 2) О производствѣ дѣлъ. г) О преступленіяхъ;

составъ 3—О управленіи воинскомъ; составъ 4—О управленіи нравовъ; составъ 5—О устроеніи полезнаго; составъ 6—О государственномъ строительствѣ или камерномъ, какъ называется, правленіи. Часть Вторая—О правѣ особенномъ: Глава Первая—О правѣ лицъ, или о состояніи каждаго гражданина; членъ 1—О дворянствѣ, членъ 2—О среднемъ родѣ, членъ 3—О нижнемъ родѣ, членъ 4—О нужномъ учрежденіи комиссіи о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ; о опекѣ. Глава Вторая—О правѣ надъ вещами. Глава Третья—О обязательствахъ.

Вступленіе. 1) Законъ Христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно.

2) Полагая сіе закономъ вѣры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться въ сердцахъ цѣлаго народа, не можемъ инаго кромѣ сего сдѣлать положенія, что всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія.

3) А всякаго согражданина особо видѣть охраняемаго законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его ото всѣхъ сему правилу противныхъ предпріятій.

4) Но дабы нынѣ приступити ко скорѣйшему исполненію такого, какъ надѣемся, всеобщаго желанія, то, основываясь на вышеписанномъ первомъ правилѣ, надлежитъ войти въ естественное положеніе сего государства.

5) Ибо законы весьма сходственные съ естествомъ суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены.

Глава II. 8) Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару.

9) Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовати сходно со пространствомъ толь великаго государства.

10) Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое.

11) Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

12) Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

15) Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и Государя.

Глава V. 32) Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ.

33) Надлежитъ, чтобъ законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

34) Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

36) Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

37) Въ государствѣ, то-есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принужденну дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38) Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

39) Государственная вольность во гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялися бы всѣ однихъ законовъ.

Глава VI. 60) Когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями.

61) Есть способы, препятствующіе вогнѣздиться преступленіямъ: на то положены въ законахъ наказанія; также есть способы, перемѣну обычаевъ вводящіе, къ сему служатъ примѣры.

Глава VIII. 81) Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій.

82) Самое большое наказаніе за злое какое-нибудь дѣло во правленіи умѣренномъ будетъ то, когда кто въ томъ изобличится. Гражданскіе законы тамъ гораздо легче исправлять будутъ пороки, и не будутъ принуждены употребляти столько усилія.

83) Въ сихъ областяхъ не столько потщатся наказывати преступленія, какъ предупреждать оныя; и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями.

96) Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить.

Глава IX. 123) Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.

Глава X. 158) Законы должны быть писаны простымъ языкомъ; и уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быти книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря. Въ противномъ случаѣ, когда гражданинъ не можетъ самъ собою узнати слѣдствій, сопряженныхъ съ собственными своими дѣлами и касающихся до его особы и вольности, то будетъ онъ зависѣть отъ нѣкотораго числа людей, взявшихъ къ себѣ во храненіе законы и толкующихъ оные. Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ большее число людей уложеніе читать и разумѣти станутъ. И для того предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ поперемѣнно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ.

240) Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

243) Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

244) Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

245) Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми.

248) Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

Глава XIV. 351) Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія, и вселяти въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи

своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра въ правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

352) Такъ же вперяти въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ, и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на землѣ.

353) Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ-то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступокъ, и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

354) Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку, ибо ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

356) Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту ко трудолюбію, и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ, и отвращенію ото всякихъ продерзостей, обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ.

Глава XX. 494) Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ—запрещеніе или недозволеніе имъ различныхъ вѣръ.

495) И нѣтъ подлинно инаго средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою неотвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду.

496) Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца

и отводить ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ.

60. О „Наказѣ" Екатерины II.

Благодаря просвѣтительной дѣятельности французскихъ энциклопедистовъ, философскія идеи и воззрѣнія перестали быть только лишь достояніемъ школы и кабинетовъ ученыхъ; онѣ стали проникать въ государственную и общественную жизнь, занимать собою даже людей практическихъ и служить любимымъ предметомъ разговора и сужденій для каждаго образованнаго человѣка. Это умственное движеніе было до того сильно, что государственные люди Европы и даже правители не только усвоивали ученіе французскихъ мыслителей, но и входили съ ними въ самыя близкія отношенія: вели переписку, пользовались ихъ совѣтами и указаніями и вообще считали за честь принадлежать къ философамъ вѣка. Императрица Екатерина любила называть себя государыней философкой и ученицей Вольтера, весьма охотно вела и поддерживала переписку со многими энциклопедистами: постоянно извѣщала Вольтера о своихъ преобразовательныхъ планахъ, о состояніи государства, ходѣ законодательныхъ работъ и т. д., съ Дидро совѣтовалась о воспитаніи, приглашала его въ Россію и, узнавши о его стѣснительномъ матеріальномъ положеніи, за большую цѣну купила библіотеку этого философа, а Даламбера приглашала быть воспитателемъ цесаревича съ громаднымъ жалованьемъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ философскихъ идей и либеральныхъ началъ энциклопедистовъ, Екатерина рѣшилась примѣнить ихъ на практикѣ и осуществить въ своей законодательной и правительственной дѣятельности. Это благотворное вліяніе идей просвѣтительной эпохи выразилось во множествѣ сочиненій императрицы по законодательству, устройству правильнаго воспитанія и въ рядѣ литературно-сатирическихъ произведеній.

Со вступленіемъ на престолъ, вѣрная высокимъ нравственнымъ идеаламъ, выработаннымъ подъ вліяніемъ философской литературы, Екатерина задалась смѣлою мыслью даровать Россіи новую органическую систему законодательства: создать кроткіе и мудрые законы, установить справедливый и человѣческій судъ и просвѣщенную администрацію, водворить терпимость въ вопросахъ религіи, искоренить невѣжество, улучшить народную нравственность и распро-

странить въ народѣ образованіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, словомъ, даровать русскому народу наибольшее счастіе и процвѣтаніе. Чтобы узнать истинныя нужды народа и создать дѣйствительно органическую систему законовъ, императрица въ декабрѣ 1766 г. издала манифестъ о созваніи народныхъ депутатовъ отъ всѣхъ учрежденій, сословій (кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ и духовенства), званій и народовъ въ государствѣ и объ учрежденіи изъ нихъ въ Москвѣ комиссіи для составленія новаго проекта уложенія, а въ руководство этому собранію народныхъ депутатовъ приготовила свой знаменитый „Наказъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія“ съ „дополненіями“ къ нему, въ двадцати двухъ главахъ и 665 §§ котораго подробно изложила не только планъ дѣйствій будущей комиссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ указала духъ и характеръ и дала основныя положенія, на которыхъ долженствовала воздвигнуться новая законодательная система. При разсмотрѣніи болѣе важныхъ вопросовъ она не ограничивалась одними только положеніями, но входила въ подробное разсмотрѣніе предмета, приводила и критиковала существовавшіе на него взгляды, предлагала свое мнѣніе, объясняла высказанныя положенія сравненіями, подтверждала примѣрами и ссылками на частные случаи. Въ мысляхъ и положеніяхъ „Наказа“ нельзя не видѣть прямого отраженія гуманно-философскихъ идей просвѣтительной эпохи; но особенно сильное вліяніе на содержаніе „Наказа“ имѣло сочиненіе Монтескье „Духъ законовъ“, которое императрица называла „своимъ молитвенникомъ“, и его послѣдователя, итальянскаго юриста Беккаріи „Трактатъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ“, способствовавшій смягченію суровости уголовныхъ законовъ во всей Европѣ. Изъ этихъ сочиненій Екатерина черпала не только отдѣльныя мысли, но переводила и передѣлывала цѣлые отрывки, распространяя, объясняя и приспособляя заимствованное къ своей цѣли, или, какъ она сама выразилась, „одобрила Монтескье на пользу своей Имперіи“. Въ одной рукописи „Наказа“ императрица прямо говоритъ: „Матеріалы, кои служили къ сочиненію „Наказа“, выписаны изъ разныхъ книгъ на чужестранныхъ языкахъ, какъ явствуетъ изъ оригинала моей рукописи“ (хранящагося въ библіотекѣ Академіи наукъ).

Собранная императрицей комиссія депутатовъ, для дальнѣйшаго развитія и обработки начертанныхъ ею главнѣйшихъ основаній и положеній въ цѣлую законодательную систему, не составила „новаго уложенія“. По случаю начавшейся турецкой войны она была распущена ранѣе выполненія своей задачи, но, по словамъ самой за-

конодательницы, собраніе это принесло много пользы: „комиссія подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ... Наказъ комиссіи ввелъ единство въ правила и разсужденія не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ; по крайней мѣрѣ, стали знать волю законодавца и по оной поступать". Но „Наказъ" имѣлъ не одно только законодательное значеніе: онъ оказалъ прямое и громадное вліяніе на русскую литературу, связавъ нашу словесность съ европейскою по идеямъ, понятіямъ, воззрѣніямъ и стремленіямъ, давши всѣмъ писателямъ того времени одинаковое настроеніе умовъ или, выражаясь ихъ языкомъ, одинаковое „умоположеніе", почему „Наказъ" стоитъ въ прямомъ и тѣсномъ соотношеніи со всѣми главнѣйшими литературными явленіями екатерининскаго вѣка. Во всей Европѣ Екатерина пріобрѣла себѣ „Наказомъ" славу самой просвѣщенной и либеральной государыни. Онъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, и въ Парижѣ въ теченіе двухъ дней было раскуплено все его изданіе, а новое запрещено. Философы и писатели Франціи расточали русской императрицѣ восторженныя похвалы, называя ее „Семирамидой сѣвера", „сѣвернымъ сіяніемъ Европы" и т. п. лестными именами.

61. Школы и образованіе на Руси въ первой половинѣ XVIII в.

Въ до-петровской Руси правительство не ставило школьнаго образованія въ число своихъ задачъ. Всякій пріобрѣталъ нужныя ему познанія такимъ путемъ, какимъ находилъ это возможнымъ. Образовательный уровень былъ очень невысокъ; подъ образованіемъ въ XVII в. разумѣлась простая начитанность въ книгахъ преимущественно церковно-религіознаго характера. Московскіе книжники стремились усвоить себѣ „мудрость", подъ которой понималось схоластическое богословіе. Только въ самомъ концѣ XVII в. московское правительство оффиціально взяло подъ свое покровительство школу, учредивъ славяно-греко-латинскую академію. Но эта академія было высшее учебное заведеніе. Цѣль его — вырастить на Руси „сѣмена мудрости", т.-е. той же богословской схоластики. Рядомъ съ этимъ академія должна была сдѣлаться оплотомъ противъ невѣрія, бороться противъ ересей не только словомъ, но и

дѣломъ. Дальше такого рода училища московское правительство не пошло, совершенно не понявъ высокаго государственнаго значенія общаго элементарнаго образованія.

Для Петра Великаго, положившаго всю свою желѣзную волю на развитіе военнаго дѣла, техники, торговли и промышленности въ государствѣ, стремленіе къ отвлеченной мудрости не имѣло значенія, а потому онъ совершенно иначе посмотрѣлъ на дѣло школьнаго образованія. Отъ своихъ подданныхъ, всѣхъ безъ различія, онъ требовалъ службы государству. Крестьянинъ платилъ подушную подать въ казну и работалъ на помѣщика; даровой трудъ крѣпостного доставлялъ помѣщику возможность всю жизнь проводить на службѣ государству, получая отъ послѣдняго небольшое жалованье. Купечество должно было заводить фабрики и заводы и развивать такимъ образомъ отечественную промышленность, о которой такъ хлопоталъ Петръ Великій. Дворянство съ 15 лѣтъ по гробъ служило въ войскѣ, флотѣ, канцеляріяхъ. Никто не долженъ былъ уклоняться отъ службы, но многія отрасли службы при такой ея постановкѣ требовали спеціальныхъ знаній. Каждый офицеръ въ Петровскомъ войскѣ долженъ былъ имѣть хотя элементарныя познанія въ наукахъ, не говоря о спеціальныхъ родахъ службы, въ родѣ морской, артиллерійской и проч. Поэтому Петръ Великій требуетъ отъ всѣхъ, кому по рожденію надлежитъ быть въ той или иной службѣ, пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній, требуетъ ученія. Понятно, что если служба какого-нибудь класса общества не требовала спеціальныхъ знаній, напримѣръ, крестьянскаго сословія, или если этотъ классъ не служилъ, напримѣръ, женщины, то государство вовсе не заботилось объ ихъ образованіи. Сначала Петръ Великій увлекался морскимъ дѣломъ и въ 1715 г. издалъ указъ о навигацкихъ школахъ. Въ этихъ школахъ должны были учить „молодыхъ ребятокъ изо всякаго чина“ чтенію, письму и „нѣкоторой части геометріи“. Это—элементарная школа, въ которой пріобрѣтаются предварительныя познанія для послѣдующаго изученія мореплаванія. Но вскорѣ Петръ Великій понялъ, что на практикѣ невозможно всѣхъ сдѣлать моряками, что это даже не безопасно, т.-е. можетъ оскудѣть другого рода служба. Цифирныя школы были оставлены въ небреженіи и мало-по-малу совсѣмъ исчезли. Тогда Петръ Великій издаетъ указъ за указомъ, которыми проводится принципъ, чтобы каждый учился профессіи своего отца. Такъ, дѣти духовенства должны были учиться „въ надеждѣ священства“, дѣти приказныхъ въ коллегіяхъ „повинны“ учиться приказному дѣлу,

изучать уложеніе, регламенты и указы, чтобы потомъ служить въ тѣхъ же коллегіяхъ.

Нечего говорить о томъ, что военная профессія подверглась самой тщательной культивировкѣ. Школой для военныхъ служили прежде всего при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ гвардейскіе полки. Этотъ государь, по словамъ одного указа Анны Іоанновны, опредѣлилъ „все младое шляхетство въ гвардію сначала писать и тѣмъ путемъ яко школою далѣе дослуживаться". Но такъ какъ морская служба требовала нѣсколько особыхъ навыковъ, то уже при Петрѣ было устроено два морскихъ училища—въ Москвѣ въ Сухаревой башнѣ, и въ Петербургѣ,—такъ называемая морская гвардія или морская академія. Впослѣдствіи практическая выучка въ сухопутной гвардіи была отчасти замѣнена основанной въ 1731 г. рыцарской академіей, переименованной потомъ въ сухопутный шляхетный корпусъ. Спеціализація въ области военнаго образованія носила узко-профессіональный характеръ. Такъ, появились особыя училища для спеціальнаго рода службъ, какъ, напримѣръ, дѣти корабельныхъ плотниковъ предназначались для обученія ремеслу ихъ родителей и т. п. Предметы преподаванія въ училищахъ были исключительно подчинены государственнымъ нуждамъ, вслѣдствіе чего господствовала односторонность. Главная цѣль духовнаго образованія свелась къ изученію богословскихъ предметовъ. Правда, въ этой области весьма трудно было обойтись безъ подготовительнаго обученія: оно и существовало въ видѣ классическихъ языковъ, началъ еврейскаго и проч. Точно такъ же подбирались предметы и въ училищахъ другихъ профессій. Такъ, юнкера при коллегіяхъ обучались письму, ариѳметикѣ и „всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ къ оной коллегіи",—вообще тому, „что коллежскимъ правленіямъ надлежитъ". При этомъ въ разныхъ коллегіяхъ обучали потребнымъ въ нихъ наукамъ, въ коллегіи коммерціи, напр., „довольному въ поправленіи коммерціи искусству". Въ 1748 г. сенатъ опредѣлилъ коллежскимъ юнкерамъ читать „Уложеніе, Генеральный регламентъ и прочіе, подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ уставы и регламенты и указы". Обученіе коллежскихъ юнкеровъ—прототипъ высшаго юридическаго образованія, но, какъ видите, и оно не удалялось отъ ближайшей практической цѣли, хотя въ половинѣ XVIII ст. и пытались нѣсколько расширить кругъ его введеніемъ естественнаго права.

Совершенно понятно, что выборъ предметовъ въ училищахъ, гдѣ обучались дѣти военныхъ, соотвѣтствовалъ будущей службѣ

учащихся. Такъ, въ гарнизонныхъ школахъ вслѣдъ за обученіемъ письму, чтенію и ариѳметикѣ обучали солдатской экзерциціи, артилерійской и инженерной наукѣ. Такъ же было первоначально поставлено дѣло и въ морскомъ корпусѣ. Но въ исторіи шляхетскихъ корпусовъ есть одна особенность. Будучи по первоначальному плану своему чисто военными училищами, они вскорѣ превратились въ училища въ нѣкоторой мѣрѣ общеобразовательныя, не утративъ, однако, своего профессіональнаго характера. Это произошло потому, что къ половинѣ XVIII столѣтія уже ясно выработался типъ шляхетскаго сословія. Такъ какъ въ морской и сухопутный корпуса поступали исключительно дворяне, то мало-по-малу въ составъ преподаваемыхъ предметовъ вводятся, кромѣ спеціальныхъ наукъ, и такія, которыя считались вообще необходимыми для полнаго образованія дворянина. Такъ, въ морскомъ корпусѣ, по уставу императрицы Елисаветы, кромѣ морскихъ наукъ, вводится преподаваніе и шляхетныхъ наукъ въ родѣ генеалогіи, морали, геральдики, политики и „прочія шляхетскія науки". Въ сухопутномъ корпусѣ то же пестрое разнообразіе предметовъ: нѣсколько иностранныхъ языковъ, танцованіе, рисованіе, „на шпагахъ биться", вольтижированіе,—однимъ словомъ, показываются „черезъ искусныхъ мастеровъ... всякія молодому человѣку пристойныя экзерциціи". Въ этомъ корпусѣ даже заведено было отдѣленіе юридическихъ наукъ для желающихъ поступить на гражданскую службу, хотя оно мало имѣло успѣха. Извѣстна исторія корпуса въ Елисаветинское время; ученіе въ немъ шло плохо, зато ученики оказывали большіе успѣхи въ литературѣ и дали на этомъ поприщѣ хорошихъ работниковъ. Такимъ образомъ, въ корпусахъ съ половины XVIII ст. уже главною цѣлью обученія ставили не исключительно подготовку навигатора, подъячаго, артиллериста, офицера той или другой части, но дворянина; образованіе профессіональное слилось съ сословнымъ въ болѣе широкомъ значеніи этого послѣдняго.

Разъ правительство смотрѣло на образованіе, какъ на службу, и требовало только такого ученія, какое нужно для службы, то оно выработало и своеобразный взглядъ на педагогическіе пріемы и систему обученія. Отсюда установился такой порядокъ вещей: мальчикъ 7—10 лѣтъ отрывался отъ семьи, большею частью насильно, и подъ карауломъ доставлялся въ училище; это былъ почти такой же наборъ, какъ и рекрутскій, сопровождавшійся слезами и побѣгами. „Предложено мнѣ,—писалъ устюжскій городской голова губернатору,—о наборѣ въ мореходную школу учениковъ, а коликое

число и изъ какихъ дѣтей... и при наборѣ какъ ихъ содержать, того не изъяснено... подъ стражею ли, а буде безъ стражи, то уповательно разбредутся". Чтобы избѣжать ученія въ цифирныхъ школахъ, посадскіе люди, т.-е. городское сословіе, подали Петру Великому челобитную, въ которой жаловались: „принуждаютъ (воеводы—горожанъ) для того ученія высылкою (дѣтей) къ Москвѣ и въ томъ держатъ людей въ городахъ за карауломъ". Купеческіе дѣти „безъ школы обучаются своему ремеслу" за прилавками отцовъ своихъ, почему посадскіе просятъ государя: „для многолѣтняго Вашего Царскаго Величества здравія, не вели, государь, для означенной науки во учиненныя въ Москвѣ школы съ городовъ дѣтей нашихъ брать, и о томъ свой милостивый указъ учинить". И дѣйствительно, ученики бѣжали изъ школъ цѣлыми толпами, спѣшили жениться, уходили въ монастырь, даже увѣчили себя, а дѣти церковныхъ причетниковъ иногда записывались въ крѣпостные крестьяне,—только бы избѣжать службы. Правительство принимало съ своей стороны самыя разнообразныя мѣры, чтобы прекратить такое бѣгство и дѣйствительно усмѣдить за обученіемъ. Такъ, еще Петръ Великій учредилъ особые смотры для экзамена и разбора недорослей. Чтобы заставить учениковъ оканчивать навигацкія школы, былъ изданъ указъ, запрещавшій вѣнчать молодыхъ людей безъ предъявленія свидѣтельства объ окончаніи ученія. Но и эти, повидимому, радикальныя мѣры не помогли: цифирныя школы дали на всю Россію всего нѣсколько десятковъ человѣкъ. Указы мало дѣйствовали. Поэтому правительство и мѣстное начальство изобрѣтали самыя разнообразныя средства, чтобы уловить въ школу всѣхъ уклоняющихся отъ нея или возвратить въ нее бѣглецовъ; такъ съ дѣтей берутъ подписки, что они не убѣгутъ; указомъ 1719 г. назначается даже конфискація всего движимаго имущества тѣхъ, кто убѣжитъ изъ школы; держать подъ арестомъ родителей, укрывающихъ дѣтей, и т. п. Учителя сами должны были развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ укрывающихся отъ школы дѣтей. Если „гдѣ отъ священнослужителей въ отдачѣ дѣтей ихъ учинится какое-либо непослушаніе,—учитель долженъ о томъ донести, куда слѣдуетъ, а пристойнымъ образомъ требовать команды и тѣхъ ихъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отговорокъ и потому-жъ отсылать ихъ ко опредѣленію въ семинаріи". Но самымъ радикальнымъ средствомъ духовное начальство считало разсылку по епархіямъ солдатъ, которые обязаны были слѣдить, не укрывается ли кто изъ учениковъ и не подросли ли у кого изъ церковнаго причта дѣти до школьнаго возраста. Сколько

горькихъ слезъ, разсказываютъ современники, проливалось въ семьяхъ, когда являлся такой соглядатай. Понятное дѣло, что съ бѣглыми учениками не церемонились: возвращенныхъ били батогами и часто сдавали въ рядовые солдаты.

Русское общество избѣгало школы потому, что пребываніе въ училищѣ почиталось уже службой и службой тяжелой и не для дѣтей. Ребенокъ при вступленіи въ ученье приносилъ присягу государю. Разъ онъ находился на службѣ, то государство считало совершенно излишнимъ авторитетъ учителя, его воспитательное вліяніе на ученика: передъ послѣднимъ былъ авторитетъ закона; по Петровскому указу 1715 г. дисциплина водворяется въ классѣ при посредствѣ „добрыхъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ", которые должны имѣть „хлыстъ въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ". Въ морскомъ корпусѣ за всякія продерзости приказано было бить батогами, коллежскіе юнкера за крупные проступки отдавались въ солдаты „безъ произвожденія". Въ инструкціи духовнымъ школамъ говорилось, что „за легкія вины, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, наказать въ первый и во второй разъ словесно; а за третью вину при собраніи учениковъ смирить щелепами; а за четвертую и пятую плетьми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю". Если преступникъ не исправляется, то доносить духовному судьѣ, а послѣдній, „сыскавъ такового преступника и сковавъ въ ножныя желѣза для вящшаго наказанія", долженъ прислать въ канцелярію. Такимъ образомъ, за школьные проступки учащійся, какъ преступникъ, подвергается уголовному наказанію, какъ находящійся на службѣ. И вездѣ, во всѣхъ школахъ такіе же педагогическіе пріемы. Когда образованіе замкнулось въ чисто-сословныя рамки, учебная практика выработала и особые взгляды на то, что слѣдуетъ считать нравственнымъ или безнравственнымъ, хорошимъ или дурнымъ,—и это понятіе отлилось въ чисто сословную схему. Сенатскіе дворяне должны „содержать себя чисто въ платьѣ и бѣльѣ, также и волосы пудрить всякій день, чтобъ имъ не безчестно было являться предъ честными людьми". Вообще дворяне въ коллегіяхъ должны „оказывать свою природу". Въ предписаніяхъ по кадетскому корпусу говорится, что надзиратели обязаны смотрѣть, чтобы „лжи или невѣрности и прочіе шляхетству непристойные пороки заранѣе у нихъ (кадетъ) весьма искоренены были".

Вотъ какое положеніе, по отношенію къ школѣ, занимало государство около половины XVIII в. Государство смотрѣло на ученіе,

какъ на службу, а общество, спасаясь отъ службы, бѣжало отъ школы. Извѣстные классы общества были прикрѣплены къ извѣстному роду обученія. Такъ, для духовенства установлены были школы при архіерейскихъ домахъ и академія въ Москвѣ; для солдатъ и однодворцевъ — гарнизонныя школы; для дворянъ—сухопутный и морской кадетскіе корпуса, школа артиллерійская и др.; для гражданскихъ чиновниковъ—школы при коллегіяхъ и нѣк. др. Но въ этомъ ряду нѣтъ школъ для дѣвочекъ, крестьянъ и посадскихъ,—нѣтъ потому, что женщины не служили государству, а тяглыя отношенія крестьянъ и посадскихъ не требовали профессіональныхъ знаній. Правда, при Екатеринѣ I въ Петербургѣ была основана Академія Наукъ, а при ней (въ царствованіе Елисаветы Петровны) университетъ и гимназія. Оба учебныя заведенія должны были преслѣдовать общеобразовательныя цѣли, но бывали годы, когда, по свидѣтельству Ломоносова, въ университетѣ и гимназіи не читалось лекцій самими профессорами или же не для кого было читать, потому что не было слушателей. Въ академическую гимназію набирались дѣти „изъ самой подлости“, т.-е. изъ горожанъ, мелкаго дворянства и пр., но дѣтямъ крѣпостныхъ былъ воспрещенъ туда доступъ. Для привлеченія учениковъ Ломоносовъ проектировалъ давать ученикамъ гимназіи изъ дворянъ большіе „ранги“ или чины; при Елисаветѣ столы для дворянъ-учениковъ сдѣланы были особые, лучше, чѣмъ для разночинцевъ, и поставлены отдѣльно отъ послѣднихъ. Но все-таки „шляхетные юноши“ не шли въ академическую гимназію.

Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться къ порядку ученія въ разныхъ школахъ до Екатерининскихъ реформъ, то насъ поразитъ здѣсь необыкновенный хаосъ. Такъ, ученики переводились изъ класса въ классъ не по познаніямъ, а по возрасту. Ученіе велось не съ цѣлымъ классомъ, а съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности. Въ одномъ и томъ же возрастѣ, т.-е. классѣ, одинъ ученикъ изучалъ дивизію (т.-е. дѣленіе), другой—мультипликацію (т.-е. умноженіе), а третій еще сидѣлъ на складахъ,—однимъ словомъ, сколько учениковъ, столько и классовъ. Въ корпусахъ господствовало чрезвычайное разнообразіе предметовъ, но всѣ они преподавались безъ всякой послѣдовательности. То предметъ цѣлые годы не преподавали, потому что не было учителей, то были учителя, да ученики не хотѣли избрать этого предмета и т. п. Что ученики выносили изъ такихъ училищъ, можно судить по отзывамъ современниковъ. Въ тогдашней школѣ малому учили, но зато много взыскивали съ

учениковъ. Бецкій говоритъ, что „кадеты много терпѣли отъ фухтелей, и нѣкоторые, по выпускѣ изъ корпуса, оставались отъ того навсегда хворыми“. Даниловъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о своемъ учителѣ артиллерійскаго училища Алабушевѣ: „онъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный,—по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу“. Можете судить, что терпѣли ученики отъ такихъ учителей и чему они научились. А вотъ и отзывъ Фонвизина объ его пребываніи въ Московскомъ университетѣ: „Въ бытность мою въ университетѣ,—говоритъ Фонвизинъ,—учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой—нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣромъ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую и какъ латинскій, такъ и россійскій языки зналъ очень хорошо“. Далѣе описаніе экзаменовъ, сдѣланное Фонвизиномъ, показываетъ еще ярче младенческое состояніе науки въ юномъ университетѣ или, вѣрнѣе сказать, въ гимназіи при университетѣ: „Наканунѣ экзаменовъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный этою странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы вамъ кажутся смѣшными,—говоритъ онъ,—но онѣ суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ—четыре спряженія; итакъ,—продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте второго склоненія. Со спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Еще оригинальнѣе былъ экзаменъ изъ географіи. Учениковъ по этому предмету было только трое. „Но какъ учитель нашъ,—говоритъ Фонвизинъ,—былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ портищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ, куда течетъ Волга? „Въ Черное море“, отвѣчалъ онъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: „не знаю“, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единодушно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не географическаго“. Въ ду-

ховныхъ училищахъ учили не лучше, чѣмъ въ свѣтскихъ. Въ славяно-греко-латинской академіи господствовала старая схоластика. Въ богословіи, правда, знакомили съ Лейбницемъ, Бэкономъ и др. философами, но рядомъ встрѣчаемъ и разсужденіе о договорѣ съ дьяволомъ, колдунахъ, о томъ, гдѣ сотворены ангелы и сколько они занимаютъ мѣста. Въ психологіи послѣ главы о душѣ слѣдовалъ трактатъ о волосахъ; тутъ рѣшается вопросъ: отчего у стариковъ выпадаютъ волосы, а почему у женщинъ не растетъ борода? Въ физикѣ трактовали о числѣ небесъ и проч., но были параграфы и о томъ, росла ли въ раю роза безъ шиповъ.

Правда, были въ Россіи и другіе способы получить образованіе, помимо только-что названныхъ школъ. Въ XVIII в. вошло въ моду приглашать гувернеровъ-иностранцевъ въ русскіе богатые дома для обученія дѣтей. Но что это были за воспитатели, послушайте отзывъ секретаря французскаго посольства де-ла Мессанера, котораго нѣтъ нужды подозрѣвать въ антипатіи къ своимъ соотечественникамъ. „Мы были осаждены тучею французовъ всякаго рода, изъ которыхъ большая часть, испытавъ непріятность съ парижской полиціей, отправилась заражать сѣверныя страны. Мы были изумлены и оскорблены, нашедши у многихъ знатныхъ вельможъ дезертировъ, банкротовъ, которымъ поручено было важное дѣло воспитанія дѣтей: видно по всему, что эта дрянь, выброшенная изъ нашего отечества, раскинулась до самаго Китая". Хороши были и содержатели пансіоновъ, тоже иностранцы, большею частью нѣмцы. Прислушайтесь къ серьезному объясненію однимъ изъ нихъ, Христоформъ Эргардтомъ, своимъ ученикамъ о томъ, какъ нужно писать слово genugsam: „должно писать—говоритъ онъ—начальную букву прописную, потому что оно означаетъ спокойствіе души". Не лучше было и обученіе у доморощенныхъ русскихъ учителей, которыхъ Фонвизинъ обезсмертилъ въ извѣстныхъ Кутейкинѣ и Цыфиркинѣ.

Зная теперь, чему и какъ учились въ до-Екатерининское время, мы не удивимся отзыву Бецкаго, который въ одномъ изъ своихъ докладовъ говорилъ въ 1767 г. императрицѣ: „хотя въ Россіи существуетъ академія наукъ и другія училища, но мало, если не совсѣмъ ничего, существенныхъ отъ того плодовъ собрано". Но вотъ что замѣчательно: въ русскомъ обществѣ мало-по-малу созрѣвало убѣжденіе въ необходимости преобразовать школу, сдѣлать ее доступною для народа, устранить ея узкій сословно-профессіональный характеръ, въ общество начало проникать сознаніе громаднаго значенія народнаго образованія. Уже Ломоносовъ и Шуваловъ не прочь

были провести кое-какія улучшенія въ этомъ отношеніи; Ломоносовъ возмущался, напримѣръ, тѣмъ, что въ Россіи закрытъ доступъ къ образованію крестьянамъ. Но при Елизаветѣ не могло быть и рѣчи о коренныхъ преобразованіяхъ. Обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились съ момента вступленія на престолъ Екатерины II.

62. Оригиналъ помѣщикъ XVIII вѣка.

В. В. Головинъ (1696—1781 г.).

Несчастія, испытанныя Василіемъ Васильевичемъ Головинымъ, имѣли довольно сильное вліяніе на его характеръ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, подозрительнымъ и религіознымъ до такой степени, что даже впалъ въ суевѣріе, доходившее до помѣшательства. Чтобы яснѣе обрисовать личность Головина, мы здѣсь опишемъ подробно обыкновенный порядокъ его домашней жизни въ подмосковномъ селѣ Новоспасскомъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть года. Вставъ рано поутру, еще до восхода солнечнаго, Головинъ прочитывалъ полунощницу и утреню вмѣстѣ съ любимымъ дѣчкомъ своимъ. По окончаніи утреннихъ правилъ являлись къ нему съ докладами и рапортами дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки, испытанной честности. Прежде всего она произносила: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, а предстоящіе отвѣчали: „аминь!“ Потомъ она говорила: „Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните-жъ, смотрите, накрѣпко!“ Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: „слышимъ, матушка!“ Войдя въ кабинетъ къ барину, они кланялись ему до земли и говорили:—„Здравія желаемъ, государь нашъ!“—„Здравствуйте“—отвѣчалъ баринъ,—„друзья мои не пытанные и не мученные, не опытные и не наказанные (это была его всегдашняя поговорка). Ну, что? Все ли здорово, ребята, и благополучно у насъ?“ На этотъ вопросъ прежде всѣхъ отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ дворецкій: „Въ церкви святой и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ господскомъ, на конномъ дворѣ и скотномъ, въ павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, государь нашъ, Богомъ хранимо, благополучно и здорово“. Послѣ

дворецкаго начиналъ свое донесеніе ключникъ:—„Въ барскихъ вашихъ погребахъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ и овинахъ, улишникахъ и птичникахъ, на витчинницахъ и сушильницахъ, милостію Господнею, находится, государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности; свѣжую воду ключевую изъ святаго Григоровскаго колодца, по приказанію вашему господскому, на пѣгой лошади привезли, въ стеклянную бутыль налили, въ деревянную кадку поставили, вокругъ льдомъ обложили, изнутри кругомъ призакрыли и сверху камень наложили". Выборный доносилъ такъ: „Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ боярскаго вашего дома ходили, въ колотушки стучали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли, въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громогласно говорили; нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крыши не садились и на чердакѣ не возились". Въ заключеніе староста доносилъ: „Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все обстоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя ихъ пасутся, домашнія птицы несутся; на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька [1]) и баба-зажигалка [2]) въ Ртищевѣ проживаютъ и, по приказу вашему боярскому, невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ и васъ, государь, слезно умоляютъ, чтобъ вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили". Выслушавъ донесенія, Головинъ отпускалъ докладчиковъ и ему приносили чай. Впереди, обыкновенно, шелъ одинъ служитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями; шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ для обмахиванія золы и пыли. Поставивъ на желѣзный листъ жаровню, а на нее мѣдный чайникъ и сотворивъ молитву Іису-

[1]) Это былъ любимый котъ Головина. Однажды онъ влѣзъ въ вятеръ, съѣлъ въ немъ приготовленную для барскаго стола животрепещущую рыбу и, увязши тамъ, удавился. Слуги, скрывъ смерть кота, сказали только о его винѣ и Головинъ сослалъ животное въ ссылку.

[2]) Такъ было велѣно называть женщину, отъ неосторожности которой въ Новоспасскомъ произошелъ пожаръ. Головинъ такъ былъ испуганъ этимъ происшествіемъ, что приказалъ всѣмъ дворовымъ людямъ стряпать въ одной особой комнатѣ, а дворовыхъ у него было болѣе трехсотъ человѣкъ; естественно, что приказаніе это не было никогда исполняемо.

сову, слуги тихо выходили. Баринъ посылалъ тогда за старшимъ сыномъ своимъ Василіемъ, котораго поднимали съ постели. Напившись чаю, онъ отправлялся къ литургіи и становился въ церкви на особенномъ мѣстѣ; по окончаніи обѣдни возвращался домой, по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями. Тогда подавали ему завтракъ, а немного спустя онъ садился обѣдать со всѣмъ своимъ семействомъ. При этомъ былъ всегда приглашаемъ священникъ благословить обѣдъ, который нерѣдко продолжался часа три. Кушаній считалось обыкновенно семь, но число блюдъ доходило до сорока и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ приносилъ свое кушанье. Сервизъ былъ весь оловянный, въ праздники серебряный или фарфоровый. Поставя первыя блюда, всѣ семь поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись двѣнадцать офиціантовъ, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и длинными бѣлыми косынками на шеѣ. Послѣ обѣда подавался десертъ, называвшійся „заѣдками“; самъ хозяинъ пилъ шоколадъ. Обѣдъ кончался въ четыре часа; ужина не было; затѣмъ Головинъ ложился спать до самаго утра.

Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни. Изнутри прочитывали молитву Іисусову: „Господи Іисусе Христе Сыне, Боже нашъ, помилуй насъ!“ „Аминь!“ отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ съ ужаснымъ стукомъ закрывали ставни и засовывали ихъ желѣзными болтами. Тогда приходили дворецкій, ключникъ, выборный и староста. Въ кабинетъ къ барину допускался одинъ дворецкій и, получивъ отъ него приказанія, передавалъ ихъ уже прочимъ. Приказъ выборному былъ такой: „Слушайте приказъ боярскій: смотрите, всю ночь не спите, кругомъ барскаго дома ходите, колотушками громче стучите, въ рожокъ трубите, въ доску звоните, въ трещотку трещите, въ ясакъ ударяйте, по сторонамъ не зѣвайте и помните накрѣпко: чтобы птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, малыхъ дѣтей не пугали, барской замазки не клевали, на крыши бы не садились и по чердакамъ не возились; смотрите-жъ, ребята, помните накрѣпко!“ „Слышимъ!“ былъ отвѣтъ. Старостѣ отдавался такой приказъ: „Скажи сотскимъ и десятскимъ, чтобы всѣ они, отъ мала и до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей отъ огня неусыпно сберегали-бъ, и глядѣли-бъ, и смотрѣли: нѣтъ ли гдѣ въ деревняхъ: Целѣевѣ, Медвѣдкахъ и Голявинѣ смятенія, не будетъ

ли на рѣкахъ Икшѣ, Яхромѣ и Волгушѣ волненія, не увидите ли на небесахъ какого-нибудь страшнаго явленія, не услышите ли подъ собою ужаснаго землетрясенія? Коли что такое случится или диво какое приключится, о томъ бы сами не судили и ничего-бъ такого не рядили, а въ ту-бъ пору къ господину приходили и все-бъ его милости боярской доносили и помнили-бъ накрѣпко!" Ключнику отдавала приказъ горничная: „Баринъ государь тебѣ приказалъ, чтобы ты провизію наблюдалъ, въ Григорово лошадь отправлялъ и святую воду принималъ; въ кадку поставьте, льдомъ обкладите, кругомъ накройте и камнемъ навалите, съ чистотою и молитвою, людей облегчайте и скотовъ наблюдайте, по сторонамъ не зѣвайте и пустого не болтайте, и помните накрѣпко!" Этимъ оканчивались приказанія. Двери комнатъ запирала и отпирала обыкновенно горничная; ключи она относила къ Головину и, кладя ихъ ему подъ изголовье, говорила: „Оставайтесь, государь, съ Іисусомъ Христомъ, почивайте, сударь, подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, Ангелъ Хранитель да пребудетъ надъ вами, государь мой". Потомъ горничная отдавала приказъ очереднымъ сѣннымъ дѣвушкамъ: „Кошекъ-то [1]) смотрите; ничѣмъ не стучите, громко не говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко!" Прочитавъ вечернее правило, Головинъ ложился въ постель и, крестясь, произносилъ: „Рабъ Божій ложится спать, на немъ печать Христова и утвержденіе, Богородицына нерушимая стѣна и защищеніе, Крестителева благословенная десница, хранителя моего Ангела всесильный и всемощный животворящій крестъ, безплотныхъ силъ лики и всѣхъ святыхъ молитвы; крестомъ ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражію искореняю, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!"

Ночью въ Новоспасскомъ раздавался громъ, звонъ, стукъ, свистъ, гамъ и крикъ, трещанье и бѣганье четырехъ чередовыхъ и столькихъ же караульныхъ. Если что-нибудь помѣшало Головину заснуть въ первое время, то онъ уже не ложился спать и разстраивался на всю ночь. Въ такомъ случаѣ онъ или начиналъ читать вслухъ свою любимую книгу „Жизнь Александра Македонскаго, Квинта Курція", или садился въ большія механическія кресла, на-

[1]) Въ комнатахъ у Головина было семь кошекъ, которыя днемъ могли ходить по всему дому, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой кошкой поручено было ходить особой дѣвкѣ. Если случалось, что которая либо изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошка и дѣвка подвергались наказанію.

чиналъ качаться въ нихъ, поправляя руками на обоихъ вискахъ волосы, закладывая ихъ за уши, и, перебирая четки, произносилъ слѣдующія слова, постепенно возвышая и понижая голосъ: „Врагъ сатана! отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Божія! Врагъ-сатана! отрѣшись отъ меня въ мѣста темныя, въ моря бездонныя, на горы дивія, бездомныя, безлюдныя, гдѣ же не пресѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная! изыде отъ меня въ таръ-тарары, изыде отъ меня окаянная рожа въ адъ кромѣшный и въ пекло тріисподнее, и къ тому уже не вниди. Аминь! Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ, разсыпься, растрекляте, растрепогане, растреокаянне! дую на тебя и плюю!“ Окончивъ заклинаніе, Головинъ вставалъ съ кресла и начиналъ ходить по всѣмъ своимъ комнатамъ, постукивая колотушкою или обмахивая гусинымъ крыломъ мнимую нечистоту вокругъ себя и вездѣ. Если, сверхъ чаянія, онъ находилъ гдѣ-нибудь пыль, то тотчасъ же приказывалъ курить росянымъ ладаномъ и окропить то мѣсто святою водою. Такія странности, естественно, поджигали любопытство дворовыхъ и многіе подсматривали въ щели, что дѣлаетъ баринъ. Но и на этотъ случай были приняты мѣры: сѣнныя дѣвушки поднимали крикъ съ различными прибаутками и приговорками и окачивали подслушниковъ изъ верхнихъ окошекъ холодной водою, а Головинъ одобрялъ ихъ поступки, приговаривая: „по дѣломъ вору и мука, ништо имъ растреклятымъ, растрепоганымъ, растреокаяннымъ, непытаннымъ, немученнымъ и ненаказаннымъ!“ топоча обѣими ногами и неоднократно повторяя одно и то же.

Въ холодное время, когда начинали топить печи, соблюдался слѣдующій порядокъ: въ собственныхъ комнатахъ барина были четыре печи и къ каждой изъ нихъ былъ опредѣленъ особый истопникъ. Ежедневно передъ чаемъ они приходили въ домъ; горничная, отворивъ имъ двери въ сѣни, говорила: „Слушайте, смотрите, печи оглядите, хорошенько топите, отнюдь не отходите, сажей не марайте, дымомъ не воняйте и помните накрѣпко; похаживайте, посматривайте, входите бережно и опасно, съ чистотою и молитвою; заворачивать правымъ бокомъ, потомъ сноравливать налѣво, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!“ — „Аминь!“ отвѣчали истопники и съ этимъ словомъ разомъ вдругъ снимали съ плечъ дрова, ударяя ими громко объ полъ; потомъ двое уходили на чердакъ отвертывать трубы и ожидали снизу команды, а другіе двое отворяли заслонки, произнося вслухъ молитву Іисусову, клали дрова въ печь и въ одно

и то же время затопляли. Зимой, отправляясь на жительство въ Москву, а лѣтомъ возвращаясь обратно въ Новоспасское, Головинъ былъ всегда сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до семидесяти лошадей и около двадцати различныхъ экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимірской Божіей Матери въ золоченой каретѣ, съ утвержденнымъ внутри фонаремъ, въ сопровожденіи крестоваго священника. Затѣмъ слѣдовали: баринъ и барыня въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадными цугами въ восемь лошадей; барышни въ четверомѣстныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа въ открытыхъ коляскахъ или саняхъ, въ четыре лошади. Всѣ они сидѣли по-одиночкѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ, которыя помѣщались съ матерями. Барскія барыни и сѣнныя дѣвицы ѣхали въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня и прочія хозяйственныя принадлежности были обыкновенно отправляемы въ особыхъ фурахъ. Двадцать богато одѣтыхъ верховыхъ егерей оберегали этотъ затѣйливый поѣздъ. Несмотря на всѣ свои странности, Головинъ былъ человѣкъ умный, строгихъ и честныхъ правилъ, имѣлъ характеръ твердый, пылкій и взыскательный, но не жестокій. Онъ охотно дѣлалъ добро, строго сохранялъ всѣ правила и постановленія церкви и у себя дома ежедневно исполнялъ скитское монашеское келейное правило; любилъ читать Священное Писаніе, часто повторяя слова Псалмопѣвца: „Отяготѣ на мнѣ рука Твоя. Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Была слезы моя хлѣбъ мнѣ день и нощь; желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни“. Головинъ былъ малаго роста, сухощавъ, имѣлъ темные волосы, каріе глаза, широкій носъ. Достигнувъ восьмидесяти пяти лѣтъ, онъ не употреблялъ очковъ и не потерялъ ни одного зуба; даже страстно любилъ грызть орѣхи, которые для него мочили въ кадкахъ на цѣлый годъ. Онъ постоянно носилъ на головѣ стеганую зеленую шапочку, сшитую изъ трехъ одинаковыхъ полосъ, въ видѣ креста, такъ что одна полоса обходила вокругъ головы, а двѣ другія составляля вверху крестъ. Согласно его завѣщанію, онъ былъ положенъ въ этой шапочкѣ въ гробъ.

63. Хозяйка-помѣщица XVIII в.

Въ области домашняго хозяйства, весьма сложнаго и обширнаго въ помѣщичьемъ быту въ старину, русская женщина искони бывала полновластной госпожей. Эта отрасль дѣятельности при-

надлежала ей по обычаю, и самъ „Домострой“ не оспариваль ни правъ ея, ни способностей, какъ хозяйки и домоправительницы. Кромѣ того, какъ обычай, такъ и юридическое право въ старину не противились расширенію и усложненію дѣятельности женщины въ этой области вѣдѣніемъ и управленіемъ всѣмъ вообще помѣщичьимъ хозяйствомъ. Совершенно на равныхъ правахъ съ мужчиной женщина могла быть „вотчинницей“—владѣть помѣстьемъ и крестьянами, управлять ими по своему усмотрѣнію, благопріобрѣтать и отчуждать на законномъ основаніи. Словомъ, въ этомъ отношеніи русская женщина пользовалась полнымъ просторомъ и гражданскимъ равенствомъ съ мужчиной и даже значительно превосходила своими правовыми прерогативами западную женщину. Оттого-то типъ русской барыни-хозяйки и помѣщицы сложился исторически въ весьма яркихъ и рельефныхъ чертахъ. Старо-московская Русь завѣщала XVIII столѣтію въ числѣ другихъ не отжившихъ еще своего вѣка достояній типъ русской женщины-домоправительницы и барыни-помѣщицы, и, быть можетъ, это было одно изъ наиболѣе солидныхъ и прочныхъ наслѣдій. По крайней мѣрѣ, типъ этотъ, съ весьма малыми измѣненіями и уклоненіями отъ своего первообраза, благополучно прожилъ у насъ все XVIII столѣтіе, а отчасти его хватило и на добрую половину XIX. Типъ тщательно отчеканенный, крѣпкій и живучій! И какую блестящую высокую роль судила исторія сыграть этому типу! Дѣло въ томъ, что, начиная со смерти Петра Великаго, въ Россіи, какъ извѣстно, на протяженіи трехъ четвертей столѣтія почти безъ перерывовъ на императорскомъ престолѣ сидѣла женщина и въ лицѣ, напр., императрицъ Анны и Елисаветы, женщина чисто-русская не только по крови, но по характеру и по всему умственному складу. Даже, вѣрнѣе сказать, въ лицѣ этихъ двухъ государынь всего ощутительнѣе выказывались черты не новой русской петровскаго режима женщины, а старо-московской. Это выразилось не только въ ихъ частной, личной жизни, но и въ ихъ управленіи государствомъ, т.-е. въ манерѣ и способѣ этого управленія. На престолѣ онѣ были напросто боярынями-хозяйками, помѣщицами, распоряжавшимися своей властью съ той патріархальностью и простотою, съ какими правила своей вотчиной какая-нибудь дворянка временъ Алексѣя Михайловича. Разница была только въ размѣрѣ вотчины и власти надъ нею и надъ подданными-слугами; но сами государыни эти смотрѣли на свою власть именно какъ на власть помѣщичью, „господскую“, а на государство, какъ на свою „вотчину“. Замѣчательно при этомъ, что

даже не русскія по происхожденію и воспитанію женщины-государыни, какъ Екатерины I и II, совершенно усваивали себѣ такое же патріархально-боярское отношеніе къ царской власти и во всемъ были настоящими русскими помѣщицами. Екатерина II въ особенности хорошо усвоила себѣ эту роль (хотя въ то же время она была истинной государыней и на европейскій ладъ) и любила въ интимной бесѣдѣ съ приближенными представлять себя запросто госпожей „маленькаго хозяйства“ — не болѣе. Явленіе это объясняется вовсе не одними только личными качествами фигурировавшихъ на престолѣ женщинъ, а тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что практика женскаго управленія государствомъ была совершенно новой на Руси, что русская жизнь не выработала типа женщины-правительницы, женщины-государя. Зато у нея былъ готовый, прекрасно сформировавшійся типъ хозяйки-помѣщицы, притомъ хорошо извѣстный и симпатичный народу; отсюда естественно было отожествленіе этого типа и въ лицѣ государынь, которыя по своимъ способностямъ и воспитанію (какъ Екатерина I, Анна и Елисавета) не выдвигались изъ ряда обыкновенныхъ женщинъ и ранѣе вовсе не готовились спеціально къ наукѣ управленія государствомъ.

Барыня, домоправительница и помѣщица, дѣловитая, практичная и энергически (иногда даже слишкомъ энергически) державшая въ своихъ слабыхъ, нѣжныхъ ручкахъ бразды правленія и субординаціи у себя дома и въ имѣніи, встрѣчалась въ XVIII столѣтіи заурядъ, повсюду, но преимущественно въ провинціи. Въ столицѣ, въ высшемъ свѣтѣ типъ этотъ постепенно вытѣснялся барыней-маркизой, тепличнымъ созданіемъ моднаго французскаго салоннаго воспитанія, весь кругъ жизнедѣятельности которой ограничивался будуаромъ, гостиной, бальной залой, гдѣ она призвана была царить. Этой категоріи женщины всецѣло принадлежали „свѣту“ и не только не входили въ хозяйственныя заботы по своему дому и имѣнію, но относились къ нимъ съ брезгливостью и съ гордымъ пренебреженіемъ, какъ существа высшія и неземныя. Между тѣмъ, даже среди женщинъ, пользовавшихся высокимъ положеніемъ — членовъ царской семьи, слѣдовательно, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства и всю возможность для такого брезгливаго отчужденія отъ хозяйственныхъ хлопотъ, мы встрѣчаемъ въ XVIII столѣтіи очень хорошихъ и попечительныхъ хозяекъ, до мелочей озабочивавшихся благоустройствомъ въ своихъ домахъ и имѣніяхъ. Извѣстно, что императрица Екатерина I была образцовой домашней хозяйкой. Осталась ея „комнатная“ приходо-расходная книга за

1723—1725 годы, гдѣ довольно подробно выведена вѣдомость не только денежныхъ получекъ и издержекъ императрицы, но и ея хозяйственныхъ занятій. То она посѣщаетъ свой „огородъ", принимаетъ тамъ отъ садовниковъ цвѣты, огурцы и фрукты, то заходитъ на конюшенный дворъ „смотрѣть" экипажи и лошадей, то заглядываетъ на псарню, то является въ кухню и нерѣдко сама собственноручно принимается стряпать, то входитъ въ разныя подробности по приведенію въ порядокъ и лучшій видъ домашней утвари, столовой сервировки, гардероба и проч. Но особенно ярко заявила она свои разносторонніе хозяйственно-творческіе способности основаніемъ и устройствомъ „Сарской дачи", явившейся пріятнымъ сюрпризомъ для Петра и изъ которой впослѣдствіи выросло Царское Село. Дача эта была построена и обставлена съ такимъ вкусомъ и съ такой предусмотрительностью, что Петръ, проведя въ ней первый день въ качествѣ гостя у своей жены-хозяйки, назвалъ его однимъ изъ лучшихъ дней въ своей жизни.

Такими же основательными, знающими хозяйками были царица Прасковья Ѳеодоровна и ея дочери. Сохранились письменныя свидѣтельства ихъ хозяйской опытности и распорядительности по управленію имѣніями. Какъ помѣщицы-хозяйки, онѣ входили во всѣ подробности сельскаго домоводства и экономіи, знали счетъ денежкѣ и вели обстоятельныя вѣдомости доходамъ натурою и оброками со своихъ вотчинъ. Передъ нами лежатъ „указы" царевенъ Екатерины Ивановны и Прасковьи Ивановны, за собственноручными ихъ подписями, управителямъ и старостамъ. „Указы" эти пестрятъ цифрами и касаются различныхъ сторонъ хозяйства и управленія имѣніями. Особенно участливо и скрупулезно входила въ веденіе хозяйства Прасковья Ивановна. Извѣщая управителя Осѣченской волости, Ивана Калмыкова, въ „указѣ" отъ 6 іюня 1726 г., о полученіи денегъ „за живность", царевна выговариваетъ ему, что въ его рапортѣ не обозначено — „за сколько какой живности порознь и на который годъ выслано"; „и ты-бъ, — обращается она къ управителю, — впредь о такихъ высылкахъ писалъ имянно съ подлиннымъ обстоятельствомъ". Здѣсь шла рѣчь собственно о сборахъ съ крестьянъ вмѣсто „живности" натурою, деньгами. Царевну-хозяйку эта статья очень занимала. Въ другомъ позднѣйшемъ „указѣ" тому же Калмыкову она сама обозначаетъ подробно размѣръ сбора, а именно: „за гуся по 13 алтынъ по 2 деньги, за утку 6 алтынъ и 4 деньги, за индѣйку по 10 алтынъ" и т. д. Каждый такой „указъ" заканчивается стереотипнымъ напомина-

ніемъ: „и тѣ деньги конечно выслать безъ доимки все сполна“... Напоминаніе и забота объ этомъ не лишены были нѣкотораго основанія. Случалось, что оброкъ собирался и доставлялся неисправно самими управителями; случалось, что деньги и припасы не довозились сполна по назначенію посыльными. Разъ тотъ же Калмыковъ не выслалъ сполна положенной суммы, ссылаясь на пропажу поставленныхъ для сбереженья на кабакъ денегъ. Прасковья Ивановна весьма огорчилась этой „пропажей“ и предписала управителю „тѣхъ кабатчиковъ допрашивать и, по допросу, ежели оные кабатчики являются къ тому приличны (т.-е. виновны), и ты-бъ оныя покраденныя деньги отыскивалъ и чинилъ о томъ по указу“. Въ другой разъ староста Новгородской волости Фирсовъ въ „отпискѣ“ царевнѣ показалъ посылку „окладныхъ денегъ“ 50 рублей, а доставилъ налицо всего 30. Аккуратная хозяйка не могла не разгнѣваться. Учитывая съ такой внимательностью и точностью денежные доходы, царевна была не менѣе взыскательна и разсчетлива и относительно доставлявшихся въ ея домъ деревенскихъ припасовъ натурою. Въ одномъ изъ „указовъ“ она даетъ подробное наставленіе, какъ и съ кѣмъ слѣдуетъ доставлять эти припасы: „Какъ получишь сей указъ, пишетъ она изъ Петербурга управителю, и ты-бъ прислалъ сюды быки и бараны, и живность и косцовъ на сроки, какъ повелѣно и написано тебѣ въ наказѣ нашемъ, безъ упущенія времени немедленно, дабы въ чемъ ономъ не учинилось здѣсь какой остановки и не постигла бы какая нужда. А вышеуказанную живность отправить тебѣ съ добрыми проводниками изъ крестьянъ, чтобъ дорогою не поморили, а ежели нерадѣніемъ своимъ что оной живности поморятъ, то безо всякаго упущенія на нихъ взыскано будетъ“. Когда живность прибывала на мѣсто, царевна производила ей осмотръ и бдительнымъ окомъ опытной хозяйки подмѣчала всякій изъянъ въ ней, всякую недоброкачественность: „А быки и бараны отъ тебя, неоднократно попрекаетъ она управителя, высланы худые (иногда — „весьма худые“) и впредь тебѣ выслать быки и бараны на кушанье годные, опасался отъ насъ гнѣву“. „А солоды: ржаной [illegible] пишетъ она въ другой разъ, высылать по окладу конечно [illegible], а не такой, какъ отъ тебя высланъ солодъ худой и не на [illegible] потребу негоденъ“... Живя постоянно въ столицѣ, среди [illegible] общества и высшихъ салонныхъ интересовъ, царевна [illegible] зорко слѣдить за своимъ деревенскимъ хозяйствомъ [illegible] благопріятными и неблагопріятными для него условіями. [illegible] пишетъ она въ 1726 г. управителю, что въ

Новгороцкомъ уѣздѣ хлѣба родились весьма хорошіе". Изъ этого „увѣдомленія", политично предупреждающаго злоупотребленія и плутни управителя, вѣроятно, не разъ оправдывавшагося въ своихъ упущеніяхъ неурожаями, царевна логически заключаетъ, чтобъ „на указной срокъ припасы, мука и прочее" были высланы „во дворецъ къ намъ самые добрые". Словомъ, во всемъ видна здѣсь опытная практичная хозяйка, пристально слѣдящая за веденіемъ дѣлъ въ своихъ помѣстьяхъ и которая не дастъ себя провести какому-нибудь плутоватому старостѣ или управителю.

Выше, въ одномъ изъ цитированныхъ „указовъ" Прасковьи Ивановны упоминается о составленномъ ею и данномъ въ руководство „наказѣ". Къ сожалѣнію, самый „наказъ" этотъ не сохранился. Но намъ извѣстны такого же рода современные „наказы" другихъ помѣщиковъ. Это были подробныя программы и руководства для веденія домоваго и сельскаго хозяйства, рядомъ съ правилами и какъ бы законоположеніями по управленію крестьянами и дворовыми и сохраненію среди нихъ мира, порядка и благонравія. „Наказы" такіе составлялись обыкновенно наиболѣе рачительными и дѣльными хозяевами-помѣщиками, причемъ всѣ они имѣютъ между собою сходство въ основныхъ чертахъ. Вѣроятно, схожъ съ ними былъ и „наказъ" Прасковьи Ивановны; но важно не это, а то, что она, какъ помѣщица, и въ данномъ отношеніи не уступала распорядительностью и дальновидностью лучшимъ хозяевамъ-мужчинамъ своего времени. Эта распорядительность и дѣловитость царевны проглядываютъ ощутительно въ ея цитированной здѣсь перепискѣ, на которой мы нарочно остановились подолѣе, чтобы рельефнѣе обрисовать разсматриваемый типъ барыни-помѣщицы XVIII вѣка. Въ перепискѣ этой встрѣчаемъ заботы не объ однихъ только сборахъ и доходахъ, но также о поведеніи и нравахъ подданныхъ крестьянъ. Прасковья Ивановна, какъ и другія дочери царицы Прасковьи Ѳеодоровны, какъ и эта послѣдняя, отличались нѣсколько тяжелымъ характеромъ и вели жизнь по патріархальному у себя дома. Это были настоящія русскія боярыни, подъ внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія. „Характерныя" нравомъ, бережливыя и ревностныя хозяйки, онѣ очень твердо, а порой круто держали въ рукахъ бразды правленія своей многочисленной домовой челядью и своими крестьянами. Вообще, барыни-помѣщицы того времени, не уступая мужчинамъ-хозяевамъ въ отношеніи положительныхъ качествъ, являясь въ большинствѣ случаевъ такими же знающими и дѣятельными въ управленіи и веденіи своихъ имѣній, въ то же

время нерѣдко соперничали съ ними, а случалось, даже и превосходили ихъ въ крутости, самодурствѣ и жестокости съ крестьянами. Кто не знаетъ знаменитую Салтычиху, которая даже для своего неособенно мягкаго и человѣколюбиваго времени представлялась чудовищемъ и извергомъ по своей свирѣпости и варварству? Къ сожалѣнію, она была не единственная въ своемъ родѣ... Характеристично, что Салтычиха и ей подобныя звѣри-помѣщицы были весьма ретивыми хозяйками. Салтычиха, напр., до педантизма любила чистое бѣлье, чистоту въ комнатахъ и особенно чистые лоснящіеся полы. Большая часть ея служанокъ были замучены за неисполненіе этихъ требованій въ той степени, въ какой желала взыскательная барыня.

Конечно, такія безжалостныя и свирѣпыя барыни составляли рѣдкость; во всякомъ случаѣ, имъ можно противопоставить еще большее число примѣровъ женской доброты, гуманнаго и ласковаго обращенія помѣщицъ со своими крѣпостными. Одна иностранка засвидѣтельствовала, что, напр., въ имѣніяхъ княгини Дашковой ея подданные „преблагополучно проживали подъ ея безусловнымъ управленіемъ, и что никогда человѣческое существо, облеченное подобною властью, не могло быть добродушнѣе при ея употребленіи". Такихъ „добродушныхъ" барынь было не мало. Можно бы представить много примѣровъ мягкости обращенія барынь со слугами, взаимной ихъ привязанности и интимности отношеній.

Господствующимъ типомъ среди помѣщицъ того времени были женщины вовсе не жестокія, но твердаго нрава, энергическія, дѣятельныя и въ мѣру строгія по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Женщинамъ такого закала; такого характера и такой дѣятельной жизни не оставалось, разумѣется, ничего большаго желать для своей независимости и уравненія своихъ правъ съ правами мужчины. Да на практикѣ женщины, подобныя княгинѣ Дашковой, не только не подчинялись волѣ мужей, но положительно преобладали надъ ними и самовластно почти распоряжались и хозяйствомъ, и имѣніемъ. Такихъ женщинъ-помѣщицъ въ XVIII столѣтіи было не мало. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мужья не оставались въ пассивной роли, предоставивъ все хозяйство женѣ, они тѣмъ не менѣе распредѣляли хозяйственныя занятія такимъ образомъ, чтобы жены-хозяйки имѣли полную самостоятельность въ своей области домоводства. Образцовый для своего времени помѣщикъ-хозяинъ Лунинъ, начертивъ программу „домоправительства", говоритъ: „Съ божьей помощью начну такимъ образомъ, чтобы все домоправительство было

въ глазахъ моихъ, не мѣшаясь рѣшительно въ женское управленіе, которое оставаться должно подъ распоряженіемъ благонравной моей Варвары Николаевны".

Собственно „женское управленіе" въ зажиточномъ помѣщичьемъ домѣ заключало въ себѣ все, что относится до продовольствія, кухни, домостройства, гардероба и проч. Хозяйкѣ была подчинена вся женская половина многочисленной въ тѣ времена дворни. Хозяйство тогда было очень сложное, потому что помѣщики заводили у себя, при посредствѣ своихъ холоповъ, всевозможныя мастерства и „художества". Такимъ образомъ, женская прислуга состояла изъ цѣлой толпы портныхъ, бѣлошвеекъ, кружевницъ, прядильницъ, ткачихъ, парикмахершъ и проч. Конечно, вся женская прислуга находилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и управленіемъ хозяйки-помѣщицы. Работы производились правильно, по разъ заведенной системѣ, и каждая мастерица обязана была ежедневно сдѣлать свой „урокъ" подъ страхомъ взысканія. „Уроки" эти бывали иногда обременительны и чрезмѣрны. Находились такія рачительныя барыни-хозяйки, что заставляли работать своихъ горничныхъ даже въ дорогѣ. Особенная распорядительность требовалась отъ хорошей хозяйки по части продовольствія, кухни и стола, которые занимали много рукъ и кормили много ртовъ. Продовольственные запасы бывали огромные. „Подобно пчеламъ, говоритъ одинъ современникъ Радищева, крестьяне сносятъ на дворъ господскій муки, крупы, овса и прочихъ житъ мѣшки великіе, стяги говяжьи, туши свиныя, бараны жирные, дворовыхъ и дикихъ птицъ множество, коровьи масла, яицъ лукошки, сотовъ или медовъ чистыхъ кадки, концы холстовъ, свертки суконъ домашнихъ" и проч. Кромѣ того, запасы эти умножались еще домашнимъ производствомъ помѣщичьяго хозяйства. Все это надлежало учесть, сохранить, приготовить въ прокъ, посредствомъ всякаго рода соленій, вареній, маринованій и пр. Хорошей хозяйкѣ приходилось работать не покладая рукъ. „Что касается до кушаньевъ, говоритъ вышецитированный описыватель помѣщичьяго быта, увидѣли бы мы преизбыточное число приказныхъ яствъ, изъ собственныхъ деревенскихъ припасовъ, русскими домашними поварами приготовленныя. Пироги: изразчатые, марцыфаны, рѣшетчатые, росольные, печерскіе; караваи: обращатые, кубащатые, яцкіе, со древки; курники: полобовые, въ растворѣ; хлѣбное: перепечи, палошники, кашки, коршики, жаворонки, попуганы; блюда мясныя: лобъ свиной подъ хрѣномъ, гуси подъ взваромъ луковымъ" и проч. Обыкновенно, барскій столъ со-

жался самъ Потемкинъ. Въ приготовленіяхъ къ этому празднику принялъ участіе и Державинъ, который, по вызову Потемкина, написалъ для пѣнія на праздникѣ стихи. Это были четыре хора, тогда же и напечатанные въ большую четвертку, безъ заглавнаго листа. Стихи шли въ такомъ порядкѣ: 1) для концерта „Отъ крылъ орловъ парящихъ“, 2) для кадрили „Громъ побѣды раздавайся“, 3) для польскаго „Возвратившись изъ походовъ“ и 4) для балета „Сколь твоими мы дѣлами“. По слухамъ, сумма, затраченная на праздникъ, была баснословна. Для шкаликовъ и освѣщенія залъ дворца былъ скупленъ весь наличный воскъ, находившійся въ Петербургѣ, и за новой партіей былъ посланъ нарочный въ Москву; всего воску было куплено на 70.000 рублей. Масса всякаго рода художниковъ и мастеровъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль трудились во дворцѣ за работами. Множество знатныхъ дамъ и кавалеровъ нѣсколько недѣль собирались тамъ же для разучиванія назначенныхъ имъ ролей, и каждая изъ этихъ репетицій походила на особое празднество,—такъ была она роскошна и пышна.

Въ назначенный день, въ пятомъ часу, на площади передъ Таврическимъ дворцомъ были построены качели, поставлены столы съ яствами, открыты разнаго рода лавки, въ которыхъ безденежно раздавали народу платье, обувь, шапки и тому подобныя вещи. Народъ во множествѣ толпился на площади. Богатые экипажи одинъ за другимъ подъѣзжали къ дворцу, на фронтонѣ котораго красовалась надпись, сдѣланная металлическими буквами, выражавшая благодарность Потемкина „великодушію его благодѣтельницы“. Императрица прибыла на праздникъ въ седьмомъ часу; передъ дворцомъ она была задержана толпой. Народу было объявлено, что раздача питей и одежды должна начаться въ то самое время, когда будетъ проѣзжать государыня. Но тутъ вышло недоразумѣніе: кто-то по ошибкѣ принялъ карету одного вельможи за экипажъ императрицы. Народъ крикнулъ: ура! и, не дожидаясь раздачи приготовленныхъ для него подарковъ, бросился расхватывать ихъ самъ. Произошла суматоха, давка, и настоящій экипажъ императрицы долженъ былъ остановиться, не доѣхавъ до площади, и простоять болѣе получаса. Наконецъ, императрица подъѣхала ко дворцу. Потемкинъ принялъ ее изъ кареты, а въ передней комнатѣ императрицу встрѣтилъ наслѣдникъ престола. Сопровождаемая всею императорскою фамиліею, Екатерина прошла на приготовленную для нея эстраду, по вступленіи на которую тотчасъ и начался балетъ, сочиненія знаменитаго тогдашняго балетмейстера Ле-Пика. Въ балетѣ танцовали

двадцать четыре пары изъ знаменитѣйшихъ фамилій, на подборъ красавицы и красавцы, одѣтые въ бѣлыхъ атласныхъ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которыхъ въ итогѣ было на нѣсколько милліоновъ рублей! Распоряжались танцами великіе князья Александръ и Константинъ вмѣстѣ съ принцемъ Вюртембергскимъ; въ концѣ балета самъ Пикъ отличился какимъ-то необыкновеннымъ соло. Всѣхъ приглашенныхъ на праздникъ было три тысячи человѣкъ, и всѣ, какъ дамы, такъ и мужчины, были въ великолѣпныхъ костюмахъ. На самомъ Потемкинѣ былъ алый кафтанъ и епанча изъ черныхъ кружевъ, осыпанная брилліантами, а на шляпѣ послѣднихъ было такъ много, что ему стало тяжело держать ее въ рукѣ, и онъ отдалъ ее своему адъютанту, который и носилъ ее за нимъ. Обстановка и убранство дворца походили на волшебное воззданіе одной изъ сказокъ „Тысячи одной ночи“. Подъ куполомъ устроены были хоры, на которыхъ стояли невидимые снизу часы съ курантами, игравшіе попеременно пьесы лучшихъ композиторовъ того времени. Здѣсь же помѣщалось триста человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Эстрада, предназначенная для императрицы, была покрыта драгоцѣннымъ персидскимъ шелковымъ ковромъ. Такія же эстрады были устроены вдоль стѣнъ, и на каждой изъ нихъ стояло по огромнѣйшей вазѣ изъ бѣлаго карарскаго мрамора на пьедесталѣ изъ сѣраго, надъ вазами висѣли двѣ люстры изъ чернаго хрусталя, въ которыхъ вдѣланы были часы съ музыкою. Люстры эти стоили Потемкину сорокъ двѣ тысячи рублей. Кромѣ большихъ люстръ, въ залѣ было еще пятьдесятъ шесть малыхъ люстръ и пять тысячъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Считаютъ, что въ этотъ вечеръ горѣло всего 140.000 лампадъ и 20.000 восковыхъ свѣчей. При входѣ въ залу по обѣимъ сторонамъ дверей были устроены ложи, драпированныя роскошными матеріями. Но особенною пышностью отличались комнаты, предназначенныя для игры императрицы; въ нихъ одни стулья и диваны стоили сорокъ шесть тысячъ рублей (съ этого праздника вошли въ особенную моду введенные Потемкинымъ диваны). Обои въ этихъ комнатахъ были гобелены, съ вытканными на нихъ изображеніями изъ исторіи Мордохея и Амана; здѣсь же стоялъ „золотой слонъ“, въ видѣ часовъ передъ зеркаломъ (слонъ этотъ былъ въ 1829 году подаренъ императоромъ Николаемъ I персидскому шаху), обвѣшанный бахромами изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; сидѣвшій на немъ автоматъ-персіянинъ, ударивъ въ колоколъ, подалъ сигналъ къ началу театральнаго представленія. На театрѣ были даны слѣдующія комедіи съ балетами: „Les faux amants“

и „Смирнскій купецъ“, въ послѣдней продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, за исключеніемъ Россіи. Изъ театра императрица отправилась въ танцовальную залу. Балъ открылся при громѣ литавръ и грохотѣ пушекъ, подъ звуки:

„Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый Россъ!“
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ!
Славься симъ Екатерина,
Славься нѣжная къ намъ мать!

Изъ большой залы былъ выходъ въ зимній садъ; садъ этотъ былъ чудомъ роскоши и искусства, и въ шесть разъ больше эрмитажнаго; тутъ былъ зеленый дерновый скатъ, густо обсаженный цвѣтущими померанцами, душистыми жасминами, розами; въ кустарникахъ виднѣлись гнѣзды соловьевъ и другихъ птицъ, оглашавшихъ садъ пѣніемъ. Между кустами были разставлены невидимыя для гуляющихъ курильницы и билъ фонтанъ изъ лавандовой воды. Посреди зимняго сада стоялъ храмъ изящной архитектуры, въ которомъ помѣщался бюстъ императрицы, изсѣченный изъ бѣлаго паросскаго мрамора. Императрица была представлена въ царской мантіи, держащею рогъ изобилія, изъ котораго сыпались орденскіе кресты и деньги. На жертвенникѣ была надпись: „Матери отечества и моей благодѣтельницѣ“. Передъ храмомъ виднѣлась зеркальная пирамида, украшенная хрусталями, а близъ нея еще нѣсколько такихъ же пирамидъ поменьше. Всѣ окна залы были прикрыты искусственными пальмами, листья которыхъ были сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ лампадъ. Изъ такихъ же лампадъ по газону были разставлены искусственные плоды: арбузы, ананасы, дыни и проч. Настоящій садъ тоже былъ отдѣланъ великолѣпно; всюду виднѣлись кіоски, бесѣдки; ручейку, протекавшему въ саду по прямой линіи, дали извилистое теченіе и устроили мраморный каскадъ. Садъ горѣлъ тоже множествомъ огней и оглашался роговой музыкой и пѣніемъ хора пѣсенниковъ. Въ двѣнадцатомъ часу поданъ былъ ужинъ. Столъ, на которомъ ужинала императрица съ августѣйшимъ семействомъ, былъ сервированъ золотой посудой; Потемкинъ самъ прислуживалъ государынѣ. Позади стола императрицы былъ накрытъ другой столъ на сорокъ восемь персонъ для лицъ, участвовавшихъ въ балетѣ. Здѣсь же было поставлено еще четырнадцать

его почитателями. За библіотекой слѣдовала кухня на трехъ повозкахъ; за кухней ѣхали пять поваровъ: французъ, итальянецъ, нѣмецъ, русскій и полякъ; далѣе слѣдовало десять поваренковъ, еще далѣе ѣхали докторъ и цирюльникъ съ домашней аптекой. Въ остальныхъ экипажахъ находились актеры, актрисы, стихотворецъ, плясуны, музыканты, живописецъ, чтецъ, письмоводитель, горничныя, камердинеры, парикмахеры, два шута; потомъ слѣдовалъ гардеробъ барина и барыни. Владѣлецъ всего поѣзда въ атласномъ шлафрокѣ и зеленомъ сафьянномъ картузѣ гордо посматривалъ изъ своего экипажа на проходящихъ. По случаю этого выѣзда въ деревню стихотворцемъ, находившимся въ поѣздѣ, было написано аллегорическое стихотвореніе подъ названіемъ „Аллегорическое шествіе Аполлона и Дафны въ село Талантовъ“. Во время движенія поѣзда чтецъ и трагическій актеръ декламировали первое явленіе изъ Эдипа, пѣвцы и пѣвицы пѣли „Лишь только занялась заря“, шуты хохотали съ горничными. Когда поѣздъ добрался до деревни, крестьяне съ такою же радостью и торжествомъ встрѣтили своего барина, съ какою былъ встрѣченъ прибывшій въ свою деревню Тентетниковъ. Впереди шелъ старикъ въ зеленой куртке и велъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати въ полосатомъ затрапезномъ халатѣ. Когда поѣздъ приблизился, раздался общій крикъ: „съ пріѣздомъ поздравляемъ, батюшка нашъ кормилецъ, Гаврило Петровичъ, и матушка наша Анна Семеновна!“ Староста поднесъ хлѣбъ-соль, старостиха—яйца, а мальчикъ въ халатѣ, размахнувъ руками, произнесъ рѣчь, начало которой было слѣдующее: „Высокородный господинъ! Когда усердіе и благоговѣйное изъявленіе преданной покорности съ симъ хлѣбомъ-солью и яйцами является лучезарному лику твоему, да позволено будетъ дерзнуть излить предъ тобою, высокородный господинъ, чувствованіе глубоко-тронутаго сердца“. За рѣчь мальчикъ получилъ отъ барина гривну. Когда баринъ вошелъ въ приготовленные для него покои, человѣкъ въ зеленой куртке, бывшій приказчикомъ, предшествуя и растворяя двери, говорилъ: вотъ офиціантская, ваше высокородіе, вотъ зала, ваше высокородіе, вотъ гостиная, вотъ диванная, ваше высокородіе, вотъ спальная, ваше высокородіе, и т. д. Когда баринъ пошелъ осматривать село, приказчикъ разсказывалъ ему, гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ прудъ, гдѣ сады и прочія угодья.

Мода на большіе парадные поѣзда была необыкновенно пышна: въ началѣ XIX вѣка богатый и сановитый помѣщикъ, отправляясь изъ Москвы въ деревню, иногда имѣлъ свиту болѣе, чѣмъ въ двѣсти человѣкъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный орловскій помѣщикъ

Неплюевъ въ своемъ вояжѣ имѣлъ три восьмимѣстныхъ линейки, двѣ или три кареты четверомѣстныя, многое множество колясокъ, кибитокъ, фуръ, дрожекъ, телѣгъ, и все это было переполнено разнымъ народомъ. Подлѣ главныхъ экипажей, тянувшихся ровнымъ шагомъ, шли скороходы и гайдуки, на запяткахъ стояли и сидѣли вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была какъ садъ, изъ всякаго рода цвѣтистыхъ компаньоновъ и компаньонокъ, шутовъ и шутихъ и даже изъ дуръ и дураковъ; послѣдніе припрыгивали и взвизгивали на голоса всякихъ животныхъ. Самъ хозяинъ въ богатомъ гродетуровомъ зеленаго цвѣта халатѣ, украшенномъ знаками отличій, лежалъ на сафьянномъ пуховикѣ въ одной изъ колясокъ; на головѣ его былъ зеленый же картузъ съ красными опушками, отороченный, гдѣ только возможно, галунами. Изъ-подъ картуза виднѣлся бѣлый колпакъ, яркопунцовый рубчикъ котораго, оттѣняя зелень картуза, составлялъ на самомъ лбу помѣщика какого-то почти радужнаго цвѣта кайму. Руки помѣщика держали гигантской величины трубку, малиновый индѣйскій носовой платокъ и ужасную дорожную табакерку съ изображеніемъ одного изъ мудрецовъ Греціи. Даже небогатый помѣщикъ имѣлъ въ дорожной своей свитѣ нѣсколько экипажей и до десятка-двухъ людей. Обыкновенно первой въ поѣздѣ шла опять такая линейка, за ней дорожная карета, потомъ коляска, двѣ кибитки и, наконецъ, огромная фура съ домашнимъ скарбомъ. Въ числѣ свиты были непремѣнно одинъ настоящій казакъ и одинъ такой же солдатъ гусаръ и затѣмъ нѣсколько собственныхъ казаковъ, переряженныхъ изъ конюховъ, и до пяти солдатъ съ унтерами, выпрошенныхъ у начальства для конвоя. Въ тѣ времена дороги не были безопасны отъ разбойниковъ. Въ свитѣ почти всегда слѣдовали компаньоны-помѣщики, какой-нибудь бѣдный дворянинъ, уволенный шкловскій кадетъ, гувернеръ-французъ, француженка мадамъ непремѣнно въ колоссальной шляпкѣ. Не обходилось также и безъ пѣвца, гитариста и флейтравериста. Казаки ѣхали верхами возлѣ барской кареты во всемъ вооруженіи; гусары, егеря, унтеръ-офицеръ и солдаты были разсажены по всѣмъ экипажамъ. Главная путевая должность возлагалась на военныхъ людей: они содержали неусыпный караулъ при экипажахъ, по пріѣздѣ на станцію они отводили квартиры и пр.

Въ старое время, когда еще были живы Орловы, Шереметевы, Остерманы и другіе представители московской аристократіи и когда всѣ эти магнаты жили съ необычайной роскошью, то эта роскошь была совершенно азіатская, какъ и нравы, въ то время господство-

вавшіе: огромные дома по большей части убраны безъ всякаго вкуса, безчисленное множество слугъ, крѣпостные театры, доморощенныя танцовщицы, домашніе оркестры, ежедневные обѣды, богатые не качествомъ, но количествомъ блюдъ, и балы, на которые съѣзжалась вся Москва. Вотъ картина одного изъ баловъ 1801 года. По всему дому безчисленное множество слугъ и богато, и бѣдно одѣтыхъ. Въ танцовальной залѣ гремитъ музыка, въ ней почти всѣ гости и самъ хозяинъ, который въ полномъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ сидитъ посреди первыхъ сановниковъ и почетныхъ московскихъ дамъ. Этотъ аристократическій кругъ, эти кавалерственныя дамы и сѣдые старики въ лентахъ и звѣздахъ, толпа молодыхъ людей, тоже вся безъ исключенія въ мундирахъ,—все это придаетъ какой-то важный и торжественный видъ балу, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, конечно, не могъ бы назваться блестящимъ. Ужинъ отличается великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ да полнотою и обиліемъ блюдъ. Послѣ ужина танцы начинаются безконечнымъ а-ла-грекомъ, одна фигура смѣняетъ другую и кавалеръ первой пары, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, рѣшительно не знаетъ усталости; онъ начинаетъ престранную фигуру, очень похожую на хороводную фигуру, всѣ пары путаются, общій хохотъ, суматоха, бѣготня; вдругъ во время танцовальнаго разгула хозяинъ привстаетъ и кричитъ громовымъ голосомъ „гераусъ“, т.-е. вонъ! Музыка умолкаетъ, кавалеры раскланиваются съ дамами и въ двѣ минуты во всей залѣ не остается ни одного гостя. Гости такой обиды не понимаютъ и черезъ недѣлю опять танцуютъ у невѣжливаго хозяина, только онъ на этотъ разъ не кричитъ уже „гераусъ“, а протрубитъ на волторнѣ тоже нѣчто, что̀ означаетъ „ступайте вонъ!“ На это тоже никто не сердился,—вообще приличіе зажиточные люди въ доброе старое время понимали очень условно и знали только одно „показаніе къ житейскому обхожденію“, напечатанное по повелѣнію блаженной и вѣчно достойной памяти Петра Великаго. Учителями свѣтскихъ приличій въ Екатерининское время были французы-эмигранты. Пристрастіе дворянъ къ воспитанію дѣтей въ названное время французами-эмигрантами съ великосвѣтскимъ лоскомъ доходило до смѣшного. Въ журналахъ того времени часто встрѣчаемъ выведенныхъ такихъ господъ; такъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ описанъ такой состоятельный помѣщикъ, который ищетъ учителя для своего маленькаго сына. Учителемъ непремѣнно долженъ быть французъ и притомъ трехтысячный, потому что дешевые—или пьяницы, или воры. Онъ ни слова не долженъ знать по-русски,

самимъ везти меня туда. Мнѣ это было очень не по сердцу, но дѣлать было нечего. Въ первый день остановились мы въ Бѣлой Церкви и весь слѣдующій провели у графини Браницкой: я говорю у графини, ибо супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ. Онъ былъ человѣкъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на всю скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всѣ онѣ были даны дружбою и щедротою Екатерины, а иныя подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изо всѣхъ мнѣ болѣе показалась примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двуглавый русскій орелъ; изъ боковъ ея струились живописные хрустальные ручьи, а внутри нея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію водъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одною рукой опираясь о часы, а другою держа миніатюрный портретъ Екатерины, на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывая время свое и любуясь ея изображеніемъ. При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ съ женою, г-нъ и г-жа Дориньи, и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семъ домѣ польскія и русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ военныхъ, неимущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, приказчиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное. Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ со-

---

поминанія“ Вигеля (1786—1856 г.). Остроумный, обладающій блестящимъ литературнымъ талантомъ, но желчный и раздражительный, Вигель рисуетъ яркія картины, но въ этихъ картинахъ далеко не все правда: всѣ извѣстные люди той эпохи, даже Сперанскій и Крыловъ, подвергаются его осужденію; исключенія дѣлаются для очень немногихъ: Блудова, Жуковскаго, Карамзина. Тѣмъ не менѣе, повѣряя постоянно Вигеля критически, историкъ долженъ имъ пользоваться и потому уже, что нерѣдко въ его отзывахъ слышится мнѣніе эпохи“.

гласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семъ домѣ безъ лишнихъ прихотей все напоминало однакоже феодальное могущество. Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой. Еще не было году, какъ семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы пріѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянныя барскія хоромы, наскоро выстроенныя, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ, разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, и все это занесенное снѣгомъ, имѣли въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Намъ отвели особливыя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Чрезъ два дня родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми, мнѣ дотолѣ вовсе незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали госпожу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; скоро получила письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что Государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельдъегерь не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что подосадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходилъ всякое описаніе... Дня три спустя послѣ того прибылъ или былъ привезенъ самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи второго сына своего, Ѳедора, отставного гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подъ начальствомъ его опять вступить въ службу, но, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генералъ-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ февралѣ, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, Семеновскихъ офицеровъ... Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ: мы въ это время сидѣли за книгами, когда же кончился классъ и меня представили хозяину дома, то видъ его спокойный, довольно веселый и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, князь Сергій Ѳедоровичъ учился съ успѣ-

хомъ математическимъ наукамъ и, исключая русскаго, зналъ еще хорошо нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица: оно вело къ повышенію. Онъ не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михаиловъ Михайловичей, коихъ счастіе при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства пріобрѣли новую славу въ глазахъ русскаго народа, падая умилительными жертвами нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Іоанновнѣ. Его отецъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не разсчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его занесло, онъ получилъ непоборимое отвращеніе ко всему отечественному. Разсказывали, что по возвращеніи изъ путешествій онъ тотчасъ завелъ флеровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ французскимъ табакомъ и скоро до того разорился, что, наконецъ, не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, которыя ловятъ огонь. Къ счастію молодого сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добръ, уменъ и храбръ: безъ того, несмотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы невозможно было выбиться изъ княжеской толпы. Много ему способствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, президентомъ военной коллегіи, коего по матери былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. То же самое было и съ другими тогда царскими любимцами. Павелъ Первый, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами... Но скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Когда война съ французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился къ ввѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку за какое-то откровенное письмо къ Императору. Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣшанъ всѣми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ

нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Росту былъ онъ небольшого, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайно полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать, сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другого чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей предоставлялъ гувернерамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ неизвѣстно, ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ коляскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года: тогда по цѣлымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами. Всѣ склонности его были молодецкія: говорятъ, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копейки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ пріобрѣлъ игрой; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ. Благородство души его было неимовѣрное, оно не дозволяло зависти ея коснуться; надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италіи! Сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; зато надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ. Изгнанникъ восхищался и рукоплескалъ соперникамъ! Какой запасъ славныхъ, отличныхъ людей оставила Екатерина!

Какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, его супруга. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспекціи и контроля: самый благоразумный образъ правленія въ домѣ. Я худо объяснился, если мои читатели увидятъ въ княгинѣ Голицыной злую женщину: между злою и сердитою разница превеликая. Если бы гнѣвъ ея никогда не былъ продолжителенъ, то ее можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ, и теряетъ

не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ нимъ, можно было избѣжать непріятныхъ съ нею столкновеній, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства; но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностью смягчить его: тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже рукамъ давать волю. Разсказывали ужасы: будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу, у себя въ гостиной при всѣхъ таскала за волосы; будто бы дорогой, измучившись отъ неисправности, въ которой она находилась, она среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьми: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно беззащитныхъ, напримѣръ, на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась. Съ такимъ нравомъ ей не легко было жить въ обществѣ; въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружить себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынѣ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопребываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ. Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Однѣ только сильныя привычки удерживали тогда на сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края, но они восхищались мыслью, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ если бы Государь имѣлъ власть раздавать имѣнія близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши руссо-европейцы едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины; всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало доходу въ сравненіи съ великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить. Часто-часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ: въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самые ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинные русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ

слазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, единообразное общество. По утру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большей части русскія блюда); послѣ обѣда она сидѣла за столикомъ въ софѣ, скука ее одолѣвала. „Что бы намъ дѣлать? иногда говорила она,—чего бы намъ поѣсть?“ И моченыя яблоки, и рябинная пастила, и брусничная вода, и клюквенный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ сѣверныя лакомства, предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы прогонять нашу скуку. Добрая, сердитая княгиня! Истая боярыня! Несмотря на твой, постоянно угрюмый видъ, на твои страшные иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей; ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародія, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту, у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, они тѣшились ими между собою или съ дворовыми людьми, зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водой. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, слегка бранилъ. Дядьки говаривали: „Полноте, ваше сіятельство, вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ“. Что касается до науки, то исключая гувернера, который училъ ихъ по-французски и зналъ хорошо правописаніе, несмотря на то, что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики. Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый

тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу: дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы современемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горестью долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, но моложе меня, заговорилъ со мною такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ, я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ. Кто бы могъ повѣрить! другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернеръ, Шевалье де-Ролень де-Бельвиль, французскій подполковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило: я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ, а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ—избранный народъ, надъ всѣми другими постановленный; революціонеры, новые Титаны, по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ и

возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть. Посреди сихъ разговоровъ вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты: я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда. А онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ; еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники? Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его: онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самые маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства старинаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго русскаго юношества! При Павлѣ размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы ни находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще, тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось; графскій титулъ, который, по безчисленности носящихъ его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже былъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкости, и наши знатныя и богатыя невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсоны у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнялись съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей; званіе учителя въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника мусьи. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо пребывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной)—„плоха честь, когда нечего ѣсть“, они разсѣялись по лицу земли русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе французскаго языка способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза. Не было у насъ для французовъ середины:

ils devenaient outchites ou grands seigneurs. Когда между французами, между эмигрантами, встрѣтится человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностью, то надобно говорить о немъ, какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлеро, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу, но онъ предпочелъ надѣть лядунку, взять ружье и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными; когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ русскую службу, то, скоро наскучивъ гарнизонною жизнью, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ. Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ, какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Онъ съ добродушною настойчивостью побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безчестнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ отставнымъ офицеромъ-княземъ Михаиломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаградить потерянное на службѣ время. Итакъ, въ семъ домѣ было два француза, было еще и два нѣмца: отставной ротмистръ, который завѣдывалъ конюшней и смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдній былъ женатъ. Потомъ былъ грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, пришучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей; въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ, цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Наконецъ былъ и полякъ, Загурскій, панъ экономъ съ своей паньей. Грекъ и нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, а шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая милостиво давала имъ цѣловать ручку. Все это были должностныя лица, но въ нашемъ обществѣ находился еще родной племянникъ Александра Петровича Сумарокова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ: онъ

служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергѣя Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной; прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя; принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу и не имѣя большого состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

2470.

DK 4 .E43
Sbornik bytovykh ocherkov iz r
Stanford University Libraries
3 6105 041 448 205

DK
4
E43

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.